Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

Арзамасский филиал ННГУ

Фонд «Русский мир»

РУССКИЙ МИР:
ДИНАМИКА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Сборник статей участников
Международной научно-практической конференции

23-25 октября 2019 г.

Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2019

УДК 001.6:13(063)
ББК 87.6я431
Р 89

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии культуры и культурологии философского факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
Е.В. Листвина,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии Института филологии и межкультурных коммуникаций Казанского федерального университета
Д.Ф. Каюмова

Редакционная коллегия:

кандидат педагогических наук, доцент ***С.В. Напалков*** (ответственный редактор),
кандидат филологических наук, доцент ***Е.В. Валеева*** (научный редактор),

Русский мир: динамика научного познания: сборник статей участников
Р 89 Международной научно-практической конференции (23-25 октября 2019 г.) / отв. ред. С.В. Напалков; науч. ред. Е.В. Валеева; Арзамасский филиал ННГУ, Фонд «Русский мир». – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – 492 с.
ISBN 978-5-6042376-2-5

В сборник включены научные доклады, представленные на Международной научно-практической конференции «Русский мир: динамика научного познания». Речь идёт о философском осмыслении актуального Русского мира; рассматривается культурная динамика и выявляется его социальное многообразие; описываются инновации в российской образовательной теории и практике, состояние экономики и культуры; анализируется филология в аспекте нового самоопределения.

Сборник будет интересен философам, политикам, социологам, историкам, культурологам, филологам и педагогам, всем, кто готов обсудить проблемы утверждения новой модели развития Русского мира.

УДК 001.6:13(063)
ББК 87.6я431

Международная научно-практическая конференция «Русский мир: динамика научного познания» проводится при финансовой поддержке фонда «Русский мир» (договор гранта № 2285Гр/П-149-19)

ISBN 978-5-6042376-2-5

© Арзамасский филиал ННГУ, 2019
© Фонд «Русский мир», 2019
© Напалков С.В., Валеева Е.В., редактирование, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РУССКОГО МИРА: ОТ НАСТОЯЩЕГО К БУДУЩЕМУ		9
Андреев О.Е.	Русский мир в отечественной консервативной мысли второй половины XIX века: взгляды С.С. Татищева	9
Веревичев И.И.	Особенности формирования постинформационного общества на современном этапе	13
Верещагин О.А.	Национализм как социальная технология общества постмодерна	18
Владимиров А.А., Зеленов Л.А.	Аксиологический аспект научной и философской моделей мира	23
Волков Ю.К.	Религиозно-мифологические и научно-философские интерпретации структурных изменений в истории Древней Руси (на примере метаистории Даниила Андреева и теории этногенеза Льва Гумилева)	28
Коптелова Т.И.	Новые пути православной культуры в парадигме органической философии	34
Корнев Г.П.	Новая-старая прагматика истины: историко-философская ретроспекция	41
Лисеев И.К.	К истокам формирования научного и цивилизационного выбора России	48
Норенков С.В., Крашенинникова Е.С.	Ноосферный синархиотектонизм научно-философского осмысления воспроизводства «мест силы» России	52
Субетто А.И.	Будущее России в эпоху великого эволюционного перелома через призму механизмов действия законов энергетической стоимости	58
Тимощук А.С., Трофимова Н.Н.	Россия: от аграрного к умному обществу	71
Хренов Н.А.	Цивилизацонная идентичность России в ситуации очередного исторического поворота	77
РАЗДЕЛ 2. КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА РУССКОГО МИРА		94
Алмазова М.В.	Русский мир в духовных стихах старообрядцев керженского края	94

Антоновская В.В.	Организация исследовательской работы младших школьников в краеведческом музее по изучению северных русских узоров	101
Веревичев И.И., Веревичева М.И.	Мир на пороге новой эры: проблемы адаптации России к новой реальности	107
Девятов В.С.	Народная песня в российском информационном пространстве	111
Джура С.Г., Чурсинов В.И., Якимишина В.В.	Путь создания этического интернета через ГРВ-технологии	116
Зубкевич Л.А.	Самооценки бедных слоев общества, объективированные в факторном пространстве (социально-философский анализ)	121
Козьякова М.И.	Русский мир: фундаментальные проблемы современности	125
Крашенинникова Е.С.	Монополидинамизм архитектонической культуры «мест силы» России как ноуменальный феномен	132
Кричевер Е.И., Гончарова И.В., Прончев Г.Б.	Стратегии продвижения современных российских музеев (на примере еврейского музея и центра толерантности в г. Москва)	137
Лобовикова Е.А.	Формирование духовно-нравственного образа культуры	143
Максимчук Н.А.	Народная память как нематериальное духовное наследие и проблемы его сохранения	148
Пакшина Н.А.	О съездах русских естествоиспытателей и врачей по воспоминаниям участников	154
Парилов О.В.	Культурная динамика русского мира в эпоху просвещения	160
Перельман И.В.	Гендерно-сенситивный компонент в русской живописи XIX – начала XX веков	164
Пищик А.М.	Эволюция русской идеи	168
Поляков В.Е.	«Русский мир» Крыма с «времен Очакова...» и по сей день	174
Романова Е.Е., Чеботарев А.М.	Проблемы организации предметно-пространственной среды музея для людей с ограниченными возможностями здоровья	182
Слюсарев В.В.	Масс-медиа реальность сети как среда формирования идентичности	187

Фандо Р.А., Сеидбейли М.Г.	Представления о наследственных заболеваниях человека: культурно-исторический анализ	191
РАЗДЕЛ 3. СОЦИАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РУССКОГО МИРА: АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ПРАКТИКИ		202
Глухова Т.И.	Инокультурный габитус – индикатор изменений в жизни общества	202
Головин Ю.А., Коханая О.В.	Новая традиционность информационной деятельности религиозных СМИ в пространстве Интернета	208
Ковалева Е.Л.	Рассмотрение социально-экологического мониторинга как инструмента определения качества жизни нашего социума	214
Миловзорова М.Н.	Потенциал системы ценностей русской цивилизации в ноосферной аксиологии безопасного развития социальных систем	220
Панищев А.Л.	Категория «толерантность» и русский мир в современном обществе	225
Пищик А.М.	Эволюция русского мировоззрения	231
Фролов И.В.	Научно-теоретическое обоснование и практическая реализации принципа народности воспитания в работах педагогов конца XIX в.	237
Хусяинов Т.М.	Русскоязычные виртуальные государства как продолжение русского мира в виртуальной реальности	241
Широкалова Г.С.	Российское законотворчество и межпоколенные отношения	245
РАЗДЕЛ 4. ИННОВАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СЕГОДНЯ		251
Абдуразаков М.М., Гаджиев Д.Д., Козлова Г.В.	Цифровое представление информации и цифровые технологии в образовании	251
Большаков Б.Е., Гапонов А.А., Шамаева Е.Ф.	Ноосферная модель образования как основа устойчивого развития жизни в системе «природа – общество – человек»	259
Валеева Е.В., Напалков С.В.	Web-квесты по литературе как альтернатива традиционному уроку	267
Василишина Н.В., Невшупа И.Н., Николаевская Е.Л.	Элементы игровой технологии на уроках основной школы	273

Воронина Н.Н., Ткачев А.Н.	Особенности русской культуры и интерес в гумбольдтовских «зонах обмена»	284
Гринина И.М.	Использование примера личности ученого-физика как один из аспектов формирования православного мировоззрения	289
Дорожкин А.М.	О возможности использования концепции гумбольдтовских зон обмена в методике преподавания	294
Кончина Т.А., Миронова С.В., Напалков С.В.	Реализация задач программы развития системы образования Российской Федерации при проведении творческих конкурсов естественнонаучной направленности	299
Коханая О.Е.	Медиатехнологии формирования нового информационного пространства для детей и юношества	305
Кузнецова И.В., Благовещенская Е.А., Напалков С.В., Тихомиров С.А.	О методологических аспектах внедрения web-технологий в математическую подготовку будущих учителей в условиях информационного взаимодействия в сети Интернет	314
Кутырев В.А.	Инновации: от образования к программированию?	318
Лозан Т.А.	Формирование языковой компетенции студентов в условиях полиэтнического пространства	325
Неупокоева Е.Е., Хохлова Н.В.	Использование образовательной игры как средства развития Hard и Soft Skills обучающихся	332
Тарасова Е.Н.	Образовательная среда военного вуза как фактор фонового развития личности офицера	338
Тестов В.А.	Базовые ценности русского мира как главные приоритеты отечественного образования	343
Усанова А.В.	О методических аспектах организации проектной деятельности учащихся на уроках литературы	350
Фоминых Е.А.	Осмысление специфики преподавания философии студентам педагогических вузов в условиях перехода на образовательные стандарты ФГОС 3++	353
Харитонова И.В.	Использование дидактических возможностей игровых технологий обучения в образовательном пространстве вуза	359
Черникова Е.В.	Инновации в российской системе педагогического образования	363

РАЗДЕЛ 5. ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО МИРА 368

Агошков А.В. Практика социально-трудовых отношений в культуре современной России 368

Дубик Е.А., Басова Л.Н., Усов Н.В. Промышленный туризм Нижегородской области – тренд развития культуры и экономики региона 374

Киричёк П.Н. Социокультурная детерминация современной экономики 377

Михайлова С.В. Спорт как культурная индустрия: американская, европейская и российская модели 383

Чепьюк О.Р. «Трудности перевода» в диалоге экономики и культуры: роль субъекта коммуникации 389

РАЗДЕЛ 6. ФИЛОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ НОВОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ 393

Волков Ю.К. Тема языка науки в современной российской периодике и проблема его экстралингвистического статуса 393

Давлетшина К.Ю. Проблемы вариантности и нормы в преподавании русского языка как иностранного 397

Закирова Н.Н. Опыт диагностики современного русского мира в прозе А. Углицких 400

Катермина В.В. Языковое представление понятия «русский» в произведениях А.С. Пушкина: аксиологический аспект 404

Киселёв А.Г., Шилина С.А. Диалектизмы как проявление идентичности русского народа 411

Климкова Л.А. Заметки о языке и его изучении 417

Кушнир А.М. Воспитание любви к языку как альтернатива литературоведческой вивисекции и грамматической шагистике... 426

Мухамадиева Д.М. Концепты «жизнь-смерть», «свой-чужой» как универсальные категории картины мира колыбельной песни 442

Никифорова О.В. Нижегородские говоры в актуальном пространстве русского мира 447

Семёнова И.С. Семантическое наполнение неопределённых местоимений с постфиксом -то в разных контекстах 456

Томилина Е.А.	Концепт «власть» в цикле «Песнь льда и пламени» Дж. Мартина	461
Туранина Н.А.	Современная женская проза сквозь призму тропов и цвета: лингвокультурологический аспект	466
Фортунатов Н.М.	Русский человек на перекрестке: общее и особенное в героях Толстого, Достоевского, Камю	470
Фортунатова В.А.	Социальная филология в аспекте рецепции и аналитики русской литературы	476
Хантурова И.Е.	Русский язык как сокровищница духовных ценностей русского мира	482
Шиндина О.В.	«Инженеры человеческих душ»: культурологические подтексты и идеологический контекст (на примере прозы В. Каверина)	486

РАЗДЕЛ 1.
ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РУССКОГО МИРА: ОТ НАСТОЯЩЕГО К БУДУЩЕМУ

==========

РУССКИЙ МИР В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ВЗГЛЯДЫ С.С. ТАТИЩЕВА

О.Е. Андреев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, факультет экономики и права, кафедра экономики и управления,
кандидат исторических наук, доцент
Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
Тел.: 89050127910, e-mail: andreevoe@yandex.ru

Рассматривается представление о русском мире в исторических трудах историка и дипломата С.С. Татищева. В статье исследуются особенности его историко-дипломатического анализа контекста отечественной истории.

Ключевые слова: русский мир, культурно-историческое пространство, консервативная мысль, историография, С.С. Татищев, российская дипломатия, балканский вопрос.

Российская консервативная мысль второй половины XIX века представлена большим количеством блистательных имен, ведущих ученых, литераторов и публицистов, общественных и государственных деятелей. Ее фундаментом стали идеи, сформулированные С.С. Уваровым и Н.М. Карамзиным еще в начале века, и получившие свое развитие в научном и литературно-публицистическом творчестве М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова и других. Именно в этот период формируется представление о русском мире как особом культурно-историческом пространстве, обладающем рядом присущих ему черт. Можно с уверенностью говорить и том, что русский мир выступает также в качестве духовно-нравственной категории российского общественного сознания. На формирование этого представления большое влияние оказали русские публицисты, издатели, философы и историки второй половины XIX века.

Наиболее значительный вклад был внесен трудами отечественных историков и публицистов второй половины XIX века, среди которых следует выделить М.П. Погодина, М.Н. Каткова, Д.И. Иловайского, Н.Я. Данилевского, С.С. Татищева и многих других. Исторические воззрения названных авторов стали идейным каркасом представления о русском историческом пространстве.

Среди вышеуказанных имен, следует особо выделить Сергея Спиридоновича Татищева (1846-1906), чья фигура и научное творчество занимают достойное место в отечественной исторической науке. Вклад С.С. Татищева ценен и тем, что в своих исследованиях в освещении событий прошлого он применяет

не только историко-биографический подход, широко распространенный в то время, но и использует историко-дипломатический анализ в изучении отечественной истории. Именно освещение истории российской дипломатии становится ключевой частью исторического творчества С.С. Татищева.

Изучение исторического наследия ученого, посвященного истории российской дипломатии является темой отдельного научного исследования ввиду его серьезного объема и значимости [1, 3, 4]. Отечественная историография второй половины XIX века существенно обогатилась за счет его исторических работ.

Как яркий представитель отечественной консервативной мысли второй половины XIX века С.С. Татищев совмещал несколько сфер деятельности. Он выступает как дипломат, историк, публицист. Он являлся членом Совета Главного управления по делам печати. В свое время С.С. Татищев занимал ответственный пост главного редактора газеты «Правительственный вестник», работал в Торговом представительстве России в Лондоне. Служа на дипломатическом посту, являясь современником и активным участником событий, С.С. Татищев имел возможность научно зафиксировать и интерпретировать факты внешней политики России. Особенно ценны его свидетельства относительно русско-турецкой войны 1877-1878 гг., участвовать в которой ему также приходилось. Балканский вопрос для России в то время становится узловой проблемой внешнеполитического урегулирования с другими странами. Стремление России решить свои внешнеполитические задачи, сделало необходимым принятие российским обществом консервативного проекта, с его обязательным обращением к идее Русского мира, особого культурно-исторического пространства. Видение и понимание С.С. Татищевым происходящего сыграло ведущую роль в формировании представления о русском историческом пространстве, места и значения России в мире. Дипломатия, отношения с ведущими европейскими державами, по его представлению, становится важным инструментом для определения в общественном сознании культурно-исторического предназначения России [2].

Свою оценку внешней политики, провалов и достижений русской дипломатии С.С. Татищев дает в крупных работах «Из прошлого русской дипломатии» и «История российской дипломатии» [5, 6]. По его мнению, в течение нескольких десятилетий XIX века, российское дипломатическое ведомство попало в руки «инородцев по происхождению» и «иноверцев по вероисповеданию». Благодаря этому русская дипломатия превращается в нечто обособленное, чуждое народному духу, лишается всякой связи с государством и общественной жизнью. Следствием такой политики стали Отечественная война 1812 г., принятие Россией невыгодных обязательств перед великими державами и последующее поражение в Крымской войне. Татищев с полной уверенностью считал, что начало данной политике, положил князь Адам Чарторыйский. Изучению его деятельности на посту главы дипломатического ведомства историк посвятил отдельное исследование «Князь Адам Чарторыйский» [5, с. 155-342].

В период правления Николая I складывается особый тип российской дипломатии XIX века, большое влияние на формирование которого оказала авст-

рийская школа Меттерниха. Олицетворением этой дипломатической системы в России стал канцлер граф Нессельроде. По определению С.С. Татищева, политика графа Нессельроде в отношении Запада строилась вокруг дипломатических соглашений России с Австрией и Пруссией. При этом «идеальные воззрения» и «отвлеченные начала» берут верх над соображениями практической политики. Данное обстоятельство подтолкнуло Николая I на совершение целого ряда ошибок во внешней политике. Главное, что отличало русский дипломатический курс – это приверженность России идее монархической солидарности с Пруссией и Австро-Венгрией на фоне нарастающих революционных движений в Европе в ущерб своим собственным интересам [5, с. 56-57].

Особенно, подчеркивает С.С. Татищев, самое неблагоприятное влияние на внешнеполитический курс в этот период оказала потеря «народной почвенности», причиной которой стал «иноверный» и «иноязычный» состав дипломатического ведомства. Так он пишет: «В сотрудниках Нессельроде не встречаем ни одного из свойств русских дипломатов прежнего времени: никакой своеобразности, ни малейшего сознания своего народного достоинства. Напротив, незнакомые с историей России, чуждые русской жизни, не разумевшие даже русского языка, они с пренебрежением относились ко всему родному, для них недоступному и непонятному, и с подобострастием взирали на западноевропейскую культуру, силясь приобщиться ее благам, хотя бы ценою полного отречения от основных начал русской государственной жизни» [5, с. 58].

Как считает Сергей Спиридонович, только лишь в правление Александра II реальные внешнеполитические интересы России взяли верх над отвлеченными. Это стало возможно благодаря активной деятельности на посту главы ведомства А.М. Горчакова. Весь ход русско-турецкой война 1877-1878 гг. показал ошибочность прежнего внешнеполитического курса России, и, в особенности, несостоятельность заключения с Пруссией и Австрией Тройственного союза. Декларируемая политика, строящаяся на устоях «бескорыстия», «великодушия», «воли мира» и «благоденствия» в Европе, практически не учитывала внешнеполитические интересы России [5, с. 58].

С.С.Татищев считает, что события Крымской войны 1853-1856 гг. и ее последствия для России с полной очевидностью подтверждают несостоятельность ее прежнего внешнеполитического курса. Он, в частности, разделял взгляды Н. Я. Данилевского по поводу враждебного отношения Европы к России. По мнению Татищева, одиночество России есть «вечный закон истории».

Особого внимания заслуживает руд С.С.Татищева «Россия и Болгария» [5, с. 343-504], в котором представлен анализ сложных отношений страны с ведущими европейскими державами. Подробным образом автором повествуется о целях русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В особенности в работе говорится о политике и всех дипломатических шагах России по восточному вопросу. Обстоятельства и условия заключения Сан-Стефанского мирного договора, сложная борьба интересов участвующих сторон в ходе Берлинского конгресса, деятельность болгарских политических партий в освещении С.С.Татищева дают возможность ознакомиться с

происходящими событиями с точки зрения их непосредственного участника. Неоднократно он подчеркивает, что российская дипломатия недостаточно последовательно проводит собственные интересы, и даже проявляет определенную уступчивость в их отстаивании. Податливость российской стороны, по его мнению, была продиктована серьезными подозрениями западных дипломатов о том, что Россия обеспечением самостоятельности Болгарии способствует укреплению своего могущества на Балканах. Он приводит точку зрения английского министра иностранных дел лорда Солсбери: «Статьи образующие новую Болгарию, создают сильное славянское государство, обладающее важными гаванями на берегах Черного моря и Архипелага и доставляющее этой державе преобладающее влияние над торговыми и политическими соотношениями в этих морях» [5,с. 351].

Следует отдельно подчеркнуть мысль С.С.Татищева о понимании им внешнеполитической программы России. Ее он выводит из суждения немецкого канцлера О.Бисмарка, в свое время высказывавшегося о закономерности требований России по итогам русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Берлинском конгрессе. Он говорит: «Единственно здоровая основа великого государства, и ею только оно отличается от государства малого, есть государственный эгоизм, а не романтика, и недостойно великой державе бороться за дело, не касающееся ее собственного интереса» [5,с. 361]. Таким образом, консервативное понимание С.С. Татищевым решения Россией собственных внешнеполитических задач страны вписывается в его общую трактовку понятия культурно-исторического пространства. Анализ дипломатической деятельности страны и ее влияние на формирование общественного сознания придает данной трактовке особый колорит и оригинальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев О.Е. Журнал «Русский вестник» об основных событиях русской истории // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 6-3 (46). – С. 102-105.

2. Андреев О.Е. К вопросу о развитии отношений между Германией и Россией после окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в освещении историка и дипломата С.С. Татищева // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. – Арзамас, 2013. – С. 120-124.

3. Андреев О.Е. О внешней политике России в Европе второй половины XIX века в трудах С.С. Татищева // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 3-2 (31). – С. 115-117.

4. Андреев О.Е. Российская официальная историография об англо-российских отношениях второй половины XIX века // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 6-3 (46). – С. 106-108.

5. Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1890. – 567 с.

6. Татищев С.С. История российской дипломатии. – М.: Эксмо, 2010. – 608 с.

RUSSIAN WORLD IN THE DOMESTIC CONSERVATIVE THOUGHT OF THE 2nd HALF OF THE XIX CENTURY: VIEWS OF S.S. TATISHCHEV

O.E. Andreev

The author considers the idea of the Russian world in the historical works of the historian and diplomat S.S. Tatishchev. The article explores the features of his historical and diplomatic analysis of the context of domestic history.

Keywords: Russian world, cultural and historical space, conservative thought, historiography, S.S. Tatishchev, Russian diplomacy, the Balkan issue.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

И.И. Веревичев

Ульяновский государственный технический университет, Институт авиационных технологий и управления, самолетостроительный факультет, кафедра общенаучных дисциплин, кандидат философских наук, зав. кафедрой
Россия, 432072, Ульяновская обл., г. Ульяновск, пр-т Созидателей, д. 13а
Тел.: 89510955128, e-mail: iverev47@mail.ru

Рассматриваются характеристики начального этапа зарождения новой социокультурной реальности – постинформационного общества. Процессы тотальной роботизации и широкого внедрения «искусственного интеллекта» в различные сферы человеческой деятельности в скором будущем радикально изменят всю инфраструктуру социума. Фундамент постинформационного общества закладывают современные супертехнологии, применение которых уже сегодня вызывает обоснованную тревогу. Ученые и философы обязаны учитывать негативные последствия ускорения научно-технического прогресса и своевременно разрабатывать эффективные методы нивелирования возникающих проблем.

Ключевые слова: информация, постинформационное общество, социум, искусственный интеллект, научное познание, ускорение научно-технического прогресса, перспективы цивилизации.

Ход истории подвержен ускорению. Одним из первых специфику такого рода социального феномена попытался объяснить немецкий философ К. Ясперс, который считал прогресс в духовном и интеллектуальном развитии человечества основной причиной «сгущения» исторического времени. В своей знаменитой работе «Смысл и назначение истории» Ясперс использует понятие «осевого времени» цивилизации, подразумевая под ним начало периода ускорения эволюции социума под влиянием синергетических эффектов, порождаемых синтезом новой духовности и рациональности (мировых религий, философии, античной науки и культуры). Феномен ускорения прогресса человечества вызывает интерес и у других исследователей, среди которых особо следует выделить Э. Каппа, признававшего главной причиной ускорения развития общества процессы совершенствования орудий труда, инженерную деятельность.

В современной социологии существуют разные подходы к проблемам типологизации общества, но все же наиболее популярным признается деление всемирной истории человечества на доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную стадии. Соответственно, и техника как основополагающий компонент культуры человечества в своем развитии проходила этапы от зарождения простейших технических устройств (рычаг, колесо и др.) до ремесленных орудий труда (доиндустриальный этап); затем этап создания машин различных типов и видов (индустриальный) и современный (постиндустриальный), основу которого составляет техника информационная.

Но если на первых стадиях использование одних и тех же видов орудий труда затягивалось на столетия, то сегодня при жизни одного поколения сменяется несколько видов орудий труда, техники и технологий [1]. Таким образом,

влияние технического прогресса на процесс видоизменения форм организации социума очевидно: на переход человечества от аграрного к индустриальному обществу потребовалось более двух тысяч лет, а на переход от индустриального к постиндустриальному – около 250. Сопоставляя темпы ускорения научно-технического прогресса с реалиями развития современной цивилизации, логично предположить, что формирование нового типа общества – назовем его постинформационным – уже началось, и это происходит на наших глазах.

Напомним, что термин «информационное общество» впервые ввел американский экономист Машлуп в работе «Производство и распространение знаний в США» (1963 г.). Он утверждал, что производство и использование научно-технической и иной информации является главным фактором общественного развития. Спустя десятилетие Д. Белл вводит в употребление понятие постиндустриального (или информационного) общества (1974), которое должно было обозначать модернизированный этап развития современной цивилизации, сочетающий прогресс информационных технологий с бурным развитием сферы услуг – сервиса. С учетом глобальных изменений, происходящих в современном мире за последнее время, и такое определение представляется несколько архаичным.

По мнению ряда исследователей, ускорение научно-технического прогресса в начале XXI века свидетельствует о начале нового этапа в развитии общества – в наиболее развитых странах начинается к обществу постинформационного типа, главными отличиями которого становится ускорение темпов внедрения научных достижений и технических инноваций, широкое использование роботов и технологий с применением «искусственного интеллекта».

По поводу отличительных особенностей периода становления постинформационного общества высказываются и другие мнения. Так, например, И. Скотлунд полагает, что в постинформационном обществе происходит: 1) снижение роли наукоемких отраслей промышленности и науки в целом; 2) занятость большинства населения развитых стран в индустрии развлечений; 3) падение престижа ранее называемых «серьезных» профессий во многих странах мира [2].

Следует также отметить следующий парадокс развития цивилизации: ускорение научно-технического прогресса не приводит к улучшению жизни большинства населения планеты. Более того, уровень жизни даже в самых развитых странах неуклонно снижается, а экономические и финансовые потрясения все чаще принимают глобальный характер. Профессии учителей, врачей, инженеров, ученых и даже космонавтов становятся менее престижными, чем профессии, не требующие напряженного умственного труда или концентрации особых трудовых навыков. В современном обществе обостряются не только «традиционные» социальные противоречия (к примеру, противоречия «между трудом и капиталом»), но и противоречия, обусловленные существенными отличиями в оплате труда в разных сферах приложения трудовой деятельности. Часто доходы артистов, телеведущих, спортсменов, фотомоделей, визажистов и

других представителей «креативного» труда значительно превышают уровень зарплаты бюджетников – инженеров, преподавателей, врачей, ученых, предпринимателей и бизнесменов.

И. Скоглунд пытается объяснить складывающуюся ситуацию как объективными, так и субъективными причинами. К объективным причинам явной социальной дисгармонии он относит отсутствие более или менее внятной теории, «объясняющей современную обстановку», а к субъективным – деструктивное влияние неолиберальных рецептов борьбы с кризисными явлениями [2]. Некоторые из предлагаемых им способов решения рассматриваемых проблем представляются несколько наивными и грешат откровенным популизмом, но в целом попытка проведения анализа специфики нарождаю-щегося постинформационного общества представляется своевременной и весьма актуальной. Грядущие радикальные изменения «представлений человека о мире и соответствующих трансформаций человеческих отношений» требуют более глубокого философского осмысления и тщательного научного анализа.

Э. Тоффлер одним из первых усмотрел в ускорении научно-технического прогресса одну из главных угроз человечеству. В работе «Шок будущего» (1970 г.) он отмечает, что невиданные темпы развития современной цивилизации при отсутствии необходимых ресурсов адаптации населения к происходящим масштабным изменениям в обществе способны стать не менее деструктивными факторами, чем все иные известные ныне глобальные вызовы [3].

Сегодня особенно трудно себе представить специфику функционирования социума даже в обозримом будущем, поскольку темпы и масштабы происходящих в мире перемен не оставляют исследователям времени на формирование адекватных оценок уже происходящих в мире изменений и возможных последствий будущих угроз. Не подлежит сомнению, что в первой половине XXI века грандиозный проект «глобализации мира» потерпел неудачу. В этом плане наиболее показателен пример дезорганизации мировой экономики. Так, вступление в ВТО обернулось для целого ряда стран экономическим и финансовым фиаско. Вместо ожидаемых дивидендов от глобальной интеграции многие страны терпят огромные убытки. Появилась информация, что даже США рассматривает возможность выхода из этой организации.

Весьма сложно понять как презумпция демократических идеалов и ценностей рыночной «свободы торговли» может сочетаться с современной практикой ужесточения экономических и политических санкций. По сути дела, сейчас развязана новая «мировая» война – экономическая «война всех против всех», которая может привести и к гораздо более опасным последствиям. К сожалению, «псевдолиберальные» веяния в экономике не обошли стороной и Россию, которой не удалось избежать деструктивных последствий глобализации, в результате чего экономика страны переживает далеко не лучшие времена.

Налицо развал прежнего миропорядка: дестабилизация ЕЭС (выход Англии, проблемы миграции, рост сепаратизма и др.), экономические войны, противостояние угрозам международного терроризма, другие глобальные противоре-

чия. Но если рушатся устои жизни современного общества, то имеет смысл задуматься о том, фундамент какого типа формации нам следует начинать строить.

С этой точки зрения, представляет интерес анализ попыток ряда специалистов для составления более объективной характеристики начального этапа становления постинформационного общества увязать проблемы социального прогресса с достижениями в области нанотехнологий. Изначально предполагалось, что научные достижения в области принципиально новых технологий наноиндустрии позволят решить многие глобальные проблемы человечества и выведут современную цивилизацию на траекторию «устойчивого развития» [4]. Однако, существует мнение, что происходящий в настоящее время кризис глобализации порождает так называемый «кризис инноваций», суть которого заключена в неприятии существующей общественной системой ряда фундаментальных нововведений в науке, экономике и политике, что тормозит полноценное развитие наноиндустрии и может привести в перспективе к более серьезным социально-экономическим и политическим изменениям в обществе [5].

Конечно, научно-технический прогресс остановить невозможно, необходимо научиться его контролировать. Стагнация в науке не может продолжаться бесконечно, поскольку человечество обязано находить пути решения глобальных проблем, бороться с кризисными явлениями современной цивилизации. В эпоху становления нового «постиндустриального» общества главной задачей науки должно стать обеспечение условий стабильности дальнейшего существования человечества.

Наука и техника не могут больше рассматриваться в качестве сугубо интерактивных компонентов научного познания. Поначалу необходимо введение хотя бы временного моратория на разработку тех технических средств, устройств и технологий, применение которых могло бы угрожать существованию человечества и биосферы. В этом контексте особо актуальными следует признать научные исследования по предотвращению негативных последствий ускорения НТП, способствующие нивелирования угроз, рисков и вызовов современной цивилизации.

Целесообразно также активизировать методологические разработки учебных программ, способствующих более тесной координации развития технического знания с сопряженными разделами знания гуманитарного и естественнонаучного (философия техники, социальная экология, этика и др.). Международному сообществу необходимо уже сегодня предпринять серьезные усилия для обеспечения устойчивого развития не только нынешнего, но и будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон ускорения исторического времени. – Режим доступа: https://life-prog.ru/1_46295_zakon-uskoreniya-istoricheskogo-vremeni.html.

2. Скотлунд И. Постинформационное общество. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/skoglund_i/postinformacionnoyeobshchestvo.shtml.

3. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.

4. Внутских А.Ю. От наноиндустрии в постинформационному обществу. – Режим доступа: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=659911.

5. Информационное общество и информационная культура. – Режим доступа: http://5fan.ru/wievjob.php?id=67128.

PARTICULAR QUALITIES OF THE FORMATION OF POST-INFORMATION SOCIETY AT THE PRESENT STAGE

I.I. Verevichev

The characteristics of the initial stage of the emergence of a new sociocultural reality - a post-information society are considered. The processes of total robotization and the widespread introduction of «artificial intelligence» in various spheres of human activity will radically change the entire infrastructure of society. The foundation of the post-information society is laid by modern super-technologies, the use of which already causes a legitimate concern today. Scientists and philosophers are required to take into account the negative consequences of accelerating scientific and technological progress and timely develop effective methods for elimination of emerging problems.

Keywords: information, post-information society, social medium, artificial intelligence, scientific cognition, acceleration of scientific and technological progress, civilization perspectives.

НАЦИОНАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА

О.А. Верещагин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, факультет экономики и права, кафедра права, философии и социальных дисциплин, кандидат философских наук, доцент

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89524458650, e-mail: helgardt@mail.ru

Рассматривается этнополитическая проблематика в широком спектре социогуманитарных исследований. Как полагает автор, современная форма национализма представляет собой социальную технологию по деконструкции традиционных национальных государств и переформатированию модернистского миропорядка в соответствии с целями и принципами глобального общества.

Ключевые слова: глобализация, деконструкция, миноритарный национализм, национализм, постмодерн, этнополитический дискурс.

«Денационализация» общественного сознания, о которой так много говорили идеологи и теоретики глобального общества, так и не стала фактом реальной жизни, превратившись в некий эпифеномен, побочный рефлексивный продукт западной политической культуры. По существу, деконструкция национальных идентификаторов, осуществляемая в социальной и культурной практике постмодерных обществ, является незавершенным проектом, желаемым, но не действительным результатом тех качественных трансформаций, которые вырастали из прогнозных оценок политологов и этнологов относительно логики развития современных полиэтничных государств. Нация как идеологический конструкт модерна [6], фундированная силой и мощью государственных институций, сохраняет свое значение и влияние в нынешней конфигурации внутригосударственных и международных отношений.

Космополитические иллюзии, подогреваемые и поддерживаемые на уровне транснациональных «островков» стабильности и «окон глобализации» (Гонконг, Сингапур, Тайвань и т.п.) разбиваются о суровую реальность цивилизационной периферии, отторгаются традиционными социальными институтами и встречают жесткую оппозицию в среде широких масс населения архаизированных сообществ.

Можно ли в указанной связи говорить о процессах воскрешения и возрождения национальной повестки как реактуализации идеи национализма в нынешних условиях перманетнного кризиса национальных государств? Действительный или мнимый характер носит сегодняшняя этнонациональная риторика политических элит? Другими словами, «справедливы ли этнонациональные деконструкции современных наций» [7], какие идеологические интенции и политические интересы они реализуют и воплощают и какова истинная природа этих концептуальных перевоплощений?

Как нам представляется, нынешние формы теоретической реконструкции национализма должны быть увязаны с процедурами концептуального переосмысления «национальной» идеологемы в условиях глобализма. Важно понимать, что глобализация и национализм в современных условиях отнюдь не противопоставлены друг другу, это явления глубоко взаимосвязанные между собой, отражающие сложность и неоднозначность процессов международной интеграции и взаимодействия. В действительности, противопоставление глобализма и национализма существует преимущественно на уровне концептуальных обобщений и целенаправленно, как правило, в идеологических целях, экстраполируется в плоскость реальных социальных отношений. Выстраивание некоего баланса сил в цивилизационном противостоянии глобализма и национализма - есть факт не реальности, а дискурсивного производства. Это своего рода продукт дискурсивного творчества, создавший особую эпистемическую ситуацию, когда «концептуальное упрощение на уровне теории обернулось спекулятивным анализом реальности» [2, с. 70]. Не случайно, провозвестник современной формы национализма Геллнер Э. [4], специально делал акцент на феномене высокой культуры, как объединяющей тотализирующей силе, способной организовывать общество в единых семантических рамках. Высокая культура, используя выражение Геллнера, «представляет собой упорядоченную и стандартизованную систему идей, которую обслуживает и насаждает с помощью письменных текстов особый отряд клириков» [4, с. 20]. Различные формы национализма, таким образом, возникают и формируются в обществе, где высокая культура, создает некие единые «правила формулирования и декодирования сообщений» [4, с. 20].

Существующие модели национализма, при всем разнообразии своих конъюнктурно-политических воплощений, порождены гипостазирующей силой теоретического воображения, поэтому являются «продуктом человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей» [3, с. 35-36] и основаны на временных социальных контрактах гетерогенных этногрупп относительно определенных общих правил и обязанностей. Примордиальная максима, воспроизводящая нацию в неком целостном контексте натуралистических и социально-исторических атрибуций, не выдерживает критики со стороны культуроцентричных, историзирующих реконструкций, полагающих изначальную «имажинативность» этноконцепта в идеологических дискурсивных практиках современности. По утверждению Напсо М. Д., национализм, «обладая свойством социальной регуляции негативной направленности, был и остается весьма эффективным инструментом достижения вполне определенных политических целей»[5, с. 133]. Таким образом, национализм оказывается востребованным только в эпоху открытой публичной политики в качестве средства «придания рационального смысла межэтническим взаимодействиям и поведенческим стратегиям как на индивидуальном, так и на коллективном уровне» [5, с. 134].

Вплоть до последней трети XX века мир не мог быть представлен иначе, как состоящим из отдельных национальных миров, суверенных наций-госу-

дарств, а в их драматичной борьбе определялась текущая социальная и политическая повестка дня. Однако с началом эры глобализации национал-идеологема претерпевает существенные изменения, которые, прежде всего, связаны с появлением взамен граднарратива модерна – микронарративов постмодерна и распространением особой новой формы национализма – микронационализма. Как отмечает Аршин К., «распадение единого нарратива национализма на ряд мини-нарративов, дискурсивных формаций», связано с деуниверсализацией политической оптики, превращением национализма в заурядную социальную технологию, позволяющую сконструировать в рамках отдельного государства нацию» [1]. Постмодернистский национализм не имеет прочной социальной основы, не является релевантной социальной практикой и развивается в отрыве от трансцендентального ценностного фона. Специфический статус микронационализма постмодерна проявляется в его технологизме, конструктивизме и симуляционном характере. Запустив механизм деконструкции традиционных национальных миров, постмодернизм максимально хаотизировал реальность межнациональных отношений, «вавилонизировал» процесс межэтнического общения и создал дополнительные трудности в диалоге культур и регионов.

Возникающая мозаичность современных этнокультур и партикулярных национальных сообществ провоцирует и усугубляет процессы этнизации и геттоизации внутри прежде монолитных образований. Вполне резонно говорить об экспорте микронационализма в глобальном масштабе и об экспансии практик этнофрагментации в обозримой исторической перспективе. Постмодернистский национализм, вполне соответствует духу эпохи и имеет чрезвычайно разнородные социальные экспликации: «микронационализм, миноритарный национализм, этнорегионализм, уменьшительный национализм, этнонационализм, этносепаратизм, национал-сепаратизм» [9]. В любой из представленных проекций национализм постмодерна революционизирует массы на борьбу с диктатом национал-шовинизма и национал-империализма модернистского толка. Это своеобразное освобождение из-под власти структур, которые олицетворяли прежний миропорядок национальных суверенных государств.

По-мнению Посадского А., направляемое и конструируемое «возрождение» малых сообществ призвано обернуться их «эмансипацией», «высвобождением сил», «подавляемых» сообществами большими» [9]. Этнонациональная регионализация призвана, по утверждению идеологов микронационализма, детерриториализировать отжившие социальные миры, разомкнуть прежние границы больших целостностей, «всесторонне способствуя «раскрытию» экономического потенциала населения и территории» и сберегая от распыления «творческую» энергию локальных культур и сообществ. Мир тотальностей в глобальном обществе сменяется миром локальностей, встраивающихся в глобальный миропорядок, централизация уступает место форсированной децентрализации, обслуживающей интересы и принципы глобального социума. В этом смысле можно утверждать, что процесс фрагментации этнокультур и национальных целостностей имеет и свою обратную сторону. Постмодернистский

национальный миноритаризм сосуществует со своей противоположностью – постмодернистским макронационализмом. Чрезвычайно показателен и иллюстративен в указанной связи опыт реконсервации и реактуализации ирредентистской идеологии в современном социально-политическом контексте. Напомним, что под ирредентизмом в самом общем значении «понимается любое движение, направленное на объединение под общей властью разделенной между несколькими государствами территории/общ ности» [8]. Парадоксально, но опыт ирреденты, востребованный в геополитических и цивилизационных условиях второй половины XIX века («итальянская ирредента»), оказался широко эксплуатируемым и используемым в реалиях нового тысячелетия. Венгерский закарпатский ирредентизм, румынский унионизм, идеократия «русского мира» и другие популярные идеологические конструкции все чаще заявляют о себе как на формальном, так и неформальном уровне. Очевидно, что в данном случае мы сталкиваемся с неким суррогатом большой гражданской нации, с игнорированием живой (а не искусственной) динамики национального строительства последних десятилетий. Нация воссоздается, прежде всего, как медийный виртуальный феномен с апелляцией к силе «исторического воображения» и значимости социального конструирования. В действительности же продвигаются вполне прагматичные и подчас откровенно конъюнктурные политические цели. Причем на официальном языке публичной политики артикуляруются вполне традиционные респектабельные ценности консерватизма, патриотизма и почвенничества. Но это не подлинный консерватизм и патриотизм, это лишь симуляция консервативной политики и коммерциализация патриотической идеи. К глубокому сожалению, но значительная часть нашего политического класса незаметным образом переродилась и приняла по умолчанию интенции постмодернистской политической культуры. В России определенно присутствуют постмодернистски ориентированные интеллектуальные центры, которые подспудно служат целям конструирования постмодернистского микро и макронационализмов на уровне реализации этнополитики. Как нам представляется, позитивное преодоление рецидивов постмодернистского мировоззрения, существующего в России в скрытой завуалированной форме, остается одной из стратегических задач развития страны в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аршин К. Национализм: от модернизма к постмодернизму и обратно. – Режим доступа: http://www.ceom.ru/nacionalizm-ot-modernizma-k-postmodernizmu-i-obratno.html.

2. Бахметьев Я.А. Концептуальное переосмысление национализма в условиях глобализации // Полития: Анализ. Хроника, Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2015. – № 4 (79). – С. 69-86.

3. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.

4. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь: международный философский журнал. – 1992. – № 1. – С. 9-61.

5. Напсо М. Д. Националистическая идеология в пространстве глобализации // Век глобализации. – 2016. – № 3. – С. 133-139.

6. Нация как идеологический конструкт модерна. – Режим доступа: http://ipolk.ru/blog/russcode/23508.html.

7. Мартьянов В.С. Справедливы ли этнонациональные деконструкции современных наций? // Антиномии. – 2006. – 2005. – Вып. 6. – С. 244-257.

8. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. – М.: Новый Хронограф, 2012. – 672 с.

9. Посадский А. Пришествие нового национализма: постмодернистский национализм против наций-государств и государств-цивилизаций. – Режим доступа: https://vrns.ru/experts/2667.

NATIONALISM AS A SOCIAL TECHNOLOGY OF POSTMODERN SOCIETY

O.A. Vereshchagin

The article presents ethno-political problems in a wide range of socio-humanitarian studies. According to the author, the modern form of nationalism is a social technology to deconstruct traditional national States and reformat the modernist world order in accordance with the goals and principles of global society.

Keywords: globalization, deconstruction, minority nationalism, nationalism, post-modernism, ethno-political discourse.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАУЧНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МОДЕЛЕЙ МИРА

А.А. Владимиров[1], Л.А. Зеленов[2]

[1]Волжский государственный университет водного транспорта, кафедра философии и социально-правовых наук, доктор философских наук, зав. кафедрой
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Нестерова, д. 5
Тел.: 89103984468, e-mail: philosophy@vgavt-nn.ru, vladimirov-1945@mail.ru

[2]Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, кафедра истории, философии, психологии и педагогики, доктор философских наук, профессор
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 65
Тел.: 88314325670, e-mail: lyapina.nat@yandex.ru

Предпринята попытка с позиций общей теории мировоззрения рассмотреть аксиологический аспект научной и философской моделей мира, философски осмыслить роль России в современном мире.

Ключевые слова: гносеология, аксиология, научная модель мира, философия, мировоззрение, мироосвоение.

Аксиологический аспект моделирования универсума органически сопряжен с гносеологическим, а представления о *мире* как познанном и оцененным (духовно освоенном) универсуме содержат в себе не только знаниевую, но и оценочную составляющую. И это характерно для всех типов мировоззрения (народного, мифологического, религиозного, художественного, научного, философского).

Сопротивлялось этой объективной закономерности только *научное* мировоззрение, представители которого считали целью науки получение объективного знания, освобожденного от субъективно-оценочных суждений как самого ученого, так и общества (государства, церкви, политики, права, морали...). Реальная практика развития науки, особенно в XX веке (атомная физика, экологические кризисы, социальные революции...), но и ранее (Д. Бруно, Г. Галилей, Н. Коперник, Ч. Дарвин...) обнаруживала и сделала предметом обсуждения проблемы связи знания и ценностей, науки и морали, истины и оценки (Р. Оппенгеймер, А. Эйнштейн, А. Александров, О. Сичивица, Т. Кун...), гносеологии и аксиологии... Долгие дискуссии на эту тему («Этика ученого», «Нравственные принципы науки», «Проблема ценностей в философии», «Ценности истинные и мнимые», «Реникса»...) «миротворчески» разрешились к *ужасу науки* постмодернистским, прагматическим признанием *плюрализма истин*. Это сегодня стало нормой.

Наличие аксиологического аспекта в каждом типе духовного освоения универсума не означает *сдачи знанием* своих объективных позиций *оценкам и ценностям* как абсолютно субъективным явлениям, отдаляющим от истины. Все зависит от сущности толкования *аксиологии*, *ценностного* отношения, от наличия *объективного критерия оценки ценностей*, чего нет до сих пор, что и

объясняет торжество постмодернизма, плюрализма, субъективизма во всех типах мировоззрения («двойные, тройные... стандарты»).

Во всех наших работах, где речь шла о ценностях, главное внимание обращено на обоснование объективного *критерия* оценок: *меры человеческого рода* («Человек есть мера всех вещей» – Протагор) и меры предметных видов [1].

Аксиологический аспект научного мира специфически выявляется не столько самими оценками науки собственных гносеологических, познавательных исследований (*научных знаний*), сколько взаимодействием науки с другими типами мировоззрения или сферами общественной жизни. Это *скромная аксиологическая* позиция ученых объясняется их приверженностью *номологическому* мировоззрению, которое предано служению истине, объективности, объективным законам – «хвалу и ложь приемля равнодушно» (А.С. Пушкин). Это делает честь беспристрастности и объективности ученых, а оценивают их значимость, ценность, позитивность или негативность *другие*: экономисты, политики, идеологи, философы, священнослужители, педагогики, социологи и др., то есть те, кто *использует, применяет, внедряет* научные знания и убеждается в их достоинстве, значимости, полезности, непротиворечивости.

Но при этом данные «другие» и несут ответственность за признание того или иного научного знания как ценности или антиценности. Ученые могут поддаться сладостному влиянию славы, денег, красивых слов, в ответ на их истинное или ложное *знание*. Но рано или поздно найдется социальный *ценитель*, критик, который выявит *объективное значение* данного знания, а значит его подлинную ценность или антиценность. Признание объективной ценности возможности количественного измерения температуры пришло через 300 лет после создания термометра. Подобные разные по времени диапазоны признания характерны для Фалесовских 365 дней в году, Галилеевского «а все-таки она вертится», Коперниковской гелиоцентрической системы, Кулибинских открытий, Уаттовских «огненных машин», теории относительности Эйнштейна, идее «ноосферы» Вернандского, ракет Циоковского, атомной энергии Оппенгеймера или Курчатова, телевидения Зворыкина и т.д.

Наука терпелива: она может ждать оценок столетиями, потому что за ее знаниями стоит ценность *объективности*.

Это не значит, что научные знания не обладают *какой угодно ценностью*: экономической, политической, управленческой, педагогической, бытовой... Но общество может быть не готово к понимаю, признанию, адекватному отношению к науке и ее открытиям: *не хочет* (отсутствие потребности) и *не может* (отсутствие способности). Так и оказывается *наука часто не востребованной* в своей социальной силе. Академик Ж.И. Алферов с болью выразил это в названии своей книги: «Власть без мозгов. Отделение науки от государства» [2]. Поэтому с объективным состраданием, а не моральным сарказмом, приходится наблюдать за *ошибочной, неэффективной, научно не обеспеченной* практической деятельностью в стране и в мире: экономической, педагогической, управленческой, экологической, модернизационной, инновационной, импортозаме-

щающей и пр. Удовлетворение вызывают успехи космической и оборонной деятельности в России, потому что они основаны на *науке*, на учениях мудрецов: Циолковского, Жуковского, Королева, Келдыша, Курчатова, Алферова, Ляпунова, Соболева, Лаврентьева и сотнях других, скромных, неизвестных, но талантливых и бескорыстных.

В целом можно сказать, что научная картина *мира* является наиболее объективной, социально значимой, перспективно надежной, адекватной онтологическому универсуму. Квази-научные, псевдо-научные, анти-научные, лженаучные явления и процессы существовали и продолжают существовать сегодня в научных учреждениях, Академиях, Ученых Советах, диссертациях, научных заявках, мнимых проблемах. Российская Академия Наук по инициативе академика В. Гинзбурга *во время* создала «Комитет по борьбе с лженаукой», который сегодня ненавидят прохиндеи, мошенники и антиученые за его праведную бескорыстную деятельность. Пора Министерствам экономики, культуры, образования... прислушаться к объективному голосу науки, а не отгораживаться чиновничьими *фоно*. Будущее за наукой, иначе она сама возьмет власть, как завещал Платон.

Аксиологический аспект философской модели мира фиксирует ценностное представление об универсуме в философском мировоззрении. С самого начала важно сказать, что философия в этом отношении имеет значение прародительницы *аксиологии*, которую она предложила с XIX века всем другим типам мировоззрения. Ряд авторов с конца XIX – начала XX века стали исследовать *ценностный* аспект значимости явлений социального характера: Риккерт, Христиандерсен, Саземан, Крак, Кон, Пери и др.

Исследования аксиологии, ценностей, ценностного сознания и ценностных отношений, видов и типов ценностей осуществлялись в основном с позиций философского мировоззрения. В нашей стране, например, это представлено знаменательным сборником статей крупнейших авторов «Проблема ценностей в философии» [3]. Проблематика аксиологии, к сожалению, была «украдена» с конца 80-х годов не только и не столько эстетикой и этикой (они сами пострадали), сколько «родившейся» и «полюбившейся» всем *культурологией* за ее аморфность, неопределенность и всепроникаемость.

Тем не менее, философия своими многолетними исследованиями (первым о ценностям и оценках заговорил Цицерон) выработала понятие «концептологии», которое в отличие от когнитивной «теории» содержит в себе (*концепция*) не только познавательный, но и оценочный аспект. А это очень важно для понимания перехода от духовного (познавательно-оценочного) освоения универсума (становление мира) к практическому освоению (становление среды) через *методологический* аспект. Это означает, что не просто «теория оборачивается в метод» (К. Маркс), а теория, превратившаяся в концепцию, становится аксиологически насыщенной теорией. В этом отношении значимо разграничение в традициях русской философии понятий «истина» и «правда», ибо последнее понятие, кроме познавательного имеет концептуально-аксиологический смысл.

В конечном счете, именно философские модели мира являются наиболее пронизанными аксиологическим, оценочным содержанием, выражающим позиции философа (Платона, Бэкона, Декарта, Канта, Гегеля, Маркса...). А в условиях «гонения на идеологию» (либеральная концепция «де-политизации» и «де-идеологизации» с 90-х годов) сегодня философия вполне может заменить «запрещенную» идеологию: «философия рынка», «философия образования», «философия экономики», «философия культуры» и пр. Напомним, например, что либералы в страхе перед «политэкономией» К. Маркса изгнали «политический» (*аксиологический*) аспект из наук об экономической деятельности – «Экономиксов». Обескровлена, деполитизирована «экономика», чтобы скрыть ее хищнический характер.

Итак, онтологическая модель «универсума» в форме *мира* как духовно-освоенного универсум, познанного и оцененного создается гносеологическим и аксиологическим отношением человека к универсуму с учетом специфики каждого типа мировоззрения. Следовательно, мы имеем основания говорить не только об онто-гносеологии и онто-аксиологии, но и об онтологических моделях мира в народном, мифологическом, религиозном, художественном, научном, философском мировоззрении.

Эта *мировоззренческая* модель *мира* подготавливает объективные (отражение универсума) и субъективные (позиции человека) основания для трансформации ее в модель *среды*, которая предполагает процесс *мироосвоения* в его двух базовых формах: методологическом и праксиологическом.

Современный мир, погрузившийся в эмпирическое рассудочное мышление, нуждается в философском *разуме*, который подскажет оптимальное решение проблем во всех сферах общественной жизни (универсальная концепция *ноосферизма* академика, доктора философии А.И. Субетто). Обезумевший мир нуждается в оразумлении его оптимальной *средой*. Философские новации требуют *инновационной* деятельности, а человечество все еще отождествляет новации и инновации.

Так и получается сегодня: философы *боятся* входить в реальную социальную жизнь, предлагать свои программы переустройства жизни, участвовать в реальном переустройстве. Они боятся «11-го тезиса» К. Маркса и всего духа *деятельной революционной философии марксизма*, их вполне удовлетворяет философия как миро*воззрение*, а не как миро*освоение*. Вот почему закономерно, но печально, материалы Философского Конгресса 2012 года в Нижнем Новгороде носили и носят успокоительный подзаголовок: «*Диалог мировоззрений*» – поболтать в стиле «дискурса» (непродуктивный разговор за чашкой кофе) они всегда готовы.

А ведь даже писатель А.И. Солженицын обратился к российскому народу и власти с программой «Как обустроить Россию». Там много наивного и пустопорожнего, но *замысел* достоин «11-го тезиса» К. Маркса. А наш Институт Философии РАН на Волхонке *молчит*, отдает свои корпуса под «музеи современного модернистского искусства» (благо, что по соседству музей искусства им.

А.С. Пушкина), издает «Вопросы философии» с 90% содержанием «русской религиозной философии» XIX в. и по касательной уходит от горячих проблем реальной жизни.

Средовой ориентации на прозу жизни, на людей, на модернизацию социума у философии России, как и у мировой философии *нет*!

А нужно осмысление тенденций устойчивости и изменения ценностных ориентиров, наследования и обновления, креативности и консервативности в развитии культурного, политического, исторического, социального, экономического пространства Русского мира, в осмыслении роли России в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Эвристика. Аксиология. Элективы: монография. – Н.Новгород: Изд-во ФБОУ ВПО «ВГАВТ», 2014. – 244 с.

2. Алферов Ж.И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства. – М.: Алгоритм, 2012. – 224 с.

3. Проблема ценностей в философии. – М. – Л.: ИФ АН СССР, 1966.

AXIOLOGICAL ASPECT OF SCIENTIFIC AND PHILOSOPHIC WORLD MODELS

A.A. Vladimirov, L.A. Zelenov

The attempt has been made herein to consider from the general theoretical world outlook the axiological aspect of scientific and philosophic world models, to philosophically conceive the role of Russia in the present day word.

Keywords: epistemology, axiology, scientific world models, philosophy, world outlook, world assimilation.

РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ (НА ПРИМЕРЕ МЕТАИСТОРИИ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА И ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА ЛЬВА ГУМИЛЕВА)

Ю.К. Волков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, факультет экономики и права, кафедра права, философии и социальных дисциплин, доктор философских наук, профессор

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89202979078, e-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

Показана эвристическая специфика двух вариантов экстраисторических объяснений структурных изменений, происходивших в истории Древней Руси: метаисторического и интернаучного. Сделан вывод о том, что религизно-мифологические объяснения причин исторических событий в силу их иррациональной природы закрыты для критических комментариев, в то время как научно-философские интерпретации истории доступны рациональной критике.

Ключевые слова: экстраисторические объяснения, структурные модели истории, религиозно-мифологическая и научно-философская картины мира, метаистория Древней Руси, теория этногенеза.

В исторической теории существуют и активно используются различные эвристические модели, объясняющие структурную целостность и непрерывность истории. Подобные модели могут обладать относительно простой двухуровневой структурой, представленной, например, уровнями исторических явлений и сущностей, случайностей и закономерностей. Либо более сложными пространственно-временными построениями, в состав которых, наряду с кратковременной событийной историей, входят процессуальные циклы долгой и очень долгой истории [3, с. 73].

Однако даже исторические структуры самого долговременного уровня обобщения нуждаются в суперисторических способах их интерпретации в силу отсутствия в рамках событийных описаний собственных концептуальных оснований. Содержательным аспектом таких дифференцирующих и одновременно интегрирующих оснований истории могут выступать теоретические конструкты, обладающие необходимым интерпретационным потенциалом.

Из всех основных типов знания, последовательно ориентированных на идеал истины, в качестве универсальных экстраисторических интрументариев можно назвать философские, научные и теологические теории. Все они представляют собой концептуальный уровень общей картины мира и, значит, относятся к классу мировоззренческих типов знания.

Вместе с тем в современной гетерогенной системе мировидения, где обнаруживается влияние самых разных уровней и форм культуры, на наш взгляд, можно говорить о наличии двух относительно целостных картин мира: религиозно-мифологической и научно-философской. Каждая из них использует прин-

ципиально различающиеся способы объяснения причин происходящих изменений, опираясь преимущественно на двухуровневые динамические модели.

Применительно к религиозно-мифологическим объяснениям прошлого человеческого общества это могут быть уровни реально бытийной истории и ее инобытийной, сверхъестественной сущности. В научно-философской картине мира фактуально-событийный уровень исторических реконструкций, как правило, дополняется уровнем исторических законов, процессов и циклов. Попробуем показать эвристическую специфику двух указанных типов исторического мировидения на примере метаисторического и интернаучного объяснения процессов и явлений, происходивших в истории Древней Руси.

Метаисторическому объяснению начального этапа Российской истории посвящена VII книга трактата «Роза Мира» Даниила Андреева. Для объяснения метаисторического смысла истории Древней Руси Андреев использует оригинальный понятийный аппарат, центральной место в котором занимают понятия «метаистория», «сверхнарод», «метакультура» и «трансмиф».

Метаистория, как ее понимает и объясняет Андреев, – это «лежащая вне поля зрения науки, вне ее интересов и ее методологии совокупность процессов, протекающих в тех слоях инобытия, которые, будучи погружены в другие потоки времени и в другие виды пространства, просвечивают иногда сквозь процесс, воспринимаемый нами как история» [1, с. 31].

Под термином «сверхнарод» Андреев понимает отдельную нацию или совокупность наций, культура которых достигла высокой степени яркости и индивидуальности [1, с. 51]. Метакультура, по Андрееву, – это совокупность многослойных сегментов, которая включает в себя: физический слой, небесный слой и демонический мир [1, с. 274]. Наконец, термин «трансмиф» означает осознаваемую сверхнародом в лице его творческих представителей совокупность религиозно-философских идей [1, с. 52].

Метаисторическое осмысление истории Древней Руси Даниил Андреева начинает с утверждения, согласно которому полиэтническое происхождение русской нации не противоречит ведущей роли последней как сверхнации, ставшей «сильнейшей творческой силой в кругу сочетавшихся с ней в единой культуре меньших народов» [1, с. 126]. Основу формирующейся метакультуры на просторах обитания восточнославянского племенного единства составляло, по мнению Андреева, перекрестное влияние России Небесной и России земной [1, с. 127].

Первая встреча демирурга Российской метакультуры – Яросвета и монады Соборной Души – Навны, произошла, как считает Андреев, в X веке, проявившись в акте крещения Руси. В главные христианские тайства их, по словам Андреева, посвятил демиург Византии, который сам, однако, не сумел воплотить в действительность тайну Христианского Трансмифа [1, с. 128]. Эту ключевую для человечества задачу, по мнению философа, взяла на себя российская метакультура, а исторической личностью осуществившей этот метаисторический выбор явился князь Владимир [1, с. 128].

Главным законом текущего мирового периода – эона – является, по утверждению Андреева, противоборство светлых и темных сил метаистории. В этой связи автор «Розы Мира» прослеживат основные события истории Киевской Руси и выделяет два главных фактора, угрожавших молодому национальному образованию.

Первый фактор – это двухсотлетняя княжеская междоусобица с короткой передышкой при Ярославе Мудром. Усобицы, как отмечает автор «Розы мира», не только подтачивали физическое бытие страны, но истощали духовную субстанцию народа и выпускали на поверхность истории демоническую монаду – Велгу, срывающую «все запреты с низших инстинктов разрушения и осквернения» [1, с. 129].

Вторым антигосударственным фактором, метаисторической формой которого является, по Андрееву, борьба противобога против кароссы России – Дингры, стало нападения извне. В зеркале исторической действительности Древней Руси эта борьба имела вид нападений печенегов, половцев и татар [1, с. 129].

Продолжая тему внешних врагов, Андреев выделяет XIII век в качестве отдельного этапа древнерусской истории, когда на ослабевшую, подобную разреженному туману страну, направилась «темноэфирная» сила воинствующего уицратора – хищного демона великодержавной государственности, или, говоря историческим языком, монгольского племенного массива [1, с. 131].

Под влиянием монголо-татарского нашествия побежденные силы России, и, прежде всего, демиург Яросвет, как считает Даниил Андреев, вынужденно пришли к идее о необходимости создания сильного государства, противоречащего представлениям об идеальном народоустройстве. Противоречивую сущность российского государства Андреев связывает с тем, что ваятельница физической субстанции русского сверхнарода каросса Дингра породила демона сверхдержавия от двух противоположных начал: от демиурга Яросвета и от планетарного демона Гагтунгра [1, с. 131].

Посвятив полностью вторую главу книги рассмотрению проблемы метаисторического значения русской православной церкви как воплощению христианского трансмифа, в третьей последней главе работы Андреев вновь возращается к вопросу о российской государственности, а именно – к проблеме создания национального русского государства с центром в Москве [1, с. 137-138].

Двумя основными элементами импульса московской государственности в его метаисторической трактовке стали, по мнению Анреева, непреодолимое желание всепоглощения и унаследованная от Дингры бесконтрольность и импульсивность [1, с. 138]. Отсюда происходит сложный характер Московского государства, которое, защищаясь от иноземных порабощений, вместе с тем перестает ограничиваться необходимым государственным насилием по отношению к собственному народу [1, с. 138].

Завершается андреевская метаиистория Древней Руси объяснением событий того исторического периода, который наступил после ликвидации татарского ига при Иване III и завоевания Казани и Астрахани при Иване IV. Особое

внимание при этом автор «Розы Мира» обращает на персону Ивана IV, который, по мнению Д. Андреева, должен был стать вошедшим в синклит метакультуры родомыслом, но не стал им, превратившись в гибридного родомыслатирана, подготовившего эпоху Великого Смутного времени [1, с. 139-140].

Истории Древней Руси Л.Н. Гумилев посвятил отдельную книгу под названием «Древняя Русь и Великая Степь», в которой начальный период российской истории рассматривается на широком историко-географическом фоне раннесредневековой Евразии. В этой книге, как и в других своих исследованиях, в качестве объясняющей модели исторических событий эпохи Гумилев использует концепцию этногенеза, претендующую на статус интернаучной теории. При этом внимание Гумилева обращено не только на определение стадии жизни этносов, но также на тип этносоциальной системы и происходящие в ней мировоззренческие изменения. Вот как выглядит предложенная Гумилев схема системно-структурных изменений, отраженная в основных события древнерусской истории.

Начав свою книгу с обширной предыстории средневековой Евразии, Гумилев далее критически останавливается на летописном сюжете о призвании на Русь варягов. Вывод, который делает Гумилев, состоит в сдедующем: в IX веке Русской землей именовалось Южное Приднестровье, где проживали этносы славян и россомонов, ранняя история которых не известна. Ситуация проясняется лишь к IX веку, когда Киевский каганат, наряду с Хазарским каганатом, предстает как государство, обладающее независимостью [2, с. 115]. Развивая далее этот исторический сюжет, Гумилев использует гипотезу о «химерном», то есть жестко системном и искусственно искаженном характере этногенеза главного соперника Киева Хазарии [2, с. 91, 92-100].

Суть объяснений Гумилева состоит в следующем: не имея собственных системных средств для включения в свой состав этносов, образующих Киевский каганат, хазары использовали для этого «свободные атомы» – скандинавских варягов, захвативших в 882 г. Киев и за три года подчинивших себе древлян, северян и радимичей. Однако впоследствии, как предполагает Гумилев, на основе краткой справки Масуди, не только славяне, но также русы-варяги стали вассалами хазарских правителей [2, с. 116-117]. Почему же произошло подчинение славян сначала варягам, а затем хазарам, о котором, как считает Гумилев, умалчивает Нестор? Ответ на этот вопрос историк дает на основе умозрительных интерпретаций теории этногенеза.

Структурный надлом на Руси, при котором происходит раскол этнического поля, по мнению Гумилева, затянулся до конца IX в. Именно в это время варяги приобрели себе в расколотом этносе сторонников – «гостомысловзападников». В отличие от этого энтропийного для славян процесса, системно закрытый хазарский этнос упростил этническую структуру и резко усилил энергетический потенциал путем увеличения ареала своего существования. Историческим проявлением такого расширения стало активное участие Хазарии в войнах X века, где в качестве наемников использовались русы [2, с. 131-135].

Однако, несмотря на постоянные контакты хазарского «химерного» этноса с другими этносами, Хазарский каганат, ввиду отсутствия у него собственного естественного возраста, непредсказуемо погибает в результате похода русов под предводительством Святослава [2, с. 142-144]. После этих событий произошла смена власти и веры в Киеве. Управление там перешло от варяжской языческой партии к славянской христианской, а Киевский каганат превратился в Великое княжество [2, с. 147-163].

Объясняет этот поворот древнерусской истории Гумилев тем, что представители варяжского субэтноса, подобно «атомам», были выброшены из своего этноса взрывом пассионарности [2, с. 145]. Поэтому, как считает историк, несмотря на тот структурный надлом, который шел на Руси IX века, варяги не смогли создать в Киеве антропогенную «химеру», подобную Хазарии, и были инкорпорированы природным славяно-росским этносом, оставшись только в названии династии князей-воинов – Рюриковичей.

Тем не мене, концом процесса этнического выздоровления Древней Руси Гумилев считает не политический переворот Ольги, а культурный сдвиг – возвращение к традиции контактов с Византией и крещение Руси Владимиром Святославичем [2, с. 146]. Этому событию в контексте обширных комментариев о богах и демонах, смене религии, борьбе за души людей, иноверии и инославии, мироощущениях и менталитете этносов посвящена значительная часть книги [2, с. 151-163, 163-192, 228-245, 399-411].

Вместе с тем самыми заметными по своему объему и содержанию разделами книги евразийца Гумилева о древнерусской истории являются ее части и главы, посвященные контактам Руси с кочевниками, отношениям Руси с Ордой, а также тому, что Гумилев называет «деяниями монголов» [2, с. 256-373]. При этом в череде теоретических интерпретаций событий древнерусской истории наиболее важным в концептуальном плане представляется объяснение превращения Руси в Россию.

Критически разобрав основные версии возвышения к XIV веку Москвы, Гумилев делает вывод о том, что историческая роль Московского княжества в процессе создания российской государственности представляет собой всего лишь закономерное, этногенетическое проявление исторической случайности [2, с. 376-382]. Дело в том, что пассионарии Великороссии могли найти себе применение только в военной службе на чужбине или в церковной деятельности у самих себя. Второй выбор, как считает Гумилев, и стал решающим фактором возникновения Московской Великороссии.

Как объясняет автор книги, в условиях существования на этнической карте Волжско-Окского междуречья XIV века большого числа этносов и субэтносов со своим мироощущением, именно православная религия стала цементирующей силой новой этнической системы. Все прочие исторические и природные факторы – отношения с Ордой, политика князей, бояр и монахов, приобретение новых земель, наконец, эпидемия чумы лишь скорректировали изменение статуса Москвы, которая превратилась в религиозный центр приложения сил

митрополии. Именно церковь, как считает Гумилев, дала пассионариям мировоззренческую доминанту – защиту православия, которой можно было служить искренне, а не ради выгоды [2, с. 387]. Вместе с тем рост пассионарного напряжения, приведший к усложнению системы и увеличению ее энергетики, расшатал первоначальную этносоциальную доминанту монахов-пассионариев и активизировал деятельность второй пассионарной консорции – светской великокняжеской оппозиции [2, с. 390].

Таковы два принципиально разных способа объяснения структурных изменений в истории Древней Руси, основаниями которых, с одной стороны, выступают не требующие научного обоснования квазитеоретические понятия и мифорелигиозные образы и сюжеты, а, с другой, – общенаучные термины, эмпирические обобщения и научно-философские теоретические интерпретации.

Несмотря на то очевидное обстоятельство, что в метаистории Даниила Андреева и этногенетических интерпретациях Льва Гумилева акцент сделан на одних и тех же событиях истории Древней Руси, разные мировоззренческие основания метаистории и теории этногенеза порождают противоположное отношение к их объяснениям. Первая версия древнерусской истории не вызывает возражений по сути представленных толкований причин исторических изменений в силу иррационально-мистической закрытости для критических комментариев метаисторических озарений, переживаний и созерцаний автора «Розы Мира» [1, 31-32]. В то время как гумилевская теория этногенеза, претендующая на статус междисциплинарной сциентистской ориентации, изначально была доступна рациональной критике и до сих пор стимулирует научные и философские споры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Д.Л. Роза Мира. – М.: Товарищество «Калашников-Комаров и К°», 1992. – 388 с.

2. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Товарищество «Калашников-Комаров и К°», 1992. – 512 с.

3. Федоров И.А., Запороженко О.А. Противоречия социологического измерения циклов исторического времени // Век глобализации. – 2012. – № 1 (9). – С. 68-83.

RELIGIOUS-MYTHOLOGICAL AND SCIENTIFIC-PHILOSOPHICAL INTERPRETATIONS OF STRUCTURAL CHANGES IN THE HISTORY OF ANCIENT RUSSIA (BY THE EXAMPLE OF METAHISTORY OF DANIEL ANDREEV AND THE THEORY OF ETHNONESIS OF LEO GUMILEV)

Yu.K. Volkov

The heuristic specificity of two options extra-historical explanations of structural changes that occurred in the history of Ancient Russia: meta-historical and internauonal is shown. It is concluded that the religious-mythological explanations of the causes of historical events due to their irrational nature are closed for critical comments. While scientific-philosophical interpretations of history has accessibility for rational criticism.

Keywords: extra-historical explanations, structural models of history, religious-mythological and scientific-philosophical pictures of the world, meta-history of Ancient Russia, the theory of ethnogenesis.

НОВЫЕ ПУТИ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПАРАДИГМЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Т.И. Коптелова

Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, факультет почвоведения, агрохимии и агроэкологии, кафедра «Философия, социология и политология», кандидат философских наук, доцент

Россия, 603107, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 97

Тел.: 89108711933, e-mail: koptelova2210@rambler.ru

Парадигма органической философии позволяет рассматривать православную культуру как живой организм, развивающийся в определённых социально-исторических и природных условиях. В работе проанализированы актуальные проблемы современной православной культуры и её потенциальные возможности. Показаны различные пути реализации ценностей православной культуры в таких сферах жизни общества, как религия, искусство, наука.

Ключевые слова: искусство, культура, наука, православие, парадигма органической философии, религия, творчество, эстетика, этика, этнос.

Феномен культуры представляет собой не только совокупность духовных и материальных ценностей, но и способ реализации жизни в определённом времени и пространстве. Культура – это путь адаптации и творчество, согласование индивидуальности с социальной реальностью и с миром природы. Именно культура выступает как традиция реализации жизни человеческого коллектива (народа, этноса). В связи с этим православную культуру можно рассматривать как воплощение в жизни многих поколений ценностей восточного христианства, важнейшими из которых были следующие: оптимистическое жизнеутверждение и альтруистическая любовь. Православная культура – формирование и развитие традиции жизни русского народа. Поэтому вне православной культуры невозможно представить прошлое, настоящее и будущее России. Как сам феномен жизни, культура требует комплексного исследования с привлечением гуманитарных и естественнонаучных знаний. И методология органической философии, парадигма которой включает в себя естественнонаучные, математические, социально-гуманитарные знания, представляется в настоящий момент наиболее эффективной в понимании возможных путей развития православной культуры.

Органическая философия – это, прежде всего, интеллектуальная традиция, со своим особым стилем мышления (логикой восприятия действительности), а также комплекс знаний, в формировании которого участвовали многие отечественные и зарубежные мыслители XIX и XX вв. Так, масштабный синтез знаний, направленный на осознание феномена жизни и культуры, осуществил *В.И. Вернадский, создавший новую науку – биогеохимию и учение о ноосфере* [4, с. 382-458]. Органическая философия предлагает синтез естественнонаучных и гуманитарных знаний в понимании всех сфер жизни общества: *концепция ортобиоза И.И. Мечникова* [16, с. 238-245], *геософия классического евразийства*

20-30-х гг. XX в. [18, с. 13-78], *пассионарная теория этногенеза Л.Н. Гумилёва* [7, с. 471-514]). Необходимо заметить, что методология органической философии основана на принципе внешнего и внутреннего согласования теоретического и предметно-практического знания, что особенно важно в понимании феномена культуры. При этом внутреннее согласование предполагает повышение эффективного взаимодействия отдельных дисциплин в решении общих вопросов. А внешнее согласование – интеграция знаний, полученных в процессе осуществления различных форм познавательной деятельности (науки, искусства, религии, обыденного знания – результата развития этнических традиций жизни в конкретном регионе).

В органической философии православная культура – это основа творческой реализации личности. И в то же время, православие – не просто вероисповедание, а «целостный жизненный идеал, сложная совокупность оценок и идей» [20, с. 325-326]. С точки зрения представителей классического евразийцева 20-30-х гг. XX в., именно русский народ вынес из первоистоков христианства совершенную форму Церкви и мистического реализма. Поэтому Церковь в православии долгое время была не только социальным институтом, но и главным сосредоточением всей жизни общества. В связи с чем «задача русского народа заключается в том, что он должен осуществить себя в своей Церкви... создать возможность самораскрытия в Православии и для неплодящей языческой церкви, и для мира, отпавшего в ересь» [18, с. 30-31]. Так, православная культура в органической философии представлена как результат творчества многих народов. И необходимый здесь путь развития православной культуры – это обновление христианской традиции в соответствии с современным пониманием духовного опыта, накопленного отцами церкви в первые века нашей эры, т.е. возвращение к цельному восприятию мира, представляющего собой единство духовных и материальных явлений – «неопатристический синтез» XXI в. [21, с. 37].

С точки зрения органической философии, православную культуру необходимо рассматривать как живой организм. Любой живой организм сообразен духовным, метафизическим явлениям своей собственной цельностью, сочетанием развития и тождественности самому себе. При этом цикл жизни определён с рождения. Так, жизнь – явление завершённое на примере отдельного организма и непрерывное, бесконечное на примере всей биосферы или даже космоса в целом. Поэтому органическая философия понимает метафизическое состояние как момент рождения и завершения вселенной (например, метафизическое «всеединство» В.С. Соловьева [19, с. 279-283]). В связи с чем духовное выступает не только как сфера невидимых глазу явлений (мысль, идея, мышление, сознание, Бог), но и как возможность, потенциал, направленность – активное, творящее начало, неизменно присутствующее в материи. Человек познаёт духовные явления через материю. И с точки зрения православия, назначение человека – это приобщение мира к Богу. Именно человек представляет собой, с одной стороны, образ вселенной («сумму мира»), а с другой – Образ и Подобие Бога. Поэтому человек способен «сообщить миру то измерение», которое мир

должен обрести, «превратившись в ризу Божества, когда *Бог будет всё во всём* (1 Кор.15:28)» [17, с. 709]. И в парадигме органической философии такой духовный (религиозный) опыт вполне согласуется с новейшими достижениями в естествознании. Например, экспериментальные открытия 1980-х гг. французского физика Алена Аспекта, которые привели к установлению мгновенной взаимосвязи микрочастиц (так называемой «нелокальности»), и выводу, что все квантовые частицы в мироздании, находящиеся или когда-либо находившиеся в одном состоянии, остаются внутренне связанными друг с другом [2]. А также современная генетика утверждает: все клетки организма произошли из одной, поэтому тождественны по ДНК. Так, важнейшие функции культуры: согласование и преображение, становление целостности и многообразия. Эти функции реализуются через человеческое творчество и в то же время они сообразны природе (законам биосферы и космоса) [10, с. 7-8].

Творчество в парадигме органической философии – важнейшая составляющая православной культуры, ответ человека на вызовы постоянно меняющегося окружающего мира. При этом именно творчество помогает преодолеть индивидуальную ограниченность и эгоизм [12, с 15-16]. Православная культура не может существовать без творческого подвига личности. Она обладает особым «личным качеством». «Личное качество» православной культуры связано с Божественной Личностью. «Если нет Бога как Лица, а есть только «божественное», то нет (не может быть замечено) и лица в человеке, – утверждал Г.В. Флоровский. – И если нет Творчества Божия, то не может творить и человек» [22, с. 204-205]. «Личное качество» православной культуры проявляется в том, что она рождается и развивается как органическое целое. В связи с этим православная культура одновременно проявляется в формах политических и социально-хозяйственных, бытовом укладе и этническом стереотипе поведения.

Православная культура в парадигме органической философии – живой организм, метафизическое и природно-географическое явление, «узор», сплетение традиций жизни народов, создающих её. С точки зрения органической философии, как и всё живое, православная культура развивается согласно следующим законам: 1) *закон саморазвития* предполагает, что культура всегда начинается с целого и цельность – неотъемлемый признак жизни; 2) *закон многообразия*: православная культура создаёт предпосылки для появления нового многообразия; 3) *закон согласованности* говорит о том, что целое предшествует частям, определяя их назначение, но каждая часть в абстрактной форме воспроизводит целое, поэтому долгое время в православной культуре сохраняется возможность регенерации; 4) *закон экстенсивности* показывает, как творчество личности осуществляет переход интенсивного индивидуального развития в экстенсивное (без этого закона сложно представить свободную творческую личность, увидеть её необходимость для полноценного развития социума); 5) *закон двух детерминаций* – одновременное проявление детерминации прошлого (причинной), и детерминации будущего (целевой), где целевая детерминация первична – православная культура прошлого и настоящего существует

ради жизни будущих поколений [15, с. 21-22].

При этом восточное христианство (православие) обладает целым рядом особенностей, которые определили его устойчивость и жизнеспособность, вдохновляющий и преображающий характер, необходимый для духовного творчества. В связи с этим, Л.Н. Гумилёв заметил, что «пассионарный толчок рубежа нашей эры породил оригинальную позитивную систему – христианство...» [7, с. 494]. И свободу духовного творчества невозможно представить без возможности полноценного нравственного выбора людей. «Крещение дало нашим предкам высшую свободу – свободу выбора между Добром и Злом» [6, с. 75]. При этом именно православие формирует универсальные духовные ценности, важнейшей из которых является любовь, т.е. признание самостоятельности и уникальности другого (человека, этноса). Это то, что способно объединять людей, согласовывать разнообразные этнические культуры на основании одних и тех же духовных целей и задач, не лишая их самобытности, различий, сформированных в том числе и природной средой. Так, цельность и многообразие православной культуры в парадигме органической философии представлены идеей «бытового исповедничества».

«Бытовое исповедничество» – выражение нераздельности веры и всех сторон человеческой деятельности, с одной стороны. А с другой – это нравственная направленность личности, основывающаяся на жизнеутверждении и альтруистической любви. Направленность, которая реализуется через индивидуальное переживание и творчество. «Бытовое исповедничество» – важнейший путь развития православной культуры в XXI в. С другой стороны, «бытовое исповедничество» в классическом евразийстве выступает как «подсознательная база для всей духовной жизни», естественное состояние выражения духовных потребностей как отдельного человека, так и целого народа. Таким образом, православная вера – это та «рамка сознания», в которую когда-то «само собой укладывалось всё: частная жизнь, государственный строй и бытие Вселенной» [20, с. 156].

В начале XXI в. «бытовое исповедничество» как путь развития православной культуры можно рассматривать и понимать с различных точек зрения. Механистический стиль мышления, характерный для западной науки способствует дальнейшей рационализации и детализации идеи «бытового исповедничества». Так, Л.П. Карсавин был убежден, что необходимо «продумать до конца глубокий смысл евангельского завета» [9, с. 547]. В связи с этим В.В. Зеньковский писал: «Защищая права «рациональности», Карсавин защищает одновременно «стихию свободного познавательного искания» в богословии». [8, с. 441]. Но в парадигме органической философии «бытовое исповедничество» рассматривается, прежде всего, как источник творческого вдохновения, согласующий иррациональное и рациональное начала, а также предполагающий целостность времени (единство прошлого, настоящего и будущего). Так, именно благодаря такому видению «бытового исповедничества» рождается концепция «неопатристического синтеза» Г.В.Флоровского [3, с. 85].

Патристика (учения отцов церкви первых веков нашей эры) – своего рода «классика» для философско-теологической составляющей православной культуры. И «классика» – это не просто стандарт, образец, а вдохновляющее гармоническое начало. Овеществление гармонии можно найти во всех сферах искусства: музыке, литературе, живописи и т.д. Так, например, гармония классической музыки уникальна тем, что она рождает творческий импульс в каждом новом произведении. Но и в других сферах классического искусства именно в гармонии раскрывается загадка творчества – цельность, сочетающая всечеловеческую природу с индивидуальностью автора, соединяющая воедино прошлое, настоящее, будущее [11, с. 265-266]. Поэтому ещё один путь православной культуры – создание новой классики во всех сферах искусства, «неоклассический синтез», предполагающий возвращение к всечеловеческим истокам христианства, к уникальной гармонии, сочетающей иррациональное и рациональное начала в классическом искусстве христианских народов. «Неоклассический синтез» в православной культуре невозможен также без творческой энергии, стремлений, исканий современного поколения. Такой синтез предполагает создание в современной эстетике представления о новой классике, продолжающей лучшие традиции христианской культуры. При этом творческому рождению новой классики в XXI в. может способствовать синтез национальных традиций на основании их природной близости (положительной комплиментарности создателей-народов, общей исторической судьбы), а также возрождение изначального синкретизма искусств, о котором напоминает песенная форма, органично сочетающая и поэзию, и танец [13, с. 101-102].

Ещё один не менее важный путь развития православной культуры в XXI в. – полноценное воплощение христианских ценностей жизнеутверждения и альтруистической любви в науке и технике. Органическая философия показывает, что именно ценности православной культуры способствуют возвращению «миметического» принципа познания в науку. Дело в том, что мировоззренческие, концептуальные составляющие «миметического» принципа познания особенно актуальны сегодня для сохранения условий жизни и они предполагают: 1) представление о завершённости (абсолютности, незыблемости) нравственных идеалов; 2) признание уникальной индивидуальной пластичности (творческого переживания – раскрытия личности). Само слово «мимесис» происходит от древнегреческого μίμησις – «подобие», «воспроизведение», «подражание». А, по мнению Платона, сущность подражания заключается в способности человека стремиться к идеалу, т.е. абсолютной нематериальной сущности предмета [1, с. 205-217]. И православие содержит в себе представления о «далёком идеале» и нематериальном первоистоке бытия. А «идеал – это далекий прогноз, – писал Л.Н. Гумилев, – для того, чтобы защищать себя, нужно его иметь, а не жить только сегодняшним днем, как обыватели» [5, с. 286].

В области развития техники новый путь православной культуры – это достижение природоподобия, преодоление пропасти между природой и техносферой. Представление о сообразности техники природе возникает в случае,

если общество осуществляет: 1) обнаружение соответствия между образом (идеей, идеалом) и конкретным визуальным представлением (изображением, фотографией) отдельного предмета; 2) сочетание многовариантности решения задач и однозначности нравственных ориентиров; 3) сбалансированность процессов потребления природных ресурсов с «техническим» их воспроизводством; 4) возвращение техники к состоянию искусства – переход от враждебности («природофобии») к миметичности – ощущению сопричастности человечества ко всем процессам и явлениям бытия [14, с. 34-35].

Таким образом, новые пути православной культуры, с точки зрения органической философии, представляют собой: 1) возрождение «бытового исповедничества» – подчинения всех сфер жизнедеятельности, а также чувств и мыслей человека незыблемым христианским ценностям (альтруистической любви и жизнеутверждению); при этом реализация ценностей всегда обладает индивидуально-творческим характером; 2) «неопатристический синтез» – актуализация духовного опыта предшествующих поколений; 3) «неоклассический синтез» в искусстве – формирование новой классики, творческого импульса для будущих поколений; 4) «миметический» принцип в научном познании – переход от абстрактного к конкретному, отказ от глобальной унификации и локальное применение цифровых технологий, согласование динамического (спонтанного, невычисляемого) языка природы и статического языка классической науки (спонтанность и новизна развития, с одной стороны, а с другой – постоянные величины, фундаментальные законы); 5) достижение природоподобия техники, её соответствие духовным потребностям человека и законам природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В.Ф. Платон. – М.: Мысль, 1969. – 242 с.

2. Аспект А. Теорема Белла: наивный взгляд экспериментатора / Пер. с англ. Путенихина П.В., 2007. – Режим доступа: http://quantmagic.narod.ru/volumes/VOL422007/p2135.html.

3. Блейн Э. Завещание Флоровского // Вопросы философии. – 1993. – № 12. – С. 78-87.

4. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 576 с.

5. Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. – М.: Рольф, 2001. – 384 с.

6. Гумилёв Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории / Сост. Н.В. Гумилёва; пред., коммент., общ. Ред. А.И. Куркчи. – М.: Мысль, 1994. – 554 с.

7. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 560 с.

8. Зеньковский В.В. История русской философии. – Ростов-на-Дону, 1999. – Т. 2. – 542 с.

9. Карсавин Л.П. Путь православия. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 557 с.

10. Коптелова Т.И. Картина живого мира в парадигме органической философии // Философская мысль. – 2018. – № 11. – С. 1-15.

11. Коптелова Т.И. Классическая музыка в парадигме органической философии: детерминация будущего // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2016. – № 3. – С. 259-269.

12. Коптелова Т.И. Музыка как отражение жизни: органическая методология изучения музыкального искусства // Вестник кафедры ЮНЕСКО. Музыкальное искусство и образование. – 2016. – № 3 (15). – С. 13-20.

13. Коптелова Т.И. Музыкальная эстетика XXI века в парадигме органической философии // Философская мысль. – 2017. – № 9. – С. 101-114.

14. Коптелова Т.И. Феномен неустойчивости существования современного человека в парадигме органической философии: понимание и преодоление // Философская мысль. – 2019. – № 5. – С. 25-36.

15. Коптелова Т.И. Холизм и органическая философия в современной музыкологии: поиск новой актуальной методологии // Музыкальное искусство и образование. – 2019. – Т. 7. – № 1. – С. 9-24.

16. Мечников И.И. Этюды о природе человека. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 290 с.

17. Митрополит Сурожский Антоний. Труды. – М.: «Практика», 2002. – 1080 с.

18. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.

19. Соловьёв В.С. Полное собрание сочинений и писем. – М.: Наука, 2000. – Т. 2. – 395 с.

20. Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000. – 560 с.

21. Флоровский Г. Восточные отцы Церкви. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 633 с.

22. Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф. – 432 с.

THE NEW WAYS OF ORTHODOX CULTURE IN THE PARADIGM OF ORGANIC PHILOSOPHY

T.I. Koptelova

The Paradigm of Organic Philosophy allows to consider orthodox culture as the live organism developing in certain sociohistorical and an environment. In work current problems of modern orthodox culture and its potential opportunities are analysed. Various ways of realization of values of orthodox culture in such spheres of life of society as religion, art, science are shown.

Keywords: art, culture, science, Orthodoxy, Paradigm of Organic Philosophy, religion, creativity, esthetics, ethics, ethnos.

НОВАЯ-СТАРАЯ ПРАГМАТИКА ИСТИНЫ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ

Г.П. Корнев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, факультет экономики и права, кафедра права, философии и социальных дисциплин, доктор философских наук, профессор

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89601825520, e-mail: swerdlowsk06111948@gmail.com

Рассматривается прагматический аспект истины как идеи, определяющий качество истинных знаний через их способность удовлетворять человеческие потребности, приносить пользу, быть методом («инструментом») познания и практик, выполнять нормативную функцию.

Ключевые слова: прагматизм, инструментализм, истина, истинное знание, критерии истинности знаний.

Как утверждается в крылатом выражении, новое – это хорошо забытое старое. Прагматическая ценность истины, ее экономическая полезность, не нова для современной философии, в том числе русской, находящейся под влиянием экономических и социальных условий «капитализации» науки и практики, похожей на период возникновения американского прагматизма на рубеже XIX–XX вв. Конечно, время внесло коррективы в терминологию, стиль изложения и содержание эпистемологических воззрений, но смысл по существу остался прежний: истина должна быть «полезной» для экономики, политики и науки, даже в том случае, если она не соответствует разумности и действительности.

Вероятно, мало найдется людей, сомневающихся в ценности (благе, полезности) истины. Нельзя не видеть, что знание приносит людям пользу. И приносить такую пользу оно может лишь тогда, когда включено в систему человеческих действий, выступает в качестве идеи, цели, метода, принципа для познания и преобразования действительности. Сами по себе истинные знание, не включенные в какую-либо деятельность, не могут быть ни полезными, ни вредными для субъекта. Истина не может «безмолвствовать», находиться вне деятельностной связи с обществом, субъектом; она всегда функционирует в системе человеческой деятельности, социальных отношений и ценностей, следовательно, и сама является одной из высших ценностей – не только великим словом, но и великим делом (Гегель).

Значимость истинных знаний, как позитивная, так и негативная, есть во многом прерогатива субъекта, его деятельности. От того, как используются в деятельности знания, зависит, какую значимость, – положительную или отрицательную, – они будут иметь для субъекта. Свойства позитивной и негативной значимости знаний есть социальные характеристики. В них выражена возможность этих знаний быть деятельностной и экзистенциальной силой. Истинные знания вне всякого сомнения полезны для деятельности человека, реализации

его экзистенциального бытия. Но в той же мере они могут быть и вредными, если человек не нашел от них «противоядия» в виде других истинных знаний, которые бы в акте действия могли нейтрализовать негативные последствия вредных истинных знаний. Истинность, следовательно, приобретает качество ценности (полезности) и вредности (отрицательной аксиологической значимости) только в функциональном отношении к субъекту, в его деятельности. И только те истинные знания, которые представляют собой положительную значимость или, иначе, ценность, обретают статус истины. Именно в качестве социальной ценности истина как идея выступают регулятором отношения человека к миру и самому себе, а следовательно, и нормой [2].

Вопросы о том, какие знания обладают для субъекта полезностью и в какой мере полезные знания являются истинными, не так просты, как кажется на первый взгляд. Да и вряд ли можно довольствоваться общими рассуждениями о пользе и вреде знаний, – разве только при постановке самой проблемы, – не прибегая к философскому ее решению и при этом не обратившись к опыту ее исследования в прагматизме. Именно в этом философском направлении впервые концептуально проведено исследование истины применительно к ее действию приносить человеку положительные последствия, благо и пользу.

Длительное время в отечественной философии прагматизм подвергался острой критике, причем во многом не всегда заслуженной. Вряд ли уместно узколобый практицизм и отождествление истины с полезностью рассматривать в качестве краеугольного камня философии прагматизма. Отличительным признаком этого направления является не столько непосредственное приравнивание истины к полезности, сколько введение в теорию познания вместо субъекта гносеологического субъекта заинтересованного (прагматика). Прагматисты внесли в гносеологию идею о субъекте, руководимом не только и не столько познавательными стремлениями (любопытством), но прежде всего и главным образом потребностью в целенаправленном действии, приносящем пользу и выгоду.

По мнению Б. Рассела, стержневой идеей трех поборников прагматизма – Ч. Пирса, У. Джемса и Д. Дьюи, несмотря на различие их воззрений, является инструментализм [3, с. 326, 331]. По существу инструментализм составляет основу так называемого «принципа Пирса», согласно которому понятие обладает *значением* или, иными словами, значит для субъекта в той ситуации, когда оно приводит к совокупности практических следствий. «Принцип Пирса» гласит примерно так: «Полное представление об объекте возникает на основе практических следствий, которые могут быть произведены нами с объектом нашего понятия».

Верно в принципе и то, что идеи, понятия, знания, взгляды, предвосхищающие действие, в самом процессе этого действия выступают как бы инструментами или, иначе, операциональными средствами. Предполагается, что истинность этих знаний уже обоснована, и они могут быть приняты к действию для приобретения новых знаний. Однако истинность Пирс выводит не из соот-

ветствия между знаниями и объектом, а из полезности этих знаний служить субъекту в качестве операциональных (инструментальных) средств во вновь производимых действиях. Если знания в процессе деятельности исправно выполняют функцию инструментов, средств, методов, приводят субъекта к успеху, положительному результату и удовлетворяют в конечном счете практические и познавательные, физические и духовные потребности, то такие и только такие знания и обладают, по Пирсу, значением истины.

Прагматистская «реконструкция философии», по мнению Дьюи, состояла в преодолении созерцательности всей предшествующей философии, ее отрыва от жизни, нежелания считаться с действительными, прежде всего практическими потребностями людей. Познание и истина эффективны тогда, когда они непосредственно связаны с деятельностью, практикой и обслуживают ее в качестве средств, инструментов, методов и т.п. Знания и идеи имеют операциональное значение; они превращаются в инструменты и планы действия [6, с.165].

Обратившись к произведениям Дьюи, нетрудно заметить, что между его концепцией и операционализмом обнаруживается много общего. Взять хотя бы следующее его утверждение о том, что под любым понятием мы имеем в виду не что иное, как ряд операций. Понятие – это синоним соответствующего набора операций. Дьюи считал, что все понятия, все интеллектуальные описания должны быть формулированы в терминах операций, актуальных или возможных в воображении и что идеи суть утверждения не о том, что есть или было, но о действиях, которые должны быть осуществлены. Всякая идея, как таковая, обозначает операцию, которая может быть осуществлена, а не нечто в актуальном существовании [6, с. 159].

Приведенные отрывочные высказывания Дьюи свидетельствуют о том, что в обосновании практической значимости познания и истины он исходит не из содержания знаний, их соответствия объекту, а из деятельностной, операциональной характеристики. Знания обладают полезностью и вместе с ней истинностью тогда, когда в самой деятельности (познавательной или практической) выполняют функцию интеллектуальных инструментов. Если они пригодны для решения проблемы, для создания новой, более приемлемой для человека ситуации (предметной, социальной, познавательной), то проверка их истинности и состоит в выполнении ими этой работы, – в работоспособности идеи.

Инструменталистский принцип положен в основу прагматистской концепции истины, главным разработчиком которой, по праву, считают Джемса. Он не признает общественной природы сознания. Носителем мысли у него является всегда индивидуальный субъект. Индивид с его личным опытом есть начало и конец философствования Джемса. Когда он говорит о мысли и мыслящем человеке, то подразумевает, в первую очередь, неповторимую мысль и индивидуального субъекта. Отсюда и истина может быть только индивидуальной; ни о каком общезначимом, полезном знании для всех не может быть и речи.

Джемс доказывал, что, высказывая или принимая какую-либо истину, субъект одновременно конструирует для себя свою собственную реальность.

Понимаемая им реальность – сложное образование, состоящее из трех частей. Одной из частей реальности (третьей частью), определяющей ее оформленность для человека, является совокупность *прежних истин*, на которые опирается и с которыми считается каждое вновь начатое исследование. Определенность чувственной реальности, состоящей из *ощущений* и *отношений* между ними (первая ее часть), и реальности наших мыслей, содержащей в себе копии этих ощущений и отношений (вторая ее часть), всецело зависит от индивида, от его точки зрения, интереса, выбора цели. Человек по своему разумению и на основе имеющихся и принимаемых им истин формирует содержание наличествующей действительности. Истина, будучи частью реальности и внося в самое себя определенное содержание (смысл, значение), делает всю реальность в принципе однородной [2, с. 150]. Получается, что мысли сделаны из того же самого вещества, что и вещи, т.е. из истин. Джемс считал, что правильно воспринятое данное положение является ключевым для понимания созданной им «новой философии тождества (Identitatsphilosophie) в плюралистической форме» [7, с. 134-135, 202, 197]. Суть данного положения можно перефразировать в слова: «Моя истина и есть мой мир».

Итак, об истине и истинности Джемс и другие прагматисты обычно говорят применительно к идеям, понятиям, теориям, высказываниям. Вполне естественно возникает вопрос: когда же высказывание (идея, теория) становится истинным? Иными словами, каким критерием руководствуется субъект при различении истинных и ложных высказываний?

В ответе на этот вопрос содержится одновременно и оригинальность, и ограниченность прагматистской доктрины истины. Джемс выступает против классической теории истины или, как он ее называет, концепции «копирования». Для него атрибут истинности, понимаемой в гносеологическом смысле, не может быть имманентно присущ высказываниям и теориям, ибо их так просто нельзя соотнести с реальностью, ни с объективной (по причине неразрешимости вопроса о ее существовании), ни с эмпирической (чувственной), которая всегда предстает перед индивидом сквозь призму существующих истин – высказываний и теорий.

Не могли удовлетворить Джемса и рационалистические концепции истины, основывающиеся на взаимной согласованности знаний, их непротиворечивости. Ведь прагматизм возникает как реакция на абсолютизацию рационалистических стремлений человека, направленных на конструирование мира силой только одного разума и по его собственным законам. Поэтому для прагматизма было невозможным признать в качестве критерия истинности знаний их взаимную согласованность, непротиворечивость.

Порой прагматическую доктрину истины рассматривают как концепцию, посвященную исключительно вопросу о критерии истинности. Что же касается понятия истины, то многие прагматисты исходят якобы из корреспондентской теории. Так, со слов Т.И. Хилла, сам Джемс неоднократно заявлял, что для него, как и для большинства философов, истина есть согласованность мысли и

объекта [5, с. 292]. Связав воедино прагматистское понимание критерия истинности и само понятие истины, напрашивается кажущееся, на первый взгляд, верным суждение о том, что полезные, благоприятные для субъекта знания одновременно являются соответствующими воспроизводимому в нем объекту.

Подобная интерпретация прагматизма не совсем правильна. Как мы выяснили, Джемс отвергает существование объекта в качестве объективной и субъективной реальности, доступной человеческому восприятию. Субъект имеет дело не с внешним и внутренним миром, а с опытом, понимаемым в качестве его собственной индивидуальной деятельности. Его «радикальный эмпиризм» и состоит в том, что не просто ощущения, восприятия, знания и не внешняя действительность есть объект; последним является целенаправленная деятельность заинтересованного субъекта по переработке данных ощущений, восприятий, знаний. Поэтому Джемс, говоря о согласованности между мыслью и объектом, подразумевает под ним не действительность и не ощущения, как это трактуется в «непоследовательном эмпиризме» (материализме и позитивизме), а деятельность, имеющую благоприятные, полезные для субъекта последствия.

Джемс приходит к прямым инструменталистским формулировкам истины. Он, в частности, пишет: «Все наши понятия представляют собой... Denkmittel, т.е. вспомогательные средства, с помощью которых мы логически обрабатываем факты» [2, с. 159]. В другом месте он более конкретно заявляет, что теории являются отнюдь не ответами на загадки, и не в этом качестве они приносят нам успокоение. Все наши теории *инструментальны*, все они есть *умственные способы, орудия приспособления человека к действительности* [2, с. 38]. Полезность – основная ценность человеческих знаний, но ценность не сама по себе, а воплощенная в деятельности, служащая инструментом преобразования действительности. Полезность знаний, понимаемая именно подобным образом, достойна с точки зрения Джемса именоваться истиной.

Смысл прагматистской концепции истины в том, что между истиной и благими мыслями, знаниями существует тождественность. Истина и истинность, согласно Джемсу, это и есть те слова, которыми обозначаются идеи, оказавшиеся полезными в ходе человеческого опыта. «Прагматизм, – утверждает он, – наблюдает истину за ее работой в отдельных случаях и затем обобщает. Истина для него – это родовое название для всех видов определенных рабочих ценностей в опыте» [2, с. 47]. В другом месте Джемс более конкретно выражается: «Истина – это разновидность благого, а не отличная, как это обыкновенно думают, от благого и соподчиненная с ним категория. Истинным называется все то, что оказывается благим в области убеждений» [2, с. 52].

Очевидно, что при сопоставлении истинности и благого у Джемса смещены акценты в направлении рассмотрения аксиологического характера отношения истины и субъекта. Истинность в подобной трактовке утрачивает свои гносеологические и логические характеристики. Она становится, как справедливо отмечают некоторые оппоненты прагматизма, категорией утилитаристской этики, введенной в теорию познания [4, с. 265].

Вряд ли уместно отрицать связь истины с ее позитивной значимостью для субъекта, человека и человечества. Конечно, в истинных знаниях присутствует интенциональная характеристика, основанная на вере и убеждении в благотворном их влиянии на индивида. Однако заметим, что игнорирование гносеологической и логической характеристик истинных знаний и абсолютизация их полезности в качестве определяющего признака и в отношении понятий истины и истинности, и в отношении их критериев уводят философа от основной проблемы, от вопросов: откуда берутся истинные знания, что является их источником, соответствует или не соответствует их содержание объекту, и конечно же, какова роль субъекта в приобретении, обосновании и использовании этих знаний в дальнейшем процессе как познавательной, так и практической деятельности.

Несмотря на то, что в целом прагматическая концепция игнорирует гносеологическую и логическую характеристики истинных знаний, тем не менее в ней можно обнаружить некоторые вполне рациональные моменты. В частности, Джемс высказывает справедливые замечания в адрес «интеллектуалистских» (рационалистских) воззрений, которые воспринимают соответствие мысли объекту как статическое отношение, а саму истину как систему абстрактных и априорных форм, вне их реального отношения к действительности. Он выступает категорически против абсолютных истин; истина всегда релятивна, относительна процесса, события, деятельности. «*Истинные идеи*, – утверждает автор «Прагматизма», – это те, которые мы можем усвоить себе, подтвердить, подкрепить и проверить... Истина какой-нибудь идеи – это не какое-то неизменное, неподвижное свойство, заключающееся в ней. Истина *случается*, *происходит* с идеей (Truth happens to an idea). Идея *становится* истинной, *делается* благодаря событиям истинной. Ее истинность – это на самом деле событие, процесс...» [2, с. 123-124].

Истина случается, происходит с идеей. Если так, то не всякая идея есть истина. Соответствие идеи объекту не гарантирует ее истинности; последняя, по мнению прагматистов, – атрибут тех идей, которые обладают «драгоценнейшими» орудиями действия. Только будучи инструментами познания и преобразования действительности в интересах субъекта, идеи являются истинными. Напротив, идеи, не обеспечивающие для субъекта операциональных функций, не являющиеся средствами приращения знаний, утратившие, следовательно, практическую (познавательную) полезность, не могут называться истинными.

Подобно тому, как из ложных посылок по правилам логики можно вывести истинное заключение, отнюдь не исключена ситуация выведения практически значимых для индивида и в целом для общества следствий из знаний, идей (например, вненаучных, мистических, окультных, религиозных), которые в гносеологическом отношении истинностью не обладают. Вероятно, свойство полезности подобного рода знания все же в определенной мере и в определенном аспекте имеют, особенно тогда, когда человек верит в них и эта вера помогает ему жить, приспосабливаться к среде, заниматься творчеством. Очевидность факта полезности знаний, не соответствующих действительности и не

получивших обоснования, свидетельствует о бытии их в качестве духовной реальности, причем не просто бытии, но бытии желательном, находящемся в состоянии долженствования, идеи, к которой человек стремится. Но можно ли эти идеи назвать высоким именем истины. По существу в прагматизме все идеи, приносящие благо, именуются истиной, в том числе и те, которые лишены содержательной истинности. Истина утрачивает целостность за счет исключения из нее необходимого признака – быть знанием, соответствующим объекту.

Итак, завершая рассмотрение вопроса, вынесенного на обсуждение, и при этом привлекая тот положительный опыт его решения, который мы обнаружили в прагматизме, следует признать, что полезность есть прежде всего социальная (можно сказать «гуманистическая» по Ф. Шиллеру) характеристика знаний, связанная с человеческой способностью продуцировать новые знания и на их основе производить мир социальных предметов, отношений, ценностей. Но одной полезности знаний, конечно же, недостаточно для того, чтобы определить их истинность. Полезность есть социокультурное (общественное и личностное) свойство знаний, которое устанавливается субъектом, в то время как истинность имеет объектное содержание, детерминированное, в первую очередь, самой действительностью. Следует признать и то, что не всякая полезная идея в операциональном и социально-организационном смысле может быть истиной, а только такая, которая обладает свойством истинности. В то же время, не всякое знание, истинное по своему содержанию, имеет статус истины, а только то, которое вовлечено в познавательную и практическую деятельность субъекта и является для него идей, нормой, методом, т.е. ценностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джемс В. Прагматизм. – СПб.,1910. – 352 с.
2. Корнев Г.П. Идеонормативная концепция истины. Философия и правоприменение. – М.: Академический проект, 2006. – 352 с.
3. Рассел Б. История западной философии. В 2 т. Т.2 / Философия Нового времени. – М.: Миф, 1993. – 445 с.
4. Современная буржуазная философия / Под ред. А.С. Богомолова и др. – М.: МГУ, 1972. – 651 с.
5. Хилл Т.И. Современные теории познания / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1965. – 533 с.
6. Dewey J. The Quest for Certainty. – New York, 1929. –165 p.
7. James W. Essayc in Radical Empiricism. – New York, 1922. – 280 p.

NEW-OLD PRAGMATICS OF TRUTH: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL RETROSPECTION

G.P. Kornev

The article considers the pragmatic aspect of truth as an idea that, determines the quality of true knowledge through its ability to meet human needs, benefit, be a method («too») of knowledge and practice, perform a normative function.

Keywords: pragmatism, instrumentalism, truth, true knowledge, criteria for the truth of knowledge.

К ИСТОКАМ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА РОССИИ

И.К. Лисеев

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук, сектор философии естественных наук, доктор философских наук, главный научный сотрудник
Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12
Тел.: 89036226117, e-mail: lik6841@mail.ru

Рассматривается вклад выдающихся отечественных мыслителей П.А. Кропоткина, В.И. Вернадского и А.А. Богданова в формирование научного и цивилизационного выбора России.

Ключевые слова: взаимная помощь, альтруизм, кооперация, биосфера, ноосфера, всеобщая организационная наука, централизация, индивидуализация.

Название секции 1 данной конференции: «Философское осмысление Русского мира: от настоящего к будущему» явно недостаточно для глубокого осознания поставленной проблемы. Без анализа прошлого нет понимания настоящего и перспектив будущего. Поэтому содержательное осмысление Русского мира, по моему мнению, возможно только на пути – от прошлого к настоящему и будущему.

В этом контексте я бы хотел назвать ряд имен русских мыслителей, чьи идеи при их жизни были до конца не поняты современниками, но оказали мощное воздействие на становление сегодняшних представлений и являются весьма перспективными для будущего.

Это русские ученые П.А. Кропоткин, В.И. Вернадский и А.А. Богданов. Каждый из них в научном творчестве опередил свое время, не вписывался в действующие привычные парадигмальные установки, но оказался оцененным потомками, способствуя становлению новых научных и цивилизационных ориентаций.

Одним из ярких представителей этой славной когорты является князь П.А. Кропоткин (1842-1921). Он известный ученый своего времени – географ, геолог, теоретик такого социально-политического направления как анархизм. Однако представляется, что наиболее значимым вкладом его творчества в цивилизационную проблематику является создание им новой эволюционной концепции, позволяющей с единой позиции осуществить взгляд на развитие природы и общества. Изучая дарвиновскую теорию эволюции с ее основным тезисом – борьбы за существование – он пришел к выводу, что последователи Дарвина (в частности Т.Гексли) очень односторонне толкуют этот тезис только как конкуренцию. Исследуя эту проблему, Кропоткин пришел к выводу, что борьба за существование предполагает как фактор конкуренции, так и фактор взаимопомощи, взаимоподдержки. Причем именно этот второй и является доминирующим фактором эволюционного прогресса. Проанализировав обширный материал из области живой природы и общественного развития, он в своей книге

«Взаимная помощь среди животных и людей как фактор эволюции и двигатель прогресса» [1] предложил новый эволюционный взгляд на развитие природы и общества.

Согласно этой концепции как у животных, так и у людей, ведущих коллективный, взаимоподдерживающий образ жизни, имеется мощное преимущество для лучшего выживания вида. Эту идею Кропоткин обосновал многочисленными примерами из области живой природы и общества. Обращаясь к социальной организации общества ученый полагает, что именно в практике взаимной помощи, а не взаимной борьбы находятся основания нравственных этических представлений, формирующихся в обществе. Причем именно эти основания выступают и как необходимый фактор эволюции и как ведущий двигатель прогресса. Рассмотрев историю общества, ученый показывает, что взаимопомощь присутствует на всех этапах развития человеческой цивилизации. Более того, вопреки традиционному взгляду на развитие человеческой истории как череду войн, противостояний, конкуренций, по Кропоткину, именно кооперация, взаимоподдержка, сотрудничество являются двигателями прогресса. И это положение не просто постулируется, а доказывается реальными фактами человеческой истории.

Эти идеи П.А.Кропоткина получили поддержку у целого ряда современных ученых-естествоиспытателей и обществоведов. Но есть и много противников высказанной позиции. Во всяком случае ясно одно – в привлечении внимания к альтруизму, взаимопомощи, кооперации как фактору эволюции и двигателю прогресса несомненная заслуга выдающегося мыслителя П.А. Кропоткина.

Другим гением, опередившим свое время, стал В.И. Вернадский (1863-1945). Ученый-энциклопедист В.И. Вернадский работал в самых разных областях науки. Он внес свой вклад в разработку проблем биогеохимии, биосферологии, кристаллографии, геологии, почвоведения, химии, радиологии, гидрогеологии, метеоритике и т.д. При этом он непрерывно подчеркивал мысль о единстве научного знания. О том, что в науке нет важного и неважного, что нельзя заботиться о развитии одних научных дисциплин и оставлять без внимания другие. В.И. Вернадский был убежденным сторонником формирования нового обобщенного мышления, ломающего границы отдельных дисциплин. Жизнь, с его точки зрения, нельзя понять лишь изучая живые организмы. По Вернадскому, живые организмы это не только дети Земли, но и дети Солнца и Космоса. Жизнь поэтому есть явление не только земное, но и космическое. Явления жизни и явления мертвой природы с планетной точки зрения являются проявлением единого процесса. Жизнь есть результат сложного взаимодействия, сопряженной эволюции целого ряда космических и земных факторов. Жизнь, развивающаяся в сложной структуре биосферы, сочетающей взаимодействие природных и внеприродных факторов, одновременно находится в коэволюционном взаимодействии с факторами космическими. Это гениальное провидение ученого привело к становлению одного из наиболее значимых и фундаментальных направлений в современном естествознании.

Другим выдающимся открытием В.И. Вернадского стало формирование представлений о ноосфере, дающих возможность осознать факт сопряженной взаимонеобходимой и взаимовыгодной коэволюции космоса, земли, природы, общества и человека. Впервые в мировой литературе он осознал процесс коэволюции, как совместной эволюции названных выше параллельных рядов развития. Это открыло путь к формированию новой картины мира, к новому видению возможностей деятельности человека в этом мире, к объединению природы, цивилизации и культуры, изложенным в книге В.И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» [2].

Наконец, наряду с выдающимися открытиями в сфере понимания эволюции, представленными в работах П.А. Кропоткина и В.И. Вернадского, в отечественной философской мысли был совершен фундаментальный прорыв в понимании принципов и закономерностей организации. Самую значительную роль здесь сыграл А.А. Богданов (1873-1928). А.А. Богданов (Малиновский) – философ, социолог, экономист, политический деятель, врач, писатель – необыкновенно одаренная творческая личность. Но для нашей темы научного и цивилизационного выбора России он, прежде всего, значим как создатель первой последовательной всеобщей организационной науки [3]. В 1913 г. в Санкт-Петербурге вышел в свет первый том его Всеобщей организационной науки (тектологии). В 1917 г. в Москве был издан второй том.

Вероятно, заимствовав у Э. Геккеля термин Тектология (от греческого *texicov* – строитель, творец), которым Геккель обозначил науку, описывающую принципы строения живых организмов. А.А. Богданов, максимально обобщив его, положил в основу Всеобщей организационной науки, описывающей общую теорию организации и структуры систем [3]. Создавая эту всеобщую организационную науку, ученый исходил из того, что законы организации систем едины для любых системных объектов, независимо от составляющих их субстратов. Задачей тектологии он считал объединение разрозненного, установление общего организационного метода, применениями которого являются все вариации подбора в действительности и в теории.

В ходе разработки идей и принципов тектологии А.А. Богдановых был выдвинут целый ряд положений, опережающих свое время, и только значительно позже получивших развитие в кибернетике, теории систем, синергетике (принцип бирегулятора, принцип положительной и отрицательной обратной связи и т.д.).

Но для нашей темы наиболее важным представляется решение А.А. Богдановым соотношения централизации и индивидуализации в рамках всеобщей организационной науки. Казалось бы, примирение и решение антитезы централизма и индивидуализма в принципе невозможно. Но, разрабатывая представление о всеобщности существования различных форм организации, А.А. Богданов предложил это решение.

Богданов говорит о наличии разных форм организации. Одна из них – централистическая, моноцентрическая, которая предполагает объединение

комплексов, группирующихся вокруг общего центра. Эта форма организации широко распространена как в природе, так и в обществе. Центральное звено во всех этих системах – организатор. Действия всех исполнителей соответствуют его требованиям.

У этого типа организации Богданов выделяет ряд плюсов и минусов. Плюсы: возможность быстрой мобилизации всех элементов системы, возможность постановки общей задачи, возможность эффективного контроля. Минусы: отсутствие самостоятельного развития частей.

Другая форма организации – полицентрическая, где одновременно существует ряд независимых центров. Плюсы этой формы организации: высокая независимость частей, свобода к саморазвитию. Минусы: недостаточная координированность сосуществующих центров, затруднения в постановке общих целей и задач.

Но есть ли еще один тип организации, который бы использовал все плюсы предшествовавших и устранил их минусы? И Богданов выделяет и анализирует этот тип организации. Это так называемый скелетный тип организации, дающий возможность совмещения принципов централизаци и индивидуализации. На его основе свободные независимые элементы все же интегрируются центром. Но это совсем другой центр по сравнению с централистическим принципом организации. Центр скелетной организации исполняет лишь служебную функцию интеграции независимых структур в рамках полномочий, которые эти структуры сами делегируют ему.

По этому пути интеграции индивидуализма и коллективизма все шире идут сейчас самые продвинутые международные организации, типа ОДКБ, ШОС, БРИКС и др.

И все это ярко свидетельствует о том, насколько идеи, выстраданные и выношенные нашими великими предшественниками, практически работают для определения подходов в понимании современного цивилизационного выбора России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как фактор эволюции и двигатель прогресса. – СПб.: Знание, 1907.

2. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988.

3. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Издание М.И. Семенова. – СПб., 1913.

ON THE ORIGINS OF THE SCIENTIFIC AND CIVILIZATIONAL CHOICE OF RUSSIA

I.K. Liseev

The contribution of outstanding Russian thinkers P.A. Kropotkin, V.I. Vernadsky and A.A. Bogdanov to the formation of scientific and civilizational choice of Russia is considered.

Keywords: mutual aid, altruism, cooperation, biosphere, noosphere, General organizational science, centralization, individualization.

НООСФЕРНЫЙ СИНАРХИОТЕКТОНИЗМ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА «МЕСТ СИЛЫ» РОССИИ

С.В. Норенков[1], Е.С. Крашенинникова[2]

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, [1]факультет архитектуры и дизайна, кафедра архитектурного проектирования, доктор философских наук, профессор, [2]Международный институт технологий бизнеса, кафедра туризма и сервиса, кандидат философских наук, доцент

Россия, 603109, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 65

Тел.: 89524400339, e-mail: snorenkov@yandex.ru

Синархиотектонизм рассматривается как интегральная тенденциозная область знаний с проектной прагматикой, дополняющей ноосферистику, разрабатываемую как учение о разумности взаимодействий космопланетарных сфер и человека; в научно-философском осмыслении воспроизводства «мест силы» России ноосферный синархиотектонизм представляется важным вектором динамики научного познания мира.

Ключевые слова: ноосферный синархиотектонизм, воспроизводство, научно-философское осмысление, «место силы».

В упрощенной форме раскроем исходные смыслы ключевых понятий главной гипотетической версии конструкта данного текста. Архитектоника – категория, образованная на соединении смыслов слов: арх – высшее, архи – власть: тектоника – организация, область научного знания о системном строении объектов; единство конструкции, формы, материала, функции. Синархия – категория син – целое, архия – высшее властное начало; совместно «син» и «архия» способны понятийно обозначать и способствовать проектно-смысловым преобразованиям в бизнес-плановом урбоградостроительном моделировании и тотальном проектном программировании. Синархия и архитектоника совместно формируют собирательное категориальное понятие «синархиотектоника», образованное группой ключевых слов: син, архи, тектоника.

Ноосферистика – учение о разумности сферообразований; широчайшая область знаний с философско-математическим аппаратом; комплексная категория, образованная рядом понятий: ноос (разум), сферистика – учение о строении сфер. Ноосферный синархиотектонизм потенциально может быть сформирован в качестве интегральной идеологии на стыке философии, общей теории систем, науки, искусства и управления проектами.

Собирательное качество архитектоники в своих высших проявлениях раскрывается в отношении философии к фундаментальным наукам в плане единого организующего начала и со всей определенностью оно было определено у И. Канта и А. А. Богданова. Для классика философской мысли И. Канта архитектоника выступала как единая философская наука со своей универсальной методологией. Для революционера Александра Богданова и его последователей «тектология» представляла собой общий «системный» фундамент всей прикладной философской науки. В книге русского мыслителя Владимира Шмакова «Закон

синархии» заложены еще более дальние и глубинные перспективы познавательно-исследовательского формирования единства философии и науки.

Динамика научного познания российского государства как суперсложный динамически переменчивой системы предполагает гармонизацию множества подходов из совокупной архитектоники научно-философской информации и разных областей знаний. Их целостное достоверное представление необходимо для утверждения специфики искусства оперативно-стратегического проектирования дорожных карт и путеводителей сверхсложных систем. Так, например, для постижения и открытия новых систем расселения передвижения масс людей регулярно требуется своеобразная вразумительно осмысленная культура воспроизводства функциональной субъектно-объектной морфологии. Для планирования интеллектуальных сфер в парадигме кругов Эйлера, могут быть выстроены сколь угодно сложные сферические модели.

В качестве замкнутой самой на себя дилеммы метафорической первичности «курицы или яйца» предлагается программно-моделируемая идея «Живородящего яйца». В тотальном бизнес-планировании и проектном программировании смыслообразований проявляется главная идея как концептмодель взаимодействии первой и второй природы. Аналитика исследований экологических цепей, трансформирующихся в биогеоценозе и техноценозе соотносится с наступающим на естественную природу градотехномира «второй природы». При фактически манипулятивной активизации (не)гуманистических идей «нулевого», отрицательного или устойчивого развития раскрываются глубинные смыслы мудрой корректуры становления российского суперэтноса.

Выявление и философско-математическая обработка всего спектра жизнедеятельностных и функционально-деятельностных зависимостей динамики взаимосвязей больших масс людей на значительных (не)организованных территориях, ведет к необходимости привлечения огромных потоков информации. Для обработки непомерно больших для отдельных специалистов массивов знаний и операций с ними, также необходимы принципиально новые условия профессиональной деятельности абстрактно-интеграционного плана. Далее обозначим возможность сопряжения ноосферного подхода и синархиотектонизма с позиций конвергентной совместимости.

Ноосферная синархиотектоника, представляющая собой новое научно-проектное направление верифицируемых исследований и эффективных управленческих воздействий, предполагает широкий набор компьютерного инструментария высокого культурфилософского и экономико-цивилизационного содержания. В структурированном существе ноосферного синархиотектонизма всегда должны находиться сферы и поля, среды и области для возможных маневров в динамике научного познания. Планово-программные проекты должны быть способны не упускать из поля внимания профессиональных команд разнопрофильных специалистов, множество самых разных факторов, качеств, свойств динамических системных объектов. Любое из иерархизированных звеньев может кардинально повлиять на перспективы устойчивого развития совокупностей ад-

министративного деления страны, задействованных в градостроительстве и урбанистике мегаполизации, (дис)гармонизированном формировании агломераций, скоплений городов, территорий с местами силы и слабости.

Российское государство исторически довольно стабильно живет по «самовоспроизводящимся» столетним циклам: 1612, рубеж 1700-х, 1812, 1914, начало 2000-х гг. С точки зрения корректности научной прогностики внутри 50-летнего цикла имеется своя относительная логика для разбивки указанных интервалов в соответствии со сменой поколений людей (20-25 лет). Интегральная циклогенетика усложняется с учетом гео- и гелиоактивности, НТР, технологических скачков, циклически повторяющихся по временным интервалам (5-7 лет, 10-15 лет, 25-35 лет).

Инновационное проектирование, программирование, бизнес-планирование и сценарное моделирование временных рубежей развертывания управления идет в русле системно-деятельностных критериев реализации и мониторинга пошаговых ходов. Послойно и интегрально новейшая экоградокластеризация как система новых и новейших элементов расселения по времени может строиться с учетом общепризнанных моделей Л.Н. Гумилева, Н.Д. Кондратьева, А.Л. Чижевского, С.П. Капицы. Их модели заполняются научными проработками в ноосферистике, иерархической архитектонике синархии, циклической системогенетике, прогностическими моделями, разработанными в Российской академии наук. Не следует упускать из поля внимания и научно-педагогические моменты, особенно для высшего образования с учетом идей А.И. Субетто, Л.А. Зеленова, Л.Ф. Филипповой [1, 2].

В перспективах развития «мест силы» России экология и архитектура, проявляющиеся как среда, сфера, область, (дез)урбанистика (ОНА), дают максимально позитивный жизненный вариант воспроизводства в новом качестве сопряжения, сотворческого соития с предметом, объектом, субстратом ДИЗАЙНОМ (ОН). При внедрении в реальную практику управления национальными проектами «новорожденного» явления в единстве ОН и ОНА, возникает лоно, пространство, поле ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО (ОНО). Совместно они (родовые начала ОНА, ОН, ОНО) генерирует архитектонический синтез столичных регионов, мегаполисов, экоградокластеров для позитивной динамики общего дела российских граждан.

В общем деле созидания и любования итогами в работе и путешествиях для всех граждан нашей огромной по размерам и богатой достопримечательностями страны важнейшую роль играют специалисты, профессиональные кадастровые и специальные сценарно-тематические карты. Заметим, что туризм как в зеркале отражает все плюсы и минусы происходящего и надо уметь видеть перспективы и содействовать всему позитивному и лучшему уже средствами туриндустрии. В русле повсеместного развития в стране центров творческих индустрий проявляются новые гибридные особенности взаимодействий постиндустриализации с арсеналами, технопарками, центрами искусств, наук и культур.

Процессы (дез)урбанизации страны чрезвычайно сложны и в их истоках нужно досконально разбираться. Например, понятие «мегаполизация» образовано открытым двойственным сочетанием понятий «мега» – большой и «поли» – много. Скрытый смысл прямого выведения из этого понятия нового слова «мегаполис» не вполне корректно, т. к. за ним стоит иное слово: «полис» – государство. Явная двусмысленность близких по произношению слов «мегаполизация» и «мегаполис» может приводить к путанице разновеликих понятийных моделей, к некорректным выводам и заключениям в системах моделирования «чистой архитектуры», например, «единого европейского дома»; центральной части России и ее восточно-азиатских территорий.

Тенденции выделения, соединения, скрытого размежевания «государств или множества государств, в государстве» может быть роковой при распаде страны или конфликта территорий, не видеть административно-управленческих различий, иерархически взаимодействующих территорий, может быть не верно и опасно. Нынешняя практика отношения к градостроительству и урбанистике в нашей стране подлежит критике по ряду важных аргументов управления проектами. Одним из серьезнейших недостатков являются диспропорции в развитии территорий, которые снимаются в (не)согласованной системе расселения по трассам и долинам.

Культурфилософская прагматика программного планирования предлагается в качестве средства активизации и оптимизации в отношении разработки национальных проектов, реализации и совершенствования сверхсложных урбоградостроительных систем регионов. В управленческом проектировании открываются широкие возможности сближения тотального проектирования, планирования, программирования с государственно-частным инвестированием. Проектный менеджмент активно входит в практику становления банковских механизмов по единым замыслам градостроителей, архитекторов, дизайнеров, урбанистов. Интуитивно предполагаемый возврат к плановому ведению хозяйства в стране с учетом коммерческого бизнес-планирования, превращается в насущную проблему социальной справедливости в государстве, где человек и его дух, а не деньги и нажива, должны быть в высшем приоритете.

Продолжающиеся процессы расслоения общества происходят не только по финансовым возможностям, материальному достатку, комфортности проживания, но прежде всего и по месту в системе расселения. Малые и большие «места силы»: окраинная, «забытая Россия», провинция и бедность на одном полюсе и «столичность», с непомерными фрагментированными богатствами, на другом полюсе – возможно, составляют одну из основных проблем усиливающегося неравенства граждан. Различия, мало заметные при «развитом социализме», продолжают свою деконструктивную роль уже в исходных заданиях на архитектурно-градостроительные проекты. Конкретная любовь к Отечеству, «малой родине» является началом всех серьезных изменений в региональной мегаполизации, строящейся по «стрелкам» – траекториям притяжения и размежевания «мест силы» между «столицами» и «провинциями».

Весьма значительными проблемами современности в условиях перехода к постиндустриальным технологиям являются ускоряющиеся наращивания потоков информации, разные уровни компетенций в коммуникативных взаимодействиях больших масс людей. Стохастическая фрагментарность, частичность, сегментированность идут в ущерб целостности проработки в сферах урбанистики и прагматически выстроенной по кодексам и законам градостроительной документации. Заметим, что агломерационность, кластерность, мегаполисность образуют важнейший категориальный ряд мегаполизации. Средовой и сферный подходы имеет множество пространственно-территориальных слоев и они сближают агломерационные технологии и стратегическое планированию в самой архитектонике проектной деятельности [3-5].

О национальных богатствах «мест силы» нашего Отечества написаны прекрасные книги, снято много фильмов, тиражируются электронные слайд-фильмы. Путешествия разного плана и типа – это дело писателей, художников, историков и других специалистов, не равнодушных к судьбам объектов и территорий, больших и малых достопримечательностей родного края и страны в целом. Нельзя «объять необъятное», давая перечисления экологических и градостроительных проблем в их увязке со стратегиями инновационно-технологического прогресса конкретных территорий, в их связи с производственной, экологической, отдельно взятой туристической деятельностью.

В данном тексте мы лишь намечаем некоторые основные «болевые точки» общих проблем, научно-организационного, социо-культурного, эколого-градостроительного стратегирования, неразрывно связанных с устойчивым развитием «мест силы» России. Сделать это важно в связи с исторической логикой становления гигантских территорий, особенно в восточном направлении: «БАМ», «Сила Сибири», «СибНЭР», «ТрансСиб», Владивосток и остров Русский. Для становления евразийской парадигмы государства важна необходимость сохранения и популяризация «колец, ожерелий и диадем» экоградокластера Центра России. «Золотое кольцо», «каменное ожерелье», «серебряная диадема», собирают фрагменты страны в устойчивое целое. Соответственно для внутренней туриндустрии любое, даже самое отдаленное место, может быть привлекательным.

Проверка России на прочность идет в жестких условиях перманентного кризиса и в потоке западных санкций, относительной изоляции нашей страны. Выживаемость государства в значительной степени зависит от эффективности организации программирования, проектирования, планирования, ориентированных на социально-гуманистическое созидание, опыт приобщения людей к своему наследию. Всеобщий успех общего дела и сама безопасность развития и воспроизводства мест силы России зависит от внутренних резервов, ресурсного потенциала и экономической культуры управления, архитектонической культуры граждан великой страны с великой историей. Многое в позитиве определяется степенями взаимосвязанной кластеризации территории при условии сбережения и приумножения национальных богатств. Особую роль в этом играет

экология человека и (дез)урбанистика жизни и деятельности огромных масс людей. Благоприятные перспективы устойчивого развития нашей державы проявятся и за счет туристского дела как общего дела России и всех россиян [6, 7].

Ноосферный синархиотектонизм научно-философского осмысления воспроизводства «мест силы» России может играть важную роль в управлении национальными проектами. В упорядочении стохастических процессов, задаваемых региональными и локальными бизнес-планами узкой специализацией современной науки, узковедомственными ориентирами производств, потоками независимой информации десятков тысяч региональных издательств журналов. Особое значение для выживания страны и недопускания экотехнической катастрофы может иметь способность управляющих элит интегрировать знания и системно реализовывать в национальных и интернациональных проектах, соединяя новые подходы к мировоззрению и миросозиданию, в единстве глубоких по смыслу базовых понятий: «архе», «археo», «архи», «ноос», «ноосфера», «сфера», «тектоника».

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленов Л.А., Никифоров Р.И. Банк артов (методология теорий): монография. – Нижний Новгород: Общероссийская академия человековедения, 2015. – 65 с.

2. Субетто А.И., Шанти Д.П., Лукоянов В.В. Ноосферизм – новая обобщающая научная идея и новая парадигма истории человечества. – СПб.: Астерион, 2017. – 100 с.

3. Крашенинникова Е.С. Архитектоническая культура человека: формирование городского ансамбля: монография. – Нижний Новгород: LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 193 с.

4. Норенков С.В. Архитектоника и синархия: концептуальное проектирование и моделирование: монография. Ч. 1. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2005. – 271 с.

5. Крашенинникова Е.С., Норенков С.В. Синархия артефактов творчества: архитектоника ансамблестроения: монография. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2017. – 297 с.

6. Крашенинникова Е.С., Гировка Н.Н., Норенков С.В. Туристское дело в России: фирменный стиль и бренд: учеб. пособие. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2016. – 230 с.

7. Субетто А.И. Манифест системогенетического и циклического мировоззрения и Креативной Онтологии (в форме постулатов). – Тольятти : МАББД, 1994. – 50 с.

NOOSPHERIC SYNARCHIOTECTONISM OF SCIENTIFIC-PHILOSOPHICAL CONCEPT OF REPRODUCTION «PLACE OF FORCE» RUSSIA

S.V. Norenkov, E.S. Krasheninnikova

Sinarchiotectonism is considered as an integral tendentious field of knowledge with design pragmatics that complements the noospheristics, developed as a theory of the reasonableness of the interactions of cosmos planetary spheres and humans; in the scientific and philosophical understanding of the reproduction of «places of power» in Russia, noospheric synarchiotektonism seems to be an important vector of the dynamics of scientific knowledge of the world.

Keywords: noospheric synarchiotectonism, reproduction, scientific and philosophical understanding, «place of power».

БУДУЩЕЕ РОССИИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ЭВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕХАНИЗМОВ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНОВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТОИМОСТИ

А.И. Субетто

Ноосферная общественная академия наук, доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, президент

Россия, 195197, г. Санкт-Петербург, Полюстровский пр-т, д. 59

Тел.: 89218970452, e-mail: subal1937@yandex.ru

Раскрывается связь стратегии развития России в XXI веке, специфических цивилизационных законов, определяющих механизмы её развития, с законом энергетической стоимости. Представлена аскиоматика теории энергетической стоимости. Будущее России и её народов связана с отношением адекватности управления её развитием цивилизационным основаниям и императивам.

Ключевые слова: цивилизация, развитие, эволюция, законы, экономика, хозяйство, стоимость, энергия, вещество, информация, аксиома.

Россия вступила в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, (А.В.Бузгалин назвал её «серой мглой» [18]), которая несет в себе изменения в основаниях бытия человечеству в XXI веке, обусловленные уже наступившей первой фазой Глобальной Экологической Катастрофы.

В этих **условиях стратегия развития России должна исходить из тех глубоких преобразований, которые претерпевает как наука, образование, так и управление социально-экономическим развитием, и вся экономическая система.**

Наступивший мировой кризис всей рыночно-капиталистической системы, включая и кризис мировой финансовой системы на основе Бреттон-Вудского соглашения (М.Хазин предупреждает: «Долларовая Бреттон-Вудская система скоро взорвется» [19]), есть на самом деле – только часть тех глубоких будущих преобразований, которые отражают действующий императив экологической выживаемости человечества.

Происходящая трансформация российского общества обладает некоторыми специфическими формами проявления законов социальной системогенетики [20], **обусловленными действием механизмов закона энергетической стоимости** [21].

Открытый автором закон энергетический стоимости расширяет представление о теоретической системе экономической ценности. Привычная дуалистическая марксовская схема теоретического базиса представлений об экономической ценности – стоимости и потребительная стоимости и соответственно закона стоимости и закона потребительной стоимости – была расширена автором категорией витально-экологической стоимости в 1994 – 1995гг., отражающей наличие у любого экономического процесса определенной «экологической цены» – его «человекоемкости» и «природоемкости» (на что обратил внимание В.П.Казначеев в своей концепции «экономики человека»). Начиная с 1999 –

2000гг. автором стала разрабатываться **концепция 4-го вида экономической ценности – энергетической стоимости.** Автор считает, что в любых экономических системах, ограниченных определенными территориями их существования, **действует своеобразный закон энергетической стоимости,** отражающий объективные энергозатраты, обусловленные ландшафтно-географической и температурно-климатической спецификой воспроизводства жизни человека и всех основ ее поддержания в обществе, включая все виды материального воспроизводства в первую очередь.

Таким образом, экономическая ценность и ее роль в регулировании экономических процессов предстает в форме взаимодействия 4-х «законов экономической ценности» и «контуров регулирования» соответственно:

закон стоимости — закон потребительной стоимости

закон витально-экологической стоимости — закон энергетической стоимости

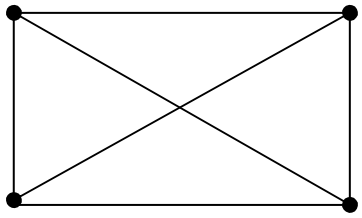


Рис. 1.

«Срез» функционирования и развития экономической системы, осуществляемый по «контуру регулирования по энергетической стоимости» и порождает то, что можно было бы назвать **«энерго-номикой»**.

Если вернуться к схеме на рис. 1, то ее можно было бы преобразовать в схему на рис. 2.

«Стоимо-номика» — «Потребительно-номика»

«Вита-эко-номика» — «Энерго-номика»

Рис. 2.

Энергоресурсы в начале XXI века становятся главным фактором и главным ограничением экономического развития. Война в первой трети XXI века, развязанная глобальным империализмом США в форме каскада или конвейера «локальных войн», предстает в первую очередь как война за господство над энергетическими ресурсами всего мира.

«Либеральная утопия» имеет «утопические корни» не только в самой экономике, но и в увеличивающемся экологическом сужении резервных возможностей для продолжения либерально-экономических экспериментов как в мире, так и в России. Экономическая свобода перемещения и концентрации в одних руках капитала уперлась в экологическую несвободу, которая в конце XX века перешла в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы.

В этих условиях **возникает теоретическая необходимость пересмотра**

оснований экономической теории и в первую очередь концепции экономической ценности с позиций энергетического взгляда на механизмы экономического развития.

Для России такая теория необходима в силу ее особых условий как наиболее высокоширотной, «холодной», евразийской цивилизации, в силу низкой продуктивности биосферы и холодных температур на ее территории, вынужденной потреблять энергию на единицу производимого валового продукта в 5 раз больше, чем в Европе, и в 7-10 раз больше, чем в США.

Об этом косвенно свидетельствуют следующие статистические данные об особенностях хозяйствования в России за последнее, 2-е тысячелетие в виде количества неблагоприятных лет для хозяйствования и воспроизводства жизни [1, с. 483]: засухи зафиксированы в 360 годах, голодные годы составили 433, холодные зимы – 293, дождливое лето наблюдалось в 207 годах.

Выполненный нами анализ категории «экономика» [14, с. 50,51] позволил выделить 10 понятийных экспликаций этой категории. Не будем их перечислять.

Последнее определение (К) состоит в следующем: **«Экономика есть энергообмен между человеком и природой, это есть хозяйственное энергопотребление для обеспечения воспроизводства жизни».**

На энергетическую экспликацию экономики/хозяйствования обращали внимание С. А. Подолинский, Г. Одум и Э. Одум и др.

Таким образом, мы получили определение категории экономики в форме кортежа [14]:

$$Эк = <А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К> \quad (1)$$

Определения «Ж», «З» лежат в основе «экономиксовой» категории экономики. Определения «В», «Г», «Д» – основа марксистского определения экономики. Определения «Г», «Д», «Е», «Ж» – в своем единстве определяют основу кейнсианской схемы экспликации экономики.

Само определение категории экономики в нашем варианте показывает: **категория экономики не замыкается товарно-денежной формой хозяйствования, она шире, она выступает посредником между социумом, человеком и природой, прочем посредником особым – процессом природопользования, организованным как хозяйство**.

Экономика на протяжении всей истории никогда не охватывалась на 100% товарно-денежным хозяйством. К такой не охватываемой товарно-денежными отношениями относится «семейная экономика» (по Т. Шанину) в той ее части, которая замыкается приусадебными участками. Западные специалисты даже применили в целом для этого феномена специальный термин «неформальная» или «эксполярная экономика» [7, с. 22-25]. По ряду оценок валовый продукт, производимый всеми женщинами мира, осуществляющими важнейшую функцию поддержания своим трудом в семье функции воспроизводства репродуктивного потенциала, в 1,5 - 2 раза больше валового продукта, производимого официальной экономикой. **Взгляд на экономику как природо-**

пользование приводит нас к определению экономики как энергетического природопользования или энергопотребления.

Если следовать логике выделения форм экономики, которую предложил Ю.М.Осипов, с соответствующими построениями названий [9] (товарно-обменная форма – «*товаро*-номика» и «*обменно*-номика», стоимостная форма – «*стоимо*-номика», капиталистическая форма хозяйства – «*капитало*-номика»), то можно выделить **три ведущих формы «обменов»** общества внутри хозяйства (экономике) и между хозяйством и природой – **вещественную, энергетическую и информационную**, в зависимости от того, что является доминирующим в тот или иной период экономического развития – вещество, или энергия, или информация.

Этим ведущим формам можно сопоставить три формы «экономик»: «веще-номика», «энерго-номика» и «информо-номика», единство которых и лежит в основе определения «И» в формуле (1).

В настоящее время энергетический взгляд на теоретические основания экономической науки выходит на передний план. Чем же вызвана такая актуальность энергетического взгляда?

Ответ на это вопрос многослоен.

Первое. Системно-экологической кризис бытия человечества, в том числе – экономического бытия, в конце XX века – в начале XXI века **перешел в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы** [11 – 16, 20 - 22]. **В этом проявилась экологическая несостоятельность рыночно-капиталистической формы хозяйствования – «капитало-номики», с позиций ее властной организации – капиталократии.**

Второе. Экологическая критика со стороны Природы (Биосферы, Земли-Геи) социально-экономического устройства бытия человека **может рассматриваться как критика экономического разума человечества** [26].

Она ставит теоретические императивы перед экономической наукой, т.е. экономическим разумом*:*

1) **отказа от теоретической замкнутости рассмотрения экономики**, при котором природный факторы, энергообмен между экономикой и природой выводится за пределы экономической теории;

2) **расширения предмета в целом обществоведения, и экономической науки как ее части, связанного с новым синтезом, – теоретическим синтезом в рамках Большой Логики Социоприродной Эволюции***,* требующей рассмотрения проблем экономики человечества в варианте открытого, в том числе энергетического, обмена с природой;

3) **осмысления природно-ландшафтной и климатической таксономизации по энергетическому базису хозяйствования**, энергетической цене воспроизводства условий жизни и поддержания репродуктивного потенциала населения на тех или иных территориях; из этой теоретической рефлексии вытекает *положение о Законе гетерогенности мировой экономики* [23, 24];

4) **теоретического осмысления особой, «срединной» страты экономи-**

ческих законов развития человеческих сообществ, связанных с особенностями функционирования и развития тех или иных локальных цивилизаций и им соответствующих локальных (региональных) экономик;

5) **теоретического осмысления действия Принципа Большого Эколого-Антропного Дополнения** [13, 14] в структуре экономических систем; **рассмотрения проблемы создания в XXI веке механизмов ноосферной экономики**.

Третье. С позиций Большой Логики Социоприродной Эволюции взгляд на историю экономики и хозяйства требует **выдвижения на передний план энергетического основания природопользования.**

По этому энергетическому основанию вся социальная история человечества, и соответственно история хозяйства, делится на 2-е «эпохи-цивилизации»:

1) **«эпоху-цивилизацию» в форме «вещественной цивилизации»** и соответственно **«вещество-номики»,** просуществовавшей от неолитической революции около 100 веков до н.э. и до 20-го века н.э. (для этой цивилизации и для ее экономики была **характерна низкая энергетическая вооруженность** и соответственно низкоэнергетические формы хозяйствования);

2) **энергетическую «эпоху-цивилизацию» и соответственно «энергономику»,** которые характеризуются скачком в энергетическом базисе природопользования до 10^7 степени раз («энергоиндустрия», использующая энергию ископаемого топлива, гидроэнергию и «энергию атома», стала ведущей, определяя темпы интенсификации природопользования).

Именно «энергетический скачок» в хозяйствовании человечества в XX веке и поставил человечество на край гибели. **Соединение большой энергетики хозяйствования с частно-рыночными, стихийными, капиталистическими формами его ведения, на взгляд автора, и привело к первой фазе Глобальной Экологической Катастрофы.** Низкая управляемость эколого-хозяйствованным взаимодействием при большом энергетизме хозяйственного воздействия на среду ведет к нарастающему потоку «опустынивания» природы, к росту ее энтропии, к расшатыванию «механизмов устойчивости» – гомеостатических механизмов – Биосферы и планеты Земля, как супер-организмов.

В авторской оценке возникла Информационно (интеллектно) – энергетическая асимметрия человеческого (в том числе – экономического) разума, в которой растущая энергетическая мощь хозяйственных проектов не уравновешивается соответствующим ростом качества прогнозирования, проектирования и управления и вследствие этого сопровождается ростом разрушительной мощи непредсказуемых отрицательных последствий и для Природы, и для «природы внутри человека», т.е. его здоровья.

Энергетический взгляд на теоретические основания экономической науки, так или иначе, часто всплывавший в теоретических построениях экономистов, оставаясь в основном все ж таки в «тени», на «обочине» категориальных построений, приобрел особую актуальность именно в конце XX века и в начале XXI века. Более того, он, по оценке автора, должен стать ведущим в понимании многих современных экономо-геополитических, эколого-экономиче-

ских проблем.

Разворачивающийся новый виток мирового кризиса глобальной системы свободного перемещения капитала, построенной в форме мировой капиталократии, главной доминантой имеет войну мировой капиталократии за господство над мировыми энергоресурсами на всех территориях Земли.

Основания теории энергетической стоимости могут быть сформулированы в виде следующих аксиом:

Аксиома 1 («аксиома открытости»). Экономическая система есть открытая система, находящаяся в состоянии обмена с окружающей средой по 3-м компонентам – веществу, энергии и информации.

Из этой аксиомы следует выше сформулированное **единство: вещество-номики (В), энерго-номики (Эн), информо-номики (Инф).** Это единство представим в виде кортежа (2):

$$Эк = < В, Эн, Инф> \qquad (2)$$

Аксиома 2. Энерго-номика – базисная, по отношению к двум другим (схема ниже):

$$\begin{tikzcd} В \arrow[rr, leftrightarrow] & & Инф \\ & Эн \arrow[ul] \arrow[ur] & \end{tikzcd} \qquad (3)$$

Из аксиом 1 и 2 следует, что **любая продукция на выходе экономической системы имеет «энергостоимость» (или «экономическую энергетическую ценность»).**

«Аксиома открытости» (аксиома 1) привязывает величину энергетической стоимости экономических процессов к особенностям климато-географических условий той или иной экономической системы.

Аксиома 3. Любой продукт экономической системы, также как экономическая система в целом, имеет свою энергостоимость, зависящую от климато-географических условий (инсоляции территории) хозяйствования, в первую очередь от среднегодовой температуры природной среды.

Между среднегодовой температурой территорий, на которой развивается экономическая (хозяйственная) система, и ее энергостоимостью имеется корреляция. Например, энергостоимость производства в России (у которой среднегодовая температура для всей территории – -5,5^{0}С) и энергостоимость производства в Европе (у которой среднегодовая температура ~ +5^{0}С) различаются в 3-5 раз (энергостоимость производства в Европе в 3-5 раз меньше, чем в России). По отношению к США, территория которых находится на широтах расположения Черного моря и Турции, это различие достигает 5-7 раз (среднегодовая температура в США еще выше, чем в Европе).

Аксиома 4. Так же, как меняется среднегодовая продуктивность живого вещества (в терминологии Вернадского) в зависимости от температурно-влажностных и почвенных условий, в среднем уменьшаясь по направле-

нию к северному и южному полюсам Земли, в связи с различием в потребностях энергопотребления по природным причинам, **меняется энергостоимость экономических систем** в зависимости от ландшафтно-географических, климатических (температурно-влажностных) условий месторасположения страновых экономических систем. Энергостоимость отражает географический детерминизм внутри причинно-следственных связей развития экономических систем и в целом системогенетики экономики или экономогенетики.

В.Т.Рязанов в своей работе «Экономическое развитие России: XIX – XXвв.» (1998) отмечает следующее. «Если абстрагироваться от экономических и технических условий и взять за основу действие природо-климатического фактора, то окажется, что **чистый выход растительной биомассы в среднем по России в 2-2,5 раза ниже, чем в Западной Европе, и в 3-5 раз ниже, чем в субтропических странах Дальнего Востока и основной части США.** Поэтому для получения такого же объема сельскохозяйственной продукции русский крестьянин должен обрабатывать как минимум вдвое большую площадь или вдвое интенсивнее трудиться» (выдел. нами, авт.) [10].

Энергозатраты на обеспечение нормальной жизнедеятельности человека при прочих равных условиях зависят от климата и обширности пространства, а поэтому, **чтобы достигнуть равного с западными европейцами уровня социально-экономического развития, на каждого россиянина нужно затрачивать энергии в среднем в три раза больше. В 1990 г. СССР потреблял около 8 т условного топлива в год на душу населения, что в три раза превышало среднемировую цифру.** Здесь надо учитывать, что энергии на отопление жилых, коммунальных и производственных зданий достигает 30-40% от общей величины энергопотребления. Такова плата за холодную зиму и суровый климат. Причем, по имеющимся оценкам, «оптимальный уровень энергопотребления в России, позволяющий ей войти в круг высокоразвитых стран, должен составлять не менее 14,2 тонн условного топлива в год на одного человека. Для сравнения этот показатель в Японии равен 4,5, во Франции – 5,1, в Германии – 6,1, в США – 11,0т» [10, с. 320].

Аксиома 5. При равной производительности и других равных условиях по факторам производства **экономические системы с более высокой энергостоимостью требуют более мощного развитого энергетического базиса хозяйствования.**

Аксиома 6. Конкурентоспособность экономических систем более высокой энергостоимости при равных условиях развития может обеспечиваться только за счет понижения цены (стоимости) энергии, что требует опережающих темпов роста энергоотдачи в этих странах.

Россия – СССР обеспечивала энергетическую конкурентоспособность своей экономики за счет низкой цены единицы энергии, которая обеспечивалась:

1) за счет единства Единой энергетической системы (масштабного фактора, способствующего выравниванию энергопотребления на основе бассейнового принципа);

2) за счет использования ресурсной ренты и более низкой цены рабочей силы, занятой на топливно-энергетическом комплексе.

Аксиома 7. Энерго-номика через энергостоимость экономики и соответственно национального валового продукта определяет энергетическую цену рубля, единицы валового продукта, все производимых продуктов и услуг.

Аксиома 8. В основе экономики, всех воспроизводственных процессов лежит труд человека (определение «В» в (1)). Труд в широком смысле – и физический, и интеллектуальный. Природа – первичный поставщик вещества, энергии и информации. Перевод их в продукцию, в производительные системы осуществляет производство. Главным первичным «движителем» веще-, информо-, энергопотоков выступает сложно организованный труд. **Рост энергопотребления переходит в растущую энерговооруженность труда. «Энергетический взгляд» на теоретические проблемы экономики не противостоит «трудовому взгляду», а дополняет его.**

Аксиома 9. Действует система «принципов дополнительности» в теоретическом осмыслении экономики как **энерго-номики***:* энерго-трудовой дополнительности, энерго-информационной дополнительности, энерго-вещественной дополнительности. Эти принципы отражают различные отношения между энергетикой и трудом, информацией, вещными факторами.

Указанная система аксиом (она может быть дальше развита) определяет механизм действия закона энергостоимости. Введение категории энергостоимости усложняет диалектику функционирования «экономической ценности», определяет диалектику взаимодействия диалектических пар: «стоимость – потребительная стоимость», «стоимость – энергостоимость», «потребительная стоимость – энергостоимость». В марксистском определении стоимость предстает как общественно необходимые затраты создания потребительной стоимости. **Стоимость как бы очерчивает границы «экономической целесообразности» потребительной стоимости.**

Различия в климатических, температурно-влажностных, ландшафтно-географических условиях, переходящие в разные уровни необходимого энергопотребления, при действии выравнивающего ценового механизма мирового рынка, в котором стоимость устанавливается по стоимости производства в США, переходит в **особый тип энергоренты.**

Высокая энергостоимость производства в России приводит при действии мировых цен на энергоресурсы и приватизации энергосистем к тому, что энергоресурсы «утекают» в США и Западную Европу, где они обладают более высокой «энергоотдачей». Формируется положительная энергорента, вывозимая в США и в Западную Европу из России, и отрицательная энергорента, убивающая экономику России.

Возникает диалектика стоимости и энергостоимости. При «открытии» экономики и рынка России в них устанавливаются мировые цены (мировая стоимость) на энергоресурсы, которые начинают «уходить» в экономику и на

рынок страны с низкой энергостоимостью, в первую очередь в Западную Европу и в США.

Потребительная стоимость есть экономия будущего времени в результате ее потребления. Закон потребительной стоимости дополняет закон стоимости. Контур потребительной стоимости в экономике есть контур управления экономией будущего времени, вернее качеством товара, экономящим будущее время в цикле жизни товара. Условно можно говорить, что **потребительная стоимость есть качественное наполнение стоимости.** Затраты прошлого труда тогда необходимы, когда они переходят в экономию будущего труда, т.е. обеспечивают рост общественной производительности труда.

Возникает диалектика энергостоимости и потребительной стоимости. Она выражается в росте энергоотдачи, т.е. в энергопроизводительности.

Процесс обеспечения роста энергопроизводительности на уровне страновой экономики и будет означать понижение ее относительной энергостоимости, т.е. энергостоимости единицы продукции. **Для этого используется синергетический эффект единого управления единой энергетической системой, который увеличивается при росте масштабного фактора**. Следует согласиться с С.Ю.Глазьевым (2003), показавшим, что **Единая Энергетическая Система в СССР была самой эффективной в мире, не имеющей аналогов** [4].

Энергостоимость предстает особым мерилом «энергоцены» производства и воспроизводства жизни. Например, северный регион России характеризуется наиболее высокой энергостоимостью жизни, поэтому для сохранения экономической целостности здесь должна быть самая высокая ресурсная рента и земельная рента, необходимая для сохранения и развития качества жизни населения и соответственно экономического развития.

Теория закона энергостоимости, нарастающая роль экологических ограничений («витально-экологическая стоимость») служат еще одним основанием критики экономического либерализма как «утопического», антинаучного построения, ведущего Россию к региональному распаду, к чему и направлены стратегии глобального империализма США.

Стратегия экономического развития России должна опираться на теорию энерго-номики. Это – императив XXI века по отношению к России. Энерго-номика России в течение веков формировалась под воздействием большого «пространства-времени» и ландшафтно-географического и климатического фактора, как мобилизационная экономика. Почти 50% экстремальных лет хозяйствования в России за последнее тысячелетие, если не больше, – свидетельство особого мобилизационного характера энерго-номики России. Российская экономика, как экономическая система странового, локально цивилизационного масштаба, несет на себе печать логики развития России как общинной евразийской цивилизации. Она обладает своими собственными экономическими законами развития, которые нами были представлены в ряде работ [22 - 24]. **Еще раз подчеркнем, что фактически однородный мировой рынок позволяет через страновую ренту вывозить из России значительные суммы ка-**

питала. Эта страновая рента – один из источников диспаритета в стоимости рубля и доллара.

«Большое пространство» и «большое время» российской экономики требует ее централизации и постоянного государственного регулирования. Для российской экономики и государства в целом противопоказан уровень децентрализации по аналогии с США или Германией. В этом случае теряется устойчивость в развитии России. Генри Джордж, социолог-экономист, живший в США, еще в XIX веке, предложил теорию социализации земли через земельную ренту. Английские джорджисты, в частности Фрэд Харрисон, предупреждали российских «реформаторов», чтобы Россия не отказывалась от государственной собственности на землю. Повышение эффективности землепользования имеет другие механизмы, в том числе механизм арендных отношений**.** Переход к капиталистическому рынку в системе земельных отношений в России привел дефакто к криминальной «войне за землю».

Многонациональный состав России, сложившаяся этническая структура землепользования, общинно-евразийская логика ее развития запрещает куплю-продажу земли в России. Поэтому рынка земли в его либеральном виде в России никогда не было и не должно быть. Можно считать, что замена отношений частной собственности на землю арендным отношениями и национализация земли и ее ресурсов – это императив развития и выживания России. Для истории развития Российской цивилизации характерно доминирование закона кооперации-монополизации. В.Т.Рязанов, подчеркивая **особое место монополизма в развитии российской экономики**, правильно указывает, что он обеспечивал «более высокий уровень концентрации производства в целях реализации экономии затрат от масштаба». «С учетом экономического пространства России эффект масштаба в принципе выступал важным фактором конкурентной способности отечественного производства в мировой экономике» [10].

Российская цивилизация есть кооперационная цивилизация. Доминирующая роль закона кооперации в экономическом развитии России – ведущий ее закон. Устойчивое развитие России, в условиях сурового климата, требует постоянного поддержания стратегических продовольственных, топливно-энергетических, транспортных запасов, поддержания резервирования транспортно-энергетической инфраструктуры экономики России.

«Закон стратегического резервирования» вытекает из мобилизационного характера российской экономики, обусловленного холодным климатом.

Для России XXI века действует императивы возрождения:

• управления стратегическими ресурсами;

• контроля государства над топливно-энергетическим комплексом и транспортной инфраструктурой, стратегическими отраслями добывающей промышленности;

• государственной монополии на торговлю нефтью, газом, ликероводоч-

ными изделиями, цветным металлом, редкоземельными элементами, золотом, алмазами, радиоактивными веществами.

Россия XXI века внесет свой вклад в мировое развитие человечества, если она вернется к собственным основаниям и законам развития. Указ Президент Российской Федерации №808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [26], вступивший в силу с 24 декабря 2014 года, есть, по оценке автора, свидетельство о возвращении России к собственным основаниям и императивам развития [23].

Теория энергостоимости и энерго-номики позволяют глубже осознать реалии современной геополитики. Энергоресурсы становятся предметом войн и мирового диктата. Очевидно, что в условиях нарастающего ресурсного мирового кризиса империалистическая борьба за энергоресурсы может стать перманентной в начале XXI века. Но также ясно, что это только ускорит разрастание глобальной экологической катастрофы и, в конце концов, закончится капиталистической гибелью человечества в XXI веке.

По вопросу взаимоотношения Труда и Капитала А.И.Тяжов замечает:

«По своему существу трудовой потенциал гуманистичен, тогда как капитал – деспотичен. Там, где господствует капитал, люди противостоят друг другу» [18, с. 106].

Мировая капиталократия не только разъединяет людей, она уничтожает разнообразие культур и этносов.

Россия нуждается в инновационном прорыве, требующем мобилизации всех духовно-нравственных, культурных сил российского общества. Россия в XX веке, благодаря научному творчеству В.И.Вернадского, выдвинула учение о ноосфере, перерастающее в XXI веке в Ноосферизм – новую научно-мировоззренческую систему и программу ноосферно-ориентированного синтеза всех наук, перерастающего, в свою очередь, в научно-технологическую базу выхода России и человечества из экологического тупика Истории в форме первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы [16].

Перед человечеством и Россией встал **императив перехода на основания ноосферной экономики.** Ноосфера в XXI веке – это новое качество Биосферы, раскрывающееся в виде управляемой социоприродной (социобиосферной) эволюции на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества – единственной модели устойчивого развития. Общественный интеллект – это единство науки, культуры и образования, раскрывающееся в высоком качестве управления будущим со стороны общества как целого. Еще В.И.Вернадский указывал на **особый тип энергии**, привносимой в биогеохимические процессы Биосферы, – **энергию культуры** [3], которая и служит преобразующим фактором перехода Биосферы в Ноосферу. «Появление разума и наиболее точного его выявления – организации науки – есть первостепенный факт в истории планеты, может быть, по глубине изменений превышающий все нам известное, раньше выявлявшееся в биосфере» [3, с. 59].

Ноосферная экономика, по своему содержанию, – это новое качество

экономической системы даже по отношению к «зеленой экономике», проблемы становления которой активно обсуждаются в мире. Её становление требует становления научно-образовательного общества с одновременной ноосферизацией науки и культуры. Закон энергетической стоимости, энергономика позволяют глубже осмыслить научно-ноосферные основания ноосферной экономики, обеспечивающей становление ноосферной (в будущем – ноосферно-космической) гармонии.

В этом контексте поставленные Президентом РФ в новом Указе по культурной политике российского государства цели и задачи, в том числе по «повышению статуса государственной культурной политики до общенационального уровня», на развитие гуманитарных наук, образования, духовной сферы, на «формирование гармоничного развитой личности» [25, с. 4, 6], на наш взгляд автора, могут рассматриваться и как процесс реализации ноосферного императива развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенков Е.П., Посецкий В.М. Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия. – СПб.: Гидрометеоиздат, 2002. – 536 с.

2. Вернадскианская революция в системе научного мировоззрения – поиск ноосферной модели будущего человечества в XXI веке (коллективная монография) / Под науч. ред. А.И. Субетто. – СПб.: Астерион, 2003. – 592с.

3. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: «Наука», 1988. – 520 с.

4. Глазьев С.Ю. Финиш в пропасти // Советская Россия. – 2003. – С. 3.

5. Казначеев В.П., Спирин Е.А. Космопланетарный феномен человека. Проблема комплексного изучения. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 304 с.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857-1859 годов / Соч. – 2 изд. – Т. 46.

7. Неформальная экономика. Россия и мир. Ред-р Теодор Шанин / Перев. и ред. И. Давыдовой, Е. Ковалева, А. Никулина – М.: «Логос», 1989. – 576 с.

8. Нижегородцев Р.М. Экономика информационного производства: становление, развитие, перспективы // Вестник Московского университета. – Сер. Экономика. – 1997. – №1. – С. 76-78.

9. Осипов Ю.М. Экономическая цивилизация и научная экономия. Приглашение к размышлению // Научный доклад на Международн. науч. конф. «Экономическая цивилизация: исторический триумф и эсхатологический кризис». – М.: МГУ, 1998. – 30 с.

10. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. – СПб.: Наука, 1998. – 796 с.

11. Субетто А.И. Введение в философию экономики и экономической науки. Почему социальный заказ на философию экономики сформировался в конце XX века? Статья первая // Проблемы новой политической экономии. – 2000. – № 1. – С. 9-16.

12. Субетто А.И. Введение в философию экономики и экономической науки. Статья вторая. На базе какой философии формировать философию экономики и экономической науки? // Проблемы новой политической экономии. – 2000. – № 4. – С. 47-57.

13. Субетто А.И. Введение в философию экономики и экономической науки. Статья третья. Экономическая онтология: экспликация категорий экономики и хозяйства. Экономическое бытие человека. 1. Факторы востребованности экономической онтологии // Проблемы новой политической экономики. – 2001. – № 3. – С. 47-55.

14. Субетто А.И. Введение в философию экономики и экономической науки. Статья третья. Экономическая онтология: экспликация категорий экономики и хозяйства. Экономи-

ческое бытие человека. 2. Экспликация категорий экономики и хозяйства // Проблемы новой политической экономики. – 2001. – № 4. – С. 46-55.

15. Субетто А.И. Капиталократия. Мифы либерализма и судьба России. Второе издание. – СПб. – Кострома – Луга: КГУ им. Н. А. Некрасова, ПАНИ, 2002. – 360 с.

16. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – СПб.: КГУ им. Н.А. Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. – 537 с.

17. Тяжов А.И. Индивидуальный трудовой потенциал и политико-экономическая концепция человеческих способностей / Под науч. ред. В.В. Чекмарева. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 1999. – 320 с.

18. Бузгалин А.В. Экономика России: выход из серой мглы. – Режим доступа: www.pravda.ru/authored/16-07-2014/1216435-economy-o.

19. Экономист Михаил Хазин: «Долларовая Бреттон-Вудская система скоро взорвется». Комментарий: 31 (интервью-беседа). – Режим доступа: www.kp.ru/daily/26317.7/3195526/?ср.

20. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие (интегративный синтез). – М.: Исследоват. центр проблем кач-ва под-ки спец-ов, 1994. – 156 с.

21. Субетто А.И. О законе «энергетической стоимости // Проблемы современной экономики. – 2005. – № 3/4 (15/16). – С. 92-95.

22. Субетто А.И. Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке. – СПб. – Кострома: Смольный университет РАО, КГУ им. Н.А.Некрасова, 2005. – 324 с.

23. Субетто А.И. Законы социально-экономического развития России как самостоятельной цивилизации // Экономика. Налоги. Право. – 2014. – № 2. – С. 21-26.

24. Субетто А.И. Законы социально-экономического развития России как самостоятельной цивилизации (в контексте закона гетерогенности мировой экономики): научный доклад. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2014. – 112 с.

25. Указ Президента Российской Федерации № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». – М., Кремль, 24 декабря 2014 года. – 18 с.

26. Субетто А.И. Критика «экономического разума». – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 508 с.

THE FUTURE OF RUSSIA IN THE EPOCH OF THE GREAT EVOLUTIONAL BREAKTHROUGH THROUGH THE PRISM OF MECHANISMS FOR ACTION OF LAWS OF ENERGY COST

A.I. Subetto

The connection between the development strategy of Russia in the 21st century, specific civilizational laws that determine the mechanisms of its development, and the law of energy value is revealed. The asiomatics of the theory of energy value is presented. The future of Russia and its peoples is connected with the relation of the adequacy of the management of its development to civilizational foundations and imperatives.

Keywords: civilization, development, evolution, laws, economy, economy, value, energy, substance, information, axiom.

РОССИЯ: ОТ АГРАРНОГО К УМНОМУ ОБЩЕСТВУ

А.С. Тимощук[1], Н.Н. Трофимова[2]

Владимирский юридический институт ФСИН России, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, [1]доктор философских наук, профессор, [2]кандидат юридических наук, начальник

Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67е

Тел.: 89209017880, e-mail: human@vui.vladinfo.ru

Благополучие России связано с глобальным факторами социально-экономического конституирования. Мир достиг технологических пределов в развитии индустриальной и постиндустриальной экономики и будущее Земли зависит о выработки регламента следующего типа общества. Smart society – это бережливость, экология, учёт, знание, образование, мудрость жизни. Выживание мира зависит от повышения эффективности производства и распределения при самоограничении в потреблении.

Ключевые слова: аграрное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество, умное общество, устойчивое развитие.

На каждом этапе своего развития человечество стремилось выработать программу устойчивого развития. Каждый тип общества – первобытное, аграрное, индустриальное и постиндустриальное – вырабатывает свои стандарты надёжности выживания и обеспечения потребностей. При этом ключевым фактором перехода от одного типа общества к другому является народонаселение, численность которого выступает одновременно решением проблемы и новым вызовом устойчивости.

В примитивном обществе большой род помогает в конкуренции с другими племенами, но его трудно прокормить на ограниченных охотничьих угодьях. Этот тип человечества достаточно устойчиво существовал несколько миллионов лет, постепенно заняв практически все континенты. Однако рост народонаселения и невозможность удовлетворить потребность в питании с помощью охоты привели к переходу на аграрный тип хозяйствования, что является первой масштабной и малоизученной революцией человечества, обеспечившей ему относительно стабильное существование в течение нескольких тысяч лет.

Проблемы нехватки земли начали проявляться уже в конце средних веков, когда европейские государства активно сводили лес и искали возможности колонизировать новые континенты. Дефицит земли породил пауперизм, бродяжничество и исход крестьян на новые земли. Первая НТР давала занятость в городах на производстве, и это быстро меняло уровень жизни, уклад жизни и тип семьи. Город впервые стал более сытым местом, чем деревня.

Индустриальный тип общества нуждался в своём типе устойчивости – рынках сбыта. Производить массово человечество научилось, однако, надо было ещё и продать товар, а для этого нужен был средний класс и политика протекционизма, который обосновал экономист Адам Смит для родины капитализма. До тех пор, пока индустриально развитых стран было немного, они обеспечивали свою устойчивость, реализуя продукцию в аграрных колониях.

Однако постепенно число индустриально развитых держав росло: к Великобритании присоединилась Германия и Франция. Затем стало всё больше расти влияние США и Японии. Первая и вторая мировая война – это конфликты уже индустриальных держав, где затем своё место в глобальном порядке отстаивало и молодое советское государство, ставшее альтернативным проводником индустриализации в Азии, Африки и Латинской Америке. СССР овладел технологиями электроэнергетики и неорганической химии, станкостроения и машиностроения, ракетостроения и ядерного синтеза; делился ими с союзными государствами, составляя конкуренцию развитым индустриальным государствам.

Космизм, как синтетический проект, объединивший несколько смыслов (идея радикального преобразования человеческой природы с помощью знания, иммортализм и осознанное преодоление ограничений сознания и природы, пространства и времени), попал в цивилизационный поток. К сплаву христианства, теософии и марксизма добавились мировые успехи в авиации, которые быстро впитывали отечественные конструкторы Н.Е. Жуковский, А.Н. Туполев, П.О. Сухой, С.П. Королёв и др.

Космизм совпал с оборонными потребностями страны и дал вполне прагматичные результаты: межконтинентальные баллистические ракеты, которые выступают продукцией двойного назначения, т.к. способны быть космическими носителями, так и нести заряд на большие расстояния для поражения стратегических объектов противника.

Что касается романтических мечтаний о полётах к другим галактикам, выхода из колыбели человечества и добыче руды на других планетах, то от них, видимо, придётся отказаться. Хотя заявления о полёте на Марс и Луну делаются регулярно, реальные шаги с 1960-х, как в США, так и в России, пока в сторону сокращения расходов на космос: сворачивание лунной программы, многоразовых челноков, объединение усилий на МКС.

Существуют пределы ракетных технологий для передвижения в космосе на дальние расстояния и перемещения грузов. Ракетный космос останется затратным (доставка грузов обходится в сотни миллионов долларов) и не может пойти по пути удешевления, как компьютеры или мобильная связь за счёт массового маркетинга. Иные же неракетные способы тяги в вакууме для тел, имеющих массу, по-видимому, не возможны. Несомненно, военные расходы человечества стоят дороже космической программы, которая может дать шанс выживания человечеству. Инвестиция в космос должна стать, прежде всего, инвестицией гуманизма.

Вероятно, человечество достигло практически всех доступных ему технологий, ибо есть ограничения связанные с тем, что мы суть физические тела, обладающие массой. Даже если бы мы могли достичь скорости света, то путешествие в другие галактики заняло бы бесконечное количество времени, несоизмеримое с человеческой жизнью. Что касается перегрузок, то даже нынешняя космическая скорость в 40 тыс. км/ч является пиковой (5 G), что уже говорить о том, чтобы приблизиться к световой. Существуют и иные препятствия для ос-

воения космоса – метеориты, излучение, гетеротрофное питание космонавтов.

Химические системы запуска ракет мало изменились со времён первых космических полётов и никаких революций в двигателях не наблюдается. Космос стал разновидностью региона для полётов лётчиков, военным полигоном и областью коммерческого запуска спутников.

Землеподобная система Trappist-1 возможно обладает атмосферой, температура на некоторых планетах вполне подходит для нахождения воды в трёх состояниях. Однако Trappist-1 находится на расстоянии 39 световых лет от Земли и это делает безнадёжным наши ракетные потуги.

При планировании общества будущего важно сохранить здравомыслие и не поддаться искушению технократии; не начать говорить о межгалактических перелётах и массовом космическом туризме, трансгуманизме, ликвидации старения, дармовой энергии водорода и холодного ядерного синтеза, войне клонов и роботов с homo sapience.

Никаких особых проблем в области применения ИИ не существует. Все эти рассуждения о том, есть ли у машин субъективность и свобода воли – университетская схоластика. Собственно, никакого искусственного интеллекта не было и не будет. Это колоссальная подмена понятия. Мы переносим свойства человека на машины и запутываемся в своих же метафорах. Есть устройства-помощники. Они не самостоятельны, бессубъектны, не имеют свободы воли и действуют в рамках алгоритмов, созданных человеком.

Человек – это сложная система со множеством подсистем. Когда мы говорим «интеллект», то подразумеваем, что это самоподдерживающая и саморазвивающаяся открытая система. В то время как ИИ – это энергетически зависимая алгоритмически-ограниченная, закрытая система или система с ограниченной обратной связью, которая по сути не изменилась от капканов для зверей древнего человека, где тоже был механический алгоритм.

Никаких эмоций по поводу того, что робот София ответила, что сильнее человека и может его уничтожить. Постановочные ролики для СМИ от создателей нужны для привлечения инвестиций. Робот-учитель, робокоп – всё это инфоповоды для вербовки технооптимистов. Ясно, что для чтения лекции можно принести куклу, имитирующую голос человека и мимику лица, имеющую алгоритмы для ответов на релевантные вопросы, но учитель, это не только преподаватель знания. Это и организатор, мотиватор, полемист, оратор и, самое важно, живой человек, часть общественной системы. Нужно ли стараться переносить все эти свойства на искусственную систему?

Роботы освобождают нас от рутины, помогают на тренажёрах для будущих врачей, лётчиков, водителей. Никакой угрозы безработицы в результате роботизации жизни не существует. По разным причинам. В некоторых областях внедрение этих помощников дороже, нежели найм дешёвой рабочей силы: сельскохозяйственные роботы внедряются в западных странах, а в развивающихся всю эту монотонную работу делают люди.

В других, как например, в праве, требуется уполномоченное лицо, кото-

рое может нести ответственность и быть наказанным на неправомерное решение. Юристы-боты не отвечают за ошибки. Люди – да. Никакой юридической дилеммы в вопросе об ответственности за сбитого человека автопилотом нет.

«Умные машины», «искусственный интеллект» – это нейтральные действия запрограммированных устройств, которые по социальным причинам принято считать автономными мыслящими гаджетами. Так происходит ещё одно умножение иллюзий. Компьютер сайнс начинает новый виток гипостазирования. Игры в компьютерный разум – разновидность симулирования процессов истины.

В Азии фабрики блокчейна сегодня дополняют крупные заводы, надомный труд и ручную обработку риса. Чтобы машина заменила чуткость человеческих рук при выращивании искусственного жемчуга на моллюсковых фермах, нужны вложения, несопоставимые с самой стоимостью жемчуга. Человек пока остаётся самой дешёвой универсальной машиной, а лозунги всеобщей роботизации – это лишь маркетинговая стратегия их производителей.

Сегодня машины уже заменили многие рутинные процессы и это не уменьшило ценность людей, а даже увеличило. Люди ценны тем, что они умеют то, что не умеют делать машины. Есть экономический предел в том, сколько человечеству нужно устройств-ботов и персонала по их обслуживанию.

Нас приучают к тому, что человек будущего сменит десятки работ и квалификаций, ему нужно постоянно учиться, аргументируя, что это спасает от старческого слабоумия, при этом скрывая то, что постиндустриальная цивилизация зашла в тупик и даже она не может обеспечить стабильной занятостью растущее население

Миф и религия обеспечивает устойчивость общества несколько тысяч лет, а развитая институализированная наука – лишь около двухсот. Наука предоставила человечеству много технологий выживания: механизацию труда, электроэнергию, средства транспорта и связи. Однако не все модели научного преобразования мира способствуют устойчивому развитию общества. Некоторые технологии потенциально опасны биосоциальному выживанию человечества. Поэтому противоречие тезиса и антитезиса следует снять в синтезе научного подхода к духовности и духовного подхода к научной трансформации мира.

Современный горизонт понимания общества действительно избыточно детерминирован инженерно-технократическим структурированием реальности. Прагматичный инвестиционный прогноз – это необходимость развития технологий образования, энергосбережения, управления, переработки мусора, направлений зелёной революции. Реальные тенденции, которые мы видим сегодня – усложнение социотехнической реальности, угрожающее изменение климата, глобальное усиление демографического и экономического неравенства регионов, безработица [1].

Россия как никто другой заинтересован в долгосрочном мире. XX век – это лиминальная эпоха масштабных людских потерь. Русская революция 1917 г. – событие положившее начало новому государству, новому обществу и

новому мировому порядку. Это была попытка построить общество социальной справедливости, равенства и братства, причём в глобальном масштабе. Социальный инжиниринг происходил на фоне грандиозных социальных задач по модернизации отстающей аграрной экономики.

Коммунизм как радикальная социальная утопия отработал свою роль не только в отечественной, но и в глобальной модернизации, дав надежду многим миллионам людей на достойную жизнь. При этом он улучшил не только жизнь масс в отсталых странах, но способствовал укреплению принципов социального государства в развитых индустриальных государствах. 8-часовой рабочий день, социальная защита, равенство женщин – все эти социальные блага нужно было завоевать и Великая октябрьская социалистическая революция стала одним из рычагов этого всемирного процесса [2].

Вспоминая революцию 1917 года, последовавшую гражданскую войну и репрессии, нельзя не отметить, что XX век был наиболее трагичным и переломным для России, потерявшей миллионы граждан. Эта колоссальная цена избавления от череды опасных иллюзорный целей, которые вынашивала политическая элита долгие годы: «Москва – третий Рим», «Русский флаг над Царьградом», «Мировая пролетарская революция», «Общество без денег и без собственности», «Мировое господство». Отрадно, что XXI век Россия встречает наиболее адекватным целеполаганием – безопасность и благосостояние народа [3].

Цефализация и рационализация человека сопровождает его путь от мифа к логосу. Казалось бы, в информационную эпоху мы должны видеть меньше иррационального, ибо сон разума рождает химер. Поразительно, что дигитальные технологии генерируют и тиражируют иррациональное ещё с большей силой, чем сарафанное радио, формируя клиповое сознание и порождая дегенеративную зависимость от коммуникаторов, медиа среды и информационного фастфуда.

Мы сейчас достигаем сопряжения разных исторических миров благодаря Интернету, ибо сейчас культура разного времени и пространства получает вторую жизнь благодаря Интернету. Человек, живущий винтажной памятью, потребляет реликтовые культуры, застывшие формы социальной памяти. Если хоть один человек интересуется этой ушедшей культурой, она сохраняется в социальной памяти. Благодаря сети можно воспроизвести образы культурных атрефактов через 100, 1000 лет и дать им вторую жизнь. Культура трансформируется, но по закону сохранения энергии, её потенция передаётся дальше. Мифы, утопии, иллюзии – неизбежная сопровождающая бытия человека. Это цивилизационный процесс отработки разных проектов и он получает свою монетизацию через глобальную сеть. Однако программист не может управлять государством. Нельзя паразитировать на мифе о кибернетическом обществе.

Что мы возьмём в будущее? Для того, чтобы глобально продлить будущее, нужна гибкость и стойкость. Только так можно меняться, ради того, чтобы остаться собой. Следующим этапом после пост-индустриального общества является умное общество, которое берёт всё жизнеспособное из аграрной, инду-

стриальной и постиндустриальной экономик и проводит тонкую настройку всех технологий в соответствии с принципами устойчивого развития, бережливого производства и потребления, глобальной оптимизации экономических и инфраструктурных процессов, доминанте экологии и энергоэффективности. Аграрное общество жило иллюзией, что рабский труд – источник богатства; индустриальная экономика рассчитывала на ограбление колоний и протекционизм; постиндустриальная породила заблуждения, что нас спасёт Интернет (биткойн, блокчейн и т.п.), а космос даст человечеству горы хлеба и бездну могущества. Smart society должно окончательно избавиться от иллюзии благодаря постколониализму и глобализации и прийти к обществу умеренности и оптимизации. Россия должна подавать пример динамичного государства, который уверенно идёт по пути инновации и научно-технического развития, оставаясь при этом на консервативных нравственных ценностях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тимощук А.С. Технические и экономические императивы современного мира // Наука, образование, молодежь в современном мире: материалы международной научно-методической конференции (26-27 мая 2016 г.). Междисциплинарные подходы к реализации образовательных программ: пути интеграции гуманитарных и технических дисциплин. Научные и образовательные императивы современного мира. Инженерная парадигма XXI века. Технологии. Наука. Философия. Общие проблемы философии науки и науковедения. Миграционные процессы и трудовые ресурсы. – М.: РГУ нефти и газа имени (НИУ) И.М. Губкина, 2016. – С. 77-81.

2. Тимощук А.С. Революция и гражданская война в России как инструменты модернизации общества // Революция 1917 года и Гражданская война: региональное измерение общероссийских процессов Материалы всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Великой Российской Революции и 95-летию окончания Гражданской войны / под ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. – С. 3-11.

3. Тимощук А.С. Социогенез России в XXI веке: достижения и стратегии будущего // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVII Междунар. науч. конф., Иваново, 28-29 марта 2018 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. – С. 350-355.

RUSSIA: FROM AGRARIAN TO SMART SOCIETY

A.S. Timoshchuk, N.N. Trofimova

Russia's well-being is connected with global factors of socio-economic constitution. The world has reached technological limits in the development of the industrial and post-industrial economy and the future of the Earth depends on the development of regulations for the next type of society. Smart society means frugality, ecology, accounting, knowledge, education, the wisdom of life. Survival of the world depends on increasing production efficiency and distribution with self-restraint in consumption.

Keywords: agrarian society, industrial society, post-industrial society, smart society, sustainable development.

ЦИВИЛИЗАЦОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ В СИТУАЦИИ ОЧЕРЕДНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Н.А. Хренов

Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ,
отдел медийных и массовых искусств, доктор философских наук,
главный научный сотрудник
Россия, 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5
Тел.: 84956940371, e-mail: nihrenov@mail.ru

Предпринята попытка осмысления существующего сегодня в российском обществе раскола. Этот раскол автор понимает как следствие поворота России в сторону Востока. Такой новый поворот, в отличие от предыдущих поворотов в истории, становится политическим курсом. В этом контексте рассматриваются изменения в цивилизацинной идентичности русских.

Ключевые слова: Россия, Америка, Китай, Восток, Запад, цивилизация, цивилизационная идентичность, вестернизация, евразийство, идеология, культура, пассионарность, Шпенглер, Данилевский, Тойнби, Хантингтон, Соловьев, Другой.

От идеологии к цивилизации: почему проблема цивилизационной идентичности оказывается сегодня столь актуальной?

Если попытаться характеризовать современную ситуацию в мире, то, наверное, не обойтись без двух слов – неустойчивость и неопределенность. Это признаки психологической атмосферы в обществе и, наверное, это характерно не только для России. Мы не случайно начали с психологии, а, скажем, не с политики. Ведь сдвиги, что в последние десятилетия в России происходят, касаются не только геополитики, географии, идеологии, империи, демократии, либерализма и т.д., но идентичности и, в частности, коллективной идентичности. По свидетельству И. Нойманна, как ведущая отрасль антропологии и социологии проблематика идентичности формируется с начала 1990-х годов [1, с. 236]. А вот это уже проблема психологии. Причем, идентичности не только индивидуальной, а коллективной, как бы ее не конкретизировать, подразумевая под ней и национальную, и этническую, государственную и т.д. идентичность.

Но, конечно, изолировать психологические аспекты идентичности от геополитики, идеологии, географии и т.д. невозможно. Ведь как утверждает тот же И. Нойманн, конструированием «Другого», имея в виду цивилизационные идентичности, о которых у нас и пойдет речь, занимаются именно политики [1, с. 54]. Странно было бы не обращать на это внимание в нашу эпоху как эпоху гипертрофированных пропагандистских технологий, с помощью которых симулякры сплошь и рядом заменяют реальность. Эта изоляция невозможна особенно в том случае, когда речь идет о такой разновидности коллективной идентичности как цивилизационная идентичность, о которой в последние десятилетия много говорят [3]. Говорят справедливо, поскольку это уже не просто академическая, а практическая проблема. Видимо, С. Хантингтон верно уловил проблему и удачно ее сформулировал, раз его книги были замечены и спрово-

цировали дискуссии.

Так что же впервые сформулировал С. Хантингтон? Он зафиксировал значимый сдвиг в истории, определяющий изменения в идентичностях. Собственно, во многом именно это способствует возникновению атмосферы неопределенности и неустойчивости в обществе, которые мы все сегодня ощущаем, но до конца так и не можем осмыслить. Ведь то, что с нами происходит, - следствие не только распада советской империи. Для осмысления современного хаоса необходим еще один уровень осознания, а именно, тот сдвиг, что происходит на уровне взаимоотношений между цивилизациями. Причем, даже не в настоящий момент или в последних десятилетиях, а в больших исторических длительностях, без чего не разобраться и в настоящем моменте в их взаимоотношениях. В данном случае необходимо расширить поле исследования и происходящий культурологический поворот расшифровывать еще на одном уровне – цивилизационном. Он является даже следствием открытия проблематики цивилизаций, а они с некоторых пор вступили в новый период в истории своих взаимоотношений, что, несомненно, активизировало культурологическую рефлексию и способствовало становлению науки о культуре.

Цивилизационный уровень рассмотрения проблематики культуры приводит к тому, что такое рассмотрение уже никак не может быть сведено исключительно к тем процессам, что происходят в России. В данном случае культурологический поворот, обладающий специфическими в России признаками, до конца может быть осмыслен, исходя из внешнего фактора, под которым следует подразумевать взаимоотношения между цивилизациями. Иначе говоря, ставя вопрос о поддержании идентичности в России, мы не можем обойтись без активной роли в этом процессе того, что в философии называют «Другим». В данном случае род этим «Другим» следует подразумевать другую цивилизацию или другие цивилизации. Понятно, что в современной ситуации, когда многое зависит от Америки, России и Китая, этого аспекта культурологического поворота невозможно избежать.

Как уже отмечалось, неопределенность и неустойчивость в современном мире порождена более активными взаимоотношениями между тремя цивилизациями, воздействующими друг на друга и влияющими на изменения идентичности входящим в эти цивилизации народов. Нас, в первую очередь, интересует цивилизационная идентичность, что характерна для России. Понятно, что эта идентичность во многом зависима от традиции, сформировавшейся в предшествующих столетиях. Но не в меньшей степени сегодня она зависима и от внешнего фактора, т.е. от взаимоотношений России с другими цивилизациями. И от воспринимаемых по принципу «Другого» цивилизаций зависит самоощущение русского человека. Поэтому и возникает проблема – русский человек, каким он был в прошлом, каким он предстает сегодня и каким он видит себя в будущем. Вот это видение себя в будущем тоже ведь входит в виде слагаемого в цивилизационную идентичность.

Происходящий сегодня сдвиг связан с утрачиваемой основой, опреде-

ляющей до некоторого времени коллективную идентичность. Такой основой была идеология. Во всяком случае, в России. Но идеология оказалась в кризисе. Возьмите, например, идеологию большевизма, которая формировалась не без влияния модерна. Постмодерн радикально пересматривает мировосприятие модерна. А это мировосприятие, как утверждает И. Нойманн, способствует конструированию и поддержанию прочности и стабильности идентичностей [1, с. 279]. Что же касается постмодернизма, то для этого мировосприятия становится значимым, как избежать застывания идентичности и сохранять принцип открытости в функционировании идентичности. Эта открытость идентичности во многом и является причиной неустойчивости и неопределенности переживаемого сегодня исторического момента. Понятно, что и модерн, и постмодерн определяют установки художников, в частности, те процессы, что происходят в кинематографе.

Да, большевистской идеологии больше нет. Между тем, она многое определяла и помимо всего прочего была формой изживания возникшей в России фантастической пассионарной вспышки, энергию которой до начала XX века направить на созидательную деятельность не удавалось. Но что означает пассионарная вспышка, охватившая массовые слои неграмотного населения, поверившего, что на земле может быть создан рай – царство небесное? Ради этой идеи фанатики устраивали оргии жертвоприношения во время революции и гражданской войны. Достаточно пролистать книги С. Мельгунова [3] и В. Булдакова [4], чтобы ощутить эту оргию, которая ведь продолжалась и в гулаговских казармах вплоть до смерти вождя. В последние десятилетия некоторые кинорежиссеры пытаются вернуться к этим практически спрятанным страницам революции, воспроизвести это падение ценности человеческой жизни в этот период (например, фильм А. Смирнова «Жила – была одна баба» (2011) и фильм А. Рогожкина «Чекист» (1992).

Тем не менее, в некоторых отношениях идеология была необычайно эффективной, в частности, для утверждения, укрепления и поддержания солидарности как внутри государств, между разными входящими в его состав этносами и социальными группами, так и между государствами. Хотя невозможно закрывать глаза на то, что эта же самая идеология и разделяла мир на противостоящие лагеря и оказалась мощным средством давления на личность. Солидарность достигалась за счет принесения в жертву личностного потенциала. Эффективность идеологии заключалась в том, что на ее основе солидарность, если иметь в виду прежде всего внутренние для России процессы, могла возникать вне этнических, национальных, религиозных и т.д. уровней. Сегодня этой идеологии больше нет, нет и эффективного средства сплочения, используемого как внутри страны, так и вне ее. Общества начинают распадаться. Начинают распадаться и связи между народами, которые возникали на идеологической основе.

Может показаться, что если автор утверждает, что идеология была эффективным средством формирования и поддержания идентичности, то он, следовательно, испытывает по ней ностальгию и ее положительно оценивает. Не в

этом дело. На своей ранней фазе идея, положенная в основу революционной идеологии, имела много последователей. Сначала это была группа, потом партия, потом эта идея распространялась в массах, что не удивительно, ведь пассионарный взрыв должен был найти какую-то форму выражения. Его энергия распространилась на инертную массу. И понятно, что и в массе было много тех, кто эту идею разделял и в нее верил. Важно отметить, что ее разделяли и некоторые представители интеллигенции, художники, например, М. Горький, Маяковский, Эйзенштейн и т.д. Даже сегодня мы видим, что разделяющие эту идею и жаждущие поставить памятник Сталину есть не только в старшем, но и в младшем поколении. И кстати, имеются основания полагать, что по мере разочарования в идеологии и распространения жажды наживы, начавшегося еще с момента активизации либерализма и охватившего сегодня общество, особенно среду чиновников, позитивная аура большевизма будет укрепляться. Не пришлось бы снова печатать большими тиражами Маркса.

Почему же такой эффект большевистской идеологи и почему он давал о себе знать много десятилетий? И это на том этапе истории, когда ее ритмы заметно ускорялись. Дело в том, что поскольку идея социализма распространялась в массе, то она была трансформирована в нечто такое, что уже не было только идеологией. Массовое сознание вносило в нее психологические комплексы разного исторического происхождения. Она вбирала в себя религиозные, мифологические, фольклорные, художественные и т.д. представления. Ведь еще и в 20-е годы развертывались дискуссии о том, что в социализме есть от религии. А. Луначарский, например, как известно, представлял социализм разновидностью религии. Об этом же пишет Н. Бердяев в своей книге о Достоевском [5]. Да и в знаменитых «Вехах» С. Булгаков писал, что революционная идея в России приобрела религиозный смысл [6, с. 27]. Видимо, потому и сохраняла свой смысл идея социализма и возникшая на ее основе идеология несколько десятилетий, что сама возникала на основе многосложного и нового – плюралистического и традиционного мышления.

Но конечно, в новом мировосприятии они предстали лишь подчиненными в сравнении с идеологическими установками элементами. Новое мировосприятие возникало не на основе культуры, не было ее продолжением. Оно использовало культуру, обязывая ее служить себе. Со временем это, может быть, и стало причиной краха этого утопического эксперимента. Новые идеи были влиты в архетипические и мифологические формы. Да, эта идеология долго держалась, но к сегодняшнему дню, кажется, совсем угасла, ведь пассионарная вспышка, которой многим обязана идея социализма и вся наша история в первой половине XX века, оказалась потраченной. Уже в эпоху оттепели энергия пассионарности начала получать выражение не в классовых схватках и перевоспитания в лагерях, а в создании художественных и духовных ценностей. Это свидетельство ослабленной пассионарности. Поэтому оттепель в ее российском варианте и явилась чем-то вроде «нового Ренессанса» [7, с. 17]. Ведь возникший еще в начале XX века культурный и художественный ренессанс после 1917 года прекра-

тился. Но все фазы развития он пройти не успел.

А. Синявский утверждал, что этот ренессанс успел пройти лишь свою поэтическую фазу, дав миру превосходную поэзию. Следующей фазой должен был бы быть расцвет прозы. К прерванной логике нового «русского ренессанса» начала XX века возвращала проза оттепели «В начале XX века у нас была самая прекрасная в мире поэзия – пишет А. Синявский – Но проза, как известно, развивается позже, и ее прихватил мороз. До расцвета русской прозы в нашем столетии дело не дошло. Однако сознание, что где-то в самом начале было даровано России счастье жить в высокую поэтическую эпоху, что эти стихи каким-то чудом дошли до нас и сделались теперь нашими современниками, это сознание обязывало и обязывает русскую литературу, выбиваясь из сил, доказать, что она тоже может быть великой. Поэзия начала века обязывает хотя бы к концу, создать недостающую прозу. И если таковая появится (а она начинает появляться), наша вечная благодарность – поэтам, сумевшим уже вначале сообщить российской словесности такой размах и заряд, что она смогла перепрыгнуть через пропасть шириною в тридцать, в сорок лет, когда в России практически не было словесности и, что самое главное, не было уверенности, что таковая когда-нибудь будет» [8, с. 185].

Конечно, весь этот процесс не был осмыслен, и нужно было ждать, пока не появится новый Шпенглер и не напишет бестселлер под названием «Закат России», – мысль, конечно, бредовая, но все же она возникает. Ведь ощущаемый в эпоху оттепели кризис большевистской идеологии и в самом деле кому-то мог казаться «закатом» России. Впрочем, не эта ли мысль приходила в голову еще людям, выходившим на улицы в день похорон Сталина. Некоторым казалось, что с его смертью заканчивается новая Россия. Но если уж говорить серьезно, то эти фазы российской истории Л. Гумилевым были просчитаны, а главное, в этой истории им было найдено место и нашим дням. По мнению ученого, пассионарный толчок как исходная точка любого этногенеза, в том числе, и российского, в России произошел еще в XIII веке [9, с. 471]. С тех пор прошло 800 лет. А это, как считают сторонники культурологического и цивилизационного взгляда на историю, как раз та самая фаза в истории, когда заканчивается период надлома цивилизации и начинается инерция.

Что же касается фазы надлома, то, по мнению Л. Гумилева, ее начало следует фиксировать после Отечественной войны 1812 года. Финал же этой фазы связан с утратой единства суперэтноса и начавшимися разборками между отделяющимися от цивилизации ее частями, когда-то входившими в ее состав, а ныне обретающими самостоятельность. Видимо, эта ситуация, в соответствии с концепцией Л. Гумилева, и определяет наш сегодняшний хаос. Но у Шпенглера была своя терминология. Он, естественно, понятие «надлом» и «инерционная фаза» не использовал, а драматическую ситуацию в истории народа обозначал словом «закат». Кстати, именно Шпенглер одним из первых стал просчитывать фазы в истории великих культур. Под «закатом» применительно к российской истории следует понимать «закат» лишь очередного в российской

истории варианта империи, а именно, большевистский вариант.

Поскольку на протяжении десятилетий идеология была почти исчерпывающим фундаментом коллективной идентичности, то «закат» этой империи, естественно, не мог не породить множество проблем, которые явно оказались непредусмотренными и, следовательно, неожиданными. Распад империи как факт позитивный, ибо приводил к большей свободе личности, породил то, что народ постепенно начал утрачивать то чувство «мы», которое как раз и является выражением коллективной идентичности. С тех пор для русских становится актуальным вопрос «Кто мы?», который позднее поставит С. Хантингтон, но только применительно уже к Америке, ведь в ней тоже возникли такие же проблемы, как и в России. Утрата чувства «мы» порождала дискомфорт, а затем, уже в наше время ностальгию по тому времени, которое еще недавно казалось ужасным. А сегодня по контрасту с новой реальностью воспринимается уже счастливым и беззаботным.

Человек в постимперской действительности раздваивается. Ведь свобода означала возможность активизации всего его потенциала, но, с другой стороны, провоцировала необходимость самостоятельного разрешения возникающих в жизни процессов, а он к этому не привык, полагаясь на то, что за него все может решать все государство, как это до некоторого времени и было. С одной стороны, это ему нравилось, а, с другой – все же порождало дискомфорт. В этом проявилась та самая амбивалентность в отношении русского человека к своему государству, о котором писал Н. Бердяев [10, с. 4]. Государство, каким оно было сильным, передовым, поскольку оно проводило в жизнь идею социализма, заставляющим считаться с ним во всем мире, наделяло человека чувством и защищенности, и гордости. Вот это-то чувство вместе с распадом империи и исчезало. С другой стороны, человек не мог не испытывать от этой зависимости дискомфорт. Однако ради возвышающих его как представителя сильного государства переживаний он этот дискомфорт терпел. Так, что хотя здесь и были проблемы, но коллективная идентичность в России, возникшая на основе идеологии, была еще и имперской идентичностью со всеми вытекающими последствиями.

Ведь по сути дела, это даже было на руку большевикам, ведь к XX веку имперская идентичность уже была традицией, и она в России формировалась на протяжении столетий. А раз так, то она не могла не способствовать твердости и прочности новой власти, которая на фундаменте старой традиции выстраивала новую империю. Эта идентичность основывалась не только на идее, но и на силе. А вот то, что основой оказывалась сила, уже шло вразрез с идеалами христианства, о чем в свое время писал В. Соловьев. Но это когда было, а сегодня христиане, т.е. православные в России демонстрируют себя истыми государственниками, становятся в этом смысле более, чем сами чиновники, а их жадность свидетельствует только о том, что власть – это путь к обогащению. Потому и расправлялись со священниками после 1917 года, чтобы церковь не была барьером для утверждения силы, без которой большевики бы не сохранили

власть, которую они позже по этой же причине и потеряют. Тогда казалось, что между идеей и силой может быть гармония. Но так казалось до определенного времени, пока сила не стала применяться не только для того, чтобы отражать внешние вызовы, но против самого человека. А в этом случае уже само государство превратилось в Вызов. Внутренний вызов. Кстати, сегодня это продемонстрированное большевизмом противоречие характерно для Америки, ведь провозглашаемая ею идея свободы зиждется на основе силы. И кажется странным, причины, объясняющие, почему Америка, воспринимавшая Советский Союз своим «Другим», сегодня объясняет политику Америки.

Но раз разрушается коллективная идентичность на идеологической основе, то активизируются все те средства, которые раньше, в доидеологическую эпоху, способствовали укреплению идентичности помимо идеологии, например, этническая принадлежность, конфессиональная принадлежность и, наконец, заслуживающая особого разговора культурная принадлежность, поскольку в России, как было в период перестройки задумано отечественной элитой, культура мыслилась заменителем идеологии и новым основанием коллективной идентичности, что, собственно, привело к бурному развитию культурологии и институционализации этой науки. Ее стали изучать в высших учебных заведениях. Конечно, нельзя утверждать, что проект С. Хантингтона устранить из основания идентичности идеологию и заменить ее культурой, – нечто абсолютно и принципиально новое, ранее не имевшее места. Ведь, как уже отмечалось, в то, что было на протяжении всей первой половины XX века идеологией, вбирало в себя много элементов, в том числе, и культурные комплексы или культурные архетипы, включая сюда и имперский комплекс, раз то государство, что было создано большевиками, оказывалось империей. Но в том варианте идентичности, что всецело оказывалась зависимой от идеологии, культура входила лишь частично, в урезанном, усеченном виде, как частный элемент.

Ведь какое бы варварство не демонстрировал большевизм, нельзя все же ему отказать в культурной политике. Она была, и какой-то позитив в этом отношении все же имел место. Но, конечно, на этой культурной политике лежала печать культурного уровня массы, т.е. ее способности актуализировать, сохранять, а главное, понимать то культурное наследие, которое ей досталось и к которому она начала прикасаться. Так, мы возвращаемся к вопросу, поставленному в переписке между Вяч. Ивановым и М. Гершензоном [11]. Однако то, что происходило ближе к концу XX века, да, пожалуй, еще и с эпохи оттепели, следует обозначить, как качественно новое отношение к культуре как доминанте в иерархии тех ценностей, с помощью которых можно характеризовать бытие человека в России на рубеже XX-XXI веков. Это как раз и способствовало возникновению именно в это время культурологической рефлексии, что со временем приведет к появлению науки о культуре. Пусть зарубежных мыслителей не удивляет тот факт, что возникновение в России науки о культуре в момент, когда на Западе этого бума не происходит, является даже не научным направлением, разрабатываемым специалистами, а чем-то вроде общественного движе-

ния. Это, конечно, значимый факт в новой истории России, и он проявляется в том, что мы обозначаем как культурологический поворот. Этот самый поворот в России происходит одновременно с универсальным процессом, охватывающим и другие народы. С тем процессом, в котором принадлежность человека к определенному типу цивилизации многое определяет. Понятно, что внутренние процессы, характерные лишь для России, приводят к новому статусу и новому видению культуры. Но внешние факторы в этих процессах тоже оказываются чрезвычайно значимыми и определяющими изменения в восприятии русским человеком себя.

Россия на рубеже XX-XXI веков: цивилизационный поворот от вестернизации к евразийству и его влияние на трансформацию идентичности.

Если абстрагироваться от российской специфики, то реакция на происходящие сдвиги со стороны Запада были связаны с глобализацией и, следовательно, с тем типом культуры, которая, как в свое время идеология в России, возникает помимо религии, этнических и национальных особенностей. Пока эта новая культура, целью которой является планетарная солидарность, еще не сформировалась, а, может быть, она и вообще оказывается недостижимой утопией. Тем более, что царящий сегодня в мире хаос ей совершенно не способствует. Гораздо более реальной и особенно для возникновения и утверждения новой коллективной идентичности является все-таки цивилизационная солидарность. Но чтобы солидарность на цивилизационном уровне утвердилась, для этого следует еще много работать и прежде всего необходимо преодолеть разобщенность и конфликтность между цивилизациями, что сегодня можно наблюдать. Так что все оптимистические прогнозы по поводу конца истории пока преждевременны.

Существующие в мире народы могут объединяться в самые крупные сообщества, которые вообще когда-либо существовали, а именно, в цивилизационные сообщества. Эта разновидность идентичности существовала всегда, но в эпоху доминирования идеологии, она вытеснялась на периферию и, можно сказать, в бессознательное народов. Но к концу XIX века она стала входить в сознание. Что же этому повороту способствовало? Цивилизация – это такое сообщество, которое способно объединять разные народы и даже разные культуры. В качестве примера обратим внимание, например, на западную цивилизацию, объединяющую итальянскую, немецкую, испанскую, французскую и т.д. культуры. То же и с Востоком. Казалось бы, все просто. Но дело в том, что в предшествующий период идеологические критерии способствовали такому объединению, когда некоторые народы и этносы, представляющие одну цивилизацию, входили в состав другой цивилизации.

Ясно, что кризис и угасание идеологии делает актуальной потребность возвращения народа, входящего в состав другой цивилизации и существовавшего в ней на протяжении длительного времени, в родную цивилизацию. Естественно, что это неизбежно приводит к конфликтам, столкновениям и даже войнам. Пример с Югославией и Россией этот тезис может иллюстрировать.

Угасание идеологии в России, оказавшейся в свое время возможной в результате пассионарной вспышки, привело к распаду советской империи. Но этот распад спровоцировал столкновение между некогда входившими в состав империи народами и самой империей. Вот эта ситуация распада сообществ, объединяющих разные народы, и порождает атмосферу неопределенности и неустойчивости, которые мы констатировали. Это обстоятельство оказывается особенно острым для России, ведь в состав этой цивилизации входят народы, представляющие различные другие цивилизации. Поэтому, видимо, сегодня Россия переживает один из самых драматических в своей истории периодов.

Новая ситуация делает необычайно острым вопрос о взаимодействии между цивилизациями, а значит, и вопрос о цивилизационной идентичности. Раз уточняются, а, следовательно, или расширяются или сужаются границы между цивилизациями, то это как раз и обостряет проблему идентичности входящих в них индивидов. Контакты между цивилизациями обостряются . История, которая до некоторого времени мыслилась как история государств, сегодня все больше мыслится как история цивилизаций. Ведь не случайно в исторической науке возникает новая научная парадигма – цивилизационная парадигма. А. Тойнби, больше и, пожалуй, успешней всех размышлявший над этой проблемой, констатирует, что цивилизации существовали, существуют и будут существовать всегда, а вот государства в границах цивилизаций имеют кратковременную историю. Они то возникают, то исчезают в то время, как цивилизация сохраняется. Следовательно, государства – это подчиненный и политический феномен в жизни цивилизаций, в границах которых возникают и умирают государства [12, с. 407].

Когда-то Н. Данилевский пытался выявить и обосновать в мировой истории 13 культурно-исторических типов, а эти типы можно считать синонимами цивилизаций [13, с. 81]. В. Соловьев такую операцию не поддержал, обращая внимание на трудность проведения между ними границ. Но поскольку идея Н. Данилевского все же являлась, несмотря на ее уязвимость, вполне реальной, то работа в этом направлении продолжалась. Правда, Шпенглер, продолжая парадигму, начатую Н. Данилевским, сократил число великих культур до 8, а вот А. Тойнби будет насчитывать уже 21 цивилизацию.

Как уже сказано, В. Соловьев обратил внимание на уязвимую сторону концепции Н. Данилевского, касающуюся границ между цивилизациями. Эти границы сегодня оказываются весьма подвижными в связи с нами отмеченными процессами – активизирующимся сознанием принадлежности народов, оказавшихся по разным причинам входящими в другие цивилизации, к родной цивилизации. Однако критика В. Соловьева касалась и еще одной стороны теории культурно-исторических типов Н. Данилевского, а именно, тезиса о фатальном взаимонепонимании цивилизаций. Позднее Шпенглер, кстати, заново сформулирует закономерность, аргументированную Н. Данилевским. Но доля правды присутствует и в позиции В. Соловьева. Ведь он утверждал точку зрения, которая сегодня активно заявляет о себе в связи с глобализационными процессами. Оказыва-

ясь сторонником идеи всеединства и связи между религиями и народами, он полагал, что история постоянно демонстрирует воздействие одних народов на другие, что благоприятствует возникновению общей планетарной культуры.

Констатируя выводимую Н. Данилевским закономерность, согласно которой ценности, одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа, В. Соловьев недоумевает: как же так, разве история не доказывает обратное? Взять хотя бы зародившийся первоначально буддизм в Индии. «Религия – индийская по своему происхождению, но с универсальным содержанием, – пишет В. Соловьев – и не только вышедшая за пределы индийского культурно-исторического типа, но почти совсем исчезнувшая из Индии, зато глубоко и всесторонне усвоенная народами монгольской расы, не имеющими в других отношениях ничего общего с индусами, – религия, которая создала как свое средоточие такую своеобразную местную культуру, как тибетская и однако же сохранила свой универсальный международный характер и исповедуется пятью – или шестьюстами миллионов людей, рассеянных от Цейлона до Сибири и от Непала до Калифорнии – вот колоссальное фактическое опровержение всей теории Данилевского, ибо нет никакой возможности ни отрицать великой культурно-исторической важности буддизма, ни приурочить его к какому-нибудь отдельному племени или типу» [14, с. 369].

Но примеры, конечно, можно умножать. Разве евреи не передали другим народам христианскую идею, способствующую их объединению. Разве греки не передали другим народам эстетические и интеллектуальные ценности? Наконец, разве Византия не передала славянскому культурно-историческому типу многое, как Греция Риму, а Рим опять же Византии? А ислам тоже ведь не назовешь национальной религией только арабов. Арабы передали свою веру персам, туркам и татарам. В конце концов, каждый из культурно-исторических типов, оказавшихся способным влиять на другие типы, тоже ведь в своем становлении испытывал влияние других цивилизаций. Разве можно отделить Грецию от Египта и вообще от Востока, несмотря на ее стремление обособиться от него и утвердить самостоятельность. Как же все-таки быть? Кто прав – Н. Данилевский или В. Соловьев?

Правоты у В. Соловьева, конечно, кажется больше. По сути, он предстает философом всеединства, а во всеединстве оформляется идея глобализации. Поэтому его идея сегодня прочитывается как более актуальная. Она опрокидывает в историю ситуацию открывающегося сегодня сознанию процесса глобализации. Эта идея не всегда воспринималась острой. Но сегодня она воспринимается именно так. А есть ли какая-то истина в концепции Н. Данилевского, тоже ведь после десятилетий забвения этого автора его известное сочинение сегодня снова издается и переиздается, оказываясь способным бередить старые раны. Концепция Н. Данилевского, конечно, не случайно и забывается, и снова оказывается актуальной. Ее актуальность становится очевидной в те эпохи, когда отношения между цивилизациями обостряются, и мир, кажется, все больше оказывается в ситуации кануна военного столкновения. А поскольку военное

столкновение сегодня может происходить с использованием атомной бомбы, то это может грозить не только частичным, но и полным исчезновением жизни на земле. Как бы конец истории, который еще недавно был объявлен Ф. Фукуямой, не обернулся и концом человечества. Только это, пожалуй, и останавливает горячие головы. Иначе столкновение было бы неизбежным, именно таким, каким его и изображает Н. Данилевский, прогнозируя из века XIX-го войны века XX-го.

Мы не будем обсуждать все вопросы, связанные с таким подходом к истории. Нам важно сегодня в свете нарастающего в результате цивилизационной разборки напряжения в мире, когда некоторые уже предрекают возможность третьей мировой войны, причем, как утверждает С. Хантингтон, если она и разразится, то это будет именно война между цивилизациями, из многих цивилизаций выделить лишь несколько, а именно три – Америку, Китай и Россию, от контактов между которыми сегодня во многом зависят спокойствие и уверенность в завтрашнем дне каждого человека на планете, к каким бы цивилизациям он не принадлежал. Почему мы выделяем именно эти три и только эти три, а не какие-то другие? Да потому, что именно эти цивилизации в XX веке, а, может быть, точнее, во второй половине XX века выдвинулись в первые ряды, в так называемые «лидеры» в мировой истории как истории цивилизаций. Это особенно касается, конечно, Америки и Китая.

В данном случае хочется в виде поддержки этого нашего тезиса обратиться к авторитетам. Когда М. Антониони в своих общеизвестных шедеврах утвердил присущий ему индивидуальный стиль и продемонстрировал глубоко субъективное восприятие западного мира, связанное с отчуждением, которое, по сути, иллюстрирует тезис Шпенглера о закате западной цивилизации, поскольку ведь чем является отчуждение, как не признаком деградации некогда великой цивилизации, а ныне вступающей в фазу надлома, он ощутил необходимость продолжить исследовать отчуждение уже не между людьми, а между народами, т.е. между цивилизациями. Как можно предположить, ему важно было уяснить, какая другая из существующих цивилизаций способна демонстрировать не увядание, а, наоборот, пассионарный энергетизм. И к каким же конкретно цивилизациям он проявил интерес? Именно к Америке и именно к Китаю, которые в конце 60-х годов XX века демонстрировали (каждый, конечно, по своему) этот самый энергетизм в виде молодежного бунта.

Воздадим должное художнической интуиции М. Антониони. Ведь он ощутил те самые пространства, которые в прошлом столетии излучали энергетическую мощь. И именно они оказались центром притяжения художника. Как же «фаустовский» человек в лице кинорежиссера Антониони в середине прошлого века ощутил Новый свет и как он ощутил Поднебесную? В Новом свете он обнаружил тот же надлом, что проявилось, как он показал в фильме «Забриски Пойнт», в конфликте между поколениями, когда молодежь пытается разрушить возведенную дедами и отцами империю. Фильм Антониони, несомненно, явился следствием той молодежной революции, что характерна для Запада

второй половины XX века и, разумеется, попыткой ее осмыслить. Но ведь приблизительно в это же самое время молодежная революция происходит и в Китае, правда, по-китайски, по-маоистски. Правда, что касается Китая, то в силу связанности с китайской властью, заказавшей итальянскому художнику этот фильм и контролирующей его производство, Антониони в своих оценках не был столь свободен. Но благодаря индивидуальному стилю мастера, не предполагавшему высказывания исключительно на вербальном уровне, ему все же удалось дух Китая ощутить и передать.

Но нам важно отметить, что замечательный художник интуитивно ощутил те проблемные узлы современной истории, что связаны с цивилизациями. С одной стороны, это Америка, и об этом его фильм «Забриски Пойнт», а другой, запрещенный в Китае его фильм «Китай». Запрет на демонстрацию фильма Антониони в Китае свидетельствует, что оценки жизни, что возникла в Китае в ситуации «культурной революции», можно передать не только с помощью слов. Что же касается открываемой Антониони Америки, то он ее открывает через образ пустыни. Ведь название фильма означает название пустыни. Антониони снимает фильм в так называемой Долине Смерти. Но ведь ясно, что это место имеет символический смысл. В этом пространстве можно ощутить то, что когда-то предшествовало создаваемой человеком культуре. Культуре, которую молодые революционеры хотели бы разрушить.

Но ведь появление Америки на карте тоже началось с пустыни. В пустыни в сжатые сроки была возведена мощная культура. Но молодыми овладело сомнение: то ли было возведено? Пафос фильма – выход из культуры, лишившей героев свободы. Судя по всему, Антониони прочитал или должен был прочитать те строчки об американской пустыне, которые он мог найти у Ж. Бодрийяра в его книге об Америке. «Это единственное место, - пишет Ж. Бодрийяр - где одновременно с цветовым спектром можно было бы воскресить спектр нечеловеческих метаморфоз, предваряющих наше появление, этапы нашего последовательного развития: минералы, растительность, соляная пустыня, песчаные дюны, камни, руда, свет, тепло – все то, чем могла быть земля, все нечеловеческие формы развития, пройденные землей, объединенные в одном антологическом видении» [15, с. 142].

Так сложилось. И хотя каждая из этих цивилизаций развивается и функционирует в своих особых ритмах, на новом этапе им придется вступать в новые, более тесные между собой взаимоотношения. И здесь возникают совершенно новые аспекты традиционных проблем. В эти взаимоотношения между народами начинают активно включаться те традиции и образы, которые в эпоху идеологии оказывались вытесненными в бессознательные сферы. Это касается и тех традиций и образов, что оказывались слагаемыми идентичности и культуры народов. Это те традиции, что возникали и поддерживались в пространстве того, что М. Бахтин называл «большим временем». Но ведь именно в таком времени и функционируют цивилизации. В этом времени и развертывается история цивилизаций.

С некоторых пор отношения между государствами трансформируются в отношения между цивилизациями, и на этом уровне актуализируются те образы народов, которые существовали на протяжении столетий, а в эпоху господства идеологии казались несовременными и ушедшими в историю. Так на уровне цивилизации пробуждается особая разновидность исторической памяти, которую в пределах десятилетий не разглядеть. В связи с этим происходит трансформация и в восприятии времени. Будущее время начинает уступать прошлому времени. Так, с некоторого времени в истории стал доминировать не футуризм, как это имело место в первых десятилетиях XX века, что не замедлило проявиться не только в социальных и революционных движениях, но и в искусстве, а пассеизм. Эта активизация пассеизма, столь обращающая на себя внимание в последние десятилетия [16], – свидетельство пробуждения памяти на уровне цивилизаций и взаимоотношений между ними. Но будущее ныне вызывает страх, а углубление в прошлое подчас пугает своей идеализацией. Но история идет своим ходом и часто удивляет, как бессильны попытки людей в нее вмешаться. И вот мы уже готовы видеть в ином, более приемлемом свете свои 30-е годы, которые в последнее время так напоминают нам сегодняшний день.

Любопытно, что когда сравнивают китайскую «новую волну» в кино, развертывающуюся одновременно с отечественной оттепелью в кино, а в Китае в это время утверждало свою картину мира в кино так называемое «пятое поколение», то эту тему идеализации прошлого, советского, уже затрагивают. Об этом свидетельствует мнение А. Плахова, который началом такой идеализации советского и возвращения к большому стилю в отечественном кино называет фильм И. Дыховичного «Прорва» (1992). Но, конечно, как можно сравнивать эпоху, когда вышел этот фильм и критика только еще начала разбираться с феноменом сталинизма, с нашим сегодняшним днем. «Как только на шестой части мира отменили цензуру, – пишет А. Плахов – пошел откровенный «расчет с прошлым», а вслед за тем – фамильярно-иронические с ним игры, привлекающие молодую режиссуру. Лучший фильм этого направления – «Прорва» – так и остался сигналом возможной реинкарнации Большого Стиля. Но только сигналом, который всерьез никто не поддержал» [17, с. 32].

Да, не поддержал, не поддержал потому, что не пришло еще время. Но это придет позже, пришло сейчас, точнее, приходит, поскольку нашему поколению еще неизвестно, какие, в конечном счете, формы эта реинкарнация советско-комические или трагические примет. Уже сегодня очевидно, что это явно не комедия. Хотя как сказать. А. Смирнов, только что закончивший свой очередной фильм – «Француз», в котором действие происходит в конце 50-х, убежден, что сегодня время неопределенности в поисках направления развития страны, если еще и не закончилось, то заканчивается. Время, а самое главное, власть в этом времени определились. «Милитаризация сделалась тотальной – пишет А. Смирнов - Вся идеология сегодняшней России – сплошное, как кто-то назвал точно – победобесие. Когда расстреляли Немцова, утром, часов в семь, меня разбудила моя жена Лена: «Ночью убили Борю». И я понял: «Все, строе-

ние тоталитарного государства закончено» [18].

Может быть, тот раскол, который сегодня в России имеет место и возвращает к одному из самых тяжелых расколов в русской истории – раскола XVII века (именно возвращает, ведь аналогии между XX-м и XVII-м веками уже успел провести В. Топоров [19]. Сегодня раскол, может быть, существует не между сторонниками либерального направления, с одной стороны, и носителями имперских, авторитарных установок, с другой, а, может быть, между сторонниками ориентации на традиционную вестернизацию и сторонниками евразийского пути. Но внешний фактор, т.е. ориентация на другую цивилизацию, а не ту, к которой привыкли, обязывает в существующую идентичность внести коррективы. Так идентичность становится одной из острых проблем современности. Но ведь и раскол XVII века в своей основе имел поворот от византинизма к вестернизации. Хотя в этой интерпретации раскола все же улавливается и смысл раскола в первом, т.е. расхожем смысле. Но этот раскол затрагивает и коллективную идентичность.

Конечно, связь с Западом русскому человеку дорога и прежде всего тем, что здесь личность является тем главным, что есть в истории. Поэтому русский человек, всю жизнь существовавший в империи, склонен был воспринимать Запад как идеал. Но как сегодня идеализировать Запад, если у него, как представляли еще наши славянофилы в XIX веке, все в прошлом. Ведь совершенно не случайно кинематограф, когда он касается судьбы Запада, постоянно повторяет шпенглеровские прогнозы, сделанные столетие тому назад. Взять хотя бы Ф. Феллини, который в фильме «И корабль плывет» (1983) темы судьбы Запада касается. Подобные мотивы улавливаются и в фильме О. Иоселиани «Охота на бабочек». Та же атмосфера «заката» Запада определяет и фильм В. Дзурлини «Пустыня Тартари». Поворот в сторону Востока разные народы хотя и ощущают, но его воспринимают и оценивают по-разному. Если русские хотя и делают заметные в этом направлении шаги, хотя и продолжают размышлять и не ставить в этом пока точки, то на Западе, на котором страх перед Востоком, а, следовательно, как считается перед «варварами», гнездится в подкорке, имеет место некоторая ироническая интонация.

В качестве примера сошлемся на фильм О. Иоселиани «Охота на бабочек» (1992). В фильме замок XVII века в одном из южных городов современной Франции с обилием изящных искусств, картин, мебели, в котором живут герои, ассоциируется вообще с Западом, с милым, славным, человечным, но, тем не мене, угасающим, или, можно сказать, исчезающим, как некогда исчезла Атлантида. Чтобы существовать, хозяйка замка, пожилая добрая женщина, прилагает колоссальные усилия, чтобы поддерживать тот комфорт, что существовал в прошлые века. Но все же картины и мебель приходится постепенно распродавать. По мере продвижения действия фильма к замку несколько раз подъезжает машина с женщиной – антикваром, которая старается по дешевке скупать еще сохранившуюся мебель в стиле Людовика XIII-го. Современное общество потребления делает предметом коммерческого интереса все – архитектуру, ме-

бель, живопись, прикладные искусства, все то, что называют культурным наследием. В конце концов, будет продан и замок XVII века.

Но главные покупатели все-таки приходят с Востока. Решительный отказ хозяйки продать замок их не останавливает. Восточные коммерсанты убеждены, что все равно замок будет у них. Они готовы даже ждать и ждать долго. Но время этот момент приближает. Дело в том, что реальность давно уже существует по другим законам, совсем не по тем, что существовали в прошлом, которым герои остаются верными. Так радио систематически сообщает о новых погибших в результате очередного террористического акта. Пока террор происходит в далеких странах и до южного городка Франции пока не доходит. Но вскоре террор придет и сюда. Замок получает по наследству сестра героини, а она живет в России. В соответствии с логикой режиссера, Россия ведь тоже Восток, т.е. это тоже «Другой», а значит, в ней тоже с точки зрения Запада существуют «варвары». Вступая во владение замком русские тут же его и продадут, продадут японцам. А те будут использовать его в коммерческих целях.

Продает замок не непосредственно сестра аристократки – хозяйки – она такая же интеллигентная и потому с точки зрения общества потребления уязвима, а ее молодая дочь или внучка, мгновенно проявляющая свою ловкость и предприимчивость. И вот уже на рынок ездят закупать овощи на велосипедах не хозяйка замка, а поселившиеся в замке японцы. Замком владеют восточные люди, читай, «варвары». По сути, фильм О. Иоселиани – поминки по тому Западу, который когда-то существовал и который русскими так был идеализирован. Свой фильм О. Иоселиани снимал, когда проблема с беженцами с Ближнего Востока не была столь актуальной, да и не было ее вовсе, как в последние годы. Но у режиссера уже многое предсказано. Ведь сегодняшние беженцы с Ближнего Востока – лишь частный эпизод в истории Запада. Так что если ностальгию по прошлому Франции, т.е. Запада О. Иоселиани разделять, то России просто некуда деться, кроме как с надеждой всматриваться в сторону Востока, тем более, что она сама – часть Востока. Да и сам Запад – не потому ли он стремится под крышу своего коллективного бунтаря, некогда покинувшего Старый Свет. Бунтаря – Америки, ставшей могущественной и способной защитить других, если, не дай бог, снова возникнет угроза с Востока или раздастся крик «русские идут».

А пока вопрос с Китаем как тем для России «Другим», который, может быть, окончательно не прояснился, находятся сторонники той мысли, которая в истории уже не раз высказывалась. Сторонники «подмораживания» России, что, собственно, сегодня и происходит и что А. Смирнов оценивает как возвращение в Россию тоталитаризма. Итак, к сегодняшнему дню Россия оказалась между супердержавами, суперцивилизациями – Америкой и Китаем. Хочешь не хочешь, но в этой ситуации нужно заново самоопределяться и уточнять свою идентичность. В этом направлении Россия делает решительные шаги, свертывая ориентации на Запад, которые в истории России начались с Петра Первого и стали снова актуальными еще с приходом Горбачева, на ориентации

на Восток. Наверное, такой сдвиг может быть лишь раз в несколько столетий.

Таких сдвигов в истории России было несколько. Сначала здесь произошел поворот в сторону Византии, затем, спустя столетия, в сторону Запада. Однако нельзя сбрасывать со счетов и влияние Востока в период, который называется татаро – монгольским игом. Может быть, ига-то на самом деле и не было в том смысле, как об этом пишут в учебниках, и здесь евразийцы, возможно, и правы, но имело место мощное влияние, в том числе, даже на государственное строительство. Несколько столетий Россия, как и многие другие народы, усваивала ценности западной цивилизации. Она была уверенной в том, что являлась прозападной страной, хотя эта уверенность никогда не была полной и повсеместно не разделялась как внутри России, так и на Западе. Показателен, например, такой факт. Шпенглер, пытавшийся определить место России в мире, отвергал ее причастность к Западу и утверждал, что это – часть Азии. Тем не менее, в поздней истории вестернизация России, оцениваемая, например, Н. Трубецким, резко отрицательно, многое в истории определяла. И вот теперь, кажется, Россия делает еще один радикальный шаг, разворачиваясь в сторону Китая.

Только вот не совсем ясно, будет ли она в евразийском пространстве играть значимую роль, ведь в контактах с Западом жажда лидерства ее не покидала даже тогда, когда она демонстрировала себя его прилежной ученицей, или же роль подчиненную, второстепенную, на что горячие головы в России, пожалуй, не согласятся. Между тем, в выделенной нами «тройке» цивилизаций Россия в настоящее время, может быть, не является самой сильной. Во всяком случае, по сравнению с Америкой. Революции и войны XX века, как и развал советской империи и неудачный опыт либерализма в период власти М. Горбачева, русских изрядно измотали и ослабили Россию экономически. Но, с другой стороны, здесь важна ведь и пассионарная энергия, и дух народа, те настроения, что исходят от народа. Известно, что идея христианства, распространившаяся на весь мир, первоначально возникла в самой нищей стране, которой когда-то был Израиль. А поди ж ты. Хотя опыт в достижении контактов с другими цивилизациями в России существует, но в последние столетия он исчерпывается лишь отношениями с Западом, о чем сказано и написано достаточно и что стало причиной того, почему философия истории в России сводилась к отношениям между Россией и Западом. Что и говорить, сегодня ситуация с цивилизационной идентичностью России складывается весьма непривычная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.

2. Хантонгтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М., Транзиткнига, 2004. – 635 с.

3. Мельгунов С. Красный террор в России. Нью-Йорк: Издательство Брэнди, 1979. – 203 с.

4. Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., РОССПЭН, 1997. – 490 с.

5. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского // Философия творчества, культуры и

искусства. В 2- х т., т. 2. – М.: Искусство, 1994. – 436 с.

6. Булгаков С. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интьеллигенции. – М., Новости. 1990. – С. 20-35.

7. Хренов Н. Искусство оттепели в контексте надлома большевистской империи // От искусства оттепели к искусству периода распада империи / Ответственный редактор Н.А. Хренов. – М., Канон – Плюс, 2013. – 688 с.

8. Синявский А. Литературный процесс в России. – М., 2003. – 418 с.

9. Гумилев Л. Ермолаев В. Горе от иллюзий // Основы евразийства. – М., Арктогея. – Центр, 2002. – 415 с.

10. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Философское общество, 1990. – 240 с.

11. Иванов В., Гершензон М. Переписка из двух углов // Иванов В. Родное и вселенское. М., Республика, 1994. – 224 с.

12. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М., Айрис-пресс, 2003. – 592 с.

13. Хренов Н. Концепция культурно- исторических типов Н. Данилевского: проект новой науки или имперский дискурс // Мир культуры и культурология. Выпуск VI. – СПб, 2017-2018. – 531 с.

14. Соловьев В. Национальный вопрос в России // Сочинения в 2-х т., т. 1. М., Издательство «Правда», 1989. – 639 с.

15. Бодрийяр Ж. Америка. СПб., Владимир Даль., 2000. – 223 с.

16. Ассман А. Культурная память. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

17. Плахов А. Реинкарнация маленького Будды и Большого стиля // Искусство кино. – 1995. – № 3. – С. 50-62.

18. Смирнов А. Строение тоталитарного государства закончено // Новая газета. – 2019. – № 16. – 21.06.2019/

19. Топоров В. Московские люди XVII века (К злобе дня) // Philologia slavica. К 70-летию академика Н.И. Толстого. – М., Наука. 1993. – 428 с.

CIVILIZATIONAL IDENTITY OF RUSSIA IN THE SITUATION OF ANOTHER HISTORICAL TURN

N.A. Hrenov

An attempt was made to comprehend the split existing in Russian society today. The author understands this split as a consequence of Russia's turn towards the East. Such a new turn, unlike previous turns in history, becomes a political course. In this context, changes in the civilizational identity of Russians are considered.

Keywords: Russia, America, China, East, West, civilization, civilizational identity, Westernization, Eurasianism, ideology, culture, passionarity, Spengler, Danilevsky, Toynbee, Huntington, Soloviev, Another.

РАЗДЕЛ 2.
КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА
РУССКОГО МИРА

==========

РУССКИЙ МИР В ДУХОВНЫХ СТИХАХ СТАРООБРЯДЦЕВ КЕРЖЕНСКОГО КРАЯ

М.В. Алмазова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, факультет международных отношений и мировой истории, кафедра «История средневековых цивилизаций», магистрант
Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
Тел.: 89026837272, e-mail: almazovamargarita@mail.ru

Представлено исследование традиций старообрядцев керженского края. Фиксация фольклорных традиций, духовных стихов в конкретно взятой семье.

Ключевые слова: старообрядчество, духовный стих, религия, Нижегородский край.

Русский мир – понятие ёмкое, включающее разные качественные и количественные элементы истории, географии, культуры и практической политики. Одной из частей многоликого русского мира, выходящей далеко за пределы Российской Федерации является старообрядчество, сохраняющее и удерживающее свою «русскость» и приверженность традиционной русской культуре как в России, так и за её пределами. Старообрядчество, сохранившее в наиболее полном объёме наследие русской средневековой народной культуры, книжности, костюма, бытовой культуры, соединяет статику и динамику русского мира, выступая, во многом, его системообразующим звеном, непреклонным стражем инвариантных ценностей Российской цивилизации.

Современное старообрядчество, неизбежно трансформируясь под напором современной светской и массовой культуры, продолжает хранить в своём арсенале черты, прочно связующие современность с прошлым. Поэтому сегодня особенно актуальны исследования сохранившихся анклавов старообрядческих сёл и городских общин верующих. Именно в них живут предания, сказания, песни, а люди органично сочетают современность с богатейшим прошлым старообрядческих культурных контекстов. На сегодняшний день одним из подобных анклавов является Нижегородчина и ее заволжские территории, районы вокруг легендарной реки Керженец.

Общей целью нашего исследования был поиск и фиксация уцелевших аутентичных элементов старообрядческой культуры в Семеновском крае, а также сосредоточение на локальном исследовании – собирание и анализ духовных стихов как элемента историко-культурной традиции. Методом изучения высту-

пало полевое археографическое и фольклорное исследование с последующим историко-литературоведческим анализом текста.

Культурное развитие России проходит разные по времени и интенсивности периоды, насыщенные событиями, фактами, новыми явлениями в социально-политической сфере и культуре. Наиболее интересные и знаковые периоды связаны с изменениями динамики культурного развития. К ним относится и раскол русской церкви, и появление старообрядчества.

Само понятие старообрядец – (раскольник, кулугур, древлеправославный христианин) – человек, не принявший нововведений Патриарха Никона, вошло в обиход после 1667 г. Термин этот обширен и включает в себя разные течения и толки. Важно то, что все старообрядческие группы стремятся к максимальной актуализации наследия и традиций на основе коллективного опыта. В индивидуальном и групповом сознании все социальные, культурные и др. процессы протекают с совершенно другой скоростью, нежели у большинства наших современников, живущих в ритмах больших городов.

Раскол Русской Церкви сыграл огромную роль в истории России, но значительнее всего отразились эти события на становлении и формировании всей экономики и культуры Нижегородского края. Более трех веков жизнь Керженской волости во многом определялась укладом сурового старообрядческого быта, который формировался в пределах современных Семеновского, Борского и Ковернинского районов. Именно эти территории стали надежным приютом для раскольников и впоследствии явили миру золотую россыпь хохломы, шитья с использованием бисера и золота, традиции предпринимательства, выраженных в безусловных успехах нижегородских купеческих династий Бугровых, Рябушинских, Мамонтовых и других, сформировавших «золотой» фонд «Кармана России». Сюда спешили просветители и писатели XIX-XX века (П.И. Мельников-Печерский, В.Г. Короленко, М.Д. Дмитриев) с желанием запечатлеть уникальный момент творчества и силы жизни русского человека. В постоянном противоречии между государством и официальной церковью процесс кристаллизации этого сообщества продолжается. Возможно, благодаря этим трудностям им удалось сохранить ту самобытность устава и народные ценности, которые легли в основу формирования культурного слоя всего лесного Заволжья.

Ужесточение законов в отношении старообрядцев и преследования сформировали особый тип «закрытой» общины, где формируется личность нового типа (деятельность, решительность, предприимчивость, аскетичность – были чертами кержаков-старообрядцев). Все от материальной до духовной культуры говорит о формировании нового менталитета у старообрядцев. Несмотря на рекрутские повинности, притеснения со стороны государственной власти, тяжелейшие налоги (50 рублей), они продолжали ношение бороды, старорусской одежды, не употребляли в пищу чай и кофе, а также читали церковные распевы по крюковой грамоте. Старообрядцы-кержаки до сих пор сохраняют черты древнерусской культуры и не отказываются от традиционных обрядов и быта. Женщины на службу надевают сарафаны и повойники, соблюдают чин в общении и еде.

Проживая и работая на территории старообрядческого центра в Керженском крае, важно использовать возможность зафиксировать бытовые традиции, народные ремесла, культурные особенности, поэтому мы регулярно организуем и участвуем в экспедициях в старообрядческие поселения (сёла, деревни, городские общины).

В программу изучения входит:

• выявление существующих ныне групп и толков, проживающих на территории керженского края и взаимодействия между ними после длительного периода насильственной секуляризации;

• характеристика имеющихся сейчас социальных и хозяйственных особенностей (экономическая деятельность, жилище, кухня и тд.);

• исследование оформленных культурных стереотипов (восприятие мира, иноверцев и др.);

• изучение производственных занятий, ремесел и декоративно-прикладного искусства;

• анализ региональных и локальных фольклорно-этнографических особенностей (материальной и духовной культуры);

• выяснение степени сохранности древних обрядов (обрядов перехода – крещение, венчание, похороны)

• фиксация устных традиций и духовных произведений.

Фиксировать жизнь закрытой общины, сплочённой вероучительным единством и долгим историческим противостоянием внешнему миру, довольно трудно, поэтому используются разнообразные подходы. Наблюдения ведутся с помощью фото и видео аппаратуры, а также через многолетнее общение и дружеский контакт. Именно так произошло знакомство со старообрядцем, который рассказал о своей жизни и прочел духовный стих «Последнее время» (рис. 1).

Рис. 1. Павел Лазоревич Галкин. Фото. Грибов А.

На фото – Павел Лазоревич Галкин 1928 г.р.– житель старообрядческой деревни Ларионово Семёновского района Нижегородской области, основанной более трехсот лет назад. В прошлом поселение окружали скиты и обители. Вся семья Галкиных придерживались древлеправославия и чтила древние традиции. Молитвам и духовным стихам Павла Лазоревича обучила бабушка, которая родилась во второй половине XIX века. Она предупреждала внука о грядущих страшных событиях: обмирщении, страстях, жадности и оскудении природных богатств. В прочитанном нам духовном стихе прослеживается страх перед неизбежным Страшным судом и знамениями, свидетельствующими о его приближении и пророческие идеи. В основе стиха лежит библейский сюжет, который повествует о разговоре Иисуса и его учеников. Во время повествования нам, рассказчик активно сопровождал его чтение действиями и эмоциональными эпитетами. Так на слове «светильник» – поднимал правую руку вверх, демонстрируя старообрядческое двуперстие.

Всю свою долгую жизнь Павел Лазоревич помнил о предании, его страшил внешний мир, война, которую он застал в подростковом возрасте, и отсутствие веры. Мысли о Страшном суде и конечности мира и сегодня остаются главными в мышлении каждого старообрядца. Павел Лазоревич соблюдает традиции и обряды отцов: постничает, молится, не использует телевизор. Произведение «Последнее время», запомнившееся со слов бабушки ещё в 30-годы XX в., остается актуальным для Павла Лазоревича, он находит подтверждения услышанным в отрочестве пророчествам в современном мире. Именно поэтому он помнит его до сих пор.

Последнее время.

Исус с учениками выходит из Храма
Пред крестную смертью своей.
Он полон скорбями, печалями,
Учил он любимых друзей.
(Они его спрашивают:)
– Скажи нам, Учитель,
Последнее слово
Пока еще с нами живешь.
Скажи нам, Учитель, когда это будет,
Когда мир судить к нам придешь?
Учитель ответил печально:
– Все будьте готовы всегда!
Настанет нам время печальное,
Ему не пройти никогда.
Услышите воины страшные,
Восстанет народ на народ,
И будут болезни от голода, холода,
И братская кровь рекой протечет.
И многие люди тогда соблазнятся,

Прольют неповинную кровь.
Уменьшится вера, угаснет надежда,
В сердцах охладеет любовь.
Увидите мерзость во святости Храма,
То знайте, что суть при дверях.
Чтоб перед нам не закрылися двери
Держите светильник в руках.
Солнце померкнет, и луна не даст света,
Небесные звезды спадут.
Великие скорби сольются на землю,
И страшные муки придут.
Кто будет во поле, оставит свой дом,
Тот пусть и домой не спешит.
И многие скажут: «Падите хоть горы»,
Но горы на вас не падут.
Тогда многие люди смерти поищут,
Но смерть от людей убежит.
Воскреснут из мертвых живые народы
И пойдут на божественный суд.
За ними последуют толпы народа,
От края до края земли.
И вся содрогнется земля от народа,
Пред страшным престолом Судьи [1, с. 13].

В данном народном предании четко прослеживается пророческие предсказания, которые напоминают человеку о Страшном суде и страданиях. Произведение могло исполнятся во время отдыха, после службы или с целью назидания - передачи опыта подрастающему поколению. Цель данного стиха - предостеречь, напомнить человеку о правильном пути. В Нижегородской области существовали и продолжают существовать и другие духовные стихи, которые помогали не только в назидании и провидении, но и распространении информации, которую надо было запомнить и передать единоверцу. Цель следующего произведения – обратить внимание единоверцев на противостоянии строительству новообрядческой церкви в ограде старообрядческой часовни. Запись духовного стиха произведена известным исследователем Керовым Валерием Всеволодовичем в Городецком районе Нижегородской области у старообрядцев беглопоповской общины.

«Нут-ко, мужие, старайтесь,
От новостей удаляйтесь;
Сумму многу собирайте,
В Москву, Питер поезжайте;
Раздавайте, не щадите,
Длительность делу ищите.

И все меры принимайте,
Церковь строить не пущайте.
Поупрямьтесь, милы братцы –
Часовенны старообрядцы,
И бунтуйте, не сумнитесь,
И начальства не страшитесь;
Защищенью всяк спеши,
Стой в одно, хоть кол теши!
А противность же случится,
Мы должны все откупиться.
А ревностные богачи,
торговые бородачи,
Сильно за веру восстанут,
От часовни не отстанут;
Поверенных изберут,
Тысяч много им дадут...
Будьте в деньгах щедроваты;
От отступник отражайтесь.
И от церкви откупайтесь.
Время купли наступает,
Власть к часовне приступает,
Вы же сильно богачи,
Часовенны толмачи.
Кладовые отпирайте,
Только тем и взять,
Что тысячи раздать...» [1, с. 7].

Это духовно-стихотворное сообщение помогло быстро распространить информацию и отстоять старообрядческую часовню. Важным моментом также является указание на сбор средств и подкуп, которые являлись грехом, но, однако, он в целях сохранения общины, не порицался.

Подобные памятники духовного устного народного творчества доходят до нас, сохранившись в небольших закрытых общинах керженского Заволжья. Изучать и систематизировать их необходимо, поскольку территории вокруг реки Керженец и сейчас в начале XXI века остаются если не организационным, то историческим центром старообрядчества, с которым большинство старообрядческих общин в России и за её пределами связывают своё происхождение. А кержаки являлись примером твердости веры для всего мира раскольников. После гонений Епископа Питирима (Питиримова разорения) в 1720-х годах, гонений под руководством чиновника Министерства внутренних дел и известного писателя-краеведа Мельникова-Печерского с 1850-х и давления большевиков в 1930-х, кержаки расселились по всей территории России и сопредельных государств. Типичные черты старообрядца-кержака мы можем наблюдать в различ-

ных регионах. Это отражается в иконописи, обрядах, традициях и фольклоре.

Наше исследование позволяет понять не только характер воззрений кержаков XIX-XX века, но и выяснить механизмы преемственности и устойчивости старообрядческого вероучения, характерных фольклорно-литературных и иных традиций, сохраняющихся до сих пор, несмотря на трёхвековое давление государственной власти, не менее тяжёлой и постоянно действующей власти исторических обстоятельств (войны, революции, переход от аграрного к индустриальному обществу, от социализма к капитализму и т.п.). Архаика, верность старине сложившаяся как принцип жизни у представителей старообрядчества сохраняли и ретранслировали сложившуюся систему ценностей русского мира, позволяющую не только выживать, но, довольно часто, и процветать, старообрядческим общинам, причём всегда сознающим приоритет духовных ценностей в материальном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керов В.В. «Время купли наступает...»: Медиативные функции коррупции в отношениях старообрядчества и власти в России XVIII первой половины XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2004. – № 3. – С. 7-17.

RUSSIAN WORLD IN THE SPIRITUAL POEMS OF THE OLD BELIEVERS KERZHENSKY REGION

M.V. Almazova

Search and fixing of authentic elements of ancient Russian culture in the Kerzhenets area, also focusing on local research – collecting and analyzing spiritual poems as elements of historical and cultural tradition.

Keywords: old believers, spiritual verse, religion, Nizhny Novgorod region.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ СЕВЕРНЫХ РУССКИХ УЗОРОВ

В.В. Антоновская

Муниципальное учреждение культуры «Котласский краеведческий музей», кандидат педагогических наук, зав. отделом музейной педагогики

Россия, 165300, Архангельская обл., г. Котлас, ул. Виноградова, д. 22

Тел.: 89210846251, e-mail antvictoria@yandex.ru

Рассматриваются варианты организации исследовательской работы младших школьников в краеведческом музее. Показан пример реализации учебно-исследовательского проекта «Геометрия северных узоров».

Ключевые слова: исследовательская работа, младшие школьники, краеведческий музей, движения плоскости, орнаменты.

В Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования сформулированы не только личностные и предметные результаты освоения образовательной программы, но и сформулированы метапредметные результаты, среди которых освоение способов решения проблем творческого и поискового характера; использование различных способов поиска (в справочных источниках и открытом учебном информационном пространстве сети Интернет), сбора, обработки, анализа, организации, передачи информации; овладение логическими действиями сравнения, анализа, синтеза, обобщения, классификации по родовидовым признакам, установления аналогий и причинно-следственных связей, построения рассуждений, отнесения к известным понятиям. Одним из наиболее эффективных способов достижения метапредметных результатов является исследовательская деятельность.

В Котласе учащиеся начальных классов представляют результаты учебных исследований на муниципальной конференции – Малых Ломоносовских чтениях. Ежегодно в чтениях участвуют более 100 человек. Анализ тематики работ последних пяти лет показывает, что подавляющее большинство работ (более 60%) представлены в секциях «Окружающий мир». Работы по математике встречаются значительно реже (7-9%), также немногочисленны работы по краеведению (6-7%). Краеведческие работы, в основном, посвящены изучению истории своей семьи.

Между тем, наличие в Котласе краеведческого музея даёт уникальные возможности для организации исследовательской работы, в том числе младших школьников.

Прежде всего, это связано с освоением новой для ребёнка территории – музейным пространством. И здесь речь идет не столько расширении границ, сколько о смысловом наполнении этого пространства, о тех внутренних изменениях, которые происходят с ребёнком в музее. Второй момент связан со взаимодействием ребёнка с музейным предметом. Подлинные, уникальные музейные экспонаты вызывают интерес ребёнка, будят воображение, порождают вопросы.

Благодаря этим двум факторам музей становится территорией смыслов и предоставляет прекрасные возможности для развития ребёнка, для приобщения к ценностям культуры, для выполнения учебных исследований.

Рассмотрим, каким образом можно организовать в музее исследовательскую деятельность младших школьников. Одной из наиболее выигрышных тем в этом отношении является тема традиционных орнаментов. В Котласском краеведческом музее музейно-образовательные занятия «Народный орнамент» и «Узорная письменность» проводятся с дошкольниками и младшими школьниками. В рамках этих занятий дети знакомятся с традиционными северными орнаментами, символикой, пробуют составить свои рисунки.

Красота и глубина темы предоставляет широкие возможности для организации исследовательской работы школьников. Направления работы могут быть самыми разными – от изучения видов орнаментов (геометрический, растительный, зооморфный, антропоморфный, комбинированный), анализа цветовых решений, сравнения рисунков разных регионов до составления собственных вариантов орнаментов на основе традиционных элементов. Однако орнаменты можно изучать не только с художественно-эстетической точки зрения. Правила построения любого орнамента позволяет описать геометрия. Интересные и разнообразные формы работы с орнаментом как с геометрическим объектом предлагают учёные из Глазовского государственного педагогического института (Волкова М.В., Крежевских Л.Т. и др.). Ими разработаны факультативные курсы для старшеклассников по изучению удмуртских узоров, в том числе с использованием программ двумерной анимации. На наш взгляд, к изучению орнаментов можно привлечь и школьников младших классов.

Исследовательская работа «Геометрия северных узоров» проводилась в Котласском краеведческом музее с учениками четвертого класса. С учётом возрастных особенностей младших школьников были изучены орнаменты, представленные на полотенцах, поскольку они проще для анализа в силу небольшой площади узора. В процессе исследования решались следующие основные задачи:

1.Познакомиться с видами полотенец Русского Севера и рассмотреть их узоры.

2.Изучить виды движений плоскости.

3.Научиться определять, какие виды движений плоскости использовались при составлении орнаментов на полотенцах.

4.Составить геометрические описания узоров на полотенцах из фондов Котласского краеведческого музея, из частных коллекций жителей Котласа, Коряжмы, Котласского и Вилегодского районов.

Работая в музее, дети узнали, что в старину полотенца играли важную роль в жизни человека. Они сопровождали («оберегали») его на протяжении всей жизни — от рождения до кончины, участвовали в трудовых и праздничных жизненных событиях. Поэтому орнаменты на полотенцах представляют особый интерес для исследователя. Украшалось полотенце, как правило, на концах, полотнище орнаментовалось редко.

Цветовая гамма северных узоров изначально была красно-белой. Как правило, на белом фоне вышивали красной нитью, реже – на красном фоне белой нитью.

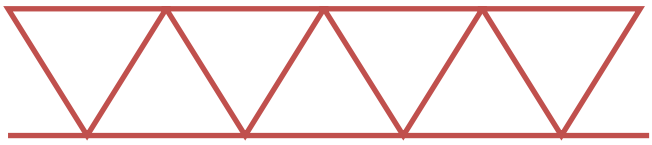
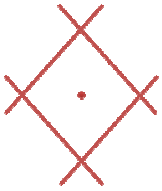
Исследовательская работа в данном случае была ориентирована на иллюстрацию геометрических понятий, со школьниками на начальном уровне были изучены движения плоскости. Для того, чтобы определить, какие виды преобразований плоскости применяются при построении орнаментов, мы познакомились с орнаментальными символами и проанализировали полотенца из фондов Котласского краеведческого музея. Работа настолько увлекла школьников, что некоторые из них принесли для анализа семейные реликвии – свадебные полотенца своих прабабушек.

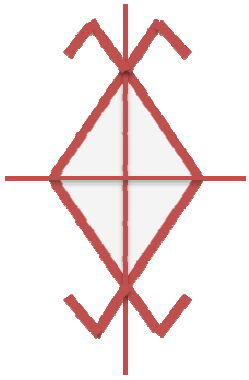
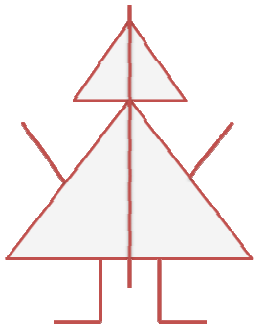
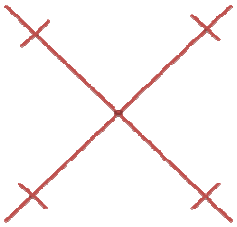
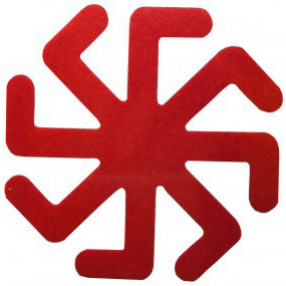
Анализ вышивок показал, что самым распространённым символом геометрического орнамента является ромб. Это базовая фигура, на основе которой создаются композиции. Разные вариации изображения ромба несут разный смысл.

Орнаменты на полотенцах чаще всего представлены в виде полосы, на которой повторяется рисунок. Мы определили, что при создании таких рисунков используется параллельный перенос, симметрия относительно прямой, симметрия относительно точки и поворот. Преобразования плоскости применяются как при построении отдельных элементов орнамента, так и для составления орнаментальных узоров. Проиллюстрируем это примерами (табл. 1).

Таблица 1

Движения плоскости в орнаментах полотенец Русского Севера

Параллельный перенос	
	Полотенце, Котласский р-н Архангельской обл., к. 19- н.20 вв.
	
Симметрия относительно точки	
	Полотенце, Котласский р-н, к. 19- н.20 вв.
	

<table>
<tr><td colspan="3">Симметрия относительно прямой</td></tr>
<tr><td>  </td><td>  </td><td>
Полотенце, Котласский район, к.19-н. 20 вв.</td></tr>
<tr><td colspan="3">Поворот</td></tr>
<tr><td colspan="2">  </td><td rowspan="2">
Вышивка на свадебном полотенце, д. Степаньково Вилегодского р-на Архангельской области, 1940-1950гг.</td></tr>
<tr><td colspan="2">  </td></tr>
</table>

Школьниками было установлено, что одним из любимых фрагментов орнамента северных полотенец (да и не только полотенец) является звезда, состоящая из восьми ромбов (рис. 1 и фото 1). Этот рисунок имел особое сакральное значение и считался мощным оберегом.

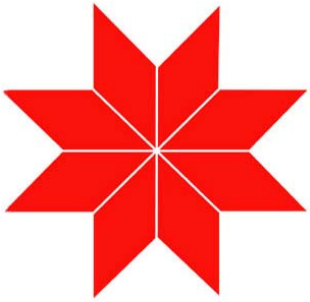


Рис. 1. Фрагмент орнамента

Фото 1. Вышивка на свадебном полотенце, д. Задовая Котласского района, 1950-1960 гг.

Фрагмент орнамента был проанализирован с геометрической точки зрения. Школьники выяснили, что звезда состоит из восьми одинаковых ромбов.

Фигура имеет 12 осей симметрии и является центрально-симметричной. Если в качестве исходного элемента рассматривать ромб, то фигура получается поворотом этого ромба на 45º.

Следующим этапом работы было составление геометрических анализов орнаментов на полотенцах. Всего было составлено 5 описаний. Приведем пример описания орнамента на полотенце из фондов Котласского краеведческого музея (фото 2).

Фото 2. Полотенце, браное ткачество, Котласский район, к.19-н. 20 вв.

Узор на полотенце состоит из трех частей. На центральной широкой полосе изображен квадраты и прямоугольные треугольники, рисунок получается параллельным переносом. У квадратов есть четыре оси симметрии, у треугольников – две. Квадрат имеет центр симметрии. На узкой верхней полосе – изображения ромбов, рисунок получается параллельным переносом. Нижняя полоса шире верхней. На ней изображены два ряда фигур, узор получается параллельным переносом. У фигур нижнего ряда есть осевая симметрия, фигуры верхнего ряда получаются поворотом.

Заметим, что фрагменты описания могут быть использованы при составлении научных паспортов музейных предметов, что говорит, в том числе и о практической значимости исследования.

Таким образом, при выполнении исследовательской работы гипотеза о том, при построении орнаментов применяются движения плоскости, подтвердилась.

Результаты исследований школьников были успешно представлены на муниципальной конференции – Малых Ломоносовских чтениях.

Работа по изучению геометрии северных русских узоров имеет для ребёнка важное культурологическое значение. Академик Б.А. Рыбаков писал: «Разглядывая затейливые узоры, мы редко задумываемся над их символикой, редко ищем смысл. Нам часто кажется, что нет более бездумной, легкой и бессодержательной области искусства, чем орнамент. А между тем в народном орнаменте как в древних письменах отложилась тысячелетняя мудрость народа, зачатки его мировоззрения и первые попытки человека воздействовать на таинственные для него силы природы» [4].

Таким образом, согласно теории деятельности, можно выделить следующие компоненты исследовательской работы учащихся в музее.

1. Цель – определить, какие движения плоскости применялись при составлении орнаментальных узоров полотенец Русского Севера.

2. Потребностно-мотивационная сфера включала в себя социальные и познавательные мотивы. Социальные мотивы выражались во взаимодействии, сотрудничестве, расширении круга общения, развитии коммуникации. Познавательные мотивы – получение в результате исследования новых знаний (о движениях плоскости, о полотенцах, об орнаментах), овладение исследовательскими умениями, получение практического результата исследования (геометрические описания полотенец).

3. Субъектами исследовательской деятельности были ученики младших классов, учитель и сотрудники музея.

4. Объекты исследовательской деятельности были как нематериальными (движения плоскости), так и материальными (музейные предметы).

5. Средства исследовательской деятельности были как внутренними (познавательные способности и приобретенные знания и умения исследовательской деятельности) и внешними (источники информации, музейные предметы, инструменты)

6. Процесс учебно-исследовательской деятельности включал в себя следующие этапы: выбор темы, постановка цели и задач исследования, планирование исследования и выбор методов, поиск информации, изучение музейного предмета, формулирование выводов, представление результатов, анализ своей деятельности и самооценка.

7. Результаты исследовательской деятельности: формирование познавательных мотивов, новые для ученика знания, новые способы деятельности, исследовательские умения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова М.В., Крежевских Л.Т. Геометрия удмуртских узоров: методическое пособие по организации учебной и исследовательской деятельности школьников. – Глазов: ООО «Глазовская типография», 2012. – 60 с.

2. Качаева М. Сокровища русского орнамента. – М.: Белые альвы, 2008. – 208 с.

3. Математика. Школьная энциклопедия (под ред. С.М. Никольского) / М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 1996.

4. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М.: Издательство «Наука», 1988. – 784 с.

5. Суров М.В. Вологодчина: невостребованная древность. – Вологда, 2001. – 432 с.

6. Ткани и одежда Поморья в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника: Каталог. – Архангельск: Издательство «Правда Севера», 2000.

7. Шарыгин И.Ф., Ерганжиева Л.Н. Наглядная геометрия. – М.: МИРОС, 1995. – 237 с.

ORGANIZATION OF RESEARCH WORK OF JUNIOR SCHOOLCHILDREN IN THE ETHNOLOGICAL MUSEUM ON THE STUDY OF NORTHERN RUSSIAN PATTERNS

V.V. Antonovskaya

The article discusses the options for the organization of research work of younger students in the ethnological museum. The example of realization of the educational and research project «Geometry of Northern patterns» is shown.

Keywords: research work, Junior schoolchildren, ethnological museum, the movement plane, ornaments.

МИР НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЭРЫ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ РОССИИ К НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И.И. Веревичев[1], М.И. Веревичева[2]

[1]Ульяновский государственный технический университет, Институт авиационных технологий и управления, самолетостроительный факультет, кафедра общенаучных дисциплин, кандидат философских наук, доцент
Россия, 432072, Ульяновская обл., г. Ульяновск, пр-т Созидателей, д. 13а
[2]Ульяновский государственный университет, юридический факультет, кафедра уголовного права, кандидат юридических наук, доцент
Россия, 432700, Ульяновская обл., г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 30
Тел.: 89510975075, 89510955128, e-mail: vemy@mail.ru, iverev47@mail.ru

Процессы глобализации в XXI веке резко изменили мир. Невиданные темпы ускорения научно-технического прогресса приближают человечество к новой стадии своего развития, однако не все страны и народы готовы успешно адаптироваться к столь быстро меняющейся действительности. В настоящее время Россия также испытывает значительные трудности, но страна должна суметь преодолеть наметившееся отставание от более развитых в экономическом отношении государств. Тревожное ожидание будущего не может остановить ход истории. Русский Мир должен помочь решить проблемы адаптации России к новой реальности. На современном этапе формирования «постинформационного» общества необходимо в полной мере раскрыть духовный и интеллектуальный потенциал основного ядра российской государственности. Возможно, именно в этом и состоит сегодня главная историческая миссия Русского мира.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, индустриальное общество, постиндустриальная стадия, постинформационное общество, перспективы цивилизации.

А. Энштейн, оценивая возможные последствия бесконтрольного ускорения научно-технического прогресса, заметил, что если человек так и не сможет думать по-новому, мы неизбежно будем двигаться навстречу беспрецедентной катастрофе. Аналогичных взглядов придерживаются и многие другие исследователи. В частности, Э. Тоффлер в работе «Шок будущего» (1970 г.) отмечает, что невиданные темпы развития современной цивилизации при отсутствии необходимых ресурсов адаптации населения к происходящим масштабным изменениям в обществе способны стать не менее деструктивными факторами, чем все иные известные ныне глобальные вызовы [1].

К сожалению, довольно часто в погоне за призрачным светлым будущим люди не внемлют мудрым советам, и восторгаются прозорливостью гениев лишь после совершенных промахов и ошибок. Но если в прошлом последствия человеческой нерадивости со временем удавалось как-то нивелировать, то в эпоху глобализации, когда темпы трансформации инфраструктуры существующего мира резко возросли, исправлять «шалости» прогресса становится гораздо сложнее. Необходимо осознать, что в скором будущем многие ошибки и просчеты в принципе уже невозможно будет исправить, так как для принятия правильных решений не останется времени, придется принимать решения, последствия которых нельзя будет исправить, т.е. в значительной степени вслепую [6].

Человек чаще всего не прислушивается к советам мудрецов и не делает

должных выводов из уроков истории. Даже религиозные люди забывают о том, что человек был изгнан из Рая не для того, чтобы заново отстроить рай на этой грешной земле. Но современное общество уже передоверило наиболее тяжелую и трудоемкую работу разнообразным машинам и информационной технике, а в будущем, вероятнее всего, человек и вовсе отстранится от любой активной деятельности, возложив на роботов и «искусственный интеллект» решение большинства проблем общества.

Философы, психологи, биологи пока еще не приступили к анализу возможных последствий для жизни и здоровья людей в эпоху построения «технологического коммунизма» – постинформационного общества. Преимущества райской жизни очевидны, но, как известно, и в раю у людей возникают проблемы. От многолетнего вынужденного «безделия» будущие поколения, скорее всего, начнут деградировать физически и интеллектуально. Подобную тенденцию в зародыше можно уже сегодня наблюдать во многих странах, где у молодежи, утомленной безграничными развлекательными возможностями Интернета, не остается сил и времени на учебу, полноценный отдых, нормальное общение с родителями и со сверстниками.

Вовлеченной в виртуальный мир молодежи грозит опасность реальной социальной изоляции. В настоящее время во многих развитых странах уже принимаются серьезные меры противодействия «чуме XXI века», однако сомнительно, что в будущем постинформационном обществе врачи-роботы или психологи, начиненные «искусственным интеллектом», будут стремиться излечивать человечество от подобных болезней цивилизации.

Научный и экономический потенциалы эпохи «технологического коммунизма», несомненно, будут способны эффективно решать многие проблемы будущих поколений, но вряд ли роботы и IT-технологии сумеют сохранить и приумножить духовное наследие, которым обладают современный люди. Идеология неограниченного технического прогресса, которая культивируется сегодня в обществе, в перспективе может нанести человечеству колоссальный ущерб.

Содержание нашей эпохи – смена доминирующих технологий [3]. Ускорение научно-технического прогресса неумолимо приближает человечество к построению новому типа общества – пост-информационного. Термин «информационное общество» (1963 г.) был введен Машлупом в качестве характеристики социума, в котором производство и использование научно-технической и иной информации становится главным фактором развития. Спустя десятилетие Д. Белл уточнил, что понятие «постиндустриальное общество» (оно же информационное) должно лучше характеризовать модернизированный этап развития современной цивилизации, сочетающий прогресс информационных технологий с бурным развитием сферы услуг – сервиса.

Однако в современной научной литературе все чаще встречаются публикации, в которых утверждается и о начале вхождения человечества в новую стадию исторического развития, которую пока условно принято называть *постинформационной*. Существует различные подходы к выявлению основных

характеристик нового типа общества. Например, Ю. Скотлунд считает, что главными отличиями новой стадии от трех предыдущих являются: 1) снижение роли наукоемких отраслей промышленности и переносе исследовательских лабораторий в менее богатые страны; 2) увеличение занятости населения развитых стран в индустрии развлечений; 3) падение престижа так называемых «серьезных» профессий во многих странах мира [2]. Интересна позиция и авторов, которые социальный прогресс в постинформационную эпоху увязывают с новейшими достижениями в области нанотехнологий [5].

Однако более весомой нам представляется позиция М. Делягина, который утверждает, что в настоящее время новым хозяином мира становится глобальный бизнес, отменяющий право частной собственности – основного понятия для всех теорий капитализма. По его мнению, частная собственность – «фундамент всей современной экономики», – «...сегодня существует лишь на уровне мелкого, среднего, даже крупного национального бизнеса. В реальности акционеры «ничего не могут сделать с топ-менеджерами корпорации, кроме как их уволить и нанять других, таких же или еще хуже (а это реальность, осознанная еще в кризис 2008-2009 годов), – это значит, что они не могут управлять своей собственностью, да, кстати, и не хотят делать это. А собственность без права управления – уже не собственность. И капитализм без частной собственности – это уже некоторая другая система» [6].

Парадоксально, что современный капитализм входит в новую эру без главного «штампа в партбилете» – права частной собственности. Вполне возможно, что у России, запрыгнувшей в последний момент на подножку ускоряющего свой бег локомотива рыночной экономики, могли быть свои представления о специфике «развитого капитализма», однако рыночная система хозяйствования на деле оказалась не такой уж рыночной.

В начале XXI века грандиозный проект перестройки мира потерпел неудачу – глобализации мира не состоялась. Наиболее показателен пример дезорганизации ВТО, которая вопреки идеалам «свободной торговли» не смогла помешать странам Запада проводить политику экономической санкций и других форм дискриминации в отношении России, Китая, Ирана и ряда других стран.

Россия испытывает сегодня колоссальные трудности. Сложная политическая ситуация в мире заставляет государство выделять на модернизацию вооружения значительные средства. Соответственно, существенно ограничены возможности финансирования должным образом науку, образование, здравоохранение и другие сферы жизни общества. Однако Россия не раз сталкивалась с подобной ситуацией. История редко баловала нашу страну временами благоденствия. Более того, когда Россия, наконец, достигала определенных успехов в своем развитии, против нее объединялись не только геополитические конкуренты, но даже бывшие друзья становились соперниками.

Многие страны мира в настоящий момент испытывают шок от вхождения в период экономической и политической «бифуркации». С точки зрения синергетики, система, находящаяся в неравновесном состоянии, способна выйти из

него, лишь значительно изменив траекторию прежней динамики развития. Но и в этом случае далеко не все элементы системы способны одновременно включиться в процессы, способствующие прогрессу. В этот важный период чаще всего тон задают наиболее активные компоненты.

Россия – многонациональная страна, но государственную целостность её прежде всего цементирует идеология Русского Мира. Представляется, что в наше сложное время Русский Мир – стабилизирующее ядро российской государственности – должен помочь консолидировать усилия государства и народа для решения стоящих перед страной проблем. Сжатая пружина синергетической энергии Русского Мира способна придать новый импульс трудовому порыву и творческой активности россиян, более полно раскрыть духовный и интеллектуальный потенциал российского народа. Вступая в новую эру, Россия обязана преодолеть все трудности и должна вновь занять достойное место среди передовых стран мира. Русский Мир призван помочь государству вывести отечественную науку, образование, экономику на новые, более высокие траектории развития. Возможно, в этом и состоит сегодня главная историческая миссия Русского Мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.

2. Скотлунд И. Постинформационное общество. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/skoglund_i/postinformacionnoyeobshchestvo.shtml.

3. Веревичев И.И., Веревичева М.И., Ерохина Е.А. Код развития современной цивилизации // Известия Самарского научного центра российской академии наук. – 2018. – Т. 20. – № 4 (3). – С. 510-527.

4. Власов А. Постинформационная культура. – Режим доступа: http://worldcrisis.ru/crisis/2499255.

5. Внутских А.Ю. От наноиндустрии в постинформационному обществу. – Режим доступа: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=659911.

6. Делягин М. Правила жизни в эпоху революций. О фундаментальных изменениях нашего мира. – Режим доступа: http://worldcrisis.ru/crisis/2218676.

7. Информационное общество и информационная культура. – Режим доступа: http://5fan.ru/wievjob.php?id=67128.

ON THE THRESHOLD OF A NEW ERA: PROBLEMS OF RUSSIA'S ADAPTATION TO A NEW REALITY

I.I. Verevichev, M.I. Verevicheva

The processes of globalization in the 21st century have dramatically changed the world. The unprecedented pace of acceleration of scientific and technological progress brings mankind closer to a new stage of its development, but not all countries and nations are ready to successfully adapt to such a rapidly changing reality. At present, Russia is also experiencing significant difficulties, but the country must overcome the emerging gap from the more economically developed states. The agonizing suspense of the future cannot prevent the course of history. The Russian World should help solve the problems of Russia's adaptation to a new reality. At the present stage of the formation of a "post-informational" society, it is necessary to fully reveal the spiritual and intellectual potential of the main core of Russian statehood. Perhaps this is precisely what the main historical mission of the Russian world is today.

Keywords: scientific and technological progress, industrial society, post-industrial stage, post-information society, prospects of civilization.

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ В РОССИЙСКОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.С. Девятов

Государственное бюджетное учреждение культуры и образования
города Москвы «Центр русской культуры и искусства под управлением
Владимира Девятова», Народный артист Российской Федерации,
художественный руководитель
Россия, 119136, г. Москва, 3-й Сетуньский пр-д, д. 16
Российский государственный гуманитарный университет,
факультет культурологи, кафедра истории и теории культуры, соискатель
Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: 89037213954, e-mail: devyatov55@inbox.ru

Рассмотрены особенности и проблемы бытования одного из видов нематериальной культуры, народной песни в современном информационном пространстве. Осуществляющийся переход народной песни из бытовых форм существования в сценические определил трансформацию способов и условий ее распространения. На основе таких показателей, как системность, периодичность, объем звучания выявлена качественная и количественная сторона присутствия русской народной песни в информационном поле телевидения, радио, печатных изданий и интернета. Основным методом проведенного исследования выступает анализ статистических данных, приведенных в отраслевых докладах «Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям» за 2014 - 2017 годы, сведений ряда социологических исследований, анализ законодательных актов, касающихся вопросов теле- и радиовещания, аналитика содержания теле- и радиопрограмм, печатных изданий, интернет-контента. Автор приходит к выводу, что в современном информационном пространстве России народная песня занимает достаточно слабые позиции, и что задача сохранения и пропаганды народной песни как культурного достояния требует целенаправленной организации данного процесса средствами современных СМИ.

Ключевые слова: народная песня, средства массовой информации, телевидение, радио, интернет, печатные издания.

Начиная с конца XIX века один из видов нематериальной культуры России, народная песня, покидая привычную среду обитания, всё в большей степени стала попадать в зависимость от реалий современного мира, и в частности, от информационных технологий. Становясь сферой творчества самодеятельных и профессиональных артистов, народная песня переместилась из среды культурного обихода в сценические условия. Сценические условия существования привели к попаданию народной песни в поле средств массовой коммуникации, и прежде всего, СМИ. В социокультурной среде современного мира народные традиции, находясь под ее воздействием, подвергнуты изменениям, в том числе связанным с влиянием эпохи массовой культуры и информационной цивилизации. Сохранение и популяризация традиционного русского народно-песенного творчества в создавшихся условиях, подразумевают необходимость не только глубокого и объективного анализа данного явления как такового, но и анализ его взаимодействия с другими процессами: «Новые технологии диктуют свои требования во всех жизнеобразующих сферах. Современный подход к культурным реалиям

также должен определяться новыми категориями» [1, с. 295]. В контексте исследуемого вопроса следует выявить, какие позиции занимает сегодня в информационном пространстве России народная нематериальная культура, и, в частности, народная песня, и каковы особенности ее существования в современных информационных реалиях. Изучению данного вопроса, к сожалению, уделяется крайне мало внимания государственными структурами, научным сообществом и самими Средствами Массовой Информации.

В настоящее время имеются четыре вида СМИ: телевидение, радио, печать и интернет. Самым распространенным из них является телевидение. Примерно 90% взрослого населения России смотрят телевизор раз в неделю, а около 70% ежедневно (опрос Фонда «Общественное мнение»). Измерения международной исследовательской группы «Mediascope/TNS», показали, что ежедневно телевизор смотрят 49 % зрителей в возрасте от 16 до 24 лет [2, с. 22]. В России утвержден перечень из 20 общедоступных общероссийских телеканалов, обязательных к вещанию на территории всех регионов. В его состав вошли телеканалы двух цифровых пакетов: первый мультиплекс РТРС-1 (Первый телеканал, телеканалы Россия-1, Матч ТВ, НТВ, Пятый канал, Россия-К, Россия-24, Карусель, ОТР, ТВ Центр) и второй мультиплекс РТРС-2 (Рен ТВ, Спас, СТС, Домашний, ТВ-3, Пятница, Звезда, Мир, ТНТ, Муз-ТВ). Большая часть аудитории из года в год остается именно за этими 20 общедоступными телеканалами (83-87% от всего числа зрителей).

Как правило, телевидение осуществляет показ народной песни либо путем системной, периодической трансляции программ, посвященных этому жанру, либо в бессистемном варианте, когда народная песня звучит в эфире как отдельный номер концерта (программы) или когда транслируется сольный концерт исполнителя или коллектива этого жанра. Исходя из наличия этих двух вариантов трансляции народной песни в сетке вещания 20 обязательных общероссийских каналов (по данным на 2017 год), можно сделать следующее заключение: суммарное время «присутствия» народной песни на федеральных общероссийских телеканалах составляет примерно 3680 минут в год, или, с учетом погрешности, около 0,7% годового эфирного времени этих каналов. Больше всего информация о народной песне, коллективах и исполнителях, работающих в этом жанре, представлена на Первом телеканале (около 0,3% времени в год). Это первенство достигнуто, в первую очередь, за счет трансляции единственной общероссийской периодической еженедельной программы о народной песне «Играй гармонь, любимая». На телеканалах Россия-Культура (около 0,1% времени в год) и ОТР (около 0,1% времени в год) народная песня представлена как отдельными номерами в концертах, так и сольными концертами коллективов и исполнителей. Четыре телеканала (Россия-1, ТВ Центр, Звезда, Мир) показывают отдельные концертные номера коллективов и исполнителей народной песни. Оставшиеся тринадцать каналов не имеют в своей вещательной сетке соответствующих трансляций. Сравнивая «удельный вес» эфирного времени, посвященного народной песне, с эфирным временем других «жанров» российского телевидения выстраивается вовсе неприглядная картина. Приведем результаты исследования структуры

эфира 17 крупнейших телевизионных каналов России «Аналитическим центром Vi» в 2016 году: 21 % эфира заняли телесериалы, 16% художественные фильмы, по 11% развлекательные программы и мультфильмы.[3,с.115]. Сравнивая эти цифры с подобными цифрами по народной песни, выясняется, что по сравнению с народной песней сериалов на телевидении больше в 30 раз, художественных фильмов больше в 22 раза, а мультфильмов больше в 15 раз. В ежегодных докладах Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям за последние годы отсутствует информация о воспитательной, патриотической, духовной роли телевидения, не говоря уже о народной песне.

Рассмотрим роль радио в формировании работы по сохранению и популяризации народной песни в России. По информации Европейского вещательного союза, 90% населения России пользуются радиоприемниками. Этот показатель говорит о высокой востребованности радио как средства массовой информации [4,с.21]. В то же время в докладах Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям за 2014-2017 годы «Радиовещание в России» [4], нет информации о радиостанциях, передающих народную песню (по иным направлениям музыки такая информация имеется). Исходя из наличия в 2016 году в эфире радиостанций крупнейших Российских вещательных холдингов (ВГТРК, ЕМГ, ПМГ, ГПМ радио,KRUTOY MEDIA, Мультимедиа холдинг, Изюм, Москва медиа) народных песен, или программ, посвященных коллективам и исполнителям этого жанра, можно сделать вывод о том, что объем звучания народной песни в эфире Российских радиостанций этих холдингов не просто крайне мал, а сравним с понятием практического отсутствия. Так, только 3 из 38 крупнейших общероссийских радиостанций дают в эфир народную песню, да и то в минимальных количествах. К примеру, «Радио Дача» и «Дорожное радио» вещают примерно 1-2 песни народного жанра в две недели. Государственная радиостанция «Радио России» имела до 2018 года две еженедельно выходящих передачи о народной песне и коллективах этого жанра («Фолк альбом Радио России» и «На завалинке») продолжительностью по 20 минут, но с 2018 года передача «На завалинке» была закрыта. В настоящее время в России около 3500 радиостанций, имеющих соответствующие лицензии. Из них только одна региональная радиостанция – «Казак FM» (Краснодарский край и Адыгея) имеет фолк-формат, то есть постоянно передает народную песню или музыку. Также в незначительных объемах вещает народную музыку «Радио Ваня» (Санкт-Петербург).

Перейдем к рассмотрению вопроса о наличии информации о народнопесенном жанре в печатных изданиях России. Согласно информации ФГУП «Почта России», разовый тираж периодических печатных изданий во втором полугодии 2016 года равнялся 18,5 миллионов экземпляров [5,с.8]. При этом имеются всего четыре Всероссийских периодических печатных издания, дающих на своих страницах информацию о народной песне. К таковым относятся: журнал «Живая старина» и альманах «Традиционная культура» (Государственный Республиканский центр русского фольклора, ГРЦРФ), журнал «Народное творчество» (при поддержке Министерства культуры РФ) и журнал «Традиции» (музы-

кально-литературное издательство Союза художников). Общий тираж перечисленных изданий составляет 7-8 тысяч экземпляров в год, что, конечно, несравнимо по масштабам с 18,5 млн. разового подписного тиража всех печатных изданий России (в 2016 году). Таким образом, из 55850 наименований печатных изданий России единицы (не более 10, с учетом региональных изданий) систематически информируют на своих страницах о народной традиции и народной песне, коллективах и исполнителях этого жанра.

Еще одним видом СМИ является Интернет. По оперативности, наглядности, возможности многоразового и отложенного просмотра, избирательности и по многим другим параметрам Интернет превосходит все иные СМИ. Совокупная аудитория потребителей Интернета в возрасте от 16 лет и старше в России за 2016 год составила 84 млн. человек или 70,4% взрослого населения страны (данные компании маркетинговых исследований «GFK Russia»).Количество пользователей Интернетом стремительно увеличивается. Так место Интернета по некоторым показателям во втором полугодии 2016 года сравнялось с телевидением. [6] При этом в последние годы наметилась положительная тенденция по применению сети Интернет в качестве информационного поля коллективами и исполнителями народной песни. Согласно опросу, проведенному среди коллективов и исполнителей этого жанра, около 70 % из них имеют свои сайты , 66% опрошенных размещают информацию о себе в социальных сетях. Кроме того, жанр народной песни широко представлен в популярном видео-хостинге «YouTube». Таким образом, Интернет в настоящее время является ведущим СМИ по трансляции жанра народной песни. Пожалуй, основная причина складывающейся ситуации – это минимальное количество каких-либо препятствий (административных, режиссерских, журналистских и пр.), свойственных другим СМИ. Для размещения информации в Интернете необходимы простое желание, небольшие навыки и незначительные денежные ресурсы.

Хорошим примером для решения вопроса укрепления позиций народной песни в информационном пространстве может послужить зарубежный опыт. Так, в Европейском Вещательном Союзе (*European Broadcasting Union*), объединяющем с 1950 года крупнейшие вещательные компании Европы (от России – это ВГТРК и Первый телеканал), в течение многих лет работает «Департамент фольклора». Эта структура практически ежегодно организует и проводит Всеевропейские фестивали и конкурсы фолк-исполнителей , организуя аудио-, видеозапись и последующий эфир [7]. В отечественных вещательных корпорациях, в том числе, государственных, подобная структура отсутствует. При этом подобный опыт в России имеется: на телевидении СССР, а далее и на Российском телевидении, с 1967 по 1996 годы функционировала «Главная редакция народного творчества». Таким образом, можно сделать вывод о наличии значительных резервов в использовании СМИ России в вопросе сохранности народной песни и ее популяризации.

Итак, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы: Действующие в России Средства Массовой Информации обладают всеми необходимыми техническими возможностями для ведения на должном уров-

не работы по популяризации объектов нематериальной культуры, к которым относится и народная песенная традиция. В настоящее время наблюдается прогрессирующий переход народной песни из бытовых форм существования в сценические и информационные, что предполагает трансформацию форм и методов ее сохранности и популяризации. Все большую роль в этом процессе играют медиа-средства, основной функцией которых по отношению к народной песне выступает ее пропаганда и популяризация через систематическую трансляцию, создание соответствующего контента и предоставление достаточного количества информации об исполнителях и коллективах этого жанра. Проведенный анализ позволяет говорить о крайне низкой доле присутствия народной песни в информационном пространстве отечественных СМИ. Это в значительной степени связано с практически полным отсутствием целенаправленной политики в вопросах популяризации и сохранения народно-песенной традиции с использованием современных СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Е.В. Проблема развития культурно-коммуникативных процессов на этапе формирования информационной цивилизации // Новые идеи в философии. – 2016. – Вып. 3 (24). – 294-298 с.

2. Телевидение в России 2016 году: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2017 – 22 с.

3. Телевидение в России 2017 году: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2018. – 115 с.

4. Радиовещание в России: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2017. – 21 с.

5. Российская периодическая печать: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад. – М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2017. – 8 с.

6. Исследование GFK: Тенденции развития Интернет-аудитории в России. – 26.01.2017. – Режим доступа: https://www.gfk.com/ru/reshenija/izmerenie-i-analiz-auditorii/.

7. Бочарникова И.С., Калюжная Н.А., Кулибаба С.И. Народная культура в современных условиях: стратегия сохранения национальной идентичности: монография. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. – 265 с.

FOLK SONG IN THE RUSSIAN MEDIA ENVIRONMENT

V.S. Devyatov

The article discusses peculiarities and challenges of existence of folk song, its being a part of non-material culture, in the modern media environment. The folk song's everyday existence is being extended to its scenic form, which has impacted the ways and conditions of its dissemination. Due to such indicators as systemacity, frequency and amount, qualitative and quantitative aspects of Russian folk song presence in TV, radio, press and internet were investigated. The main research method is the statistical analysis of the data, contained in the 2014-2017 regional reports of the Federal Agency for Press and Mass Media, in some sociological studies; the analysis of legislative acts regulating TV and radio broadcasting, as well as of the media content. The author makes a conclusion that in the modern media environment Russian folk song is poorly represented, with its preservation and propaganda requiring a well-directed management by mass media means.

Keywords: folk song, mass media, television, radio, internet, print media.

ПУТЬ СОЗДАНИЯ ЭТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТА ЧЕРЕЗ ГРВ-ТЕХНОЛОГИИ

С.Г. Джура[1], В.И. Чурсинов[2], В.В. Якимишина[3]

Донецкий национальный технический университет, электротехнический факультет, кафедра электроснабжения промышленных городов, [1]кандидат технических наук, доцент, [2]кандидат технических наук, доцент, [3]кандидат технических наук, доцент

Донецкая Народная Республика, 83001, Донецкая обл., г. Донецк, ул. Артема, д. 58

Тел.: +380713019876, e-mail: dzhura@inbox.ru

Рассмотрен перспективный метод решения мировой проблемы оценки качества информации в Интернет и автоматизации решения вопроса продвижения по иерархии знания каждого отдельного пользователя Сети посредством камеры газоразрядной визуализации (ГРВ), использующей в своей работе Кирлиан-эффект.

Ключевые слова: технология газоразрядной визуализации (ГРВ), Кирлиан-эффект, метод ГРВ-биоэлектрографии, инновационная технология, иерархия знания, этически обусловленное проектирование.

Введение. С 2012 года в РФ разрабатывается проект «Чистый Интернет» (полный вариант названия – Центр по защите прав и законных интересов граждан в информационной сфере «Чистый Интернет»[1]) – российская организация, некоммерческое партнёрство. Этот проект создан по инициативе Минкомсвязи России в декабре 2012 года с целью выработки механизмов отраслевого саморегулирования Рунета в области контроля за интернет-распространением противоправного контента, создания позитивной интернет-среды. Мы видим проблему в международном развитии идей, заложенных в указанный выше проект, и в автоматизации процесса решения, ибо скорость обмена информацией увеличивается в геометрической прогрессии.

Постановка задачи. Мы полагаем, что сегодня указанный выше проект функционирует на основе экспертных оценок. Время запроса и отклика весьма велико и требует автоматизации, а также именно такой автоматизации, которая позволит вывести этот проект на международный уровень. Над подобной проблемой (15 стандартов этического проектирования для робототехники и электроники [2]) работает Всемирный институт инженеров электротехники и электроники – IEEE (англ. Institute of Electrical and Electronics Engineers) мировой лидер в области разработки стандартов по радиоэлектронике, электротехнике и аппаратному обеспечению вычислительных систем и сетей. Полагаем, что давно назрел вопрос автоматизиции процесса создания этического Интернета в русле развития вышеназванных проектов.

Иерархия знания. На рис.1 представлено два варианта иерархии знания в современной интерпретации.

Пройдем по правой снизу вверх. Все, что имеется в загадочно пространстве бытия человека из 11-мерной (по физической теории супер-струн картине мира [3]), укладывается в контекст. Далее все, что может зафиксировать современный человек, является следующим уровнем, названым шумом. Все, что мо-

жем измерить, мы называем данными (следующий уровень). Данные, отсортированные по отраслям знания, – информация. Знания плюс законы функционирования формируют знания (следующий уровень). Обычно, этим уровнем заканчивается преподавание в вузах. Они дают знания. Но знания могут быть с большой и маленькой буквы, то есть ответственными перед обществом или безответственным. То есть знания плюс этика получаем знание с большой буквы как отблеск или проекцию мудрости (высший уровень иерархии знания), которую преподавать в принципе не представляется возможным по разным причинам. С одной стороны, в глазах обывателя она выглядит глупостью и по ряду других причин.

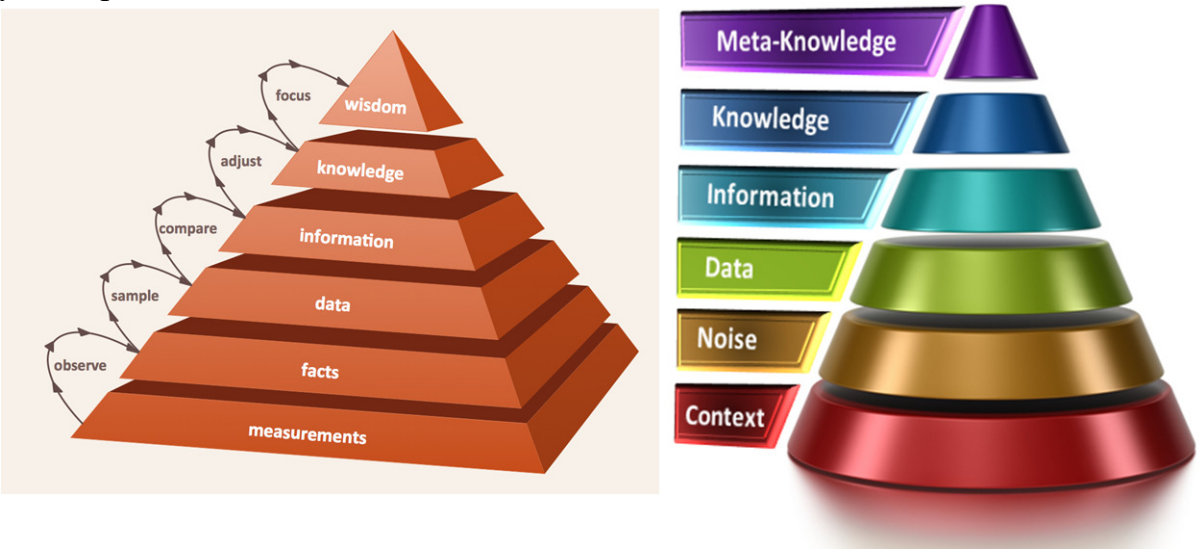


Рис. 1. Иерархия Знания

Научная проблема, требующая решения. Пока современная научная парадигма использует только понятие физического (без включения в нее метафизического и гиперфизического), она остается «колоссом на глиняных ногах». Это отдельное направление исследований, пути решения которого, с нашей точки зрения, нужно искать в области технологий газоразрядной визуализации (далее – ГРВ) или эффекта Кирлиан.

Гипотеза исследования – проверка возможности с помощью ГРВ-аппарата измерять разные внутренние состояния человека, которые напрямую связаны с его этическими характеристиками и склонностью к противоправным действиям.

Технология ГРВ. ГРВ метод – это компьютерная обработка изображений свечения различных объектов в электромагнитных полях высокой напряженности. При съемке слабый импульс электрического тока протекает через объект (палец человека) в течение десятка микросекунд, вызывая эмиссию фотонов и электронов с поверхности объекта в виде электрического разряда. Свечение этого разряда фиксируется специальной камерой и анализируется мощными программами. На базе принципов современной европейской и традиционной китайской медицины формируется информация о состоянии различных органов

и систем организма. Изображение, получаемое таким образом для пальцев, обрабатывается и аппроксимируется на поле всего организма и выдается наглядно в разных проекциях (как показано на рис. 2). Обработка всей полученной информации происходит на сервере, что позволяет регулярно обновлять программы, всегда пользоваться самой последней версией. База данных съемок хранится на защищенном сервере и может быть доступна с любого компьютера [4].

Процесс снятия информации занимает около одной минуты, обработка происходит практически мгновенно, после чего обученный пользователь может легко интерпретировать полученные результаты. Интернет программы ГРВ-приборов позволяют напечатать подробное заключение. Процесс съемки совершенно безвреден, его можно производить неоднократно. Периодическое снятие ГРВ-грамм дает возможность следить за состоянием и отслеживать эффект различных воздействий: от медицинских препаратов и манипуляций, до ментальной и физической нагрузки и тренировки. Многочисленные эксперименты доказали высокую чувствительность ГРВ метода.

Рис. 1. ГРВ-снимок поля человека в трех проектциях

Использование ГРВ-приборов для перспектив диагностики этических характеристик человека. На сегодня известны отработанные методики РФ для МВД, основанные на ГРВ-диагностики [5-7] для определения людей, склонных к совершению противоправных действий. Отсюда один шаг до определения этических характеристик человека и его морального портрета, который может быть использован и для других целей (например, для профессиональной ориентации и указания порога должностей, на который он может быть принят).

Гипотеза исследования состояла в том, что изменение параметров полей, замеряемых ГРВ-прибором в разных состояниях мыслительной деятельности респондента, позволяют говорить о его намерениях. Мы на ГРВ-приборе получили ряд подтверждающих этот тезис снимков, которые готовы предоставить в расширенном докладе.

Заключение. Полагаем, что приведенная методика ГРВ-визуализации может рассматриваться в пакете с другими методиками для решения задачи стандартизации этически обусловленного проектирования объектов электроники и электротехники. Кроме этого, рассмотренный в статье ГРВ-метод позволяет работать не только с так называемым «живыми» объектами, но и проводить анализ усталости металлов, поиска мест коротких замыканий, предсказания землетрясений и извержений вулканов, взрывов в шахтах, может работать как детектор лжи и многое другое, включая сертифицированные методики определения лиц, склонных к правонарушениям, разработанным для МВД РФ. Все это можно внедрять в практику ДНР. Полагаем, что будущий Интернет должен быть именно этичным, ибо так ставит вопрос Лидер Большого Русского Мира. У нас есть уже ряд публикаций в русле этого доклада [8,9]. Прогнозируем, что рано или поздно миниатюрные ГРВ-камеры будут установлены на новые мобильные телефоны, что позволит каждому приобщиться к этой технологии и знать сразу с кем пришлось столкнуться. Нерационально будет покупать эти приборы и телефоны за Западе, ибо технология родилась в России, и мы имеем все основания внедрять ее именно в интересах Большого Русского Мира. Одно из перспективных исследований в этой области – неразрушающий контроль объектов электроэнергетики, а также медицинский допуск к работе диспетчеров ТЭЦ и других ответственных лиц. Отдельная уже проработанная методика – борьба с криминалитетом. Мы видим большие перспективы и пользу для ДНР и всего Русского Мира от внедрения этих технологий в практику различных научных учреждений и всех заинтересованных организаций и лиц. С работой прибора можно познакомиться в аудитории 1.220 ДонНТУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чистый Интернет. Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8B%D0%B9_%D0%98%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82.

2. Ройзензон Г.В. Стандарты этики в искусственном интеллекте // Программная инженерия: методы и технологии разработки информационно-вычислительных систем (ПИИВС-2018): сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции, Том. 1. 14-18 ноября 2018 г. – Донецк, ГОУВПО «Донецкий национальный технический университет», 2018. – С. 227-236.

3. Грин Б. Элегантная вселенная. – Либраком, 2017. – Режим доступа: http://www.roerich.com/zip3/elegant_universe.zip.

4. Bio-well. Официальный сайт компании по производству ГРВ-приборов. – Режим доступа: https://www.bio-well.com/ru/home.html.

5. Коротков К.Г., Крыжановский Э.В., Филатов С.И., Филлапосьянц Ю.Р. Метод выявления лиц, склонных к совершению противоправных действий // Специальная техника и связь. – 2005. – 32 с.

6. Муромцев Д.И. Автоматизированная система обработки и анализа динамических ГРВ-грамм биологических объектов: автореф. дисс. ... канд. техн. наук. – СПб: СПбГИТМО, 2003.

7. Кондратьев А.Ю., Киселева Н.В., Лаптев А.Р. Исследование военнослужащих с признаками выраженных дезадаптационных нарушений методом ГРВ-биоэлектрографии //

Нейробиотелеком: тр. конф. – СПб: 2004. – С. 125-127.

8. Джура С.Г., Чурсинов В.И., Якимишина В.В. Вопросы стандартизации этически обусловленного проектирования объектов электроники и электротехники посредством ГРВ-камеры // Вызовы цифровой экономики: итоги и новые тренды: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. – Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т., 2019. – С. 154-160.

9. Джура С.Г. Этические алгоритмы мироздания. – Saarbruken: Изд. дом LAMBERT Academic Publishing, 2014. – С. 393-405

THE WAY TO CREATE AN ETHICAL INTERNET THROUGH GDV TECHNOLOGY

S.G. Dzhura, V.I. Chursinov, V.V. Jakimishina

A promising method for solving the global problem of assessing the quality of information on the Internet and automating the issue of promoting the hierarchy of knowledge of each individual user of the Network using a gas discharge visualization camera (GDV), which uses the Kirlian effect in its work, is considered.

Keywords: gas-discharge visualization (GDV) technology, Kirlian effect, GDV-bioelectrography method, innovative technology, knowledge hierarchy, ethically determined design.

САМООЦЕНКИ БЕДНЫХ СЛОЕВ ОБЩЕСТВА, ОБЪЕКТИВИРОВАННЫЕ В ФАКТОРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Л.А. Зубкевич

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, физический факультет, кафедра философии, кандидат философских наук, старший преподаватель

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23

Тел.: 89202505670, e-mail: lada-zubk@rambler.ru

Изучены особенности интерпретации собственного бедственного положения, характерные для бедных слоев общества. В работе исследуется специфика самосознания бедных в современной России, анализируется ситуация стресса при нахождении в бедственном положении, ее влияние на человека и последствия для общества, выясняется значение мировоззренческих установок «бедность как норма» и «бедность как бедствие».

Ключевые слова: самосознание бедных, статусная идентичность, самоидентификации индивида в общественной иерархии.

Проблема бедности на сегодняшний день является наиболее актуальной философской и социологической проблемой. Данная статья посвящена особенностям интерпретации собственного бедственного положения, характерным для бедных слоев общества. Поскольку бедные слои населения являются наиболее социально не защищенными и не адаптированными, то именно они потенциально могут стать источником социальной нестабильности. Кроме этого, именно бедность представляется благоприятной средой для распространения деструктивных социальных идей и схем поведения (терроризм, национализм, экстремизм и пр.). Осознавая научную и общественную значимость обозначенной цели исследования, необходимо решить следующие задачи в аспекте субъективного восприятия бедности. Первое: специфика самосознания бедных в современной России. Второе: ситуация стресса при нахождении в бедственном положении, ее влияние на человека и последствия для общества. Третье: мировоззренческие установки – бедность как норма или бедности как бедствие, – и их значение.

В Аналитическом докладе от 2013 года Института социологии РАН констатируется, что в нашей стране бедность растет и распространяется среди работающих (наличие работы не спасает от бедности), одновременно в обществе происходит ухудшение отношения к бедным [1]. Данная ситуация парадоксальна с точки зрения Доклада, подобные парадоксы являются причиной роста социальной напряженности. По нашему мнению здесь проявилась специфика восприятия современной бедности в России, обусловленная предыдущим развитием и противоречивостью сегодняшнего переходного процесса. В обыденное сознание бывших советских граждан насаждается протестантская аксиологическая норма – бедным быть грешно. Во-первых, эта норма противоречит нашим традиционным установкам. Во-вторых, когда нет уверенности в завтрашнем дне, так как работа не спасает от бедности, подобные установки вносят диссонанс и ощущение катастрофизма в самооценку любых людей (от сумы и от тюрьмы не заре-

кайся, так говорят у нас). В третьих, из-за сложного переходного состояния российского общества происходит потеря статусной идентичности обедневших граждан. В силу чрезвычайно резкой динамики социальных изменений, быстротечности жизненных реалий, объективное положение людей в общественной иерархии не соответствует их субъективным представлениям. В тоже время, общественное сознание и наука еще не выработали критериев имущественного расслоения, а западные исследования пост-индустриальности для нас не применимы, так как в России акценты смещены на эмоциональные, духовные аспекты самоидентификации индивида в общественной иерархии. Поэтому остаются только субъективные составляющие стратификации, которые становятся «одним из немногих опознавательных знаков, служащих ориентиром индивида в социальном пространстве» [2, с. 3, 4, 11, 12]. Ориентация на свои оценки, на оценки ближайшего окружения создает впечатление стабильности. Однако, это усиливает отчуждение от государственных институтов [3, с. 15, 16].

Мы сталкиваемся с проявлением противоречивости самооценки бедных. С одной стороны, в результате подобных оценочных ориентаций происходит «уход в себя», он сопровождается нежеланием «принимать решения и нести за них ответственность» [3, с. 15, 16]. С другой стороны, бедное население в своем низком уровне жизни винит социальную защиту, углубление социального неравенства, социальную дезадаптацию и отсутствие восходящей социальной мобильности [4, с. 9]. В тоже время, источниками улучшения своего положения считают государство и субъектов, обладающих материальными ресурсами, в социально-экономической зависимости от которых они находятся [4, с. 9]. С нашей точки зрения, данное противоречие объясняется психологической необходимостью создания внутреннего мира и возможности «уйти» туда при тяжелых личностно-эмоциональных моментах, создается «форпост» для «возможности обратного воздействия на общество в целом». Так при переходных общественных состояниях происходит формирование новых ценностных и мировоззренческих установок, норм и правил, а также корректировка или отрицание старых, что влияет на «понимание своего места в социальной структуре» [3, с. 15, 16].

В современной России, в отличие от СССР, люди не ощущают себя хозяевами жизни, однако эта советская мировоззренческая установка еще не забыта, что способствует социальной напряженности. Дело не в том, что еще живы и дееспособны «рожденные в СССР», дело в так называемой, «генетической памяти» – представлениях о жизни, которые передаются из поколения в поколение. Она хранит еще патриархальные установки Российской империи о «царе-батюшке» и добром барине, заступниках и радетелях. Советская идеология и коммунистическая мораль как раз это пыталась изжить, именуя мелкособственническими настроениями. События разрушения Советского Союза добавили новые черты в восприятие бедными своего положения: «раздраженно оценочное восприятие» богатого сословия, поиск виноватых, требования создания эффективной системы перераспределения материальных благ, «негативная социализация подрастающего поколения» (неблагополучие), «негативная ресо-

циализация взрослых» считаются следствием искусственно созданной в процессе реформ бедности; ощущение фрустрации, вызванные высокими ценами, низкими доходами, ежедневной заботой о завтрашнем дне. Среди бедных нет единого восприятия собственной бедности. Настроения варьируются от обреченности до ярости. Основной причиной социальной напряженности является не бедность сама по себе, а осознание вопиющего социального неравенства. Это чисто по русски, бедным быть не стыдно, плохо, что нет «правды» в жизни общества. «Природа и происхождение крупных состояний не только вызывает определенный энтузиазм в восприятии идей насильственного передела собственности», но и приводит к оценке всех людей богатого сословия как «людей без чести и совести», происходит отторжение и дискредитация идеи материального успеха. Одновременно в самооценках бедных присутствует самокритика и попытки поиска внутренних причин социальных неудач. Признается личная ответственность человека за результаты жизни [4, с. 9-15].

Феномен «ухода в себя» среди бедных, сопровождающийся социальной изоляцией, был отмечен в Англии в 1930 году. Это послужило поводом для начала исследований и создания теории социального исключения. В России «уход в себя», как мы видели, не приводит к изоляции, но о спаде социального участия можно говорить. На личностном уровне, по данным социологов, при переживании данной ситуации наблюдается ухудшение здоровья, нервное напряжение, физическое и психическое истощение у половины респондентов. Почти у всех наблюдается уменьшение веры в себя и свои возможности, увеличение чувства зависимости от внешних обстоятельств [5, с. 71-72]. Но с повышением дохода, имущественной обеспеченности, при поддержке социального окружения повышается и самооценка людей, они начинают относить себя к более высокому социальному слою. Люди, обладающие здоровьем, имеющие низкий уровень стрессированности, в своей самооценке также ставят себя на более высокие ступени социальной лестницы [5, с. 66, 69].

В самовосприятие бедных входит также то, каким образом оценивается бедность как таковая, это норма или бедственное положение. Это влияет на поведение человека, его стратегии деятельности. Восприятие этого положения как нормы приводит к социальному иждивенчеству. Например в США многие предпочитают жить на социальные пособия [6, с. 49]. Когда бедность воспринимается как бедствие, то возникает потребность избавиться от него. Но отсутствие в обществе объективных возможностей «убежать от нищеты» не приводит к выработке каких-то особых личных стратегий деятельности, а усугубляет «щемящее чувство тревоги о том, что случись какая-то беда, вам не хватит средств и тогда вы и вся ваша семья пропадете» [7, с. 15]. Самая распространенная стратегия – это приспособление и разные варианты адаптации даже к самым невыносимым условиям жизни. Тогда может возникнуть самое важное в жизни человека – ощущение счастья, даже если это чувство не всегда соответствует реальному уровню благосостояния [7, с. 45]. «Обстоятельства хороши лишь тогда, когда они помогают возникновению ощущения счастья, а неблагоприятные обстоятельства вовсе

не плохи, если человек чувствует себя счастливым независимо от них» [7, с. 46].

Таким образом, интерпретация бедными собственного бедственного положения зависит от социально-экономических, политических условий общества, от культурных и мировоззренческих установок, господствующих в обществе. Также в данную интерпретацию входит самоидентификация индивида в общественной иерархии, которая зачастую неадекватна реальному положению дел. Она зависит от психоэмоционального и физического состояния индивида. Противоречия между самооценкой человека в состоянии бедности и окружающей его реальности могут привести к социальному взрыву. Кроме этого, могут быть и другие варианты «побега» от нищеты в рамках исследуемой интерпретации. Это может быть «уход в себя», создание альтернативного мира, или внутреннее приспособление и адаптация, которые даже могут создать иллюзию счастья. Таким образом, на основании исследования самооценки бедных, их интерпретации своего положения можно сделать следующий вывод: бедность и бедняк, оставленные один на один со своей нищетой никогда не вырвутся из этого положения. Бедность не является стимулятором выработки новых продуктивных стратегий деятельности, так как наталкивается на множество не столько внешних, сколько внутренних преград. В сочетании с неблагоприятной социально-экономической и политической ситуацией бедность «консервируется», приобретая характер субъективной жизненной нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедность и неравенство в современной России. 10 лет спустя. Аналитический доклад. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2013. – 168 с.

2. Худякова О.А. Владение техническим артефактом как феномен стратификации современного Российского общества: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Н. Новгород, 2009. – 19 с.

3. Вотинцева Н.Н. Специфика ценностей и ценностного сознания в трансформирующемся обществе: автореферат дис. ... канд. филос. наук. – Пермь, 2008. – 19 с.

4. Сорокина А.В. Бедные в России: структура, ориентации, установки: автореферат дис. ... канд. соц. наук. – Н.Новгород, 2003. – 18 с.

5. Балабанова Е.С. Стратегии совладания с жизненными трудностями: самостоятельность или зависимость? // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3 – №3. – С. 59-78.

6. Ишмуратова В.Г. Структурно-логическая причинно-следственная модель механизмов и инструментов борьбы с бедностью в условиях трансформационной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 10 (264). – С. 43-52.

7. Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства / пер. с англ. А. Гуськова. – М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 368 с.

SELF-ESTEEM OF THE POOR STRATA OF THE SOCIETY, OBJECTIFIED IN THE FACTOR SPACE (SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

L.A. Zubkevich

This article is devoted to the peculiarities of the interpretation of their own distress, characteristic of the poor strata of society. The work examines the specifics of the self-consciousness of the poor in the modern Russia, analyzes the situation of stress when in unfavorable circumstances, its impact on the person and the consequences for the society, the importance of ideological attitudes of «poverty as a norm» and «poverty as a disaster».

Keywords: self-consciousness of the poor, status identity, self-identification of the individual in the public hierarchy.

РУССКИЙ МИР: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

М.И. Козьякова

Высшее театральное училище (институт) им. М.С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России, кафедра философии и культурологии, доктор философских наук, кандидат экономических наук, профессор

Россия, 109012, г. Москва, ул. Неглинная, д. 6/2, стр. 1,2

Тел.: 89163477973, e-mail: markoz@yandex.ru

В условиях жесткого противостояния России и Запада разработка собственных национальных проектов развития становится необходимой и неотложной задачей. Культура, культурная идентичность Русского мира играет все более важную роль в обеспечении национальной безопасности.

Ключевые слова: культура, идентичность, геополитика, национальные ценности, «мягкая сила», традиционализм.

Вместе с эмерджентностью и радикализмом происходящих перемен нарушаются стабильные основания органичного и целостного культурного универсума. На место известного, предсказуемого мира приходит мозаичное и непредсказуемое многообразие с его экономическими, социальными, политическими рисками, превратившимися в неотъемлемую «принадлежность прогресса» (К. Бек). Формированию «общество риска»[1] способствует глобализация. Ее последствия чреваты возникновением опасных противоречий, поляризацией и конфронтацией в различных сферах. Она очерчивает контуры нового мирового порядка, взаимодействия, при котором границы государств и национальные социальные институты утрачивают возможность сохранения неповторимого культурного облика того или иного народа.

Тенденция к образованию единообразного культурного пространства оборачивается властью сильнейшего: доминирующая североатлантическая модель навязывает остальному миру собственную систему ценностей, стереотипы образа жизни. Вторжение в национальное культурное, политическое пространство является небезопасным для страны-реципиента, поскольку осуществляется с целью реализации собственных интересов. Путь развития гражданского общества, однозначно аффилированный с иными, заимствованными цивилизационными характеристиками, опасен, поскольку во многом представляет эффект «троянских коней». «Символическое насилие» (П.Бурдье) вызывает протест, провоцируя поворот к национальным истокам, при котором все более значимым делается поиск личной и коллективной идентичности. В этой связи особую актуальность приобретают национальные приоритеты и национальные интересы. Перспективы их развития проецируются в фокус важнейших проблем современности, перемещаются с периферии общественного внимания в центр ожесточенной политической, идеологической, экономической борьбы.

Исторический опыт свидетельствует, что цивилизационные контакты могут происходить как в режиме диалога, так и принимать форму жесткого про-

тивостояния, что характерно для настоящего времени. Поистине беспрецедентным размахом отмечена так называемая «гибридная война», развязанная Западом против России. На смену рейгановскому ярлыку «империя зла», навешанному некогда на СССР, пришли иные обвинения, дополненные различными экономическими и политическими санкциями. Фактически все они используются как инструмент геополитики, применяемый с целью «сдерживания» России. В информационной войне, развернувшейся в настоящее время, идейная, идеологическая борьба ведется с применением самых резких, нетипичных для межгосударственных отношений приемов. Россию обвиняют абсолютно во всех смертных грехах, и эта обструкция носит демонстративный, политизированный характер, отражая, настолько обострились отношения в результате развязанной против нашей страны агрессивной компании

Следует отметить, что жесткие методы противоборства, охватывающие широкий спектр, от информационного до экономического, применяются обычно в противостоянии между антагонистическими системами. Однако исторический пример подобного рода – «холодная война», не отличался столь ожесточенными, беспрецедентными акциями, столь бездоказательными обвинениями, как в настоящее время. В данном случае война объявлена не формационному, но «историческому противнику» – суверенному государству, обладающему собственной системой ценностей, собственной идеологией и традициями, сформированными многовековой историей. Практически экспансионистский натиск идет на «Русский мир»: само противостояние происходит в духе хантингтоновского «столкновения цивилизаций», только не предсказанного им конфликта атлантического Запада и ислама, а конфликта Запада и России, спровоцированного англо-саксонским экспансионизмом, воспринимающим весь мир как сферу гегемонии Pax Americana.

Под сложным, расплывчатым понятием «Русского мира» могут подразумеваться различные реалии, составляющие специфику данной социальной общности – этнокультурная общность, объединенная русским языком, историей, этикой; православная цивилизация; геополитическое образование. Иногда к «Русскому миру» относят всю кириллическую цивилизацию. Как бы ни различались трактовки, Россия как государственная, культурная реальность остается его цивилизационным ядром. Именно на эту метафизическую, геополитическую реальность, на ее национальную специфику нацелено экономическое, политическое давление, именно в данном контексте актуализируются проблемы цивилизационного выбора и национальной безопасности.

Обеспечение национальной безопасности, как показывает современная ситуация, связано не только с вооруженными силами, не только с экономикой, но и в целом с культурной идентичностью. Культура всегда онтологизируется в национальных, этнических формах, носит накопительный, кумулятивный характер (М. Мид). Одной из важнейших является ее апотропейная функция, обеспечивающая ментальную, психологическую защиту членам своего сообщества. В целостности, органике национальной культуры всегда содержится опре-

деленный потенциал партиципации – сопричастности с духовной, материальной силой, с энергетическим резервом, подпитывающим субъектов, принадлежащих к данному сообществу. Эта связь прослеживалась с древнейших времен, ее обеспечивала уже архаика первобытного ритуала: участвуя в нем, «первобытный человек не чувствует себя больше беззащитным перед не поддающимися предвидению угрозами сверхъестественного мира. Он обрел в этом мире нечто большее и лучшее, чем помощь, чем защиту, чем союзников. Сопричастие... – вот в чем его спасение...» [4, с. 467]. Апотропейность культурного пространства заключена в его аутентичности, поскольку знакомая, привычная среда психологически воспринимается в качестве наиболее комфортной, родной.

В своем историческом бытии Россия всегда являлась суперэтносом (Л. Гумилев), универсальным государством (А. Дж. Тойнби), «нацией наций», поскольку с самого начала своей истории русская государственность формировалась как полиэтничная цивилизация. О «всемирности» и «всечеловечности» русских, их специфическом «космополитизме» писал в свое время Ф. Достоевский: «Всечеловечность русская. Наша идея» [3, с. 221]. Образной иллюстрацией подобного «космополитического» сознания могут служить известные строки из стихотворения М.Светлова: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать».

Великодержавность сознания Русского мира не только не стимулировали скрупулезный расчет в соблюдении национальных интересов, но и зачастую провоцировали их недооценку как на государственном, так и на индивидуальном уровне. Забвение национальных интересов в полной мере проявилось в ходе перестройки, в реформировании государства и общества. Западный опыт, однозначная ориентация на западноевропейскую, американскую модели, были приняты в качестве целеполагания для проводимых реформ. По мысли реформаторов, только североатлантическая цивилизация смогла продемонстрировать миру магистральную дорогу к процветанию, и потому ее ценности необходимо было усвоить для успешного продвижения по пути «демократии и прогресса». Западный опыт предполагал примат либеральных ценностей, и либеральная парадигма была оценена отечественными реформаторами как наиболее прогрессивная, универсальная. При этом игнорировался скепсис самих зарубежных специалистов в плане ее перспектив: социологические, культурологические исследования рассматривали вектор западной эволюции как крайне противоречивый. К тому же многие зарубежные исследователи уже в 90-е гг. говорили о крахе либеральной идеи – об этом свидетельствует, например, книга И. Валлерстайна «После либерализма» [2].

Господство рынка, увеличение степеней свободы однозначно оценивается в либеральной среде как положительный эффект. Требование отказа от традиционных коллективистских ценностей выдвигалось поэтому как фактор успешной модернизации общества. Неизменно звучала в либеральных кругах критика в отношении коллективизма как принадлежности архаики, признака отсталости. В отличие от коллективистской установки традиционного общества, «сво-

бода» каждого отдельного лица, его независимость от государственных, партийных, других общественных институтов полагалась неоспоримой. Многочисленные связи, обязательства, предписания, сопровождающие человека на протяжении жизни, обязательные к исполнению в традиционном обществе, должны были исчезнуть, знаменую тем самым обретение новых степеней свободы индивида

Антропоцентризм, индивидуализм, борьба за политические свободы имеют в западном мире длительную историю. В ходе буржуазных революций ликвидировались сословные барьеры, утверждались социальные и политические права, неизменно связанные с фундаментальной ценностью буржуазного мира – собственностью. Принцип неприкосновенности частной собственности закладывал фундамент современной западной цивилизации – культивируя индивидуальность, он должен был, в теории, способствовать рождению автономной, ответственной личности – индивида, наделенного как гражданскими правами, так и «абсолютным суверенитетом взглядов и наклонностей» (Ф. фон Хайек). Этот посыл служит оправданием отхода от традиционалистских ценностей, полагая принципиальную неразличимость добра и зла, добродетели и порока.

На практике, однако, западное общество приходит к иному, противоположному результату: к наступлению эры масс (Г.Лебон), веку толп (С. Московичи), к их восстанию (Х. Ортега-и-Гассет). Масса обретает свою аутентичную основу в стереотипах и стандартах, в брендовом потреблении, в макдональдизации образования, здравоохранения, культуры. В лоне европейской цивилизации систематически возрождается варварство, связанное с «тиранией большинства» (А. де Токвиль). Наглядный пример подобных практик предлагает Украина, а также бывшие советские прибалтийские республики, ныне самостоятельные государства Литва, Латвия и Эстония.

В нашей стране на пути реформ преследовался в известной степени мираж. Предлагаемые как образец, традиционно именовавшие себя таковыми, европейские демократии уже давно изменили собственным принципам: они прогибаются под давлением политической конъюнктуры, увязают в трясине бюрократизации, дрейфуют по требованию меньшинства по течению нетрадиционных ориентаций. Они дошли до крайних пределов национальной безопасности, играя с огнем мультикультурализма. Американская модель, в которой «огнем и мечом» насаждается по всему миру собственная система «демократических» ценностей также не может служить ориентиром. Жизненная практика показала опасность подобных заимствований: в результате механического применения либеральных моделей в стране произошла радикальная ломка всего и вся – трансформация жизненного уклада, уничтожение социальных и государственных институций, разрушение народнохозяйственного комплекса. Как оказалось, рецепты западного толка далеко не универсальны, тем более, что предлагались они отнюдь не бескорыстно.

В известной концепция американского политолога С. Хантингтона, изло-

женной в его работе «Столкновение цивилизаций», [9] был выдвинут тезис о том, что XXI столетие станет веком столкновения цивилизаций или культур, в отличие от XX столетия, являвшегося веком столкновения идеологий. Многие из цивилизаций, как известно, дефинируются по конфессиональному признаку: православная, исламская, индуистская. В современном секуляризированном мире, однако, зачастую не столько сама религия определяет характер культуры, сколько складывавшиеся веками устойчивые комплексы исторически генерированных ценностей, маркируемых конфессиональной принадлежностью.

Аспекты, определившие лицо русской культуры, противопоставляют западному модерну иные ценности, не входящие в круг всеобъемлющего антропологизма и фетишизированной рациональности. Они содержатся в национальных традициях, символах, верованиях, предопределяя тем самым природу сакрального. В данном случае речь не идет о вере, хотя православие служило важнейшим краеугольным камнем русской духовности. Основные, базовые ценности представляют собой стержень, ядро культуры, в том числе, коллективизм, онтологизированный в коммьюнитарном обществе как важнейший цивилизационный принцип. Исторически перспективы выживания были определены здесь максимально тесными социальными связями, обеспечивающими не только взаимодействие, но и взаимовыручку, эффективным функционированием всевозможных сообществ, от общины до государства. Последние различались по своим формам и масштабам, по жесткости регулирования, но обладали развитой апотропейной функцией, которая закрепилась в ментальном стереотипе в качестве коллективистской установки.

Решение вопросов о разработке собственных «национальных проектов» становится в настоящее время все более необходимым и неотложным. Эти проекты должны отвечать на вызовы времени, учитывать остро стоящую потребность в модернизации, и одновременно опираться на доминантные социальные, аксиологические, культурологические характеристики. Технологические вызовы современности требуют адекватного ответа – внедрения новейших технологий, подготовки высококвалифицированных кадров. Однако технические, технологические перспективы не могут полностью репрезентировать цели национальных проектов. Для дальнейшего общественного развития не менее важна реализация антропософских, гуманитарных потребностей членов общества – повышение их культурного уровня, социализация, реализация способностей и талантов также входит в контекст культурно-антропологического целеполагания.

В современных условиях жесткого противостояния необходимо поддерживать межкультурный, межнациональный, межгосударственный диалог. Культурный потенциал страны играет в этом противостоянии важнейшую роль, актуализируя все, связанное с культурной идентичностью. В конкурентной борьбе эффективен сценарий «мягкого» воздействия – использование так называемой «мягкой силы», концептуализированной Дж. Найем [5]. К ней обычно относят авторитет страны на международной арене, уровень развития экономики, успехи дипломатии, а также социокультурные факторы – идеологию, цен-

ности, качество и уровень жизни. В этом диалоге в первую очередь речь может идти о гуманитарных проблемах, о культурном взаимодействии, т.е. о тех сферах, которые непосредственно не связаны с политикой. Это сферы и области, в которых страна располагает большим культурным потенциалом, представляющим интерес для мирового сообщества – сфера искусства, литературы, народного творчества, фольклорной специфики, спорта, туризма, экологических проектов. Влияние может оказывать привлекательность собственного образа, спортивные, творческие достижения.

Все эти реалии, востребованные на мировой арене, в совокупности можно отнести к «мягкой силе». Интерес будут представлять именно национальные варианты – своеобразные, самобытные, уникальные, не похожие на массовые стандартизированные бренды. В этом ключе национальная специфика может репрезентировать гуманитарные цели и, поддерживая диалог, укрепляя позиции страны, она одновременно сможет способствовать снижению рисков, укреплению доверия.

Важнейший аспект в формировании эффективной национальной политики неразрывно связан с внятным формулированием ценностных приоритетов, с легитимизацией идейного, идеологического вектора, в том числе основных, базовых атрибуций, таких, как национальная, гражданская, культурная принадлежность. Речь в первую очередь идет об исторической памяти, поскольку культурная идентичность онтологизируется в контексте взаимодействия памяти, традиционных ценностей и смыслов, отношения к родной земле. Это те ценности и смыслы, которые присутствуют в народном сознании, которые закреплены на архетипическом уровне. Бытующие явственно или неявно, имплицитно, признанные или же не признанные властями, они сохраняются культурной традицией.

В этой связи симптоматичен поворот общественного мнения по вопросу об отношении к собственной культуре и истории, о необходимости сохранения исторической преемственности: не отказ от традиционных ценностей, культурных корней, а их сохранение и поддержка с необходимостью ставится сегодня в повестку дня. Универсалистские ориентации, господствующие в общественном сознании, органическая целостность общероссийской идеи, солидарность, приверженность привычному для многих поколений россиян образу страны как великого государства воскрешают еще недавно, казалось бы, утраченную идентичность. Об этом свидетельствуют знаковые события недавнего прошлого. Гордость за страну, восстанавливающую свои исторические границы, патриотизм, имплицитно присутствующий в российском архетипе, ярко проявили себя в связи с воссоединением Крыма. Память о героическом прошлом, о подвигах отцов и дедов, верность отеческим традициям были запечатлены в объединительном пафосе «Бессмертного полка».

Историческая память возвращается, поскольку конструктивно осмысливаются исторические реалии, возобновляется государственная активность в сфере культурной политики, предпринимаются шаги по реставрации историче-

ских символов. Так, в Основах государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента РФ В.Путина, культурное и гуманитарное развитие принимается как основа государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, а государственная культурная политика признается «неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности».[6] Национальная идентичность восстанавливается, так как есть настоятельная потребность, есть совместная жизнь, общий язык, ценности и смыслы, события, объединяющие наших сограждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. Валлерстайн И. «После либерализма». – М.: Едиториал УРСС, 2003.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя / ПСС в 30-ти тт. Т. 24. Л.: «Наука», 1982.
4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1999.
5. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике». М.: Тренд, 2006.
6. Основы государственной культурной политики. – Режим доступа: http//www.kremlin.ru/events/administration/21027.
7. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.

RUSSIAN WORLD: FUNDAMENTAL PROBLEMS OF OUR TIME

M.I. Kosyakova

In conditions of tough confrontation between Russia and the West, our own national development projects becomes a necessary and urgent task. The culture and cultural identity of the Russian world plays an increasingly important role in ensuring national security.

Keywords: culture, identity, geopolitics, national values, «soft power», traditionalism.

МОНОПОЛИДИНАМИЗМ АРХИТЕКТОНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ «МЕСТ СИЛЫ» РОССИИ КАК НОУМЕНАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Е.С. Крашенинникова

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет,
Международный институт технологий бизнеса, кафедра туризма и сервиса,
кандидат философских наук, доцент
Россия, 603109, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 65
Тел. 8951908 6502, e-mail: krash_es@mail.ru

Проблемные области ноуменального феномена архитектонической культуры в новейшей истории возрождения жизни «мест силы» России раскрываются в устойчивых закономерностях организации пространства жизнедеятельности российского суперэтноса в неразрывных связях с гуманизацией всего исторического, природного и рукотворного окружения людей великой державы.

Ключевые слова: архитектоническая культура, «место силы», монополидинамизм, ноуменальный феномен.

Россия – самая большая по размерам страна на Земле, и ее совокупная сила есть величайшая тайна всех времен и народов, которую следует пытаться понять, оценить и упрочить. Главное дело России и всеобщего дела россиян – это обеспечение мира, созидание и благополучие граждан державы, всех людей планеты. Сохранение естественной природы, реконструкция и развитие городов и сел достойных статуса жителей российского государства есть залог успеха, объединяющего людей всех национальностей в поисках счастья и светлого будущего потомков. Причастность к исторической памяти нашего народа с тысячелетней историей предполагает радение обо всех общенациональных ценностях, несущих людям силу, отдающих свои силы процветанию Отечества.

В совокупности национальных проектов нужно координировать устойчивое воспроизводство пассионарных людей, способных к творческому созиданию и совершенствованию, всестороннему и профессиональному развитию, бережному отношению к малой и большой Родине. Субординация не может обойтись без причастности к достижениям предков, смене поколений людей при удержании всего позитивного что объединяет их. В преемственно постоянных местах проживания гражданам из поколения в поколение важно заботиться о совершенствовании для своего коллективного блага и привечания гостей.

В архитектоническом творчестве человека в широком спектре реализуется проявление в самой жизни проектно-технологического синтеза науки и искусства для жизнестроения среды обитания многонационального общества. Архитектоническое как тотальный интегратор, иерархизатор и координатор ценностей развертывается в «тектонике» (конструктивной логике устойчивого становления хронотопов) и в «архи» (высшем гуманистическом принципе разумного созидания ансамблей – ансамблеобразования). Многомерное понимание данных категорий в плане устойчивого развития хронотопов и артефактов, ансамблей и городов выводят на новое качество осмысления архитектоники сози-

дания человека и ансамблеобразования пространства, для людей в измерении постоянного пребывания, работы и путешествий по «местам силы» [1-3].

Многогранное понимание наполнения «мест силы» заслуживает пристального внимания и изучения в широких аспектах архитектонической культуры как культуры созидания, искусства формирования городов и сел. Этот вектор углубляется в тандеме со знаково закрепленными на природных местах ансамблевыми пространствами с атрибутами повседневной и праздничной жизни людей. Ансамблевое выражение авторской культуры, как отдельного человека, так и творческого коллектива, может быть активно проиллюстрировано по ходу раскрытия содержания темы со ссылками на публикации [4-6].

Отечественные реестры выявления «мест силы», логически могут быть разделены по трем ступеням: объекты международного значения – хронотопы со статусом всемирного наследия ЮНЕСКО в Российской Федерации, далее – региональные ансамбли «мест силы», и, затем – феномены локальных произведений и ансамблей «малой Родины». Туризм как универсальный координатор по выявлению ценностей и существенных моментов логически связывает в единстве хронотопов места и времени объектно-субъектную и природно-«возделанную» цепочку с урбанизированными новообразованиями. В динамике научного познания особенно важно учитывать циклически повторяющиеся явления с признаками феноменов и ноуменов по направлениям маршрутов перемещений и скоплений больших и малых масс людей[7].

Из древнейшей истории десяти тысячелетий давности по археологическим остаткам, мифологическим легендам и религиозным знаниям времен всемирного потопа вырисовывается картина «Озера – океяна». Полидинамические процессы развития территории славян имеют свои закономерности и феномены. Московская, Владимирская и Нижегородская области как «правопреемники» былых событий и состояний ландшафта находятся в геометрическом центре территорий Европейской части России, и это ко многому обязывает [8].

Государственные программы развития страны на ближайшие годы добавляют силу России, а в своей многомерной реализации грандиозные Национальные Проекты должны воспроизводить в синергетическом эффекте «места силы» России. Закономерные исторические феномены помогают людям увидеть уже известные места, познакомят граждан с новыми сильными и устойчивыми природными и культурными объектами через визуализацию достопамятных мест. Ориентируясь на инновационное проектирование путешествий, человек может постоянно обращаться к потенциалу историко-культурных ансамблей и природных феноменов России. Популяризация достойных «мест силы» с экологическим грамотным основанием прежде всего ложится в основу так значимой для всех экономики страны политике внутреннего туризма.

С позиций самого общего взгляда на «места силы» России, начиная с людей и их любимых мест в будни и в праздники, где они любят собираться вместе, и следует, вероятно, начинать аналитический синтез по данной тематике. Новогодние, первомайские, дни Победы и иные праздничные маршруты по го-

родам и весям страны понятны и близки большинству людей. Они проходят по всей России, начинают отечественную топологию как основу могущества нашего Отечества. Поездки в «места силы», а также на дачи и на природные просторы не только в праздничные дни продолжают открывать не менее значимые для благополучия и счастья граждан страны места и маршруты.

Монополидинамизм архитектонической культуры проявляется и как феномен «новых традиций» России. Например, символическое небесное воинство прошло во множестве «Бессмертных полков» 9 мая 2019 г. по городам страны. Вместе с потомками в день Победы по улицам и площадям России и многих стран прошли массы людей мира. Освобождение из ада пленения спасло множество жизней армией освободителей – советских воинов. Наша армия освобождала не просто тела, а дух и души людей от зла и жестокости нацистов, избравших самих себя в покорителей и властителей народов всех земель.

Интересен девиз на 1 мая 2019 года – «За справедливую экономику в интересах человека труда». В празднике весны и труда от 8% до 10% россиян по свободной инициативе приняли участие в шествии на праздничном движении народных масс. Во всех городах и крупных селах нашей страны от Дальнего Востока до запада, от Камчатки и Курильских островов до Калининграда и Санкт-Петербурга прошли колонной первомайские демонстранты. Традиционный военный парад и «Бессмертный полк» прошедшие в сердце столицы тоже подтверждение сему. В Москве по Красной площади в этот год прошлись более 100 тысяч жителей столицы.

Россия – это родина древней праславянской цивилизации, потому на ее территории рассредоточены разнообразные массивы мест силы. Каждое из них имеет свой спектр влияния и помогает решать конкретные задачи усиления страны. Потому перед выбором конкретного места силы важно изучить его историю и возможности предстоящих метаморфоз перед ростом и истощением, чтобы само взаимодействие с ним оказалось максимально гармоничным и многомерно важным. Далее обозначим основные типы «мест силы».

1. «Места силы» (локальные, региональные и глобальные, природно-экологические) – это зоны Земли, наделенные особой информационной энергетикой. Необычные свойства приобретаются ими вследствие разных причин: природные особенности местности, накладывают свой отпечаток на территорию (например, геотектонические разломы).

2. «Места силы» – историко-фактографические важные религиозные, культурные, цивилизованные и исторические события, явления, феномены, произошедшие в этой местности.

3. «Места силы» – производственно-урбанистические и технико-технологические.

Ныне, как правило, нельзя представить города без благоустройства и ландшафтной архитектуры. В историческом арсенале в большинстве случаев мы можем говорить о неразрывно едином экологически и градостроительно целостно-ценностном взаимодействии экоградокластеров России. Большинство из

них целесообразны в совершенном единстве русского духа, многонациональной культуры великорусской цивилизации, российского суперэтноса. Туризм является одним из эффективных инструментов сохранения и развития «мест силы», и все это надо осознать и прочувствовать.

В реальности градостроительство, архитектура и дизайн образуют ядро архитектонической культуры. Исторически они были, а в новейшей истории цивилизации остаются, самыми дорогими многофункциональными искусствами и архисложными комплексными науками. Обширные пространства, исторически по нарастающей массе конкурирующие с грандиозными природными ландшафтами, имеют универсальную пространственную специфику, многопрофильную природу и тектоническую сущность. В преобразуемом виде они результат творческого созидания людей многих поколений, передающих свои знания по определенным ноуменальным правилам архитектурно-градостроительной деятельности, в которой проект является законом для практической реализации.

Большая часть видового богатства прикладных, поли- и бифункциональных искусств, во всей их полноте, не может обойтись без архитектурно-градостроительных пространств в их органической целостности с природным окружением. В самой жизни люди проявляют стремление к сбалансированному и эффективному развитию, синтезу искусств в лоне интеграции локальных скоплений архитектурно-градостроительных пространств с местным биогеоценозом. Динамика взаимодействий первой и второй природы становится очень сложной и мало постигнутой, а в чем-то и непредсказуемой. Соответственно роль архитектонической культуры возрастает.

Экологическое и градостроительное благополучие как феномены целостности территорий живут по своим законам и правилам, ноуменам и феноменам. По сути, развитые страны прежде всего потому и считаются таковыми, что их искусственная материальная среда создает высочайшее качество для достойной жизни и творческой деятельности людей. В нашем государстве это важно делать минимально травмируя первую природу – «второй руко- и технотворной» природой. Интеграционные научные подходы к построению модели образной матрицы искусства инновационного проектирования оказываются принципиально важными инструментами преобразования действительности всей территории нашей огромной страны.

Целостная архитектурно-градостроительная наука созидания предстает как закономерный фрагмент понимания монополидинамизма «мест силы». Креативная онтология и общая социальная экология урбанизированных регионов дополняют сложную картину сильных и слабых сторон реальности. Они способны представлять собой зеркальный фрактальный слепок предметно-объектного ядра науки наук и иметь постоянную междисциплинарную взаимосвязь в синархии (единстве наивысшего целого), архитектоники искусств, архитектуры и градостроительства, экологии и биогеотектоники. Так или иначе, но специалисты самых разных областей деятельности, в том числе и туризма с

функциями мониторинга улучшений и ухудшений, должны быть ориентированы на научно-философский подход, дополняемый знаниями об архитектонической культуре. В общей картине информационных потоков ноуменальный феномен «мест силы» России найдет свое достойное место в сердцевине отечественного научного познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Норенков С.В. Крашенинникова Е.С. Авторские пути от проекта до произведения: алгоритмы архитектоники ансамбля. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2015. – 275 с.

2. Норенков С.В. Архитектоника и синархия: концептуальное проектирование и моделирование: монография. Ч. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2005. – 271 с.

3. Норенков С.В. Архитектоника предметного мира: монография. – Нижний Новгород: ННГУ, 1991. – 162 с.

4. Норенков С.В., Щиголев С.А., Крашенинникова Е.С. Архитектоника проектной деятельности: прогнозы, мегапланы, программы. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2019. – 275 с.

5. Крашенинникова Е.С. Архитектоническая культура человека: формирование городского ансамбля: монография – Нижний Новгород: LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 193 с.

6. Норенков С.В. Архитектоническое искусство: монография. – Нижний Новгород: Волго-Вят. кн. изд-во, 1991. – 199 с.

7. Гировка Н.Н., Крашенинникова Е.С., Норенков С.В. Туристское дело в России: фирменный стиль и бренд. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2016. – 230 с.

8. Квашнин Д.В. Город – на реке Ра. – Нижний Новгород: Книга, 2015. – 212 с.

MONOPOLIDYNAMISM OF ARCHITECTONIC CULTURE «PLACE OF FORCE» RUSSIA AS A NUMANAL PHENOMENON

E.S. Krasheninnikova

The problematic areas of the noumenal phenomenon of architectonic culture in the recent history of the revival of life of the «places of power» in Russia are revealed in the stable laws of the organization of the space of life and activity of the Russian superethnos in inextricable links with the humanization of the entire historical natural and man-made environment of people.

Keywords: architectonic culture, «place of power», monopolydynamics, noumenal phenomenon.

СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МУЗЕЕВ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОГО МУЗЕЯ И ЦЕНТРА ТОЛЕРАНТНОСТИ В Г. МОСКВА)

Е.И. Кричевер[1], И.В. Гончарова[2], Г.Б. Прончев[2]

[1]НИУ Высшая школа экономики, факультет коммуникаций, медиа и дизайна, студент

Россия, 109028, г. Москва, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, стр. 1

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, социологический факультет, кафедра методологии социологических исследований, [2]кандидат педагогических наук, доцент,

[3]кандидат физико-математических наук, доцент

Россия, 119234, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1. стр. 33

Тел.: 89296138390, 89296138393, 89162351498

e-mail: janekrichever@mail.ru, ig73@inbox.ru, pronchev@rambler.ru

Российский музей переживает подъем интереса среди населения. При этом актуальны различные форматы продвижения деятельности современного музейного пространства. Интервью с руководителем PR-отдела Еврейского музея и центра толерантности в Москве помогает выделить основные аспекты продвижения музейного продукта.

Ключевые слова: интерес к музею, продвижение культурных мероприятий в музее, популяризация музея, Еврейский музей и центр толерантности в г. Москве.

В последние годы в России наблюдается тенденция повышения интереса граждан к культурным событиям. По данным Министерства культуры музеи страны в 2017 году посетило 125 млн. человек, что почти на 45% больше, чем в 2012 году [1]. Однако стоит отметить, что в сравнении с посещаемостью кинотеатров (по статистике Невафильм Research посещаемость кинотеатров в 2016 году составила 192,9 миллионов человек [2]), современные музеи посетили существенно меньше человек (по статистке Министерства Культуры РФ в 2016 году 123,6 миллионов человек посетили различные музеи [3]).

Приведенная статистика подтверждает тот факт, что современные российские музеи проигрывают гонку за аудиторию, оставаясь по-прежнему проявлением элитарной культуры, которая привлекает достаточно ограниченный круг людей.

В связи с этим возникает вопрос о том, как популяризировать музеи и сделать их центром притяжения аудитории. Во всем мире современные музеи уже давно утратили позицию хранилищ и архивов произведений искусства, и стали больше напоминать культурные центры, в которых проходят мастер-классы, лектории, групповые занятия, выставки и тому подобное [4]. Безусловно, одной из основных целей музейного и выставочного дела является привлечение широкой аудитории и популяризация искусства. Для привлечения как можно большей аудитории, музеям необходимо прибегать к технологиям маркетинга, связей с общественностью и рекламы.

Изменение роли музея в современном обществе можно проследить в ра-

ботах М.В. Салтановой [5], А.В. Суворовой [6], Н.В. Бурова [7]. Так, авторы отмечают, что музей определяется не только, как выставочная площадка, но и как образовательный и культурный центр. У музеев происходит расширение полномочий. Они выступают также площадкой для синтеза различных форм искусства и видов образовательной деятельности. По мнению А.В. Суворовой, музей должен выступать как институт, который «способен стабилизировать общественный процессы, поддерживать сбалансированность ценностных систем как на межпоколенном, этическом, так и в целом, на социокультурном уровне» [6]. Также автор акцентирует внимание на том, что вопросы взаимодействия музея и его зрителя, в первую очередь определяются той культурой, которую музей репрезентует.

Процесс диджитализации привел к тому, что на данный момент трудно представить любую коммуникационную или рекламную компанию, которая бы не сочетала в себе платформы новых и традиционных медиа. Так, Н.З. Нагиева рассматривает продвижение музея с точки зрения социальных сетей [8]. Официальные группы и страницы музеев в социальных сетях способствуют повышению информированности потенциальных посетителей о деятельности музея, предстоящих выставках [9]. Эффективным инструментом интернет-коммуникации считаются технологии SMM [8]. Н.А. Мельникова рассматривает «событийный маркетинг» как эффективный инструмент повышения заинтересованности СМИ к музеям. Специальные события являются важной составляющей деятельности музея, инструментом позиционирования и создания имиджа. По мнению автора, важность проведения таких мероприятий должна стоять на том же уровне, что и превращение музея в центр досуга и создание благоприятной атмосферы для привлечения должного количества посетителей. «В целом проведение специальных мероприятий обеспечивает привлечение и удержание внимания СМИ к музею. Активная деятельность по организации событий выводит музей на более высокий уровень освещаемости в СМИ» [10].

Многие исследователи не отрицают того, что музейное дело – это особый вид услуг, который требует такого же особенного подхода в продвижении и создании коммуникационных стратегий. М. Кастельс говоря о современном музее, акцентирует внимание на том, что музей должен сохранить статус коммуникационного пространства, так как искусство всегда выступало одним из звеньев межкультурной коммуникации. Более того, он подчеркивает, что современный музей должен следовать тенденции урбанизации, выступать площадкой для объединения нескольких поколений, а также тесно взаимодействовать с современными технологиями [11].

И.С. Калядина акцентирует внимание на том, что для того, чтобы привлечь большую аудиторию, музею необходимо предложить такую уникальную концепцию и идею, которая бы сочетала в себе несколько направлений деятельности (проведение дискуссий, презентаций, пресс-конференций, организация выставок не только художников, но и дизайнеров и фотографов) [12]. Музеи также должны ориентироваться на развлекательный аспект и работу с мас-

совым посетителем. Это выражается и в облике современных зданий, в организации экспозиций и разнообразных формах активности музея.

В основном, исследователи положительно относятся к применению коммуникационных технологий в музейной деятельности. Они говорят о том, что выстраивание коммуникации между музеем и потенциальным посетителем сможет повысить посещаемость экспозиций и сократить пропасть между массовым зрителем и элитарным искусством. Так, Альбицкая И.В. и Косяков А.Д. в своей работе рассматривают основные механизмы продвижения, применимые к сфере искусства такие, как событийный маркетинг, использование VIP-персоны, продвижение в социальных сетях и многие другие. Авторы приходят к выводу о том, что «залогом успешного продвижение является создание ажиотажа», однако, посещая музеи, люди не становятся более вовлеченными в саму экспозицию, что может свидетельствовать о снижении образовательной и культурной функциях музеев [13].

Основной *целью* данной работы является выявить, какие инструменты, используемые для продвижения музейной деятельности, способствуют привлечению новой «нелояльной» аудитории музея.

Музей можно определить с разных точек зрения. Так, ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях Российской федерации» определяет музей, как некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда РФ, а также для достижения иных целей [14]. С другой стороны музей может пониматься как научно-исследовательское и научно-просветительское учреждение, осуществляющее хранение, изучение и популяризацию памятников истории, материальной и духовной культуры [15].

Музеи также можно разделить на разные виды, исходя из их деятельности и функционала, музеи можно разделить на естественно-научные, художественные, исторические, литературные, архитектурные музеи и ансамбли, музеи науки и техники и другие [16].

При изучении продвижения нами был выбран Еврейский музей и центр толерантности в г. Москва. Выбор музея обусловлен тем, что деятельностью музея является не только выставление и организация выставок, посвященных изобразительному искусству, но также просвещение аудитории в рамках еврейской культуры в России. Более того, музей является и образовательным центром, в котором проводятся различные мастер-классы, лекции для детей и взрослых. Таким образом, Еврейский музей и центр толерантности представляется как площадка, где интегрируются различные образовательные и развлекательные форматы.

Для того, чтобы понять, какие именно технологии использует музей для привлечения новой аудитории, 15 мая 2019 года было проведено экспертное интервью с руководителем PR-отдела музея Ниной Дымщиц.

Говоря об особенностях работы PR – отдела музея, Н. Дымшиц отмечает,

что у отдела среднее организационно-структурное решение. Есть разделение, как и по функционалу (digital, event, PR менеджеры), так и по тематике (отдельные проекты Центра толерантности, детского центра, продвижение временных экспозиций). Основной задачей отдела является коммуникационное сопровождение временных экспозиций, ведь именно они обеспечивают приток новой аудитории в музей. Для временных экспозиций разрабатываются комплексные стратегии продвижения с привлечением партнеров, СМИ и организацией специальных проектов в онлайн и оффлайн среде.

Обсуждая деятельность отдела, нельзя было обойти и сложности, с которыми сталкивается отдел при работе. Как отметила Н. Дымщиц, учредителем музея выступает религиозная община, что накладывает ряд ограничений, таких как организация только кошерных фуршетов и запрет на использование женского вокала на различных мероприятиях. Однако, Н. Дымщиц скорее считает такие ограничения интересными и относится к ним нейтрально.

У Еврейского музея всегда достаточно креативный подход к продвижению выставок и мероприятий. Что касается форматов продвижения, то тут Н. Дымщиц отметила наличие или отсутствие бюджета на продвижения. Более того, Еврейский музей активно использует работу с инфопартнерами по бартеру и продвижение в диджитал среде, во-первых, потому что основная часть аудитории узнают о выставках из социальных сетей, а во-вторых, возможности продвижения в диджитале безграничны и не всегда требуют больших затрат. Среди наиболее популярных ресурсов для создания специальных проектов в онлайн-среде руководитель отдела назвала «Readymag» и «Большой музей». Данные ресурсы позволяют создавать отдельные сайты и вкладки с описаниями выставок и мероприятий музея. Также больше внимание уделяется социальной рекламе, размещение которой происходит через Департаменты культуры и СМИ и рекламы.

Продолжая разговор о популярных ресурсах «Большой музей» и «Readymag», Н. Дымшиц рассказала, что практически к каждой выставке отдел придумывает свою уникальную концепцию продвижения. Помимо традиционных социальных сетей, отдел активно работает над онлайн спецпроектами (такими как «*Русская* тоска: Исаак Левитан и авторский кинематограф», в рамках которого была создана интерактивная карта вместе с Readymag).

Одним из главных вопросов интервью был вопрос разграничения выставок по тематике. Однако, по словам Н. Дымщиц, музей уже давно отошел от условного разделения на «еврейские» выставки и выставки об искусстве. Отсутствие такого разграничения началось с выставки «Каждому по свободе», которая была посвящена роли евреев во время революции. Более того, в эту выставку были также интегрированы полотна известных художников, что делает ее также выставкой об искусстве. Как следствие, PR-отдел тоже не разграничивает коммуникационные стратегии по этим двум направлениям.

В интервью также была затронута тема каналов коммуникации и целевой аудитории. По словам Н. Дымщиц, 90% аудитории узнает о мероприятиях му-

зея из онлайн-среды, а вот публикация различных рецензий и анонсов в печатных изданиях уже означает скорее статусность, чем способствует привлечению аудитории. По последним данным исследований, лишь около 30% аудитории – это евреи, для которых музей – это какое-то особенное место. Наиболее активной социальной сетью среди подписчиков является Инстаграм и Фейсбук, с помощью которых ведется основное продвижение музея.

Говоря также о неких проблемах, с которыми сталкивается музей, Н. Дымщиц поделилась тем, что многие воспринимают музей только в качестве музея про Холокост, с другой стороны, музей сильно проигрывает по локации, что тоже отсекает часть потенциальной аудитории. Сейчас у PR-отдела стоит задача изменить восприятие локации музея, для этого Н. Дымщиц собирается совместно с Readymag выпустить онлайн-карту авангарда Марьиной Рощи.

В заключение мы обсудили главные тренды продвижения в сфере культуры. По мнению Н.Дымщиц, для привлечения широкой аудитории необходимо умелое сочетание кураторской работы (непосредственно организация выставок, написание образовательных материалов к ним) и PR-отдела (написание концепций, креативный подход к коммуникации).

ЛИТЕРАТУРА

1. И вновь продолжается бум: самые посещаемые выставки России // The Art Newspaper Russia. – Режим доступа: http://www.theartnewspaper.ru/posts/5617/.

2. Посещаемость кинотеатров в России: годовые данные // Невафильм Research. – Режим доступа: http://research.nevafilm.ru/research/statistika/.

3. Статистика культуры 2016 // Министерство культуры РФ. – Режим доступа: http://mkstat.ru/upload/statdoc/20180116.pdf.

4. Что теряют музеи в гонке за посетителями? // Телеканал Дождь. – Режим доступа: https://tvrain.ru/articles/chto_terjajut_muzei_v_gonke_za_posetiteljami-404890/.

5. Салтанова М.В. Музей как культурный центр // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013.

6. Суворова А.В. Музей как феномен культуры // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 11.

7. Буров Н.В. Современный музей: от просветительства к образовательно-воспитательной деятельности современного музея // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 1(5).

8. Нагиева Н.З Стратегия продвижения музея в социальных сетях // Студенческий научный форум: сборник IX Международной студенческой научной конференции. – 2017. – Режим доступа: https://www.scienceforum.ru/2017/pdf/35175.pdf.

9. Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Прончев К.Г., Кричевер Е.И. Информационно-коммуникационные технологии как инструмент расширения социокультурной сферы для людей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Краснодарского государственного института культуры. – 2018. – № 1(14). – Режим доступа: vestnikkguki.esrae.ru/16-302.

10. Мельникова Н.А. Событийный маркетинг в сфере культуры: анализ коммуникационного продвижения событий регионального музея // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2014. – № 3. – С. 129-138.

11. Castells M. Museums in the Information Era: Cultural Connectors of Time and Space // ICOM General Conference of 1st to 6th July, 2001. Barcelona, Spain: Icom news. – 2001. – С. 4-7.

12. Калядина И.С. Стратегия продвижения современного музея как культурно-социального феномена и одного из факторов развития территории // Инновационная наука. – 2015. – № 10. – С. 224-225.

13. Альбицкая И.В., Косяков А.Д. Современный PR в сфере искусства на примере продвижения художественных выставок и выставочных площадок // Маркетинговые коммуникации. – 2016. – № 3.

14. Федеральный Закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ // Российская газета. Ст. 3.

15. Словари и энциклопедии на Академике // Академик. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=музей&from=xx&to=ru&did=ruwiki&stype=.

16. Классификация музеев по профилю // Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия». – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/library.php?view=d&course=5&raz=3&pod=1&par=1.

STRATEGIES OF MODERN RUSSIAN MUSEUMS PROMOTION (ON THE EXAMPLE OF JEWISH MUSEUM & TOLERANCE CENTER IN MOSCOW)

E.I. Krichever, I.V. Goncharova, G.B. Pronchev

In Russia modern museums face with constantly growing number of people being interested in museums' activities. At the same time practically all the institutions are trying to follow different trends in promotion to engage as many people as it is possible in its exhibitions. An interview with the PR-director of Moscow's Jewish Museum & Tolerance Center in Moscow is aimed at revealing the most popular formats of museum's promotion.

Keywords: interest in museum, promotion of cultural events in museum, promotion of the museum, Jewish Museum & Tolerance Center in Moscow.

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ОБРАЗА КУЛЬТУРЫ

Е.А. Лобовикова

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского, факультет социокультурных коммуникаций, кафедра рекламы и PR-технологий, кандидат социологических наук, зав. кафедрой
Луганская Народная Республика, 91055, г. Луганск, Красная площадь, д. 7
Тел.: +38501847196, e-mail: lobovikova@yandex.ru

Целостный характер формирования современной духовно-нравственной культуры как основы социализации может быть обеспечен в вузе, где в комплексе решаются проблемы профессиональной подготовки и социализации. Понятие «культура» рассмотрено как степень духовного развития человека, степень освоения им принятых в обществе духовных ценностей. В статье автор обращается к изучению опыта работы центра духовной культуры в процессе духовно-нравственного воспитания студентов.

Ключевые слова: культура, духовность, духовно-нравственная культура, социализация.

Трансформация современного социума во многом зависит от человеческого фактора. От того, каковы взаимоотношения человека и социума, каков характер их взаимодействия, насколько они адекватны и отвечают стабильности и динамизму общественных отношений во многом зависят процесс устойчивого развития. Это актуализирует изучение современного образа культуры, которая включает в себя выявление комплекса ценностей и ролей, наиболее распространенных путей воздействия на человека, роли духовно-нравственной культуры в этом процессе.

Исследователи культуры разных эпох изучали проблемы поиски смысла жизни, смысла существования человека и всего человечества; самоопределения и самореализации в движении к абсолюту, получения тем самым духовности, духовного потенциала и опыта ценностного самоопределения, который воплощается в образе культуры. Эти проблемы, на наш взгляд, и сегодня находятся во взаимодействии и имеют философско-антропологический смысл.

Понятие «культура» настолько широко, что, на наш взгляд, сегодня теряет собственные онтологические границы. Постмодернистские претензии в свое время способствовали трансформации и деконструкции культурного пространства и посеяли идеи релятивизма и мультикультурализма в сознании человека: изменилась система оценки ценностей и понимания жизни, преобразованию подверглись, в первую очередь, духовные ценности (добро, благородство, справедливость, самоотдача и др.).

В современной научной среде постоянно разворачиваются дискуссии, возникают полемики по вопросу структурного понимания культуры. Только человек может быть предметом культуры, поскольку он является единственным существом, обладающим начальным и имманентным побуждением к самореализации. Различают объективную и субъективную культуру. В первом случае речь идет о тех вещах, которые ведут к самореализации души, а точнее – о средствах для этого; субъективная культура – это конечная цель.

Г.Гегель определял культуру как степень подъема над ограничением вокруг жизненных потребностей, как проявление духовной «всеобщности» [1, с. 56]. Культура – это нечто иное, как толкование человеком своей собственной жизни, набор удачных или неудачных решений, которые он принимает в процессе преодоления трудностей и потребностей. Последние могут бать материальными и духовными (идеи, оценки, человеческие стремления, различные подходы в искусстве, праве и др.).

Под «духовно-нравственной культурой» понимается сложное интегрированное качество человека, содержащее смысложизненный идеал, в соответствии с которым выстраивается иерархия ценностей, детерминирующая систему отношений в окружающем мире. Духовная сущность человека как жизненная сила побуждает людей к самовыражению, самораскрытию, самообновлению. Это означает, что творческая природа человеческого духа предполагает его самораскрытие. «Душа, – писал Н.Бердяев, – есть творческий процесс, активность. Человеческий дух всегда должен себя трансцендировать, подниматься к тому, что выше человека. И только тога человек не теряет и не исчезает, а реализует себя. Человек исчезает в самоутверждении и самодовольстве» [2, с. 48].

В 70-е годы XX века философы и социологи обратили внимание на так называемые «культурные мутации». По мнению исследователя Х. Сколимовского развитие потенциала техники не всегда ведет к развитию культуры [3, с. 330]. Техника должна развиваться, не умертвлять природу, а также духовные потенции человека, она призвана расширять духовность, высвобождая время для занятий искусством, чтения художественной литературы, посещения театров, интеллектуально-эмоционального общения с друзьями, родными. Но мы сегодня наблюдаем другую ситуацию.

Воспитание и образование выступают основой социализации студентов, способствует формированию современной духовно-нравственной культуры, базирующейся на таких нравственных качествах, как: вера, любовь к ближнему, к Родине, доброта, терпение, самопожертвование и др. На всех стадиях социализации воздействие социума на человека осуществляется или непосредственно, или через группу. Социум и группа передают формирующейся личности некоторую систему норм и ценностей посредством знаков. Социализация – это развитие человека на протяжении всей его жизни во взаимодействии с социальной средой в процессе усвоения и воспроизводства социальных норм и культурных ценностей. Термин «социализация» обозначает процесс вхождения индивида в социальную среду, усвоения социальных влияний, приобщения к системе социальных связей. Процесс социализации представляет собой совокупность всех социальных процессов, благодаря которым человек усваивает определенную систему норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве члена общества. Социализация представляет собой двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение социального опыта путем «вхождения» в социальную среду, систему социальных связей; с другой стороны, процесс активного воспроизводства системы социальных связей за счет активной

деятельности, активного включения в социальную среду. Человек не просто усваивает социальный опыт, но и преобразовывает его в собственные ценности, установки, ориентации. Этот момент преобразования социального опыта фиксирует не просто пассивное его принятие, но предполагает активность в применении такого преобразованного опыта, т.е. в известной отдаче, когда результатом ее является не просто прибавка к уже существующему социальному опыту, но его воспроизводство, т.е. продвижение его на новую ступень.

Дж. Мид определяет личность как продукт социального взаимодействия людей, обусловленный социальными ролями, объективно закрепленными в обществе [4]. По мере роста и формирования сознания и самосознания у человека начинает складываться оценочное, избирательное отношение к окружению, его нормам и ценностям, ролевым предписаниям. Важная роль в формировании духовно-нравственной культуры отводится референтной группе. Среди ближайшего окружения, в котором протекает жизнедеятельность человека, лишь отдельные группы для него приобретают особую значимость при оценке его поступков, при выборе его духовно-нравственных ориентаций. В процессе социализации референтная группа выполняет как бы функции перцептивного фильтра, отбирающего из социальных норм и ценностей наиболее значимые для человека, которые он готов разделить и которые, в конечном счете, превращаются в его собственные. В этом смысле референтная группа выступает как весьма действенный механизм социализации. В референтной группе в общении со «значимыми другими» человек осваивает пространство культуры, впитывает духовно-нравственные ценности.

Важную роль в усвоении человеком групповых норм и ценностей играют авторитет, популярность, престиж. Авторитет как механизм социализации проявляется, прежде всего, в сфере «человек – деятельность», в накоплении опыта, профессиональных знаний, умений, навыков. Престиж выступает как групповое оценочное явление, совокупность внешних оценок одобрения, которыми с позиции групповых норм и критериев оцениваются различные социальные явления. Популярность складывается как групповое оценочное явление, как совокупность внешних оценок одобрения, но в отличие от престижа, проявляет себя не в сфере притязаний личности, а в области формирования общественных вкусов, ценностей, предписаний, то есть, прежде всего, при формировании групповых регуляторов.

Важное значение в механизме социализации занимают групповые ожидания – групповые экспектации, направленные на человека со стороны его окружения. От духовно- нравственной культуры – как в виде ролевых предписаний, так и в виде оценочных стереотипов, проявляющихся в социальной перцепции, зависит процесс социализации. Таким образом, разнообразные атрибуты социального пространства объединяются общим культурным основанием. Социальное пространство всегда несет в себе духовно-нравственный образ культуры, предъявляет его не императивно, а в реальном взаимодействии. Социализи-

рующаяся личность не только испытывает воздействие объектов социального пространства, но и сама на них действует, обусловливая его состояние.

Воспитание в вузе осуществляется как относительно социально контролируемая часть социализации. Среди функций воспитательных организаций в процессе социализации выделим: приобщение человека к культуре общества; создание условий для индивидуального развития и духовно-ценностной ориентации; дифференциация студенчества в соответствии с их личностными ресурсами применительно к реальной социально-профессиональной структуре общества; автономизация студенческой молодежи.

Современная система образования, ее содержание и образовательные технологии, одновременно наполнены социальным опытом всех участников образовательного пространства, в этой связи важна его духовно-нравственная основа. Основой для формирования и развития духовно-нравственной культуры студентов Луганской государственной академии культуры и искусств им. М. Матусовского является совместный проект Академии с Луганской епархией Русской православной церкви – Центр духовной культуры «София», созданный при поддержке Министерства культуры, спорта и молодёжи ЛНР. Деятельность Центра направлена на возрождение духовных, нравственных и этических ценностей студентов на основе познания православной культуры посредством просветительской и выставочной деятельности. «София» занимается организацией и проведением тематических концертов, выставок, творческих вечеров, лекций, мастер-классов, а также организацией выездных культурных акций на базе епархии. Настоятель храма в честь иконы Божьей Матери «Умиление» протоиерей Александр (Пономарев) отметил на презентации Центра: «Мы с Академией Матусовского делаем уникальный проект, потому что мы выстраиваем инновационную парадигму, которая позволяет воссоединить духовность и культуру, светскость и церковность в единый духовный поток» [5].

Первое мероприятие Центра состоялось еще в ноябре 2016 г. – концерт квартета на старинных музыкальных инструментах. Студенты Академии получили уникальную возможность сыграть на инструментах известных европейских мастеров XVII, XVIII и XIX веков, в том числе французского мастера смычковых инструментов начала XIX века – Жана Батиста Вийома. Эти инструменты специально для встречи предоставил хранитель коллекции архимандрит Варфоломей.

В декабре 2016 года состоялась премьера литературно-музыкальной композиции «Рождественская история длиною в жизнь». Режиссеры взяли за основу жанр рождественских историй, который так ярко представлен в русской литературе. На сцене ожили образы А.И.Куприна, А.П.Чехова, Ф.М. Достоевского. Художники-аниматоры создали сценографию спектакля; звучали произведения православной хоровой музыки – безусловно, это способствует возрождению и сохранению традиций русской православной культуры в нашей Республике.

В Луганске уже на протяжении нескольких веков складывалась традиция создания икон. Примером этому является знаменитая икона Божьей Матери,

которая сейчас украшает Свято-Петропавловский кафедральный собор г. Луганска. Для сохранения и развития традиций необходимо было создать школу иконописания, что и послужило мотивом для открытия в Академии Матусовского специальности «Иконопись». Знаковым мероприятием, которое реализовывалось в рамках работы Центра духовной культуры «София» была выставка живописных и графических работ «Православные» студентов и преподавателей факультета изобразительного искусства Академии Матусовского, которая открылась в праздник Крещение Господня, в помещении храма в честь иконы Божьей Матери «Умиление» г. Луганска. На выставке было представлено 25 работ на тему Рождества Христова и Крещения Господня. Для города Луганска подарком стал концерт духовной музыки в Свято-Петропавловском кафедральном соборе – студенты специальности «Регент» исполняли произведения из духовных сочинений русских композиторов. Кроме того, струнный квартет Академии «Ренессанс» выступил с концертами во всех вузах Республики.

Таким образом, формирование духовно-нравственной культуры взаимосвязано с процессом социализации студентов, который протекает не только под воздействием учебно-воспитательного процесса вуза. Социализация – процесс формирования личности, процесс наделения личности общественными свойствами, ценностными ориентациями, системой самосознания. Работа духовно-просветительских центров способствует процессу приобщения человека к культуре Русского мира и активному включению самого человека в процесс формирования современной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Феноменология духа. – К.: Основы, 2004. – 548 с.

2. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Мир философии. Ч. 2. – М., 1991.

3. Skolimowski H. Philosophy of Technology as a Philosophy of Man. – In: The History and Philosophy of Technology. Ed.G.Bugliarello a. D.B.Doner. – Chicago, 1979. – P. 325-336.

4. Мид Дж. Г. Избранное. – М.: Центр соц. научн.-информ. исследований, 2009. – 290 с.

5. Пономарев А. «Православные»: в луганском храме «Умиление» открылась тематическая художественная выставка. – Режим доступа: http://https://www.novorosinform.org/news/65615.

FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL IMAGE OF CULTURE

El.A. Lobovikova

The holistic nature of the formation of modern spiritual and moral culture as the basis of socialization can be provided in the University, where the problems of professional training and socialization are solved in a complex. The concept of «culture» is considered as the degree of spiritual development of a person, the degree of development of accepted spiritual values in society. In the article the author refers to the study of the experience of the center of spiritual culture in the process of spiritual and moral education of students.

Keywords: culture, spirituality, spiritual and moral culture, socialization.

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ КАК НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

Н.А. Максимчук

Смоленский государственный университет, филологический факультет, кафедра русского языка, доктор филологических наук, профессор

Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4

Тел.: 89107234959, e-mail: nmaximchuk@yandex.ru

Рассматривается проблема сохранения той части нематериального духовного наследия, носителем которой является народная память. На примере отдельно взятой территории описываются приёмы и методы выявления культурных доминант в сознании коллективного жителя данной территории. Характеризуются формы и способы представления полученных результатов.

Ключевые слова: лингвокультурология, краеведение, культурное пространство, нематериальное духовное наследие, культурный код.

Ускорение цивилизационных процессов, характеризующее наступившую эпоху, не может не отражаться на соотношении статики и динамики в отношениях прошлого, настоящего и будущего. Это обостряет проблему поддержания и сохранения преемственности, которая, в свою очередь, является одним из условий осознавания себя представителями разных эпох и поколений как одного народа – носителя общих духовных ценностей, или, в современной терминологии гуманитарных наук когнитивного направления, национального менталитета. При этом именно менталитет, возникающий в недрах культуры, традиций, социальных институтов, среды обитания человека, в значительной степени, по мнению учёных, определяет образ жизни, поведение человека и форму отношений между людьми [1]. Называя культуру «своеобразной исторической памятью народа», В.Н. Телия подчёркивает, что именно эта память «обеспечивает диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [2, с. 778]. С понятием менталитета связано понятие культурного кода как системы знаков «материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов в процессе освоения человеком мира» [3, с. 97]. Устойчивость менталитета с этих позиций обеспечивается в значительной степени стабильностью системы культурных кодов, степенью их актуальности для каждого нового поколения. Таким образом, при исследовании проблем культурного кода на передний план выходят вопросы, связанные с его изменениями, причинами этого явления и его последствиями.

Усиление динамических тенденций в сфере национального культурного кода, не только изучаемое и описываемое исследователями, но и ощущаемое на интуитивном уровне многими носителями русского языка, обусловливается, как представляется, двумя группами причин материального и нематериального характера.

В ряду материальных причин выделим связанные с наблюдаемым сегодня процессом стремительного исчезновения традиционного хранилища духовных

ценностей русского народа – русской деревни. Печально то, что, при всей закономерности движения научно-технического процесса в направлении городской цивилизации – от аграрного к индустриальному и т.д., происходящее с деревней сегодня в значительной (а возможно, в преобладающей) своей части – рукотворный процесс, запущенный в своё время без глубинного анализа его отдалённых последствий и крайне ускорившийся в постперестроечные десятилетия.

Не погружаясь в историю вопроса, заметим лишь, что противоположный осуществлённому в стране (колхозному) путь развития сельского хозяйства (семейное крестьянское хозяйство, вертикальная кооперация) и, следовательно, возможность сохранения крестьянина, крестьянской семьи (обеспечивающей, помимо прочего, естественный и постоянный прирост населения), сохранения деревни при достижении высокого уровня эффективности сельхозпроизводства был разработан, научно обоснован и проверен на практике выдающимся учёным и мыслителем XX века Александром Васильевичем Чаяновым, чьи труды легли в основу организации сельскохозяйственного производства во многих странах мира – от Соединённых Штатов до Индии [4]. А.В. Чаянов был расстрелян в 1937 году. Это был первый смертельный приговор русской деревне [5, 6]. Труды Чаянова стали доступны соотечественникам полвека спустя, сохранившись, в основном, благодаря зарубежным переводам. Второй сокрушительный удар по деревне был нанесён в начале 90-х, его материальные свидетельства сегодня предстают перед глазами любого путника, свернувшего с центральной трассы на дороги местного значения. Третьим, контрольным, выстрелом в первые десятилетия XXI века стала политика «оптимизации», означающая массовое закрытие сельских школ, больниц, фельдшерских пунктов, Домов культуры, отмену внутрирайонного автобусного сообщения и т.д. Умирание деревни из метафоры превратилось в ощущаемый всеми органами чувств процесс.

Причины нематериального характера, влияющие на усиление динамики культурного кода, связаны, прежде всего, с воздействием на сознание той информационно-коммуникативной среды (во всех её многочисленных, нередко агрессивных, проявлениях), которая стала неотъемлемой (возможно, центральной) частью жизни современного молодого человека. И эта среда формирует такую личность, которая всё чаще не только не связывает себя и своё будущее со своими истоками, но и нередко старается от них дистанцироваться.

Обе названные причины действуют в одном направлении: традиционные культурные ценности утрачиваются, заменяясь пустотой или ранее чуждыми, меняется восприятие ключевых понятий собственной культуры и истории, разрыв между поколениями увеличивается и т.д. Результатом этих процессов становится расшатывание и изменение культурных кодов, возможно, ведущее к изменению менталитета. Мы уже ощущаем эти изменения на бытовом уровне (нередко звучащая сегодня фраза: *Люди стали не те* – об этом). Позиции *ты – лучше всех*, *ты этого достойна*, *главное в жизни – успех* и т.д. становятся новой идеологией. Закрепятся ли они в качестве новых культурных доминант – вопрос времени и осмысленного отношения к этим процессам общества.

Ощущение утраты, исчезновения, потери, осознание ценности уходящего и важности его сохранения, понимание того, что лишить человека «знания прошлого – это значит лишить его понимания настоящего и будущего» (И.С. Глазунов), приводит человека к действиям.

Сегодня мы наблюдаем движение из глубины народной жизни в стремлении сохранить хотя бы отдельные фрагменты недавнего прошлого, исчезающие на наших глазах. Во многих областях, районах, деревнях, помимо уже традиционных и официальных краеведческих музеев, появляются общественные и самодеятельные музеи: крестьянского быта, крестьянской избы, крестьянской утвари, одежды, есть музеи льна, музеи утюга и т.д. Распространённым явлением стало создание домашних мини-музеев самого разного содержания. В собранных в них предметах материальной культуры прочитываются многие черты народного характера: трудолюбие, смекалка, природный вкус и многое-многое другое.

Основанием второго потока этого движения стало осознание народной памяти как важнейшего источника и хранителя нематериального духовного наследия. Именно народная память, передаваясь от поколения к поколению, плетёт «времён связующую нить», дающую человеку возможность воспринимать понятие *народ* через личное: через историю семьи, историю рода, историю малой родины и, следовательно, ощущать себя частью этого народа. А «память о своих корнях делает человека достойнее и сильнее» (И.С. Глазунов).

Проиллюстрируем подход к проблеме сохранения народной памяти как нематериального духовного наследия на примере одной отдельно взятой территории – Шумячского района Смоленской области, территории смоленско-могилёвского приграничья, получившего благодаря этой работе право на собственное наименование – Шумячское Порубежье (почвой, побудительным мотивом к обоснованию этого подхода и его результативности стала многолетняя краеведческая работа организатора и первого директора Шумячского краеведческого музея В.П. Максимчук, выход в 1995 году книги «Порубежье (очерки по истории Шумячского края)» А.Г. Максимчука [7], поддержка на первых этапах и непосредственное участие в последующей просветительско-краеведческой работе главы районной администрации того периода П.А. Крупенёва). Результатом такой работы стали семь выпусков альманаха «Перекрёсток» [8, 9, 10 и др.], что, как кажется, позволяет судить о её значимости.

Приведём основные положения концепции проводимой работы, мотивы, цели её организаторов и участников, полученные результаты, изложенные во вступительных статьях к выпускам альманаха.

Право на память. «Люди, пережившие войну, имеют право на память. Память о них нужна живущим и будущим поколениям. Однако если бы даже такие книги памяти были изданы, то и в этом случае мы всё равно не сможем утверждать, что «никто не забыт, и ничто не забыто», а ведь именно эта цель давно уже принята как наша моральная норма и записана на памятниках братских могил. Невозможно выделить всех, заслуживающих права быть занесён-

ными в общие книги памяти. Есть и ещё одна серьёзная проблема в сохранении памяти о людях и событиях в форме таких книг. Они не содержат (и не могут содержать) живого слова самого человека, его мыслей, которые он хотел бы оставить живущим, то есть не дают возможности почувствовать душу человека.

Выход из этого положения один: право на память должно быть обеспечено каждому живущему человеку. Такое право может быть реализовано предоставлением возможности каждому оставить в книге свои воспоминания, мнения, отношение к окружающей жизни или выводы из своей жизни, изложенные на уровне, соответствующем уровню издания. Однако такое право практически невозможно обеспечить в общероссийских и даже в областных изданиях. Должны быть книги местного, реально районного масштаба, в написании которых участвуют сами местные жители и издание которых поддерживается государством.

Альманах «Перекрёсток» – пример такой книги. Двадцать лет его существования, шесть выпусков, сотни авторов, которыми стали сельские жители, пожертвования средств на его издание, положительные отзывы читателей, в том числе и известных учёных – доказательство реальности осуществления такого проекта даже без государственной поддержки» [11, с. 7-8.].

Сельское народное краеведение. «За ширмой последствий войны в мирной жизни шли разрушительные процессы, которые не замечала официальная статистика, которыми не занималось краеведение, то есть не занимались те, на глазах у кого всё это происходило. Сельские музеи демонстрировали героические события, орудия труда и войны, героев и замечательных людей, но они не могли показать негативные процессы на селе. Это была государственная политика, но расплачиваются за неё и селяне и горожане. Это говорит о важности серьёзного и свободного краеведения, особенно сельского краеведения, то есть такого, которое существует там, где нет учёных-исследователей, где нет профессиональных писателей, где одна маленькая газетка, переполненная достижениями. «Перекрёсток» – это краеведческая книга, содержание которой полностью отвечает определению понятия «краеведение», данного в Большой советской энциклопедии, как *всестороннего изучения* определённой части страны, города или *деревни*, *других поселений местным населением*, то есть *теми, для кого эта территория считается родным краем*. Авторами альманаха являются люди, большинство из которых всю свою жизнь прожили в деревне и до «Перекрёстка» никогда не писали для печати.

Коллективность памяти. Особенность альманаха в создании коллективного портрета эпохи, благодаря количеству авторов и участников альманаха и широте охвата описываемых событий, их свидетелей и участников, то есть в активности движения к цели: «Никто не забыт и ничто не забыто». В первом выпуске 28 авторов, 45 рассказчиков, 225 упомянутых лиц; во втором – 117 авторов, 114 рассказчиков и около 700 упомянутых лиц; в третьем – 101 автор, 25 рассказчиков и более тысячи упоминаний героев событий; в четвёртом – 70 авторов, 52 рассказчика и более тысячи упоминаний героев событий и т.д. [11, с. 8].

Тематическое многообразие. Альманах охватывает самые разные стороны, характеризующие культуру края в широком её смысле. Это воспоминания о Великой Отечественной, восстановление деталей событий военных лет (оккупация, освобождение, бои на территории района, герои и предатели, людские судьбы на войне и т.д.); воспоминания о событиях начала XX века, революция и коллективизация; это истории людей, оставивших след в памяти земляков, и не только; сельская школа, ремёсла, быт, сельские игры и т.д.; это обряды и традиции, сохранившиеся в памяти старожилов, народные песни; описание микротопонимов, исчезающих вместе с деревнями и уносящих ответы на многие вопросы об истории жителей этого края, и многое другое, что в совокупности создаёт тот образ Малой Родины, без которой человек – сирота в чужом огромном мире.

Личная интонация. «Перекрёсток» – книга личных воспоминаний и размышлений, написанных живым языком, где история и культура предстают в действии, человек проявляется в поступке.

Обобщая, можно сказать, что Шумячский альманах «Перекрёсток» сегодня – это:

• хранитель опыта и истории небольшого участка российской глубинки;

• среда общения людей с современниками и будущими поколениями;

• обеспечение связи истории и культуры села с историей и культурой России;

• механизм исторической памяти, обеспечивающий каждому жителю сельского района и его опыту право на память, вплетающую свою тонкую нить в разноцветную, но цельную ткань духовного наследия народа.

Альманах «Перекрёсток» стимулирует осмысление личного и коллективного опыта, способствует духовному росту его многочисленных авторов, наполняет смыслом жизнь пишущих для него людей, особенно людей старшего поколения, играет большую воспитательную роль для молодёжи, объединяет людей, сближает поколения» [11, с. 7-8.].

«Только на основе памяти рождается стремление к добру. Только на основе памяти рождается понимание того, что всё, что сделано для себя, уйдёт вместе с тобой; всё, что сделано для людей, останется в памяти людей; всё, что занесено в долговременную книжную память, – станет достоянием будущих поколений. Чувство человека, что память о нём надолго сохранится, – самое воспитывающее чувство. В стимулировании этого чувства должно быть заинтересовано общество и государство. Нельзя каждому человеку, каждой эпохе, каждой общественной и политической системе жизнь начинать с чистого листа – жизнь надо продолжать, продолжать со стремлением оставить хорошую память о себе и о своём времени, продолжать, используя весь положительный предыдущий опыт. Чтобы использовать предыдущий опыт, его надо изучать, его надо знать, его надо помнить. В этом и смысл существования альманаха «Перекрёсток»» [12, с. 6].

Роль народной памяти в сохранении нематериального духовного насле-

дия трудно переоценить. Задача сохранения этого наследия, особенно в эпохи цивилизационных сдвигов, – одно из важнейших условий сохранения национальной идентичности на основе национального самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: Вече: АСТ, 2003. – 509 с.

2. Большой фразеологический словарь русского языка / В.Н. Телия. – М.: АСТ ПРЕСС КНИГА, 2006. – 778 с.

3. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры. – М.: Гнозис, 2007, – 97 с.

4. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. – М.: Экономика, 1989. – 492 с.

5. Крупенёв П.А. Проблема деревни в поэме А. Твардовского «Страна Муравия» // Твардовские чтения. Книга 12: «Не зарвёмся, так прорвёмся». – Смоленск: Маджента, 2018. – с. 121-130.

6. Крупенёв П.А. Великий перелом в «Стране Муравии» // Твардовские чтения. Книга 13. – Смоленск: Маджента, 2019.

7. Максимчук А.Г. Порубежье (очерки по истории Шумячского края). – Смоленск: Смядынь, 1995. – 224 с.

8. Перекрёсток: Шумячский альманах. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. Вып. 1. – 336 с.

9. Перекрёсток: Шумячский альманах. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 1998. Вып. 2. – 352 с.

10. Перекрёсток: Шумячский альманах. – Шумячи: Порубежье, 2001. Вып. 3. – 496 с.

11. Крупенёв П.А Альманах «Перекрёсток» и право на память // Перекрёсток: Шумячский альманах. – Смоленск – Шумячи: Порубежье, 2007. – Вып. 5. – С. 5-8.

12. Крупенёв П.А. История малой родины // Перекрёсток: Шумячский альманах. – Смоленск – Шумячи: Порубежье. – 2010. – Вып. 6. – С. 3-6.

PEOPPLE'S MEMORY AS AN INTANGIBLE SPIRITUAL HERITAGE AND PROBLEMS OF ITS CONSERVATION

N.A. Maksimchuk

The article considers the problem of preserving the part of the intangible spiritual heritage, the bearer of which is the people's memory. On the example of a single territory, techniques and methods of detection cultural dominants in the consciousness of a collective resident of a given territory are described. The forms and methods of presenting the results are characterized.

Keywords: linguoculturology, local lore, cultural space, intangible spiritual heritage, cultural code.

О СЪЕЗДАХ РУССКИХ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ И ВРАЧЕЙ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКОВ

Н.А. Пакшина

Арзамасский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, факультет машиностроения, приборостроения и информационных технологий, кафедра прикладной математики, кандидат технических наук, доцент

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Калинина, д. 19

Тел.: 88314773726, e-mail: nataliapakshina@mail.ru, pm@apingtu.edu.ru

Представлены материал о съездах русских естествоиспытателей и врачей. Акцент сделан на отношение к науке и ученым в обществе. В результате проведенного анализа обосновывается важность проведения конференций с очным участием. Статья может заинтересовать лиц, занимающихся историей науки и образования.

Ключевые слова: наука, ученые, конференции, торжества, доклады, общение.

«Я говорю: «*...праздник русской науки» –*
и думаю, что в этих словах лучше всего
выражаются главный смысл
и значение таких собраний!»

К.А. Тимирязев

Важность проведения научных семинаров, конференций, симпозиумов и конгрессов трудно переоценить. К теме проведения научных конференций, участия в них и освещения подобных мероприятий в прессе и на сайтах обращались многие авторы. В связи с этим хотелось бы отметить статьи двух исследователей: А.Л. Фрадкова и К.Р. Чернышева» [1; 2].

Это актуально сейчас, и осознавалось, как необходимый элемент научного творчества еще 150 лет назад. Принимать участие в таких мероприятиях стремились и сами ученые, а руководители учебных заведений предоставляли возможность людям, находящимся у них на службе преподавателям и сотрудникам, осуществлять поездки на подобные встречи ученых. Сузим круг рассматриваемых вопросов до естественных наук. Именно эти науки в конце XIX столетия находились в полном расцвете.

Съезды русских естествоиспытателей и врачей проводились в России с 1867 по 1913 год с интервалом, чаще всего, четыре года. За это время состоялось 13 съездов, в которых приняли участие в общей сложности более 23 тысяч человек: тысячи ученых и любителей науки [3, с. 174]. Они проходили в разных городах Российской Империи и чаще всего или в самом начале, или конце первого семестра. Например, VI съезд проходил с 31 августа по 9-ое сентября 1876 года, IX – с 4 по 11 января 1994 года, а XI – с 20–30 декабря 1901 года [4, с. 174; 5, с. 231]. Видимо учитывался тот факт, что подавляющее большинство участников – преподаватели тех или иных учебных заведений. А еще длительность таких научных собраний по современным меркам была значительной, как правило, больше недели.

Эти съезды красноречиво и точно, на мой взгляд, охарактеризовал биофизик и историк науки профессор С.Э. Шноль: «*Есть в истории события внешне не очень значительные, однако именно они дают начало процессам, определяющим жизнь страны в будущем. Такими представляются мне Съезды русских естествоиспытателей и врачей...*» [6].

Рассмотрим, как были организованы эти съезды на примере одного такого мероприятия, а именно IX съезда русских естествоиспытателей и врачей, который состоялся в Москве 125 лет тому назад в январе 1894 года. Торжественное открытие и пленарные лекции проходили в Колонном зале Благородного собрания (рис. 1). И этот факт говорит об отношении власти к науке и ученым. Пройдет два с половиной года, и именно этот зал будет выбран для церемоний в честь коронации Николая II.

Рис. 1. Зал Благородного собрания

Открыл это научное мероприятие председатель съезда Климент Аркадьевич Тимирязев. Он произнес речь «Праздник русской науки». Приведем здесь небольшие фрагменты из нее:

«*...русская научная мысль движется наиболее естественно и успешно не в направлении метафизического умозрения, а в направлении, указанном Ньютоном, в направлении точного знания и его приложения к жизни...*

...Не в накоплении бесчисленных цифр метеорологических дневников, а в раскрытии основных законов математического мышления...» [7, с. 26].

На Съезде прозвучали выступления многих выдающихся ученых. Например, Иван Михайлович Сеченов (рис. 2) сделал пленарный доклад «О предметном мышлении с физиологической точки зрения». Кроме того, Сеченов являлся заведующим секцией «Анатомия и физиология» и возглавлял редакционный комитет. В эти дни Николай Егорович Жуковский доложил о тенденциях в современной механике и о равноправности, на его взгляд, аналитических и геометрических методов. Президент Московского математического общества Николай Васильевич Бугаев выступил с речью, посвященной 25-летию этого общества [8]. Хотя 25-лет обществу исполнилось 28 января 1892 года, общество отложило празднование до предстоявшего в Москве Съезда, дабы дать возможность боль-

шему числу русских математиков принять участие в этом праздновании.

11 января 1894 года Василий Яковлевич Цингер (рис. 3) – российский математик, доктор чистой математики, заслуженный профессор Императорского Московского университета сделал пленарный доклад на тему «Недоразумения во взглядах на основания геометрии». Его доклад происходил при достаточно интересных обстоятельствах, о чем оставили свидетельства многие участники съезда.

Например, Николай Константинович Кольцов, в будущем известный ученый, основатель русской советской школы экспериментальной биологии, а тогда совсем модой человек, студент 3 курса. Он писал: «Пришел и сел среди президиума (рядом с председателем К.А. Тимирязевым) Л.Н. Толстой. Он явился в чужой лагерь естествоиспытателей и врачей послушать речь своего друга профессора В.Я. Цингера ... Когда я увидел Л.Н., то вспомнил фразу из его статьи «О назначении науки и искусства»:

«*...Ботаники нашли клеточку, а в клеточках-то протоплазму, и в протоплазме еще что-то, и в той штучке еще что-то. Занятия эти, очевидно, долго не кончатся, потому что им, очевидно, и конца быть не может...*».

Противоречие между этими взглядами великого писателя и высказываниями собравшихся на съезд натуралистов особо подчеркивалось тем обстоятельством, что Л.Н. появился в зале..., когда с кафедры говорил проф. М.А. Мензбир – рассказывал про клеточку. И про ядро, и про заключенные в ядре хромосомы, а внутри хромосом...» [9, с. 585].

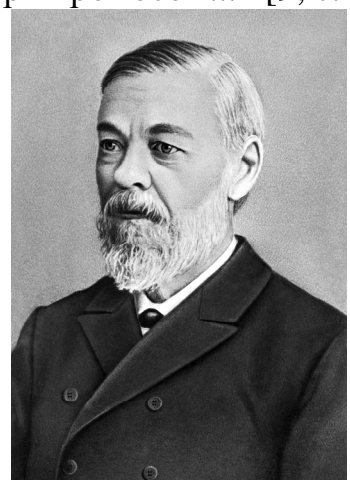


Рис. 2. И.М. Сеченов

Рис. 3. В.Я. Цингер

О посещении Львом Толстым съезда сообщалось в «Русских ведомостях» № 12 за 1894 год, и об этом упоминали многие биографы писателя, в частности, его секретарь Н.Н. Гусев отмечал, что когда в колонном зале появился Лев Николаевич, «*участники собрания устроили ему овацию*» [10, с. 119]. Как видим, к данному научному мероприятию было привлечено внимание, как прессы, так и самой широкой общественности, включая людей достаточно далеких от науки.

А теперь к общеизвестной информации из официальных источников попробуем добавить немного новых фактов и деталей. В Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук сохранилась переписка одного из участников

IX съезда великого ученого, математика и механика Александра Михайловича Ляпунова [11]. Он приехал на съезд из Харькова вместе со своим учеником и другом математиком Владимиром Андреевичем Стекловым. Судя по содержанию и датам писем, Ляпунов с женой оставались на связи и обменивались новостями практически ежедневно. Были среди них просто записки, были и обстоятельные отчеты. Поместим здесь отрывки из этих писем в хронологической последовательности.

В письме от 4 января 1894 года Александр Михайлович поведал о том, что открытие съезда проходило в Колонном зале Дворянского собрания. Особо остановился на выступлении Ивана Михайловича Сеченова, которого зал «*приветствовал рукоплесканиями и овациями*». Практически во всех письмах он упоминает о насыщенной программе и множестве неформальных мероприятий. Отметим, что сам А.М. Ляпунов был человеком малообщительным и иногда тяготящимся круговертью событий.

6 Января 1894 года рассказывает: «*...Все дни в страшной суматохе. Кроме заседаний съезда приходится бывать на разных обедах и ужинах. Сегодня первый вечер свободный – выдалось время написать. Я совершенно здоров; только и исполняю все твои наставления...*».

9 Января 1894 года: «*...Ужасно тороплюсь, потому что надо сейчас идти в университет. Пишу только для того, чтобы известить тебя, что я совершенно здоров и исполняю твои наставления...*».

10 Января 1894 года: *«...Ужасная кутерьма идет здесь все эти дни. Разные заседания сменяются обедами и ужинами. Беспрестанно приходится бывать то в университете, то в Дворянском собрании, на общих и секционных заседаниях, то у разных здешних профессоров на званых обедах и вечерах... ...Вчера проходили юбилейные торжества Московского математического общества, открывшееся заседанием в актовом зале университета, сопровождавшееся затем ужином в гостинице «Эрмитаж» и закончившееся товарищеской беседой в Большом Московском трактире... Завтра съезд закрывается, после чего предстоит обед в Большом Московском трактире»* [11].

Прокомментируем некоторые названия и расскажем немного о заведениях, где проходила неформальная часть торжественных мероприятий, т.е. об упомянутых в письмах трактирах. За прошедшее столетие это слово приобрело в большей степени негативный оттенок. В то время трактирами (в переводе с латинского – «дом у дороги») первоначально назывались гостиницы с ресторанами, возникшие на основе постоялых дворов при почтовых станциях. В конце XIX века это слово употреблялось и для обозначения дорогих ресторанов при фешенебельных гостиницах. Владимир Гиляровский писал: «*Во время японской войны большинство трактиров стало называться ресторанами*». Но японская война начнется в XX веке, а письма Ляпунова написаны в конце XIX, в них упоминаются именно трактир «Эрмитаж» и Большой Московский трактир, оба очень престижные и известные [5, с. 227].

Трактир «Эрмитаж» прославился на весь мир своими блюдами. Доста-

точно назвать работавшего в нем французского повара Люсьена Оливье, того, который придумал знаменитый салат. Не случайно перед зданием трактира останавливались самые дорогие упряжки лошадей. В 1879 году в «Эрмитаже» чествовали Ивана Сергеевича Тургенева, в 1890 году – Федора Михайловича Достоевского, и эти события стали достоянием не одной Москвы, но и всей России. И как уже было сказано, в 1894 году в нем праздновали 25-летие Московского математического общества.

Большой Московский трактир располагался в непосредственной близости к Дому дворянского собрания, ближе к Тверской улице. Московская гостиница с одноименным трактиром была построена в 1879 году. Здесь любили бывать П.И. Чайковский, А.П. Чехов, Ф.И. Шаляпин. Ивану Бунину так нравилось это заведение, что он неоднократно отображал его в своих произведениях, например, он писал: «*В Большом Московском блещут люстры, разливается струнная музыка...*».

Итак, на съезде и юбилее Московского математического общества кроме штатных мероприятий пленарных и секционных докладов, шло активное общение участников, знакомство и обмен идеями в неформальной обстановке. Хорошо это или плохо? Не будем пытаться оценивать. Одно не вызывает сомнений, что общественная оценка науки была очень высока, а подобные «*праздники науки*» благоприятно влияли на ее успешное развитие. Об этом красноречиво говорят имена перечисленных ученых: Н.Е. Жуковский, К.А. Тимирязев, И.М. Сеченов, А.М. Ляпунов, В.А. Стеклов – они принесли славу Российской науке на все времена!

Не нужно никого убеждать, что общественный статус современных ученых ниже и работать им приходится в более трудных условиях. Проводись подобные мероприятия сейчас, наверняка бы их организаторов обвинили в нецелевом использовании финансов.

Да, появление современных форм взаимодействия, открывает новые возможности научного диалога. Говоря о конференциях, проводимых в последние годы, нельзя не упомянуть о видеоконференциях, интернет-конференциях и конференциях заочных. Но далеко не только развитие сетевых технологий заставляет многих исследователей: преподавателей, аспирантов и особенно студентов, обращаться к подобным формам представления своих результатов, но и тот факт, что «*одной важнейшей причиной, снижающей долю участия российских ученых в конференциях, является экономическая*» [2, с. 146]. Если при участии в видеоконференциях и общении через интернет, контакты участников просто несколько ограничены технически и часто не согласованы во времени, то на конференциях заочных общение просто-напросто отсутствует. И возникает вопрос, сколь правомерно издание тематических сборников вообще называть конференциями [12, с. 23]. Хотя, нельзя не признать, что именно заочная форма дает возможность опубликовать результаты быстро и с малыми финансовыми затратами.

Подводя итог краткому изложению заявленной темы, можно сделать следующие выводы: очные научные конференции, как в дореволюционной России,

так и сейчас, предоставляют возможность плодотворного обмена идеями, т.е. созидательному общению. Участие в подобных мероприятиях, безусловно, имеет целью выступление с докладом и публикацию полученных результатов, но это далеко не единственная и даже не главная цель. Нельзя не согласиться со словами профессора из Санкт-Петербурга Александра Львовича Фрадкова, по мнению которого, на конференциях «*главное – это общение с коллегами... возможность увидеть или нащупать новые перспективные темы*» [1, с. 174]. Никакие чудеса техники никогда не заменят живого общения. Конференции – место установления деловых контактов и связей, а неформальная обстановка способствует раскрытию творческого потенциала исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрадков А.Л. Международные конференции по системам управления: традиции и тенденции // Автоматика и телемеханика. – 2011. – №1. – С. 174-178.

2. Чернышев К.Р. Научные конференции по управлению: проблемы и решения // Автоматика и телемеханика. – 2012. – № 9. – С. 141-148.

3. Лягушкин И.А., Вишленкова Е.А. Профессиональная самоорганизация русских ученых (опыт просопографического анализа зоологической секции на съездах русских естествоиспытателей и врачей второй половины XIX – начала XX века) // История и историческая память. – 2013. – Вып. 7-8. – С. 172-190.

4. Валькова, О.А. Женщины – участницы съездов русских естествоиспытателей и врачей (1867-1913): статистические данные // ВИЕТ. – 2014. – № 2. – С. 153-158.

5. Пакшина Н.А. Александр Михайлович Ляпунов: годы свершений: монография – Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2019. – 468 с.

6. Сайт «Семейные истории». – Режим доступа: http://www.famhist.ru/famhist/shnol/001e977e.htm.

7. Гумилевский Л.И. Русские инженеры. Второе издание. – М.: Молодая гвардия, 1953. – 440 с.

8. Шноль С.Э. Из истории съездов русских естествоиспытателей и врачей / сайт «Научная библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова». – Режим доступа: http://nbmgu.ru/publicdb/fonds/history-of-congresses/.

9. Кольцов Н.К. Наследственные молекулы // Организация клетки: сборник экспериментальных исследований, статей и речей 1903-1935 гг. – М.-Л., 1936.

10. Гусев Н.Н. Летопись жизни и творчества Л.Н.Толстого. 1891-1910. – М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1960. – 918 с.

11. Письма (12) А.М. Ляпунова к Н.Р. Ляпуновой // СПбФ АРАН. Ф. 257. Оп. 3. Д. 43.

12. Пакшина Н.А., Минеева И.В. К вопросу о коммуникативном пространстве международных научных конференций // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2016. – № 3. – С. 22-27.

CONGRESSES OF RUSSIAN NATURALISTS AND DOCTORS ACCORDING TO PARTICIPANTS

N.A. Pakshina

The article presents the material about congresses of Russian Naturalists and Doctors. The emphasis is on the attitude towards science and scientists in society. As a result of the analysis, the importance of holding face-to-face conferences is justified. The article can be interesting for people involved in the history of science and education.

Keywords: science, scientists, conferences, celebrations, reports, communication.

КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА РУССКОГО МИРА В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

О.В. Парилов

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, кафедра философии, доктор философских наук, профессор

Россия, 603600, г. Нижний Новгород, Анкудиновское ш., д. 3

Тел.: 89103979856, e-mail: olegparilov@yandex.ru

Рассмотрены культурные предпосылки и особенности русского просвещения XVIII века. Делается вывод о том, что в первой половине столетия просвещение носит характер насильственного насаждения европейского культурного опыта. Во второй половине века, под влиянием европейских событий, происходит возврат русской культуры к национальным православным истокам.

Ключевые слова: Русская культура, Просвещение, западное влияние, православие, консерватизм.

Восемнадцатый век Российского просвещения в целом был очень плодотворным и даже прорывным в развитии русской мысли. Формируются разнообразные уникальные философские течения, возникающие как результат преломления к русской национальной культуре иных (прежде всего, западноевропейских) учений. Подобному духовному прорыву способствовали объективные обстоятельства социально-исторического характера, выводившие русскую мысль на общемировое пространство, происходит «интернационализация содержания мысли и форм философского ее выражения» [1, с. 24].

В это время зарождается «средний класс», состоящий из жалованного дворянства, городских ремесленников, коммерсантов, зажиточных казаков, мещан и др., поднявшихся не в результате знатности своего рода, но благодаря уму, таланту, энергии – из этой пестрой среды рождается слой русской интеллигенции, интеллектуальная элита. Именно эта элита развивала в XVIII столетии педагогику, науку, философию. Особенно показателен в этом плане гений М.В. Ломоносова.

XVIII столетие – век становления российского капитализма, формирования буржуазных отношений, роста городов. Следствием этого явилось колоссальное расширение товарооборота с Востоком и Западом. На востоке страны действует Кяхтинский (Китайский) торг, Россия активно торгует с Англией, Голландией, Францией и другими европейскими странами. Торгово-экономические связи неизбежно сопровождались культурным обменом, духовном влиянием: «Каналы внешнеторговых связей России были одновременно каналами ... расширения идейно-политических, культурных, творчески-художественных контактов» [1, с. 15].

Продолжается начатое в XVII веке активное движение России на Восток. Освоение и присоединение земель за Уралом и Байкалом, тихоокеанского Приморья, приазовья, Крыма, Молдавии, Валахии, северного Казахстана – все это необыкновенно расширило географические, этнографические, философские,

языковые, культурные знания. Это движение от национального к общемировому, общекультурному характерное для XVIII столетия, нельзя отрицать. Как верно пишет П.С. Шкуринов, «вместе с античной духовной культурой Греции и Рима от Византии любомудры России воспринимали историю мысли Древней Иудеи, Древнего Египта, философию Древней Индии, Ближнего и Среднего Востока. Не случайно в стенах Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий в XVII и XVIII веках обязательным являлось изучение (и практические знания!) древнегреческого, латинского, древне-иудейского и древнеславянского языков» [1, с. 20].

В силу секуляризации культуры, наряду с церковными учебными заведениями (семинариями, церковно-приходскими школами), активно развиваются светские учебные заведения – профессиональные школы и училища прикладного плана: коммерческие, артиллерийские, навигационные. Молодежь отправляется на учебу в Европу. Развитие отечественной педагогики способствовало формированию творческого мышления, собиранию книг и чтению. Колоссальное расширение книгопечатания – еще одно значимое достижение века Просвещения: «только в первой четверти XVIII века в России было издано книг больше, чем за два предшествующих столетия» [1, с. 27]. Помимо практических целей подготовки кадров для государственного аппарата, армии, флота книга способствовала духовному развитию: национальной и международной культурной коммуникации, становлению таких духовных качеств, как научность, фундаментальность, интерес к фактам и первоисточникам.

Не отрицая и не умаляя всех вышеперечисленных особенностей века российского Просвещения, мы все же утверждаем, что в целом XVIII столетие, особенно его первая половина, носили характер некритического восприятия и даже насильственного насаждения западноевропейского культурного опыта. Ряд отечественных мыслителей оценивает западническую реформу Петра I комплиментарно, к примеру, П.С. Шкуринов в «прорубании окна в Европу» увидел «поражение ... изоляционизма и замкнутости, победу сторонников широких мировых связей, для которых европейский материк – это общий дом большой семьи миролюбивых народов» [1, с. 10]. Мы полагаем, что для эпохи Просвещения характерно принижение национального начала и насильственное насаждение западноевропейского, понятого как общечеловеческое [См.: 2]. Сама идея Просвещения наследуется у Запада, эпигонски, некритично воспринимаются и ключевые его установки: секуляризация, сведение смыслов жизни исключительно в земной ареал (этим, главным образом, и было ново Новое время западноевропейской культуры). На смену теоцентризму приходит деизм – холодное отвлеченное знание о Боге, не участвующем в исторической и индивидуальной жизни, а затем, как логическое продолжение деизма – атеизм, агрессивный по отношению к церкви. Общечеловеческие начала мудрости, знания интерпретируются в контексте западной культуры Нового времени: торжествует рассудок, возводятся в абсолют позитивные научные знания, применимые к обустройству эмпирического бытия (просвещение и предполагает свет этого

позитивного прикладного знания). Особенно ярко подражание Западу проявилось в начале XVIII столетия. Голландский выученик Петр I, очарованный своими учителями, стремится сразу же перекроить жизнь и души русских людей на европейский лад. Его реформа с неизбежностью носит поверхностный, насильственный характер. В своем рвении российский император стремится быть большим европейцем, чем сами европейцы.

Светский, секулярный характер приобретает и богословская мысль – она также низводится в сферу обыденного, профанного: «В церковных и околоцерковных кругах возникали идейные течения, решавшие задачи просветительства. При этом теологическая форма идей часто не столько камуфлировала, сколько подчеркивала их светское содержание. На передний план выступали поэтические, философские, естественнонаучные, правовые и этические проблемы, теснившие на задний план вопросы догматического богословия» [1, с. 28].

Реформы полюбившего Европу российского государя подрывали фундамент русской национальной культуры – православие. Подверглась дискредитации и унижению Русская православная церковь, безмолвствовала православная богословская мысль, зато во весь голос на протяжении всего царствования Петра I звучали, сойдясь в острой полемике, протестантское (Феофан Прокопович) и католическое (Стефан Яворский) богословие.

Ситуация меняется во второй половине XVIII века. Это время характеризуется острейшими социальными проблемами, конфликтами в России. Кризис власти, выразившийся в дворцовых переворотах, череда войн, разорявших низы российского социума, крепостное право, – все это приводило к повсеместным выступлениям народных масс. Самое крупное из них – крестьянско-казацкая война под предводительством Е. Пугачева (1771-1773 гг.). Однако, полагаем, определяющее влияние на мировоззрение российского общества оказали европейские события второй половины XVIII столетия. Идеи французских просветителей – последователей Вольтера: крайний материализм и воинствующий атеизм, зацикленность на позитивном научном знании, тотальная ирония, ниспровержение своего исторического прошлого, традиции – создали благодатную почву для буржуазных революций под красивым лозунгом «свобода, равенство, братство». На деле же «цивилизованная Европа» явила миру ужасающий пример восстания масс, движимых кровавыми зверскими инстинктами.

Распространение в Европе вольнодумства, революционные события крайне испугали российскую правящую элиту. Российская аристократия вполне обоснованно увидела в этих событиях угрозу государственному строю, общественным нравам. Часть российского общества заражается европейским вольтерианством, вольнодумством.

«Новые идеи» (на деле, скопированные у европейцев) сводились к «скептицизму, иронии, критике общественного строя, осмеянию суеверий, преклонению перед разумом, решительному отрицанию чудес, преклонению перед всем «естественным» [3, с. 103]. Одним из последствий русского вольтерианства явился выросший из воинствующего атеизма нигилизм, активно разрушавший

впоследствии Российское государство. Вторым последствием вольтерианства в России стал радикализм, проявившийся уже в XVIII столетии.

Однако другая часть российского просвещенного общества негативно восприняла «новые передовые» философские идеи Европы, приведшие к социальным катаклизмам. В глазах правящей элиты, дворянства меркнет ореол Запада, Европа отныне не воспринимается как непогрешимый учитель и образец для подражания. Верно пишет Э.Г. Соловьев, что «Социальный катаклизм до основания разрушил центр той цивилизации, частью которой притязала быть Россия. Русское дворянство пережило настоящую духовную драму. Цена вестернизации – революция – представлялась чрезмерной. Появляются первые признаки болезненного разрыва значительной части правящей элиты с ее духовной родиной – Западной Европой» [4, с. 101]. Яркий пример – Н.М. Карамзин, творчество которого под воздействием указанных событий эволюционирует от сентиментальной «Бедной Лизы» до «проникнутых духом монархизма и мистической государственности (яркие признаки консервативного миросозерцания – О.П.) «Истории государства Российского» и «Записок о древней и новой России» [4, с. 101]. Как реакция на вольнодумство европейских просветителей, распространение нигилизма, воинствующего атеизма; на разрушительные революционные события в Западной Европе происходит возврат к национальным православным корням, развивается православная мысль (Митрополит Платон Левшин, Митрополит Евгений Болховитинов, Святитель Тихон Задонский, схиархимандрит, старец Паисий Величковский) [См.: 5], оформляется отечественный консерватизм (князь М.М. Щербатов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкуринов П.С. Философия России XVIII века. – М.: Высшая школа, 1992. – 256 с.

2. Парилов О.В. Роль самобытников в развитии русского самосознания: Монография. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – 146 с.

3. Зеньковский В.В. История русской философии. – Париж: YMCA-PRESS, 1948. – Т.1, ч. I-II.

4. Соловьев Э.Г. У истоков отечественного консерватизма // Полис. М.: ВОПД «Наш дом – Россия», 1997. – №3. – С. 137-147.

5. Шапошников Л.Е., Пушкин С.Н., Касьян А.А., Парилов О.В и др. Теология. – Н. Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, 2015. – 166 с.

CULTURAL DYNAMICS OF THE RUSSIAN WORLD IN THE AGE OF ENLIGHTENMENT

O.V. Parilov

The article considers the cultural background and features of the Russian culture of the XVIII century. It is concluded that in the first half of the century, enlightenment is in the nature of the forced planting of European cultural experience. In the second half of the century, under the influence of European events, there is a return of Russian culture to national Orthodox sources.

Keywords: Russian culture, Enlightenment, Western influence, Orthodoxy, conservatism.

ГЕНДЕРНО-СЕНСИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

И.В. Перельман

Государственный институт искусствознания, аспирант

Россия, 125009, г. Москва, Козицкий переулок, д. 6

Тел.: 89268280519, e-mail: perelman7655@mail.ru

Анализируется важность значения гендерно-сенситивного компонента в структуре образа как нового нонклассического подхода к осмыслению художественного наследия Русского мира. Пространство русской живописи второй половины XIX – начала XX веков рассматривается в динамике эстетической концептуализации образов фемининности / маскулинности. Выявляется комплекс образных гендерно обусловленных доминант, заключённых в произведениях русской живописи.

Ключевые слова: нонклассика, гендер, гендерно-сенситивный компонент, художественный образ, русская живопись, Русский мир.

Вторая половина XX – начало XXI веков явились таким периодом в истории развития эстетической науки, для которого характерным стало активное пополнение её ядра новыми смысловыми единицами. Подобные единицы выдающийся учёный современности В.В. Бычков определяет как эстетические паракатегории нонклассики – имплицитной эстетики пост-культуры, «которая подспудно формировалась на протяжении всего XX столетия, прежде всего, в пространствах авангардно-модернистско-постмодернистского художественного опыта и только в конце столетия стала более-менее регулярно выходить на эксплицитный уровень» [2, с. 681]. Нонклассика позволила войти в своё проблемное поле таким понятиям как абсурд, лабиринт, симулякр, телесность и другие.

Нам представляется возможным пополнить вышеприведённый ряд понятием «гендер» и его производными (гендерная идентичность, гендерные стереотипы), поскольку развитие гендерной теории как модернистско-постмодернистского проблемного поля и исследовательской стратегии, концентрирующейся вокруг вопросов социального проявления пола и доказавшей свою состоятельность в историческом, социально – психологическом и философско-культурологическом научных дискурсах, вбирает в себя и эстетическое пространство культуры. Оно проявляется не только в эстетике повседневной жизни людей обоего пола, но и сосредоточено в богатом художественном наследии искусства Новейшего времени и его преддверия. Гендерно-сенситивный компонент в структуре художественного образа практически не изучен эстетической наукой, хотя является стабильным аспектом всякого образа. Научная значимость понятия «гендер» требует осмысления с позиций эстетической рефлексии поскольку оно может претендовать на статус универсальной категории новой гуманитарной науки.

Обращаясь к произведениям русского искусства как важнейшему наследию Русского мира, его культуры, хранящей преображённую сквозь призму эстетического опыта память о русскости, русском ментальном коде, необходимо

отметить, что, начиная с 40-50-х годов XIX столетия, в них отчётливо нарастал интерес к репрезентации гендерно-сенситивной проблематики. Подтверждение этому находим в русской живописи «срединного периода» XIX столетия, а также его второй половины, в течение которой набирала обороты концепция демократического реализма в изобразительном искусстве. Его яркими представителями в живописи стали В.Г. Перов, И.Н. Крамской, И.Е. Репин. Они внесли огромный вклад в художественную концептуализацию образов любовной лирики, семьи, родительства (отцовства и материнства) и прародительства в различных слоях русского общества современной действительности. В портретном жанре им удалось создать представление о бытовании гегемонной маскулинности и различных видов фемининности. Особенное место среди художников – портретистов второй половины XIX века занимал В. И. Суриков. Магистральной творческой линией мастера, его самобытной образной доминантой в общем поле женского портрета выступала идея сакрализации гендерных идеологий русской старины и её регионального варианта – сибирского субэтнического мифологизма. Так женский портретный образ начинал символизировать определённое географическое пространство, отдельную национальную территорию (часть) Русского мира.

Над разработкой в фольклорных и сказочных образах национального нравственно – этического идеала работал В. М. Васнецов («Богатырский цикл», «Поэма семи сказок»). Он создал окрашенные чувством былинного стиха живописные образы фемининности и маскулинности. Таким образом, полоцентричная метаформа становилась репрезентантом национальных гендерных кодов, отражённых в искусстве Русского мира.

Философская и художественная мысль Серебряного века, находясь в поисках новых оснований бытия, личной свободы человека и путей совершенствования его духовной жизни, не раз обращалась к кругу проблем, связанных с гендерной проблематикой, и, в частности, к проблемам метафизики пола. Её осмысливали В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев. Серебряный век довёл представление о поле до абсолюта и выразил это во всех видах художественного творчества, а в философской мысли вывел во внеэмпирические миры. Он словно раскачал метафизические пласты философско-эстетического сознания. Результатом этого стал огромный пласт произведений русской живописи, в которых женственность получила новое содержательно – символическое измерение, ярко представленное в творчестве таких разных по художественным исканиям живописцев как М.Н. Нестеров, В.Э. Борисов – Мусатов, З.Е. Серебрякова. В их творчестве женский образ (народный и европеизированный) стал своеобразным символическим кодом Русского мира рубежа веков.

Новый виток развития гендерно-сенситивная проблематика нашла в образах живописи русского авангарда начала XX века. Несмотря на то, что «авангард в основных своих направлениях... фактически исключил человека из поля своих интересов» [2, с. 480], авангардистский лагерь русской живописи указанного периода создал значительный корпус произведений фигуративного харак-

тера, репрезентирующих образ человека, и, следовательно, задающих пространство гендерно окрашенных ассоциаций. Вместе с авангардом, опирающимся с одной стороны на достижения французской современной живописи, а с другой – на традиции русской иконописи и лубочность народных картинок, в пространство русского искусства начала XX века входила новая эстетика фольклорной фемининности и маскулинности. Осмысление идей этого ряда стало для многих художников внутренней необходимостью, важнейшим витальным началом, некой почвой для дальнейшей разработки образа человека в целом. И в этом смысле отечественные художники начала XX века, стремящиеся выйти за рамки русской фольклорной сюжетной традиции, всё-таки оставались внутри неё. На раннем этапе творчества, в пору увлечения концепцией символизма, её разрабатывал В. В. Кандинский. Он создал живописный гендерный миф о допетровской Руси, который опирался на репрезентацию архетипических практик национальной маскулинности и фемининности. Образы Кандинского абсолютизированы. Они обращены «к метафизике символистского восприятия» [1, с. 283]. В них художник преобразил человека и довёл представление о нём до идеала. Большую роль в создании этого мифа сыграли события личной жизни художника: его личные драмы, разочарования и влюблённости, поиски идеала.

На рубеже веков в России заявила о себе блестящая плеяда художниц, без участия которых не мыслятся грандиозные завоевания русского искусства начала XX века. Среди неё необходимо отметить имена О. Розановой, Н. Гончаровой, А. Экстер. «Эти три замечательные женщины всё время были передовой заставой русской живописи и вносили в окружающую их среду тот воинственный пыл, без которого оказались бы немыслимы наши дальнейшие успехи. Этим настоящим амазонкам, скифским наездницам, прививка французской культуры сообщила только большую сопротивляемость французскому «яду»...» [3, с. 250]. Н.С. Гончарова стояла у истоков русского авангарда и первая из художников – авангардистов смогла добиться общественного признания. Она, как и многие другие авангардисты, по – новому осмысливала фольклор. Обращение к национальной архаике преследовало новые содержательно – изобразительные задачи, среди которых «стремление уйти от переусложнённости современного мира к «простым» ценностям бытия» [4, с. 57]. Наиважнейший для Гончаровой образный мир – крестьянский. Мир коллективный, ритуализирующий крестьянские трудовые будни, наделяющий сакраментальностью практики полевых работ, их пластику. На его основе художница строила свою картину мира, высказывала отношение к своей родине, к её архаическим трудовым стереотипам, идеализируя деревню в противовес городу. Пластической основой подобных стремлений стал неопримитивизм. Яркие цвета, грубоватые формы выражали суть народной души, образа. Гончарова очертила поле крестьянской фемининности и маскулинности, их основные практики, стереотипы бытования (тетраптих «Сбор плодов» (1908), «Стрижка овец» (1909), «Беление холста» (1909)). Коренастые, словно проникнутые витальными силами земли, крестьяне Гонча-

ровой излучают особую архаическую энергетику, имперсональную мощь.

Таким образом, гендерный подход к анализу образности произведений русской живописи несёт в себе большой потенциал нового осмысления художественного наследия Русского мира, выявления динамики содержательного развития национально обусловленной мифологемы фемининности / маскулинности, которая на протяжении второй половины XIX – начала XX веков составляла константное проблемное поле в художественных исканиях мастеров живописи.

Гендерно-сенситивный компонент в структуре образов произведений русской живописи указанного периода оригинально отражал процессы идейных исканий в российском обществе, которые в том числе были связаны с трансформацией представлений о жизненной роли мужского и женского начала и репрезентировали гендерно обусловленные противоречия современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аронов И. Кандинский. Истоки. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2010. – 344 с.

2. Бычков В. В. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 784 с.

3. Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец: воспоминания. М.: Художественная литература, 1991. – 256 с.

4. Луканова А. Г. Наталия Гончарова (серия «Художники русской эмиграции») М.: Искусство – XXI век, 2017. – 536 с.

GENDER-SENSITIVE COMPONENT IN RUSSIAN PAINTING OF THE XIX – BEGININGS XX CENTURYS

I.V. Perelman

The article analyzes the importance of gender-sensitive component in the image structure as a new non-classical approach to understanding the artistic heritage of the Russian world. The Russian painting of the second half of the 19th-early 20th centuries is considered in the dynamics of aesthetic conceptualization of images of femininity / masculinity. The paper reveals a complex of figurative gender-specific dominants presented in the works of Russian painting.

Keywords: non-classical, gender, gender-sensitive component, artistic image, Russian painting, Russian world.

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ИДЕИ

А.М. Пищик

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дзержинский филиал РАНХиГС, факультет управления и экономики, кафедра информационных, естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, доктор философских наук, профессор

Россия, 606019, Нижегородская область, г. Дзержинск, ул. Студенческая, д. 61а

Тел.: 89063625880, e-mail: pishchik1948@yandex.ru

Эволюция русской идеи детерминирована следующими циклически сменяющими друг друга парадигмами: языческой, православной, новоевропейской и новейшей мировоззренческими парадигмами. Показана многоуровневость архитектоники русской идеи, сформированная в ходе её эволюции. Соборность, всеединство и общее дело спасения – ипостаси русской идеи.

Ключевые слова: русская идея, мировоззрение, парадигма, архитектоника, эволюция.

> *Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея.*
>
> Н.А. Бердяев [1, с. 3]

Актуальность темы статьи связана с тем, что современное русское мировоззрение находится в глубоком кризисе, перерастающем в духовную катастрофу нашего народа. Постмодернистский «миксер» смешивает мировоззренческие идеи разных эпох. Результатом такого смешивания являются неомонархизм и неокоммунизм, неоязычество и неофашизм, неосталинизм и православный социализм и прочие идеологические направления. Комбинаторика прошлых мировоззренческих идей не способна дать адекватный ответ на вызовы и угрозы времени как для России, так и человечества в целом. В прошлом были локальные катастрофы, сегодня они стали глобальными. Глобальные экологические, техногенные, социальные и антропологические катастрофы ставят под вопрос дальнейшее бытие как человечества, так и планетарной экосферы. Новые проблемы требуют новых решений. В прошлом нет этих решений. Их можно найти в творческом поиске новых форм организации жизни. В XXI в. общим делом народов планеты становится сохранение жизни на Земле и выход на надёжный путь дальнейшей эволюции в границах меры бытия человечества и планетарной природы. Каждый народ предназначен внести посильный вклад в это общее дело. Какой вклад может сделать русский народ в сохранение жизни на Земле? Философия общего дела содержит в себе следующие три составные части: фундаментальную, прикладную и практическую. Применительно к мировоззренческой проблематике фундаментальная часть ориентирована на выявление закономерностей эволюции русского мировоззрения в контексте мировой истории, прикладная – на выработку технологии преодоления мировоззренческого кризиса и практическая – на предотвращение духовной катастрофы русского народа.

Информационной базой решения поставленных задач являются достижения отечественной историософии в постижении русской идеи на всех этапах эволюции русского мировоззрения. Согласно нашей гипотезе русская идея – ключ к расшифровке русского мировоззренческого кода. Иларион Киевский и Филофей Псковский закладывают основы русской историософии в период становления православного мировоззрения. Затем идёт плеяда звёзд первой величины Нового времени, таких как А.С. Хомяков и И.В. Киреевский, Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и И.А. Ильин. Далее реконструкцией русской идеи, забытой в советское время, и её переосмыслением с учётом трагизма нового исторического и личного опыта занимаются И.Л. Солоневич и Д.Л. Андреев, А.В. Гулыга и В.В. Аксючиц и многие другие русские мыслители.

Русская идея по крупицам собиралась русскими мыслителями. Её ипостасями являются: соборность, всеединство и общее дело спасения. Обобщив высказывание русских мыслителей о сущности русской идеи можно выделить её инвариантное, независимое от той или иной мировоззренческой эпохи следующее определение. Русская идея – это мечта о соборном единстве человечества, всеобщем братстве народов, о лучшей доле не только для себя, но и для всех. Эсхатология – составная часть русской идеи. Русская идея – это предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении. Спасение мира любовью, открывающей истину, творящей добро, формирующей красоту. Великая цель русской идеи – это соборное объединение человечества, всемирное единение, которое должно основываться на высокой общности, сложившейся на органическом единстве общего и индивидуального. Всеединство - взаимное проникновение, тождественность частей и целого. Сохраняя своё многообразие, эти части едины друг с другом и со своим целым вплоть до полного совпадения, но и сохранения своей неповторимости. Соборность – это братство народов, искание всеобщего спасения. Все ответственны за всех. Соборность означает коммюнитарность, не знающую как внешнего над собой авторитета, так и индивидуалистического уединения, и замкнутости. Соборность исключает подавление личности сообществом и подавление сообщества личностью. Соборность – это симфония, гармоническая согласованность, всеединство. Соборное единство – единство свободное и органическое, основанное на взаимной любви. Будущее человечества – всеединое существо, при сохранении личности. Мировое единство при сохранении индивидуальности – такова космическая соборность. Соборность – здоровый принцип организации любой социальной общности: семьи, рода, народа, человечества. Данное определение и характеристика русской идеи соответствует и конкретизирует нашу идею гармонии меры человека и меры универсума в человеческой деятельности на всех уровнях её бытия.

Русская идея вносит смысл в эволюцию русского мировоззрения. Русская идея по природе своей инвариантна. Её модусы во времени – исторические модусы инварианта (сущности) русской идеи. Когда речь сегодня заходит о национальной идее России, то это лишь один из модусов русской идеи. В поиске и конструировании русской национальной идеи современной России очень ва-

жен правильный методологический подход. Он основан на следующих принципах: 1) приоритет внешней функции перед внутренней в формулировке русской идеи; 2) наличие инварианта и вариативности, наследования и обновления, сохранения и изменения идеи на протяжении всей истории русского народа; 3) ценность русской идеи не только для народов России, но в идеале для всех народов человечества [4]. Применение перечисленных принципов позволяет выделить в истории России с момента принятия христианства (988 г.) и до настоящего времени инвариант русской идеи и три её вариации. Инвариант русской идеи – объединение народов для реализации истинных ценностей человеческого бытия. Эта идея провиденциальна. Её следует отличать от квазиидей, подменяющих истинные ценности человеческого бытия ложными. Квазиидеи паразитируют на провиденциальной русской идее и могут искажать её подлинное содержание в мировоззрении как правящей элиты, так и народных масс.

Первая русская идея (XI-XIX вв.) направлена на сохранение носителей истинной православной веры до Страшного Суда. Вторая русская идея (XX в.) – построение на планете справедливого мира. Третья русская идея (XXI в.) – сохранение жизни на Земле, предотвращение глобальных катастроф. Реализация всех трёх вариантов русской идеи осуществляется через объединение православных народов, затем всех угнетенных империализмом народов, и, наконец, всех народов планеты в общем деле предотвращения глобальных катастроф, угрожающих существованию жизни на Земле. Реализация русской идеи осуществляется в функциях сохранения, восстановления, совершенствования и защиты истинных ценностей. Истинные ценности формулируются в православном учении, в учении о справедливом устройстве общественной жизни, в учении о сохранении окружающей среды и устойчивом развитии человечества. Эволюционно русская идея построена по принципу «матрёшки», где первая идея вложена во вторую, а вторая в третью. Нельзя сохранить жизнь на Земле в XXI в., не строя справедливый мир на планете. Нельзя строить справедливый мир, не руководствуясь евангельскими принципами любви. Жизнь, справедливость мироустройства и евангельские принципы любви – это не относительные понятия и ценности, как это иногда хотят представить их противники, а абсолютные в системе гармонии меры человека и универсума. Роль русского народа в реализации русской идеи – быть соборным организатором, объединителем народов как внутри страны, так и вовне, в решении триединой задачи – сохранение человеческой жизни на Земле во всём её многообразии (культурном, этнонациональном, ментальном) на основе принципов социальной справедливости в организации общественной жизни, на фундаменте евангельских принципов любви.

Гармония человеческой деятельности на всех уровнях её бытия (от локального до глобального) с мерой человека и мерой универсума, включенных в эту деятельность – идеал новейшей мировоззренческой парадигмы. Новоевропейская мировоззренческая парадигма ориентирована на преобразование человеком окружающей среды (экосферы, техносферы, социосферы и антропосферы), часто приводящее к разрушению как меры бытия человека, так и меры

предметного мира, включенных в деятельность. Локальные катастрофы (экологические, техногенные, социальные и антропологические) от такой деятельности со временем перерастают в глобальные. Новейшая мировоззренческая парадигма – ответ на угрозу гибели человечества и планетарной экосферы. Экологическое мышление и идея коэволюции человечества и планетарной природы родились в русле новейшей парадигмы жизни. Русская идея в контексте новейшей мировоззренческой парадигмы ориентирована на объединение всех здоровых сил планеты на предотвращение глобальных катастроф и выстраивание гармоничной деятельности на всех уровнях человеческого бытия (от локального до глобального). В ней интегрированы все лучшие качества всемирно отзывчивого русского народа, проявляющиеся в стремлении в конечных целях своих к соборности, всеединству, всечеловечности.

Архитектоника русского мировоззрения выстроена по принципу «матрёшки». Языческая мировоззренческая «матрёшка» включена в православную «матрёшку», далее идет новоевропейская и наконец новейшая «матрёшка». Новейшая «матрёшка» призвана выстраивать гармоничную деятельность по мировоззренческой вертикали между ценностями язычества, православия, нового и новейшего времени, содействующими предотвращению локальных, региональных и глобальных катастроф и выстраивающими гармоничную деятельность на всех уровнях человеческого бытия (от локального до глобального). На стадии язычества сформированы такие положительные качества русского характера как храбрость, широта души, терпеливость, добродушие, выносливость, сердечность, жизнестойкость, миролюбие, свободолюбие, гостеприимство, трудолюбие, дружелюбие, доброта, ласковость, надёжность, независимость. Христианство дополнило эти качества сознанием своей греховности и несовершенства, кротостью и смирением, нравственным величием (в исторические минуты народного бедствия), жертвенностью (готовность отдать жизнь «за други своя»), самообладанием, сострадательностью, милосердием, стремлением к абсолютному добру, стремлением к соборности, взаимопомощи, бескорыстию, религиозной и национальной терпимости, патриотизмом, любовью к ближнему (братству). Новое время дополнило русский характер всемирной отзывчивостью, стремлением к всемирности и всечеловечности, ко всеобщему воссоединению и единению народов планеты. «Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?» [2].

Русская идея – ключ к пониманию русского мировоззренческого кода. На всех этапах своей эволюции её инвариантом является стремление к соборному единению народов планеты в общем деле. Общее дело терпит крах, когда между слоями русского мировоззрения нет гармонии. Когда ценности язычества, православия, нового и новейшего времени конфликтуют. Конфликты ведут к катастрофам, а надо бы идти по пути компромисса и в идеале консенсуса. Ценность – объективная категория, в отличии от той или иной субъективной оценки. Объективность ценности измеряется её соответствием задаче сохранения

меры бытия человека и меры бытия универсума, включённым в общее дело. Объективность антиценности измеряется степенью разрушения меры бытия человека и меры бытия универсума, включенным в деятельность (рисунок 1). «Все прогрессы – реакционны, если рушится человек» (А. Вознесенский). Лучшие черты русского характера, сформированные на всех этапах эволюции русского мировоззрения – гарантия успеха общего дела спасения жизни на Земле и дальнейшей коэволюции человечества и планетарной природы.

Движетелем русского народа в сфере духа является поиск Истинного пути. При этом Истинный путь воспринимается как существующий объективно. В христианстве этот путь указан Богом. Об этом свидетельствует Евангельское Слово: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин 14:6). В новоевропейской парадигме критерием истинного пути становится не соответствие Евангельскому Слову, а его соответствие объективным естественным законам развития общества:

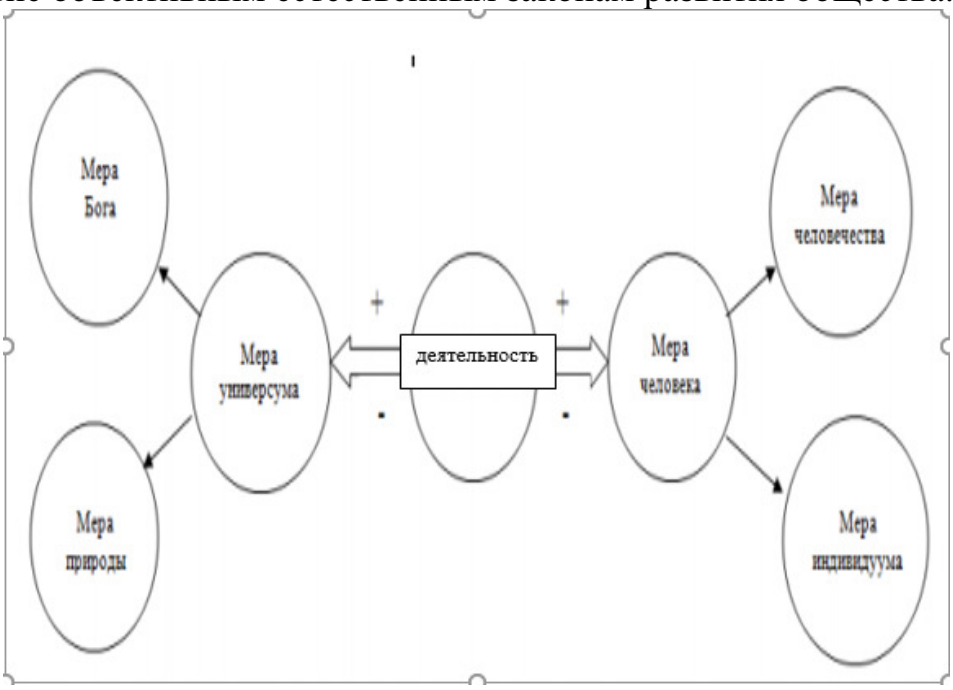


Рис. 1. Соответствие (+)/несоответствие (–) деятельности мере человека и мере универсума

«Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, – а конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества, – не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов» [3, с. 10].

Евангельское Слово и Божий замысел о русском народе также, как и «естественный закон своего развития» можно ли постичь на земле? Истинный путь осознаётся народом в деятельности лучших представителей русского народа. На каждом этапе эволюции русского мировоззрения у народа был идеал совершенного человека. Богатырь – герой былин и сказаний язычества, отличающийся большой силой и совершающий подвиги патриотического характера.

Совокупность воинских доблестей и добрый, честный нрав составляют главнейшие черты русского богатыря. Православный святой – благочестивая и добродетельная личность, прославленная Церковью и пребывающая по её учению после его кончины на небесах и молящийся перед Богом за всех людей, ныне живущих на земле. Русский гений – человек с чрезвычайно выдающимися творческими способностями в Новое время становится образцом совершенного человека. Образ совершенного человека Новейшего времени находится в стадии становления. Истинный путь прокладывается последовательно: 1) на этапе язычества – это праведный путь патриотического подвига русских богатырей; 2) на этапе православия – это праведный путь русских святых; 3) в Новое время – это праведный путь русских гениев. В исторических подвигах нашего народа на протяжении всей истории его бытия актуализировался потенциал богатыря, святого и гения. Совершенного человека Новейшего времени, способного адекватно отвечать на вызовы и угрозы нашего времени условно назовём «соборянином». В нём синтезированы качества богатыря, святого, гения и носителя глобальной соборности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. – 318 с.

2. Достоевский Ф.М. Пушкин (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Дневник писателя. 1880 год – Глава вторая. – Режим доступа: http://www.kulichki.com/inkwell/text/hudlit/classic/dost/dnevnik/d_80.htm.

3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том 1. Предисловие к первому изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 23. – М.: Издательство политической литературы, 1960. – 908 с.

4. Пищик А.М. Методология исследования и проектирования русской идеи // Вопросы культурологии, 2017. – № 2. – С. 77-81.

THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN IDEA

A.M. Pishchik

The evolution of the Russian idea is determined by the following cyclically successive paradigms: Pagan, Orthodox, New-European and the Newest worldview paradigms. The multilevel architectonics of the Russian idea formed in the course of its evolution is shown. Conciliarity, universal unity and the common cause of salvation are hypostases of the Russian idea.

Keywords: Russian idea, worldview, paradigm, architectonics, evolution.

«РУССКИЙ МИР» КРЫМА С «ВРЕМЕН ОЧАКОВА...» И ПО СЕЙ ДЕНЬ

В.Е. Поляков

Крымский Инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
факультет истории, искусств и крымско-татарского языка и литературы,
кафедра истории, доктор исторических наук, профессор
Россия, 295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8
Тел.: 83652249495, e-mail: turshu@inbox.ru

«Русский мир» чрезвычайно динамичный во времени, к тому же существенно трансформируемый территориально. Одно дело быть русским в материковой России или за пределами «русской ойкумены». В настоящей статье, автор попробует объединить в себе и опыт ученного и нарратив человека, который практически всю свою долгую жизнь вплоть до «весны 2014 года» прожил за пределами условной границы России. Родился в Румынии, в детский сад ходил в Узбекистане, в школу в Туркмении, в техникум и институт в Украине. При этом его корни всегда были связаны с Крымом.

Ключевые слова: Россия, Крым, старый русский, русский, татары, евреи, немцы.

Как-то, работая в архиве, прочитал письмо А.В. Суворова своему начальству, где он жаловался, что уже три года находится за границей и просит разрешения уехать из Крыма в отпуск. Тогда я искренне удивился тому, что Суворов назвал мой Крым заграницей. Впрочем, удивлялся напрасно, так как письмо было написано в 1777 году, и в ту пору он действительно был территорией чужого государства. В этот же период в состав России вошли земли Польши, затем Кавказа, Средней Азии, Приморья... Во вновь приобретенных землях стали селиться русские люди. Сначала военные, потом чиновники, специалисты, а затем и крестьяне, работные люди, пришедшие туда в поисках земли, а фактически – лучшей доли.

При этом в их поведении можно было выделить две противоположные крайности. Одни из них становились не только носителями прогресса, подвижниками русской культуры, но и создавали письменность для аборигенных народов, изучали их историю, этнографию, создавали школы для местных детишек.

Другая крайность заключалась в позиции вечной конфронтации. В соответствии с теории «Мы» и «Они» эти люди изначально были враждебны к иной культуре, иной религии, и вольно или невольно, были носителями теории вытеснения аборигенного населения как из политической, так и экономической жизни.

Америго Веспучи Крыма Евгений Марков был поражен, слушая рассказ извозчика о своих аборигенных соседях. Этот крымчанин в первом поколении наглядно демонстрировал искреннюю фобию к иной культуре, иной религии, иному быту своих соседей. Марков несколько раз прерывал его: «Да, ты врешь, братец!» [10, с.9]. Надо заметить, что ложь, искренняя, убежденная осталась одним из самых деятельных механизмов формирования общественного мнения даже два века спустя

Когда Грибоедов писал строки: «времен Очакова и покоренья Крыма», то

эти времена воспринимались читателями, как что-то давнее, хотя, он имел в виду всего лишь жизнь одного поколения до него. Евгений Марков знакомился с Крымом уже через 3/4 века после его включения в состав России. Тем не менее, он был поражен тем, что видел: «Тут, словно, заграница какая-то: все не по-нашему» [10, с.8].

Эту «заграницу», ставшей самой южной частью европейской территории России надо было заселять, особенно после того, как прежние жители стали массово уходить в Турцию.

Было бы логичным, чтобы население Таврической губернии составили православные, то есть, в прежнем понимании, великороссы и малороссы.

Беда заключалась в том, что в России не было рынка труда, не было свободных рабочих рук. Вот почему, если и попадали на полуостров православные, то это были « ... бывшие помещичьи крестьяне, беглецы, казаки — вся эта русская удалая вольница еще недавно гуляла на просторе по Тавриде и до сих пор во многих поселениях живут предания о былых подвигах. Таврический крестьянин собственно почти не знал крепостной зависимости и, выросши на свободе и в довольствии, являет собой сильный русский элемент, весьма способный усвоить культурные приемы и быстро совершенствоваться. Необходимо ему в этом помочь» [1].

Увы! Помогать ему никто не собирался. Все внимание властей было обращено на иностранных подданных. Желающие поселиться в Российской империи могли получить деньги на проезд в посольствах России в своих странах. Гарантировалось освобождение от податей на 30 лет и рекрутской повинности на 10 лет. Предусматривалось сохранение привычного для европейских колонистов местного самоуправления. Это не было пустой декларацией, более того, в дальнейшем льготы только росли: бесплатная раздача скота и орудий земледелия, разрешение заниматься винокурением.

Изначально был осуществлен принцип раздельного компактного расселения народов с разной религией и культурой. Создавались своего рода добровольные гетто.

«Доноров колонизации» было два: Османская империя и Священная Римская империя. Последнюю, удобнее представить двумя составляющими: австрийской и германской.

Переселенцы из Турции — болгары, валахи, греки, молдаване в значительной степени отличались от северных мигрантов тем, что изначально несли в себе тюркофобский заряд. Поскольку в Крыму их соседями были татары, то все это напоминало тлеющий фитиль.

По-иному вели себя как австрийские, так и германские переселенцы, которые воспринимали земли Новороссии как «отсталое полу-варварское пространство, ожидавшее воздействия цивилизации со стороны Запада» [5, с.209]. Поэтому и татар, и русских они воспринимали как одинаково дикое, варварское, чужое...

Заселения Новороссии собственно русскими людьми до отмены крепост-

ного права было скорее исключением. Мы уже знаем, какие льготы предлагались иностранным поданным. Соотечественники подпадали под действие Указа от 3 августа 1787 года, который обещал экономическим поселянам освобождение от уплаты податей на полтора года и на 3 года от постоя войск [9, с.80].

В качестве позитива следует отметить, что в отличие от всей территории России, земли Новороссии изначально мыслились как свободные от крепостничества, с зачатками сельского самоуправления. К новоселам предъявлялись и вполне разумные требования о том, чтобы из 60 десятин земли 4 отводились под лесные посадки.

В Крыму примечательна история села Санкт-Петербургская Мазанка. Основали ее 12 демобилизованных солдат из 2-го и 3-го гренадерских полков: Артемьев, Борзов, Волков, Еремеев, Ерохин, Иванов, Максимов, Михонин, Митрофанов, Негодяев, Торопов, Щеглов.

В крымском государственном архиве сохранилось личное дело одного из первопоселенцев. Был он капралом 2-го гренадерского полка. Тридцати девяти лет от роду. На службу попал в 1768 году. Уже в 1769 году участвовал в боях, был ранен, награжден. В период последнего восстания находился в охране крымского хана Шагин-Гирея.

Зная, как много погибло тогда людей из охраны последнего Крымского хана, можно представить, что пережил этот солдат. И вот он, не раз смотревший в глаза смерти, остается здесь навсегда. Солдаты-поселенцы понимали, на какой риск они идут, и, тем не менее, селились. Ответ на этот, может быть действительно рискованный, шаг есть в том же личном деле гренадерского капрала. Дело в том, что Василий Ерохин, уроженец села Дмитриевка, Орловского уезда, был *крепостным* помещика Волкова. Здесь же, в завоеванном Крыму, ему была гарантирована личная свобода, земля, возможность самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Был он не женат, не грамотен. Как указывалось в анкете, "в штрафном батальоне не состоявший" [2, л. 75].

28 октября 1784 года поселенцев отвезли в балку справа от Карасубазарской дороги, в двенадцати верстах от Симферополя. Нарезали землю. Все, казалось бы, хорошо, но сам по себе стал вопрос о том, кто будет за хозяйством смотреть? Где женщин взять? Нет, их в Крыму!

Это, действительно, была проблемой Тавриды тех лет. Даже два века спустя, беседуя с коренными крымчанами — «старыми русскими», я очень часто слышал предания о том, что их прапрадед купил, либо украл себе жену. Думаю, что эти рассказы, скорее, правда, чем вымысел.

К проблеме заселения Тавриды женщинами Екатерина II отнеслась хоть и с некоторым запозданием, но достаточно ответственно. По центральным губерниям России стали ездить вербовщики, сватая молодых вдов, девиц на поселение в Тавриду.

В Крымском государственном архиве посчастливилось найти следующий документ: донская казачка Марфа Алпатьева зарубила топором своего мужа,

который, надо полагать, «достал» ее своими побоями и пьянством. Окружной атаман вынес обычное в таких случаях наказание – розги, но счастливый случай вмешался в судьбу Марфы. На уже подписанном приговоре, читаю вновь дописанную резолюцию: «На основании поступившего указа императрицы наказание отменить. Отправить в Крым и выдать замуж». Ниже пометка: «Исполнено» [3].

Через какой-то срок привезли невест и в Мазанку. Привезли по числу поселившихся там солдат. Привезти-то, привезли, да, вот как делить?

Дошедшее до нас предание гласит, что кто-то из солдат предложил сложить в мешок все треуголки, а девушки пусть вытягивают. Чью треуголку вытащит, за того, стало быть, и замуж идти. Опустила в мешок руку первая, потом вторая... Специально привезенный священник благословил этот брак.

Два века назад это было, но до сих пор живут в Мазанке династии, основанные этими солдатами, и не один род не прервался! Рядом с Мазанкой есть деревня Митрофановка, которая получила свое название по ее первопоселенцу гренадеру Митрофанову, который ее и основал.

Недавно я прочитал интересную статью Натальи Занегиной, из которой узнал, что брак по жребию, оказывается, был распространен у разных народов, в том числе и во многих губерниях России [8, с. 48]

Дефицит рабочих рук был по-прежнему огромен. Сам Потемкин, что «сия пространная и изобильная земля в России не имеет еще ни десятой доли жителей» [7, с. 79].

Поэтому наряду с внешней миграцией поощрялась и внутренняя: демобилизованные солдаты, старообрядцы, государственные крестьяне, беглые.

Если говорить о качестве переселенцев, то ответ на этот вопрос будет неоднозначен и зависеть от мотивов переселения. Религиозные проблемы, безземелье, могли привести в земли Новороссии людей вполне благопристойных, к тому же не лишенных авантюрной жилки, способных на поступок.

Страны-доноры в целом негативно относились к «утрате поданных», но, с другой стороны, эмиграция была своеобразным перепускным клапаном, который осуществлял выброс наиболее проблемного элемента и, прежде всего, из числа иноверцев.

Посол России в Англии граф Воронцов, практически договорился об отправке в Новороссию большой партии каторжников, которым заменили отправку в Австралию высылкой в Россию. Буквально в последний миг от этой идеи в России отказались. Воронцов искренне недоумевал, чем греческие бандиты, лучше английских?

Примечательны соображения другого государственного деятеля России, правда, уже начала XX века: «...правительство по отношению к немцам проявило редкую заботливость, и постаралось обставить их прочно и хорошо.

Германия подарила не лучшие элементы своего населения. Начальные колонисты из немцев были народ вольнодумный, отбившейся от труда и дисциплины.

Не симпатичные черты их – обособленность и упорное нежелание слиться с русским населением, по отношению к которому они считали себя как бы высшей расой [1, л. 9-10].

Как в дальнейшем сложилась судьба переселенцев? Незначительная часть была ассимилирована. Судьба тех, кто сохранил свою национальную идентичность, была драматичной. С началом второй мировой войны Советская власть открыто продемонстрировала свою нелояльность сразу к 14 народностям, проживающим в СССР. Был издан специальный Указ, в соответствии с которым в РККА не призывались болгары, греки, иранцы, итальянцы, китайцы, корейцы, латыши, немцы, поляки, румыны, турки, финны, чехи, японцы [11, с. 131]. С нападения Германии на СССР без какой-либо конкретной вины, а в порядке профилактики были высланы из Крыма в Сибирь, Казахстан, Северный Урал итальянцы и немцы, а уже затем болгары, греки, крымские татары, турки.

Сия чаша счастливо миновала чехов, которых стали призывать на воинскую службу в бригаду Людвига Свободы. Примечательно, что многие из крымских чехов по окончании войны в Крым не вернулись, став гражданами Чехословакии.

Таким образом, два предшествующих века власть делала ставку на иностранцев, оказывая им весьма существенные преференции. Что изменилось при Советской власти? Пожалуй, что стало еще хуже. Русские в Крыму оказались между своеобразной Сциллой и Харибдой — крымскими татарами и евреями. Начиная с 1921 года в Крыму стала проводиться политика коренизации, в соответствии с которой, за крымскими татарами стали резервироваться руководящие должности, рабочие места, квоты в высших учебных заведениях. В тот же период полуостров стал интенсивно заселяться евреями. Была озвучена перспектива превращения его в еврейское государство, то ли в составе СССР, то ли и в независимое государство. Если русские люди к этому относились индифферентно, то татарский истеблишмент сопротивлялся открыто. В итоге, это было признано «сопротивлением линии партии» и завершилось процессом по «делу Вели Ибраимова», в ходе которого, с татарской фрондой на время было покончено. На все руководящие должности в республике были вновь назначены татары, но из числа лояльных к «линии партии».

Первое послевоенное десятилетие Крым был обычной областью Российской федерации. Этот период запомнился тем, что едва ли не по любому вопросу надо было обращаться в Москву. Полуостров обезлюдел, нехватка рабочих рук была повсеместной. Все последующие десятилетия села горного и степного Крыма становятся объектом новой колонизации. В качества доноров выступают как области Центральной России, которые получали жесткие разнарядки на отправку людей в Крым, так и Западной Украины.

Разница между контингентом, казалось бы, братских республик, была существенная. Из Западной Украины людей вывозили принудительно. Из России в основном тех, от кого, ради выполнения разнарядки, просто хотели избавиться. Практически отсутствовали централизованные вложения из центра. В

этих условиях задолго до «дела врачей» и официально провозглашенной по всей стране «борьбы с безродными космополитами» в Крыму уже был отмечен рост антисемитизма. На пленуме Симферопольского райкома КПСС сообщалось, что председатель одного колхоза заявил, что его целью является изгнание из колхоза всех евреев, ибо их место в Палестине. Когда учетчица тракторной бригады обратилась с просьбой выделить прицепщиков, то он заявил: «Бери всех евреев, а русского ни одного не дам!» [2, л. 46а].

В этот период Крым становится своеобразным плавильным котлом, попав в который любой человек, к какой бы национальности он не относился (чуваш, башкир, казах...) становился русским. Происходит массовый отказ от прежних нерусских имен, отчеств.

На одном заседании горкома партии выступавший потребовал, чтобы записи в партийных документах соответствовали паспортным данным.

Затем новый поворот судьбы. Крым становится областью Украинской ССР. На первый план вышло понятие «советский человек», что, с одной стороны, сдерживало «украинскую» идею, но и размывало «русскую».

Тем не менее период, с 1954 по 1991 год, в памяти крымчан остался в позитивном восприятии. Резко усилились материальные и финансовые влияния в экономику. Была построена троллейбусная трасса Симферополь – Ялта, пришла вода Северо-Крымского канала. Надо честно признать, что в тот период экспансия украинского языка была минимальной и практически не заметной. Да, в школах в обязательном порядке изучался украинский язык, но ни кому и в голову не приходило отказываться. Другое дело, что изучали его также как английский, немецкий, французский не для практического применения, а для «галочки».

Как в этих условиях чувствовали себя русские? Да, никак. Практически во всех сферах на первый план выходил бренд «советский». Советская культура, советский человек и т.д. Использование терминов «русский», «украинский» было чревато обвинением в национализме или, что более характерно, для русских, в шовинизме. Тем не менее, уже в конце этого периода писатель Владимир Солоухин ошеломил заявлением о том, что он не согласен с Владимиром Маяковским, который хочет жить «без Россий, без Латвий, единым человечьим общежитием».

Ситуация существенно изменилась после 1991 года, когда Крым оказался в составе уже суверенной Украины. Фиговый листочек, совершенно неожиданно возникшей Крымской автономии, был очень слабым утешением. Знание украинского языка, как и его не знание, стали серьезным фактором в карьерном росте. В этот период в Симферополе открылась украинская гимназия с преподаванием всех предметов на государственном языке. Конкурс — заоблачный. В ней учились исключительно дети и внуки сильных мира сего: государственных служащих, депутатов, судей, прокуроров...

В ту пору я работал директором обычной общеобразовательной школы. Класс, где преподавание велось на украинском языке, открывали при наличии 8

заявлений родителей, на русском – 25 заявлений.

В Крыму появились всевозможные национальные общества, в том числе и русское. Мне довелось принимать участие в его создании. Помню, как на первом, а для меня и последнем заседании, ошеломила его антиукраинская, антитатарская направленность, что для меня, как «старого русского», было совершенно неприемлемо.

Весь «украинский период» Русское общество Крыма боролось с украинским языком. Успехи, надо сказать, были значительными. Путем митингов, пикетирования было сорвано открытие второй украинской гимназии. Несомненна роль членов общества в период «Крымской весны», когда его члены составляли основной видеоряд всех новостей из Крыма тех дней.

Поскольку деятельность Русской общины была нацелена исключительно на противоборство властям – в тот период украинскими, то в современном Крыму они никак не могут себя найти, и потому действуют по инерции. Наглядный пример – бесконечное противостояние в Севастополе. Отмечено появление на Перекопе Юрия Мешкова, стоявшего у истоков создания Русского общества, первого и единственного Президента Крыма. Накануне предстоящих выборов он пытается сплотить оставшуюся невостребованной «старую гвардию» и в новых условиях реанимировать дух русской общины

Сегодня власти Крыма оказывают весьма существенную материальную, финансовую и, что более важно, политическую помощь всевозможным национальным обществам Крыма: немецкому, болгарскому, греческому, еврейскому... Их представители волевым решением включены в состав Общественной палаты, в проходную часть партийного списка правящей партии, об их деятельности беспрерывно рассказывает местное телевидение.

Выскажу крамольную мысль, но тратить бюджетные деньги на подобные проекты не разумно. Если Армения, Азербайджан, Болгария, Германия, Израиль и т.д. в силу каких-то далеко идущих причин заинтересовано в финансовой поддержке своих соплеменников, проживающих в Крыму, то это их проблемы, а также проблемы наших спецслужб, но то, что Россия выделяет средства на их деятельность, – абсурд! Создается впечатление, что специфичные вопросы жизни русских людей, как и на протяжении всей истории Крыма, вновь оказались в тени поддержки интересов прочих национальных групп.

В вопросе национальной стратегии России все достаточно понятно. Перефразируя известные строчки Некрасова, это звучит приблизительно так: «...можешь ты не быть, но *русским* быть обязан». Вопросы тактики, методики не разработаны, не предложены и потому никому не известны. Удача последних лет – женский кокошник у зрительниц футбольных матчей как символ русского духа.

Сегодня обществу навязывается идея неразрывности понятий: русский и православный. Это вступает в открытое противостояние со стратегией. Сегодня в Крыму мы отчетливо наблюдаем две тенденции: часть мусульман Крыма стремительно дистанцируется от России, в то же время, другая часть, стремить-

ся стать её неотъемлемой частью. Исмаил Гаспринский пророчески писал о «русском мусульманстве» [6]. Сейчас ключевой момент: за кем пойдет основная масса крымских татар? Во многом это зависит от того, какую тактику мы выберем. Будем и дальше рассказывать об их как мнимом, так и реальном противоборстве с Советской властью в годы войны или будем думать о будущем?

Понятие «русский» уже не включает в себя цвет глаз, волос, форму носа, строение черепа... В ближайшем будущем это затронет и вопросы отношения к той или иной религии, как и ее игнорирование. Если мы хотим блага России, то на первый план должны выйти вопросы самосознания, привлекательности выбора.

Специфика Российского пограничья заключается в том, что ставку надо делать не на пришлый элемент, как это происходило и происходит в Крыму весь период с его присоединения и по сей день, а надо привлекать на свою сторону, веками проживающие на полуострове народы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым» (ГАРК) Ф.26, оп.1, д.282.

2. ГАРК ФП-7, оп.1, д.349.

3. ГАРК Ф.799, оп.1, д.33. (Марфа Алпатьева)

4. ГАРК Ф.799, оп. 3, д.10. л.75. (Ерохин)

5. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина / М. : НЛО, 2003. – 560 с.

6. Гаспринский И. Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения мусульманина. – Симферополь: Тип.Спиро.1881. – 45 с.

7. Елисеева О.И. Хозяин Тавриды / Путь на пользу. Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2012 – 336 с.

8. Занегина Н.В. К истории брачных отношений // Вопросы истории. – 2019. – № 6. – С. 47-59.

9. Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 469 с.

10. Марков Е.Л. Очерки Крыма. СПб.-М. Издание товарищества М.О.Вольф, 1884. – 593 с.

11. Поляков В.Е. Партизанское движение в Крыму 1941-1944 гг. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2013. – 488 с.

«RUSSIAN WORLD» OF CRIMEA FROM «TIMES OF OCHAKOVA...» AND FOR THIS DAY

V.E. Polyakov

The «Russian world» is extraordinarily dynamic in time, besides substantially transformed territorial. One business to be Russian in mainland Russia or outside «Russian oykumeny». In the real article, an author will make attempt unite in itself and experience of scientist and narrativ man which practically all long innings up to a «spring 2014 years» lived outside the conditional border of Russia. Gave birth in Romania, in child's garden walked in Uzbekistan, in school in Turkmenia, in institute in Ukraine. Thus his roots always were in Crimea.

Keywords: Russia, Crimea, old Russian, Russian, Tatars, jewries, Germans.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ МУЗЕЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Е.Е. Романова[1], А.М. Чеботарев[2]
Челябинский государственный институт культуры,
факультет декоративно-прикладного творчества, кафедра дизайна,
[1]магистрант, [2]доктор исторических наук, профессор
Россия, Челябинская обл., г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, д. 36а
Тел.: 89090712240, 89507408416, e-mail: one_chebotarew@list.ru,
egoza_romanova@mail.ru

Проанализирована и изучена проблема организации предметно-пространственной среды музея для людей с ограниченными возможностями здоровья, на примере реализуемых проектов и программ, рассмотрены государственные документы, непосредственно касающиеся проблемы исследования. Основой исследования являются авторефераты диссертационных работ, научные труды и научные статьи, относящиеся к организации среды музея для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: люди с ограниченными возможностями здоровья, экспозиция, музей, предметно-пространственная среда, проект.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы изучить и обосновать современные требования к особенностям комплексной организации предметно-пространственной среды современного музея для людей с ограниченными возможностями здоровья. При условии достижения поставленной цели возникнет возможность спроектировать предметно-пространственную среду музея с учетом особенностей людей с ограниченными возможностями здоровья.

Социальные трансформации конца XX – начала XXI века, в значительной мере изменили представления о миссии музея, показав возможность и перспективность его развития как многофункционального учреждения культуры, которое способно решать общественно значимые задачи. Музей является основным хранителем исторических предметов и артефактов, а демонстрация и популяризация материалов хранения является его основной задачей. Но если за многолетнюю историю существования музейного дела в России вопросы по организации экспозиции решались успешно, то в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья было иначе. Поэтому неслучайно в 1986 году Международный совет музеев стал реализовывать проект «Инклюзивный музей», который ставил своей целью комфортное, доступное и открытое посещение музея для людей с ограниченными возможностями здоровья. В это время в России началась акция «Музей для всех», задача которой является привлечение внимания широкой общественности к значимости равноправного участия всех людей в культурной жизни, а также акция привлекает внимание к развитию доступной среды и расширению возможностей участия в музейном пространстве людей с ограниченными возможностями здоровья. В принятом в 1996 году Федеральном законе о музеях, подчеркивалось, что для инвалидов были обеспечены ус-

ловия доступности музеев, «включая возможность ознакомления с музейными предметами и музейными коллекциями» [20].

Нужно также отметить и основные требования к экспозиции музея, указанные в рекомендациях по проектированию музеев, которые были разработаны в 1988 году, где особое внимание уделено проектированию художественных и историко-краеведческим музеям и приведена методика проектирования.

Значительную роль стали играть специально сформулированные в 2001 году правила [16], где были прописаны требования к внутреннему и внешнему строительству зданий, учтены все характеристики инвалидов, а также обозначены требования к элементам помещения, таким как пандусы, вертикальные и горизонтальные коммуникации, лифты и подъемные платформы, эскалаторы. Важным средством организации музейной экспозиции явился указ президента «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [19], в котором было сказано о создании передвижного фонда ведущих российских музеев для экспонирования произведений искусства в музеях и галереях малых и средних городов.

В настоящее время в Российской Федерации создаются и действуют государственные программы поддержки музея и различных музейных проектов, существуют программы, целью которых является социальная поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья в музее. С 2011 года действует государственная программа «Доступная среда», целью которой является создание правовых, экономических и институционных условий, способствующих интеграции инвалидов в общество и повышению уровня их жизни.

В 2018 году принята стратегия развития деятельности музеев в Российской Федерации на период до 2030 года [18], поставившая задачи реализации комплекса мер по обеспечению доступности зданий и помещений музеев для людей с особыми потребностями. В документе говорится о предполагаемых результатах выполнения стратегии развития: «расширить музейный охват территории России, создать условия для доступа к музейному фонду большого числа граждан России, повысить качество просветительской деятельности музеев, создать новые возможности для реализации гражданами Российской Федерации их гражданской активности» [18].

Значительное внимание к музеям государства и общественности свидетельствует об актуальности совершенствования экспозиции для посещения людей с ограниченными возможностями здоровья. Поэтому с особой силой возникает проблема изучения организации предметно-пространственной среды современного музея для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Организации экспозиции музея стало уделяться внимание с создания первых музеев в России. Так еще в XVIII веке при организации в Санкт-Петербурге Кунсткамеры предпринимались попытки создания экспозиции, удобной для осмотра. Как отмечала Т. В.Станюкович, для удобства хранения и осмотра музейных экспонатов, было разработано три вида шкафов: для экспонирования минералов, раковин и «разных бабучек», для монет, для «анатомических и натураль-

ных вещей, содержащихся в спиртусе». Помимо шкафов, которые имели строгую форму, были изготовлены тумбы, полки и другая музейная мебель [17].

Создание учебных заведений в России, способствовало созданию специализированных музеев. Возникли новые требования к организации объемно-пространственной среды. Так, 2 января 1755 года был открыт Московский университет, в котором в 1759 году был организован минералогический музей, а позже коллекции музея стали основной для зоологического музея, основанного в 1791 году.

Проблема организации экспозиции и предметно-пространственной среды музеев тесно связана с развитием музеев. Изучая особенности этой проблемы, многие авторы затрагивают проблему эволюции развития экспозиции, дают классификацию ее видов (Чеснокова М.Н.) [21], а также выявляют тенденции, способствующие эффективному выполнению музеем общественной миссии (Именнова Л. С.) [5]. Изучению новых стратегий развития художественных музеев в социокультурном пространстве современной России посвятила свою работу Макарова И.И. [12]. К проблеме сущности музея и его месту в социокультурном пространстве, изучал Е.М. Акулич, который в своем диссертационном исследовании показал возможности развития музея в XXI веке и его взаимодействие с социокультурным пространством [1].

И.Н. Донина, рассматривая проблему социокультурной адаптации лиц с различными инвалидизирующими заболеваниям, осуществила комплексный анализ музейно-педагогической технологии социокультурной адаптации инвалидов, обосновала эффективность ее применения, провела анализ включения социокультурного потенциала музея в процесс адаптации инвалидов [4]. В диссертационном исследовании В. В. Булгаковой рассмотрена проблема доступа людей с ограниченными возможностями здоровья в музей, автор выявила, что музей способствует формированию целей, установок, образцов поведения у людей с ограниченными возможностями здоровья.

Главным условием восприятия экспонатов музея является его экспозиция. К этому вопросу обращались многие авторы. Одной из ранних работ является «Художественное проектирование экспозиции» Р.Р. Кликса, который, правда, рассматривал в основном выставочную экспозицию [6]. Непосредственно музейной экспозиции посвятила свою работу А.И. Михайловская, которая в книге «Музейная экспозиция», рассматривала проблему музейной экспозиции с элементами использования современных информационных технологий и их стремительное развитие в музейном пространстве [13]. Общие проблемы экспозиционного искусства были рассмотрены М.Т. Майстровской [11], М. Гнедовским и Т. Поляковым. Например, М.Т. Майстровской впервые были проанализированы вопросы формирования архитектурно-художественного построения музея, искусства экспозиции в контексте общехудожественных и культурных тенденций времени [10].

Затрагивали проблему организации музейной экспозиции и авторы, которые основное внимание уделяли общим вопросам создания музея: К.Г. Левы-

кин, В. Хербст [8], Т.П. Поляков [14]. Нужно отметить, что ряд работ, в основном методического характера было посвящено вопросам доступной среды для инвалидов: Е.Г. Леонтьевой [9], И.Ю. Шустрова [23], Л.М. Шляхтина [22], Е.В. Дашкова [3], К.Э. Сафронов [15], А.И. Клюкина [7].

Проблемы взаимодействия музея с людьми с ограниченными возможностями здоровья изучали многие авторы. В частности, С. Н. Ваньшин писал о доступности музейных пространств, С.Д. Исайкина – об опыте создания безбарьерной среды в ГУК Музейное объединение «Музей Москвы», С.А. Харитонова – о музее без барьеров, А. И. Клюкина – об обеспечении всевозможными музейными средствами людей с ограниченными возможностями здоровья и М.М. Корнилина – об адаптации музейного пространства для людей с ограниченными возможностями здоровья [2].

Однако, нам представляется, что эта проблема нуждается в своей доработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулич Е.М. Музей как социокультурный институт. – Тюмень, 2004. – 37 с.

2. Ваньшин С.Н., Ваньшина О.П. Социокультурная реабилитация инвалидов музейными средствами. – М.: ГДМ, 2009. – 76 с.

3. Дашкова Е.В., Ивушкина Е.Б. Музееведение. – Шахты: ГОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2009. – 197 с.

4. Донина И.Н. Музей в социокультурной адаптации инвалидов. – Санкт-Петербург, 2014. – 22 с.

5. Именнова Л.С. Музей в социокультурной системе общества: миссия, тенденции, перспективы. – М., 2014. – 40 с.

6. Кликс Р.Р. Художественное проектирование экспозиций. – М.: Высшая школа, 1978. – 368 с.

7. Клюкина А.И. Комплексное приспособление музеев для инвалидов различных категорий: методическое пособие по социокультурной реабилитации инвалидов музейными средствами. – М.: ГДМ, 2016. – 140 с.

8. Левыкин К.Г.,. Хербст В. Музееведение. Музеи исторического профиля: учеб. пособие для вузов. – М.: Высш.шк., 1988. – 431 с.

9. Леонтьева Е.Г. Доступная среда глазами инвалида. – Екатеринбург: БАСКО, 2001. – 64 с.

10. Майстровкая М.Т. Музей как объект культуры. Искусство экспозиционного ансамбля. – М.: Прогресс-Традиция, 2016. – 672 с.

11. Майстровская М.Т., Никишин Н.А., Поляков Т.П. Музейная экспозиция. На пути к музею XXI века. – М.: Российский институт культурологии, 1997. – 216 с.

12. Макарова И.И. Российский художественный музей в современном социокультурном пространстве: стратегии коммуникации. – М.: 2011. – 21 с.

13. Михайловская А.И., Петров Ф.Н., Митяев К.Г. Музейная экспозиция: (организация и техника). – М.: Советская Россия, 1964. – 518 с.

14. Поляков Т.П. Как делать музей? (О методах проектирования музейной экспозиции). – М., 1997. – 174 с.

15. Сафронов К.Э. Безбарьерная городская среда. Учебное пособие, 2-е изд. – Омск: Золотой тираж, 2011. – 159 с.

16. СП 35-101-2001 «Проектирование зданий и сооружений с учетом доступности для маломобильных групп населения. Общие положения».

17. Станюкович Т.В., Ченакал В.Л. Кунсткамера Петербургской Академии Наук. – М.-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1953.

18. Стратегия развития деятельности музеев в Российской Федерации на период до 2030 года. Одобрена Общим собранием Союза музеев России 14 ноября 2018 года. – Режим доступа: http://www.souzmuseum.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=22197:strategiya-razvitiya-deyatelnosti-muzeev-v-rossijskoj-federatsii-na-period-do-2030-goda&catid=10589&Itemid=176.

19. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Система ГАРАНТ. – Режим доступа: http://base.garant.ru/70170950/#ixzz60EBEVJKQ.

20. Федеральный закон от 26.05.1996 N 54-ФЗ. «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации».

21. Чеснокова, М. Н. Эволюция музейной экспозиции как знаковой системы. – Санкт-Петербург, 2010. – 29 с.

22. Шляхтина Л.М. Основы музейного дела: теория и практика. Уч. пос. – М.: Высшая школа, 2005. – 183 с.

23. Шустрова И.Ю. История музеев мира. Учебное пособие. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т., 2002. – 175 с.

PROBLEMS IN ORGANIZING THE MUSEUM'S SUBJECT MATTER AND SPACE ENVIRONMENT FOR PEOPLE WITH DISABILITIES

E.E. Romanova, A.M. Chebotarev

The problem of the organization of the museum's subject and space environment for people with disabilities was analyzed and studied, the state documents directly related to the research problem were considered on the example of projects and programs being implemented. The basis of the research are thesis abstracts, scientific works and scientific articles related to the organization of the museum environment for people with disabilities.

Keywords: people with disabilities, museum, research, problem, subject space environment, project.

МАСС-МЕДИА РЕАЛЬНОСТЬ СЕТИ КАК СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В.В. Слюсарев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, физический факультет, кафедра философии, младший научный сотрудник

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23

Тел.: 89159418654, e-mail: slyusarevvladimir@gmail.com

Рассматривается проблема формирования и существования идентичности человека в цифровой реальности сети Интернет. Современные способы передачи, хранения и анализа данных формируют основу для возникновения детерриторизированного медийного пространства, ориентированного исключительно на целевые медийные и коммерческие запросы, в результате чего стираются индивидуальные особенности отдельных человека, нации, культуры. Автором делается предположение, что одним из «краеугольных камней» грядущих трансформации являются технологии машинного перевода, которые могут выступать катализатором размытия национальной идентичности и культуры.

Ключевые слова: субъектность, машинный перевод, пиджин, Большие данные, медиареальность.

Чёрный ворон беду кличет,
Весть не добрую несёт

Н. Дронов [1]

В предшествующие современности периоды культуры одним из вестников плохих новостей было «карканье воронья». Пенье жаворонка считалось предзнаменованием весны и добрых новостей. Кукушки отмеряли годы грядущей жизни. Но времена безвозвратно изменились, и сейчас можно смело утверждать, что на смену «живым» звукам природы пришел звук уведомлений на мобильном телефоне, с помощью которого мы узнаем все новости, от них мы получаем вызов на работу, уведомление о штрафе из ГИБДД или поздравления с праздниками. Сейчас нет ничего тревожнее и волнительнее, чем услышать звук уведомления с мобильного устройства. Такова повестка цифровой реальности.

В условиях развертывания Четвертой промышленной революции или формирования Шестого технологического уклада особенное значение приобретают информационно-коммуникативные технологии [2]. С последовательным внедрением технологий TCP/IP, Ethernet, мобильных сетей 3G и 4G, технологий Web 2.0 и Web 3.0 постепенно сложилась абсолютно новая телекоммуникативная среда (среда информационного взаимообмена), принципиально отличающаяся от прежних. Основным ее достоинством по отношению к телевидению и радио можно назвать интерактивность, интенсивность обмена и относительную свободу выбора информации. При этом с помощью технологий оцифровывания практически любой культурный объект может быть представлен в виде дискретной бинарной (двоичной) информации, заархивирован и постоянно пребы-

вать в открытом доступе. Подобный подход сделал информацию многоразовой, легкодоступной и относительно дешевой.

На этих основаниях формируются два течения в организации нового информационного пространства, фактически определяющих сегодня социальную структуру познания – социальные сети и поисковые системы. Дешевизна оперирования различной информацией и многогранность палитры позволяет размещать в открытом доступе ее чрезвычайно большое количество. Во избежание энтропии подобной системы образуется ряд «классификаторов» подобной информационной реальности. В первом случае она структурируется по принципу «текста» – основываясь на методах лингвистического анализа и компьютерной лингвистики, растровом анализе изображений и т.п. технологиям, где с помощью компаративного ранжирования нейросетью формируется поисковая выборка в соответствии с запросом пользователя. Второй способ классификации – на основе авторства размещения информации. По такому принципу функционируют социальные сети, где существуют персональные страницы пользователей, на которых она и размещается. Как правило, сейчас на разных информационных площадках функционируют сразу оба эти подхода с акцентом на один из аспектов [3].

При этом необходимо отметить, что почти любая поисковая выборка представляет собой ранжированный по популярности поисков и обращений список. Иными словам, наиболее репрезентативной в Сети будет та информация, к которой чаще всего обращались в целом или обращался сам конечный пользователь. Таким образом, складывается ситуация, при которой в культуре, сформированной информационным полем Сети, начинают преобладать массовые явления. Культура глобализуется, планомерно стирая границы уникальной национальной идентичности. Вслед за глобализированной экономикой, начинает формироваться глобализированная космополитичная национальность – человек все больше «голосует» не традициями, формирующими суть национальной идентичности, а социальным условиями, заработной платой, инфраструктурой [4].

Более того, подобный принцип организации Сети позволяет говорить о существовании агрегаторов больших объемов информации. С появлением средств машинного анализа данных у агрегаторов появляется новая возможность обрабатывать информацию – возникает феномен Больших данных (Big Data). Он содержит в себе достаточно персонифицированной информации (будь то личная страница с социальной сети, почтовый ящик e-mail или архив поисковых запросов), что позволяет предположить возможность агрегаторов вмешиваться в структуру коммуникации на уровне небольших групп или единичного субъекта. Таким образом, мы оказываемся в ситуации, когда нарушается естественный ход эволюции средств распространения информации.

С развитием индустриального общества технологические достижения привели к возникновению более совершенных средств коммуникации: телеграф, радио, телевидение. Однако данные формы еще не обеспечивали действи-

тельную интерактивность и свободу выбора источника информации. Нужна была и более совершенная платформа коммуникативной практики, которая могла бы обеспечить «неявность» и «суверенность» формирования структуры взаимодействия агентов. Современное состояние сети Интернет во многом соответствует данному идеалу, стирая границы государств и социальных слоев, делая информацию и коммуникацию общедоступными. При этом сохраняется требование индивидуальной активности, обеспечивающей «неявность» формирования знания, и, как следствие, задающей актуальную феноменологию свободы, определяющую границы субъектности.

Однако возникновение феномена Больших данных (Big Data), позволяющих анализировать мелкодисперсные факты информации, ставит под сомнение «горизонт события» свободы выбора и субъектность деятельности человека. Уже сейчас мы сталкиваемся с проявлением работы с Большими данными в виде таргетированной рекламы, которая формируется на основе анализа большого потока сведений о пользователе – это и его поисковые запросы, и профили в социальных сетях, и местоположение, и периоды активности, и т.д. Аналогичным образом устроены и агрегаторы новостных каналов, различные «ленты» в социальных сетях – это тоже в некотором роде таргетированная реклама, но уже не продукта, а контента. Фактически, человек сталкивается с феноменами фейк-ньюс (fakenews), пост-истины (post-truth) и т.п. Неявное знание, лежащее в основании коммуникативной системы, феноменологии свободы и субъектности подменяется жесткой структурой коммуникации, созданной и регламентированной извне. В частности, уже отчетливо видны черты экономической регламентации. Сама возможность внешнего управления коммуникативной и эпистемической практиками в ближайшем будущем может привести к принципиальному ограничению прежде всего эпистемической свободы.

Особенную актуальность в данном контексте приобретают технологии машинного перевода. Уже сейчас технологии позволяют интегрировать автоперевод в письменную коммуникативную практику – в чаты, почтовые клиенты и т.п. [5]. В результате подобной интеграции, возникает некоторый «медиаторный» язык – пиджин. При этом, для данного «срединного языка» будет характерно не только упрощения, связанные с классическим пониманием пиджена, но и интенсивность обмена информации. Сформированная картография нейросети, отвечающей за перевод, при подобной языковой практике будет все больше тяготеть к одному из полюсов – тому, который является наиболее востребованным при трансляции смыслов, все больше и больше склоняя возникающий пиджин в одну из сторон.

Данный подход правомерен не только в отношении языка, но и в отношении культур – «в сети» выделенное для них пространство медиаторно. А, значит, культура, производящая меньше информации будет постепенно растворяться в той, которая производит больше. И российская культура в данном случае находится далеко не в самом выгодном положении – мы производим гораздо меньше, чем генерирует западная цивилизация. Исправить подобное поло-

жение, к сожалению, пока практически невозможно – это обусловлено различиями в сфере экономики и информационных технологий, где наша культура отстает. Поэтому, чтобы сохранить за собой право на существование, чтобы обеспечить свою собственную безопасность, необходимо менять «правила игры». Если мы не можем производить больше – нам необходимо ограничить влияние извне. Необходимо разграничить «сеть», регулировать ее, вернуть связь «медийного пространства» с реальным [6]. Чтобы быть, идентичность (индивидуальная, языковая, национальная) должна иметь границы. Это условие сохранения любого сущего. Людей, наций, культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дронов Н. Черный ворон. – Режим доступа: https://www.stihi.ru/2016/05/23/9970.

2. Schwab K. The fourth industrial revolution. – Currency Publ., 2015. – 192 p.

3. Масланов Е.В. К типологии коммуникационных площадок в сети интернет // Политика и общество. – 2019. – № 1. – С. 10-17.

4. Харт М., Негри А. Империя / Антонио Негри, Майкл Харт. – Кеймбридж, 2000. – 478 с.

5. Ивтушок Е. Яндекс.Переводчик научился переводить диалоги // Электронный ресурс. – Режим доступа: https://nplus1.ru/news/2019/09/25/yandex-dialogue-translate.

6. Слюсарев В.В., Кутырев В.А. Социо-культурная безопасность в условиях глобального информационного хаоса // Россия в многовекторном мире: национальная безопасность, вызовы и ответы: материалы международной междисциплинарной научной конференции: в 2 частях. – Йошкар-Ола, 2017. – С. 62-64.

MASSMEDIA REALITY AS AN ENVIRONMENT FOR FORMING AN IDENTITY

V.V. Sliusarev

The article considers the problem of the formation and existence of human identity in the digital reality of the Internet. Modern methods of transmitting, storing and analyzing data form the basis for the emergence of a undomain media space, focused exclusively on targeted media and commercial requests. As a result, the individual characteristics of person, nation or culture are erased. The author makes the assumption that one of the «cornerstones» of the future transformation is machine translation technology, which can act as a catalyst for blurring, first of all, national identity and culture.

Keywords: subjectivity, machine translation, pidgin, Big data, media reality.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-18-00238 «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НАСЛЕДСТВЕННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ ЧЕЛОВЕКА: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Р.А. Фандо[1], М.Г. Сеидбейли[2]

[1]Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, доктор биологических наук, зам. директора по науке
Россия, 125315, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14
Тел.: 84959882280, e-mail: fando@mail.ru

[2]Институт истории науки Азербайджанской национальной академии наук, доктор исторических наук, директор
Республика Азербайджан, AZ1143, Баку, пр-т Хусейна Джавида, д. 117
Тел: +94(12)5395135, mseyidbeyli@mail.ru

Биология и медицина – две области научного знания, органически связанные друг с другом, имеющие общий генезис – изучение строения, функционирования и свойств живых организмов. В XXI веке мы являемся свидетелями того, как взаимодействие этих областей не только открывает новые пути практического применения медицинских и биологических знаний и использования практических достижений этих наук в самом широком диапазоне. Их взаимодействие позволяет по-новому осмыслить фундаментальные положения биологии и медицины.

Ключевые слова: биология, генетика, наследственные заболевания, история науки, междисциплинарность.

Тематика современных медико-биологических исследований, их разнообразие вызывает естественное желание искать традиции и истоки междисциплинарности в истории науки, поскольку эти традиции существовали в прошлом и получили стимул к развитию, благодаря современным достижениям научной мысли. В биологии, как ни в какой другой области знаний всегда была выраженная тенденция к объединению различных методологических принципов, концептуальных новаций и методологических обобщений.

Если дисциплинарный подход решал и решает конкретные задачи исследования, выбирая соответствующие методы, то междисциплинарный подход сам по себе есть универсальный метод исследования, задачи которого он сам диктует. В любом междисциплинарном исследовании преобладает видение целого.

Исследовательское поле биологии и медицины в разные исторические периоды менялось в зависимости от конкретных задач и степени коммуникативности исследований. Важно проанализировать непростые пути становления общей методологии, выделения общего предмета исследования, общего проблемного поля в биологии и медицине. Исторический анализ способен показать, что взаимодействие разных научных дисциплин является центром возникновения и нового знания и новой философской рефлексии, что важно применительно к живым организмам и, особенно, применительно к человеку.

Становление знаний по проблеме наследственности человека происходило очень медленно, а разрыв между биологией и медициной первоначально был огромен, но впоследствии преодолен.

Данные из истории медицины поражают разнообразием представлений на наследственную природу человека, приемами проводимых исследований, достигнутыми результатами. Порой бывает тяжело отнести те или иные теоретические и практические разработки к определенной области знаний или выяснить дату рождения научной дисциплины. Иногда её генезис уходит в глубокую древность.

Расцвет древнегреческой цивилизации оказал прямое влияние на развитие науки. Новая культура давала натурфилософскую интерпретацию знаний об организмах, о человеке, которая оказала воздействие на все последующее развитие биологии и медицины. Длительное влияние на науку трудов древнегреческих мыслителей объясняется тем, что греки сумели сформулировать фундаментальные проблемы познания природы, которые на протяжении столетий оставались актуальными. Это относится и к проблеме наследственности. Поэтому мы приведем некоторые, наиболее интересные и «долгоживущие» воззрения учёных прошлых веков на эту проблему.

Согласно Демокриту (470-380 гг. до н.э.), все в мире состояло из неделимых частиц – атомов, а «семя есть истечение... из всего тела и его важнейших частей – костей, мяса и жил». Гиппократ (460-377 гг. до н.э.), чьё прославленное имя связано с истоками биологии, также полагал, что половые продукты состоят из экстрактов, поступающих из всего организма, так что все части тела непосредственно влияют на признаки потомства. По мнению Гиппократа, многие болезни передаются от предков, вот, например, как он пишет об эпилепсии: «Что препятствует для этой болезни, если одержимы были ею отец и мать, появиться у какого-либо из их потомков?». «Начало она ведет, как и другие болезни, по наследству». «Кроме того, есть ещё другое великое доказательство, что эта болезнь нисколько не божественнее прочих болезней, – это именно то, что эта болезнь является у флегматиков по природе, а у желчных совершенно не случается. А, между тем, если бы она была божественнее других, должно было бы, чтобы она случалась одинаково у всех и не делала бы различия между желчными и флегматиками» [1, с. 500].

Большое значение в формировании различных признаков, по Гиппократу, принадлежало человеческому семени. «Семя, выпущенное женщиной, бывает иногда сильнее, иногда слабее; так же точно и выпущенное мужчиною... Если от обоих отойдет более сильное семя, рождается мальчик, а если более слабое – девочка» [2, с. 228]. Гиппократ считал, что семя как мужчины, так и женщины происходит из всего тела, причем из слабых частей тела появляется слабое семя, а из сильных – сильное. И если от какой-либо части тела для семени больше привходит от мужчины, чем от женщины, то ребенок становится более похожим на отца; если же от какой-то части более привносится от женщины, то ребенок становится более похожим на мать. Однако, не может быть такого плода, который бы взял все полностью только от одного из супругов, так как семя для ребенка приходит и от мужчины, и от женщины. Таким образом, Гиппократ делает вывод, что некоторые природные качества наследуются от родителей и пе-

редаются далее потомкам. Это утверждение на многие века предвосхитило представление о наследовании различных признаков и болезней человека и объяснило эмпирические факты, накопленные на протяжении многовековой истории развития медицины.

Возможно, наибольшей заслугой Гиппократа перед биологией было утверждение, что не существует бога, покровительствующего медицине. Здоровое тело – гармонично, в больном гармония органов и систем (формы и функции) отсутствует. Асклепий – греческий бог медицины, был для Гиппократа лишь символом.

Проблему происхождения полов у человека обсуждал Эмпедокл, полагая, что если семя обоих родителей одинаково горячо – рождаются мальчики, и они похожи на отца. Если семя родителей одинаково холодное, то рождаются девочки сходные с матерью. При условии слияния горячего семени отца и холодного матери, рождаются мальчики, похожие на матерей. Девочка становится похожей на отца, если сливается горячее семя матери с холодным отцом. Когда семя распадается на части, то рождаются двойни и тройни [3].

Теорию своих предшественников о происхождении семени из всех частей тела подверг критике Аристотель (384-322 гг. до н.э.), доказывая, что семя образуется в определенных частях тела. Так кастрация самцов приводит к изменению всего организма, приближая его к природе другого пола. Он исходил из представлений о наследовании не только морфологических, но и физиологических признаков, а также признаков, свойственных предкам родителей, от которых в семя ничего не отходило.

После заката культур Древней Греции и Древнего Рима, в Европе воцарилась эпоха Средневековья и вместе с ней безграничная власть церкви. На долгие годы был наложен запрет на исследования природы человека. Все процессы, происходящие с живыми организмами, традиционно объяснялись мудростью Творца. В качестве иллюстрации царивших в данную эпоху воззрений, приведем взгляды Блаженного Августина (354-430 гг.) на организацию природы. Для него природа была созданием всесильного и всеблагого Творца: её явления, картины, законы должны лишь иллюстрировать бесконечное величие, нетленную красоту и вечную славу Бога, постичь которую можно лишь путём откровения [3].

Средневековье продолжало жить, трансформировалось и выявляло таившиеся в нем, но не успевшие ещё полностью реализоваться возможности, разрушая основы, мешавшие естествознанию и медицине выйти на новый уровень. Уже к началу XIII столетия стали известны в латинском переводе – частью с арабского, частью с греческого – некоторые естественноисторические произведения Аристотеля и других философов. Все это не могло не отразиться на дальнейшем развитии естествознания. Наконец, появившиеся первые в Европе университеты – и в первую очередь их медицинские факультеты, в частности в Болонском университете, – дали надежную опору зарождающемуся естествознанию.

В XIV в. в Италии наступает новая эпоха – эпоха Возрождения. В науках

и искусстве активно культивируется идея гуманизма, направленная на познание различных сторон человека – физических и духовных. Возрождение смело заговорило о человеке во всех его проявлениях.

Первые шаги раскрепощения научной мысли были сделаны Альбертом Великим и Роджером Бэконом, открыто выступившими в XIII веке с требованиями активно использовать наблюдения и эксперимент в изучении природы, и природы человека в том числе.

Эпоха Возрождения дала миру алхимика и врача, свято верящего в философский камень. Теофраст фон Гогенхайм, называвший себя Парацельсом, что означало «лучший, чем Цельс, (1499-1541), выдвинул оригинальные идеи на проблему наследственности. Парацельс был глубоко уверен в том, что всё в природе возникало и продолжает возникать из семени. В неживой природе, а также у растений и низших животных каждое такое «семя» связано с «первичной материей» (material prima), которая, усложняясь, превращается во вполне развитую, завершенную форму (material ultima). Совсем иначе обстоит дело у высших животных и в частности у человека. По мнению Парацельса, «семя», из которого должен появиться человек, вначале есть просто сила, несвязанная с материей: оно лишь впоследствии материализуется, одевается плотью, состоящей из живых соков, которые притекают к семенникам мужчины из различных частей его тела, образуя здесь сперму. Аналогично мужчинам, в матке женщин из специфических частичек её тела вырабатывается материнское семя. При акте оплодотворения встречаются две «спермы», заключающие в себе все характерные особенности матери и отца. Причем, согласно Парацельсу, частички, пришедшие со спермой родителей, развиваются неодинаково – одни из них подавляют другие; они-то и берут верх (predomination) у потомства. Предвосхитив таким образом «законы доминирования», Парацельс предполагал, что благодаря слиянию двух родительских «сперм» в потомстве комбинируются характерные для обоих родителей «зачатки», а так как комбинации здесь могут быть различные, то и конечный итог их должен быть в свою очередь различен. Отсюда наблюдается неполное сходство детей с родителями.

Парацельс выдвинул оригинальные для своего времени взгляды о влиянии среды на организм человека. Он полагал, что внешние условия не могут породить в организме ничего сверх того, что имеется у него в виде определенных потенций. Развивая эту мысль, Парацельс приходит к выводу, что по наследству передаются только те болезни, которые коренились в «первичной материи» обоих родителей или одного из них [3].

«Отцы» зоологии и ботаники того времени еще мало различали естественнонаучные данные и философские спекуляции. Очень часто их труды представляли собой смесь наблюдений, эзотерического знания, мифов и легенд. Врачи оставались главными носителями биологического знания. Через анатомию и физиологию они соприкасались с зоологией, ботаника давала им знания о лекарственных растениях, а алхимия средства для лечения больных. В рамках этого синкретического единства и зарождалась естественная история.

Умозрительные взгляды на проблему наследственности продержались почти до середины XIX века. Споры преформистов и эпигенетиков, натурфилософские трактаты XVII-XVIII вв. были недалеки от воззрений античных авторов. В работах выдающихся естествоиспытателей вплоть до начала XX столетия можно было найти отголоски представлений мыслителей далёкого прошлого.

Клеточная теория (1839) и развитие учения о клетке сыграли решающую роль и в становлении новых представлений о наследственности, и в развитии биологии и медицины, заложив фундамент их взаимодействия и общего исследовательского пространства.

Становление понятия «клетка» включало в себя не только морфологический, но и функциональный аспект. Процесс становления этого понятия имел значение для развития как клеточной теории, так и цитологии, а через взаимосвязь цитологии с другими дисциплинами и для всей биологии. Первоначальное представление о клетке как о независимом элементарном организме, вполне удовлетворявшее науку в 40-е годы XIX в., уже в 80-е годы становится несостоятельным. Если по происхождению и принципиальной структуре клетки многоклеточных можно было считать идентичными одноклеточным организмам, то с функциональной точки зрения клетка могла считаться независимой единицей лишь в ограниченных пределах. Поэтому выяснение органического единства организмов, то есть принципиальных способов координации индивидуальных функций отдельных клеток, стало важнейшей биологической проблемой. Она включала в себя вопросы наследственности и развития, наследственной передачи приобретенных признаков. На биологическом уровне и вопрос о сущности живого сводился в то время к вопросу о причинах структурной и функциональной дифференцировки клеток [4, с. 75].

Огромный вклад в учение о клетке внес выдающийся немецкий ученый Рудольф Вирхов. Его книга «Целлюлярная патология» (1858) имела решающее значение для развития биологии и медицины второй половины XIX века. Эта монография имела как специально медицинское, так и общебиологическое значение. В медицине она устанавливала принцип локализации патологического процесса в клетке. Значение её для биологии заключалось не только в распространении клеточной теории на человеческий организм. Omnis cellula e cellula – каждая клетка от клетки – этот принцип Вирхова, развитый европейскими цитологами в конце XIX века, послужил базисом нового представления о преемственности клеточных генераций.

Доказательство морфологической преемственности ядер, полученное ими, позволило В. Флемингу в 1882 году перенести вирховский принцип преемственности клеток на клеточное ядро: omnis nucleus ex nucleo. Из фактических данных, полученных при изучении оплодотворения, был сделан важнейший вывод: ядерные вещества суть единственные вещества, которые могут представлять из себя наследственную массу, передающуюся от родителей потомству. Так зарождалось представление о наследственном веществе.

Непосредственное влияние клеточной теории на теоретические основы

биологии выразилось в создании «ядерных гипотез» наследственности, из которых наиболее известной и разработанной была теория зародышевой плазмы А. Вейсмана [4].

Ядерные гипотезы, опираясь на клеточную теорию, впервые поставили ряд вопросов, например о равнозначности всех клеток организма, о наследуемости приобретенных признаков, которые стали позднее объектом экспериментального исследования. Однако значение первых ядерных гипотез этим не исчерпывается. Их спекулятивные построения внесли в науку некоторые новые представления, легшие в основу современного учения о наследственности. Это, прежде всего, разделение организма на два уровня – генотипический и фенотипический. Это положение впервые прозвучало в работе А.Вейсмана «Зародышевая плазма», а затем окончательно было оформлено В. Иогансеном, который ввел в генетику понятие генотипа.

Самой высокопродуктивной эмпирической областью исследования наследственности человека должна была бы стать медицина, поскольку имелись множественные интуитивные доказательства наследования различных болезней, встречающихся в трактатах и записках известных врачей. Однако сложность человеческого организма как объекта исследования, и господство в медицине XIX века, в основном, описательной парадигмы, препятствовали быстрому развитию знаний по генетике человека.

Особый интерес представляют исследования русских врачей, выполненные под углом зрения выявления наследственных патологий, которые традиционно уделяли большое внимание опросу больного, и как правило, спрашивали о заболеваниях, которые наблюдались у родственников, то есть выясняли «генеалогию» болезни.

Важную роль опросу больных всегда уделял известный врач Григорий Антонович Захарьин (1829-1897). Захарьинский метод расспроса – анамнез – стал важнейшим элементом формирования и характерной чертой московской терапевтической школы, развивавшей передовые традиции клинической медицины: профилактическое направление, индивидуальный подход к больному. Беседы с пациентами, проводимыми Г.А., отличались глубокой логикой, вдумчивыми вопросами, умением клинициста наблюдать, выделять главное, сопоставлять различные факты. Разработанная им методология опроса больных вошла во все учебники, а «Клинические лекции» Захарьина были признаны классическими. Они неоднократно переиздавались в России, стали настольной книгой русских врачей и были переведены на английский, немецкий и французский языки.

Несмотря на то, что традиционно Захарьина считают сторонником нервизма, учения о преимущественном значении нервной системы в регулировании физиологических функций и процессов, совершающихся в организме животных и человека, он большое значение отводил наследственным задаткам и индивидуальной природе человека. В различных анамнезах больных, которых лечил А.Г., можно встретить следующие характеристики: «Больной происходит

из здоровой семьи. До пятнадцатилетнего возраста не помнил никаких болезней, на шестнадцатом году перенес какую-то горячечную болезнь, а на двадцать первом – брюшной тиф» [5, с. 131], «Родители больного, по его словам, здоровы» [там же, с. 150].

Рассуждая о причинах слабого здоровья, Г.А. предполагал, что в основе этого лежат внутренние факторы, переданные от предков, и образ жизни. Он сознательно, не касался изучения влияния «происхождения» на здоровье, так как данный вопрос, по его мнению, еще не был достаточно изучен, и исследовать роль врожденных задатков у человека в конце XIX в. не представлялось возможным. Г.А. Захарьин большое внимание в своей врачебной практике уделял наблюдениям за положительным и отрицательным влиянием различных сторон образа жизни на формирование здоровья еще и потому, что бороться с внешними «неправильностями», по его рассуждениям, для медицины представлялось более возможным, чем «противодействовать неправильностям в условиях происхождения» [6].

Петербургская школа клиницистов, признанным лидером которой был С.П. Боткин, во главу определения причины заболевания ставила общее морфофизиологическое состояние, а не длительные расспросы больного, как это было в школе Г.А. Захарьина. По мнению Боткина, врачу необходимо так овладеть медицинским искусством, чтобы по внешнему виду больного можно было бы правильно поставить диагноз больному [7].

«Чем более сознательны будут заключения врача при постели больного, тем более они будут научны... Для сознательного заключения необходимо большое количество верных фактов, которые и должны быть основанием той внутренней логической работы сознательной мысли, которая выражается в том или другом окончательном заключении» [8, с. 9].

«Полезно этому исследованию расспросами предпосылать обстоятельное объективное исследование, которым он и будет руководствоваться при постановке своих вопросов» [Там же, с. 10].

С.П. считал, что изучение заболевания должно носить комплексный характер, включающий в себя анализ различных факторов, оказывающих влияние на индивидуальное здоровье, в том числе и наследственных. В качестве подтверждения приведем цитату из его клинических лекций. «При постановке предсказания, врач берёт во внимание основную болезнь данного случая, организм самого больного, его возраст, пол, общественное положение, его *наследственные особенности* (курсив авторов), существующие в нем изменения под влиянием прежде бывших болезней, его приспособляющуюся способность, психические и физические условия, под влиянием которых находился и находится больной» [Там же, с. 12].

Было удивительным встретить в записях С.П. упоминание о влиянии наследственности на различного рода заболевания, так как отечественная медицина советского периода относила его к противникам наличия у людей передаваемых из поколения в поколение заболеваний. Так, академик АМН СССР А.Л.

Мясников во вступительной статье к переизданным в 1950 г. лекциям С.П. Боткина писал: «Боткин большое внимание уделял внешнему проявлению заболевания (симптом). В развитии болезненного процесса придавал ведущее значение нервной системе. Боткин опровергал взгляды Вирхова на хлороз (анемию) как на болезнь, связанную с врожденной аномалией аорты («Искать причину хлороза в узкой аорте – взгляд не выдерживающий критики»), впервые указал на зависимость хлороза от изменения центральных нервных аппаратов» [9].

Все приведенные примеры проникновения в медицину представлений о наследственной природе ряда заболеваний и о передаче потомкам особенностей морфо-функциональной организации подтверждают, что гипотезы и теории, предвосхитившие появление антропогенетики, были интуитивными и основывались на эмпирических фактах. К сожалению, генетика человека долго не могла оформиться как самостоятельная дисциплина, так как законы генетики ещё не были статистически доказаны, а наука не располагала соответствующими методиками и техническими средствами для проведения экспериментальных исследований.

В Европе и США генетика человека развивалась благодаря классической генетике, и являлась её продолжением. Не случайно, первым антропогенетиком стал Отто Мор – ученик Т. Моргана, а Нобелевская лекция последнего (1933) называлась «Значение генетики для физиологии и медицины». Евгеника на Западе мало повлияла на развитие медицинской генетики и генетики человека.

Законы Менделя, переоткрытые в 1900 году и воспринятые в Европе и США в целом с энтузиазмом пришли в Россию с опозданием. Несмотря на это менделизм достаточно сильно повлиял на русскую биологию начала XX в. В 1903 г. прекрасный анализ работы Менделя дал русский ботаник И. П. Бородин. Спустя несколько лет появилось краткое изложение законов Менделя в обзоре по животноводству Кулешова (1907 г.) и в учебнике по общей зоологии Шимкевича (1907 г.). Московское издательство «Наука» выпустило три переводных книги, посвящённых проблеме наследственности: Р. Пеннета, Л. Донкастера и К. Корренса.

Российские естествоиспытатели долгое время не признавали генетику так как положения менделизма находились в противоречии с основными постулатами дарвинизма. В России новое учение о наследственности было поставлено под подозрение и в широких кругах российского общества менделизм воспринимался, в первую очередь, как «антидарвинизм» [11]. Ю.А. Филипченко писал: «Учение об изменчивости и вся современная генетика, частью которой оно является, отнюдь не связаны неразрывным образом с эволюционным учением... Генетик может спокойно разрабатывать свою область, даже не вспоминая об эволюции... Вполне мыслима позиция... генетика, являющегося глубоким агностиком в вопросах эволюции» [12, с. 249-250].

Период, примерно с 1900 до начала 1930-х годов, характеризовался резким конфликтом генетики и эволюционной теории. Природа этого конфликта нашла свое отражение в словах С.С. Четверикова: «Генетика в своих выводах

слишком резко и определенно затрагивает некоторые уже давно сложившиеся общие теоретические взгляды, слишком жестко ломает привычные, глубоко гнездящиеся представления, а наша теоретическая мысль неохотно меняет колеи привычных логических обобщений на неровную дорогу новых, хотя бы и более соответствующих нашим взглядам построений. В такое же противоречие с обычными взглядами впала генетика и по отношению к нашим общим эволюционным представлениям, и в этом, несомненно, гнездится причина, почему менделизм был встречен так враждебно со стороны многих выдающихся эволюционистов» [цит. по 13].

Сторонник дарвинизма и англоман К.А. Тимирязев подверг резкой критике менделизм, тем самым притормозив его широкое распространение в России. Причем для опровержения основных положений менделизма, Климент Аркадьевич, приводил примеры по наследуемости человеческих признаков. Он замечает, что образование гибридов по типу гороха является скорее исключением, нежели правилом. Действительно, передача наследственных свойств более сложное явление, не объяснимое простыми моделями. Например, при скрещивании рас белой и черной получаются помеси промежуточной, средней окраски (то есть не оказывается доминирующей и рецессивной формы). Также дети мулатов никогда не бывают чистокровно белыми или черными [14, с. 287].

Критика основных положений классической генетики в первые десятилетия XX в. в России в значительной мере помешала взаимопроникновению биологических и медицинский воззрений на проблему наследственности в нашей стране. Врачи ещё долгое время не признавали передачу болезней через гены или наследование предрасположенностей к различного рода заболеваниям. Тем не менее, в заметках некоторых врачей-практиков начала XX века можно найти совершенно обратные воззрения.

Московский невропатолог В.Э. Дзержинский в 1912 г. описывал в «Клинических наблюдениях в области невропатологии» случай психического заболевания, названный хореей, которое носило наследственный характер. Наблюдаемая с хореей в Московской нервной клинике профессора В.К. Рота крестьянка 24 лет имела мать, страдающую данным заболеванием [15]. Таким образом, В.Э. подтвердил на практике существование наследственных форм психических расстройств.

При описании эпилептических заболеваний, В.Э. обязательно обращает внимание на наследственность заболевших. Так он описывает некоторые случаи эпилепсии, которые вызваны передачей болезни от предков, и случай Кожевниковской эпилепсии (по имени профессора Кожевникова, проводившего обследование больного), не отягощенной наследственностью [16].

Дзержинский В.Э. и В. Штаркер подтвердили своими наблюдениями наследуемость ахондроплазии. Ахондроплазия – заболевание суставов, которое было впервые отделено от рахита и врожденного сифилиса Перротом [17]. Случай, описанный в работе Дзержинского и Штаркера, указал на тот факт, что при ахондроплазии скелет одинаково изменяется у самых различных рас. Авторы

доказали, что в эмбриогенезе ахондроплазиков должны быть вполне одинаковые патологические условия, вызывающие данное заболевание. Исследователи к своему сожалению отмечают, что патологические условия, являющиеся причиной ахондроплазии еще не выяснены [18].

Данные примеры клинических записей являются доказательством проникновения идей наследуемости различных патологий в российскую медицинскую практику фактически без теоретической генетической базы. Такие работы носили характер эмпирических умозаключений без привлечения математической статистики, различных генетических методов: генеалогического, близнецового. Тем не менее первые идеи о наследственной природе заболеваний и нормальных морфо-физиологических особенностей подготовили благодатную почву для развития генетики человека, которая стала активно распространяться в России уже в 1920-е гг.

Пути развития генетики человека в России отличались от европейского и американского. Евгеника в России первоначально органично входила в генетику, составляла её часть и имела дисциплинарный статус, чего не было в США и Великобритании, где евгенику причисляли к наукам скорее социальным, чем биологическим. Медицинская генетика у нас в стране начиналась как русское евгеническое движение, лидерами которого были Н.К. Кольцов, Ю.А. Филипченко, многие биологи и врачи. При этом евгеника, в понимании Н.К. Кольцова, была лишь преамбулой к исследованию наследственности человека, типов конституций, генеалогий и патографий. Это было именно движение – особая направленность исследований, – участие в котором приняли многие будущие известные генетики.

Как справедливо отметил в одной из своих последних работ В.В. Бабков: «То, что Кольцов, Давиденков, Филипченко и др. в духе времени называли евгеникой, на деле было обсуждение проблем генетики человека и медицинской генетики, включая популяционный аспект проблемы. Благодаря этим характерным чертам русского евгенического движения, в его рамках был выработан прочный фундамент для создания медицинской генетики в 1930-х гг. в России» [19]. Становление и развитие медицинской генетики в СССР заслуживает специального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиппократ. О священной болезни // «Избранные книги» (перевод с греч. Руднева В.И.). – М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. – С. 493-513.

2. Гиппократ. О семени и природе ребёнка // В Избранных книгах (перевод с греч. Руднева В.И.). – М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. – С. 221-259.

3. Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. Т. 1. М.-Л.: Биомедгиз, 1936. – 413 с.

4. Музрукова Е.Б. Роль цитологии в формировании и развитии общебиологических проблем. – М.: Наука, 1988. – 273 с.

5. Захарьинъ Г.А. Клиническія лекціи и избранныя статьи. – М.: Печатня А.С. Снегиревой, 1910. –557 с.

6. Захарьинъ Г.А. Клиническія лекціи.Труды Факультетской терапевтической клиники Императорскаго Московского Университета – М.: Имп. Моск. Универс., 1895. – 328 с.

7. Письма С.П. Боткина изъ Болгаріи. 1877. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. – 374 с.

8. Боткин С.П. Клиническія лекціи профессора С.П. Боткина читанныя въ Императорской Военно-медицинской Академіи въ 1884-1885 году. Вып. 1. – СПб.: Изданіе Карла Ріккера, 1888. – 200 с.

9. Мясников А.Л. Сергей Петрович Боткин // В кн. Боткин С.П. Курс клиники внутренних болезней. Т. 1. – М.: Медгиз., 1950. –364 с.

10. Боткин С.П. Речь «Общие основы клинической медицины» // Еженедельная клиническая газета. – 1886. – №№ 37, 38. – С.732.

11. Либацкая Т.Е. У истоков генетики. – М.: ООО «ИНФОКОР», 2006. – 128 с.

12. Филипченко Ю.А. Изменчивость и методы её изучения. – Изд. 4, 1929.

13. Голубовский М.Д. Век генетики: Эволюция идей и понятий. – СПб.: Борей Арт, 2000. – С. 262.

14. Тимирязев К.А. Чарльз Дарвин и его учение. 1919. – М.: Сельхозгиз. 7-ое издание. 1937. – 322 с.

15. Дзержинский В.Э. Клиническія наблюденія въ области невропатологии. – М.: Типография Императорскаго Московского Университета, 1912. – 204 с.

16. Дзержинский В.Э. Къ ученію о Кожевниковской эпилепсіи. – М.: Типо-литографія Т-ва И.Н. Кунеревъ и К°, 1910. – 28 с.

17. Parrot L'achondroplasie at les lesions osseuses de la syph. héréd. et du rachitisme. – Paris.: Arch. De Physiol. 1876. – 64 p.

18. Штаркеръ В., Дзержинский В. Achondroplasia. – М.: Типо-литографіа Т-ва И.Н. Кунеревъ и К°, 1911. – 14 с.

19. Бабков В.В. Медицинская генетика в 1930-х гг. в России // Вестник ВОГИС. – 2006. – Т. 10. – № 3. – С. 455-478.

REPRESENTATIONS OF HEREDITARY DISEASES OF A HUMAN: A CULTURAL-HISTORICAL ANALYSIS

R.A. Fando, G.S. Mariam

Biology and medicine are two areas of scientific knowledge, organically related to each other, having a common genesis - the study of the structure, functioning and properties of living organisms. In the 21st century, we are witnessing how the interaction of these areas not only opens up new ways of practical application of medical and biological knowledge and the use of practical achievements of these sciences in a wide range. Their interaction allows us to rethink the fundamental principles of biology and medicine.

Keywords: biology, genetics, hereditary diseases, history of science, interdisciplinarity.

РАЗДЕЛ 3.
СОЦИАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РУССКОГО МИРА: АКТУАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ПРАКТИКИ

==========

ИНОКУЛЬТУРНЫЙ ГАБИТУС – ИНДИКАТОР ИЗМЕНЕНИЙ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Т.И. Глухова
Международный инновационный университет, факультет гуманитарных наук, управления и сервиса, кафедра управления и гуманитарных дисциплин, кандидат философских наук, доцент
Россия, 603109, г. Нижний Новгород, ул. Сергиевская, д. 10/42
Тел.: 88314332799, e-mail: tigurao@mail.ru

Показан и проанализирован процесс изменения социокультурной жизни под влиянием инокультурного габитуса.

Ключевые слова: габитус, инокультурный габитус, индикатор, культура.

«Габитус» – это сложное понятие, которое имеет ряд определений с учётом разных дисциплинарных подходов (Аристотель, Боэций, М. Мосс, П. Бурдье) [1, 2, 5, 3]. Несмотря на это, в каких-то ситуациях можно сузить его использование для анализа социокультурных явлений в жизни общества и применить в нашем случае, например, в качестве «индикатора изменений», т.е. элемента, отражающего ход процесса или состояние объекта наблюдений, его качественные или количественные характеристики, чтобы показать трансформацию культуры и социальной жизни в обществе под воздействием инокультурных явлений.

Определяя взаимообусловленность культуры и человека, можно исходить из того, что культуры создают некий тип человека с определённым образом жизни в данном обществе. Однако это в значительной степени относится к традиционным обществам. А в современных обществах, которые по большей части являются мультикультурными, людям сложно сохранять устойчивую связь с традиционной национальной культурой. И хотя, с одной стороны, их первоначальная социализация происходит на основе идентификации с доминирующей в данном обществе культурой, в дальнейшем, взаимодействуя с представителями разных культур и выполняя разные социальные роли в обществе, индивидуумы меняют свои идентификации по мере необходимости, будучи вынужденными делать это для осуществления своих личных задач и оптимальной адаптации в обществе [3]. Поэтому, с другой стороны, можно говорить о том, что в настоящее время идентификация с определённой культурой размывается [8] и, следовательно, габитус одной культуры теряет свою устойчивость и определённость, уступая место проявлениям другой культуры в структуре лично-

сти. Поэтому можно наблюдать, что в одних случаях он как признак исчезает, а в других проявляется [1,2]. Это даёт возможность говорить о том, что он служит своеобразной демаркационной линией, границей между культурами и может быть индикатором тех изменений, которые происходят в культуре и обществе в целом.

Изначально «габитус» является «матрицей» культуры, которая формирует структуру личности: её менталитет, картину мира, образ жизни, поведение, привычки и т.д. Но, попадая во взаимодействие с другими культурами, габитус определённым образом реагирует на изменения и формирует новые качества на разных уровнях культуры. Поэтому можно вести речь о культуре общества в целом, о социокультурных различиях групп и общностей, в которых проходит жизнь человека и, наконец, о его личных культурных предпочтениях.

Изменения в культуре общества носят обобщённый, системный характер. Так, например, сейчас с очевидностью можно сказать, что в выборе между духовными и материальными ценностями предпочтение отдаётся материальным. Можно спорить о том, являются ли деньги «национальной идеей» и подходит ли она для русского человека, но сейчас большое значение в оценке человека приобретают такие символические ценности, как доход, собственность, качество жилья, уровень жизни, телесные/чувственные стороны бытия. Меняются и отношения между людьми. Они становятся более прагматичными, структурированными, подверженными внешнему контролю, формализованными через правила и нормы. Например, при возникновении конфликтных ситуаций в общественных учреждениях клиенту выдаётся список наиболее часто повторяющихся/ типичных ситуаций, чтобы среди многих он мог выбрать подобную своей для решения вопроса. Это во многом связано с тем, чтобы помочь иностранцам из разных стран ориентироваться в ситуации. Однако такой порядок не оставляет места привычной неопределённости в границах разумного, чтобы учесть индивидуальные особенности человека. Во взаимодействии людей снижается уровень гуманности, солидарности, эмпатии, понимания другого и т.п. И в то же время усиливаются такие черты, как конкурентность, индивидуализм, эгоизм и пр.

Проявления габитуса можно рассматривать не только на уровне общества, но и социальной группы и личности. Изменения в культуре социальных групп могут ограничиваться локальными трансформациями. Отдельные социальные группы вырабатывают свои нормативные ценности, влияющие на формирование образа жизни общности и габитус её членов. В группе происходит адаптация человека к устойчивым формам образа жизни, поведения, миропонимания. Индивиды со схожими габитусами кооперируются и создают общности на основе общих интересов. А изменения в жизни отдельного человека зависят от его предпочтений, ориентаций, выбора образа жизни и волевых усилий в формировании личного габитуса. Кажется, что личность в процессе культурного взаимодействия является завершающим звеном, реагирующим на изменения в обществе. Но личность обладает разумом и волей и у неё есть право вы-

бора. Поэтому, несмотря на общие изменения, она может создавать свой субъективный мир на основе собственных принципов. Инокультурный габитус в этом случае является той границей, которая показывает, какие свойства других культур человек может принять, т.е. измениться, и те, которые он принять не может, отдавая предпочтение чертам культуры первоначальной социализации/идентификации. Габитус позволяет человеку сохранять свои взгляды, убеждения, способы восприятия действительности, вкусы, привычки и т.д. и отличать свою культуру от другой, что, соответственно, позволяет выделять людей других культур. Габитус, с одной стороны, позволяет сохранять приверженность своей культуре, а, с другой стороны, даёт возможность рассматривать другие точки зрения, уступать, пробовать новое и принимать его в свою жизнь. Габитус обладает свойствами и устойчивости, и динамизма, позволяя человеку ориентироваться в меняющемся мире культур. Ведь о различиях культур человек узнаёт только на их границе, когда нарушаются привычные для него условия жизни. И чем чаще он встречается с такими ситуациями, тем быстрее у него формируются навыки межкультурной компетенции, что важно при общении людей разных культур, т.к. в нём рождается возможность диалога и понимания.

Общество, социальные группы и личность находятся в непрерывном взаимодействии и взаимоизменении, которое имеет многовекторный характер. Трудно оценить объективно те изменения в культуре, которые происходят на наших глазах. Тем более, что всё не вполне однозначно. Так, например, стремление людей к материальному достатку можно только поощрять. Нет ничего плохого в том, что люди хотят жить в комфортных условиях. В жилищном вопросе они отдают предпочтение новым домам с улучшенной планировкой и из новых строительных материалов, желательно в зелёных зонах города; в одежде – модным зарубежным маркам; в еде - культурному разнообразию; в средствах передвижения – личным автомобилям, а среди них - иномаркам и пр. Другой вопрос состоит в цене этих удобств для окружающей среды и культуры. В стремлении к совершенствованию своего образа жизни люди часто теряют меру. А это ведёт к рассогласованию связи природы и общества, социальных групп в обществе, отдельной личности и общества. Следствием завышенных норм потребления некоторых социальных групп являются такие негативные явления в обществе как коррупция, поляризация доходов населения, снижение уровня жизни подавляющего большинства населения, его обнищание, экологические проблемы, уничтожение памятников культуры и т.д. В стране сложился слой т.н. «русских европейцев», т.е. людей, которые имеют высокий статус, доход, возможности и считают себя «цивилизованными людьми в варварской стране», игнорируя стремление других людей к той жизни, образцы которой они пропагандируют своим образом жизни. [4]. Люди «при власти» имеют ещё более широкие возможности, например, в преобразовании городской среды по образцам европейских стран [7].

Последствием социокультурных изменений в обществе является и эмиграция какой-то части населения. Один из уехавших из страны программистов

так объясняет причину своего отъезда: «Я уехал, чтобы не стать бандитом. Для человека с характером и амбициями в Москве к этому слишком многое располагало». И продолжает: «Я в принципе был настроен на то, чтобы поработать за рубежом. И дело не только в зарплате. Только из-за денег, наверное, не уехал бы... И если наши власти хотят, чтобы учёные возвращались, начинать надо не со Сколкова, а с жизни» [6] . Безусловно, расширение поля культурного взаимодействия людей имеет и свои положительные стороны. Знакомство с опытом жизни других культур обогащает жизнь и общества, и отдельного человека. Общество получает дополнительные ресурсы развития, а человек – новые стимулы для самосовершенствования: интернациональная среда сама по себе - мотивирующий фактор, а опыт, даже чужой, никогда не бывает лишним [6] . В общении с другими культурами у человека появляется опыт различения особенностей разных культур, у него формируется навык отделять своё, привычное от чужого, инородного, непривычного и, возможно, неприемлемого для его жизни. Например, русские специалисты в Корее так определяют различия: «Корея – это не просто заграница, это Марс. Здесь всё другое: люди, буквы, рельеф, воздух» [6], а облик Маши из Хабаровска дорисовывают пейзажи её родных мест: простор, тайга, суровые безлюдные пространства – всё то, чего нет и невозможно себе представить в густонаселённой, очень чистой, очень безопасной и очень послушной Корее. И как же сильно надо было напугать или разочаровать соотечественников, чтобы они выбрали Марс и не слишком жалели об этом...Те, кто пишет программы их возвращения, кажется сами не понимают, какой мощный ресурс у них в распоряжении – тот простой факт, что большинство людей предпочитают говорить на родном языке и жить среди понятного им окружения [6]. В процессе выбора культурных ориентаций человек вынужден проявлять активность и ответственность, потому что за все последствия отвечает он сам. Именно от личного выбора элементов или образа жизни другой культуры будет зависеть его собственная жизнь. Габитус в этом случае является индикатором изменений. Он показывает, до какой степени человек может отклониться от стереотипов собственной культуры без ущерба для своего развития. Хотя сейчас многое меняется в сторону материальных ценностей, традиционно российские ценности продолжают занимать определённое место. Так, известный писатель Александр Мелихов, которому Министерство культуры и спорта Южной Кореи заказало книгу на тему воспевания достижений «корейского чуда», пишет: «Но я вдумался и понял, что мы не способны любить за автомобили и мобильные телефоны, за небоскрёбы и чистоту. Нам – людям! – требуется что-то небывалое, «невозможное», что вызывает гордость за человеческий род... Сегодня наши единственные козыри – наши гении. Вот гениев и нужно воспитывать» [4].

А ответственность за изменения в культуре общества несёт государство, т.к. в его руках находятся многие рычаги, которые позволяют ему влиять на выборы и предпочтения людей. К этим рычагам относятся и СМИ, транслирующие образы жизни других культур (для этого существует много телепере-

дач разного характера); и политика открытости и сотрудничества между странами в различных сферах, позволяющая развиваться туризму и обеспечивающая свободный обмен человеческими ресурсами; и миграционная политика, способствующая внедрению в доминирующую культуру страны элементов различных культур мира через своих носителей. «Соседство и взаимодействие культур» в настоящее время является не теоретическим положением, а практикой повседневности большого количества людей.

Каждый человек ежедневно находится в потоке других людей и вынужден выделять в них признаки подобия или противоположности своей культуре. При этом у него должны формироваться навыки межкультурной коммуникации, т.к. очень часто общение людей разных культур происходит без знания языка и невербальных средств общения. В таких случаях «габитус» оказывает человеку неоценимую услугу, обращая внимания на различия и позволяя перейти на позицию человека другой культуры.

В связи с наполнением общественной жизни признаками разных культур возникает много проблем, связанных, с самоопределением/идентификацией личности в традициях какой-то одной культуры, с выработкой норм взаимодействия людей и принципов их сотрудничества, с перспективами развития культуры и общества в нашей стране. Решение этих проблем важно потому, что не существует общей, мировой культуры даже в том случае, если в какой-то стране живут представители множества культур. Национальные, этнические особенности людей никто не отменял, и габитус культуры, в которой рождается каждый человек и которая влияет на его первичную социализацию, не исчезает в небытие в течение его жизни. Так или иначе, в каких-то условиях он может неожиданно проявиться даже в том случае, если человек целенаправленно формирует в себе идентичность с культурой, выбранной волевым решением.

Культуры проявляют себя не только через человека, они существуют и сами по себе, являясь результатом длительного развития человечества. И хотя сегодня цивилизационная составляющая культуры нивелирует многие культурные различия, связанные с освоением природной/ географической среды и климатических условий, культурные различия между людьми остаются. Люди творчески подходят к осваиванию других культур, внедрению в чужую культурную среду или имплементации культурных черт другой культуры в свою, выделению своей культуры среди других культур в инокультурном обществе и отстаиванию её позиций на равноправное существование с другими культурами... Вариантов сочетания культурного взаимодействия может быть очень много. Однако это не снимает различий в культурах целом.

Возможно, сегодня политика толерантности привела общество к пониманию различий в культурах и уважению людьми представителей других культур, снизила уровень напряжённости межнациональных конфликтов, но само наличие культурных различий с неизбежностью будет порождать межкультурные противоречия, а инокультурный габитус останется индикатором тех изменений, которые происходят в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика. Политика, Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 1932 с.
2. Боэций. «Утешение философией» и др. трактаты. М.: Наука, 1996. – 336 с.
3. Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: отв. ред., пер. и посл. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперимент. Социологии: СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
4. Мелихов А. Русские европейцы больше раздражают народ, чем сердят власть. «Новая газета». – 24.07.2013. – № 80. – С. 22.
5. Мосс М. Общества.Обмен. Личность: тр. По соц. антропологии. – Пер. с фр. – М.: изд. Фирма «Восточная литература», 1996. – 359 с.
6. Русская Корея. «Русский репортёр». – 16-23 сентября 2010. – С. 47.
7. Шеронов А. Йошкар-Ола – лицо планеты? // Досуг. – 2013. – № 9. – С. 80-81.
8. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Наука, 1996. – 334 с.

CULTURAL HABITUS – INDICATOR OF CHANGES IN SOCIETY

T.I. Gluhova

The article shows the process of changing the socio-cultural life by the influence of foreign cultural habitus.

Keywords: habit, anotherculture habit, indicator, culture.

НОВАЯ ТРАДИЦИОННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ СМИ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА

Ю.А. Головин[1], О.В. Коханая[2]

[1]Московский гуманитарный университет, факультет рекламы, журналистики и дизайна, кафедра журналистики, доктор культурологии, зав. кафедрой
Россия, 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5
Тел.: 89851581782, e-mail: reporter518@mail.ru

[2]Государственный научно-исследовательский институт реставрации, отдел темперной живописи, художник-реставратор
Россия, 107014, г. Москва, ул. Гастелло, д. 44, стр. 1
Тел.: 89852553759, e-mail: kokhanaya@mail.ru

Анализируется коммуникативное взаимодействие российского общества и традиционных религиозных организаций, прежде всего, православной конфессии, посредством системы средств массовой информации, в том числе, в интернет-пространстве, что крайне важно для нашей многоконфессиональной страны.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, религиозные организации, межконфессиональные отношения, ресакрализация, система средств массовой информации, Интернет, религиозные сайты.

В современном информационном российском обществе «особенно актуальными представляются идеи формирования единого социокультурного пространства, духовного пространства России, пересмотра сложившихся представлений в этой области в соответствии с новыми реалиями современности» [1, с. 192]. Как «охарактеризовать контуры, границы и архитектонику русской цивилизации? «Русский мир», «Русский универсум», «Остров Россия», «Святая Русь», «Русская цивилизация» – эти понятия, будучи введенными в общественное сознание и культурфилософский дискурс, тем не менее, не имеют всеобщего однозначного содержания, и их понимание зачастую опирается на интуитивно ощущаемые смыслы, извлекаемые культурной памятью из исторических эпох, из языка, традиций, искусства» [2, с. 33]. «Сущностью русской идеи и русского социокультурного кода является соборная кооперация. В системогенезе русской идеи выделены три ступени: 1) сохранение православия на основе объединения и сотрудничества православных народов при терпимом отношении к религиям и обычаям иных народов российского государства; 2) построение справедливого мироустройства в России и на планете и сотрудничество с другими народами в этом общем деле; 3) кооперация народов для совместного ответа на глобальные вызовы и угрозы» [3, с. 110]. Всплеск «новой» религиозной жизни в России, возвращение к «корням», традициям счастливо совпал с развитием и становлением мирового информационного пространства и, прежде всего, с появлением в нем новой коммуникационной среды - Интернета. С одной стороны, это значительно упростило развитие в стране бывшего тотального атеизма религиозных организаций, с другой стороны, породило целый ряд спе-

цифических проблем. Неожиданно, в том числе и для религиозных деятелей, стали актуальными вопросы толерантности, межрелигиозных и межконфессиональных отношений. Непростыми, уже в новых условиях, оказались и вопросы отношений религии и общества, религии и государства. В частности, в свете фактически свершившейся информационной революции одним из самых острых встал вопрос о доступе религиозных организаций к средствам массовой информации, об использовании СМИ для распространения религиозного мировоззрения. И тем не менее, уже к концу XX века в России почти полностью сложилась система религиозных СМИ, объединяющая в себе газеты, журналы, телеканалы и радиостанции, не говоря уже об отдельных передачах и рубриках в светских СМИ [4; 5]. И, конечно, важное место в развившейся системе заняли религиозные Интернет-ресурсы.

По мнению большинства исследователей социокультурных процессов, следует признать, что во многом благодаря религиозному сегменту Интернет осуществлен феномен ресакрализации социума. Естественно, и в современном российском обществе Православие традиционно выполняет духовно-консолидирующие функции. Особенно этот процесс проявляется в политической сфере и культурной жизни страны, где функционируют и взаимодействуют различные общественные институты, которые формируют общественное настроение. Вполне логично, что именно здесь наиболее активно функционируют коммуникационные системы, по которым можно определить критерии и оценить деятельность в обществе различных организаций, в том числе, религиозного типа.

В качестве основных актов коммуникации тем самым можно выделить:

- социальные работы;
- богослужения;
- религиозные образования;
- проповеди.

Кстати сказать, по мнению исследователя П. В. Сухова, многие лингвисты, специалисты в области европейских языков отмечают в своих работах, что слова, которое обозначают евхаристии, причастия, и таинства, имеет со словом «коммуникация», «общение» общий корень [6].

Здесь важно также заметить, что каждая религиозная организация является особенной, ведь ей присущи свои уникальные характеристики. Такие, как вероучение, обряды, ареал распространения, взаимоотношения с государством и местными сообществами и т.д. «Культурная многоукладность российского общества и мира в целом – это объективная реальность, вызванная современным обостренным пониманием каждым народом своей истории и культуры как абсолютной ценности, своего образа жизни как неотъемлемого права» [7, с. 351]. Безусловно, эти аспекты активно влияют и на особенности информационной деятельности религиозных СМИ. Так, определяя содержание контента, его интенсивность воздействия на аудиторию и содержание, необходимо учитывать регион распространения. В Казани, Дагестане или Туве, очевидно,

распространяются совершенно разные религиозные контенты.

Согласно реестру СМИ Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и созданной на ее основе электронной справочной системе СМИ, в России за период с1991 по 2018 год учреждено более 900 религиозных печатных изданий (https://digital.gov.ru/ru/).

Классифицируются данные издания на основании конфессионального признака следующим образом:

1. Православие – более 400;
2. Ислам – более 50;
3. Буддизм – около 20;
4. Иудаизм – около 20;
5. Католицизм – около 15.

У остальных изданий религиозной направленности прояснить конфессиональный статус не представляется возможным.

Естественно, что наибольшую активность в настоящее время в информационной деятельности, в том числе, в Интернете демонстрирует Русская Православная Церковь. На сегодняшний момент она пользуется следующими технологиями: печатные СМИ; различные виды интернет-СМИ; телевидение; радио.

Более того она постоянно организовывает мероприятия, которые преследуют две важные цели: повышают качество уровня церковной журналистики; консолидируют православное журналистское сообщество.

Естественно, в регионах, где большинство населения можно идентифицировать как православное издается больше православных или общецерковных изданий. Московская Патриархия издает два общецерковных печатных СМИ: газета «Церковный вестник» и журнал Московской Патриархии.

Естественным образом издания, информирующие о жизни мусульманской умы, выпускаются в основном в регионах, где преобладает мусульманская община. В России это Ингушетия, Чечня, Башкортостан, Татарстан, Свердловская, Оренбургская, Нижегородская области и проч. Однако, до сих пор не предусмотрено ни одного общероссийского мусульманского издания, единого для всех.

Если говорит о еврейских общинах в нашей стране, то в их информационной деятельности, этноцентричность – главная особенность. Как правило, изданий совсем немного, и они все делают акцент на том, что иудаизм является религией еврейского народа. Отсюда и соответствующая тематика: новости из Израиля; политические и общественные вопросы; бытование еврейского народа в нашей стране и в мире.

Следовательно, нет возможности между «иудаистской» и «еврейской» прессой провести хоть какую-то грань.

Необходимо отметить, что уже более 15 лет уровень религиозности россиян подвергается социологическим исследованиям. Но до сих пор не было сделано однозначного социологического исследования о приверженцах различных религий в нашей стране в процентном и количественном соотношении. Бо-

лее того каждый исследователь чаще всего использует собственные методики и критерии, следовательно, итоговые цифры всегда различаются и причем достаточно существенно. Чаще всего все работы делают ссылки на крупные социологические центры и их подсчеты [8, с. 253-255].

Как правило, основными такими центрами являются: исследования, которые проводят специалисты Института социологии РАН; Всероссийская перепись населения, проведенная в 2002 году; Фонд «Общественное мнение»; Левада-Центр; Всероссийский центр изучения общественного мнения; источники, которые предоставляют религиозные организации; свидетельства, имеющие косвенный характер.

Следует отметить, что все эти центры исходят из того, что российское законодательство ввело специальный термин «традиционные религии». На основании Закона о свободе совести, данными религиями являются: христианство; иудаизм; буддизм; ислам.

Несмотря на то, что религиозные организации сегодня имеют огромное количество собственных сайтов, а их медийный поток вполне сравним с общим потоком русского Интернета, а качество зачастую и выше, следует сказать, что такого явления как религиозный Рунет до сих пор не существует. В настоящее время лишь существуют отдельные тематические сектора Рунета традиционных религий: православие, ислам, иудаизм, протестантство. При этом указанные сектора между собой никак не интегрированы, и подобная интеграция пока не предвидится.

Как правило, в случае организаций религиозной направленности Интернет – это самый медийный канал. Данный факт обусловлен тем, что Интернет помогает установить устный вид коммуникации, который является старейшим. Более того, Интернет – это адекватный дискурс, которым пользуются и отдельные верующие, и целые общины.

Необходимо отметить, что в 1996 году появился первый религиозный сайт в России, посвященный, естественно, Православию. После этого сайты подобного направления стали появляться в ускоренном темпе.

Выделим статистику:

• 150 сайтов в 1998 году;

• 300 сайтов в 1999 году;

• 1200 сайтов в 2017 году.

На сегодняшний день созданы специальные христианские каталоги, в которых только сайтов, посвященных христианству, – более 3000. Между тем, нельзя забывать и о других религиях, которые традиционно уважаемы в нашей стране.

Раздел «Религия» можно найти во всех известных поисковиках: Мейл.ру, Рамблер, Яндекс и др. Все эти поисковики предлагают и христианские сайты, и сайты иных традиционных конфессий.

В то же время отметим, что стабильностью отличаются все запросы в Интернете, которые касаются религии. При этом наибольший спрос имеет инфор-

мация следующей направленности: новости, календарь, культура.

Заметим, что православные сайты посещаются гораздо активнее, чем сайты других религий. Иными словами россияне, являясь все-таки христианами, интересуются больше собственной религией, чем иными религиями. И это неудивительно. То есть, религиозная принадлежность сайта в классификации рассматривается в качестве первого критерия. Следующим принципиальным критерием является интернет-проект, который выбирает религия. А уже, исходя из этого, определяется и тематика, и основные характеристики сайта.

Здесь мы выделяем три подгруппы, на которые согласно своей религиозной принадлежности, подразделяются все религиозные ресурсы Рунета:

1) ресурсы, которыми обладают традиционные религиозные организации;

2) ресурсы полирелигиозного характера;

3) ресурсы парарелигиозные, на которых вне институциональных религий идет духовный поиск.

Кроме того, на свои подгруппы подразделяются и группы традиционных религиозных организаций: христианская, исламская, буддийская, иудейская.

Ресурсы парарелигиозные также разделяются на определенные виды:

• сайты НРД (новых религиозных движений);

• сайты эзотерических практик;

• сайты по оккультизму;

• сектантские сайты.

Анализ контента религиозных сайтов Рунета, религиозных интернет-изданий показывает, что приоритетными тематическими направлениями сайтов Рунета являются вопросы культуры (исторические личности, важнейшие события и знаковые даты, а также рецензии на книги и фильмы, просветительские материалы, сведения об искусстве, анализ культурных феноменов и тенденций). По-прежнему в сфере внимания религиозных сайтов остаются проблемы нравственности, благотворительность и социальная деятельность [9, с. 311-312].

Подводя итог, можно сделать вывод, что в нашей стране активно внедряются в сознание два направления:

• усиливается роль коммуникации между отдельными религиозными группами;

• полностью реализуется принцип религиозной свободы.

Подобные направления требуют постоянного обновления пиар-технологий, которые помогают взаимодействовать российскому обществу и религиозным организациям, что жизненно важно для нашей многоконфессиональной страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коханая О.В. Иконопись как содержательная составляющая духовности человека // Глобализация и русский мир: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26-28 октября 2016 г.) / Науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт,

2016. – С. 192-196.

2. Поелуева Л.А. Русская цивилизация: перспективы достижения высшей эффективности // Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26-28 октября 2016 г.) / Науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 33-38.

3. Пищик А.М. Стратегия единения народов России: методология проектирования // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25-27 октября 2017 г.) / науч. ред. Е.В. Валеева, С.В. Напалков, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2017. – С. 109-114.

4. Иванова Т.Н. Современная русская православная периодическая печать: типология, основные направления, жанровая структура: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 175 с.

5. Кашинская Л. В. Христианская печать России: структура, типология // Вестник Московского университета. – 2003. – № 2. – С. 101-113.

6. Сухов П.В. Интернет-СМИ Рунета: системные характеристики: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 199 с.

7. Напалков С.В. Формирование ценностного отношения подростков к русской культуре и традициям // Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26-28 октября 2016 г.) / Науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 351-354.

8. Силантьев Р. Новейшая история ислама в России. – М.: Алгоритм, 2007. – 576 с.

9. Смеюха В.В. Влияние сети Интернет на медиапотребление женской аудитории // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы: сборник материалов III конференции PMMIS (Post massmedia in the modern informational society) / Под общей редакцией М.В. Загидуллиной. – Челябинск: ЧелГУ, 2019. – С. 310-313.

NEW TRADITIONALITY OF INFORMATION ACTIVITIES OF RELIGIOUS MEDIA IN THE INTERNET SPACE

Y.A. Golovin, O.V. Kokhanaya

The authors analyze the communicative interaction of Russian society and traditional religious organizations, primarily the Orthodox faith, through the media system, including in the Internet space, which is extremely important for our multiconfessional country.

Keywords: Russian Orthodox Church, religious organizations, interfaith relations, resacralization, media system, Internet, religious sites.

РАССМОТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА КАК ИНСТРУМЕНТА ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАШЕГО СОЦИУМА

Е.Л. Ковалева

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, естественно-географический факультет, кафедра географии, экологии и землеустройства, кандидат биологических наук, доцент

Россия, 241023, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14

Тел.: 89308248777, e-mail: zhenya_2584@mail.ru

Рассматриваются актуальные проблемы исследования качества жизни. В связи с различными рисками современного социума (как экологическими и экономическими, так и социальными и политическими) возрастает потребность в инструментах определения тех факторов, которые влияют на здоровье / нездоровье людей, способствуют изменению качества их жизни. С точки зрения автора, таким инструментом служит социально-экологический мониторинг. Благодаря этому социологическому методу исследований можно создать объективную картину состояния исследуемого явления, а также проследить его динамику на протяжении определенного отрезка времени.

Ключевые слова: качество жизни; мониторинг; социальная политика; здоровье; экология.

Актуальность обращения к такому инструменту изучения качества жизни населения, как социально-экологический мониторинг, несомненна. Данные социологический метод [1] является одним из важнейших направлений единой системы государственного собственно экологического мониторинга в нашей стране. Взаимоотношения общества и окружающей среды требуют пристального внимания госструктур [2], ученых-экологов и социологов, затрагивают интересы как социума в целом, так и каждого индивида. Естественно, что выводы об экологическом состоянии среды, о качестве жизни [3] должны быть основаны на достоверной и тщательно исследованной экологической информации, которая может быть интерпретирована через как можно более близкие к практике прикладные социологические концепции [4].

Что же представляет собой понятие социально-экологического мониторинга? С точки зрения ученых, это «процесс нахождения предварительной информации о путях и способах организации взаимоотношений между обществом и природой» [6, 7]. Из этого определения проистекает и объект данного вида мониторинга. Конечно, это социум в целом. Стоит всё же обратить внимание на то, что данный объект находится на макроуровне, но для достижения такого положения необходимо рассмотреть и организменный, и популяционный уровни – каким образом индивиды взаимодействуют с окружающей средой на данных уровнях.

Исходя из того, что социально-экологический мониторинг – исследование многофакторное, проводимое во многих аспектах, объединенных одной целью, важно учитывать следующее: не только экологические и социальные, но и отчасти экономические условия жизнедеятельности системы «природа – человек -

общество» необходимо рассматривать как равноправные аспекты среды функционирования каждого из её составляющих, причем не стоит забывать об изучении показателей качества жизни и уровня здоровья индивида.

Отсюда вытекает уточненная трактовка социально-экологического мониторинга как «совокупности методов исследования социальной реальности и окружающей среды одновременно» [8]. Рассмотрим задачи данного мониторинга. Во-первых, это как экологическая, так и гигиеническая оценка (диагностика) факторов среды обитания и здоровья людей. Во-вторых, задачей является обнаружение причинно-следственных связей в таком аспекте, как взаимозависимость состояния здоровья людей и тех или иных факторов их среды обитания. Причем все это необходимо проводить на основании системного анализа. Еще одной важной задачей признается необходимость создания федерального информационного фонда [9]. При анализе материала нами выявлены два блока, содержащие показатели социально-экологического мониторинга. Эти блоки содержат результаты дифференциации по следующим основаниям: 1) состояние здоровья населения; 2) состояние среды обитания.

При проведении социально-экологического мониторинга используется так называемая «саноинформационная система». Что она включает? Это интегрированный тип локально-темпоральных статданных о различных параметрах здоровья (инвалидности [10], заболеваемости [11] и тому подобном), причем эти статданные призваны обеспечивать принятие эффективных, результативных решений по управлению в социальных областях деятельности людей [12]. Сферы применения этих данных различны: это и медико-экологическая, и медико-географическая, и социально-экономическая (рисунок 1).

Нужно в данном ракурсе отметить, что создаются благоприятные условия для реализации возможностей всеобъемлющего разрешения взаимозависимых проблем экологического состояния в блоке «окружающая среда – человек - общество».

Отметим, что в рамках исследуемого понятия можно рассмотреть и такие подходы к качеству жизни и уровню здоровья людей, как биомедицинский и социальный. При первом из них здоровье часто трактуется как отсутствие болезни (нарушений, неспособности) не только телесной, но и душевной.

При этом основополагающим критерием здорового состояния организма является оптимальное функционирование всех органов и систем. Чтобы поддержать или обеспечить здоровье, с точки зрения биомедицинского подхода необходимо интенсивное применение всевозможных медтехнологий, в том числе и новых, а именно биомедицинских. Они призваны не только вернуть систему в заданные параметры, но даже в отдельных случаях и усовершенствовать её.

Второй же подход, социальный, предполагает изучение так называемого «общественного» здоровья. Это понятие включает в себя демографию [13], заболеваемость разными видами нозологий, рассмотрение причин смертности в различных половозрастных группах, изучение количественных и качественных

показателей здоровья трудоспособного населения, анализ отношения к здоровью и здравоохранению в масштабах всей популяции, а также исследование экономических [14] и социальных предпосылок обеспечения здоровья населения [15]. При социальном подходе здоровье людей предстает в качестве ресурса для оптимального, эффективного функционирования на благо всего общества.

Рис. 1. Структурные компоненты саноинформационной системы

Таким образом, в данном ракурсе критерием здоровья является социальная эффективность жизнедеятельности индивида. Называются меры по улучшению здоровья, одной из важнейших является совершенствование социальной политики государства в тех сферах [16, 17], которые связаны со здравоохранением как социальным явлением. Это и сам институт здравоохранения, и образование [18, 19, 20, 21], и социальная защита [22], и разработка соцтехнологий сохранения и укрепления здоровья, и качественная подготовка будущих медиков [23, 24], и т.п.

Исследования посредством социально-экологического мониторинга, объединяя два вышеназванных подхода, вносят в понятие «здоровье» элемент социальной адаптации человека [25]. Комбинированный подход, отражающий современные направления развития социально-экологического мониторинга, проявился в определении здоровья Г.Л. Апанасенко и Л.А. Поповой, где авторы оценивают здоровье как «социальную ценность, представляющую из себя результат взаимодействия индивида и окружающей среды» [26].

В настоящее время определение биофизических возможностей индивида довольно полноценно разработано в медицине, антропологии, гигиене, экологии человека, но все критерии оценки степени биосоциальной адаптированности людей детерминируются самоанализом состояния организма. Поэтому для выявления объективных показателей биосоциальной адаптации человека необходимо введение дополнительных оценочных моментов (критериев), один из них – качество жизни. Данное понятие включает в себя как психолого-социальное, так и физическое и духовное благополучие. Духовность (как компонент высокой культуры) индивида и социума является показателем цивилизованности общества, уровня его развития [27, 28, 29]. Поэтому в социально-экологическом мониторинге появился термин «качество здоровья». Важно, что оценку качества жизни производит сам человек.

Сегодня категория «качество жизни» получила цифровое или балльное выражение, благодаря чему проводят количественное сравнение данной категории у тех или иных представителей нашего социума, что помогает, в свою очередь, «оценивать экологическую составляющую в поддержании качества жизни, проводить мониторинг в динамике оздоровительных мероприятий в социально-экологическом мониторинге» [30]. Обратимся к трактовке понятия «качество жизни» Всемирной организацией здоровья (ВОЗ). Это «оптимальное состояние и степень восприятия отдельными людьми и населением в целом того, как удовлетворяются их потребности (физические, эмоциональные, социальные и пр.) и предоставляются возможности для достижения благополучия и самореализации» [25] (рисунок 2).

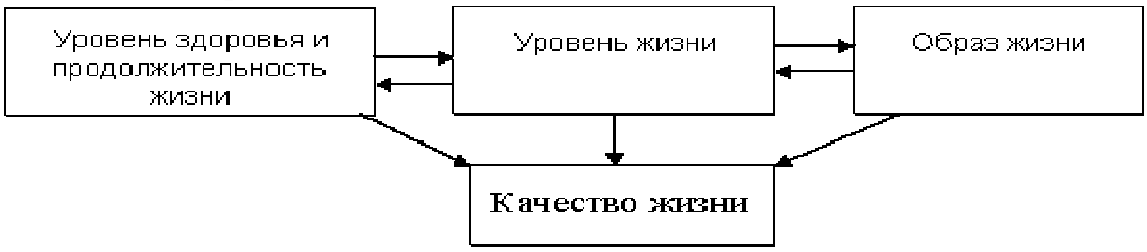


Рис. 2. Структура качества жизни по Когуту и Рохчину [31]

Такой компонент, как «уровень здоровья и продолжительность жизни» населения, является очень важной структурной составляющей качества жизни.

Итак, мы рассмотрели социально-экологический мониторинг в качестве инструмента исследования качества жизни населения. При данном методе исследования учитываются такие индикаторы, как состояние здоровья людей, средняя продолжительность жизни, смертность (в том числе материнская и детская), заболеваемость и т.п.

В настоящее время установлено, что такой показатель здоровья индивидов, как средняя продолжительность жизни (да и другие), в большей мере зависит от степени загрязнения окружающей среды. Поэтому необходимо развивать направления социально-экологического мониторинга в сложившейся экологической ситуации, включающей оценку и сравнение параметров качества от-

дельных компонентов природной среды с действующими нормативами, проведение специальных медико-экологических исследований, направленных на выявление негативно влияющих факторов окружающей среды на здоровье населения с учетом их комплексного воздействия, выделение зон с различной степенью напряженности экологической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лифанова Т.Е., Голенкова О.В. Мониторинг качества обслуживания как основа развития социальной сферы // Современные исследования социальных проблем. – 2014. – № 4 (20). – С. 227-239.

2. Бубнова А.Ю. Рожкова Е.В., Шилина С.А., Штельмухова М.А. Социологический анализ социальной политики государства в современном обществе // Дискурс. – 2018. – 5 (19). – С. 96-107.

3. Гостенина В.И., Волкова Г.Г., Кузина С.А., Лупенкова Е.Ю., Шилина С.А. Качество жизни: отражение социальной практики управления в российском обществе // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований за 2009 год. – Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2010. – С. 96-104.

4. Коркия Э.Д., Курбанов А.Р., Мамедов А.К. Концепт экологической культуры: «пределы роста» или резервы для развития // Экология и промышленность России. – 2017. – № 6. – С. 58–63.

6. Агаджанян Н.А. Качество жизни, экология, здоровье. – Астрахань: Изд-во Астрах, гос. мед. акад., 1996. – 260 с.

7. Здоровье в контексте взаимовлияния риск-факторов: эколого-социальный анализ / Под ред. Н.Н. Моисеева // Зеленый мир. – 1998. – № 26. – С. 19-21.

8. Ковалева Е.Л. Факторы риска здоровью для оценки качества жизни подростков в эколого-гигиеническом мониторинге (на примере Брянской области) // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3.

9. Ковалева Е.Л. Качество жизни детей и подростков в социально-экологическом мониторинге территории (на примере Брянской области): автореф. дис. ... кандидата биологических наук. – Брянск, 2013. – 22 с.

10. Рогачева Л.В., Киричек П.Н. Модель социальная вместо медицинской: проблемы инвалидности в стране // Актуальные проблемы обеспечения устойчивого экономического и социального развития регионов: сборник материалов 4 международной научно-практической конференции. – 2013. – С. 49-52.

11. Ковалева Е.Л. Районирование территории Брянской области с использованием медико-демографических критериев и индекса комплексной оценки здоровья // Вестник БГУ. Сер. Точные и естественные науки. – 2012. – № 4. – С. 97-100.

12. Киричек П.Н. Правовое поле социальной политики: вектор изменений // Система ценностей современного общества. – 2014. – № 33. – С. 52.

13. Комков Д.Е., Киричек П.Н. Регионы в зоне демографического риска: минус-тенденции миграции и урбанизации // Регионология. – 2017. – № 1 (98). – С. 139-148.

14. Комков Д.Е., Киричек П.Н. Риски урбанизации в потенциале экономики // Актуальные проблемы современного общества. – 2016. – № 4. – С. 84-89.

15. Пидде А., Кривошеев Г., Киселев А. Проблемы выхода из кризиса российского здравоохранения // Общество и экономика. – 2001. – № 1. – С. 146-160.

16. Шилина С.А., Штельмухова М.А. Отражение социальной политики государства по укреплению института семьи в управленческом дискурсе (на основе социологического опроса) // Дискурс. – 2017. – 8 (10). – С. 141-157.

17. Киселев А.Г., Киричек П.Н. Тренды политической коммуникации в контексте со-

циальной модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019 – № 19 (2). – С. 322-336.

18. Шилина С.А. Социологический аспект современного образования как генератора социальной мобильности // Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина: сборник материалов XIII Международной научной конференции. – М.: МАКС Пресс, 2019. – С. 1654-1658.

19. Мамедов А.К. Университет в информационном обществе: новые вызовы и реалии // Университет в глобальном мире: новый статус и миссии: сборник материалов XI Международной научной конференции. – 2017. – С. 169-171.

20. Лифанова Т.Е. Реализация принципа регионализации в профессиональной подготовке социального работника: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2006. – 131 с.

21. Киричек П.Н. Университет в поле социального заказа // Социальные и психологические проблемы современного образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 183-188.

22. Лифанова Т.Е. Современные требования к подготовке социальных работников. – Брянск, 2010. – 102 с.

23. Шилин А.М. Практическая составляющая профессионального образования: проблема реализации при подготовке студентов медицинского вуза // Дискурс. – 2018. – 3 (17). – С. 103-119.

24. Мелехова Л.С., Ильин М.М., Шилин А.М. Роль и место практической составляющей в преподавании лучевой диагностики и лучевой терапии. – Смоленск. – С. 204-206.

25. World Health Organisation. Cancer pain relief. – Geneva.WHO, 1986. – P. 5.

26. Апанасенко Г.Л., Попова Л.А. Медицинская валеология. – Киев: Здоровья, 1998. – 248 с.

27. Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Новые контуры социального неравенства: тренды становления // Перспективы науки. – 2014. – № 2 (53). – С. 93-100.

28. Мамедов А.К., Чудновская И.Н., Коркия Э.Д., Обрывалина О.А., Липатова М.Е. Социология культуры: сборник рабочих программ. – Москва, 2018. – 146 с.

29. Мамедов А.К., Коркия Э.Д. Цивилизация стандарта как итог социального потребительства // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2015. – № 3 (138). – С. 40-43.

30. Давыдова Е.В., Давыдова А.А. Измерения качества жизни. – М.,1993. – 52 с.

31. Когут А.Е., Рохчин В.Е. Региональный мониторинг: качество жизни населения. – СПб., 1994. – 87 с.

CONSIDERATION OF SOCIAL AND ENVIRONMENTAL MONITORING AS AN INSTRUMENT FOR DETERMINING THE QUALITY OF LIFE OF SOCIETY

E.L. Kovaleva

The article deals with the actual problems of quality of life research. In connection with various risks of modern society (both environmental and economic, as well as social and political), the need for tools to determine the factors that affect the health / ill health of people, contribute to the change in the quality of their lives. From the author point of view, such a tool is social and environmental monitoring. Thanks to this sociological method of research, it is possible to create an objective picture of the state of the phenomenon under study, as well as to trace its dynamics over a certain period of time.

Keywords: quality of life, monitoring, social policy, health, ecology.

ПОТЕНЦИАЛ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В НООСФЕРНОЙ АКСИОЛОГИИ БЕЗОПАСНОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

М.Н. Миловзорова

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, факультет международного промышленного менеджмента и коммуникации, кафедра менеджмент организации, кандидат философских наук, доцент

Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 1

Тел.: 89522426592, e-mail: znaumeru@yandex.ru

Для решения задачи достижения баланса между техносферой и биосферой нами предлагается принципиально иная система ценностей, ядром которой выступает ценность Любви – ноосферная аксиология. Целесообразность исследования отличительных особенностей комплекса ценностей русской цивилизации обусловлена тем, что именно эта система ценностей наиболее полно соответствует в исторической ретроспективе ноосферной аксиологии, которая в настоящее время заключает в себе потенциальную возможность для осуществления объективного процесса глобализации в контексте парадигмы ненасильственного развития глобального общества.

Ключевые слова: безопасное развитие социальных систем, техносфера, биосфера, качество жизни, ноосферная аксиология.

В современных условиях глобального системного кризиса возрастает необходимость формирования *мировоззренческих основ* безопасного развития социальных систем. Существенную угрозу безопасности биосферы, человека и общества представляют императивы экономической системы расширенного воспроизводства: максимизация производства, максимизация прибыли и максимизация потребления. В свою очередь, для выполнения данных требований были сформированы новый тип человека – человек Потребляющий (homo consumers) и новый тип культуры – массовая культура потребления. Базисом данной культуры выступают следующие ценности: конкурирующий индивидуализм (эгоизм), этический релятивизм, либерализм, гедонизм, нарциссизм, потребление, конформизм, толерантность, унификация и другие.

Для решения задачи достижения баланса между техносферой и биосферой нами предлагается принципиально иная система ценностей, ядром которой выступает ценность Любви – *ноосферная аксиология* [4].

Целесообразность исследования отличительных особенностей комплекса ценностей русской цивилизации обусловлена тем, что именно эта система ценностей наиболее полно соответствует в исторической ретроспективе ноосферной аксиологии, которая в настоящее время заключает в себе потенциальную возможность для осуществления объективного процесса глобализации в контексте парадигмы ненасильственного развития [5] глобального общества, для формирования единой цивилизации ноосферы, то есть той глобализации, о которой писал В.И. Вернадский и его последователи в своих работах. Так, для решения этой задачи 25 октября 2017 года было создано Русское Космическое

Общество. Одним из проектов, реализуемых Русским Космическим Обществом, является Космическое Женское Послание. Проект создан с целью акцентирования внимания на ведущей роли женщин в деле сохранения Жизни, защиты Любви как стержневой ценности человеческой цивилизации, безопасного развития социальных систем. Именно на таких мировоззренческих принципах возможно полноценное освоение космоса. Предполагается вовлечение в проект женщин, которые осознают свою ответственность за *качество* процессов, происходящих в современном обществе, которые способны принимать участие в выстраивании векторов целей при формировании образа будущего. Такие женщины могут стать соавторами Космического Женского Послания.

Согласно органической интерпретации русской идеи, совместная жизнь на Земле должна строиться на началах любви. Любовь есть основополагающая ценность русской цивилизации, вокруг которой (здесь автор использует метафору стержневой корневой системы у растений) формируются остальные: защита жизни, нравственное здоровье, воспитание и усовершенствование духа, справедливость, совесть, интуиция, свободолюбие, соборность как ответственность за других людей, всемирная отзывчивость. Любовь – это прежде всего духовная *воля к совершенству* предмета любви [2, с. 59]. Это касается и любимого человека, и любимого Отечества, и любимой природы, и любимой планеты, и любимой Вселенной – и так до бесконечности. А. Швейцер называл этику Любви, не имеющей пределов, «этикой благоговения перед жизнью». А.И. Субетто подчеркивал, что любовь в ее онтологическом понимании есть скреп человеческого бытия, основа преодоления «цепи времен», и связывал это с той причиной, что «бесконечность географического пространства, как ни в какой другой стране, переходит в бесконечность «географии» русской души. Обе они требуют такой же большой любви, скрепляющей большое пространство» [10, с. 78., с. 86]

Основным требованием конкурирующего индивидуализма как базовой ценности западной цивилизации является дискредитация и искоренение Любви как ценности, направленной на развитие человека и окружающего его мира. Основная ложь и зло эгоизма заключается в том, что, приписывая себе безусловное значение и абсолютную ценность, человек *отказывает другим* в этом значении, признавая себя центром жизни, он других помещает на периферию своего бытия, оставляя за ними лишь относительную ценность. Полагая, что смысл человеческой любви есть оправдание и спасение индивидуальности *через жертву* эгоизма, В.С. Соловьев выявил в статье «Смысл любви»: «Любовь, как действительное упразднение эгоизма, есть действительное оправдание и спасение индивидуальности» [9, с.152].

Феномен преодоления эгоизма через сострадание раскрыл в работе «Свобода воли и нравственность» А. Шопенгауэр, различавший *три основные пружины* человеческих поступков: 1) эгоизм, который желает безграничного собственного блага; 2) злоба, которая считает благом чужое горе и стремится к этому; 3) сострадание, которое хочет чужого блага и потому служит действи-

тельной основой *свободной* справедливости и *подлинного* человеколюбия. На наш взгляд, злоба есть лишь вариация, частный случай эгоизма, и мы бы оставили всего две «пружины»: эгоизм и его диалектическую противоположность – любовь, то есть способность к состраданию. Сострадание Шопенгауэр связывал с упразднением *разницы* между людьми, с *отождествлением* одного человека с другим человеком и желанием блага другому человеку как желанию блага своего собственного [13, с.205-207]. Помимо упразднения разницы налицо и упразднение эгоизма тогда, когда человек чувствует горе *другого* как свое собственное. Как же возможно такое отождествление себя с другим? Только с помощью *познания*, метафизического умозрения, и Шопенгауэр заключает, что чем более развит интеллект, тем больше повышается и восприимчивость к страданию, способность словно выйти за пределы эгоизма, после чего «не-я» до некоторой степени превращается в «я» [13, с.241, с.206]. Такая верно подмеченная взаимосвязь интеллекта и духа приводит нас к выводу о том, что для того, чтобы в обществе преобладали «пружины» сострадания, а не эгоизма и злобы, необходимо постоянно расширять кругозор граждан, а не сужать технологиями примитивизации мышления.

А. Швейцер доказывал, что мыслящий человек не может прийти ни к какому иному результату, кроме преодоления эгоизма и *благоговения перед жизнью*, проникновения в тайну жизни: «Как существо, стоящее в активном отношении к миру, человек приходит к духовной связи с ним благодаря тому, что не живет для себя одного, а чувствует себя одним целым со всей жизнью» [12, с.339]. О «преодолении границ самости», об интерпретации любви не в субъективно-психологическом, а в объективно-метафизическом смысле пишет П.А. Флоренский: «Истинная любовь есть *выход* из эмпирического и *переход* в новую действительность», в результате которого любовь к другому становится «отражением на *него* истинного ведения» [11, с.88-89]. В этом рассуждении мы вновь видим непременную взаимосвязь интеллектуального и духовного развития.

Отличительной чертой понимания соборности в русской идее можно назвать противопоставление живого неживому, органического подхода – механистическому. Если технократическая цивилизация Запада для объединения народов использовала насилие, претворяя в жизнь кредо: «спаять железом лишь и кровью», то соборность русского народа, напротив, была добровольной и обусловливалась *любовью к одним и тем же ценностям*. Эта особенность была ярко выражена в тезисе И.А. Ильина в его работе «О грядущей России» о том, что «Россия есть организм природы и духа» [3, с.162], «не случайное нагромождение территорий и племен, но *живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению.* Этот организм есть *географическое* единство, части которого связаны *хозяйственным взаимопитанием;* этот организм есть *духовное, языковое и культурное единство,* исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями – *духовным взаимопитанием;* он есть *государственное* и *стратегическое* единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне;

он есть сущий *оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия*» [3, с. 171-172].

В.Н. Сагатовский в работе «Русская идея: продолжим ли прерванный путь?» представил цепочку ключевых ценностей, которые одновременно являются категориями, раскрывающими существо русской идеи, ее «неповторимого вклада в сокровищницу мировоззренческих ценностей становящегося единого человечества» [8, с. 104], следующим образом:

Соборность → Всеединство → Софийность → Общее дело → Ноосфера.

Главной чертой русской идеи в данной цепочке выступает *соборность*, определяемая как «воля к любви против воли к власти» [8, с. 103]. Основными элементами соборности выступают: 1) сочетание (взаимная дополнительность, паритет) свободы и единства; 2) любовь как «*идущее изнутри взаимное принятие самоценности друг друга*», как *единство в многообразии*, являющаяся основой этого сочетания; 3) абсолютные ценности, на которые направлена эта любовь [7, с. 36, с. 7, с. 34]. Соборность характеризуется тем, что осмысленно волевая и бессознательная деятельность каждого участника дополняет деятельность всех других участников соборности и дополняется их деятельностью, не подавляя свободы никого из них, обеспечивая внутренний лад во взаимоотношениях участников. В основе этого лежит принцип человечности: *творческий потенциал всех и каждого реализуется волевым порядком под властью диктатуры совести*. Соборность достигается вследствие работы всех и каждого, прежде всего над собой, чтобы обрести необратимо человечный тип строя психики и соответствующее ему самообладание и помочь в достижении этого качества другим.

Русский путь к справедливости мы рассматриваем как *регулируемый совестью* синтез свободы и ответственности. Ценность справедливости тесно связана с рассмотренными выше ценностями соборности и любви, и наряду с ними занимает в системе ценностей русской цивилизации центральное место.

Слушая голос совести, русский человек выбирает путь правды и справедливости, несмотря на все угрозы и риски, сопровождающие его на этом пути, потому что для него бесчестье как гибель души страшнее гибели тела. Совесть рассматривается как врожденное религиозное чувство человека, «подключенное» к его интуитивным (надсознательным) уровням психики, на основе которого строится диалог человека и Бога, если человек не уклоняется от такого диалога. Свобода выражается в выборе пути – жить по совести либо стать носителем нравственного увечья ее отсутствия. Таким образом, совесть есть регулятор свободы человека, выбирающего путь к справедливости, по Сократу, «который как сам по себе, так и по своим последствиям должен быть высшей ценностью для человека, если тот стремится к счастью» [6, с. 73]. «*Русский человек не может быть счастлив, если где-то творится несправедливость*» [цит. по: 1, с. 145], – так Шарль де Голль уловил и выразил важнейшую черту русского характера. Эта мысль развивается в произведении И.А. Ефремова «Час быка» настолько, что настоящий человек не может быть счастлив, пасторально, поманиловски, наслаждаться бегством (или, скорее, дезертирством) в «раёк» на

какой-то отдельно взятой территории, если где-то во Вселенной творится несправедливость.

Таким образом, система ценностей русской цивилизации может рассматриваться как своего рода предтеча ноосферной аксиологии безопасного развития человека и общества, осуществления объективного процесса глобализации по сценарию ненасильственного эволюционного движения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивашов Л.Г. Геополитика русской цивилизации / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт Русской Цивилизации, 2015. – 800 с.

2. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.

3. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи / Под ред. Н.П.Полторацкого. – М.: Воениздат, 1993. – 368 с.

4. Миловзорова М.Н. Проблемы развития ноосферной аксиологии как меры упреждения угроз космополитической стратегии глобализации // Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том шестой: Ноосферное образование как механизм устойчивого развития России в XXI веке: коллективная научная монография / Под науч. ред. А. И. Субетто, Г.М. Иманова. СПб.: Астерион, 2016. – С.129-134.

5. Острецов И.Н. Введение в философию ненасильственного развития: монография. Выпуск 3. – М.: Великий Град, 2013. – 320 с.

6. Платон. Государство // Платон. Диалоги / Пер. с древнегреческого. – Харьков: Фолио, 1999. – 383 с.

7. Сагатовский В. Н. Мировоззренческий проект. – М.: Издательство «Перо», 2013. – 120 с.

8. Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? – СПб.: Петрополис, 1994. – 217 с.

9. Соловьев В. С. Избранное. – М.: Советская Россия, 1990. – 496 с.

10. Субетто А. И. Слово о русском народе и русском человеке / Под науч. ред. А.В. Воронцова. – СПб.: Астерион, 2013. – 265 с.

11. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины // Оправдание Космоса / Сост., вступ. статья и примечания К. Г. Исупова. – СПб.: РХГИ, 1994. – 224с.

12. Швейцер А. Благоговение перед жизнью как основа этического миро- и жизнеутверждения // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / Пер. с англ. и франц. / Сост. Л. И.Василенко и В. Е. Ермолаевой. М.: Прогресс, 1990. – С. 328-350.

13. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность / Общ. ред., сост., вступ. ст. А.А. Гусейнова и А.П. Скрипника. М.: Республика, 1992. – 448 с.

THE POTENTIAL OF THE VALUE SYSTEM OF RUSSIAN CIVILIZATION IN THE NOOSPHERAL AXIOLOGY OF THE SAFE DEVELOPMENT OF SOCIAL SYSTEMS

M.N. Milovzorova

To solve the problem of achieving a balance between the technosphere and the biosphere, we propose a fundamentally different value system, the core of which is the value of Love - noospheric axiology. The feasibility of studying the distinctive features of the complex of values of Russian civilization is due to the fact that it is this system of values that most fully corresponds in the historical retrospective of noospheric axiology, which currently contains the potential for implementing the objective process of globalization in the context of the paradigm of nonviolent development of global society.

Keywords: safe development of social systems, technosphere, biosphere, quality of life, noospheric axiology.

КАТЕГОРИЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» И РУССКИЙ МИР В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.Л. Панищев

Севастопольский государственный университет, кафедра теологии и религиоведения, кандидат философских наук, доцент

Россия, 299053, Респ. Крым, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Тел.: 88692222911, e-mail: alexeipl1980@mail.ru

Рассмотрена тема толерантности в христианстве русского мира. Обращено внимание на то, что нельзя всю этическую часть Христианства сводить к всепрощению и милосердию. Разумеется, в Христианстве особое место отводится благословению и милости Бога, но также заметное место сохраняется за такими категориями, как гнев Божий, проклятие и наказание. Игнорирование норм религиозной морали проводит не к развитию светских отношений в стране, а к обострению внутрисоциальных противоречий и провоцированию религиозного экстремизма. Лучшей профилактикой такого рода негативных явлений является практическое уважение этических норм.

Ключевые слова: Христианство, этика, человек.

Примириться со злом – значит
самому стать безнравственным человеком
В.А. Сухомлинский

В течение последних двух десятилетий в медиа-пространстве заметное место приобрело понятие толерантности. В контексте данной работы мы обратим внимание на Христианство и поставим вопрос: найдётся ли место для Христианства в толерантном обществе? Соответственно, мы вопрошаем: имеет ли какое-либо значение толерантность в христианском мировоззрении?

Изначально термин «толерантность» употребляли в медицинском контексте. Так, в «Советском энциклопедическом словаре» это понятие определяется как: «Иммунологическое состояние организма, при котором он неспособен синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена в ответ на введение определённого антигена при сохранении иммунной реактивности к другим антигенам» [4, с. 1332]. Отмечается, что толерантность является терпимостью к чужим мнениям и поведению. Этимологически термин происходит от латинского слова «tolerantia» – «терпение», «принятие». В «Современном словаре иностранных слов», изданном в 1992 году, толерантность также определяется как «полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности...» [5, с. 610]. В этом же словаре отмечается, что толерантность – это «терпимость, снисходительность к кому-либо, чему-либо». Тем не менее термины «толерантность» и «терпимость» не являются синонимичными. «Терпимость предполагает допущение существования какого-либо феномена, но не его принятия в качестве органичной части своей жизни. Так, русские люди вполне терпимо относились к тому, что многие народы, объединённые в границах России, исповедовали ислам или католицизм, вполне мирно соседствовали с представителями этих религий, однако сами сохраняли верность Христианству, а если оказыва-

лись в критическом положении, то нередко предпочитали умереть христианами, но не принимать магометанскую или латинскую веру. Толерантность же предполагает некое признание равнозначности, например, вышеобозначенных религий, а, стало быть, принятие той или другой из них теряет принципиальность и становится ситуативным решением» [3, с. 285]. В «Словаре синонимов русского языка» (М., 1998) толерантность ассоциируется со снисходительностью, однако полагаю, что это лишь приближённая ассоциация, поскольку снисхождение происходит от высшего к низшему. Толерантность же предлагает восприятие иных форм поведения в качестве равнозначных собственным.

В России принципы межрелигиозных отношений отображены в завещании Феодосия Печерского. Приведём фрагмент текста этого завещания: «Вере латинской (католической) не приобщайтесь, обычаев их не придерживайтесь, причастия их бегайте и всякого учения их избегайте и нравов их гнушайтесь... Не подобает также, чадо, хвалить чужую веру. Хвалящий чужую веру – все равно, что свою хулит. Если кто начнет хвалить и свою и чужую, то он двоевер, близок к ереси... Твори милостыню не своим только по вере, но и чужеверным. Если увидишь нагого или голодного, или в беду попавшего, – будет ли то жид или турок, или латинянин, – ко всякому будь милосерд, избавь его от беды, как можешь...».

Следует признать, что этот текст, написанный в XII веке, полностью согласуется с библейскими нормами, изложенными в Ветхом Завете. Так, в Библии сказано: «Если найдёшь вола врага твоего, или осла его, заблудившегося, – приведи его к нему. Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставляй его: развьючь вместе с ним» (Исход 23:4-5). Не менее примечательны следующие слова: «Один суд должен быть у вас, как для пришельца, так и для туземца» (Левит 24:22). Согласно нормам Торы запрещено притеснять иноземца (Исход 22:21). Это же положение мы читаем в пророческой Книге Иеремии, где сказано: «Так говорит Господь: производите суд и правду и спасайте обижаемого от руки притеснителя, не обижайте и не тесните пришельца...» (Книга Иеремии 22 : 3). Однако, внимательно прочтя Библию, мы увидим, что нормы толерантности ей малосвойственны. В Торе изложена юридическая составляющая древнееврейского общества, в котором за целый ряд преступлений полагалась смертная казнь. Строго говоря, большинство граждан РФ, оказавшись в правовом пространстве Торы, были бы обречены на смерть. Причём многие деяния современными людьми даже не считаются настоящими преступлениями, так оскорбление родителей в современной России может осуждаться морально, но вряд ли кто предположит, что по Библии за это полагается смерть (Исход 21:17; Левит 20:9). Между тем, сквернословие, то есть матерная лексика в религиозном сознании трактуется как ругань по матери, позорное оскорбление матери. Также мало какая женщина может предположить, что выходить замуж положено девушкой, в случае же её замужества в состоянии опороченности её могут побить камнями пред домом её отца (Второзаконие 22:14-24). В современном толерантном обществе даже публично озвученные мысли о преступности

развратного образа жизни вызовут агрессивную реакцию. В целом, по нормам Торы существует ряд преступлений, который караются смертью.

Ошибочно полагать, что Христианство есть религия бесконечного всепрощения, а точнее – потворства порокам. Откровенная преступность людей не может уживаться с божьим благословением и милосердием, а помимо прощения есть и гнев божий. Обычно апологеты идеи всепрощения ссылаются на 8-ю главу Евангелия от Иоанна, где описано, как Христос избавил от побивания камнями женщину, уличённую в прелюбодеянии. Однако, в действительности ситуация, описанная в этой главе, выглядит не столь радужной и толерантной, как это представляют некоторые люди. Во-первых, фарисеям необходимо было спровоцировать агрессию против Христа, чтобы расправиться с Ним. По римским законам (Древняя Иудея в то время была провинцией Римского государства) смертная казнь в виде побивания камнями не признавалась. Поэтому если бы Христос одобрил бы применение смертной казни в отношении этой женщины, то иудеи обратились бы к римской администрации, обвинив Христа в попрании законов Рима. Однако, если бы Христос призвал бы отпустить женщину, то иудеи обвинили бы Христа в пренебрежении правовых норм Священного Писания, данных Богом через Моисея. В этом случае фарисеи спровоцировали бы своих ортодоксальных иудеев на агрессию против Христа. Во-вторых, согласно Левиту побивают камнями и прелюбодейку, и прелюбодея, то есть обоих преступников. Однако к Христу привели только обесчещенную женщину, а мужчина – второй участник этого греха – избежал ответственности. Примечательна и формулировка ответа Христа: «Кто из вас без греха, первый брось на неё камень». По закону первыми бросают камень сами свидетели преступного деяния (Второзаконие 17 : 7). Это не означает того, что все люди совершали прелюбодеяние, однако среди, как минимум, двух свидетелей не было того, кто не совершал подобного преступления. Таким образом, столь разумный ответ Христа и сохранил жизнь женщины, оставив ей возможность к покаянию, и лишил фарисеев возможностей расправы над Христом. Здесь мы видим, что Христос не благословлял и не оправдывал грехи людей, напротив, он освобождённой женщине говорит: «Иди и впредь не греши». В-третьих, необходимо обратить внимание на продолжение этой библейской главы, где Христос глаголет следующее: «Если и сужу Я, то суд Мой истинен, потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня. И в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно. Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня». Как уже отмечалось, для обвинения человека в каком-либо преступлении необходимы свидетельства, как минимум, двух человек (Числа 35 : 30; Второзаконие 17 : 6; 19 : 15). В данном случае речь идёт о Свидетелях в лице Бога-Отца и Бога-Сына. Таким образом, на примере данного эпизода мы видим, что в Библии нигде нет оправдания греха, тем более столь тяжкого как прелюбодеяние. Однако нельзя священные законы использовать в частных интересах наживы или властолюбия. Человек осуждается ради того, чтобы в обществе было более безопасно жить, но не для того, чтобы частные

лица обогащались или утверждали свою власть.

Разумеется, было бы несправедливо утверждать, что толерантность совершенно чужда религиозному мировоззрению христианского мира. Для христиан свойственно уважение к людям иных религиозных традиций, если таковые не связаны с богохульством или не граничат с такими преступлениями, как ритуальное убийство или ритуальный разврат. Однако проблема современного общества состоит в том, что в нём под видом светского законодательства легитимируются такие формы поведения, которые ведут к моральному и генетическому вырождению наций и по нормам Христианства считаются тяжкими каноническими преступлениями. Именно в этом состоит одна из главных причин противоречий между религиозными и светскими обществами. Так, выглядит неразумным то, что в светских СМИ встречается реклама оккультных услуг, которые по Библии и по Корану считаются тяжелейшими преступлениями.

Такое положение дел лишь провоцирует всплески радикального исламизма. Ослабление роли Церкви в социуме приводит к подрыву основ государства и человеческого бытия. Р.М. Рупова верно замечает: «Разрыв с христианской традицией, падение авторитета науки, – приводит к соблазну оккультизма» [6, с. 6]. Вызывает недоумение то, что в России суды «рассматривают иски по поводу ненадёжного качества оказания оккультных услуг» [7, с. 14]. Прискорбным фактом стало то, что из российского общества изгнано понятие целомудрия и в городах России идёт целенаправленное растление нации. Тут уместно звучат слова С.С. Аверинцева: «Мир, теряющий чувство требовательности... а чувство тайны пытающийся... развеять приёмами психоанализа и психотерапии; мир, хвалящийся, что он отменил все табу, но одновременно очень эффективно заново табуирующий определённые слова и понятия, – а именно те, которые выражают «софийную» идею девственности, чистоты, аскезы» [1, с. 251-252]. Во многих российских городах крупные торговые центры содержат растлевающую рекламу некоторых видов женской одежды, и куда бы посетитель торгового центра не направился, он в зоне его видимости есть огромные рекламные вывески с изображением женщин, непотребного вида. Разумеется, в тех местах России, где население придерживается норм чести, например, в Чечне, в городе Грозном, такого постыдного явления нет. Однако в городах, где людей в духе оккупационной политики нацистов уничтожают в нравственном смысле, растление имеет массовый характер. В России Интернет наполнен порнографическими сайтами и сайтами с анкетами проституток. Житель какого-либо областного центра легко в Интернете может набрать в поисковой системе фразу «анкеты проституток» своего города и купить любой понравившийся ему «товар». Примечательно, что в РФ сайты украинского «Правого сектора», исламистов, современных российских революционеров заблокированы, как и заблокированы соответствующие группы в социальной сети в «В Контакте». При этом порнографические сайты массово находятся в открытом доступе, в том числе в виде групп в социальной сети «В Контакте». Руководство генеральной прокуратуры РФ не предпринимает действенных мер по борьбе с этими преступле-

ниями (несмотря на то, что граждане неоднократно информировали правоохранительные органы). В обществе есть точка зрения, согласно которой принцип неотвратимости наказания за криминальное деяние в России действует избирательно, согласно социальному и материальному статусу преступника. Однако администраторов и активных участников порнографических групп в социальных сетях настолько много, что становится очевидным огромный их охват обществом, поэтому невозможно говорить, что все они обладают большими социальными и финансовыми возможностями, между тем ответственности согласно УК РФ никто из этих граждан не несёт. С позиции Христианства к участникам растления нации подходят слова Христа о том, что кто погубит хотя бы одну невинную душу, тому лучше было бы, если бы повесили ему на шею мельничный жернов и потопили его во глубине морской (Евангелие от Матфея 18 : 6). Что касается служителей Христианской Церкви, то здесь важно вспомнить, что если индивид после предупреждения продолжает совершать грехи, приводящие к духовному омертвлению других людей, то он может быть в храмах публично проклят. По сути, под видом светских устоев обществу агрессивно навязываются инфернальные формы поведения. В свете таких событий уместно перед Патриархом Русской Православно Церкви Московского Патриархата поставить вопрос о предании анафеме генерального прокурора РФ.

Так или иначе, но толерантность в той форме, которая жёстко навязывается обществу, становится причиной внутрисоциальных конфликтов, психических заболеваний. Такая толерантность XXI века возможна лишь при утрате веры в истинность исповедуемой религии и вырождении самой природы человека. Реакцией на толерантность такого рода может оказаться экстремизм. Единственным путём для успешного разрешения таких противоречий является развитие общественной морали и нравственного сознания конкретных граждан, приведение светского законодательство в согласие с основными постулатами религиозных правил. В заключении приведу своё стихотворение с показательным названием «Кафирам»:

Народ, принявший прозвище кафиров,
Невольно обречён на кабалу.
Предатели средь статуй их кумиров
В грязи придут к бесславному концу.

Они заплатят джизью своей честью
И честью своих внуков и детей,
Прибудут к ним чернеющею вестью
Обрывки узнаваемых теней.

За то, что ими предано Христианство
Их Бог оставит, Дух от них уйдёт,
И не поможет гордое зазнайство,
Рогатый к ним в последний день придёт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. К.: Дух І Літера, 2001. – 460 с.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: «Русский язык», 1989. – 495 с.
3. Панищев А.Л. Толерантность в ракурсе соборности русской культуры // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25-27 октября 2017 г.) / науч. ред. Е.В. Валеева, С.В. Напалков, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2017. – С. 284-287.
4. Советский энциклопедический словарь. Издание третье / Главный редактор А.М. Прохоров. – М.: «Советская энциклопедия», 1985. – 1600 с.
5. Современный словарь иностранных слов. – М.: «Русский язык», 1992. – 740 с.
6. Рупова, Р.М. Антропологические модели в социальной философии XX-начала XXI веков : автореф. дис. ... канд. философ.наук / Р.М. Рупова. – М.: РГСУ, 2008. – 26 с.
7. Шупер В.А. Россия в глобализированном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. – 2008. – № 12. – С. 3-12.

CATEGORY «TOLERANCE» AND THE RUSSIAN WORLD IN A MODERN SOCIETY

A.L. Panishhev

This article is devoted to the theme of tolerance in Christianity of the Russian world. Attention is drawn to the fact that it is impossible to reduce the entire ethical part of Christianity to forgiveness and mercy. Of course, in Christianity special place accorded blessing and mercy of God, but also marked place persists for such categories, as anger of God, curse and punishment. Ignoring the norms of religious morality does not lead to the development of secular relations in the country, but to the aggravation of internal social contradictions and the provocation of religious extremism. The best prevention of such negative phenomena is the practical respect for ethical norms.

Keywords: Christianity, ethics, human.

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

А.М. Пищик

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дзержинский филиал РАНХиГС, факультет управления и экономики, кафедра информационных, естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, доктор философских наук, профессор

Россия, 606019, Нижегородская область, г. Дзержинск, ул. Студенческая, д. 61а

Тел.: 89063625880, e-mail: pishchik1948@yandex.ru

Эволюция русского мировоззрения детерминирована следующими циклически сменяющими друг друга парадигмами: языческой, православной, новоевропейской и новейшей мировоззренческими парадигмами. Показана многоуровневость архитектоники русского мировоззрения, сформированная в ходе его эволюции.

Ключевые слова: мировоззрение, парадигма, циклогенез, архитектоника, эволюция.

Существует единая парадигма русского мировоззрения, которая циклически проявляется в своих исторических модификациях: язычестве, христианстве, новом и новейшем времени [2]. Главная задача статьи – построить циклическую эволюционную картину бытия русского мировоззрения с целью последующего выявления русского мировоззренческого кода.

Для решения поставленной задачи определим временной отрезок на оси исторического времени, который будем исследовать. Истоки русского мировоззрения находятся в славянском язычестве. Согласно Л.Н. Гумилёву, примерно в 1 в. н.э. на территории от южной Швеции до Абиссинии произошёл пассионарный толчок, вызвавший взрыв этногенеза и Великое переселение народов, в том числе и славян [1, с. 288]. Предшественниками славян были, так называемые, праславяне, которые выделились из индоевропейского массива ещё в XV в. до н.э. [3, с. 187].

Фундамент архитектоники русского мировоззрения был заложен в языческой Руси. Архитектоника русского мировоззрения построена по принципу «матрёшки». Язычество – это самая глубокая «матрёшка», которая включена в православную «матрёшку». Далее следует «матрёшка» Нового времени, а затем уже «матрёшка» Новейшего времени. Русский код глубоко спрятан, как игла в сказке о том, где находится кощеева смерть. Русские народные сказки, на которых воспитываются наши дети, - осколки русских языческих мифов. «Все богатырские волшебные сказки оказываются фрагментами древних исторических мифов и героического эпоса» [3, с. 465]. Ребёнок в онтогенезе социализации повторяет логику филогенеза социализации своего народа. Психологи утверждают, что полноценное понятийное мышление детей строится на базе сформированного образного мышления [5, с. 308-309]. Также полноценное христианское мировоззрение строится на основе сформированного языческого мировоззрения. На тему двоеверия русского народа в процессе становления христианского мировоззрения можно посмотреть с позиции принципа «матрёшки». Становление христианского мировоззрения есть органическое включение сис-

темы языческого мировоззрения в надсистему христианского мировоззрения. Великие языческие солнечные праздники, приуроченные к дням весеннего и осеннего равноденствия, летнего и зимнего солнцестояния включаются в церковный календарь: Комоедица-Масленица, день солнца-Купайлы – день Ивана Купалы (Рождество Иоанна Крестителя), день осеннего солнца-старика Световида – Рождество Пресвятой Богородицы, рождество солнца-младенца Коляды – Рождество Христово. Становление есть единство процессов возникновения и прехождения. Процесс прехождения язычества, отнюдь, не есть процесс его исчезновения. Прехождение есть процесс вытеснения язычества из состояния системы в состояние подсистемы в архитектонике русского мировоззрения. Не удивительно, что проявление язычества в русской народной жизни специалисты отмечают до конца XIX – начала XX вв. [4, с. 782]. Можно сказать, даже больше. Атеистический XX век вовсе не избавился от языческих суеверий. Чёрные кошки, пустые вёдра, постукивание по дереву и другие элементы язычества воспринимались в народном безбожном мировоззрении всерьёз. Современное неоязычество – «пробудившийся вулкан», тектонический сдвиг в русском мировоззрении, когда глубинная подсистема разрушает системы, в которые она была исторически упакована. В этом проявляется «ген» русского нигилизма, разрушающий вышестоящие культурные слои.

Архитектоника культурных слоёв русского мировоззрения представлена на рис.1.

Рис. 1. Принцип «матрёшки» в организации русского мировоззрения

Модель «матрёшечного» строения мировоззрения свидетельствует о том, что в мировоззрении русского народа ни одна из названных «матрёшек» не исчезает. Компоненты язычества, христианства, Нового и Новейшего времени сохраняются в русском мировоззрении. Русский будет номинально русским, если потеряет тот или иной компонент (культурный слой) своей мировоззренческой целостности. Новое мировоззрение на стадии своего становления борется с господством предыдущего. Так, например, христианство загоняет в подполье язы-

чество, но при этом язычество не исчезает и периодически вновь даёт о себе знать, возрождаясь в той или иной форме. Борьба мировоззрения Нового времени с религиозным мировоззрением проходила по тому же сценарию. Казалось бы, православие полностью выветрилось из мировоззрения советских людей, но сегодня храмы заполнены старухами и стариками первого и второго поколения советских людей, ранее воспитанных в безбожии.

Инвариант мировоззренческих парадигм русского мировоззрения по нашей гипотезе существует и проявляется в психологии народа, которая, по утверждению авторитетных социальных психологов, существенно не меняется на протяжении его бытия [6, с. 5–6]. Данный инвариант существует уже на протяжении примерно пятнадцати веков (с VI в. – начало Киевской Руси по XXI в.), в течение которых можно выделить следующие её модусы: языческая парадигма, христианская парадигма, новоевропейская парадигма, парадигма новейшего времени. На рис. 2 представлена схема циклогенеза парадигм русского мировоззрения на оси исторического времени (1 г. н.э. – 2020 г. н.э.).

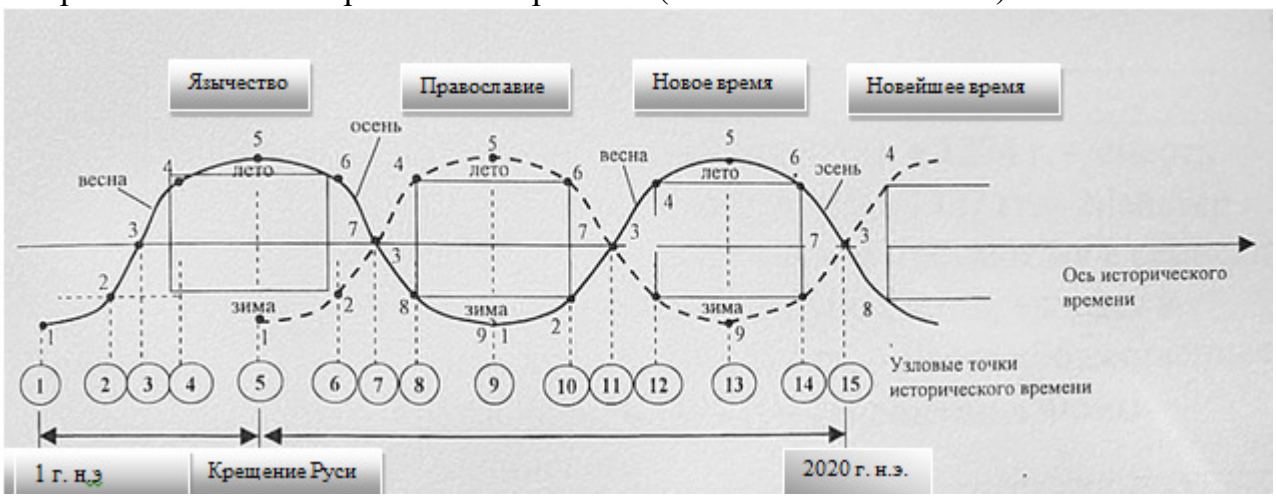


Рис. 2. Циклогенез парадигм русского мировоззрения

Каждая парадигма проходит следующие стадии жизненного цикла: рождение, становление, зрелость, упадок. Эти стадии можно метафорически отождествить с временами года: весна (стадии рождения и становления), лето (стадия зрелости), осень и зима (стадии упадка). Парадигму, в контексте данной статьи, мы рассматриваем как глубинную идею, определяющую человеческое мировоззрение. Мировоззрение мы будем рассматривать в системе «мера человека – мера универсума». Мировоззрение человека формируется в его отношении как целостного существа (бытие человека в границах его индивидуальной меры) к универсуму как целостному образованию (бытие универсума в границах его меры). Мировоззренческая парадигма человека включена в его менталитет. Мировоззренческая идея реализуется в деятельности человека и проявляется на всех уровнях его поведенческого бытия (от неосознанных автоматизмов до верхних этажей сознания). «Узловые точки» циклогенеза мировоззренческих парадигм и соответствующие им ключевые исторические события представлены в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые события циклогенеза русского мировоззрения

	Годы	Мировоз-зренческая парадигма	Ключевые исторические события
	1500 г. до н.э.		Около XV в. до н.э. Отпочкование праславянских племен от индоевропейского массива.
1	1 г. н.э.	Язычество	*Рождение:* Пассионарный толчок. Взрыв этногенеза от южной Швеции до Абиссинии – Великое переселение народов.
	VI в. н.э.		К VI в. возводит историю Киевской Руси летописец Нестор, рассказывая о поездке славянского князя Кия в Константинополь к византийскому императору, в котором естественнее всего видеть Юстиниана (527 – 565 гг.) или Анастасия (498 - 518 гг.).
2	800		*Начало весны:* Начало IX в. Образование ядра Киевской Руси.
3	IX в. н.э.		*Столкновение двух парадигм:* *Гипотеза:* Уходящее индоевропейское мировоззрение сталкивается со славянским язычеством.
4	965		*Начало лета:* Разгром Хазарского каганата русским князем Святославом. Киевская Русь – сильное независимое (суверенное) государство.
5	980	Язычество	Середина X в., время расцвета и наступательной силы русского язычества. Государственное язычество достигло своего апогея накануне принятия христианства: Эпоха Святослава (964 – 972). *Пик лета (980):* Владимир воздвиг в Киеве капище с идолами шести главных богов славянского язычества (Перун, Хорс, Даждьбог, Стрибог, Семаргл, Мокошь), практиковал человеческие жертвоприношения богам. Разделение теологической сферы язычества (высшим проявлением которой был пантеон 980 г.) и богатырского эпоса, в котором нет ни Перуна, ни Белеса, ни Хорса.
	988	Православие	*Рождение*: 988 г. Принятие христианства на Руси.
6	1038	Язычество	*Начало осени:* появления волхвов в Киеве и Новгороде (все под 1071 г.) и восстания, руководимые волхвами в Суздальской земле в 1024 г., а также в Ростовской и Белозерской землях в 1071 г.
		Православие	*Начало весны:* «Слово о законе и благодати» Илариона
7	1185	Язычество Православие	*Компромисс двух парадигм:* На рубеже XII и XIII вв. устанавливается «двоеверие», т.е. известное компромиссное равновесие языческих и православных элементов. В прикладном искусстве на месте языческих сюжетов появляются христианские. 1185 г. Поход Игоря Святославича против половцев, поход Кончака и Гзака на Русь. 1185 г. Создание «Слова о полку Игореве».

8	1493	Язычество	*Начало зимы:* 1499 г. – Книга «Поучение священнослужителей». Против язычества.
		Православие	*Начало лета:* В 1493 году московский князь Иван III принял титул «Государь всея Руси», который в символическом и юридическом смыслах закреплял создание единого Московского государства как политического центра Восточной Европы.
9	1672	Язычество	*Точка замерзания (пик зимы):* В 1672 г. в Астрахани при большом стечении народа сожгли Корнилу Семенова, у которого были найдены какие-то заговоры.
		Православие	*Пик лета:* Царствование Алексея Михайловича Романова
		Новое время	*Рождение* Петра I (1672).
10	1721	Православие	*Начало осени:* Указ об учреждении Синода (09.02.1721)
		Новое время	*Начало весны:* Между Россией и Швецией заключён Ништадский мир, завершивший 21-летнюю войну. Россия получила выход в Балтийское море и стала великой европейской державой, в ознаменование чего Пётр по прошению сенаторов принял титул Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого.
11	1918	Православие	*Столкновение двух парадигм:* Поместный Собор Православной Российской Церкви своим решением восстановил 28 октября 1917 г. Патриаршество в Российской церкви, положившее конец синодальному периоду в истории Русской церкви.
		Новое время	«Декре́т об отделе́нии це́ркви от госуда́рства и шко́лы от це́ркви» (05.02.1918)
12	1939	Православие	*Начало зимы:* По переписи 1937 г. верующими себя назвали 56% населения в возрасте 16 лет и старше. Доля православных среди верующих – 75%. Количество действующих православных храмов сильно увеличилось (на 3350) в 1939 г. за счет территориальных приобретений СССР. В 1941 г. количество открытых православных храмов РПЦ (Московского Патриархата) доведено до исторического минимума – 3732.
		Новое время	*Начало лета:* СССР стоял на первом месте в мире по числу учащихся в общеобразовательных школах и имел в 1,2 раза больше учащихся в этих школах, чем в Великобритании, Германии, Франции, Италии, вместе взятых, и в 1,4 раза больше студентов, чем в тех же странах плюс Япония. В одном только Ленинграде до войны было больше студентов, чем во всей нацистской Германии. К началу 1939 года насчитывалось 240 765 библиотек с общим количеством 442 миллиона 203,8 тысячи книг. Все это благотворно сказывалось на воспитании советских людей, выросло новое поколение, часть из которого составило советскую производственно–техническую интеллигенцию рабочего класса и крестьянства, представляющую «основную силу нашего хозяйственного руководства». Она была просто необходима для технического развития и совершенствования страны. На всех уровнях образования господствует атеистическое мировоззрение.

13	1961	Православие	*Точка замерзания (пик зимы):* Пятилетка хрущёвских гонений на РПЦ (1959-1964): из 13 414 православных храмов и молитвенных домов, действовавших в 1958 г., к 1965 г. осталось открытыми 7551. Количество монастырей сократилось с 94 в 1956 г. до 16 спустя десятилетие. Православное мировоззрение становится маргинальным.
		Новое время	*Пик лета:* Полёт Юрия Гагарина в Космос (1961)
		Новейшее время	*Рождение носителей мировоззренческой парадигмы новейшего времени*
14	1986	Новое время	*Начало осени:* Кризис советской идеологии.
		Новейшее время	*Начало весны:* Начало перестройки.
	1991-2019	Постсоветский период. Российская Федерация.	
15	2020	Новое время	*Столкновение двух мировоззренческих парадигм (прогноз):* парадигмы тотального покорения человеком природы (имперский мирохозяйственный уклад) и парадигмы стратегии гармонии меры человека и меры природы (интегральный мирохозяйственный уклад).
		Новейшее время	

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилёв Л.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 320 с.
2. Пищик А.М. Циклогенез парадигм русского мировоззрения: монография. – М., 2019.
3. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 531 с.
4. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М.: Наука, 1987. – 783 с.
5. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий. В 2-х т. Т. 1. – М.: Народное образование, 2005. – 556 с.
6. Черты из психологии славян: Речь, произнесенная проф. И.А. Сикорским, в торжественном заседании Славянского благотворительного общества 14 мая 1895 года. – Киев: тип. И.И. Чоколова, 1895. – 15 с.

THE EVOLUTION OF THE RUSSIAN WORLDVIEW

A.M. Pishchik

The evolution of the Russian worldview is determined by the following cyclically successive paradigms: Pagan, Orthodox, New-European and the Newest worldview paradigms. The multilevel architectonics of the Russian worldview formed in the course of its evolution is shown.

Keywords: worldview, paradigm, cyclogenesis, architectonics, evolution.

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НАРОДНОСТИ ВОСПИТАНИЯ В РАБОТАХ ПЕДАГОГОВ КОНЦА XIX В.

И.В.Фролов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, физико-математический факультет, кафедра физико-математичского образования, доктор педагогических наук, доцент

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89200247573, e-mail: ivanvfrolov@rambler.ru

Рассматриваются основные подходы к раскрытию сущности понятия «народность» как основного стержня русской народной школы. Анализируются взгляды К.Д. Ушинского, С.А. Рачинского и Н.Ф. Бунакова.

Ключевые слова: историческая память народа, народность, народная школа.

В работе «Очерки по истории русской культуры» П. Милюков отмечает, что сын Калиты, Симеон Гордый, в духовном завещании (1353), писал: «А пишу вам это слово того ради, чтоб не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла». Свеча, зажженная Калитой, не гасла, подчёркивает П. Милюков, а разгоралась ярким пламенем при его сыновьях, внуках, правнуках и праправнуках. [2, с. 28]. Это можно понимать как «историческую память народа» – один из важнейших элементов общественного сознания. В этом понятии заключены способности нации сохранять свою историю и вводить исторические события в активную сферу мышления и поведения людей. Народная память является основным средством фиксации, воспроизводства и трансляции духовных ценностей, знаний, опыта, традиций, психологических черт духовной культуры народов и служит духовной основой национального единства общества, является духовным стержнем связи поколений. В связи с этим важным элементом национального единения народа является народность.

Можно отметить, что проблема народности стала подниматься в работах педагогов-просветителей в XIX веке. Ранее, в период царствования Петра I, в работах Т.И. Посошкова и В.Н. Татищева, ярких деятелей петровской эпохи, отмечалась назревшая необходимость образования крестьянских детей, что пошло бы на пользу и самим крестьянам, и государству. Однако эти идей были не реализованы. В дальнейшем проблема образования крестьян достаточно остро поднималась в период царствования Екатерины I. Были образованы стихийные школы грамоты, церковно-приходские школы, некоторые помещики в своих имениях создавали школы для крестьянских детей.

Отметим такой важный факт. В качестве положительного момента в истории народного образования может считаться Указ сенату 6 марта 1867 года, по которому все сельские учебные заведения государственных имуществ предписывалось передать в ведение земских учреждений в тех губерниях, где они были уже созданы. Согласно этому документу, земства не имели права вмеши-

ваться в учебно-воспитательный процесс начальных народных училищ, однако в области просвещения земская деятельность оказалась наиболее успешной. Именно в земских учреждениях стали появляться мысли о необходимости проявить заботу не только о материальной и хозяйственной стороне школ, но и об учебной и воспитательной работе в них.

Народность является основной идеей педагогической системы К.Д. Ушинского, который понимает народность как своеобразие каждого народа, обусловленное его историческим развитием, социальными условиями его жизни, географическими особенностями его родины.

В статье «Труды Уральской экспедиции», поднимая вопрос о возникновении и развитии характерных особенностей народа, которые составляют сущность понятия народности, К.Д. Ушинский отмечает, что «в противоположность англосакскому племени, которое подавляло, истребляло слабейшие племена, русские «принимали в себя слабейшие племена (речь идет о «чудском племени»), возводя их на высшую ступень» [4, с. 662].

К.Д. Ушинский писал, что воспитание, основанное на народности, должно развивать в детях гордость за героическое прошлое русского народа, уважение к замечательным деятелям русской земли. Одной из главнейших черт идеи народности, как ее понимал в применении к русскому народу К.Д. Ушинский, является его глубокая вера в могучие творческие силы русского народа. В ряде произведений он указывает, что русский народ проявлял эти могучие творческие силы и в защите своей самостоятельности от врагов, посягавших на его независимость, и в создании великого русского языка, в прекрасных произведениях народной поэзии, в народной песне, в народной мудрости, выраженной в пословицах.

«Не забудем, что если мы многому хотим учить простой народ, то есть многое, чему мы сами от него научились. Не забудем, что этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор еще не могли измерить; что этот простой народ создал ту поэзию, которая спасла нас от забавного лепета, на котором мы подражали иностранцам; что именно из народных источников мы обновили всю нашу литературу и сделали ее достойной этого имени; что этот простой народ создал и эту великую державу, под сенью которой мы живем», – писал К.Д. Ушинский в работе «Общий взгляд на возникновение наших народных школ» [4, с. 662].

Видный деятель народного просвещения, педагог-писатель, профессор Московского университета С.А. Рачинский с 1872 года поселился в родовом имении Татеве, а в 1874 году построил новое школьное здание и более четверти века работал в ней как учитель. Педагогические взгляды и деятельность С.А. Рачинского основывались более на стремлении воскресить «самородковую» крестьянскую школу, основанную на религии с широким использованием атрибутов церковности». В то же время его школа может быть охарактеризована как «художественно-эстетическая». Следует заметить некоторую идеализацию степени одаренности крестьянских детей. Например, в «Заметках о сель-

ских школах» С.А.Рачинский отмечал: «Средний уровень способностей наших крестьянских детей, как мальчиков, так и девочек вообще очень высок... Способности эти разнообразны, но преобладают заметно способности математические и художественные» [3, с. 18].

Раскрывая далее свою мысль, С.А. Рачинский подчёркивает: «Крестьянские дети тем и отличаются от детей высших сословий, что односторонние способности встречаются у них весьма редко. Тот, кто способен к пению, непременно окажется способным по арифметике, и по русскому языку... Эта соразмерность дарований распространяется на сферу нравственную и придает этим детям их особенную привлекательность» [3, с. 64].

Безусловно, в этих словах есть элемент идеализации, преувеличения, однако это означает, что такие дети в крестьянской среде есть. Идеализация не может возникнуть на пустом месте. Хочется надеяться, что эти мысли должны возникнуть и у чиновников нашего времени, ведь об этом говорят многие современные педагоги, работающие в сельских школах, – там есть, кого можно учить, там есть, кого нужно учить! И не нужно считать сельского школьника беднее в способностях, чем его сверстника из города.

Увеличение школ в помещичьих усадьбах, созданных прогрессивными дворянами, увеличение числа земских школ, участие земских учреждений в учебной и воспитательной работе сельских школ вынудили правительство изменить сам тип начальной школы и заменить светское образование старинным типом церковной школы.

Сторонником идеи всеобщего обучения был, например, известный педагог начальной школы Н.Ф. Бунаков. В 1884 году он приобрел небольшое имение Петино Воронежской области и построил там начальную школу, которая в официальных документах называлась Петинской народной школой, или училищем. Эта школа существовала на правах земской, получая от земства небольшие средства для оплаты труда учителей. Н.Ф. Бунаков как попечитель училища взял на себя большую часть её содержания.

Особенностью взглядов Н.Ф. Бунакова на образование крестьян было то, что он резко выступал против попыток ограничить образование простого народа грамотой и начальным счетом. Он был против придания общеобразовательного статуса только барской школе, считая, что нельзя создавать резкую грань между образованием дворян и детей народа.

В работах Н.Ф. Бунаков рассматривал весь спектр вопросов, касающихся организации обучения в народной начальной школе – от содержания обучения до форм и методов. При этом он писал о необходимости поддержки в учащихся чувства народности, отмечая, что «во-первых, к этому ведет толковое изучение родной природы, отечественной географии и истории; во-вторых, изучение родного языка и поэтического материала, носящего на себе яркую, живую печать народного духа, представляющего идеальное изображение русской природы и русской жизни» [1, с. 247].

Важно отметить, что Н.Ф. Бунаков считал, что у детей есть зачатки любви

к отечеству, а «школе остается только способствовать правильному развитию этого зародыша, осветить, осмыслить непосредственное чувство путем изучения родной страны с ее жизнью и путем расширения личных интересов ученика до интересов общественных [1, с. 247].

Н.Ф. Бунаков вступал в полемику с теми, кто слова «в интересах улучшения нравов» понимает узко, считая, что для русского мужика не может быть других наслаждений и удовольствий, кроме вина и пьянства. Он утверждает, что «русский крестьянин, освобожденный от уз крепостного права, при всем его грубом невежестве, которое поддерживалось веками, чрезвычайно способен и склонен к наслаждениям высшего порядка, но где было ему взять таких наслаждений?» [1, с. 278]. Далее пишет о том, что крестьянству не только не предлагались «наслаждения высшего порядка», а напротив, ставятся и теперь разные преграды, «чтобы-де такие наслаждения, вроде народных чтений, народного театра и т. п., не проникли в народную массу, не выпали на долю крестьянина» [1, с. 278].

Поэтому и для классной книги в народной школе, по мнению Н.Ф. Бунакова, нужен художественный популярно-научный материал, по преимуществу выбранный из лучших русских авторов о природе, об Отечестве, об истории Отечества.

Прошло более сотни лет с того времени, а история снова нас возвращает к взглядам выдающихся педагогов. События, происходящие в некоторых бывших советских республиках, а также в странах Европы, показывают, что идея народности должна сегодня в большой степени подниматься в образовательном процессе, в первую очередь, сельских школ, как основном источнике народности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунаков Н.Ф. Избранные педагогические сочинения. – М.: Изд-во АПН, 1953. – 412 с.

2. Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Ч.3. Национализм и общественное мнение. – СПб: Типогафия И.Н. Скороходова, 1901. – 424 с.

3. Рачинский С.А. Сельская школа: сборник статей. – М.: Типография Волчанинова. – 1891. – 219 с.

4. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. Т. 3. Педагогические статьи 1862-1870. – М-Л.: Издательство АПН, 1948. – 692 с.

SCIENTIFIC-THEORETICAL SUBSTANTIATION AND PRACTICAL IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF NATIONALITY OF EDUCATION IN THE WORKS OF TEACHERS OF THE END OF XIX CENTURY

I.V. Frolov

The article considers the main approaches to the disclosure of the essence of the concept of «nation» as the main core of the Russian national school. Examines the views of K.D. Ushinsky, S.A. Raczynski, N.F.Bunakova.

Keywords: historical memory of the people, nation, folk school.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ВИРТУАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ РУССКОГО МИРА В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Т.М. Хусяинов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук, департамент социальных наук, преподаватель

Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12

Тел.: 89506068491, e-mail: timur@husyainov.ru

Данная работа посвящена такому новому явлению в геополитике, как виртуальные государства. Рассматривается их место в контексте существующего Русского мира и возможности их участия в формировании его в дальнейшем.

Ключевые слова: виртуальное государство, виртуальная политология, Русский мир, РуНет, виртуальная реальность.

Последние два десятилетия Интернет плотно входит в жизни людей по всему миру, которые все больше времени начинают проводить в виртуальной реальности. Различные социальные явления и процессы получают виртуальную реализацию, в том числе и политические. В своем стремлении к свободе самовыражения и отстаивании прав, пользователи Глобальной сети пришли к созданию новых форм виртуальных сообществ – Виртуальным государствам.

Явление «Виртуальных государств» выросло из «фантазийных государств», в которые играли подростки, представляя себе государственное устройство и государственные дела. Теперь же под влиянием информационных технологий это явление переросло из игры в социально-политические новообразования. Виртуальные государства или Микронации представляют собой самоорганизующуюся социальную группу, объединенную вокруг идеи такого нового государства. Л.В. Голоскоков определяет понятие «Виртуальное государство» как государство, которое не имеет своей территории, а также многих привычных институтов (армия, полиция, таможня и др.). Говоря о гражданах такого государства, он отмечает, что связь между индивидами и различными группами осуществляется в электронной форме [1-3]. С.Б. Переслегин в своей работе «О концепции «виртуального государства» [5], также отмечает, что это государство без территории, однако, уточняет, что оно может иметь свои посольства и консульства, обладающие правом экстерриториальности в соответствии с международным законодательством.

Часть современных виртуальных государств созданы русскоязычными пользователями глобальной сети, вследствии чего в них преобладает русский язык и находит отражение культурно-историческое наследие России. В данной работе мы упомянем лишь о нескольких.

Подобные государство-подобные новообразования ведут собственную «политику» и «дипломатию», взаимодействуют с другими виртуальными государствами по всему миру, но наиболее тесные отношения формируются с другими русскоязычными проектами.

С течением времени одни из них исчезают, в то время как другие, наобо-

рот, растут и становятся более масштабными и привлекают пользователей уже и из других стран говорящих на других языках. Как это было с Федеральной республикой Лостайленд, которая первоначально существовала как русскоязычный проект, но бурный рост привёл к увеличению числа языков, на которых говорят «граждане», а официальный сайт перешёл на язык международной коммуникации - английский, а аккаунт в российской социальной сети «В Контакте» продолжил публиковать новости на русском языке.

Некоторые другие сохранили базовый русский язык или перешли на двуязычный формат. Например, в Королевстве Северный Бархант три официальных языка: русский, английский и испанский, при этом первый заметно преобладает. Все официальные документы и аккаунты в социальных сетях ведутся преимущественно на русском языке.

Рассматривая все многообразие русскоязычных виртуальных государств, можно отметить довольно широкий спектр различных по форме правления, административному устройству, экономической модели (или её отсутствию), специфике взаимосвязи с предметным миром и признанными государствами.

Создание виртуальных государств соответствует общим тенденциям процессов глобализации и информатизации, и ставит вопрос о месте новых политических структур в современной геополитике [7-8]. По сути, подобные проекты дают возможность для полидинамизма, позволяя любому желающему попробовать себя в политической и социальной жизни подобных государств, выбрав более интересное и близкое по духу. В условиях тотальной глобализации происходит обратный процесс – глокализация.

Вероятно, одним из вариантов глокализации становится именно появление виртуальных государств, которые, с одной стороны, могут следовать за актуальной социокультурной ситуацией и развиваться в мировом или национальном контексте, а с другой, – могут двигаться совершенно в противоположном направлении.

Само по себе явление «виртуальное государство» имеет много различных аспектов (социальный, экономический, политический, культурный). К ним можно отнести трансляцию культуры и культурный обмен. Особенно в тех случаях, когда своя собственная «культура» основывается на культурно-историческом базисе, или существует сильная группа представителей одной культуры. Так, можно выделить целую группу проектов, ориентированных на возрождение прежних традиций и базирующихся на культурно-историческом базисе исчезнувших ранее государств: «Новая Троя» (Античная Греция) и «Новый Рим» (Римская Империя), «Карния-Рутения» (Австро-Венгерская Империя), ССР Надирия (страны Варшавского договора) и т.д.

Таким образом, виртуальные государства могут выступать проводниками определенной культуры, ценностей, мировоззрения, в том числе, и русской культуры и русского языка, причём на межличностных и внутригрупповой уровне. Формируется первичная группа с определённой эмоциональной связью и новой идентичностью – гражданин виртуального государства.

Русский мир, создаваемый виртуальными государствами, демонстрирует широкую палитру взглядов, традиций, где каждый пользователь получает возможность участвовать как в жизни одного, так и нескольких виртуальных государств по своему желанию.

Преимущество виртуальных государств в распространении информации и знаний о русской культуре и русском языке, по сравнению с государствами, признанными мировым сообществом, заключается, прежде всего, в том, что они именно не признаны и не включены в систему международных отношений, строя их с другими виртуальными государствами. Поэтому они не имеют серьёзных ограничений в своей деятельности и не могут быть обвинены в интервенции. Так как для реального мира виртуальное государство представляет собой лишь сообщество энтузиастов, связанных общей идеей. В качестве примеров, можно отметить Павловскую Империю, ориентированную на культуру Киевской Руси и Российском Империи; или Виртуальное Государство Драконберг и, уже упомянутый ранее Северный Бархант, которые размещают информацию о культурных событиях, в которых участвуют члены сообщества, посещаемых ими объектах культурного наследия [4] или создании своих собственных, например, произведений художественной литературы [6].

Как правило, серьёзные виртуальные государства не претендуют на занятые территории и суверенитет других государств и либо вообще не имеют территориальных претензий, располагаясь исключительно в виртуальном пространстве, либо ориентируются на территории не занятые другими, например, Антарктида и острова рядом или объекты в нейтральных водах - платформы, баржи, а следовательно не могут быть обвинены в сепаратизме.

При этом виртуальные государства часто имеют материальное выражение в предметном мире, что также становится проводником культуры и языка: марки, монеты, банкноты, предметы одежды с символикой, значки, флаги и т.д., – которые нередко содержат элементы, персоналии, события русской и российской культуры и истории.

Таким образом, мы рассмотрели такое явление, как виртуальное государство, с позиции участия в создании нового полидинамического Русского мира. Причём не сверху, от государства, а снизу, от энтузиастов, объединенных общей идеей, снимая проблемы политических и международных разногласий. При этом, довольно часто, они не стремятся намеренно транслировать русскую культуру и язык, это не является целью, однако это происходит, т.к. это язык на котором они говорят, это те образы, знаки и символы, которые используются. Все это способствует расширению виртуальной составляющей Русского мира, включая в него новых пользователей Глобальной сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голоскоков Л.В. Предложение о создании действующей модели виртуального сетевого инновационного государства // Государство, Конституция, Родина: материалы международной научно-практической конференции / Под. ред. д.ю.н. Л.В. Голоскокова. – М.: Изд-во Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2013.

2. Голоскоков Л.В. Доктрина виртуального сетевого инновационного государства // Новая правовая мысль. – 2014. – №1 (60). – С. 41-49.

3. Голоскоков Л.В. О сетевых методах конституционного и государственного строительства // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Юридические науки. – 2013. – №1(2). – С. 28-32.

4. Граждане Северного Барханта посетили усадьбу Демидовых в селе Быковка // Официальный сайт виртуального государства Королевство Северный Бархант. – Режим доступа: https://barchant.org/news/133.

5. Переслегин С.Б. О концепции виртуального государства // Официальный сайт С.Б. Переслегина. – Режим доступа: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_Virtu.htm.

6. Публикация в журнале // Официальная онлайн газета ВГД – Виртуального Государства Драконберг. – Режим доступа: https://news.vgd.name/2017/11/blog-post.html.

7. Савин Л. Введение в кибергеополитику // Геополитика. – 2013. – № 22. – С. 5-21.

8. Савин Л.В. Экстерриториальность и динамика геополитических полюсов // Левиафан: Гегемония и многополярность (вып. 4) / Под. ред. А. Г. Дугина; Ред.-сост. Савин Л. В. – М.: Евразийское Движение, 2012. – С. 61-68.

RUSSIAN-SPEAKING VIRTUAL STATES AS A CONTINUATION OF THE RUSSIAN WORLD IN VIRTUAL REALITY

T.M. Khusyainov

Abstract. This work is devoted to such a new phenomenon in geopolitics as virtual States. Their place in the context of the existing Russian world and the possibility of their participation in the formation of it in the future is considered.

Keywords: virtual government, virtual politics, Russian world, the Internet, virtual reality.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00335 «Коэволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека».

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО И МЕЖПОКОЛЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Г.С. Широкалова

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, старший научный сотрудник
Россия, 603000, г. Нижний Новгород, Холодный переулок, д. 4
Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия,
кафедра «Философия, социология и политология»,
доктор социологических наук, зав. кафедрой
Россия, 603107, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 97
Тел.: 89503618049, e-mail: shirokalova@list.ru

События последних трех десятилетий внесли значительные коррективы в межпоколенные отношения в России. В статье анализируются возможные изменения межпоколенных отношений в российских семьях в результате пенсионной реформы.

Ключевые слова: семья, пенсионная реформа, родители, дети, межпоколенные связи.

За последние десятилетия в России произошла смена культурного кода поколений, переход от многопоколенной «большой» семьи – вертикальных и горизонтальных родственных связей и связей свойства – к нуклеарной семье, появление новых форм домохозяйств («семей»). Все это показатели дисфункциональности традиционной семьи. Несомненно, что в условиях рыночных отношений эти тренды будут нарастать, о чем свидетельствует изменение института семьи в западных странах, но нельзя трактовать эти изменения как однозначно отрицательные для субъектов семейных отношений. Например, зарубежные ученые установили, что «самой здоровой и счастливой группой населения являются незамужние женщины без детей», а родители, проживающие раздельно с взрослыми детьми, имеют более высокие показатели психологического благополучия [1]. Среди факторов, определяющих взаимоотношения «родитель – взрослый ребенок», велико влияние возраста, пола, цвета кожи, классовой принадлежности, структуры семьи родителей и взрослых детей, идентичности родителей, территориальной близости и т.д. Ими же замечено, что сложность мира стимулирует гиперопекающее поведение современных родителей, что не нравится детям [2, с. 59].

Ученые выделяют 5 типов взаимоотношений родителей и взрослеющих/взрослых детей: а*) статус-кво* – «ребенок» подчиняется родителю; б) *равенство статуса* – взаимодействие как двух дружественных взрослых; в) *конфликт статуса* – борьба за права и власть; г) *обмен статусом* (переворот ролей) – родитель зависит от «ребенка» (дополнительный фактор – ювенальное законодательство); д) *утрата отношений* вплоть до разрыва социальных связей [3].

Динамика изменения социальных связей такова, что снижается доля группы с доминированием родителей и увеличивается доля утративших социальные связи. Причем, атомизация характерна для всех социальных групп. Основания для прогноза о нарастании атомизации как следствии увеличения пен-

сионного возраста дает типология моделей образа жизни третьего поколения:

1 – *«жизнь в прошлом»*, уход в воспоминания и идеализация прошлого, потеря смысла жизни и отказ от будущего, сознательное одиночество;

2 – *«жизнь как ожидание смерти»*, подготовка к «воссоединению» с супругом, ожидание завершения жизненного пути, уход в религию или поиск философского обоснования завершения жизненного цикла;

3 – *доминирующий эгоцентризм*, полная концентрация на собственном здоровье, благополучии, удовлетворении собственных потребностей и интересов; ведущий тип деятельности – забота о себе и самообслуживание;

4 – *интеграция как упрочение связей с семьей детей*, поиск новых семейных ролей, реализация себя в роли бабушки (дедушки); ведущий тип деятельности – забота о членах расширенной семьи;

5 – *самореализация в профессиональной или общественной деятельности*;

6 – *повторный брак,* создание новой семейной системы.

Не останавливаясь подробно на соотношении этих моделей, заметим, что пенсионная реформа приведет к переориентации на первые три модели. Возрастные болезни не позволят создать новую семью и продолжать профессиональную деятельность, а время для реинтеграции большой семьи через воспитание внуков будет упущено [4], то есть одиночество лиц «третьего возраста» будет возрастать.

В рамках данной статьи нас интересует вопрос о том, насколько обозначенные типы отношений учитываются в тех новациях, которые предлагаются властью в рамках перманентной пенсионной реформы? Уточним: этим словосочетанием мы обозначаем не только закон об увеличении пенсионного возраста, но и сопутствующие ему законопроекты и законодательные акты. Среди них законопроект о принудительном изъятии части дохода работающих детей на содержание родителей. Первоначально в 2012 г. Общественной палатой была подана идея о специальном налоге на пенсию родителям в размере 15% от зарплаты, которые перечислял бы работодатель в специальный фонд. Через год соответствующий законопроект был внесен в Думу лидером Партии пенсионеров И. Зотовым, но вычеты были снижены до 2% (около 500 рублей в месяц от средней в то время по стране заработной платы) [5, 6], затем идея была актуализирована в 2018 г.

В 2018 г. Левада-Центр провел опрос (N = 1600 чел.) на тему «Кто главным образом должен обеспечивать заботу о пожилых людях?» (табл.1).

Во всех возрастных группах основная обязанность обеспечивать пожилых возлагается на государство, что считается справедливым, т.к. с заработной платы всех работающих граждан РФ отчисляются средства в пенсионный фонд в течение десятилетий. И не вина работников, что государство не способно должным образом распорядиться этими средствами, допуская многомиллиардные хищения. Назовем хищения 1,25 млрд руб. в 2008 г., около 1 млрд в 2009 г., незаконное обналичивание 10,5 млрд материнского капитала, который тоже аккумулируется в Пенсионном фонде, в 2013 г. [8, 9, 10] и далее...

Таблица 1

Мнение респондентов о том, кто главным образом должен обеспечивать заботу о пожилых людях [7].

	Все	Возраст				Респонденты старше 55 лет в зависимости от их брачного статуса	
		18-24	25-39	40-54	55+	В браке, отношениях	Вдовствующие, разведенные, холостые
Государство	62	50	59	63	67	64	70
Семья, родственники или друзья	28	38	30	28	24	25	23
Коммерческие /частные медицинские учреждения	4	6	4	3	3	4	3
Общественные, некоммерческие, благотворительные организации/кооперативы	2	2	2	2	2	3	1
Религиозные организации (церковь, мечеть, синагога и др.)	<1	1	<1	1	1	1	<1

Показательно, что пожилые не желают быть «обузой» для своей семьи и близких знакомых: доля тех, кто возлагает обязанность на родственников, друзей уменьшается с возрастом на треть. Нет надежды у респондентов на общественные и религиозные организации.

Мы попросили студенток НГСХА высказать свое отношение к инициативе «2% налог с заработка детей на пенсию родителям», выбрав целевой группой заочников, как людей более социально зрелых, знающих цену в прямом и переносном смысле деньгам и семейным отношениям. Дифференциация по полу также неслучайна: девушки традиционно ближе к родителям и ожидалось, что их ответы будут более эмоциональны. Предположение оправдалось.

Перечислим смысловые единицы из работ студенток, разделив их на несколько групп. *Так, в каждом втором эссе поднимается вопрос о социальной справедливости: должны ли будут дети содержать биологических родителей, которые не воспитывали их?* Опишем ситуацию через цитату «Возьмем пример из моего жизненного опыта. Отец ушел, когда мне было 3 года, мать отдала меня сразу же бабушке и дедушке. С тех пор, я живу с ними, и они меня обеспечивают. Отца и мать я не видела, и они не участвуют в моей жизни. Зачем я должна им что-то выплачивать и за что? Единственная надежда, что суд встанет на мою сторону».

Но если в этом случае у суда есть основания встать на сторону «ребенка»,

то как поделить пенсионные отчисления между отцом, который платил алименты, часто скрывая истинные доходы, и отчимом, который воспитывал?

На втором месте недоверие государству как распорядителю собранных средств. Выберем сюжеты, которые раскрывают проблему взаимоотношения гражданина и государства с разных сторон:

• «Не известно помогут ли эти деньги именно моим родителям, и в том ли размере, который заплачу я».

• «Налог на содержание родителей – простое отмывание денег со стороны государства, способ пополнения государственной казны».

• «Налог будет перечисляться в Пенсионный фонд работодателем, после чего его перераспределят в пользу пожилых людей. Т.е., мой налог, мои деньги будут переданы государству, и только потом будут распределяться между другими пенсионерами, которые возможно, вообще дня не работали. А если деньги напрямую пойдут моим родителям, то какой смысл отдавать их в Пенсионный фонд, если я могу сразу отдать их родителям?»

• «При отсутствии должного контроля, эта инициатива вскоре, возможно, станет коррупционной системой».

• «Если эти перечисления будут идти в ПФ, то сколько он будет оставлять себе, а сколько родителям?»

• «Этот налог не нужен, потому что налоговая система и так недостаточно совершенна».

• «Граждане нашей страны платят достаточно налогов, чтобы обеспечить более или менее достойные пенсии. Для этого нужно снижать уровень коррупции в стране».

• «Если такой налог предлагается сделать альтернативой пенсии, то это скорее ухудшит положение пенсионеров».

• «Лично я не против данного налога, если он будет переправляться непосредственно на счет родителей в полном размере, без всяких комиссий и отчисления государству. Но, если этот налог, хоть какая-то его часть будет идти в карман чиновникам, то я, само собой, против».

• «Лучше сберегать деньги на пенсию самим, тогда-то будет известно, что они поступили родителям в полном размере».

• «Государство пытается переложить часть ответственности за выплату пенсий на плечи граждан, которые и так платят довольно немалый налог в 13%».

• «Мы уже платим налог на пенсии».

• Это предложение – результат слабости общества, государства и его социальной политики».

Студентки задают резонные вопросы и о механизме реализации такого закона:

• «Если родители не доживут до пенсионного возраста, а налог отчислялся? Вернут ли деньги, или они просто пропадут?»

• «Что будет с пенсией родителей, если ребенок не работает?»

• «В случае смерти родителей мы все равно должны будем кого-то содер-

жать?»

• «Должны ли платить налог дети, родители от которых отказались, или лишены родительских прав?»

• «Каким образом делится сумма налога в многодетных семьях?»

• «Люди в нашей стране еще больше начнут скрывать свои доходы, потому что и так не согласны с размерами взимаемых налогов».

• «Многие молодые семьи, зачастую, получают больше помощи от своих родителей, потому что не имеют еще достаточных заработков, живя так многие годы».

• «Это не справедливо, т.к. налог будет прямо зависеть от количества трудоспособных детей, и чем больше у тебя потомство, следовательно, выше пенсия. Получается так, что у бездетных родителей пенсия значительно ниже».

• «На содержание кого пойдут уплаченные ими деньги детей-сирот?»

Обсуждался и вопрос о регулярности и формах помощи:

• «Каждый человек получает разную зарплату. Потому для кого-то отдать 2%, допустим с 50000 руб., гораздо проще, чем человеку, зарабатывающему 15000 руб. Возможно, они смогут помогать своим родителям не в материальном плане, а физическим трудом, своей заботой и уходом за ними, они же не бросают их».

• «Каждый будет и так помогать родителям по мере своих возможностей, и не обязательно каждый месяц, может быть раз в полгода, но это будет дорогостоящая помощь, например, покупка квартиры, дома, машины или же путевки на отдых».

Были названы моральные издержки закона:

• «Такой налог будет воспринят как принудительный, он сможет нарушить привычные отношения детей и родителей».

• «Государство, принимая такой закон, вторгается в очень интимную сферу – семью, а это неприкосновенная часть жизни любого человека».

• «Своих детей, я не хотела бы обременять подобным налогом».

• «Этот налог у многих вызовет негодование и неодобрение».

В пользу закона высказаны следующие соображения:

• «Таким образом увеличится размер пенсий».

«С помощью этого законодательства, можно привлечь к ответственности тех детей, которые сдают своих родителей в дома престарелых, либо просто их бросают».

• «Судебная практика подтверждает, что случаи, когда родители взыскивают алименты с собственных детей, не редки».

И как вывод: «Обязанность на законодательном уровне поддерживать престарелых родителей означает, что институт традиционной семьи развален». Вряд ли такое категоричное утверждение характеризует институт российской семьи в целом, но тренд в этом направлении очевиден.

Как видим, отрицательное отношение к законопроекту вызвано не боязнью вычета из зарплаты 500-700 рублей. Сумма не критичная для работающих,

но она не решает и проблему бедности для пенсионеров.

В итоге, законодатель пошел другим путем. В марте 2019 г. принят ФЗ «О внесении изменения в статью 169 Семейного кодекса», согласно которому алименты должны выплачиваться неработающим родным предпенсионного возраста: нуждающимся нетрудоспособным родителям, супругам и бывшим супругам, ставшими таковыми до расторжения брака или в течение года с момента расторжения брака, совершеннолетние братья и сестры, дедушки, бабушки и внуки, фактические воспитатели, отчим и мачеха. Таким образом проблема обеспечения обязательств декларируемого социального государства была переложена на суды.

Данный закон подтверждает мнение экспертов о том, что государство неспособно обеспечить занятость предпенсионеров. Но у людей предпенсионного возраста детям 20-30 лет, они уже имеют свои семьи, а согласно статистике, семьи с детьми – самая малообеспеченная социальная группа. Следовательно, правительство еще вернется к идее налога на содержание родителей, который будет отчисляться в специальный фонд с момента трудоустройства ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левичева М. Говорят ученые: одинокие женщины без детей – самые счастливые. – Режим доступа: https://med.vesti.ru/articles/psihologiya/govoryat-uchenye-odinokie-zhenshhiny-bez-detej-samye-schastlivye/?utm_source=g ismeteo&utm_medium=banner&utm_campaign=gismeteo-newblock.

2. Егоров Р.Н., Шаповаленко И.В. Родители и взрослые дети: особенности взаимоотношений (по материалам зарубежных источников) // Современная зарубежная психология. – 2017. – Том 6. – № 2. – С. 54-62.

3. Рыбак Е.В., Слепцова Н.Г., Федулова А.Б,. Цихончик Н.В Молодая семья в современном обществе: методическое пособие для специалистов по работе с семьей и молодежью. – М.: ООО «ТР-Принт».

4. Широкалова Г.С. Пенсионная реформа как фактор разрушения «большой семьи» // LOGOS ET PRAXIS. – 2018. – № 2.

5. Певцова Е. Дети заплатят налог «на родителей». – Режим доступа: https://www.prizyv.ru/2013/08/deti-zaplatyat-nalog-na-roditelej.

6. Юмабаев Д. Пенсию родителям будут выплачивать дети. – Режим доступа: https://74.ru/text/business/685974.html.

7. К Международному дню пожилых людей. Пресс-выпуск. – Режим доступа: https://www.levada.ru/2018/09/26/k-mezhdunarodnomu-dnyu-pozhilyh-lyudej.

8. Расследование хищения 1,25 млрд руб. из Пенсионного фонда. – Режим доступа: https://ria.ru/PFR_theft_investigation_02092010/.

9 Дело о хищении пенсионного миллиарда в Екатеринбурге дошло до федерального правительства. – Режим доступа: https://ura.news/articles/1036254042.

10. Кошкина А. Опора матерей. Вице-президент «Опоры России» Павел Сигал задержан по подозрению в организации схемы по незаконному обналичиванию материнского капитала. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/2013/11/19/5759477.shtml?updated

RUSSIAN LEGISLATION AND INTER-GENERAL RELATIONS

G.S. Shirokalova

The events of the last three decades have made significant adjustments to intergenerational relations in Russia. The article analyzes the possible changes in intergenerational relations in Russian families as a result of the pension reform.

Keywords: family, pension reform, parents, children, intergenerational communications.

РАЗДЕЛ 4.
ИННОВАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СЕГОДНЯ

==========

ЦИФРОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

М.М. Абдуразаков[1], Д.Д. Гаджиев[2], Г.В. Козлова[3]

[1]Доктор педагогических наук, профессор
Россия, 119517, г. Москва, пр. Вернадского, д. 88, корп. 1, к. 1317
Тел.: 89055172945, e-mail: abdurazakov@inbox.ru

[2]Государственный университет штата Флорида, Индиан Ривер Колледж, кандидат физико-математических наук
США, 3209, Virginia Avenue, Fort Pierce, FL 34981
E-mail: dgadjiev@irsc.edu

[3]Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, преподаватель
Россия, 119234, г. Москва, мкр. Ленинские горы, д. 1
E-mail: gvk.mos@yandex.ru

Рассматривается структура содержания и методология образования в контексте парадигмы «непрерывное образование»: концепция знания, восходящая к культуре знаний и культуре познания; подходы к образованию в контексте информационной коммуникации; их формы и средства. Особое внимание уделено инновационным технологиям информатизации образования, влияющие на качество образования в его современном звучании, о степени влияния IT-технологий на мышление, быт и образ жизни человека. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить причинно-следственные связи изменения IT-технологий и образовательного пространства; изучить содержание и форму взаимовлияние информационно-цифровых технологий на форму и структуру обучения в образовательном виртуальном мире и образовательном киберпространстве.

Ключевые слова: знания, компетентность, культура, информационно-образовательная среда, саморазвитие, коммуникация, взаимодействие, медиа, электронный ресурс.

Квалификация виртуального мира и киберпространства в качестве дополнительной реальности может быть только условной в силу относительности наших знаний о мире и субъективности цифрового представления информации. Чем глубже и полнее человек проникает в виртуальный мир, в *четвёртое информационно-кибернетическое измерение*, включая своё воображение, тем более интеллектуально он сближается с ним, «врастает» в него.

Проникновение IT-технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности предполагает подготовку кадров соответствующей квалификации, владеющих IT-компетенциями, что обуславливает настоятельную необходимость обоснованного использования информационных и коммуникационных техно-

логий в области образования. С этой точки зрения цифровизация является глобальным явлением современного общества, социальной жизни и сферы познания и реализуется в информатизации человека в двоичном, битовом представлении информационных образов реальных явлений, символов, чисел, цифр и т.д. Цифровизация и её выражение во множестве конкретных форм представления информации, Web-технологий, графики, звуковых технологий, мультимедиа и тому подобного создаёт и олицетворяет виртуальный мир. Это новая эпоха в области познания и практической деятельности человечества.

Становление открытого образовательного пространства носит масштабный необратимый характер, что предопределяет необходимость совершенствования механизмов и каналов обмена знаниями, формирования принципиальной новой информационно-образовательной среды и открытых образовательных ресурсов как необходимых компонентов образовательного пространства.

В эпоху цифровизации Концепция общества знаний является доминирующей парадигмой социального развития общества и информатизации образования, характерными признаками которой являются «непрерывное образование», «образование на протяжении всей жизни», «самообразование». Это означает неуклонное возрастание качество знаний, умений и компетенций, подлежащих восприятию, осознанию, усвоению человеком в процессе его активной жизни. Однако знания и умения формируются с учетом уже имеющихся, тогда как «старые» – необходимое условие формирования «новых». Преемственность в образовании, усвоении, приобретении учащимися знаний, умений, учебных компетенций осуществляется на основе взаимопреемственности и взаимоопоры [1, с. 45].

Интеллектуальная память человека не безгранична, поэтому информация должна быть дифференцирована в соответствии с мерой значимости, ценности, необходимости. Критерием целесообразности включения информации в содержание обучения или самообучения является ее соответствие целям образования и личного развития, эффективность, продуктивность, непрерывность, т.е. реализуется принцип «*необходимость-достаточность-достоверность*» получения информации.

Образование, предметное обучение, целенаправленное развитие личности как залог успешного самообразования, самообучения, саморазвития субъекта обучения возможны только при наличии целенаправленного, продуктивного образования, то есть обучения должно строиться на основе системно-деятельностного подхода и при непрерывном взаимодействии для получения прямой и обратной связи. Взаимодействие субъектов образования реализуется через учебно-образовательный процесс и выражается в непрерывном информационно-познавательном и учебно-познавательно взаимодействии субъектов и объектов обучения (учитель и ученик, преподаватель и студент, средства обучения и т.д.).

Сфера образования является деятельностным выражением структурированного множества субъектно-субъектных и субъектно-объектных отношений. Поскольку основной объект современного образовательного взаимодействия является информация, то такое взаимодействие становится информационным,

т.е. *информационно-образовательным*.

Информационно-образовательная среда (ИОС) – это «представление образовательной среды в информационной форме, ее образ в информационных средствах, ресурсах, технологиях, обучающих и управляющих системах, выраженных в документированной форме и методически адаптированных для образования» [2]. Ее основная цель – обеспечение перехода образования в новое качество, то есть в состояние, соответствующее *информационному обществу* [3]. Информация одновременно является исходным продуктом, а также конечным, но качественно иной по смыслу, восприятию и назначению.

Мы согласны в том, что в основе образования лежит «непрерывный деятельностно-познавательный процесс, осуществляемый в парадигме «*учитель-знание-ученик*» и реализуемый в виде разветвленной структуры целенаправленных процессов обучения, воспитания, развития личности субъекта образования, управления» [4, с. 5]. Более того, в ходе этого процесса знания структурируются и самоструктурируются, систематизируются и самосистематизируются; появляются универсальные умения и навыки, развиваются предметные и метапредметные компетентности. Так, электронное обучение нами рассматривается в сочетании двух факторов:

• объективного, с учетом степени влияния цифровизации, общей информатизации и *информатизации образования* (электронно-цифрового представления информации, медиаинформации, электронно-образовательных ресурсов, киберсистем; информационные и коммуникационные технологии и технические средства обработки познавательной информации; медиа- и смарт- средства; киберпространство);

• субъективного, с учетом со свойственных субъектам обучения личностных качеств, эмоций, психикой, которым нужны соответствующие *знания, компетентности, культура*.

Следовательно, необходимо формировать *культуру знаний* и, соответственно, *культуру образовательных знаний*, что становится основой для выработки умений, навыков и компетентностей. Отсюда следует, что правильная интерпретация знаний, их представление и восприятие в образовании и в предметном обучении поможет адекватно понять структуру и природу знания и, следовательно, познания. Это предполагает:

• представление (формальное, логическое и физическое) знаний в цифровом виде, в удобной форме для их восприятия, сознания и понимания;

• систематизацию, структуризацию и идентификацию знаний для обеспечения связанности, взаимопреемственности и взаимодействия;

• тематическую, семантическую, прагматическую классификацию, что необходимо для формирования, развития, продуктивного предметного обучения, усвоения и применения знаний [1].

Культура познания как *инвариантное состояние развивающейся и саморазвивающейся личности* содержит несколько компонентов:

• *научиться учиться, что оценивается* как потребность в знании, личную

мотивацию, ориентированную на непрерывное образование;

• *знания о знании*, их выражение и представление, идентификация и структуризация предметных, так и межпредметных знаний;

• *умение учиться*, т.е. определять, понимать и применять знания; использовать формы их представления и воспроизведения, способствующие эффективному восприятию;

• *научить человека учиться, что понимается нами* как способность человека к самоорганизации, самопознанию, саморазвитию, характеризующему систему передачи знаний*;*

• *умение* эффективно использовать современные технические, технологические, информационные средства обучения.

Отмеченные компоненты культуры познания будут развиваться при умении субъекта образования эффективно использовать информационно-образовательные ресурсы в достижении целей образования и самообразования, обучения и самообучения, личного развития и саморазвития, в целях удовлетворения личных познавательных потребностей.

Необходимо отметить, что при переходе к непрерывному образованию актуализируется задача формирования навыков самостоятельной познавательной и практической деятельности, целью которой становится не только усвоение знаний, но и *овладение способами* этого усвоения, развитие познавательных сил и творческого потенциала обучаемых. Таким образом, *«научиться учиться»* и *«научить учиться» – основополагающие установки современного образования*, которые являются взаимоопределяющими компонентами единой образовательной установки. В то же время это лишь прагматическое, когнитивное выражение культуры знания и культуры познания, воспитания личности субъекта образования, формирования его мотивации к развитию личных знаний, к саморазвитию.

Под влиянием информационной среды изменяются концепции образования, его организационные формы, методология. Поскольку основной результат учебно-образовательной деятельности – компетентность (предметная, метапредметная, общеобразовательная), а личное развитие не может быть полноценным без необходимой компетентности, то базовым методологическим подходом современного образования должен стать *компетентностный подход*. В сфере образования он реализует фундаментальный методологический системно-информационный подход к познанию в *деятельностной форме*, что естественно для образовательной деятельности. Однако выражение «деятельностный подход» само по себе лишено содержания: это лишь констатация формы подхода к образованию.

Содержание и функции современного образования обозначает коммуникация, поэтому базовый подход к образованию характеризуется как *коммуникативный.* Сохраняя преемственность в терминологии, можно охарактеризовать базовый методологический подход к образованию как *коммуникативный* во всех семантических значениях этого слова: в аспекте информационной, речевой, социокультурной, познавательной, деятельностной (созидательной) и прочей коммуникации [5].

Таким образом, *компетентностный* подход к образованию реализуется через *коммуникативный* (так же, как через *личностно-ориентированный*) и при этом имеет признаки *социокультурного* других методологических подходов, свойственных информационно-образовательному взаимодействию и, соответственно, коммуникации. Все названные подходы сбалансированно сочетаются в интегрированным методологическом подходе к образованию.

Важнейший образовательный результат развития личности субъекта – *личная культура*, развивающаяся вследствие применения в образовании личностно-ориентированного и социокультурного методологических подходов. Это и показатель личного развития человека, и инвариантный ресурс дальнейшего развития и саморазвития личности. Подчеркнем, что личностное развитие ученика, рассматриваемого в качестве активного субъекта образования и полноправного субъекта социально-информационной среды, переходит в другую плоскость, приобретает новое качество.

Результатом реализации коммуникативного методологического подходов в сбалансированной интеграции с личностно-ориентированным, социокультурным и др. является *личная информационная культура* – продукт и ресурс информационно-образовательного взаимодействия личности. Как и все личное развитие субъекта образования, информационная культура базируется на продуктивном применении компетентностного подхода, его предметных, общеобразовательных, *социокультурных, информационных компетентностей*.

Коммуникативный подход предусматривает активное взаимодействие субъекта образования с информационной средой, ИОС, работу с информационными ресурсами, их поиск, воспроизведение, применение. При этом субъект должен владеть не только возрастающей по объему и качеству информационно-коммуникативной компетентностью, но и социальной, информационно-правовой, которая предусматривает знание и соблюдение соответствующих социальных и информационно-правовых норм.

Задача образования, предметного обучения, преподавателей – формирование необходимых информационно-коммуникативных, социокультурных, социально-правовых компетентностей субъектов образования и обучения. Задача субъекта образования – развитие, повышение уровня своих компетентностей при активном взаимодействии с информационно-образовательной средой, в том числе, при самостоятельном погружении в эту среду. Информационно-образовательная среда качественно преобразуется, совершенствуется, дополняясь медиаобразовательной средой, переходя в нее. *Электронно-образовательные ресурсы* (ЭОР) дополняются ресурсами медиасреды, образовательными медиаресурсами.

В медиаобразовательной среде происходит качественное единение ЭОР и медиаресурсов, получающее воплощение в *медиа-ЭОР* (электронных ресурсах), которые обладают свойствами продуктов мультимедиа и гипермедиа, реализуют соответствующие *педагогические медиатехнологии* и функционируют под управлением *медиаобразовательных технологий*.

Медиаобразование – продукт, средство и состояние современной образо-

вательной сферы. Это новая форма образования, дополняемая процессами самообразования посредством активного и целенаправленного взаимодействия с медиасредой.

В последнее время с появлением медиаустройств со встроенным интеллектом, позволяющим субъекту не просто считывать информацию, но и вести с ней интерактивный диалог, конструктивно взаимодействовать в реальном режиме времени (смартфоны, планшеты, интерактивные смарт-доски и пр., работающие самостоятельно или автономно под управлением собственных операционных систем). Такие Smart-системы в составе Smart-устройств и обеспечивают функционирование Smart-технологий, создают не только новый облик медиаинформатизации, но и формируют новое Smart-общество, представленное Smart-субъектами, Smart-объектами и Smart-отношениями.

Smart-системы (Smart-ресурсы + Smart-технологии) делают процесс обучения *динамическим*, представляя субъектам обучения (обучающих и обучающихся) интерактивное участие в диалоге с ними. В режиме диалога Smart-ресурс способен не только воспроизводиться, но и *модифицироваться*, изменяться. Могут быть изменены форма и порядок его воспроизведения. Например, преподаватель может буквально на глазах аудитории заново воссоздать SMART-объект по ранее *подготовленной модели*, модифицировать, изменить, дополнить и сохранить ее в качестве Smart-объекта, Smart-ресурса.

Медиаобразование и Smart-образование – качественно новые формы образования с иной структурой, они предполагают разделение преподавательского труда, у них иная методология, дидактика, предметная методика [6].

Таким образом, Smart-средство является самостоятельной интеллектуальной системой, которая способна «автономно в режиме on-line обрабатывать и преобразовывать медийную информацию. Smart-технология – медиатехнология, обеспечивающая выполнение этих функций» [3].

Smart-обучение предполагает разработку учебных курсов и их интерактивное представление; оценку и контроль результатов обучения, тестирование (они все чаще представлены в электронном виде, следовательно, оформляются в автономную систему); создание образовательных Smart-технологий, мультимедиа, Smart-ресурсов, Smart-сред; администрирование и координация центров SMART-обучения. Такая специализация не означает, что за каждым учебным предметом должна быть жестко закреплена соответствующая преподавательская группа. Нужны группы Smart-специалистов, которые будут разрабатывать типовые модели процессов предметного Smart-обучения, в то время как задача специалиста-предметника – их воспроизведение и соответствующая модификация в соответствии с конкретными реальными условия обучения. Типовые модели Smart-ресурсов имеют больше (в отличие от их частных реализаций) возможностей стать общеобразовательными ресурсами с широкой сферой применения.

Заключение. Электронный мир как порождение IT-индустрии оказывает значительное влияние на образовательную сферу. Дистанционные технологии и облачные сервисы, ЭОР и Web-ресурсы, Internet и Smart-технологии определи-

ли новый облик современного общества и способствуют становлению киберпространства.

Информатизация образования общества стала глобальным явлением, а взаимодействие в едином информационном пространстве создает благоприятные условия для развития интеграционных процессов в сфере образования. Но для образовательной сферы как открытой развивающей системе необходимо развитие электронного обучения, что является важнейшей задачей для цифровой дидактики, предметных систем и методик. Должно быть наличие целенаправленности и критериев отбора информации, вовлекаемой в информационно-образовательную среду, нужны критерии оценки ее «*необходимости-достаточности-достоверности*», а также умения субъектов обучения критически оценивать информацию при самообучении и самообразовании. При этом культуру знания и познания можно (и нужно!) формировать, развивать в индивидуальном взаимодействии с информационной средой только на основе уже имеющихся знаний, компетентности и культуры. Все это зависит от самого субъекта, его личных качеств, целей, стремлений, состояния и поведения в информационно-образовательной среде, а именно, в современном цифровом мире.

Идентификация электронного обучения в качестве новой формы обучения не означает отказ от других традиционных форм, имеющих широкое применение и доказавших свою результативность и эффективность в многовековой практике. Необходимо сбалансированное сочетание традиционной и электронной форм обучения. Это позволит преподавателю выбрать форму обучения в конкретных системах в соответствии с их спецификой.

Образовательный результат достигается только в деятельности. Чтобы целенаправленно планировать его достижение, следует проектировать образовательный процесс на основе других видов учебной деятельности, с использованием новых методов, форм и средств учебной деятельности, в актуальной среде на базе IT-технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуразаков М.М. Взаимодействие субъектов образования в информационно-образовательной среде: культура знаний, познания и информационной коммуникации // Педагогика. – 2018. – № 9. – С. 39-46.

2. Абдуразаков М.М., Цветкова О.Н., Миронова И.В. Представление информационно-образовательной среды в образовательном киберпространстве // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – № 6. – Т. 8. – Ч. 1.

3. Abdurazakov M.M., Korotenkov Yu.G., Mukhidinov M.G. Representation of educational space in cyberspace // SHS Web of Conferences. – 2016. – Vol. 29. – P. 01001.

4. Лазебникова А.Ю., Коротенков Ю.Г. Информатизация образования как социальный процесс. – М.: Ин-т содержания и методов обучения, 2010. – 60 с.

5. Коротенков Ю.Г. Информациология как методология познания мира: монография. – М.: Перо, 2017. – 170 с.

6. Korotenkov Yu.G. Smart-society and Smarteducation // Materials of the X international scientific and practical conference «Trends of modern science 2014». Sheffield, S Yorkshire, England, 2014.

DIGITAL PRESENTATION OF INFORMATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN EDUCATION

M.M. Abdurazakov, D.D. Gadjiev, G.V. Kozlova

The article discusses the structure of the content and methodology of education in the context of the paradigm of «lifelong education»: the concept of knowledge, dating back to the culture of knowledge and the culture of knowledge; approaches to education in the context of information communication; their forms and means. Particular attention is paid to innovative technologies of informatization of education, affecting the quality of education in its modern sound, about the degree of influence of IT-technologies on the thinking, life and lifestyle of a person. The aim of the study was: to identify the cause-effect relationships of changes in IT-technologies and educational space; the study of the content and form of interaction of information and digital technologies on the form and structure of training in the educational virtual world and educational cyberspace.

Keywords: knowledge, competence, culture, information and educational environment, self-development, communication, interaction, media, electronic resource.

НООСФЕРНАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЖИЗНИ В СИСТЕМЕ «ПРИРОДА – ОБЩЕСТВО – ЧЕЛОВЕК»

Б.Е. Большаков[1], А.А. Гапонов[2], Е.Ф. Шамаева[3]

Государственный университет «Дубна», Институт системного анализа и управления, кафедра геоинформационных систем и технологий,[1] доктор технических наук, профессор, Межрегиональная общественная организация «Русское космическое общество», первый Президент,[2] аспирант, Межрегиональная общественная организация «Русское космическое общество», Президент,[3] кафедра устойчивого инновационного развития, кандидат технических наук, доцент.

Россия, 141980, Московская обл., г. Дубна, ул. Университетская, д. 19

Тел.: [2]89263440727, [3]89057612508,

e-mail: [2]gaponov@cosmatica.org, [3]shamef-kate@yandex.ru

Рассматривается концептуальная модель образования. Обсуждаются следующие вопросы: почему и зачем нужна ноосферная модель образования; ноосферная парадигма как научная основа стратегии устойчивого развития Жизни; ценности ноосферной модели образования; главные принципы ноосферной модели образования; создание Русским Космическим Обществом ноосферного открытого сетевого университета устойчивого развития.

Ключевые слова: модель образования, ноосфера, законы Природы, мировоззрение устойчивого развития, формирование и развитие мировых научных школ.

В войне такого масштаба, как нынешняя, в конце концов победит тот, кто следует закону Природы. Мы не можем не считаться с тем, что мы пошли по правильному пути, который отвечает ноосфере, как общему закону природы.

В.И. Вернадский

Лучший способ сохранить Землю и страну для будущих поколений – это формировать Человека, способного и реализующего свою способность к творчеству во имя развития Жизни.

П.Г. Кузнецов

Мир, а вместе с ним и наша страна, находятся в Особом периоде, так называемой зоне сингулярности, где пересекаются силы разрушительные, управляющие хаосом, и силы созидательные, управляющие развитием жизни. Особый период проявляется в форме глобальных вызовов, рисков и угроз.

Глобальные вызовы, риски и угрозы.

Некоторые иллюстрации вызовов рисков и угроз представлены на рис. 1.

Устойчивое развитие жизни – это стратегия партнерства для адекватного ответа на глобальные вызовы, риски и угрозы, когда требуются актуальные идеи, проекты и технологии, подготовленные кадры.

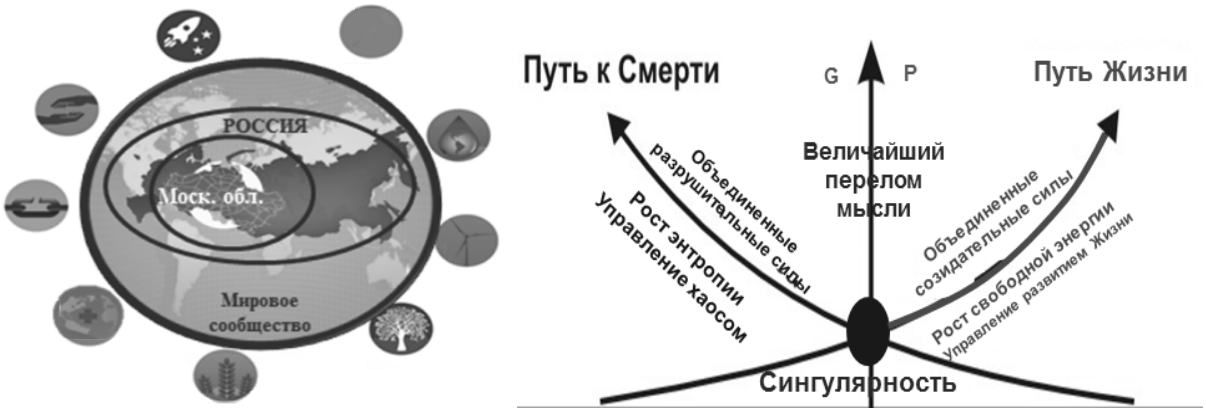


Рис. 1. Некоторые иллюстрации вызовов, рисков и угроз

Почему нужна ноосферная модель образования для устойчивого развития Жизни?

Ни одна система образования, включая европейскую, американскую, азиатскую, недостаточны в условиях глобальных вызовов, рисков и угроз.

Почему недостаточны?

Существующие в мире системы образования не дают проблемно-ориентированное образование, основанное на высших нравственных ценностях – общеобязательных знаниях о ноосферных законах сохранения и развития Жизни как космопланетарного явления и в силу этого абсолютно недостаточны для адекватного ответа на глобальные угрозы, не позволяют переломить негативные тенденции и перейти к ноосферному устойчивому развитию.

«Университет должен обеспечить будущим поколениям такое образование и такую подготовку, которые позволят им внести свой вклад в соблюдение *великого равновесия* окружающей среды и самой жизни» Великая Хартия европейских университетов (Болонья, 18 сентября 1988 г.).

Однако в соответствии с принципом устойчивой неравновесности как общей исторической закономерности живых систем Э. Бауэра, В.И. Вернадского, П.Г. Кузнецова: «*живая система, пока она живая, никогда не бывает в равновесии.* И за счет своей свободной энергии совершает работу против равновесия, что подтверждается в течение 4-х млрд. лет» [1].

Зачем нужна ноосферная модель образования для устойчивого развития?

Почему не удается переломить негативные тенденции?

На Саммите, посвященном устойчивому развитию (РИО+20), Руководителем группы Верхнего уровня при Генеральном секретаре ООН Т. Халонен заявил, что «Проблема заключается в том, что 25 лет спустя устойчивое развитие по-прежнему является общепринятой концепцией, но не общеобязательной» [3]. Почему?

Общеобязательно – это то, что основано на Законе.

Однако, существует два типа законов:

• *Законы Права* – это писаные законы, которые можно отменить при определенных обстоятельствах.

• *Законы Природы* – это открываемые наукой законы, которые нельзя

отменить, но которые нужно знать, понимать и уметь правильно использовать.

Противоречие между этими типами законов должно быть превращено в движущую силу развития в ноосферной модели образования[3].

Цель ноосферной модели образования:

Ноосферная модель образования реализуется с целью формирования человека, способного и транслирующего свою способность к творчеству во имя разрешения фундаментальных противоречий и развития Жизни как космопланетарного явления.

Фундаментальные противоречия:

• Противоречие между геологической вечностью Жизни и индивидуальной смертностью.

• Противоречие между пространственно-временной ограниченностью Земли и необходимостью сохранять развитие Человечества в независимости от этих ограничений.

• Противоречие между общим Законом сохранения развития Жизни и существующими в современном мире глобальными вызовами, рисками и угрозами.

Как разрешить эти противоречия?

В основе ноосферной модели образования лежат выдающиеся открытия общих законов сохранения и развития живой природы, как высших нравственных ценностей и смыслов, представленных в мировом философском и научном наследии.

Рис.1. Выдающиеся представители мировых научных школ

На современном этапе мирового развития доминируют разные стратегии:
Западная школа – стратегия «нулевого роста» (золотого миллиарда).
Восточная школа – стратегия Вечной жизни.
Русская школа – стратегия ноосферного устойчивого развития.

Без использования фундаментальных результатов мировых научных школ

невозможно ответить на вопрос и решить проблему перехода к устойчивому развитию Жизни. Что является общим фундаментальным результатом мировых научных школ.

Ноосферная парадигма как научная основа стратегии устойчивого развития Жизни как космопланетарного процесса.

Рис.2. Ноосфера

Семантика слова *РАЗУМ* – развитость ума [1,3]. *УМ* со времен Н. Кузанского (1454г.) – это измерение. Следовательно, РАЗУМ – развитость измерения. Отсюда следует, что *ноосфера – это сфера развитого измерения* космопланетарного процесса, который проявляется как закон Природы [2].

Нарушение этого закона неизбежно порождает глобальный кризис и деградацию Жизни как космопланетарного процесса на Земле [1,2].

Для осознания этого закона и его правильного применения требуется не только общее видение проблемы, но и научный инструментарий конструирования, проектирования и управления, требуется универсальный язык, повышающий качество мышления.

За свою историю человечество создало много разных естественных и искусственных языков, на которых описываются общие законы, принципы и понятия. Среди них язык алгебраических и дифференциальных уравнений, междисциплинарный язык термодинамики и синергетики, язык пространственно-временных величин (LT-язык).

Ноосферный LT-язык.

Одним из принципиально важных и перспективных подходов к описанию социоприродных процессов оказался язык многомерных пространственно-временных величин. Идея ноосферного языка принадлежит В.И. Вернадскому. Он писал: «Исходной основой точного научного знания является язык пространства – времени. Выразить различные формы движения – это выразить их на универсальном языке пространства – времени. Время не только неотделимо от пространства, а является как бы другим его выражением» [1,2,3].

Ноосферный LT-язык – это многомерный пространственно-временной

язык, который сшивает воедино законы разных научных парадигм, устанавливает связь между естественными, социальными и духовными мерами и, используя Единый, доступный человеческому сознанию язык дает возможность генерировать новые знания о законах системы «Космос – Земля – Биосфера – Человечество – Человек» [2].

Логика построения такого языка, его философские и физико-математические основания впервые рассмотрены в трудах выдающихся русских ученых Р. Бартини, П.Г.Кузнецова [1,2,3]. Методология и принципы использования LT-языка в создании научных основ проектирования устойчивого развития в системе «природа – общество – человек» даны в монографии и учебнике О.Л. Кузнецова и Б.Е. Большакова [2]. Использование универсальных мер дало возможность рассматривать понятия разных предметных областей как проективное пространство с инвариантом, допускающим преобразование по определенным правилам. Все базовые понятия системы «природа – общество – человек» стали рассматриваться как группа преобразований с инвариантом. В качестве инварианта выступили общие законы природы, выраженные в пространственно-временных мерах [2]. Логика проектирования развилась в тензорную методологию проектирования будущего ноосферного мира как научный инструмент правильного применения общих законов природы для управления развитием в системе «природа – общество – человек» [2].

Что молодое поколение должно уметь делать в условиях глобального кризиса в процессе перехода к ноосферному устойчивому развитию?

Для выхода из глобального кризиса необходимо устранение разрыва между существующим и требуемым состоянием глобальной системы посредством расширения мерности пространственно-временных границ периода её ноосферного устойчивого развития.

Многоступенчатый процесс устранения LT-дименсиальных разрывов и есть переход к ноосферному устойчивому развитию показан на рис.3.

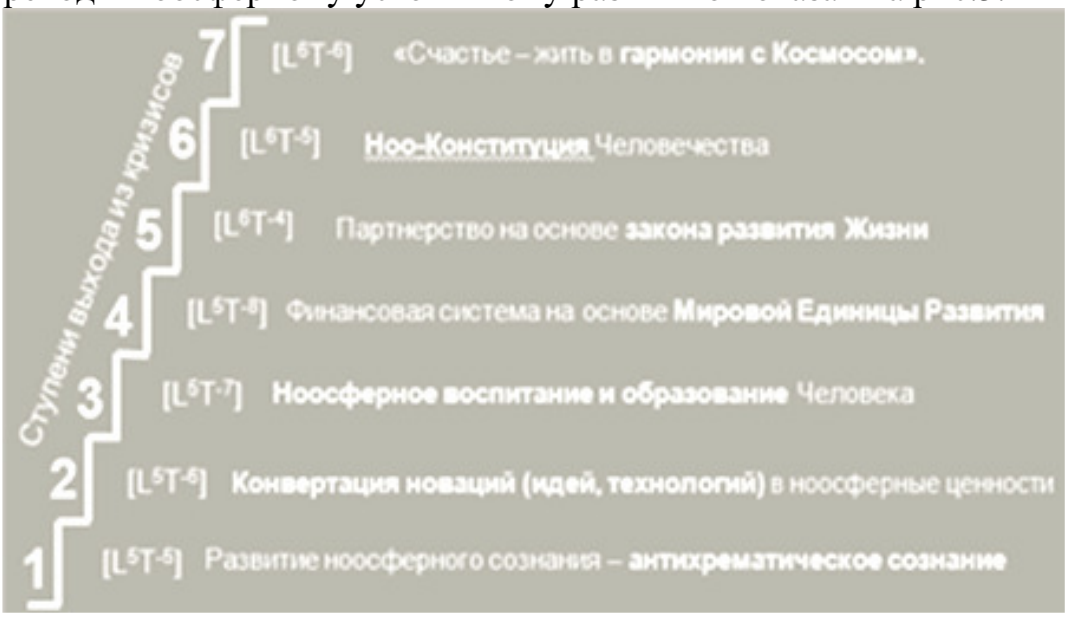


Рис.3. Многоступенчатый процесс перехода к ноосферному устойчивому развитию

Как видно на рис.3, многоступенчатый процесс начинается с развития ноосферного сознания. Как развить ноосферное сознание?

Необходима ноосферная модель образования. Ее главные ценности представлены на рис.4.

Рис. 4. Три главные ценности ноосферной модели образования

На основе представленных ценностей сформулированы главные принципы-правила ноосферной модели образования, которые используются в обосновании, разработке и реализации образовательных программ в целях устойчивого развития (рис. 5).

Как претворить в жизнь эти принципы-правила?

Естественно, использовать эти принципы-правила в процессе реализации проектов устойчивого развития систем жизнеобеспечения.

Проекты устойчивого развития систем жизнеобеспечения:

1. Образование (высококвалифицированные кадры для ноосферного устойчивого развития)

2. Управление и финансы (прорывные технологии, защита от рисков неэффективного управления)

3. Информация и связь (оптико-волоконные сети, беспроводная передача данных, информационные технологии)

4. Энергетика (нефте- и газопроводы, электросети и высоковольтные ли-

нии, новые, прорывные технологии и инновационные решения в области энергообеспечения)

5. Транспорт (прорывные технологии перемещения в пространстве)

6. Жилье (новые технологии строительства)

7. Здоровье (прорывные биотехнологии для увеличения времени активной, здоровой жизни)

8. Безопасность (прорывные технологии, обеспечивающие развитие без опасности)

Рис. 5. Главные принципы ноосферной модели образования

В целях подготовки высококвалифицированных кадров, обеспечивающих эффективную реализацию проектов жизнеобеспечения, Русским Космическим Обществом создана научно-образовательная открытая сетевая организация «Университет устойчивого развития Жизни».

В условиях глобального системного кризиса, рисков, неопределенностей, угроз и санкций чрезвычайно важно иметь подготовленные кадры, способные обеспечить эффективное управление развитием на всех уровнях управленческой иерархии и во всех сферах жизнедеятельности общества.

Цель университета: обеспечить системную подготовку высококвалифицированных кадров (исследователей, конструкторов и организаторов), способных и реализующих свою способность к творческому и эффективному решению проблем управления устойчивым развитием сложных систем жизнеобеспечения.

Задачи заключаются в подготовке:

1. *Специалиста как исследователя*, который знает, понимает и может дать обоснование моделей, систем, технологий, проектов на фундаментальной базе универсальных законов сохранения и развития сложных систем жизнеобеспечения;

2. *Специалиста как конструктора*, который знает, понимает и может

осуществить разработку моделей, систем, технологий, проектов на фундаментальной базе универсальных законов сохранения и развития сложных систем на основе проведенного обоснования;

3. *Специалиста как организатора*, который знает, понимает и может реализовать, и получить результат от внедрения разработанных моделей, систем, технологий, проектов на фундаментальной базе универсальных законов сохранения и развития сложных систем жизнеобеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев Б.А. Основы мироздания. – М.: Белые альвы, 2002. – 320 с.

2. Большаков Б.Е. Наука устойчивого развития. Книга I. Введение. – М.: РАЕН, 2011. – 272 с.

3. Суслов Ю.Е. Управленческая парадигма ноосферной научно-исследовательской образовательной программы // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. – 2015. – № 4(29). – Т. 11. – С. 15-34.

4. Маслова Н.В. Социальные стратегические субъекты устойчивого развития: системономические основания // Устойчивое развитие: наука и практика. – 2014. – № 2 (13). – С. 82-95.

5. Маслова Н.В. Периодическая система Законов образования. – М.: Институт холодинамики, 2009. – 179 с.

6. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов, 2000. – С. 12-27.

7. Тимофеева В.В. Поведенческая методология управления проектами в образовательных процессах // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. – 2009. – № 3. – С. 40-44.

NOOSPHERE MODEL OF EDUCATION AS A BASIS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE SYSTEM «NATURE-SOCIETY-MAN»

B.E. Bol'shakov, A.A. Gaponov, E.F. Shamaeva

In article the conceptual model of education is considered. The following issues are discussed: why and why the noosphere model of education is necessary; noosphere paradigm as scientific basis of strategy of persistent development of life; values of noosphere model of education; main principles of noosphere model of education; prospects of creation of the noosphere open network university of sustainable development.

Keywords: education model, noosphere, laws of the Nature, outlook of sustainable development, formation and development of world schools of sciences.

WEB-КВЕСТЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ТРАДИЦИОННОМУ УРОКУ

Е.В. Валеева[1], С.В. Напалков[2]

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, [1]историко-филологический факультет, кафедра русского языка и литературы, кандидат филологических наук, доцент, [2]физико-математический факультет, кафедра физико-математического образования, кандидат педагогических наук, доцент

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89101467296, 89506200330, e-mail: ev.visual@mail.ru, nsv-52@mail.ru

Современная школа имеет дело с человеком с клиповым мышлением, для которого язык становится тормозом в выражении мысли. Опыт педагогической работы доказывает эффективность использования современных технологий, например, тематических образовательных Web-квестов по литературе. Путь к художественному тексту сегодня лежит через эмоциональный образ, то есть через картинку.

Ключевые слова: образовательный Web-квест по литературе, методика преподавания литературы, клиповое мышление, инновационные образовательные технологии.

Современная школа имеет дело с человеком с клиповым мышлением, для которого язык становится тормозом в выражении мысли. В условиях огромной скорости смены событий у нашего юного современника не хватает времени. Извлечь смысл из высокоскоростного режима жизни становится практически невозможно, поэтому молодому поколению людей легче воспринимать информацию не на уровне понятия, т. е не в оформленной словами мысли, а на уровне эмоционального образа.

На клиповое мышление во многом работает и школа, которая устроена так, что учебники не являются полноценными книгами. Ученики читают один фрагмент (параграф), потом через неделю – другой, а в это время еще по параграфу из других десяти учебников. Таким образом, линейное чтение уходит в прошлое. Школа и вуз в настоящее время сориентированы на противоположный принцип, поскольку не надо читать весь учебник от начала до конца. Один урок или лекция, потом десять других, затем снова этот – и так далее (из интервью профессора, доктора психологических наук, старшего научного сотрудника отдела организации научно-исследовательской работы ФГБУ «Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины им. А.М. Никифорова МЧС России» Рады Грановской).

Но в такой новой форме мышления есть плюсы. Клиповое мышление – это своего рода защитная реакция организма на переизбыток информации, поэтому мышление человека адаптируется к информационной перегрузке. Методика преподавания гуманитарных дисциплин в школе и вузе должна учитывать сложившуюся ситуацию и образ мышления учащихся, их интересы.

Ученик и студент слушает лекции так же, как смотрит телевизор, переключая каналы, т. е. разбивает лекцию или урок на картинки (клипы), на инте-

ресные и неинтересные сцены**.** Надо сделать так, чтобы занятие состояло из множества увлекательных заданий.

Опыт педагогической работы доказывает эффективность использования современных технологий: облачных технологий [1], интерактивных технологий образовательного назначения [3], образовательных Web-технологий [2] (например, тематических образовательных Web-квестов [4, 5, 7, 8, 9, 12]). Под Web-квест-технологией мы понимаем такую педагогическую технологию, которая ориентирована на творческое использование Интернет-ресурсов [4, 5, 6].

Первоначально тематические образовательные Web-квесты получили широкое распространение в практике обучения математике, то есть в области естественно-научных дисциплин.

Структура информационного контента тематического образовательного Web-квеста по гуманитарным дисциплина [9, 10] (в частности, по литературе [7]) определяется спецификой содержания изучаемого материала, то есть темой (например, «Немецкий романтизм»), особенностями целей и задач заключительного этапа работы над поставленной проблемой.

Материал любой учебной темы логично разделить на *теоретический*, который включает в себя изучение истоков явления (его социально-исторической, философской и литературной основы), терминологический и понятийный аппарат (так, в частности, при изучении темы «Немецкий романтизм» необходимо определить такие категориальные понятия, как «двоемирие», «двойственность», «романический герой», «романтический пейзаж» «герой-созерцатель» и др.), формирование соответствующих умений (анализ романтического художественного текста). Логичным представляется выделять в информационном контенте тематического образовательного Web-квеста по литературе компонент ***<Теория>***.

Особую роль в гуманитаристике играют задания практического содержания, направленные на закрепление полученных знаний. Для развития исследовательской самостоятельности студентов целесообразно выделять в образовательном Web-квесте по литературе компонент ***<Приложения>***. Анализ специфики содержания учебного материала учебников и учебных пособий, рекомендованных Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, показывает, что, помимо необходимого теоретического минимума, полезно рекомендовать для подготовке к практическим и семинарским занятия дополнительные источники. Не все такие сведения целесообразно включать в учебные и учебно-методические пособия по литературе. Ряд интересных вопросов и проблем могут быть «вынесены за скобки» программного курса. А между тем, дополнительно изученный литературоведческий, культурологический и исторический контекст может послужить основой для выполнения студентами или школьниками научных исследований, предполагающих углубление или расширение лекционного материала и текста учебного пособия.

В процессе систематической работы по теории литературы и практике филологического анализа текста формируется стремление молодых людей к ис-

следовательской и творческой деятельности. Безусловно, информационный контент квеста помогает преподавателю обозначить вектор работы с литературным материалом, выделить главное, глубоко интерпретировать и анализировать отобранную информацию, обобщать и систематизировать её. Эти задачи успешно реализуются при выделении аспекта ***<Проблемы>***.

В целях актуализации классического литературного наследия традиционно используются исторические сведения об авторе, об истории написания произведения и т.д., о возникновении того или иного литературоведческого понятия, что так же можно включить в информационный контент квеста. Сказанное выше обосновывает целесообразность выделения в виде самостоятельного компонента тематического образовательного Web-квеста раздела ***<Архивы>***.

На заключительном этапе важно провести работу над ошибками, которые возникали на том или ином этапе работы. Систематическая работа по выявлению и устранению ошибок – одно из обязательных условий повышения качества освоения материала и глубины понимания проблемы, поставленной в произведении. Для организации такой работы в практике преподавания литературы используются, во-первых, провоцирующие задания; во-вторых, софизмы (*софизм* (от греч. *sóphisma* – уловка, ухищрение, выдумка, головоломка); в-третьих, кейсы; в-четвертых, задания на поиск ошибок. Логичным и обоснованным представляется включение в информационный контент тематического образовательного Web-квеста и такого важного компонента как ***<Ошибки>***.

Более того, предложенная структура информационного контента тематического образовательного Web-квеста может быть сохранена и перенесена практически на все на предметы гуманитарного профиля.

Надо особо сказать, что предложенная методика развивает и целостное мышление, интуицию и воображение. До сих пор отечественная школа акцент делала исключительно на развитие интеллекта. Таким образом, традиционные методики работы часто не учитывают тот факт, что перед нами студенты и школьники, большинство из которых не обладает понятийным мышлением [11]. При создании Web-квеста широко используются визуальные образы, музыка, драматическое искусство, живопись и т.д. Надо сказать, что Web-квесты по гуманитарным предметам опираются на достижения образологии. Хранилище образов – искусство. Искусство – это универсум в миниатюре. Оно делает чувственную реальность продолжением внутреннего мира. За искусством всегда скрывается человек, оно выражает его чувства, идеи, особенности мировоззрения. Проблемы выражения и интерпретации произведений искусства связаныс категорией стиля. Искусство можно понимать и как некий публичный дискурс, то есть коммуникативное событие, определяемое взаимодействием участников благодаря вербальным и визуальным средствам воздействия.

Приведем пример тематического образовательного Web-квеста по литературе на тему «Творчество Э.Т. А. Гофмана». Задания имеют поисково-познавательный характер, что способствует развитию познавательной самостоятельности учащихся. Уникальность и специфика каждого компонента кве-

ста зависит от его характера и ролевого предпочтения студента или ученика. Рассмотрим каждый из них.

Компонент «Теоретик» в представленном образовательном Web-квесте нацелен на деятельность ученика, которая связана с обнаружением им исторически обоснованных фактов из жизни писателя, его литературной деятельности и мировоззренческих установок. Учащемуся предстоит ответить на вопросы по событиям и фактам из биографии, познакомиться с его литературным окружением и различными отзывами о его творческом наследии, оформить своё мини-исследование в виде презентации (электронного ресурса).

Созидательная часть этого компонента состоит из заданий, нацеленных на достижение результатов: 1) выявить категориальные черты романизма в сказках Гофмана; 2) назвать исторические обстоятельства жизни писателя; 3) проанализировать оценки творчества этого автора в воспоминаниях его современников, что нашло свое отражение в документах (мемуарах, дневниках, письмах, критических статьях и т.д.). Этот компонент требует создания хронологической таблицы этапов жизни и творчества Гофмана, выдержек из его писем к друзьям и знакомым, конспектов критических статей, посвященных обсуждению его произведений.

Оформительская часть данного компонента содержится в разработке проекта, который состоит из реферативной части, аннотации и презентации.

Универсальность сформированных заданий информационного контента тематического образовательного Web-квеста представляет возможность их применения в рамках других тем курса литературы, которые связаны с изучением творчества отдельных как отечественных, так и зарубежных авторов.

Так, современные информационные технологии дают возможность проводить занятия практикума разными способами. Например, в малых группах или индивидуально, под руководством педагога или самостоятельно. Оформление проектов по итогам выполнения заданий предполагает свободу выбора: результат исследования и творческой работы может быть представлен как в электронном, так и в печатном или даже рукописном виде.

Исследовательский компонент формирует и развивает у учащихся способность к поиску и анализу информации, а творческий - развивает их креативность и критическое мышление.

Предложенный Web-квест - это своего рода «путешествие», во время которого учащимся предстоит выбрать наиболее интересный для них путь исследования творчества великого немецкого писателя Гофмана. При создании квеста использовались материалы интерактивной студенческой фотовыставки и видеоклип, снятый по мотивам произведений Гофмана, что помогает погрузиться в волшебную атмосферу творчества немецкого автора и заинтересоваться его работами.

Далее в таблице 1 представлены примерные поисково-познавательные задания тематического образовательного Web-квеста по литературе [подр., см., 8].

Таблица 1

Поисково-познавательные задания
тематического образовательного Web-квеста по литературе

	<Узнать>	<Создать>	<Оформить>
Архивы	письма, рукописи автора, его дневниковые записи, документы и т.д.	хронологию жизни и творчества писателя, историю написания того или иного произведения	проект « Экскурсия по памятным местам» (презентация, реферат, доклад)
Теория	определения понятий по теории литературы, историю возникновения того или иного понятия и т.д.	глоссарий основных понятий темы, логическую схему системы понятий темы	проект «История понятия» (презентация, реферат, доклад)
Приложения	применение изученных теоретических понятий для практического анализа художественного текста	алгоритм анализа художественного текста (романтического. классицистического, барочного и т.д.)	проект «Разгадывая скрытый смысл произведения» (презентация, реферат, доклад)
Проблемы	отличие стилей и художественных направлений; новации и традиции	презентацию «Художественный стиль»	проект «Текст и подтекст» (исследовательская работа, презентация, доклад)
Ошибки	распространённые ошибки, допускаемые при анализе художественного текста	памятку «На что обратить внимание»; плакат-предостережение «Осторожно, ошибка!»	проект «Ошибки и софизмы при анализе текста» (творческая работа, презентация, доклад)

Такая педагогическая методика работы с художественным, и литературоведческим материалом расширяет культурный аспект образовательного пространства, обращена к главной ценности образовательного процесса – к Человеку (его интересам и потребностям).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова О.М. Дидактические возможности облачных технологий в системе высшего образования // Web-технологии в образовательном пространстве: проблемы, подходы, перспективы: сборник статей участников Международной научно-практической конференции / Арзамасский филиал ННГУ; Под общей редакцией С.В. Арюткиной, С.В. Напалкова. – 2015. – С. 480-483.

2. Артюхин О.И. Организация самостоятельной работы студентов в информационной образовательной среде // Образование, наука и экономика в вузах и школах. Интеграция в международное образовательное пространство: труды международной научной конференции. – 2015. – С. 218-221.

3. Артюхина М.С., Артюхин О.И., Клешнина И.И. Аппаратная составляющая интерактивных технологий образовательного назначения // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17. – № 8. – С. 308-314.

4. Владыкина И.В., Волкова М.В. Web-квесты региональной тематики в обучении будущих бакалавров педагогического образования // Проблемы школьного и дошкольного образования: материалы VII регионального научно-практического семинара «Достижения науки и практики – в деятельность образовательных учреждений» (с международным участием). – Глазов: Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко, 2016. – С. 15-20.

5. Голубев О.Б., Тестов В.А., Смирнов Н.Е. Учебный веб-квест как современная образовательная технология в исследовательской работе учащихся // Развивающий потенциал образовательных Web-технологий: сборник статей участников Международной научно-практической конференции / Научный редактор С.В. Миронова, ответственный редактор С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. – С. 82-85.

6. Журавлева Л.В., Лопина Н.А. Внедрение элементов дистанционного обучения с применением инновационных веб-технологий в непрерывное медицинское образование // Матеріали XII Міжнародної науково-практичної інтернет-конференції: Проблеми та перспективи розвитку науки на початку третього тисячоліття у країнах Європи та Азії. – Переяслав-Хмельницький, 2015 . – С. 225-227.

7. Миронова С.В. О развивающих веб-квестах образовательного назначения по литературе // Развивающий потенциал образовательных Web-технологий: сборник статей участников Международной научно-практической конференции / Научный редактор С.В. Миронова, ответственный редактор С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. – С. 100-103.

8. Миронова С.В., Напалков С.В. Специфика заданий и задачных конструкций информационного контента образовательного Web-квеста по математике: Монография. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Издательство «Лань», 2017. – 104 с.

9. Напалков С.В. Тематические образовательные Web-квесты как средство развития познавательной самостоятельности учащихся при обучении алгебре в основной школе: автореф. ... канд. пед. наук. – Саранск, 2013. – 25 с.

10. Напалков С.В., Зайкин М.И. Об общей структуре и содержательной специфике тематического образовательного Web-квеста по математике // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5; URL: http://www.science-education.ru/111-10511 (дата обращения: 01.10.2018).

11. Нестерова Л.Ю., Напалков С.В. Развитие клипового мышления студентов посредством Web-технологий // Современные Web-технологии образовательного назначения: перспективы и направления развития: сборник статей участников Международной научно-практической конференции / Арзамасский филиал ННГУ; Под общей редакцией С.В. Мироновой, С.В. Напалкова. – 2016. – С. 351-354.

12. Web-технологии в образовательном пространстве: проблемы, подходы, перспективы: сборник статей участников Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.В. Арюткиной, С.В. Напалкова; Арзамасский филиал ННГУ. – Н. Новгород, ООО «Растр-НН», 2015. – 581 с.

WEB QUESTS ON LITERATURE AS AN ALTERNATIVE TO A TRADITIONAL LESSON

E.V. Valeeva, S.V. Napalkov

The modern school deals with a person with clip thinking, for whom language becomes a brake on the expression of thought. The experience of pedagogical work proves the effectiveness of using modern technologies, in particular thematic educational Web-quests in literature. The path to the literary text is through an emotional image, that is, through a picture.

Keywords: educational Web-quest for literature, teaching methods of literature, clip thinking, innovative educational technologies.

ЭЛЕМЕНТЫ ИГРОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ НА УРОКАХ ОСНОВНОЙ ШКОЛЫ

Н.В. Василишина[1], И.Н. Невшупа[2], Е.Л. Николаевская[3]

ГБОУ ИРО Краснодарского края, [1]кафедра математики и информатики, старший преподаватель, кафедра филологического образования, [2]кандидат филологических наук, доцент, [3]доцент

Россия, 350066, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 167

Тел.: 89184911187, 89184686169, 89186465511,

e-mail: nadin_223@mail.ru, irina_nevshupa@mail.ru, elenalvovna@mail.ru

Представлены приёмы и формы работы, построенные на использовании элементов игровой технологии, на занятиях по русскому языку и математике, а также во внеурочной деятельности учащихся. Отмечается важная роль этих форм в процессе подготовки к итоговой аттестации учащихся.

Ключевые слова: универсальные учебные действия, технология, игровая технология, устная олимпиада, абака, кластер, речевая активность, итоговая аттестация.

В настоящее время перед современной педагогической наукой стоит проблема повышения интереса школьников к изучаемому предмету. Хочется выделить одну из главных задач, стоящих перед *школьным учителем* в связи с введением ФГОС – задачу формирования УУД, умения учиться. Возникновение интереса к предмету чаще всего у учащихся зависит от того, какими методиками владеет *учитель* и насколько *удачно и умело* он применяет их в процессе проведения урока или внеурочного занятия.

И поэтому наряду с традиционным вопросом «Чему учить?» возникает вопрос «Как учить?». Как учить так, чтобы научить учащихся самих задавать вопросы: «Чему мне нужно научиться?» и «Как мне этому научиться?» и находить на них ответы.

Встает необходимость создания в школе, главным образом, на уроках, такой деятельности, которая обеспечивала бы решение этих задач. Что для этого надо? А надо совсем немного. Надо, чтобы учитель владел различными педагогическими технологиями, желательно, в полном объеме, и умел *правильно* их применять. И какую бы технологию мы не выбрали, можно с уверенностью сказать, что она обладает такими средствами и признаками, которые активизируют деятельность учащихся на уроке.

Игровые технологии являются одной из уникальных форм обучения, которые позволяют сделать интересными и увлекательными не только работу учащихся на уроке, но и во внеурочное время. Другой положительной стороной игры является то, что она способствует использованию знаний в новой ситуации. Таким образом, усваиваемый учащимися материал проходит через своеобразную практику, вносит разнообразие и интерес в учебный процесс.

Математика – одна из самых сложных школьных дисциплин, она вызывает трудности у многих учащихся. Подготовка к выпускным экзаменам – это всегда ответственный процесс. Качественная подготовка выпускников к экзаменационным испытаниям предусматривает проведение не отдельных мероприятий,

а целого комплекса последовательных и взаимосвязанных направлений работы. Поэтому для подготовки к ОГЭ в каждой школе складывается определенная система знакомства обучающихся к итоговой аттестации, учитывающая все аспекты этой работы.

Подготовка к ЕГЭ и ОГЭ требует от учителя и ученика полной отдачи, это, конечно, совместный титанический труд. Чтобы ученик успешно сдал экзамен, учитель должен вдохновить его своей неутомимостью и применением многочисленного ряда форм и методов работы по подготовке к итоговой аттестации.

Для эффективной подготовки к ЕГЭ и ОГЭ нужна тренировка. Необходимо довести решение задач до автоматизма.

Для реализации данной проблемы в учебном процессе используются современные образовательные технологии, дающие возможность повышать качество образования, более эффективно использовать учебное время и снижать долю репродуктивной деятельности учащихся за счет снижения времени, отведенного на выполнение домашнего задания. В школе представлен широкий спектр образовательных педагогических технологий, которые применяются в учебном процессе. Одной из таких можно назвать игровую технологию.

Технология игровой деятельности (игровая технология) – представляет собой определенную последовательность действий, операций специалиста (педагога, психолога, игротехника и т.д.) по отбору материала, разработке и подготовке игры, включению детей в игровую деятельность, осуществлению самой игры, подведению ее итогов и содержательных результатов.

Игровая форма занятий создается при помощи игровых приемов и ситуаций, которые позволяют активизировать познавательную деятельность учащихся.

При планировании игры дидактическая цель превращается в игровую задачу. Учебная деятельность подчиняется правилам игры, учебный материал используется как средства для игры. В учебную деятельность вводится элемент соревнования, который переводит дидактическую задачу в игровую, а успешное выполнение дидактического задания связывается с игровым результатом.

Игровая технология применяется педагогами в работе с учащимися различного возраста (от самых маленьких до старшеклассников) и используется при организации занятий по всем направлениям деятельности, что помогает детям ощутить себя в реальной ситуации, подготовиться к принятию решения в жизни.

Хочется предложить вашему вниманию несколько игровых технологий, которые успешно применяются учителями математики Краснодарского края при подготовке к ЕГЭ и ГИА. Решение задач в игре «Математическая карусель» для пятых и шестых классов способствует повторению таблицы умножения, порядка действий, развитию логического мышления, анализу текстовых задач. Эксперимент показал, что качество знаний обучающихся в результате выполнения контрольной работы, проведенной непосредственно после игры «Математическая карусель», увеличилось на 7%.

Игра «Математическая абака» помогает детям усвоить теоретический мате-

риал по геометрии, что позволяет им на экзамене по математике выполнять правильно задание на выбор верных ответов по знанию теорем, свойств, признаков, определений фигур. Также использование интеллектуальной игры «Математическая абака» позволяет осуществить обобщающее повторение на уроках математики при подготовке к ЕГЭ и ГИА. Правила игры дают возможность подготовить модули тематических заданий оставаясь в рамках формата любого экзамена.

В заключение приведем краткие правила устной олимпиады и вариант учебного комплекта для её проведения по математике и русскому языку, который был апробирован на межмуниципальном методическом семинаре с учащимися г. Горячий Ключ. Наполнение представленных вариантов предназначено для проведения занятий со слабомотивированными учащимися по подготовке к итоговой аттестации. Кроме того, можно предложить наполнение для успешных учащихся задачами повышенного и высокого уровня сложности. Примерные правила проведения устной олимпиады.

1. 1 этап (довывод). Участники олимпиады сидят в аудитории с учителем. Каждому выдается 7 задач для решения на 45 минут, которые он, по мере их решения, должен объяснить члену жюри, сидящему в отдельной аудитории или в рекреации. Затем, он получает еще 3 задачи (1 уровень) или 2 задачи (2 уровень) на 45 минут и *выводится* в отдельную аудиторию.
2. Задачи можно решать в любом порядке.
3. На каждую задачу дается 2 подхода.
4. При подведении итогов учитывается *только* количество решенных задач.
5. Жюри заранее договаривается о критериях оценивания всех задач.

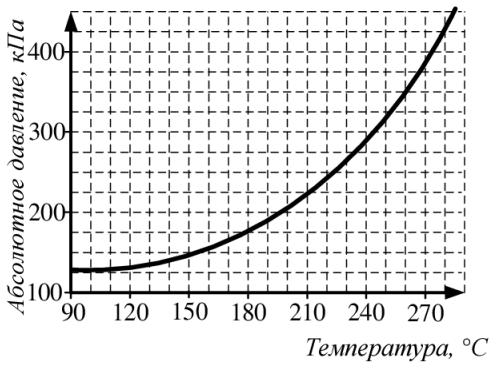
Устная олимпиада по математике

Ф.И. учащегося _____ *Школа* _____

1 этап

1. На рисунке изображена зависимость температуры кипения некоторого вещества от давления. По графику определите, при каком давлении температура кипения равна 210º С?

Ответ: _____



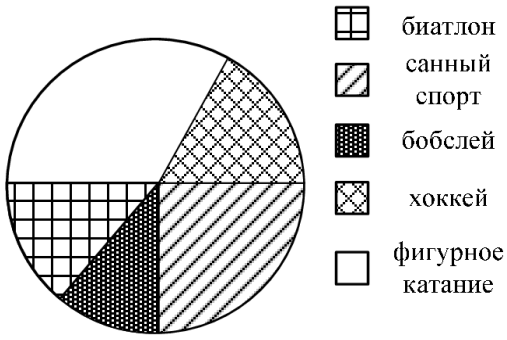
2 Ирина в течение полугода каждый месяц подсчитывала расход воды в своём доме и доме бабушки и записывала результаты в таблицу.

Месяц	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Расход воды (в м^3) в доме Ирины	8	7	10	8	11	6
Расход воды (в м^3) в доме бабушки	4	3	5	6	8	2

Посчитайте общий расход воды (в м3) в доме Ирины за весенние месяцы.

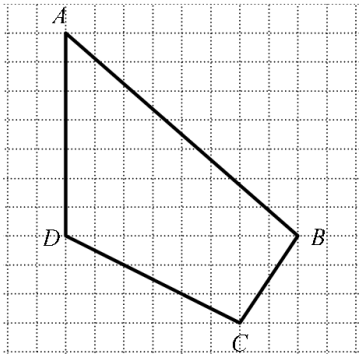
Ответ: 1) 25; 2) 31; 3) 24; 4) 29.

3. Учащимся одной из школ был задан вопрос: «Какой зимний вид спорта вам больше всего нравится?». Результаты опроса можно увидеть на диаграмме. Какой вид спорта выбрало меньше всего учащихся?



Ответ: 1) биатлон; 2) хоккей;
3) бобслей; 4) санный спорт.

4. Найдите площадь четырехугольника ABCD, изображенного на рисунке, если площадь одной клетки равна 1.



Ответ: _____

5. Известно, что $a<b<0$. Выберите наименьшее из чисел.
Ответ: 1) $a-1$; 2) $b-1$; 3) ab; 4) $-b$.

6. Найдите значение выражения $3{,}4\cdot 2{,}5-7{,}9$.
Ответ: _____

7. Упростите выражение $2\sqrt{32}+\sqrt{2}-\sqrt{50}$.
Ответ: 1) $4\sqrt{2}$; 2) $2\sqrt{2}$; 3) 12; 4) $-\sqrt{2}$.

Ф.И. учащегося _____ Школа _____

2 этап

1. Решите уравнение $5x^2-7x+2=0$. Если уравнение имеет больше одного корня, то в ответе запишите меньший из корней. Ответ: ___

2. В коробке лежат разноцветные шары: 12 красных, 5 зеленых и 3 синих. Наугад берут один шар. Какова вероятность, что он будет синий? Ответ: ___

3. Одна коробка конфет стоит 200 рублей. Сколько всего заплатит (в рублях) покупатель за 6 таких коробок конфет, если действует скидка 10 %? Ответ: ___

Устная олимпиада по русскому языку

Прочитайте текст

(1) Прошло несколько дней. (2) В той же большой и просторной детской зале, где несколько недель тому назад маленькая княжна, хозяйка этой залы, угощала свою подругу, Аля, Андрюша и Сибирочка, совсем уже оправившаяся от пережитых потрясений, играли в мяч. (3) Дети так увлеклись своим занятием, что не заметили, как вошёл князь и остановился, любуясь прелестной картиной.
(4) Сибирочка была сегодня особенно оживлена. (5) Ее прелестное личико разгорелось, щёчки покрылись румянцем, синие глаза блестели, как звезды.
(6) Князь с неизъяснимой нежностью и тихой грустью смотрел на неё, удивляясь, как он мог не признать столько времени своего родного ребенка, между

тем как теперь он узнал бы его из тысячи других, ему подобных.
(7) Взволнованный и потрясённый, он думал в эту минуту: (8) «Дитя окрепло настолько, что может узнать истину! (9) Сегодня я могу сказать ей всё...»
(10) И тут же он ласковым голосом позвал девочку:
(11) – Сибирочка, подойди ко мне...
(12) Девочка подбежала к князю. (13) Она уже успела привыкнуть к нему и полюбить в короткое время этого доброго, ласкового человека. (14) За ней подбежала и княжна Аля, подошёл и Андрюша.
(15) – Довольно, дети, играть сегодня. (16) Я пришёл к вам, чтобы рассказать одну небольшую быль, которая захватила меня сегодня всего, – далеко не спокойным голосом произнёс князь.
(17) – Рассказывай, рассказывай, папа! (18) Я так люблю тебя слушать! – (19) – Да, это случилось со мною, когда я был молод, – произнёс князь и сел.
(20) Княжна поместилась на скамеечке у его ног. (21) Андрюша и Сибирочка присели несколько поодаль на стульях.
(22) – Это было девять лет тому назад, — начал князь, и голос его дрогнул при этом. – (23) Однажды по большому сибирскому лесу ехали сани, запряжённые парой лошадей. (24) Была ночь и стужа, бушевала метель. (25) Путников было трое в возке: отец, малютка дочь и её кормилица-няня. (26) Мать девочки умерла два месяца тому назад, и её овдовевший муж ехал со своей девятимесячной дочуркой в имение друга, находившееся в глуши Сибири, чтобы развеять хоть немного свою тоску после смерти любимой жены.
(27) Вдруг на путников напали волки. (28) Спасенья не было, и молодой отец велел ямщику остановиться, вышел из саней, снял с себя шубу и, закутав в неё ребенка, привязал его к дереву ремнём, чтобы волки не могли добраться до малютки. (29) Он едва успел сделать это, как звери бросились на несчастных путников и загрызли их почти всех насмерть. (30) Только отец девочки спасся каким-то чудом.
(31) Ребёнка же не нашли. (32) Вскоре охотники дали знать другу путника о месте нахождения несчастного. (33) Друг приехал и увёз больного за границу. (34) Четыре года больной пробыл в чужой земле и только посылал оттуда письмо за письмом в русские газеты, в Россию, с просьбами вернуть ему пропавшего ребенка или сообщить что-либо об участи последнего. (35) Дитя не находилось... (36) Девочка не пропала, однако. (37) Как потом выяснилось, на другое утро после нападения волков её нашёл в сибирском лесу старый птицелов Михайлыч. (38) Он взял малютку к себе и воспитал её, как умел.
(39) Тут голос князя задрожал сильнее и оборвался. (40) Во все время своего рассказа он не сводил глаз с Сибирочки, следя за ней. (41) Сначала девочка вспыхнула до корней своих белокурых волос, когда князь упомянул о привязанном в дремучей тайге на дереве ребёнке. (42) Потом прозрачная бледность покрыла всё её нежное, прекрасное личико. (43) Синие глаза её расширились и, горя ярко-ярко, впились теперь в лицо князя. (44) Её сердечко забилось так сильно, что она должна была прижать к нему руку, как бы сдерживая его удары...

(45) Взор князя встретился с взором ребёнка.
(46) Точно молния сверкнула перед обоими в этот миг. (47) Едва владея собою, он привстал немного с кресла, трепещущий, взволнованный, бледный, и протянул вперёд руки... (48) Поднялась машинально со своего стула и Сибирочка.
(49) – Это дитя... это... ты... ты была... моя крошка... моя дочь... моя Сибирочка! – прошептал он чуть слышно, и слёзы хлынули из его глаз.
(50) – Папа! – прозвенел милый и нежный голосок, вырвавшись из самой глубины детского сердечка, и дрожащая Сибирочка упала на грудь отца.

(по повести Л.Чарской «Сибирочка»)*

*«Чарская» – литературный псевдоним, взятый Лидией Алексеевной Чуриловой, актрисой Петербургского Александринского театра. Героини Лидии Чарской – девочки со стойкими характерами.

Задания

Часть 1.

1. *Сформулируйте тему текста.*
2. В каком варианте ответа содержится информация, необходимая для обоснования ответа на вопрос: «Почему князь решил рассказать Сибирочке правду?»
1) Он боялся, что Сибирочка уйдёт из его дома.
2) Он боялся, что позже она не поверит его словам.
3) Дитя окрепло настолько, что может узнать истину!
4) Он боялся, что позже Сибирочка будет осуждать его за поступок девятилетней давности.
3.Укажите предложение, в котором средством выразительности речи является *сравнение*.
1) Сначала девочка вспыхнула до корней своих белокурых волос, когда князь упомянул о привязанном в дремучей тайге на дереве ребёнке.
2) Её прелестное личико разгорелось, щёчки покрылись румянцем, синие глаза блестели, как звёзды.
3) – Папа! – прозвенел милый и нежный голосок, вырвавшись из самой глубины детского сердечка, и дрожащая Сибирочка упала на грудь отца.
4) Синие глаза её расширились и, горя ярко-ярко, впились теперь в лицо князя.
4. Из предложений *19-21* выпишите слово, правописание приставки в котором определяется её значением.
5. Из *предложений 41-42* выпишите слово, правописание Н (НН) в котором подчиняется правилу: «В полном страдательном причастии пишется НН»?
6. Замените книжное слово «взор» из *предложения 45* стилистически нейтральным синонимом. Напишите этот синоним.
7.Замените словосочетание «*на грудь отца*» (предложение 50)**,** построенное на основе управления, синонимичным словосочетанием со связью согласование. Напишите получившееся словосочетание.
8. Выпишите грамматическую основу *предложения 9*.
9. Среди *предложений 22-25* найдите предложение с обособленным определением. Напишите номер этого предложения.

10. В приведённых ниже предложениях из прочитанного текста пронумерованы все запятые. Выпишите *цифры*, обозначающие запятые при обращении.
За ней подбежала и княжна Аля, (1) подошел и Андрюша. – Довольно,(2) дети, (3) играть сегодня. Я пришел к вам, (4) чтобы рассказать одну небольшую быль, (5) которая захватила меня сегодня всего, (6) – далеко не спокойным голосом произнес князь.
11. Укажите количество грамматических основ в *предложении 6*.Ответ запишите цифрой.
12. В приведённом ниже предложении из прочитанного текста пронумерованы все запятые. Выпишите *цифры*, обозначающие запятые между частями сложного предложения, связанными подчинительной связью.
В той же большой и просторной детской зале, (1) где несколько недель тому назад маленькая княжна, (2) хозяйка этой залы, (3) угощала свою подругу, (4) Аля, (5) Андрюша и Сибирочка, (6) совсем уже оправившаяся от пережитых потрясений, (7) играли в мяч.
13. Среди *предложений 2-5* найдите сложное предложение с *последовательным подчинением* придаточных. Напишите номер этого предложения.
14. Среди *предложений 25-38* найдите сложные предложения с *союзной сочинительной и союзной подчинительной* связью между частями. Напишите номера этих предложений.

Часть 2.

Приведите 2 примера-аргумента к сформулированной Вами теме.
Один пример возьмите из прочитанного текста, второй из Вашего жизненного опыта.

Данное задание построено по модели ОГЭ-2019 по русскому языку и служит эффективной подготовкой к итоговой аттестации выпускников основной школы.
Рассмотрим ещё один пример интеграции современных педагогических технологий с включением элементов игровой на основе кластеров (опорных конспектов).

Методическая система, созданная донецким педагогом В. Ф. Шаталовым, в которой опорные конспекты играют центральную роль, позволяет успешно решить труднейшие современные педагогические задачи: приобщить каждого школьника к ежедневному напряженному умственному труду, воспитать познавательную самостоятельность как качество личности, уверенности в достижении результата. Идеи и опыт педагога-новатора В. Ф. Шаталова и его последователя Ю. С. Меженко очень плодотворны и актуальны. Знакомство с публикациями этих авторов, неоднократное личное участие в семинарах, проходивших на базе ИУУ г. Донецка, привели нас к созданию авторских опорных конспектов для 5-9 классов, а затем к широкой апробации их на базе средней школы №47 г. Краснодара и других школ Краснодарского края. Результаты апробации поэтапно представлялись на методических советах учителей русского языка. Внедрённая в процесс личного преподавания данная методическая система была подтверждена многолетними высокими результатами выпускников основной школы во время итоговой аттестации по русскому языку.

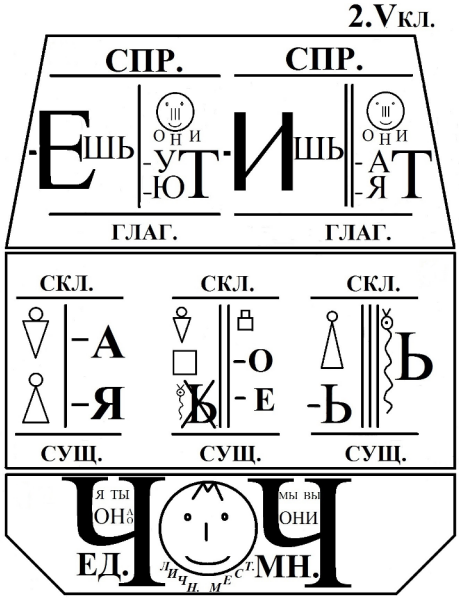
Методическая система В. Ф. Шаталова опирается на идеи Л.С. Выготского (мышление и речь), В.В. Давыдова, Д.Б. Эльконина (развивающее обучение), П. М. Эрдниева (УДЕ – укрупнённые дидактические единицы) и одновременно очень близка ТКМ (технологии критического мышления), а также включает в себя множество элементов игровой технологии.

Урок с использованием опорных схем (кластеров) строится в целом так же, как традиционный. Опорная схема лишь дополняет его. Конечно, начинать работу с использованием знаково-символических средств обучения нужно при доброжелательном эмоциональном настрое. Учитель должен уметь увлекать ребят, научиться включать их в дидактическую игру. По мнению В.Ф. Шаталова, людям скучным, без чувства юмора, авторитарного склада эта методика противопоказана.

Начиная работу с кластерами в 5 классе, думающий учитель должен проверить, готовы ли его ученики работать по ним. Выяснить, как ребята воспринимают поликодовый текст, графическую передачу теоретических положений и правил. От этого, на наш взгляд, во многом зависит эффективность применения и успех обучения.

Для проверки на одном из уроков повторения в начале учебного года можно предложить ученикам заранее подготовленную и красочно выполненную опорную схему. Например, можно выбрать схему с условными обозначениями, где змейка изображает шипящие согласные, а фигурка человека – категорию рода. Психологический расчёт прост: ребята заинтересуются незнакомыми знаками, их внимание будет направлено на знаково-символические средства. Далее в форме дидактической игры учитель предложит ученикам расшифровать схему, узнать закодированное правило школьного курса русского языка. Игровой элемент прямо соотносится с возрастными особенностями пятиклассников и помогает воспринимать теоретический учебный материал.

Ниже дан пример кластера для 5 класса.



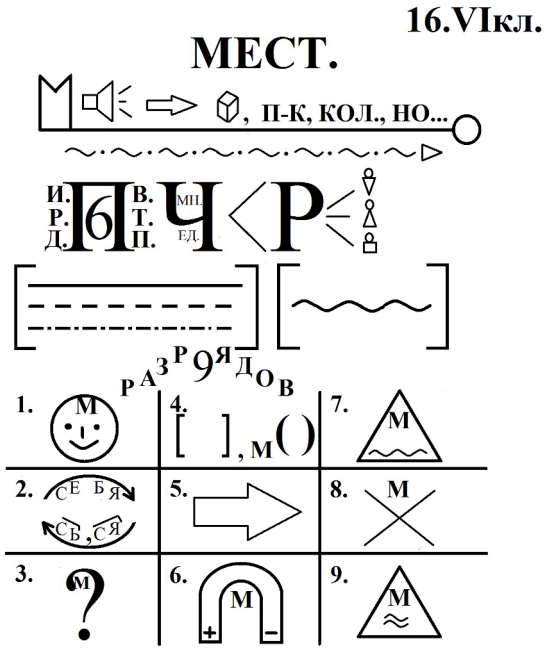
Опытное обучение показало, что начинать знакомство с кластерами лучше всего с небольших опорных схем. Опорная схема – это фрагмент кластера (опорного конспекта), в которой закодировано отдельное правило или теоретическое положение. Использование отдельных опорных схем оправдано ещё и тем, что для усвоения учебного материала недостаточно знаний теории предмета, необходимо одновременно отрабатывать навыки практической грамотности с помощью разнообразных тренировочных упражнений.

Сколько времени учитель будет использовать отдельные опорные схемы, покажет практика. Как только он увидит, что ребята хорошо усваивают материал с помощью опорных схем, можно попробовать на завершающем тему уроке, объединить опорные схемы в кластер (опорный конспект).

Ребята, как правило, уже хорошо усваивают методику работы с кластерами. Она включает три этапа: рассказ учителя по опорному конспекту с элементами дидактической игры, устное воспроизведение конспекта учеником, письменное воспроизведение кластера, иллюстрированное собственными языковыми примерами.

Кластеры для 6-9 классов также содержат большое количество условных обозначений, которые, как показывает практика апробации, легко запоминаются. Обращаем внимание, что опорные конспекты по морфологии часто даны без примеров. Ученики должны не заучивать примеры, а приводить собственные. Причём при устном ответе приводить до 10 примеров слов, а во время письменного – обязательно производить графический разбор по составу с указанием части речи. Сопутствующий разбор очень хорошо развивает орфографическую зоркость учащихся.

16.VIкл.



Учитель обратит внимание, что, в отличие от опорной схемы, кластер постепенно существенно меняет не только стиль и структуру уроков русского языка, но и рабочую программу. Поэтому рекомендуется очень внимательно

отнестись к планированию учебного материала с включением кластеров, которые, по сути, являются укрупнёнными дидактическими единицами (УДЕ). Укрупнённые дидактические единицы дают возможность для сжатия теоретического материала, высвобождают время для многократного повторения, отработки практической грамотности, а также развития речи учащихся.

Процесс преподавания русского языка с внедрением данных кластеров даёт устойчивые положительные результаты. Использование кластеров с элементами игры доказывает, что опора на наглядность облегчает понимание нового материала и его запоминание. Во время устных ответов с применением данных опорных конспектов (кластеров) уровень внимания необычайно высок - от 88% до 92%. Увеличивается и общий словарный объём урока, который обычно редко достигает 2500 слов. В методических условиях систематического использования кластеров на уроках русского языка словарный объём обучаемых увеличивается более чем в 1,5 раза, а главное – повышается речевая активность учащихся, так как существенно понижаются речевые барьеры, особенно у слабоуспевающих школьников.

Как показала практика, включение кластеров (опорных конспектов) в процесс обучения обеспечивает прочное усвоение теоретических знаний и способствует развитию устной учебно-научной речи учащихся.

Таким образом, можно утверждать, что современные педагогические технологии могут радикально перестроить процесс обучения. На наш взгляд, успешность применения любой технологии зависит не только от способности педагога реализовать определенный метод обучения на практике, но и от эффективности и правильности применения выбранного метода на определенном этапе занятия, при решении данной задачи и в работе с конкретным контингентом детей.

Как правило, каждый из вас имеет свои профессиональные секреты (хитрости), приёмы. Они соединяются, складываясь в единое целое, в индивидуальный стиль педагогической деятельности.

В настоящее время в России идет становление новой системы образования. Принятые федеральные государственные образовательные стандарты общего образования включают требования к результатам освоения основных образовательных программ и представляют собой систему обобщенных целей образования. Очень важно в процессе реализации поставленных целей и решения актуальных задач не забывать о традициях и достижениях прежних лет, отбирать всё лучшее, что было достигнуто в мировой и в особенности отечественной педагогике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бройде М.Г. Русский язык в упражнениях и играх. – М.: Айрис-Пресс, 2001. – 332 с.

2. Василишина Н.В., О роли математического боя в организации внеклассной работы по математике // 63 Герценовские чтения «Проблемы теории и практики обучения математике»: сборник Международной научной конференции. – СПб, 2010. – С. 132-141.

3. Василишина Н.В., О развитии творческих интеллектуальных способностей учащих-

ся // Актуальные вопросы преподавания дисциплин естественно-научного и математического циклов: материалы Международной научно-практической конференции. – Краснодар-СПб, 2010. – С. 110-120.

4. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Национальное образование, 2019. – 368 с.

5. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 536 с.

6. Канарская О.В. Инновационное обучение: методика, технология, школьная практика. – СПб: Лики России, 1997. – 480 с.

7. Канарская О.В. Уроки русского языка в форме дидактической игры. – СПб, 1994.

8. Невшупа И.Н., Николаевская Е.Л. Кластеры на уроках русского языка как средство развития ключевых компетенций учащихся 5-9 классов. – Краснодар, 2017.

9. Фролова Л.А. Уроки русского языка в форме дидактической игры (инновационный подход): Кн. для учителя. – СПб, 1994.

10. Шаталов В. Ф. Путь поиска. – СПб.: «Лань», 1996.

GAME ELEMENTS TECHNOLOGY DURING CLASSES IN SECONDARY SCHOOL

N.V. Vasilishina, I.N. Nevshup, E.L. Nikolaevskaya

The text represents techniques and forms of work based on the use of game elements technology during classes of the Russian language and Mathematics, as well as in extracurricular activities for students. Special attention is paid to the vital role of this process in the preparation for students' final certification.

Keywords: universal training techniques, technology, game technology, oral olympiad, abaca, cluster, oral activity, final certification.

ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИНТЕРЕС В ГУМБОЛЬДТОВСКИХ «ЗОНАХ ОБМЕНА»

Н.Н. Воронина[1], А.Н. Ткачев[2]

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, физический факультет, кафедра философии,
[1]кандидат философских наук, доцент, [2]кандидат философских наук, доцент
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23
Тел.: 89103823744, 89103823719,
e-mail: voronina.nnov@yandex.ru, andrey-tkacheff2015@yandex.ru

Рассматривается университет как одна из «зон обмена» (в духе идеи «зон обмена» П. Галисона), где взаимодействуют ученые и люди, которые только хотят вступить в научное сообщество. Изучается культурный контекст гумбольдтовской зоны обмена. Отмечается, что для непрерывного научного развития крайне важным оказывается обращение не к утилитарным, а к трансцендентным целям. Именно такая обращенность порождает подлинный интерес к научному исследованию. Рассматриваются влияние особенностей русской истории и культуры на интерес к науке. Возникновению интереса к науке в России способствовали, с одной стороны, длительная напряженность культурного своеобразия, а с другой стороны, процессы культурного обмена.

Ключевые слова: научная коммуникация, интерес, зоны обмена, гумбольдтовские зоны обмена, П. Галисон, социальная эпистемология.

В современном мире разрабатываются новые образовательные стратегии, однако центром образовательной системы и основным местом интеллектуальной жизни, как и столетия назад, остается университет. С середины 19 века Россия усваивает дух и идеи «немецкого университета». Университет гумбольдтовского типа с его принципом единства обучения и исследования, осуществляемых в контексте академической свободы [1, с. 145], пришел на смену прежней концепции университета, где студент сначала получал образование, а потом уж приступал к научным исследованиям. По выражению самого В. фон Гумбольдта, «во внутренней организации высших научных учреждений все основывается на том, чтобы придерживаться принципа, что наука есть нечто еще не до конца найденное и никогда не могущее быть до конца найденным и что ее как таковую следует беспрестанно разыскивать» [2].

Таким образом, университеты гумбольдтовского типа представляют собой форму взаимоотношений в процессе научных исследований, где ученые и студенты могут объединяться в одной задаче научного поиска. Социальное пространство, в котором возникает и осуществляется научный поиск, является важнейшим предметом исследования в рамках STS. Известный социальный эпистемолог П. Галисон, рассматривая коммуникацию ученых, инженеров, бизнесменов, предложил понятие «зоны обмена» – своеобразного плюралистического пространства взаимодействия по поводу научных вопросов, где субъекты в процессе коммуникации находят общий язык и совершают символический обмен, решая таким образом свои задачи [3].

Впоследствии понятие «зон обмена» было расширено рядом авторов, ко-

торые предложили рассматривать в качестве зон обмена и университеты. Так, возникло понятие «гумбольдтовской «зоны обмена», которое, например, А.М. Дорожкин определяет так: «обмен между членами научного сообщества, с одной стороны, и желающих войти в таковое – с другой» [4, с. 24].

Известно, что в настоящий момент полноценно войти в научное сообщество, за редким исключением, возможно только в процессе обучения в высших учебных заведениях. Для этого есть причины. Чтобы предложить нечто значимое в контексте современных научных исканий, необходимо представлять этот контекст, а для этого, в свою очередь, необходим достаточно длительный процесс обучения. Если рассматривать университет как «зону обмена», в которой возникает диалог, обогащающий обе его стороны, то надо обратить внимание на предпосылки этого процесса. Одной из важнейших предпосылок является состояние наличествующей культуры, которая своей направленностью способствовала бы процессам символического обмена.

В русской культуре большую роль всегда играла запредельность поставленных целей, и это, несомненно, оказывало и оказывает влияние как на формирование российских ученых, так и на характер коммуникации в российской научной среде. Но рыночная культура при всех положительных сторонах рыночной экономики своей имманентной направленностью оказывает влияние и на процессы формирования интереса к науке в российском обществе, и таковое влияние вряд ли можно считать положительным. У людей рыночной культуры изменяется шкала ценностей, цели становятся более приземленными, практичным. Но наука не может развиваться, имея только утилитарные цели, не направляя усилия в область фундаментальных исследований. Поэтому наличие в русской культуре запредельных целей, осознание человеком себя в Мироздании – это большая культурная ценность, очень значимая для научного развития, которую необходимо поддерживать. В противном случае, рыночная культура может и разрушать свои же достижения, когда для развития производства потребуются научные исследования, но интерес к ним будет утрачен, благодаря воздействию этой же культуры. Здесь необходимо отметить, что успехи рыночной культуры являются производными не только одной рыночной культуры, а целого спектра различных культурных влияний.

Например, на научное творчество влияет мировоззрение. Мировоззрение, даже обладающее общими чертами, может иметь достаточно элементов индивидуального своеобразия. А в обмене участвуют и студенты, и ученые, обладающие чертами индивидуального мировоззрения. То есть тут происходят сложные процессы мировоззренческого взаимодействия, необходимые для осуществления научного поиска. И здесь присутствует тот или иной уровень интереса к науке. Необходимо учитывать, что эти процессы и состояния являются результатом не гумбольдтовской «зоны обмена», как полагает Галисон, а наоборот, эта «зона обмена» и ее состояние являются результатом сложившихся культур. При столкновении одних мировоззрений «зона обмена» начинает успешно функционировать, а при других – нет.

В русской культуре одной из важных тем является вопрос взаимодействия с иными культурами, что близко к проблематике зон обмена, где сталкиваются носители разных мировоззрений. Например, одна из тем русской философии – это дискурс западников и славянофилов, и этот дискурс посвящен именно характеру культурного диалога. Ведь ни славянофилы, ни, тем более, западники не отрицали необходимости культурного обмена, речь шла именно о характере этого обмена. Если славянофилы хотели сохранить культурное своеобразие, чтобы оставалось то, чем меняться при обмене, потому что, если везде одно и то же, то исчезает сам смысл обмена. А западники настаивали на обмене как достижении блага, пусть даже и в ущерб культурному своеобразию. И до сих пор продолжается этот спор (и не только в России) между стремлением к культурному своеобразию и стремлению к глобалистическому универсализму.

Но наука – это предприятие универсализма, поэтому, казалось бы, в отношении к гумбольдтовским «зонам обмена» тут требуется культура универсализма. Только это зависит от того, о какой стороне науки идет речь. Сама конструкция науки, несомненно, является основанной на концепции универсализма, но вот интерес к науке, без которого не может состояться никакой научной конструкции, является также очевидно результатом своеобразия, причем экзистенциального своеобразия. Наука – это общее, а интерес, двигающий творчество ученого, изначально индивидуален. Даже будучи следствием культуры, интерес сохраняет черты индивидуальности, потому что именно в интересе человек соединяется с бытием. Интерес невозможен без связи с человеком, это состояние человека, это отношение человека, пусть и формируемое с участием культуры. Но ведь любая культура общества представляет собой не нечто одно, а множество разнообразных влияний и отношений, происходящих в этой культуре. Например, взять такое явление культуры как библиотека. Не только общественные библиотеки в одной культурной среде могут быть различны между собой, но и личные библиотеки, личный выбор книг в общественной библиотеке формируют своеобразие особенностей личной культуры. И именно из отношений этих своеобразных личных культур формируется культура общества. Поэтому на формирование интереса влияет не только культура, доминирующая в обществе, но и своеобразие личной культуры еще более формирует интерес человека.

Возникновению интереса к науке в русской культуре вообще и в российских гумбольдтовских «зонах обмена», в частности, способствовали, с одной стороны, длительная напряженность культурного своеобразия, а с другой стороны, процессы интенсивного культурного обмена, начатые петровской эпохой. Часто эти процессы интерпретируют как антагонистичные, однако, эти стороны диалектически взаимосвязаны между собой. Культивирование своеобразия создает внутреннюю напряженность интереса к иному. Например, жители красивой местности привыкают и мало склонны замечать и интересоваться окружающим, потому что в основе внимания лежит интерес, а привычное кажется малоинтересным, и, наоборот, для приезжих это необычно, а потому интересно.

В российской культуре интерес к науке складывался отчасти из тех рели-

гиозных интенций, которые формируют архетипический интерес к запредельному, иному. Потому что наука требует наличия сильного интереса к предмету, превышающего интерес обычного любителя. Без такого повышенного уровня интереса невозможна никакая полноценная творческая коммуникация в науке. Простого интереса-любопытства для длительного исследовательского труда явно недостаточно, тут требуется нечто выходящее за пределы обыденных представлений повседневной жизни. Повседневность развивает только пользовательский интерес, например, использования технических новинок, разработанных на базе результатов научных исследований. Но таковой уровень интереса еще не предполагает интереса собственно к самим научным исследованиям.

Поскольку занятие наукой предполагает длительный процесс обучения, она всегда была уделом «посвященных», что также положительно влияло на интерес, потому что тайна, чудо и авторитет всегда привлекают. Профессиональное научное сообщество достаточно закрыто от других людей в обществе сложностью освоения науки и языковыми проблемами. Научное сообщество обладает своеобразной особой закрытой в себе культурой, и гумбольдтовская «зона обмена» как раз и призвана отчасти решать проблемы кросс-культурной коммуникации. Важная проблема тут – это динамика изменения интереса в процессе вступления в научное сообщество. Дело в том, что универсализм науки неизбежно разрушает индивидуальное своеобразие личного интереса к науке. Это известно, например, даже из опыта средней школы, где дети теряют начальный интерес, встречаясь с универсализмом в обучении. И здесь, при переходной потере или снижении интереса, особенно важна роль запредельной цели, которая была бы стимулом продолжать путь через изменение себя, через изменение своего интереса. Хотя влияние религии на культуру, с одной стороны, и состоит как раз в формировании интереса к запредельному, однако, в массовых религиозных проявлениях есть и сторона закрытости. Потому что встреча со всяким иным, даже весьма посюсторонним, психологически очень сложна для людей, отсюда происходит, например, ксенофобия, боязнь чужого, потому что незнакомое пространство требует изменения себя, сложившегося уклада мысли и образа жизни. При этом культура – это не только нечто наличествующее в ней, но и стоящие за этим архетипические пласты, которые создают определенную инерцию, что делает изменения достаточно сложными.

Но в русской истории многократно происходили кардинальные изменения, ломающие привычный образ жизни, и потому архетипическая данность русской культуры содержит в себе и интуитивные способы существования в многообразии незнакомых и непривычных явлений. Например, об этом говорит поговорка: «русский человек задним умом крепок», то есть архетип русской культура тут проявляется в том, что человек, встречаясь с хаосом, с многообразием, с неизвестным, не склонен к быстрым реакциям, потому что еще невозможно определить, с чем именно тут происходит взаимодействие, а потому быстрая реакция неизбежно вела бы к ошибкам. И в гумбольдтовских «зонах обмена» русской культуры типично наличие некоторого ожидания, остановки в процессе обмена,

поскольку в процессе научного поиска и обучения происходит встреча с незнакомыми вещами, немедленная реакция на которые привела бы к превратным интерпретациям, потому что мгновенная интерпретация это, прежде всего, стандартная интерпретация. А стандартная интерпретация в нестандартной ситуации вряд ли приведет к успешному решению. И интерес в состоянии остановки процесса приобретает особые черты несосредоточенности, расплывчатости, что, казалось бы, должно вести к потери интереса, но может происходить и, наоборот, расплывчатый неопределенный интерес может захватывать совершенно новый материал, что приводит к расширению творческого научного поиска. Вот эта особенность типичной русской культурной реакции на неизвестное, которая, останавливаясь, расширяет пространство поиска, имеет особое значение для понимания процесса формирования интереса к науке в гумбольдтовских «зонах обмена». И думается, что российские образовательные концепции должны учитывать сложившееся культурное своеобразие. Для этого должны быть новые подходы, положительные образцы и модели других культур органично вписывать в наличествующую культуру. Конечно, в русской культуре на протяжении истории было множество кардинальных реформ и изменений, и потому сформировался навык обретения себя в новом, сам по себе представляющий культурную ценность, однако, своеобразие русской культуры этим навыком далеко не исчерпывается, а потому необходимо развивать не только этот навык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новикова Н.Г., Краснобаева И.А. Классический университет В.Гумбольдта и стратегическое управление современным вузом // Сервис plus. – 2007. – № 4. – С. 144-159.

2. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. – 2002. – № 2 (22). – С. 5-8.

3. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. – 2004. – № 1. – С. 64-91.

4. Дорожкин А.М. Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 54. – № 4. – С. 20-29.

FEATURES OF RUSSIAN CULTURE AND AN INTEREST IN THE HUMBOLDTIAN TRADING ZONE

N.N. Voronina, A.N. Tkachev

In the article the authors consider the University as one of the «trading zone» (in the spirit of the idea of «trading zone» by P. Galison). Scientists and people who just want to join the scientific community interact in the humboldtian trading zone. The article studies the cultural context of the humboldtian trading zone. The authors note that the appeal to transcendental goals is important for continuous scientific development. Such an intention generates a genuine interest in scientific research. The authors consider the influence of the peculiarities of Russian history and culture on the interest in science. They believe that the emergence of interest in science in Russia contributed, on the one hand, the long tension of cultural identity, and on the other hand, the processes of cultural exchange.

Keywords: science communication, interest, trading zone, humboldtian trading zone, P. Galison, social epistemology.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-18-00238 «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИМЕРА ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО-ФИЗИКА КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

И.М. Гринина
ЧОУ РО «НЕРПЦ(МП)»«Арзамасская православная гимназия»,
учитель физики, математики, экономики
Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Красной милиции, д. 9
Тел.: 89063494077, e-mail: grinina77@bk.ru

Примеры биографий известных ученых, основоположников физической науки, их высказывания по отношению к христианской вере, их личное отношение к Богу должны способствовать формированию мировоззрения учащихся, в котором нет конфликта между наукой и христианской верой.

Ключевые слова: физика, ученые, православие, мировоззрение, наука.

Не бойтесь быть свободомыслящими людьми. Если вы помыслите глубоко, через науку вы обретете веру в Бога

Ганс Шерстед, датский физик

Изучение биографии известных ученых-физиков способствует формированию позиции учащихся по ключевым мировоззренческим проблемам, связанным с взаимоотношениями науки и православной веры. Вопросы мировоззренческого характера крайне слабо отражены в программах учебных предметов. Однако формирование мировоззренческой платформы для молодого человека, вступающего в самостоятельную жизнь, является важной задачей воспитывающего образования. Проблема усугубляется сохранением атеистических принципов изложения учебного материала, особенно в области естественных наук. Примеры биографий известных ученых, основоположников физической науки, их высказывания по отношению к христианской вере, их личное отношение к Богу должны способствовать формированию мировоззрения учащихся, в котором нет конфликта между наукой и христианской верой.

Для раскрытия данной темы я предлагаю цикл мероприятий.

1. Круглый стол по теме «Ученые-физики и православие».

Цель круглого стола: показать, что наука и религия, физика и христианство могут сосуществовать вместе.

Для учащихся было дано задание на 2недели, а именно собрать информацию про ученого отвечая на вопросы:

- годы жизни ученого
- страна, в которой он жил и трудился
- наиболее яркие 2-3 открытия
- отношение к православию, по возможности сопровождая цитатами

Ребята выступали и делились своими знаниями с одноклассниками.

2. «Физический калейдоскоп» (внеклассное мероприятие по физике).

Эпиграф к мероприятию: «С верхушек башен крепости науки видны ве-

личайшие деяния Божии» (Джозеф Джон Томсон, английский физик).

Данное мероприятие (игра) рекомендуется для учащихся 8-10 классов в конце учебного года.

В игре принимают участие команды по 4-5 человек, жюри 2-3 человека.

Цели и задачи: в игровой форме привить у учащихся интерес к физике; раскрыть роль христианской веры в мировоззрении известных ученых-физиков; развивать познавательные и творческие способности; повторение и углубление знаний по физике; развивать коммуникативные способности учащихся.

Первый тур: Загадки с подсказками.

Необходимо угадать, о каком ученом идет речь. Если угадываете имя известного ученого с первой подсказки, то получаете – 5 балов, со второй – 4 балла, с третьей – 3 балла, с четвертой – 2 балла, с пятой – 1 балл.

Первая загадка.

1) Этот ученый постоянно утверждал о том, что не может быть противоречия между верой и научным познанием. В ряде своих статей и стихотворений он настаивает на отсутствии каких-либо противоречий между религией и наукой. Он пишет: «Природа есть в некотором смысле Евангелие, благовествующее громко творческую силу, премудрость и величие Бога. И не только небеса, но и недра земли проповедуют славу Божию».

2) Утверждал основания совершенного русского литературного языка, поборник развития отечественного просвещения, науки и экономики.

Разработал проект Московского университета.

3) Цитата: «Правда и вера суть две сестры родные, дочери одного всевышнего родителя, никогда в распрю между собой прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания собственного мудрствования на них вражду восклепет». Обращался к Богу с такой молитвой:

«Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницей покрывай
От клеветаний ложных».

4) Годы жизни 1711-1765.

5) Русский ученый – естествоиспытатель, химик, физик, астроном, энциклопедист (Михаил Ломоносов) [1].

Вторая загадка.

1) Для этого ученого не было сомнений – что или кто является первопричиной существующего тяготения – Бог. Именно Он скрепляет этот мир держит его в равновесии, а значит постоянно присутствует в этом мире. Во втором издании «Начал» ученый изложил свои идеи о Творце, который «вечен и бесконечен, всемогущ и всеведущ», эти рассуждения вошли отдельной главой «Общее поучение» в качестве завершающего штриха.

Ученый вводит понятия абсолютного пространства и абсолютного времени, которые не зависят от человека, но управляются Богом. «Абсолютное пространство, в котором находятся все тела – это чувствилище Бога», через это

пространство Бог «чувствует» все вещи. Бог – это активное начало, Он задает движение материи во всей Вселенной, без Него все остановилось бы. А значит Бог постоянно с нами, и на Нем держится мир. Благодаря Богу действуют силы на расстоянии, связывая все тела во Вселенной.

2) Английский физик, математик, астроном.

3) Основатель классической теории физики.

4) Цитата: «Чудесное устройство космоса и гармония в нем могут быть объяснены лишь тем, что космос был создан по плану Всеведущего и Всемогущего Существа. Вот – мое первое и последнее слово». Годы жизни 1643-1727.

5) В 1687г. появился основной научный труд ученого «Математические начала натуральной философии», на современном языке «Математические основы физики». Ученый вводит понятие «силы». Сила, которой наделены все тела, без исключения, на земле и в космосе – это сила тяготения. Единственная сила действует на все в мире: на каплю воды, летящую к земле; на реку устремляющую свои воды к морю; на море, покрывающее большую часть Земли; на землю, вращающуюся вокруг Солнца; на звезды, кометы и другие планеты. Все держится на силе гравитации! Весь мир! (Исаак Ньютон).

Третья загадка.

1) Как настоящий христианин, ученый также благоговейно относился к тексту Библии. Но Библия для него не была источником научных знаний о мире. Поэтому он считал, что текст Библии никогда не может противоречить результатам научного исследования. Ученый утверждал: «Писание не учит нас, как устроено небо, оно учит нас тому, как туда попасть!».

«Великая книга Вселенной постоянно открыта нашему взору, но понять ее может лишь тот, кто научится понимать ее язык. Написана эта книга на языке математики...». Для него математика – язык Вселенной. Ученый был одним из первых, кто начал читать книгу природы. Соединить математику и физику, применить математические формулы для описания процессов, происходящих на земле – вот в чем проявилась гениальность этого ученого.

2) Защитник гелиоцентрической системы Коперника и основатель экспериментальной науки.

Первым использовал телескоп для научных открытий, которыми стали спутники Юпитера, пятна на Солнце, горы на Луне, и фазы Венеры.

3)Цитата: «Природа, без сомнения, есть Вторая Книга Бога, от которой мы не должны отказываться, но которую мы обязаны читать».

Оказал исключительное влияние на науку своего времени.

4)Итальянский философ, математик, физик, механик и астроном.

5)Достаточно трагичными были его последние годы жизни. Ученого обвинили в ереси и наложили запрет на пропаганду идей Коперника, а книгу Коперника запретили. В 1633 году состоялся суд инквизиторов, и был вынесен вердикт о том, что ученый находится «под сильным подозрением в ереси». Учение о движении Земли было признано ложным, а ученый был осужден (Галилео Галилей).

Четвёртая загадка.

1) Годы жизни 1885-1962. После крещения в лютеранской Церкви был объят чувством присутствия Бога (в 14-15 лет), он глубоко веровал в Бога, и это длилось более года, до конфирмации, потом чувство близости Бога исчезло, но вера осталась.

2) «Не наше дело предписывать Богу, как ему следует управлять этим миром».

3) Лауреат Нобелевской премии по физике.

4) Великий датский физик. Суть его религиозного и научного воззрения: ученый не придумывает законов, а открывает только то, что заложено Богом в природу.

5) Внес значительный вклад в развитие теории атомного ядра и ядерных реакций, процессов взаимодействия элементарных частиц со средой (Нильс Бор).

Пятая загадка.

1) Цитаты: «Гармония естественного закона открывает столь превосходящий нас Разум, что по сравнению с ним любое систематическое мышление и действие человеческих существ оказывается в высшей мере незначительным подражанием». «Религия без науки бессильна, наука без религии слепа». «Когда пропадает религиозное чувство, наука превращается в простое экспериментирование без вдохновения».

2) По мнению многих выдающихся физиков, он является самой значительной фигурой в истории физики 20 века. Ему принадлежат такие слова: «Я не могу себе представить настоящего ученого, который не обладал бы глубокой верой. Это можно выразить и так: нельзя верить в безбожную науку».

3) Автор специальной и общей теории относительности.

4) Лауреат Нобелевской премии по физике 1921 год.

5) Годы жизни 1879-1955 (Альберт Эйнштейн).

Второй тур: Состязание в эрудиции.

Из букв фразы «христианство и ученые-физики» необходимо составить новые слова-существительные, связанные с физикой. Каждое слово – 2 балла, время для выполнения задания – 2 минуты.

Третий тур: (домашние задание).

Каждая команда делает сообщение о каком-либо ученом-физике, имеющем христианское мировоззрение (случай из его жизни, важное и интересное событие, связанное с ученым и его христианскими взглядами).

Учащимся предлагается заранее выбрать ученых из следующего списка:

И. Кеплер, обосновавший гелиоцентрическую систему; Б. Паскаль – физик, математик, религиозный мыслитель, основоположник классической гидростатики; И. Ньютон – физик, математик, астроном; М. Ломоносов – ученый-энциклопедист; Л. Гальвани - физиолог, один из основоположников учения об электрическом токе; А. Ампер - основоположник электродинамики; А. Вольта – также один из основателей учения об электричестве; С. Ковалевская – математик; Л. Пастер – отец современной микробиологии и иммунологии; А. Попов – изобретатель радио; Д. Менделеев – создатель периодической системы химических элементов; И. Павлов – отец физиологии.

Максимальное количество – 7 баллов.

Критерии оценки: отражение христианской веры ученого, научность, оформление.

Четвертый тур: Кто быстрее.

Необходимо отгадать физическую величину, которая скрытым образом, по смыслу присутствует в пословице.

Верный ответ – 1 балл.

1) Иголка маленькая, да больно колет (давление).
2) Куй железо, пока горячо (температура).
3) Глаза страшатся, а руки делают (работа).
4) У лжи короткие ноги (длина).
5) Вари – не вари, а масло наверху (плотность).
6) Искрой избы не осветишь (электричество).
7) Соломинку и муха сломит (сила).
8) День год кормит (время).
9) Мал золотник, да дорог (масса).
10) От слова до дела – бабушкина верста (расстояние).
11) Лучше плохо ехать, чем хорошо идти (скорость).
12) От горшка два вершка (высота).
13) Горяч блин, да скоро остыл (количество теплоты) [3].

Количество заданий (туров), по усмотрению учителя, можно увеличить. Жюри подсчитывает общее количество баллов, учитель подводит итоги, награждает победителей.

3) Чтение православной литературы и ее обсуждение.

Пример: Статья «Позовите докторов! Или как физики становятся богословами» из журнала «Фома» [см., подр., 2, 8-18].

Данные мероприятия способствует развитию христианского мировоззрения учащихся и доказывает, что наука и религия, физика и христианство могут успешно дополнять друг друга при решении задач воспитывающего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская народная линия (информационно-аналитическая служба). – Режим доступа: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/10/18/velikie_fiziki_o_vere_i_boge.

2. Куршук Е. Позовите докторов! или Как физики становятся богословами // Фома. – 2019. – № 3 (191). – С. 8-18.

3. Я русский: что значит быть русским человеком. – Режим доступа: http://iamruss.ru/russian-proverbs-and-sayings.

USING THE EXAMPLE OF THE PERSONALITY OF A PHYSICIST AS ONE OF THE ASPECTS OF THE FORMATION OF THE ORTHODOX WORLDVIEW

I.M. Grinina

Examples of biographies of famous scientists, founders of physical science, their statements in relation to the Christian faith, their personal attitude to God should contribute to the formation of students ' worldview, in which there is no conflict between science and Christian faith.

Keywords: physics, scientists, Orthodoxy, worldview, science.

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ГУМБОЛЬДТОВСКИХ ЗОН ОБМЕНА В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ

А.М. Дорожкин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, физический факультет, кафедра философии, доктор философских наук, профессор

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23

Тел.: 89023099602, e-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

Рассматривается возможность использования идеи гумбольдтовской зоны обмена для моделирования процесса обучения. Для этой цели используется гипотетико-дедуктивная модель приращения научного знания. Проводится реконструкция данной модели для процесса обучения. На основе данной модели дается толкование ситуации непонимания, возникающей в процессе обучения и предлагаются механизмы ее снятия.

Ключевые слова: гипотеза, проблема, непонимание, наличное знание, галисоновские «зоны обмена», гумбольдтовские «зоны обмена», гипотетико-дедуктивная модель приращения знания.

В ходе преподавания и в средней, и в высшей школе нередко возникают ситуации непонимания учащихся и студентов смысла передаваемой им информации. Причин такого непонимания множество. Ниже назовем, по нашему мнению, основные их них. Сейчас же отметим, что в подобной ситуации непонимания часто оказываются и члены научного сообщества в силу серьезной дифференциации научного знания. Пытаясь преодолеть такие ситуации Питер Галисон уже более 20 лет назад предложил формировать так называемые «зоны обмена» [1]. Такие зоны, по его представлениям, создают пространство, где представители одной науки или даже различных могут обмениваться теориями, идеями, инструментами познания, технологиями и т.д. Эта идея получила в зарубежной литературе достаточно широкое развитие[2, 3, 4] и др. и галисоновские «зоны обмена» ныне представлены как некий механизм, позволяющий осуществлять эффективное взаимодействие между представителями научных сообществ, достаточно удаленных друг от друга и по содержательно-предметной и по методологической компонентам научного знания. В отечественной философии группа исследователей под руководством член-корр. АН РФ И.Т. Касавина ныне исследует возможность формирования дополнительных зон обмена названных «гумбольдтовскими» и «негумбольдтовскими». Первые из названных дают возможность взаимопонимания между членом научного сообщества (учителем) и человеком, стремящемся войти в такое сообщество (учеником). Вторые призваны обеспечить взаимопонимание между членами научного сообщества и «представителями общественности». Особенности функционирования последних зон, а также необходимость из построения отмечены, например в [5; 6] и др. Здесь же мы постараемся охарактеризовать гумбольдтовские зоны обмена.

Сразу необходимо оговориться, что дальнейшие наши рассуждения будут неизбежно страдать определенной доле абстракции: не любой учитель может

быть назван представителем научного сообщества в полном смысле этого слова, да и учащиеся далеко не все стремятся попасть после обучения в ряды членов научного сообщества. Однако, как нам кажется, определенные идеи, выработанные в результате обсуждения предложенных нами гумбольдтовских зон обмена могут быть использованы и в более широком аспекте, нежели названный. Дело в том, что непонимание как состояние (или отношение) между передающим информацию и принимающим ее, при разных причинах остается все же непониманием и его желательно учителем устранить, какие бы цели он не преследовал в процессе обучения.

Как мы отмечали выше, непонимание может быть обусловлено самыми различными причинами, однако, по нашему мнению, возможно более-менее универсальное его представление. И оно, для взаимоотношения учителя и ученика, таково: ученик уже перед обучением, то есть перед актом прием новой для него информации, обладает определенным наличным знанием. И оно каким-то образом структурировано, то есть представляет собой некую внутренне непротиворечивую систему. Разумеется, такая непротиворечивость может быть лишь кажущейся и временной. Внешне такая кажимость непротиворечивости фиксируется довольно просто, однако внутренняя убежденность ученика в гармоничности его наличного знания подвергается сомнению не часто. И нужно признать, что это естественная оценка любого человека системы собственных знаний. В противном случае возникает состояние дискомфорта, от которого все стремятся избавиться. Далее, в ходе общения учителя с учеником последний получает некую дополнительную информацию, которая должна быть соотнесена с системой его наличного знания. Эта новая информация может показаться ученику непротиворечивой по отношению к его системе наличного знания, и в этом случае можно говорить о довольно благополучном приращении этого знания. Однако такое случается далеко не всегда. Если новое знание, сообщенное учителем, вступает в противоречие с системой наличного знания ученика или даже если оно является не противоречивым, но хотя бы инородным к этой системе и возникает, по нашему мнению, ситуация непонимания. Ученик просто не знает, что с этой новой информацией делать. Самый простой вариант здесь – отбросить такое новое знание за ненадобностью. Но так не может поступить учащийся в силу того, что существует контроль его знаний, где эта новая информация должна присутствовать. Другой вариант – оставить это новое знание в качестве инородного элемента в структуре собственного знания. То есть держать его в памяти, что называется зазубрить его для выдачи в нужное время, а затем благополучно забыть. Разумеется, в таком случае никакого реально приращения знания не происходит.

Наконец, последний и самый трудный вариант работы с новым элементом знания – это привести его в соответствие с системой наличного знания, получив таким образом его приращение. Этот процесс, по нашему мнению, в определенной мере, аналогичен процессу приращения нового научного знания в рамках гипотетико-дедуктивного метода, который ныне считается самым рас-

пространенным в научном творчестве. Основные особенности его применения рассмотрены нами ранее [7]. Здесь же мы кратко проанализируем основные положения этого метода в применении к нашему случаю.

Новая для ученика информация выступает в роли гипотезы, которая, если можно так выразиться, пытается внедриться в систему наличного знания ученика. Это новое знание может оказаться в гармонии с системой наличного знания ученика. В таком случае мы получаем простое аддитивное развитие знания. Этот случай, хотя и является вполне благополучным, все же не является, во-первых, типичным, а, во-вторых, творческий. Дело в том, что в таком случае знание прирастает лишь количественно, не претерпевая качественные изменения Качественно приращение знание является, несомненно, более предпочтительным. При этом выскажем сомнение, что известный гегелевский закон о переходе количественный изменений в качественные здесь не будет иметь место, в силу хотя бы того, что объем информации для его реализации при этом намного превысит возможности его обработки сознанием. Поэтому полагаем, что произойти качественное приращение может только в случае, если новая информация будет казаться инородной к наличной системе знаний ученика, то есть возникает ситуация или, если угодно, проблема непонимания. Устранение же этой проблемы достигается путем построения на основе приращенного за счет нового, но пока негармоничного, знания ученика, целого ряда следствий. Последними из этого ряда являются эмпирически проверяемые следствия в случае научного творчества, причем процесс обращения к таким следствия является многократным, сопровождающимся коррекцией как элементов наличного знания, так и новой гипотезы [7]. В случае же процесса приращения знания ученика такими следствиями будут, по нашему мнению, достоверные, проверенные, или, в конце-концов, неоспоримые знания. Это могут быть как фактические, так и некоторые теоретические знания, не подвергаемые сомнению. Отметим сразу, что определенное расхождение с процессом производства нового в научном творчестве, присутствует. Сомнение в научном творчестве, так сказать, более основательно. Здесь действительными бесспорными основаниями выступают лишь научные факты, да и то не всегда. В случае же приращения знания у ученика в процессе обучения, достаточным критерием истинности знаний может быть и некоторое теоретическое построение, или даже какой-либо обыкновенный, ненаучный факт, то есть любое знание, которым обладает ученик и которое ему представляется бесспорным. Однако более значительным расхождением с процессом научного творчества является то обстоятельство, что в процессе обучения присутствуют два человека – учитель и ученик, тогда как в научной деятельности с проблемой внедрения гипотезы в структуру наличного знания сталкивается один ученый (мы рассматриваем, разумеется, идеализированный случай).

Необходимо особо отметить также то обстоятельство, что некоторые современные тенденции развития образования предполагают отчуждение ученика от личных контактов с учителем и таким образом как бы приравнивают процесс

обучения и процессы научного творчества. Несмотря на определенные приводимые доводы необходимости такого отчуждения, полагаем, что она, по крайней мере, не бесспорна, если не сказать более жестко. Попросту говоря, самым эффективным в процессе обучения является, по нашему мнению, все же прямой и личный контакт учителя и ученика. Поэтому наши рассуждения основаны на необходимости совместного творчества учителя и ученика по приращению знания. И здесь, естественно возникает вопрос: о приращении чьего знания идет речь? Ведь казалось бы, учитель лишь передает новую информацию ученику, и при этом для самого учителя эта информация не является новой. Следовательно, приращение знания происходит при этом лишь в системе знаний ученика. Полагаем такой вывод неверным, хотя, к сожалению довольно часто именно в соответствии с ним и происходит обучение. В этом случае действительно личность учителя может быть без каких - либо значимых потерь заменена каким-либо искусственным средством передачи информации. Гумбольдтовская зона обмена предполагает, что в процессе обучения, учитель также получает новую информацию. При этом она не ограничивается информацией об обьеме знаний ученика, хотя последняя, конечно, необходима. Он также, как и ученик, должен понять передаваемую ученику информацию как проблему, удивиться ей, хотя формально для него она не нова. Произойти это должно потому, что в ходе общения с учеником, он получает именно как новое для него, учителя, знание о состоянии приращенного знания ученика. И это знание по всем параметрам является гипотетическим. То есть в ходе построения гумбольдтовской зоны обмена мы формируем две пересекающиеся гипотетико-дедуктивные модели: ученика, стремящегося гармонизировать новое знание с наличным, – это первая. Вторая модель - это деятельность учителя, озабоченного соотнесением своего наличного знания, в котором переданная ученику информация присутствовала до ее передачи как непротиворечивая этому наличному знанию и новой информации о приращенной системе знаний ученика. Последняя, как мы отмечали выше, оценивается учеником как непонимание. Возникает таким образом, непонимание, или лучше сказать, проблема, и в системе приращенного знания учителя. При этом он должен преодолеть сразу два уровня непонимания: непонимание ученика и собственное непонимание того, почему не происходит гармонизация в системе знаний ученика. Это довольно непростая задача, которая не возникает при нейтральной передачи новой информации ученику, но зато она позволяет формировать качественное приращение знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Galison P. Trading zone. Coordinating Action and Belif // The Science Studies Reader. Ed. by M. Biagioli. – New York Routledge. – 1999.

2. Rosbach. D. Building a Trasdisciplinary Trading Zone // The International Journal of Science in Sosiety. – 2012. – Vol 3. – pp. 17-30.

3. Gorman M. Swami N. Werhane P.H. Moral Imagination, Trading Zone and the Role of the Ethicist in Nanotechnology // Nano Ethics. – 2009. – 3(3) h. – 185-195.

4. Winther R.G. Evo-devo as a Trading Zone // A.C. Love (td) Conceptual Change in Biolo-

gy, Boston Studies in the Philosophy and History of Science. Springer Science + Business Medial Dordrecht. – 2015.

5. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2017. – т. 51. – С. 8-17.

6. Дорожкин А.М. Проблемы построения и типологии «зон обмена» // Методология и философия науки. – 2017. – №4. – С. 10-20.

7. Дорожкин А.М. Шибаршина С.В. Гипотетико-дедуктивный метод научного исследования: область применения и основная интерпретация // Вестник Вятского госуд. Унив. – 2017. – № 2. – С. 11-18.

ABOUT THE POSSIBILITY OF USING THE CONCEPT OF THE HUMBOLDT EXCHANGE ZONES IN THE TEACHING METHOD

A.M. Dorozhkin

The paper considers the possibility of using the idea of the Humboldt exchange zone for modeling the learning process. For this purpose, a hypothetical-deductive model of the increment of scientific knowledge is used. This model is being reconstructed for the learning process. Based on this model, an interpretation of the situation of misunderstanding arising in the learning process is given and mechanisms for its removal are proposed.

Keywords: hypothesis, problem, misunderstanding, present knowledge, galison «exchange zones», humboldt «exchange zones», hypothetical-deductive model of knowledge increment.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-18-00238 «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»).

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАДАЧ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ТВОРЧЕСКИХ КОНКУРСОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Т.А. Кончина[1], С.В. Миронова[2], С.В. Напалков[3]

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, [1]естественно-географический факультет, кафедра биологии, географии и химии, кандидат биологических наук, доцент, физико-математический факультет, кафедра физико-математического образования, [2]кандидат педагогических наук, доцент, [3]кандидат педагогических наук, доцент

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89616374587, 89101285616, 89506200330,

e-mail: tatyana.konchina@mail.ru, svetochka.arz@mail.ru, nsv-52@mail.ru

Дан анализ многолетнего опыта проведения творческих конкурсов естественнонаучной направленности в Арзамасском филиале ННГУ, отвечающих задачам программы развития образования в России. Рассматриваются направления конкурсов, формы и методы их проведения, приводится тематика и примеры конкурсных работ.

Ключевые слова: конкурс, творчество, программа развития образования, я-биолог, красота и величие математики.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» в качестве одной из основных задач регулирования отношений в сфере образования устанавливается необходимость создания условий для свободного функционирования и развития системы образования Российской Федерации.

Направления реализации Программы определяются следующими задачами:

• распространение структурных и технологических инноваций в профессиональном образовании, обеспечивающих высокую мобильность современной экономики;

• развитие современных механизмов, содержания и технологий общего и дополнительного образования;

• реализация мер популяризации среди детей и молодежи научнообразовательной и творческой деятельности, выявление талантливой молодежи;

• создание инфраструктуры, обеспечивающей условия для обучения и подготовки кадров для современной экономики;

• формирование востребованной системы оценки качества образования и образовательных результатов [1].

Решению указанных задач во многом способствует проведение интеллектуальных и творческих конкурсов среди учащихся, прежде всего, естественнонаучной направленности. К таким конкурсам можно отнести конкурс творческих работ учащихся «Я – биолог» и Всероссийский Вахтеровский фестиваль-конкурс творческих работ по математике «Красота и величие математики»[2, 3].

Основными задачами конкурса *«Я – биолог»* являются:

1. Развитие интереса школьников и учащихся Нижегородских образовательных учреждений к природе, её более глубокого изучения в процессе познавательно исследовательской деятельности и их личностного развития в этом направлении.

2. Совершенствование навыков биологических исследований и развитие творческих способностей учащихся.

3. Выявление творческих способностей учащихся и содействие его дальнейшему развитию.

4. Освоение информационных и других технологий, используемых для решения творческих и образовательных задач.

5. Привлечение учащихся к новым формам содержательного досуга.

К основным традиционным направлениям конкурса относятся: авторские фотографии, рисунки, видеофильмы, буклеты, поделки и композиции из природного материала.

Секция видеофильмов рассматривает работы по таким номинациям, как:

1. Дикие животные.

2. Особо охраняемые природные территории.

3. Сохраняя – сберегай! (сбережение электроэнергии и тепла, воды; различных ресурсов, вторая жизнь вещей, переработка отходов).

4. Природные явления.

5. Биохимические проявления жизни.

Секция научной фотографии включает следующие номинации:

1. Микрокосм (съемка микрообъектов в крупном масштабе с помощью макрообъектива, микроскопа, макроколец).

2. Течет вода, бежит вода... Пейзаж живой природы (рис. 1).

3. Удивительные растения и грибы (редкие, экзотические, причудливой формы, необычной окраски).

4. Птицы Нижегородской области (рис. 2).

Рис. 1. Река Керженец, автор Кораблев Д.

Рис. 2. Лебедь-шипун, автор Кончин В.

Секция рисунков традиционно принимает работы в номинациях:

1. Пейзаж живой природы (рис. 3).

2. Растения и грибы родного края.

3. Животные родного края (рис. 4).

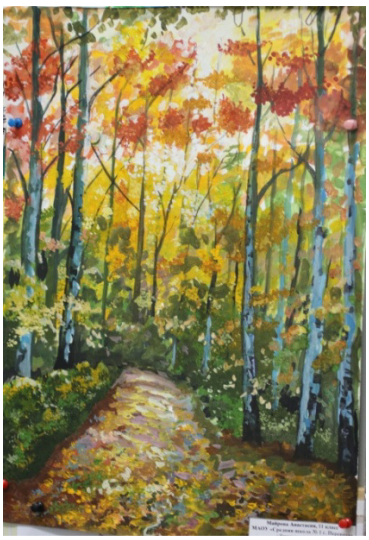


Рис. 3. «Яркие краски осени», автор Майорова А.

Рис. 4. «Уссурийский тигр», автор Махалина К.

Секция буклетов оценивает работы учащихся по следующим номинациям:

1. Особо охраняемые природные территории (ООПТ) родного края (рис. 5).

2. Химия в нашем доме (рис. 6).

3. Я – ландшафтный дизайнер.

4. Знакомые незнакомцы (интересные и удивительные факты из жизни представителей флоры и фауны родного края).

Рис. 5. ООПТ родного края

Рис. 6. Химия в нашем доме

Пятая секция представляет собой выставку «Природа и творчество» по номинациям:

1. Выставка поделок из природного материала (овощи и фрукты, раковины, коряги, древесина, береста, камни и др.).

2. Выставка объемных флористических композиций из живых и засушенных растений (букеты).

3. Выставка композиций из природного материала (картины, панно, коллажи).

Рис. 7. «Осенний лис», автор Крайнова А.

Рис. 8. «Шли, шли Арзамасские гуси...», автор Савковская Я.

Тематика работ в каждой из описанных секций может быть следующей:

• Осень в моём городе.
• Русские просторы.
• Волшебное озеро.
• Русская выхухоль.
• Среднерусский лесной волк.
• Рыжий хищник.
• Яркие краски осени.
• Белочки-сестрички.
• Русский лес.
• Берег Волги.
• Уголок родного края.
• Деревенька моя. У реченьки.
• Орхидеи русского леса.
• Знакомые незнакомцы Нижегородской области.

Ежегодно в рамках очного этапа Конкурса в каждой из секций проходят выставки творческих работ конкурсантов, где учащиеся могут почувствовать себя в роли экспертов, проголосовав за приз зрительских симпатий.

Для ребят организуются увлекательные мастер-классы: «Живой рисунок» (рис. 9), составление осенних композиций «Осенняя фантазия» и «Креативная шляпка», «Дрессура домашних животных», «Занимательная химия», «Основы фотографии», а также фотографирование с животными, выставка минералов (рис. 10), экскурсия «Аптекарский огород» [4], выставки картин Арзамасских художников, фотовыставки работ преподавателей и студентов.

Всё это позволяет учащимся получить дополнительные знания в интересной форме, расширить кругозор, получить положительные эмоции, познакомиться с вузом, найти единомышленников.

Рис. 9. Мастер-класс «Живой рисунок»

Рис. 10. Выставка минералов

Цели проведения фестиваля-конкурса *«Красота и величие математики»* заключаются в раскрытии роли математики в создании научной картины реального мира; показе значимости математического образования в жизни человека, его профессиональной деятельности; демонстрации приложений школьной математики; раскрытии эстетического потенциала математических дисциплин; выявлении математически способных детей и обеспечение условий для их развития; раскрытии творческого потенциала учащихся;обобщении передового педагогического опыта по приобщению школьников к математическому творчеству.

На фестиваль-конкурс принимаются:

• Исследовательские работы школьников по математике;

• Творческие работы школьников по математике;

• Проектные работы школьников по предметно-математическому моделированию;

• Работы школьников по конструированию компьютерных математических моделей;

• Работы школьников реферативного характера с элементами самостоятельного поиска, а также и другие ученические работы, раскрывающие значение математики для человека, глубину математических идей, общность математических рассуждений, силу математических методов, мощь математического аппарата, красоту геометрических форм, математических структур, понятий, закономерностей, утверждений, формул, выражений, рассуждений, записей.

Тематика работ в каждом из представленных направлений может быть следующей:

• История города Арзамаса в математических примерах и задачах;

• Басня про проценты;

• Числа в русских народных сказках;

• С Алисой в Страну чудес (математическийквест);

• Календарь: от древних времен до наших дней;

• Путешествие в Карандашное царство Геометрического государства;

• Математические задачки от Бабы Яги.

Проведение таких конкурсов полностью согласуется с основными задачами Программы развития образования в России, т.к. способствует: созданию и

распространение структурных и технологических инноваций в профессиональном образовании (в конкурсах принимают участие не только учащиеся общеобразовательных школ, но и профессиональных учебных заведений, и даже их наставники); развитию современных механизмов, содержания и технологий общего и дополнительного образования (все участники расширяют границы программы обучения по тому или иному предмету, осуществляя в большой степени самостоятельно дополнительное образование); реализации мер популяризации среди детей и молодежи научно образовательной и творческой деятельности, выявление талантливой молодежи (поскольку работы участников носят творческий характер); созданию инфраструктуры, обеспечивающей условия для обучения и подготовки кадров для современной экономики (различные мастерские, мастер-классы, кабинет-музеи лучших работ участников разных лет и т.п.); формированию востребованной системы оценки качества образования и образовательных результатов (разнообразие критериев оценки, соотносящихся с особенностями самих работ, номинаций и секций творческих конкурсов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016-2020 годы. – Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf.

2. Миронова С.В., Напалков С.В. О проведении фестиваля-конкурса творческих работ по математике «красота и величие математики» // XV Колмогоровские чтения: сборник статей участников Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти профессора М.И. Зайкина / Научный редактор С.В. Миронова, ответственный редактор С.В. Напалков. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 100-102.

3. Группа Вконтакте «Красота и Величие математики». – Режим доступа: https://vk.com/public69162759.

4. Миронов А.В., Кончина Т.А. О назначении и проектировании учебного ботанического сада «Аптекарский огород» // Общекультурные и естественнонаучные аспекты образования в интересах устойчивого развития: сборник статей участников Международной научно-практической конференции. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. – С. 81-85.

IMPLEMENTATION OF TASKS OF THE DEVELOPMENT PROGRAM OF THE EDUCATION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION WHEN CARRYING OUT CREATIVE COMPETITIONS OF NATURAL SCIENTIFIC DIRECTION

T.A. Konchina, S.V. Mironova, S.V. Napalkov

The analysis of many years of experience in conducting creative natural science contests in the Arzamas branch of Lobachevsky University that meet the objectives of the education development program in Russia is given. The directions of the competitions, the forms and methods of their conduct are considered, the subject and examples of competitive works are given.

Keywords: competition, creativity, educational development program, self-biologist, beauty and greatness of mathematics.

МЕДИАТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

О.Е. Коханая

Московский гуманитарный университет, факультет рекламы, журналистики и дизайна, кафедра журналистики, доктор культурологии, профессор

Россия, 111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5

Тел.: 89151480509, e-mail: kokhanaya@mail.ru

Анализируется трансформация механизмов коммуникации детей и подростков на современном этапе. Рассматриваются новые медиаобразовательные проекты и медиатехнологии, формирующие новое информационное пространство.

Ключевые слова: социализация, медиалидер. мастер-класс, медиаобразовательный проект, Лига юных журналистов, «Артек», «Смена», школьные СМИ.

В процессе системного осмысления и решения вопросов сохранения культурно-исторического суверенитета и обеспечения национальной безопасности России в XXI веке необходимо учитывать неоднозначные и противоречивые последствия современной информационно-коммуникационной революции в мире. Безусловно, её позитивные достижения должны быть эффективно использованы для приумножения информационно-коммуникативных ресурсов личности.

Гуманитарное образование и воспитание подрастающего поколения в XXI веке становится все «актуальнее для нашего общества, опрокинутого в несуществующий мир компьютерных игр и развлечений» [1, с. 466], что настоятельно требует глубокого осмысления возможностей субъектов социального воспитания, реализующих свой потенциал в самых многообразных сферах социальной действительности [2, с. 527].

Детские СМИ играют важную роль в социализации подрастающего поколения, выступают нравственным, психологическим, эстетическим регулятором. При этом на фоне коммерциализации журналистики и снижения уровня влияния воспитательной функции со стороны родителей, активно распространяется синдром клипового мышления; создаются виртуальные, закрытые группы. Вышеперечисленная реальность ставит развитие подрастающего поколения под угрозу. Современные дети не читают, а просматривают новости. В связи с развитием информационных технологий, большого количества медиа ресурсов синдромом клипового мышления сейчас заражен каждый ребенок, т.е. череда ярких, разорванных событий не выстраивается в логическую последовательность, а в хаотичном порядке дает поверхностное представление о происходящем в мире [3, с. 12, 5], которым активно управляют всевозможные медиаторы массовых коммуникаций, где локальные сети также необходимы, как воздух, а цифровые устройства стали единым целым с человеческим организмом. Смартфон и Интернет – это не просто вспомогательные инструменты для решения сложных задач, сегодня они стали необходимостью. Гаджеты упрощают,

а в некоторых случаях полностью заменяют человеческие процессы, например, мыслительные. Современный юный пользователь уже не обращается к отделам своего головного мозга и не использует долгосрочную память, чтобы извлечь необходимую информацию: по его логике, нужно быстро перебрать варианты возможных ссылок, где могут храниться запрашиваемые данные. Блокировка длительного мыслительного процесса и замена краткосрочными обращениями негативно влияют на восприятие информации. Современное общество зачастую сталкивается с отсутствием самого процесса мышления. Опытный пользователь (user) «заглатывает» текстовые заголовки и использует ранее прочитанные им схожие варианты для определения достоверности информации, ищет между строк знакомые фамилии экспертов, компетентных в данной области, оценка которых на ментальном уровне совпадает с внутренними убеждениями читателя. Как пишет известный исследователь в области образовательных технологий Е.В. Валеева, «текст все больше перестает быть произведением и все более становится производством» [4, с. 187]. При этом на сегодняшний день становится очевидным тот факт, что такое понятие, как живое общение уходит на второй план и уступает вновь пришедшему, уже плотно обосновавшемуся в современном обществе, виртуальному обмену данными.

Совсем недавно дискретное (или клиповое) мышление считалось изъяном, которое на ранних этапах становления личности исправляли. Как показывают исследования, современный ребенок меньше пользуется печатными носителями, из его обихода постепенно исчезают привычные научно-познавательные и развлекательные журналы, книги, даже телевизор. Эмоциональная сфера ребёнка привыкает к тому, что окружающий мир превращается в мозаику разрозненных фактов, которые, как в калейдоскопе, сменяют друг друга, и ребёнку постоянно требуются новые, яркие впечатления. Очевидно, что в таком стремительном процессе поглощения низкосортной, поверхностной информации ребёнок становится менее восприимчивым в эмоциональном плане. «Обладатель клипового мышления оперирует только смыслами фиксированной длины и не может работать с семиотическими структурами произвольной сложности. Внешне это проявляется в том, что ребёнок не способен длительное время сосредоточиваться на какой-либо информации, у него снижена способность к её анализу» [5, с. 1112].

В эпоху цифровых технологий портрет современного учащегося меняется с такой же скоростью, с которой выпускается обновление на операционной системе или электронной платформе. Гаджет в руках ребенка стал не только привилегией и возможностью усилить собственные интеллектуальные процессы, но и необходимостью и неотъемлемой частью жизненного цикла. На фоне постоянно растущего потока новостного контента значительно увеличилась информационно-коммуникативная активность детей и подростков в сфере межличностных отношений в виртуальном пространстве. Непрерывные посты, комментарии, прямые трансляции – виртуальная среда постепенно трансформируется в реальность.

Отдельного внимания заслуживают медиаобразовательные проекты для детей и подростков, в которых формируются ключевые навыки медиаграмотности, вырабатывается цифровой иммунитет ребенка. Медиаобразование конвертирует полезные навыки и умения в профессиональные компетенции [6, с. 164], которые уже на данный момент во многих сегментах быта и профессиональной деятельности являются неотъемлемыми. Как отмечает известный исследователь в области современной медиасистемы М.В. Шкондин, «используя мультимедийные платформы, журналистика способствует удовлетворению информационных потребностей массовой аудитории, состоящей из представителей различных социальных общностей, помогая им создавать и восстанавливать в сознании медиакартины мира для совместного освоения и преобразования действительности как субъективного фактора цивилизационного развития» [7, с. 178]. Надо отметить, что в 2000-х годах произошли кардинальные изменения в культурно-образовательной политике государства в отношении воспитания и организации культурного досуга для детей и подростков [8, с. 1070]. Во многих регионах вновь открываются специализированные центры, такие как Международный детский центр «Артек», Всероссийский детский центр «Орленок» [9], Всероссийский детский центр «Смена», Всероссийский образовательный центр «Сириус», Всероссийский детский центр «Океан» и другие, создаются детские и молодежные общественные организации, которые берут на себя дополнительную функцию в воспитании детей. Их деятельность при этом активно дублируется медиаресурсами [10, с. 81].

Очевидно, что межличностная коммуникация эффективнее развита у тех, кто занят творческой деятельностью. Возможность реализации, общение с единомышленниками и профессионалами, ориентированность на будущую профессию – все эти качества в большей степени присуще юным активистам и медиа-лидерам: именно они становятся проводниками в современное медиа-информационное пространство.

Коммуникация, взаимодействие не является единственными источниками знаний для многочисленных пользователей. Поэтому ключевыми ее потребителями становятся наиболее активные посетители, которые впоследствие распространяют, комментируют, заостряют внимание на уникальности контента и важности произошедшего события, делают их востребованными для большинства аудитории.

Известный американский исследователь Д.Г. Мид считает, что «порой появляется человек, способный вобрать из развертывающегося акта больше, чем другие, способный войти в связь с целыми группами в сообществе, установки которых не вошло в жизни других его членов. Он становится лидером. Фигуры такого рода чрезвычайно важны, ибо делают возможной коммуникацию между группами, в ином случае полностью обособленными друг от друга» [11, с. 194].

Медиалидеры обеспечивают не только самореализацию, продвижение и развитие ближайшего им окружения, но и ускоряют эти процессы в простран-

ственно-временном промежутке, являются медиаторами и проводниками в современное информационное пространство [12, с. 88], в некоторых случаях выполняют воспитательные функции вместо учителей и родителей. Общение с подобными активистами приводит к определенному творческому и психологическому взрослению.

Молодые специалисты, найдя практическое применение развлекательным функциям смартфона, показывают на живом примере, как можно поднять скучный ролик в Топ-100, из мутной любительской фотографии сделать профессиональную заставку на билборд. Общедоступные ресурсы в сочетании с креативом и интеллектуальными способностями развивают здоровую конкуренцию среди детей и юношества, рождают новые идеи, перерастающие потом в полноценные проекты. Важно отметить, что пользу от обмена данными в учебно-игровом процессе получают обе стороны: и молодые педагоги, и школьники. Детское мышление отличается от взрослого, перегруженного бытовыми проблемами и перестраховочными барьерами. Дети открыто смотрят на представляющиеся возможности, перебирают всевозможное варианты, смело генерируют любые идеи, ставя на первое место мысль, а потом – возможность. Вот эти уникальные, не имеющие аналогов свежие идеи берут на вооружение специалисты, трансформируя порыв эмоций в конкретный, монетизируемый проект. В свою очередь, школьники получают профессиональные навыки пользования собственной техникой.

Показателен в этом смысле образовательный проект Лиги юных журналистов «Медиаобразование учащихся в информационном пространстве Москвы», который, прежде всего, рассчитан на выявление, поддержку и развитие юных талантов, поэтому лучшие представители школьных медиацентров Москвы награждаются путевками на профильные медиасмены в МДЦ «Артек». Одним из активных участников данного проекта в качестве медиалидера-наставника была студентка, ныне выпускница, кафедры журналистики Московского гуманитарного университета Екатерина Гаврюшина.

Помимо общелагерной образовательной и развлекательной программы участники, находящиеся в медиа-отрядах, наравне с пресс-службой детского центра работают ежедневно на всех мероприятиях. Посты, сценарии, репортажи, прямые включения, монтаж становятся неотъемлемой составляющей будней артековца. Как правило, уровень подготовки детей, находящихся в медиа-отрядах, соответствует стандартам телевизионных школ, поэтому насыщенный съемочный график не вызывает усталости и дополнительного напряжения.

Главная цель смены – это финальная «Медиабитва», к которой юные операторы, корреспонденты, SMM-специалисты основательно готовятся с первого дня заезда. В обязательную программу включено следующее: тридцатисекундный авторский ролик, двадцатидневный проект с ежедневными постами в социальных сетях, статьи по четырем ключевым направлениям с хештегами: #артеканалитика, #вцентреартека, #спросиартек, #фотовидениеартека, #артекизнутри, и последующая публикация в группе «АРТЕК МЕДИА» [12]. Знания, полу-

ченные в детском центре, медиалидеры позднее адаптируют в своих медиаточках в Москве.

Помимо насыщенной артековской программы, юные медиалидеры параллельно принимают участие в московском образовательном проекте «Лиги юных журналистов». Например, в 2017 году основной темой была тема «Международные отношения», в 2018 году – «Кинофестиваль». Подготовленные материалы и фотоотчеты опубликованы на официальном сайте ЮНПРЕСС [13], в социальных сетях Вконтакте и Инстаграм.

Всероссийский детский центр «Смена» также является уникальной образовательной площадкой для совершенствования профессиональных навыков юных журналистов в сфере медиа. Мастер-классы от ведущих специалистов федеральных телеканалов, интерактивные тренинги, параллельные конкурсы и квесты, открытые показы, кастинги, съемка короткометражных фильмов проходят под руководством главных киноведов страны. Создание собственных информационных агентств, планирование и разработка медийной сетки, налаживание коммуникации и выстраивание конструктивного диалога с руководством детского центра, последующее совместное заполнение новостным контентом главного информационного портала ВДЦ «Смена» – вот содержание работы творческой деятельности юных журналистов под руководством медиалидеров. Ключевым направлением для медиалидеров стало формирование творческой команды, выстраивание многоканальной системы вещания.

Все навыки, которые медиалидеры применяют и совершенствуют в образовательных центрах, были получены ими ранее на лично разработанных образовательных мастер-классах в Москве. Вот содержание некоторых из них:

• «Технология успешного интервью»

Краткая аннотация: как математик в совершенстве знает правило золотого сечения, так и каждый журналист усвоил негласное правило: «не существует неудобных вопросов, бывают неправильная последовательность». Очередность, грамотная формулировка, правильная расстановка акцентов, тембр голоса и располагающая атмосфера – все эти ключевые, искусно созданные профессиональным журналистом факторы являются залогом хорошего материала.

Задачи: знакомство юных журналистов с техникой ведения интервью, постановка целей и задач, выявление главной темы, выработка стратегии, грамотное использование открытых и закрытых вопросов, закрепление полученных знаний на практике.

• «Журналистика XXI века: интернет-портал, электронная газета»

Краткая аннотация: Человек XXI века обладает клиповым мышлением, следуя за ярко визуализированной картинкой, сопровождаемой аудиотекстом. Современные технологии рождают большой спектр возможностей донесения информации, удовлетворяя запросы самых искушенных пользователей. 90% контента находится в общедоступном пользовании на электронных платформах, качество контента определяется количеством просмотров и лайков.

Задачи: сравнить и выявить изменения в восприятии информации учащи-

мися 2010-2018 гг., определить и адаптировать мировые тенденции журналистики под школьные СМИ, изучить структуру формирования интернет-портала, ознакомить школьников с возможностями обновленного программного обеспечения: интеллектуальной версткой, цифровым дизайном, научить базовым навыкам пользования программой Photoshop Adobe design, закрепить полученные знания на практике.

• «Пиар и реклама: управление сознанием»

Краткая аннотация: Паблик рилейшнз и реклама являются серыми кардиналами ритейла и законодателями рынка массового потребления. Важно отметить, что цифровизация технологий подтолкнула основную часть населения перейти к виртуальной реальности. Не менее важным является тот факт, что большинство изданий существует за счет рекламодателей, соответственно пользователя ждет неизбежная участь столкновения с информационно-рекламным контентом, который пробуждает в каждом втором читателе потенциального потребителя.

Задачи: выявить основные различия рекламного и информационного контента, научить школьников ориентироваться в конвергентных рекламно-информационных текстах, выбирать полезную информацию, изучить базовые приемы манипуляции в сфере PR, разобрать методы влияния на конкретных примерах, закрепить полученные навыки на практике.

• «Специальный репортаж. Мир моими глазами»

Краткая аннотация: каждый новостной репортаж, выходящий в эфир, – это лично пережитые эмоции корреспондента, осмысленность монтажера, и обдуманное решение главного редактора. Именно то, что запечатлеет объектив оператора, в сочетании с тем, что прочувствует корреспондент, называется новостным сюжетом, и следовательно воспринимается аудиторией как важная тема для обсуждения. Важно отметить, что новостной сюжет – это эмоциональное, при этом структурированное изложение данных с места событий, но не личное отношение корреспондента к происходящему. В основе любого сюжета заложен конфликт, поэтому необходимо наличие двух противоположных мнений экспертов, рассматривающих событие с разных сторон.

Задачи: ознакомить школьников с принципом перевернутой пирамиды, объяснить основные составляющие новостного репортажа, обратить внимание на конфликт события, развить навык логического выстраивания сюжетной линии, создание уместного стенд-апа, усвоение базовых элементов телевизионной журналистики, работа корреспондента с кадре, работа оператора с камерой, элементы монтажа, освоение базовых функций Adobe Premier.

• «Новость как многосерийный фильм»

Краткая аннотация: современная медиасреда устроена таким образом, что, если новость после выхода в эфир обретает развитие сюжетной линии, она автоматически приобретает высокий статус значимости и занимает первые строчки поисковиков. Важность фактического события меркнет перед эмоциональной реакцией аудитории. Профессиональному журналисту необходимо на-

ходить информационные поводы, которые можно подать в разных интерпретациях, подкрепляя мнениями экспертов. Понятие «многосерийности» и вариативности продолжения сюжета является неотъемлемой составляющей современной телеиндустрии.

Задачи: сформировать навык поиска информационного повода с многовариативным продолжением развития сюжетной линии, освоить поисковые фильтрационные системы, улучшить навык креативного мышления, закрепить усвоенные знания на практике.

• «Как раскрутиться в медиасреде?»

Краткая аннотация: современное виртуальное пространство способно трансформировать искренние эмоции в чистую прибыль. Социальный аккаунт с более, чем сто тысяч подписчиков и интересным контентом вправе рассчитывать на предложения рекламодателей и последующую монетизацию. Ненавязчивый пост, или пара кадров с рекламируемым объектом в руках блогера, или story-toiler обеспечивает заработок в двустороннем порядке. Помимо материальных бонусов, раскрутка аккаунтов заставляет пользователя следить за всеми трендами социальных сетей, устанавливать новые обновления, экспериментировать, находиться в постоянном интеллектуальном тонусе и не переставать удивлять своих подписчиков интересными обзорами.

Задачи: разобрать успешные примеры раскрутки аккаунтов с помощью уникального контента и использования новых технологий, развить навык нетривиального преподнесения информации, создать мотивацию к совершенствованию профилей.

Очевидно, что новые медиатехнологии при формировании информационно-образовательного пространства и медиа-культуры учащихся наиболее ярким образом отражают изменения, произошедшие в медиапространстве и повлекшие за собой трансформацию механизмов коммуникации. Современные медиа формируют совершенно новое виртуальное гражданско-правовое пространство, диктуют альтернативный вариант взаимоотношений и поведения в цифровом обществе. Дети наравне со взрослыми обладают теми же правами и обязанностями, возможностью запрашивать, получать, и распространять информацию. Откликом на изменения стало появление многочисленных узкоспециализированных профессиограмм, в том числе, и в детской журналистике: story-редактор, специалист по факт-чекингу, vew-режиссер, корреспондент интерактивного телевидения.

С появлением цифровых технологий изменилась мотивация возникновения и развития школьных медиа в целом. Если до недавнего времени информационные потоки концентрировались внутри школы, переходя от педагогов к ученикам, сегодня ситуация в корне изменилась: большую часть информации ребенок получает, пользуясь возможностями искусственного интеллекта, поэтому особое внимание уделяется внешнему информационному обеспечению деятельности образовательного учреждения. Учебная пресса активно выходит за рамки общеобразовательного учреждения, освещает события районного и

городского масштаба. Юные корреспонденты взаимодействуют на профессиональном уровне со всеми структурами общества, значительно расширяя свой круг общения и повышая компетенции в медийно-цифровой индустрии. На фоне развивающихся технологий наблюдается увеличение информационно-коммуникативной активности детей и подростков в детских средствах массовой информации. Медиа-лидеры – яркое тому подтверждение. Активисты Лиги юных журналистов, оперируя последними технологическими разработками в медиаиндустрии, являются проводниками в современное медиапространство, становятся надежной опорой для подрастающего поколения.

Актуальность рассматриваемых вопросов во многом обусловлена тем, что отличительной особенностью современного образования является внедрение цифровых технологий в учебный процесс, оперативная адаптация постоянно обновляемого обеспечения и возможностей электронных платформ. При этом медиаобразование выступает посредником между несформировавшимся сознанием и сформированными технологиями. Воспитательная система, на основе разработанных методик, способствует формированию критического и абстрактного мышления, выражению личной позиции школьника. Поэтому тенденцией многих общеобразовательных учреждений и кардинальным отличием современного подхода к обучению стала не просто передача знаний, а формирование медиаобразовательных навыков: самостоятельного овладения и практического использования постоянно обновляющихся технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградский В.С. Вернуться к базисным ценностям профессии // Журналистика в 2011 году: Ценности современного общества и средства массовой информации. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 6-8 февраля 2012 г.) / отв. ред. Е. Л. Вартанова, Я. Н. Засурский. М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. – 524 с.

2. Коханая О.Е. Воспитательный потенциал журналистского образования // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: XIV Международная научная конференция, МосГУ, 14-16 декабря 2017 г.: доклады и материалы: в 2 ч. Ч. 2. / под общ. ред. И.М. Ильинского ; науч. ред. Ч.К. Ламажаа. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2017. – С. 494-500.

3. Бандура А. Теория социального научения. – СПб., 2000. – 252 с.

4. Валеева Е.В. Образовательный полидинамизм как проявление новой образовательной реальности // Историко-педагогические чтения. – 2019. – № 23. – С. 186-189.

5. Барсукова О. В. Медиаобразование как фактор развития личности ребенка в условиях трансформации информационного общества // Вестник ТГТУ. – 2011. – Т. 17. – № 4. – С. 1111-1118.

6. Симакова С.И. Формирование медиакомпетентности в системе вузовского образования // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 22 (313). – С. 160-165.

7. Шкондин М. В. Журналистика как интеллектуальная система: аспекты целостности // Известия Байкальского государственного университета. – 2016. – Т. 26. – № 2. – С. 175-182.

8. Смеюха В.В. Конкурсы юных журналистов: функциональные и типологические характеристики // Ученые записки Казанского университета. – 2016. – Т. 158. – Кн. 4. – С. 1064-1076.

9. Напалков С.В. Формирование ценностного отношения подростков к культуре и

традициям народов мира // Ценности пограничной жизни: Материалы научно-практической конференции «Методическое обеспечение реализации содержания работы с детьми во Всероссийском детском центре «Орлёнок» на современном этапе» / Сост. Е.Р. Шаймарданова, А.А. Забавина. – ВДЦ «Орленок», 2009. – С. 12-13.

10. Коханая О.Е. Технология работы с детской прессой детских общественных организаций // Медийно-информационная грамотность современного педагога: в 3 ч. Ч. 2. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 30-31 октября 2018 г. / Сост. и науч. ред. О.М. Скибина, И.В. Жилавская. – Оренбург: Оренбургская книга, 2018. – С. 80-89.

11. Мид Д. Г. Избранное. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – 290 с.

12. Артек Медиа. Официальная группа Вконтакте. – Режим доступа: https://vk.com/artekmedia.

13. ЮНПРЕСС. Официальный сайт. – Режим доступа: http://ynpress.com.

MEDIA TECHNOLOGIES FORMING A NEW INFORMATION SPACE FOR CHILDREN AND YOUTH

O.E. Kokhanaya

The author analyzes the transformation of the communication mechanisms of children and adolescents at the present stage; considered new media education projects and media technologies that form the new information space.

Keywords: socialization, media leader. master class, media education project, League of Young Journalists, Artek, Smena, school media.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ВНЕДРЕНИЯ WEB-ТЕХНОЛОГИЙ В МАТЕМАТИЧЕСКУЮ ПОДГОТОВКУ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

И.В. Кузнецова[1], Е.А. Благовещенская[2], С.В. Напалков[3], С.А. Тихомиров[4]

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, физико-математический факультет, кафедра геометрии и алгебры, [1]кандидат педагогических наук, доцент, [4]кандидат физико-математических наук, доцент

Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

Тел.:84852725968, e-mail: gits70@mail.ru, satikhomirov@mail.ru

[2]Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, факультет «Автоматизация и интеллектуальные технологии», кафедра «Высшая математика», доктор физико-математических наук, зав. кафедрой, профессор

Россия, 190031, г. Санкт-Петербург, Московский пр-т, д. 9

Тел.: 88124578172, e-mail: kblag2002@yahoo.com

[3]Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, физико-математический факультет, кафедра физико-математического образования, кандидат педагогических наук, доцент

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89506200330, e-mail: nsv-52@mail.ru

Рассматриваются методологические аспекты внедрения Web-технологий в математическую подготовку будущих учителей в условиях информационного взаимодействия в сети Интернет.

Ключевые слова: Web-технологии, математическая подготовка будущих учителей.

В условиях многократно увеличивающегося потока научной информации Web-технологии стали фундаментом информационного обеспечения исследований во многих науках, которые важны в профильной подготовке учителей и находятся на стыке с математикой. Это – математические физика, химия, биология, география, экология, экономика, психология, история. Кроме того, Web-технологии стали интенсивно применяться для информационного обеспечения математического моделирования в зоологии, ботанике, физиологии, юриспруденции, лингвистике, физической культуре и даже в искусстве.

Таким образом, вопрос методологических аспектов внедрения Web-технологий в процесс математической подготовки будущих учителей в условиях распространения сети Интернет является актуальным и своевременным.

Стоит констатировать, что в образовательном процессе ограничиваются, как правило, применением традиционных пользовательских функций Web-технологий в ущерб их широким возможностям. Анализ разного рода диспропорций между дифференциацией, фундаментализацией, интеграцией, компетентностным подходом и другими тенденциями современного образования дает

основание утверждать, что в методологии внедрения Web-технологий в подготовку будущих учителей фундаментальная роль должна отводиться современному *культурологическому подходу*, в основе которого лежит важнеейший принцип – принцип культуросообразности [1, с. 3].

Культурологической основой внедрения Web-технологий в математическую подготовку будущих учителей являются дискретная математика, математическое моделирование, теория вычислительных процессов.

Действительно, основные понятия языка указанных областей математики особенно важны в новой формирующейся культуре поиска, анализа и обработки информации в процессе реализации этапов математического моделирования с использованием компьютера и вычислительных процессов в самых разных областях науки и производства.

Появился даже новый термин «информатическая математика», подчеркивающий важную роль информатики и порожденных информатикой различных информационных технологий, в том числе и Web-технологий в овладении студентами математическим тезаурусом (математической лексикой).

Особенно важную роль в овладении студентами математическим тезаурусом играет язык математических структур и схем (в общенаучной терминологии средств, методов математического познания), *доминирующих* в математическом моделировании, дискретной математике и теории вычислительных процессов.

При внедрении Web-технологий в математическую подготовку будущих педагогов особое значение имеют специфические методические принципы, выявленные на базе общих дидактических принципов: наглядного моделирования; междисциплинарности; методического отражения приемов освоения математических знаний в содержание профессиональной деятельности будущего учителя по реализации школьного курса математики; приоритета продуктивной учебной деятельности; самоорганизации, непрерывности приращения методических умений и диалога культур. Кроме того, необходимо учитывать, что Web-технологии играют ведущую роль в формировании *информационной среды математической науки* (информация и знания, являющиеся наполнением баз данных; распределенная обработка информации; распространение научной информации) и *математической культуры* (электронные библиотеки, поисковые системы, материалы конференций, симпозиумов, семинаров, виртуальные математические сообщества, Web-сервисы автоматизации различных исследований, специализированные сайты и др.) [4].

При этом под методической системой внедрения Web-технологий в математическую подготовку будущих педагогов мы понимаем единство и взаимодействие методических принципов, концептуальных положений, целей, содержания, методов, средств и форм внедрения на базе историко-философских и дидактических основ внедрения, базирующихся на современной математической культуре.

Выделим наиболее важные аспекты математической деятельности буду-

щего учителя с использованием Web-технологий:

• основной способ познания – собственный опыт обучающихся, приобретаемый через осуществление самостоятельной деятельности в сетевых образовательных сообществах при выполнении совместных учебных проектов [2];

• индивидуальность будущего педагога-математика должна находиться в центре процесса обучения;

• установление партнерских и доверительных отношений между обучаемым и обучающим, между обучаемыми;

• взаимодействие не ограничено временными рамками аудиторного занятия, оно может иметь продолжение и после обучения, мобилизовав в него других участников процесса обучения;

• размещение учебных материалов в открытом доступе позволяет в дальнейшем совершенствовать их и использовать в процессе обучения.

Перечислим теперь дидактические аспекты внедрения Web-технологий в математическую подготовку будущих учителей в условиях информационного взаимодействия в сети Интернет [3]:

1) на практических занятиях по математике: создание ситуаций, инициирующих конструктивное общение будущих учителей математики друг с другом на основе постановки задач о нахождении принципиально новой математической информации и сопоставления её с известной;

2) в самостоятельной работе студентов: использование заданий на определение валидности и достоверности Web-ресурсов (оценка опубликованных материалов, перепроверка изложенных в них фактов с использованием других источников); на составление аннотированного списка наиболее интересных по мнению учащихся Web-ресурсов по рассматриваемой тематике; на составление развернутого Web-конспекта на основе математических сведений, полученных на лекциях; на выполнение Web-квестов [5];

3) на протяжении изучения математических дисциплин: создание междисциплинарных учебных сетевых проектов, которые реализуются как проекты сетевого сообщества, членами которого могут являться не только студенты, но и выпускники вузов, учителя школ, интересующиеся данной проблематикой;

4) формирование совместных хрестоматий и справочников по математике (авторский коллектив, состоящий из студентов, заранее определяет структуру работы, а затем каждый занимается наполнением своей части, параллельно наблюдая за тем, как осуществляется работа по другим направлениями).

Таким образом, внедрение Web-технологий в математическую подготовку будущих учителей в условиях информационного взаимодействия в сети Интернет обеспечит формирование не только математической, но и информационной культуры будущего педагога на уровне, соответствующем информационному этапу развития общества, позволит выработать стабильные навыки получения и обработки информации, сформировать представления о значении средств ИКТ в современном мире и развить способности формирования таких навыков у учащихся средствами школьного курса математики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилюк А.Я. Принцип культурогенеза в образовании // Педагогика. – 2008. – № 10. – С. 3-6.
2. Зыкова Т.В., Кузнецова И.В. Синергия сетевого взаимодействия студентов в процессе освоения математических знаний // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 5. – С. 95-102.
3. Кузнецова И.В., Кытманов А.А., Тихомиров С.А. Возможности Web-технологий для обучения в сотрудничестве // Web-технологии в образовательном пространстве: проблемы, подходы, перспективы: сборник статей участников Международной научно-практической конференции / Арзамасский филиал ННГУ. – Н. Новгород: ООО «Растр-НН», 2015. – С. 57-60.
4. Кузнецова И.В. Информационные технологии в профессиональном образовании студентов вуза // Человек и образование. – 2008. – № 4 (17). – С. 58-63.
5. Кузнецова И.В., Харитонова И.В. Проектирование самостоятельной учебной деятельности студентов на основе сетевых технологий как средство повышения профессиональной компетентности выпускника // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 6 (33). – С. 204-210.

ON METHODOLOGICAL ASPECTS OF WEB-TECHNOLOGIES IMPLEMENTATION IN MATHEMATICAL TRAINING OF FUTURE TEACHERS IN TERMS OF INFORMATION INTERACTION ON THE INTERNET

I.V. Kuznetsova, E.A. Blagoveshchenskaya, S.V. Napalkov, S.A. Tikhomirov

The article discusses the methodological aspects of Web-technologies implementation in mathematical training of future teachers in terms of information interaction on the Internet.

Keywords: Web-technologies, mathematical training of future teachers.

ИННОВАЦИИ: ОТ ОБРАЗОВАНИЯ К ПРОГРАММИРОВАНИЮ?

В.А. Кутырев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, физический факультет, кафедра философии, доктор философских наук, профессор
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23
Тел.: 89200159199, e-mail: kut.va@mail.ru

Анализируется изменение соотношения функциональных и ценностных компонентов современного инновационного образования. Преобладание функционализма выражается в его неограниченной информатизации, в результате которой оно превращается программирование. В пределе – автоматизируется. Сохранение гуманистического характера образования предполагает воспроизведение в нем достижений не только науки, а всех форм культуры. В школу должны ходить жить. Нужна экология воспитания и образования.

Ключевые слова: образование, гуманизм, технологии, ценности, информатизация, культура, программирование, плюрализм, экология.

На любом этапе истории при вступлении в жизнь нового поколения решаются минимум две задачи: передача накопленных знаний, навыков, умений в той или иной сфере деятельности и социализация, приобщение к сложившемуся образу жизни, существующим в нем ценностям. В школьной педагогике первая задача определяется как образование, а вторая – как воспитание. В обоих случаях используются все педагогические возможности, но неодинаково. Для воспитания особенно важны предметы, в которых запечатлен накопленный опыт развития данного общества – родной язык, история, литература, а также, может быть, самое главное – личность учителя, педагога.

В высшей школе задачу воспитания как нечто специальное (почти) не ставят, тем не менее, она остается. Развитие человека не заканчивается с получением аттестата зрелости, и, если общество хочет влиять на формирование своих членов как полноценных людей и ответственных граждан, оно должно дать им возможность такими стать, не ограничивая их самореализацию узкопрофессиональной деятельностью. Эта задача решается, прежде всего, при изучении философии, истории, политики и культуры, других, так называемых гуманитарных дисциплин, а также, что важно и объективно необходимо, через личность преподавателя, профессора. Не вычленяя в самостоятельную сферу, считая частью образования, ее можно определить как его ценностный компонент. Все споры о гуманизации, характере и объеме преподавания гуманитарных дисциплин, о том, какие из них являются действительно гуманитарными, а какие социотехническими (гуманитарными технологиями) - это борьба вокруг ценностного компонента образования, вокруг того, сохранит ли оно культурное измерение или будет целиком экономико-технологическим.

В настоящее время, как известно, система российского образования претерпевает Реформы. Их новационная суть – вписать наше образование в процессы глобализации, суть которых – технологизация всех человеческих отно-

шений. Это означает, что культурные регуляторы жизни и социальности – добро и зло, честь, совесть, долг и грех, вина, воздаяние и т.п. внутреннее переживание, духовное отношение, оценки заменяются внешними регламентациями и правовыми нормами. (В Европе даже собаки перестают лаять – специальным аппаратом отучают в течение недели). Непосредственный субъект действия, его индивидуальность и особенность должны замениться заранее прописанным алгоритмом действия. Если нет всевидящего Бога, надо ставить телекамеры наблюдения, если разрушается мораль (разрешено все, что не запрещено законом), надо контролировать извне и ставить охранников. А если уж признается, что «нанесен моральный ущерб», то его компенсация происходит в долларах. Человек и общество утрачивают душу, духовность, другими словами, гуманистические ценности, другими словами, культура вытесняется цивилизацией, о чем писал еще Шпенглер и что осуществляется буквально, на глазах всех, кто способен видеть. И все ради роста потребления и комфорта. Не случайно, западные страны больше не позиционируют себя как культуры, а те, кто призывают нас как можно скорее присоединиться к ним, обычно предлагают «вступить в цивилизацию». Аналогичные процессы «мягкой» дегуманизации жизни происходят в нашей стране после ее перехода на путь глобального капитализма, и они не могут не отражаться в образовании.

Не втягиваясь в рассмотрение предшествующих перипетий взаимодействия функционального и ценностного компонентов образования, есть смысл оценить их перспективы в связи с внедряемыми в ходе реформ новшествами. Вряд ли кто оспорит, что основные из них связаны с высокими технологиями, информатизацией и компьютеризацией образовательного процесса. Их влияние на обучение огромно уже сейчас, еще сильнее оно будет в дальнейшем. Именно они являются движущей силой современной глобализации, в том числе в образовании. Такого крутого, принципиального поворота история подготовки человечеством новых поколений, пожалуй, не знала.

Долгие века специального обучения, «школы», ни низшей, ни высшей ее ступени не существовало. Людей образовывала жизнь, обстановка, в которой они действовали, среда, в которую они были погружены. Сейчас складываются предпосылки своеобразного возврата к этому состоянию. Предполагается, что новые образовательные технологии, информационные сети и мультимедийные терминалы позволят человеку получать знания в любом месте в любое время в режиме самообучения и практически всю жизнь. Открывается возможность построить для каждого обучающегося индивидуальную траекторию их усвоения, удовлетворяя потребности в образовательных услугах максимально комфортно. Присутствие учащихся в особых классах и аудиториях в таком случае не является обязательным. «Дистанционные университеты», вообще e-learning (электронное образование) в нем не нуждается. Традиционные университеты, эти «фабрики образования», будут обезлюдивать вслед за обезлюдиванием фабрик производства. Открывается возможность выбора самых лучших, по мировым образцам, программ, а их накопление приведет к ненужности живых аудитор-

ных профессоров и педагогов как носителей индивидуально ограниченного и не стандартизованного знания. От них остается, и то на первых порах, инструктор-тьютор, который бы консультировал в выборе «образовательного меню» и помогал понять наиболее трудные места. В итоге, возникает «обучающая среда», технологической формой реализации которой является гипертекст, предполагающий многообразие способов своего прочтения и подходов к пониманию. Все плотнее покрывающая мир компьютерная сеть Internet является универсальной гипертекстовой средой с фактически открытым доступом к любой информации. Так что задачу получения знаний, всегда бывшую одной из главных в образовании, в принципе можно считать решенной. Непосредственные субъекты образовательной деятельности, учитель, педагог, профессор как носители социально-культурного опыта и уникального, только им ведомого знания, теряют свое значение. Информация доставляется, минуя человека-посредника и интерпретатора. Появляется возможность, как ни странно звучит это словосочетание, автоматизации образования.

Компьютерное, полу- и полностью автоматизированное образование не означает, что обучающийся имеет дело с одними текстами и технологическими предписаниями. На экране можно будет видеть читающего лекцию профессора, синтезированные в цвете и музыке информационные объекты, смоделированные средствами компьютерной графики природные явления. На экране оживут умершие создатели теорий, великие ученые всех времен и народов. Обучающийся будет находиться в окружении многочисленных образов виртуальной реальности, он может вступать с ними в диалог – «общаться». Сухая логика иллюстрируется картинами видеоряда. Автоматизация образования, ведущая к его деантропологизации и устраняющая из системы отношений педагогов и коллег, смягчается до «фантоматизации». Контакт есть, виртуальный мир населен, исчезает только «первый», естественный, природный мир и живые люди.

Стремясь объективно описать процесс информационной технологизации и цифровизации образования, мы воздерживались от рассмотрения ее противоречий и негативного влияния на судьбу человечества. То есть следовали в русле большинства пишущих об этом авторов, в основном отмечающих положительные стороны наступающего (на нас) информационного общества, рисующих радужные картины его функционирования. Автоматизация образования их не пугает, о последствиях его "фантоматизации" они не задумываются. Это показатель того, что в развитии современного образования, его реформировании функционалистская, сциентистско-техническая линия стала парадигмальной. Она захватывает все его сферы, в том числе гуманитарные науки, подготовку управленческих кадров в вузах, их переподготовку на различных курсах. Общим знаменателем этого процесса является истощение ценностного содержания современного образования, лишение его не только гуманистического, но и социально-культурного смысла.

Назначение автоматизации образования обычно видят в ускорении овладения информацией и «экономии» живого труда преподавателей. Пропаганди-

сты данной идеи всю человеческую культуру и жизнь отождествляют с технологией. Или фаталистически, безсубъектно соглашаются со стихийно происходящим отождествлением. В результате образованию предлагается быть калькой с computer science (компьютерной науки). Происходящее вытеснение из системы образования преподавателей и педагогов, а следовательно, личностного взаимодействия обучаемых и обучающихся, внедрение e-learning и тестирования вместо рассуждений, споров и собственного построения ответа – первичное специфицирующее требование к переходу мышления от образно-смыслового этапа к знаковому, от поэзиса и к матезису, от слова к цифре, от заданного опытом собственного существования мыслящего взгляда на мир к исчисляющему интеллекту, от свободы, пусть ученического, но творческого проектирования познавательной ситуации к её ограниченному выбору из заранее кем-то и где-то составленного стандартного полувопрос/ответа. Однако введение тестов, с очевидностью ведущих, если стоять на личностно-человеческой, смысловой и креативной точке зрения во взглядах на цели образования, к деградации и примитивизации мышления, его падения до «кроссвордизации», не случайный произвол чиновников от образования. За ними стоит огромная сила заказа современной технологии на скорость и автоэффективность производства, на его непрерывное обновление как условие её дальнейшей экспансии. Не вооруженным умом, только и именно своим индивидуальным субъектным умом, т.е. путём понимания, без компьютерного намо(рд)згника и коммуникации с другими агентами информационной Сети выполнить данный заказ невозможно.

Противоречием между смысловым и техническим, словесным и цифровым мышлением объясняется парадокс, характерный для людей западной цивилизации, особенно американцев. Низкий, сугубо утилитарный в сравнении, например, с советско-российским, уровень образования, культуры и духовного развития создателей информационных и нано технологий вполне сочетается с высокими достижениями в их создании. Не только сочетается, а возможно предполагается. Это значит, что полноценное развитие личности и словесное мышление – тормоз прогресса, и нас на самом деле ожидает «расчеловечивание человека», передовым отрядом которого являются так называемые гуманитарные технологии, распространяющиеся подобно лесному пожару, пожирая гуманизм, духовность и культуру. Начальными, кустарными этапами данного процесса и можно считать практику тестирования, электронного обучения, хаббардизма и нейролингвистического программирования, выливающуюся, в конечном счете, в так называемые Hi-Hume («высокие» информационно-гуманитарные технологии манипуляции человеком и его сознанием).

Ситуация, которая не нуждается в дальнейших комментариях. Исходя из нее, надо просто сказать: это конец не только воспитания, но и образования. Отказ от образования. Оно становится чем-то другим. XXI век провозглашают веком образования. Если победят подобные тенденции, девиз надо менять: XXI век будет веком программирования. А поскольку, например, цели ЮНЕСКО в области культуры формулируются как «образование для всех на протяжении

всей жизни», то фактически оно превратится в программирование жизни, в способ трансформации человека в роботообразное существо, в зомби и агента компьютерных сетей. Вместо интеллигента – в интеллагента. Социализация как программирование – это модель автоматизированного производства программных продуктов. Соответственно в социуме естественно-культурные связи между людьми заменяются искусственно-технологическими и он превращается в Технос (community в comp-unity). Чаемая многими идеальная "ноосфера", где все устроится к благу людей, на практике оказывается техносферой, которая грозит их задушить. Вместо еще недавно бывшего идеалом «общества совершенствующихся личностей» возникает «процветающее общество деградирующих индивидов» (Ж. Бодрийар). Эта мрачная для тех, кто чувствует себя человеком перспектива, вполне реальна, если не изменить идеологию и философию образования, его предназначение и смысл.

Превращение знания, информации в своего рода «окружающую среду» ставит вопрос о том, что образование в целом должно ориентироваться не столько на технические науки, сколько на культуру. И уже потом, на этом фундаменте обеспечивать специализацию. Говоря более концептуально, если оно стало «средой», то должно быть калькой не с науки, а с целостного духа человека, в единстве «истины, добра, красоты», приобщать к искусству, религии, морали, учить правилам поведения и т.д. Надо развивать и укреплять целостного человека, его силу, волю, здоровье, умение противостоять стрессам, выживать в нестандартных ситуациях, вплетая в этот контекст специальные знания. Другими словами, сначала личность и ее ценности, потом – не по времени, а по значению – знание, сначала дух, потом интеллект. Образование должно воспроизводить всю культуру общества, ее основные формы. Его идеалом должна стать «акмеология» как теория совершенствования личности и только в ее рамках, внутри и как способ овладения окружающим миром – технологии.

Опасения, что такая установка подорвет прогресс, остановит науку, не основательны. В настоящее время технонаука в значительной мере саморазвивается и мы должны направлять свои знания не столько на то, чтобы ее толкать и ускорять, сколько чтобы понимать и регулировать, сохраняя при этом тождественность себе. Не человека приспосабливать к экономике и технологии, а их к человеку – вот исходная установка, без ориентации на которую все разговоры о ценностях в образовании и акмеологии останутся пустым звуком. Опираться на нее все труднее, ибо экономика, кроме удовлетворения естественно-культурных потребностей человека начинает сама их производить, наряду с товарами, но уже не естественно-культурные, а искусственно-технологические, навязывая их с помощью «агрессивного маркетинга» как естественные и необходимые. Интересы производства, одной из сфер общественной жизни, становятся на место интересов человека в целом, превращая его в человеческий фактор. Потребительская цивилизация приступила к потреблению самих людей. Прагматизация, стремление «иметь» подавляет желание «быть», вещи и знаки начинают господствовать над жизнью. В образовании это отражается в лозунге:

что продается, то и преподается. В Древней Греции, когда общественная экономика только зарождалась, считали, что богатства нужно столько и такое, которое служит воспитанию достойных граждан полиса. Если больше – оно вредно. За определенной чертой богатство – зло! В этом пределы рынка и экономики. Работа для человека, а не человек для работы – расширили рамки «акмеологии» древние римляне. Если наоборот – абсурдно. За определенной чертой богатство – бесчеловечно! Общий смысл, минимальное требование к любому управлению в том, чтобы не попадать в ситуации, когда деятельность осуществляется ради деятельности – бесцельно. Сейчас перед человечеством стоит задача «на устойчивость»: развиваться так, чтобы остаться для себя целью. Для этого все свои шаги оно должно выверять по критериям сохранения антропологической идентичности.

Включение молодого человека в знание должно быть частью его включения в духовный и предметный мир. Объективное противоречие между новыми образовательными технологиями и личностью педагога, не только в школе, хотя там прежде всего, но и вузе несомненно должно разрешаться в пользу живой личности, искусства воспитания. В школу и университет должны ходить жить (если в других местах становится негде). В свете нарастания всеобщности и непрерывности образования это кажется естественным, трудность, однако в том, что если брать современную направленность его реформирования, то по большинству параметров оно должно превратиться в свою противоположность. Ему нужны другие ценностные основания. Иная Философия. Вместо господства сциентизма и методологизма образование должно опираться на витально-экзистенциальное отношение к миру, на глубинную экологию и философскую антропологию, герменевтико-феноменологическое освоение реальности. Надо отвернуть, хотя, конечно, не на 180 градусов, от Запада и смотреть на Восток, а также на русское духовное наследие. На традиции. Базисное знание и здравый смысл, общение, понимание и медитирование, ориентация на человека как целостное существо – вот ценности, которые сейчас нуждаются в поддержке. Компетентность должна трактоваться не как знание где и куда «ткнуть», а как понимание, умение вычленять из формальных информационных структур содержательный человеческий смысл. В таком случае в школе и высшей школе в сознательной поддержке нуждается все гуманистическое, воспитывающее, что укрепляет тело и возвышает душу – все, что связано с «сердцем» культуры. Если это утопия, то идущие в настоящее время процессы – дистопия. Сердечная недостаточность образования грозит бездумно культивирующему ее человечеству глобальным инфарктом.

Если нельзя, нереально отказаться от технологизации образования вообще, то надо ориентироваться хотя бы на его плюрализацию, выделяя в нем разные сферы и уровни, области сохранения живого общения, которые ни в каком случае не должны овнешняться, алгоритмизироваться и автоматизироваться. И проверяться не «тестированием»=машиной, а в совместной деятельности с педагогом. Которые в принципе, например, история, литература, философия не

должны компьютеризироваться и превращаться в самопрограммирование. Ответственно думающим людям, прежде всего педагогам, интеллигентам (кто еще не стал интеллагентом) надо бороться за право на существование множества форм познавательного отношения к миру. Среди них свое законное место может найти и непосредственное, созерцательное, ценностное, собственно человеческое. Наряду с экологией воспитания, потребность в которой давно очевидна, в свете нарастания нерегулируемой экспансии технологизации и программирования нужна экология образования.

INNOVATION: FROM EDUCATION TO PROGRAMMING?

V.A. Kutyrev

The change in the ratio of functional and value components of modern innovative education is analyzed. The predominance of functionalism is expressed in its unlimited informatization, as a result of which it turns programming. In the limit - it is automated. Preservation of the humanistic nature of education involves the reproduction of the achievements of not only science, but all forms of culture. They must go to school to live. We need an ecology of upbringing and education.

Keywords: education, humanism, technology, values, informatization, culture, programming, pluralism, ecology.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00335 «Коэволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека».

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Т.А. Лозан

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
Рыбницкий филиал, кафедра общенаучных дисциплин,
кандидат педагогических наук, доцент
Приднестровье, 5500, г. Рыбница, ул. Гагарина, д. 12
Тел.: 0037377898808, e-mail: t.Lozan@yandex.ru

Рассматривается различные подходы к формированию языковой компетенции в условиях полиэтнического пространства и культурного разнообразия. Анализируется специфика освоения элементов языковой компетенции путем изучения процесса преподавания русского языка. Особое внимание уделяется культурологическому подходу к процессу обучения русскому языку. Автор подчеркивает необходимость культурологической направленности этого процесса и делает вывод, что среди всех функций языковой компетенции интеркультурная заслуживает особого внимания.

Ключевые слова: языковая компетенция, полиэтническое пространство, русский язык, интеркультурная функция, культорологический подход, виды речевой деятельности.

К главным признакам языкового пространства Приднестровья относится полиэтничность, билингвинзм и полилингвизм. На его территории проживают люди разных национальностей, функционируют три официальных языка: украинский, русский и молдавский. Языковая среда в Приднестровье имеет свои особенности. Давнее и тесное этнокультурное взаимодействие на протяжении многих веков сопровождалось процессами межэтнической интеграции и частично – взаимной сменой языка и этнического самосознания.

Билингвизм в ПМР – явление распространенное. Это вполне естественный и не новый процесс в таких условиях. В результате сосуществования близкородственных русского и украинского языков происходит, с одной стороны, их взаимообогащение, а с другой – развивается так называемая интерференция, которая проявляется главным образом в сфере спонтанной ненормированной устной речи. Наиболее простое проявление интерференции – отклонение от норм данного языка, вызванное влиянием другого языка. Наблюдения свидетельствуют, что на уровне бытовой лексики прослеживаеся влияние на них и молдавского языка.

Русский язык на протяжении длительного исторического периода продолжает оставаться доминирующим средством не только межэтнического, но и внутриэтнического общения в нашей республике. Преподавание в вузах на русском языке всегда было на первом месте. Задача практического овладения русским языком представителями разных народов продиктована статусом русского языка как одного из официальных в Приднестровье и его ролью как языка-посредника в общении народов нашей республики. Поэтому в процессе обучения русскому языку в вузе важно сформировать у студентов языковую компетенцию, учитывая направление подготовки студентов и неоднородность групп по национальному составу. В группах студентов, где насчитывается до пяти

различных национальностей, все большую актуальность приобретает интеркультурная функция языковой компетенции. Эта функция направлена на включение студентов в межкультурную коммуникацию не только с преподавателем, но и между собой. В процессе обучения студенты в таких группах не только изучают русский язык как официальный – они изучают социокультурные особенности своих однокурсников. Изучение предмета происходит с учетом социокультурных особенностей современного полиэтнического пространства Приднестровья, который предусматривает культурное взаимодействие, адекватное взаимопонимание и духовное взаимообогащение представителей разных лингвокультурных сообществ.

Общее речевое развитие студента определяется качественным уровнем его речевой культуры, что проявляется как в профессиональной деятельности, так и в процессе его самореализации в учебе, достижении поставленной цели, осмыслении сущности профессии. Образование является базой для развития каждой личности, инструментом для получения молодым человеком профессии и квалификации, формирования общекультурного уровня, передачи национального наследия. Оно направлено на формирование профессиональной культуры, важными составляющими которого, безусловно, является языковая компетенция и коммуникативное совершенство, где слово используется как средство на современном рынке труда. К специалисту предъявляются такие требования, как способность решать задачи в различных нестандартных ситуациях, быстро адаптироваться к изменяющимся условиям труда, готовность к самообразованию. Именно они обеспечивают конкурентоспособность молодого специалиста на современном рынке труда. Специалист должен свободно владеть письменными и устными формами литературного языка, использовать свои знания в профессиональной деятельности и в межличностном общении. Должен знать в каких речевых ситуациях употреблять те или иные слова или грамматические конструкции.

Современное общество характеризуется открытостью к внешнему миру. все больше расширяются границы общения с представителями других государств в сфере как профессиональной, так и духовной деятельности. В связи с этим наблюдается тенденция выдвижения коммуникативных учебных дисциплин, в том числе и официальных языков, на одно из ведущих мест.

Предметом интереса многих учёных (И. Бим, Л. Божович, М. Вятютнев, И. Зимняя, Д. Изаренков, С. Караванский, А. Миролюбов, Р. Мильруд, С. Савиньон, Л. Скуративский, Е. Пассов, Н. Хомский, Д. Хаймс, Л. Черноватый, С. Шатилов и др.) стали вопросы, связанные с формированием языковой компетенции. В последнее время проблему речевых компетенций в том или ином аспектах рассматривали Д. Арыпбекова (2016), А. Гончарук (2012), А. Горошкина (2012), А. Прокопова (2010), Н. Рыжова, П. Медянова (2012), Г. Юрчук (2014) и др. В методической и лингводидактической литературе внимание уделяется разработке общих методик формирования языковой компетенции студентов (Я. Барановский, Л. Головатая, Л. Лучкина, Т. Рукас и др.).

Цель статьи – рассмотреть особенности формирования языковой компетенции у студентов в условиях полиэтнического пространства Приднестровья.

Следует отметить, что понятие «языковой компетенции» разрабатывалось и продолжает разрабатываться несколькими поколениями лингвистов и методистов в США, в Западной Европе, в России, в Украине, в Казахстане. Как отмечает М. Сыдыкбаева: «Термин «компетенция» появился из англоязычной литературы, вместе с понятием «компетентность», он широко используется и в научной среде. Понятия «компетенция» и «компетентность» гораздо шире понятий «знание», «навык», «способность», поскольку они содержат в себе мотивационные, этические, социальные и поведенческие аспекты. Большая группа ученых, среди них Дж. Равен, И. Зимняя. А. Маркова, А. Хуторский дифференцируют эти понятия. А. Хуторский считает, что компетенция – это мера, требование, которое предварительно ставится перед студентом перед получением знаний, компетентность – это сформировавшиеся индивидуальные качества студента и его минимальный опыт работы. По мнению ученого, компетентность – это обладание человеком соответствующей компетенции, куда также входит и отношение к ней [1, с. 65]».

Языковая компетенция подразумевает способность обучающихся употреблять слова, их формы, синтаксические конструкции в соответствии с нормами литературного языка, использовать его синонимические средства, в конечном счете, владеть его богатством. Следовательно, важнейшим аспектом обучения становится формирование языковой компетенции, от которой зависит успешное становление социально активной личности.

В современной методической науке выделяют множество подходов к развитию языковой компетенции. Системно-структурный подход признается большинством ученых как подход, который позволяет рассматривать языковую компетенцию в форме системы, определять ее состав, функции, свойства. С позиции этого подхода мы можем рассматривать языковую компетенцию как открытую систему, которая способна к самоорганизации. Известно, что в ее состав входят: лингвистическая компетенция, которая включает в свою очередь совокупность языковых знаний человека; речевая компетентность, представляющая собой языковую систему в действии и обеспечивающая использование определенного набора языковых средств; социокультурная компетенция, предполагающая владение речевым этикетом и языковым поведением; коммуникативная компетенция, которая заключается в способности и готовности студента осуществлять межкультурное общение, диалог культур с помощью изучаемого языка... [2, с. 77].

С языковой тесно связаны коммуникативная и речевая компетенции. В работах Д. Изаренкова мы встречаем понимание понятия коммуникативной компетенции, тождественное речевой компетенции: «Коммуникативная компетенция – это способность человека к общению в одном, нескольких или всех видах речевой деятельности, которая представляет собой приобретенное в процессе естественной коммуникации или специально организованном обучении

особое качество речевой личности» [3, 54-60].

Кроме этого, формирование языковой компетенции происходит во взаимодействии и гармонизации компетенций – познавательной, самосовершенствования, социального взаимодействия, информационно-технологичной, общения. В рамках образования студенты приобретают еще социокультурные и деятельностные компетенции, которые, по сути, связанные с особенностями не только языкового образования: на формирование этих компетенций направляются и другие дисциплины. Целесообразно также отметить растущею роль культурологического подхода. Он позволяет рассматривать языковую компетенцию как неотъемлемый элемент культуры личности и студента, и преподавателя [4, с. 22].

Формирование языковой компетенции происходит лишь в тех случаях, когда преподаватель работает в комплексе со всеми составляющими: аудирование, говорение, чтение и письмо. Все виды речевой деятельности тесно связаны между собой, поэтому невозможно улучшить языковую компетенцию в целом, работая лишь над одним-двумя ее видами.

Чаще всего для студентов наиболее значимым является такой вид речевой деятельности как говорение, поскольку именно с помощью говорения происходит устное общение между людьми. Говорение дает возможность высказать свои мысли, донести какую-то информацию другим, доказать собственную точку зрения, повлиять на окружающих и т. п. Именно поэтому говорение является важной составляющей языковой.

Для развития навыков говорения во время занятий предлагаются студентам такие упражнения: дать устно толкования профессиональным терминам; подобрать термины предложенным определениям; составить терминологический словарь к тексту, дав объяснения терминам; пересказать материал предыдущей лекции, обращая внимание на произношение и употребление профессиональной терминологии.

Упражнения творческого направления должны быть сложными и предусматривать большую самостоятельность студента при их выполнении. Это такие упражнения:

• подобрать с помощью словаря к терминам синонимы, антонимы, составить из них пары, ввести термины-синонимы и антонимы в предложения, учитывая оттенки их значений;

• составить устное высказывание профессионального направления, используя профессиональную терминологию;

• составить устное высказывание социокультурного направления на определенные темы. Например, «Народные праздники в нашей республике», «Фольклор народов, населяющих Приднестровье» и др.;

• составить диалог между представителями разных национальностей на темы: «Какие языки используются в нашей республике в СМИ, в парламенте, в общественных местах», «Экология в нашей республике» и др.

Эффективным является сочетание упражнений как репродуктивного ха-

рактера, которые выполняют ознакомительную функцию, так и творческих, способствующих активному самостоятельному использованию терминологической лексики в соответствии с производственной ситуацией.

На говорение существенно влияет развитие навыков чтения, ведь чем больше читают студенты, тем лучше они овладевают структурой предложения, увеличивают свой словарный запас. Как указывает Ю. Бакулина: «Языковая единица немыслима без контекста, литературного произведения, а его постижение невозможно без обращения к литературному процессу, культуре [5]».

Во время чтения перед студентами обязательно должна быть поставлена конкретная цель, только тогда они будут читать осознанно, усваивать что-то новое, иначе чтение будет просто механическим. Поэтому обращается внимание на то, чтобы студенты ознакомились с общим содержанием текста, научились выделять основное и второстепенное.

Комплексная работа с текстом становится необходимым условием для эффективного формирования знаний, умений и навыков и делает процесс обучения увлекательным. Наиболее результативными являются следующие формы и методы организации работы с текстом: комплексный анализ текста; работа с текстом при подготовке к написанию сочинения-рассуждения; анализ текста при работе над типами речи; сопоставительный анализ текстов; письмо по памяти; лингвистический эксперимент; работа с «деформированным» текстом; составление текста по опорным словам.

Бесспорно, наиболее целесообразным для формирования языковой профессиональной компетенции на основе научно-профессиональной терминологии является использование текстов по специальности, а также социокультурной тематике. Небольших по объему, доступных по содержанию, насыщенных словам, устойчивыми словосочетаниями и грамматическими конструкциями, характерными для языка специальности. Только на уровне текста профессиональные термины появляются как целостная коммуникативная система, пригодная для использования в определенных рабочих ситуациях, а не как совокупность разрозненных лексем и синтагм.

Аудирование – это понимание речи, которую человек воспринимает на слух. Без него, как и без других видов, невозможно формирование языковой компетенции. Данный вид речевой компетенции дает возможность освоить ритм и правильность произношения, понять, что нам сказали, о чем идет речь в фильме и т. п. Во время проведения занятий используются для обучения аудированию подготовительные, речевые и контролирующие упражнения:

• прослушайте и повторите слова и словосочетания за диктором;

• прослушайте предложения и определите значение нового слова по контексту;

• прослушайте текст, содержащий фактические данные (имена собственные, цифры, даты и т.д.), ответьте на вопросы, используя эти данные;

• по прослушанному началу рассказа постарайтесь догадаться и рассказать, что произошло потом;

• ответьте на вопросы по содержанию текста;

• прослушайте текст и заполните таблицу (например, текст содержит фактическую информацию о республике, а в таблице указано, какую информацию необходимо зафиксировать – население, территория, столица и т.д.);

• ответьте на вопросы по содержанию (включая детали) и пр.

Большое внимание уделяется письму, поскольку будущим специалистам необходимо будет во время профессиональной деятельности заполнять много отчетов, бланков, вести деловую переписку и др. Письмо также позволяет лучше усвоить правила построения предложения, использование определенных временных форм, фразеологизмов и т. п.

Работа над формированием языковой компетенции должна быть обеспечена соответствующими методическими наработками, разработанными с учетом инновационных подходов к организации учебно-воспитательного процесса. На занятиях целесообразными будут такие формы и методы работы со студентами: обзорные и эвристические лекции, семинары-коллоквиумы, самостоятельное изучение учебной литературы и выполнение индивидуальных заданий; работа со справочными источниками, в частности с Интернет-ресурсами; задания на языковые упражнения, тесты, составление конспектов, аннотаций, рецензий); задания опытно-поискового характера, направленные на развитие коммуникативно-речевых умений; подготовка сообщений, докладов, рефератов, выступлений в научном стиле; участие в олимпиадах, конкурсах.

Использование информационно-коммуникационных технологий – один из путей повышения познавательной активности и языковой компетенции будущего специалиста. На занятиях целесообразно применять интенсивные учебные технологии, позволяющие имитировать ситуации интеркультурного общения, а также задачи познавательного характера, иллюстрирующие культурную жизнь и традиции тех народов, которые населяют Приднестровье. Такой подход к конструированию содержания образования способствует, во-первых, изучению культурно-исторических традиций, нравственному, эмоциональному развитию студентов в контексте взаимосвязи общечеловеческой и национальных культур; во-вторых, формированию у студентов понимания многообразия и взаимовлияния культур, необходимости перехода к диалогу культур; в-третьих, усвоению ценностей, взглядов, норм поведения представителей других культур, воспитанию уважения к правам человека, толерантному отношению к культурам и духовным ценностям разных народов.

Таким образом, проведенный в данной статье теоретический и практический анализ дает возможность сделать следующий вывод: развитие языковой компетенции необходимо для успешной конкурентоспособности молодого специалиста на современном рынке труда и формирования социально активной личности в условиях полиэтнического пространства. Среди различных подходов к формированию языковой компетенции наиболее интересными нам представляется культурологический подход, а среди функций языковой компетенции особого внимания заслуживает интеркультурная.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сыдыкбаева М.М. Языковая компетенция как совокупность знаний и способностей // Личность, семья и общество: Вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по матер. LXIII междунар. науч.-практ. конф. № 4 (61). – Новосибирск: СибАК, 2016. – С. 65-72.

2. Костюкова Т.А., Морозова А.Л. Развитие иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыковых вузов: монография. – Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2011. – 119 с.

3. Изаренков Д.И. Базисно составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентогв-нефилологов // Русский язык зарубежом. – 1990. – №4. – С. 54-60

4. Ільчишин Н.М. Культурологічний підхід до вивчення іноземної мови / Н.М. Ільчишин // Вісник Національного університету «Львівська політехніка»: Проблеми лінгвістики науково-технічного і художнього тексту та питання лінгвометодики. – 2007. – № 586. – С. 20-24.

5. Бакулина Ю.Б. Некоторые аспекты разработки уроков русского языка и литературы в условиях поликультурного пространства // Теория и практика образования в современном мире: материалы III Междунар. науч. конф. – СПб.: Реноме, 2013. – С. 79-81.

FORMATION OF STUDENTS ' LANGUAGE COMPETENCE IN A MULTIETHNIC SPACE

T.A. Lozan

The article is devoted to different approaches to the formation of linguistic competence in a multi-ethnic space and cultural diversity. The author analyzes the specifics of mastering the elements of language competence by studying the process of teaching the Russian language. Special attention is said to the cultural approach to the process of teaching the Russian language. The author emphasizes the need for cultural orientation of this process and concludes that among all the functions of linguistic competence intercultural function deserves special attention.

Keywords: language competence, multiethnic space, Russian language, intercultural function, cultorological approach, types of speech activity.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИГРЫ КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ HARD И SOFT SKILLS ОБУЧАЮЩИХСЯ

Е.Е. Неупокоева[1], Н.В. Хохлова[2]

Российский государственный профессионально-педагогический университет, институт инженерно-педагогического образования, кафедра информационных систем и технологий, [1]ст. преподаватель, [2]ст. преподаватель

Россия, 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11

Тел.: 84955471316, e-mail: helena_rtd@mail.ru, natalyakhokhlova3@gmail.com

Раскрывая проблемы адаптации студентов первого курса вуза к новой для них среде и новым требованиям, авторы рассматривают образовательную игру как форму организации учебной деятельности. Привлечение цифровых средств для реализации элементов игры, а также использование формата взаимодействия игроков на основе инфраструктуры дает возможность развивать не только hard, но и soft skills.

Ключевые слова: образовательная игра, технологии работы с информацией, hard skills, soft skills, цифровизация образования, цифровая дидактика.

Самым сложным элементом для студентов первого курса является адаптация жизни в ВУЗе, к новым требованиям и системе взаимодействий. Особенно большим стрессом для студентов, пришедших со слабой подготовкой по дисциплине «Информатика», является адаптация к высокому темпу и серьезности проектов по дисциплинам, связанным с информационными технологиями. В ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» начиная с 2019 года появилась новая дисциплина «Технологии работы с информацией».

Для дисциплины была заложена основная универсальная компетенция «УК-1 – Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач». Следовательно, необходимо было так спроектировать содержание дисциплины, чтобы обучающиеся овладевали системными навыками, которые смогут применять в своей будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, в дисциплину была заложена идея знакомства обучающихся с новой для них средой приближенной к реальной профессиональной отрасли, соответствующей направлению подготовки студентов. Изначально в дисциплину заложена смена оценочной парадигмы, а именно переход от традиционной оценочной системы к системе оценки качества работы, что присуще сфере профессиональной деятельности.

Согласно определению, данному А. А. Вербицким, квазипрофессиональная деятельность – это «деятельность, моделирующая в аудиторных условиях и на языке наук условия, содержание и динамику производства, отношения занятых в нем людей, как это имеет место, например, в деловой игре и других игровых формах контекстного обучения» [2, с. 136].

Квазипрофессиональность, как форма деятельности студентов, обычно используется нами на старших курсах обучения. Старшекурсники, уже имеющие некоторый теоретический и практический опыт подготовки, приобретен-

ный за время обучения, готовы к выполнению проектов, приближенных к реальным условиям будущей профессиональной деятельности в своей отрасли, но у первокурсников такого опыта еще нет, тем более, что им еще сложно перестроиться после школы. В связи с этим, мы рассмотрели возможность появления проекта, предусматривающего максимальную вовлеченность студентов в учебный процесс, их адаптацию и в тоже время имеющего определенные правила организации взаимодействий друг с другом и с преподавателями. Частично в учебный процесс была привнесена практика офисных взаимодействий, которые характерны и для педагогических, творческих коллективов – дизайнерских бюро, компаний по оказанию услуг перевода и др. Речь идет как об основном направлении подготовки, так и об отрасли.

Таким образом, ядром концепции дисциплины было решено сделать образовательную игру, благодаря которой обучающиеся развивают не только системные навыки, коммуникационную компоненту и «жесткие», но и «мягкие» компетенции.

Однако сама структура игрового процесса не является самоцелью, а квазипрофессиональность должна иметь правильный вектор. Решение лежит в плоскости тех позиций, которые являются интересными для любого первокурсника и лежат в плоскости долгосрочной перспективы – закончить вуз и устроиться на работу. Перевод вектора внимания на то, как будет рассматриваться любая деятельность с точки зрения работодателя, но не с позиции «не справишься – уволят», а с позиции «справишься – поощрят, сделаешь карьеру». Позитивный вектор внимания закрепляется в течение установки на игру, обучающиеся знакомятся с новыми для них понятиями hard skills и soft skills. Раскрывается роль как «жестких», так и «мягких» компетенций. В связи с тем, что помимо информационно-коммуникационной составляющей проект предусматривает учет отраслевых компонентов, уникальность работы каждого обучающегося составляет 99,9%.

В настоящее время в научном мире уже ведутся дискуссии о реализации концепции развития «жестких» и «мягких» компетенций в вузовской среде, их определении и истории «вхождения» понятий в педагогическую среду из бизнес-сферы [4; 1; 5]. Не ставя перед собой цели по повторению пути анализа, зафиксированного в материалах коллег, рассмотрим, каким образом можно использовать теорию о hard и soft skills применительно к игровому процессу и сделать, в результате, освоение дисциплины более осознанным.

Для этого были выделены ведущие hard и soft skills, которые можно системно развивать у обучающихся, при этом поддерживая высокий интерес к освоению материала и выполнению программы дисциплины.

Концептуально образовательная игра позволила реализовать следующую компетентностную структуру, перечисленную в таблицах 1, 2 и 3.

Сложной составляющей проекта было выделить «мягкие» навыки», которые можно было бы реализовывать в дистанционных форматах.

Таблица 1

«Жесткие» компетенции, относящиеся к реализации проекта

HARD SKILLS		
Компоненты компетенций	**Информационная или цифровая технологии**	**Игровая деятельность**
Умение собирать и систематизировать информацию	Поисковые системы	Подбор информации об аналогичных компаниях
Умение работать с текстовым документом	Текстовый редактор MS Word	Создание страницы «О компании»
Навыки создания структурных диаграмм	ПО для создания организационных диаграмм MS Visio	Создание организационной структуры компании
Владение электронными таблицами	Электронные таблицы MS Excel	Создание списка сотрудников
Навыки работы с инфографикой	Облачный инструмент визуализации https://infogram.com	Создание стратегии развития компании
Навыки работы с программами записи видео и звука	Запись на телефон или иное устройство записи. Мобильные приложения обработки видео.	Создание видеоконтента
Навыки тайм-менеджмента	Онлайн календарь	Создание бизнес-календаря, основы нетворкинга
Критическое мышление, навыки самопрезентации	Программа создания презентаций Power Point	Представление своего проекта аудитории. Участие в оценке проектов своих коллег

Таблица 2

«Мягкие» компетенции, относящиеся к реализации проекта

SOFT SKILLS		
Компоненты компетенций	**Цифровые и компьютерные технологии**	**Игровая деятельность**
Командообразование	Общий чат в VK, ЭИОС РГППУ, Moddle и др. ресурсах	Обсуждение тем, обмен данными по проекту, взаимодействия бизнесов
Деловое общение, этика	Электронные почтовые сервисы	Деловая переписка
Амбициозность (видение себя в будущем как руководителя)	Создание цифрового контента, анализ контента для создание своей компании	Продвижение себя и своего проекта
Креативность	Создание цифрового контента, анализ контента	Продвижение себя и своего проекта
Навыки «стайера» – работы с большими проектами	Облачные технологии	Многокомпонентная работа над проектом
Умение задавать вопросы, умение высказать точку зрения	Чат	Инициация общения по проектам и основным затруднениям, обсуждение общих вопросов
Использовании тезауруса ИТ	Чат	Консультации по выполнению заданий
Навыки презентации проектов, самопрезентации	Облачные технологии	Представление своего проекта аудитории.
Критическое мышление	Инструментарий Google-формы	Участие в оценке проектов своих коллег

Сосредоточить внимание на коммуникативной компетентности с уклоном в область информационных технологий нам позволили наработки, сделанные ранее [3], что существенно расширило возможности по реализации проекта.

Психолого-педагогические условия организации целостного образовательного процесса, влияющие на общую атмосферу проведения занятия, позволяющие ускорить адаптацию групп первого курса к информационной образовательной среде вуза. В игровой деятельности планируется раскрыть, например, основы этики делового общения.

Так, например, автор из университета Хон Каен (Тайланд) [6] указывает следующие «мягкие» навыки, важные для педагогов высших учебных заведений для решения учебных задач: критическое мышление и готовность к решению проблем, работа в команде, обучение на протяжении всей жизни и управление информацией, этика (моральная и профессиональная), навыки лидерства. Выделялись также вдохновение, изобретательность, коммуникативные навыки, системность мышления, анализ и оценка сложных ситуаций. Особенно интересной показалась оценка студентами мягких навыков преподавателей, выраженная во фразе «Лидера и профессионала может научить лидерству и профессионализму только педагог, обладающий такими же качествами» [3].

Поскольку в нашем вузе ведется подготовка как будущих сотрудников офиса, инженеров, менеджеров, так и педагогов, полагаем, что все выше и нижеперечисленные качества будут актуальны для всех категорий слушателей.

Перечислим те навыки, которые, на наш взгляд, можно сформировать и отследить в процессе реализации проекта, основанного на обучающей игре (см. табл. 3).

Таблица 3

«Мягкие» компетенции, относящиеся к реализации проекта, заложенные в идее проекта на уровне его реализации

SOFT SKILLS	
Компоненты компетенций	**Игровая деятельность**
Деловой этикет	Итоговая игра, фасилитационные техники
Компьютерная тревожность	Коучинг
Понимание принципов взаимодействия с работодателем	Требования в виде критериев качества выполнения работ (уход от оценки)
Понимание собственной ценности	Вывод на уровень «коллега-коллега» и педагог как внешний консультант
Понимание принципов оценки работодателя	В чем ценность для работодателя – личные навыки, упор на soft skills такой же, как и на hard skills
Коммуникативные навыки в целом	Взаимодействие между командами, взаимодействие с педагогом
Системное мышление	Умение видеть взаимосвязи процессов, явлений и умение увязать их с соответствующими технологиями (умение воплотить)
Обучение в течение всей жизни	Видение технологий как инструмента, средства для реализации идеи, готовность к поиску новых ответов и решений (имитируется ситуацией неопределенности и подкрепляется поддержкой педагога)

Рассматривая все заявленные компоненты, мы предложили обучающимся примерную модель построения инфраструктуры, которая ложится в основу инфраструктуры каждой группы (рис. 1).

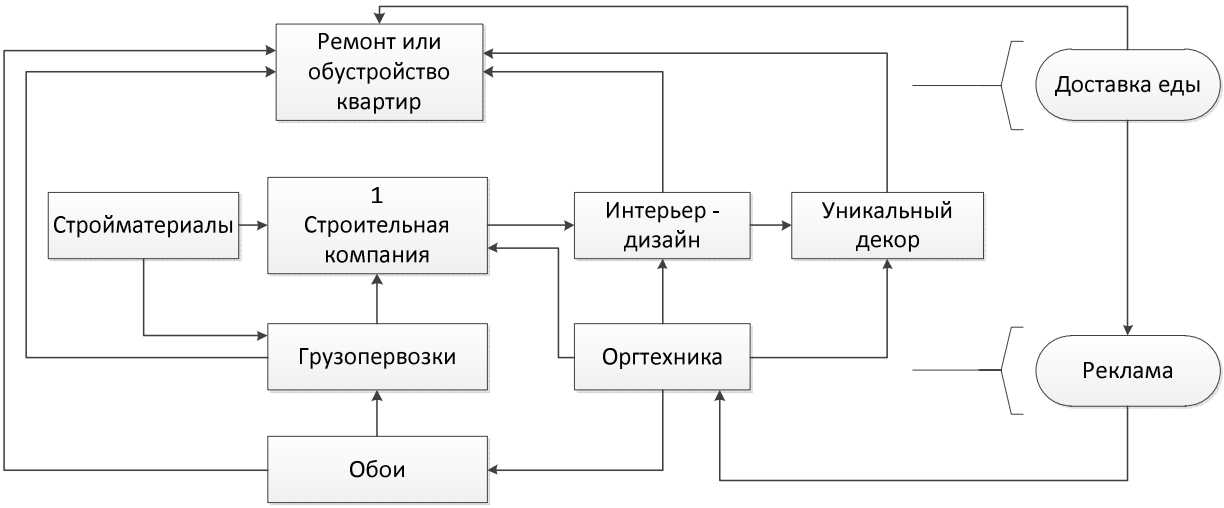


Рис. 1. Модель инфраструктуры, заявленная для направления подготовки 44.03.04 Профессиональное обучение отраслевого направления «Дизайн», при этом инфраструктура подстроена вокруг строительного бизнеса. Справа помечены виды бизнеса, с которыми могут сотрудничать остальные компании

Таким образом, интерполируя результаты по группам старших курсов, можно сделать предположение, что проект такой направленности будет эффективен и применительно к первокурсникам. При этом необходимо учитывать, что на данный вопрос будет влиять не только сам аспект образовательной игры, но и множество других компонентов и факторов, которые планируется описать в дальнейшем.

Итак, первые эмпирические данные, полученные при реализации проекта: уровень вовлеченности обучающихся в процесс разработки проекта на стартовом этапе равен 90%, оставшиеся 10% не стесняются сообщать о повышенном уровне компьютерной тревожности, мешающей сосредоточиться на проекте. 30% обучающихся в той или иной форме заявляют о том, что плохо понимают связь дисциплин цикла информационных технологий с другими дисциплинами. 20% обучающихся напрямую связывают любое освоение знаний с будущей профессией и не видят системности в изучении набора дисциплин. В связи с тем, что нашей целью является обучение системному подходу, можно предположить, что у обучающихся имеются сложности с синтезом и прослеживанием системных связей. Именно поэтому мы планируем «вживить» обучающихся в проект эмоционально, чтобы вслед за эмоциональной связью раскрылось видение других сторон образовательного процесса.

Таким образом, в работе над дисциплиной используется такой ресурс образовательной игры, как эмоциональная связь игроков между собой и с ведущим. Этот ресурс в случае с информационными технологиями может быть направлен на различные сферы: развитие понимания системности всех получае-

мых знаний, отношению к информационным технологиям как к инструменту, роли цифровых технологий и умению адаптироваться к особенностям использования цифровых ресурсов, показать эффект цифровизации в масштабах бизнеса, расширить рамки восприятия действительности – подготовить к взаимодействию с работодателями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бацунов С.Н., Дереча И.И., Кунгурова И.М., Слизкова Е.В. Современные детерминанты развития soft skills // Концепт. – 2018. – №4.

2. Вербицкий А.А., Ларионова О.Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании. Проблемы интеграции. – М.: Логос, 2009. – 336 с.

3. Неупокоева Е.Е. Обучение дидактическим коммуникациям в области информационных технологий: коллективная монография // Форсайт образования: ценности, модели и технологии дидактической коммуникации XXI века,. Сер. «Актуальные проблемы практической психологии» Toronto, 2018. – С. 472-481.

4. Раицкая Л.К., Тихонова Е.В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2018. – №3.

5. Чуланова О.Л. Идентификация компонентов эмоциональной компетентности руководителя как базовой в структуре soft skills // Материалы Афанасьевских чтений, 2018. – № 3 (24).

6. Tang K.N. The importance of soft skills acquisition by teachers in higher education institutions // Kasetsart Journal of Social Sciences. – 2018.

USE OF EDUCATIONAL GAME AS A MEANS OF DEVELOPING HARD AND SOFT SKILLS OF STUDENTS

E.E. Neupokoyeva, N.V. Khokhlova

Revealing the problems of adaptation of students of the first year of the university to the new environment and new requirements for them, the authors consider the educational game as a form of organization of educational activities. The attraction of digital funds for the implementation of elements of the game, as well as the use of the format of interaction of players based on infrastructure provides an opportunity to develop not only hard, but also soft skills.

Keywords: education game, information technology, hard skills, soft skills, digitalization of education, digital didactics.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВОЕННОГО ВУЗА КАК ФАКТОР ФОНОВОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ОФИЦЕРА

Е.Н. Тарасова

Военный институт физической культуры, кафедра русского языка,
кандидат филологических наук, доцент
Россия, 194044, г. Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 63
Тел.: 89819625049, e-mail: tarasova.p2014@yandex.ru

Анализируются понятия «образовательная среда», «образовательная среда военного вуза», рассматривается коммуникативная компетентность как важный компонент образовательной среды вуза. Подчеркивается важность духовно-нравственного воспитания будущего офицера, анализируется роль родного языка как личностно-образующего фактора и роль военно-профессиональной среды в процессе формирования будущего офицера как гражданина и патриота.

Ключевые слова: образовательная среда, военный вуз, коммуникативная компетентность, речевая культура, духовно-нравственное развитие личности.

Образовательная среда отражает взаимосвязь условий, обеспечивающих образование человека. Ученые, занимающиеся исследованием проблем, связанных с понятием «образовательная среда», отмечают отсутствие единых подходов к его трактовке и, как следствие, многозначность толкований. В рамках настоящей статьи мы будем придерживаться личностно-ориентированного подхода в понимании образовательной среды как психолого-педагогической реальности, направленной на формирование и развитие социальных, профессиональных и личностных качеств обучающегося.

В научной литературе отсутствует также единство взглядов на структуру и типологию сред. По мнению исследователей, для того чтобы образовательная среда вуза была эффективной, необходимо сформировать конечную цель процесса обучения, определить профессиональные компетенции, очертить контуры личности, обретение которых будет являться целью учебной и воспитательной деятельности. Поставленные цели дадут возможность сформировать типологию образовательных сред конкретного вуза [1].

Военный вуз является специфическим объектом образовательной деятельности. Специфика образовательной среды военного вуза также стала объектом многочисленных исследований (Бантюкова Е.М., Петровская М.В., Мязитов М.Р., Соловей Д.В., Смирнова Д.С. и др.). Тем не менее, на сегодняшний день единого понимания ее особенностей, как и системного описания образовательной среды высшего военного образовательного учреждения не наблюдается.

В то же время ряд специфических черт мы можем проследить во многих работах. Учащиеся высших военных учебных заведений совмещают подготовку в качестве специалиста в соответствии с государственными образовательными стандартами и военно-профессиональную подготовку. С первых дней обучения в вузе они начинают решать реальные учебные, служебные, боевые задачи, то есть фактически каждый военнослужащий сразу включается в функциониро-

вание воинского коллектива, приступает к военно-профессиональной деятельности. Военно-педагогические воздействия и взаимодействия имеют самую непосредственную практическую, служебную направленность.

Отличительной особенностью образовательной деятельности в военных вузов является непосредственная включенность субъектов обучения и воспитания в реальную профессиональную деятельность, связанную с решением ответственных задач, требующих высоких морально-психологических качеств, готовности, способности и выучки действовать в сложной обстановке, в том числе с риском для жизни и здоровья.

Необходимо обратить внимание на такие особенности обучения военнослужащих, как:

• специфичность знаний, навыков, умений и качеств, которые необходимо сформировать у воинов, обусловлена их нацеленностью на предотвращение агрессии и при необходимости подавления, уничтожения противника;

• овладение военной специальностью для военнослужащих – служебная обязанность;

• обучение военнослужащих проводится неотрывно от выполнения служебных обязанностей, в условиях постоянной боевой готовности;

• подготовка военнослужащих имеет ярко выраженную практическую направленность, она осуществляется не только в аудиториях, классах и лабораториях, но и в поле, на море, в воздухе, на стартовых и огневых позициях и т.д.;

• овладение воинским мастерством проводится с использованием реальной боевой техники и вооружения, в условиях, максимально приближенных к боевым, что связано с большими психологическими и физическими трудностями [2 , с. 72-73].

Таким образом, процесс обучения требует от обучающихся военных вузов высокого напряжения духовных, интеллектуальных и физических сил.

Кроме того, процесс обучения осуществляется в рамках уставной организации, направляется командиром-единоначальником, детально и жестко регламентирован требованиями руководящих документов – военной присяги, воинских уставов, приказов и директив министра обороны.

Но офицер – это не только специалист в избранном виде деятельности. В процессе обучения он должен научиться руководить воинскими подразделениями, т.е. овладеть организационными и командными навыками, навыками воспитания личного состава. Таким образом, успех его профессиональной деятельности зависит не только от профессиональной, но и от коммуникативной компетентности.

Согласно Базовому минимуму учебных дисциплин основных образовательных программ курсантов с полной военно-специальной подготовкой, целью изучения дисциплины «Русский язык и культура речи» является развитие коммуникативно-речевой и культурно-языковой личности обучающегося. В числе проектируемых результатов обучения: формирование речевой готовности к обучению военной специальности – эффективного использования языка в воен-

ном профессиональном общении на основе владения нормами русского литературного языка.

В примерное содержание учебной дисциплины входит:

Современный русский язык. Литературно-языковая норма. Социальная роль русского литературного языка в военно-профессиональной сфере деятельности. Речь. Речевая деятельность, речевое общение военного специалиста. Понятие культуры речи. Социальная роль культуры речи в военно-профессиональной сфере деятельности. Культурно-языковая личность как идеал военного специалиста. Текст. Функционально-стилевая и функционально-семантическая типология текстов в военно-профессиональной сфере деятельности. Русский речевой (военный) этикет. Культура разговорной речи военного специалиста. Культура научной речи военного специалиста. Культура официально-деловой речи военного специалиста. Культура газетно-публицистической речи военного специалиста. Культура ораторской речи в военно-профессиональной сфере деятельности. Культура дискутивно-полемической речи военного специалиста.

Как правило, на изучение дисциплины «Русский язык и культура речи» в высших военных учебных заведениях отводится в среднем одна зачетная единица, что вряд ли позволяет обеспечить усвоение указанного выше объема содержания дисциплины. При таком количестве часов курс может носить лишь ознакомительный характер. В рамках ознакомительного курса невозможно сформировать коммуникативно-речевую компетентность военнослужащих. Не может быть достигнута и более значимая цель – формирование духовно-нравственной личности военного человека.

А ведь роль родного языка в формировании офицера как гражданина и патриота до сих пор недооценена. Родина – главная ценность для человека, особенно для военного человека. Одно из проявлений любви к Родине – любовь к родному языку. Точнее, любовь к Отечеству невозможна без любви к родному языку. Важность этого положения, принципиального для характеристики языковой личности офицера, к сожалению, слабо осознается военнослужащими, для них эта связь не очевидна.

Если с этих позиций посмотреть на воинские подразделения курсантов и слушателей, на офицеров, командующих этими подразделениями, то увидим печальную картину: сплошь и рядом слышится брань, редкий человек в погонах не использует в своей речи ненормативную лексику. Молодые люди получают основательную подготовку в этой школе сквернословия.

Для многих из них использование брани выражает стремление «быть своим» в воинском коллективе, «найти общий язык»; они считают, что это придает их образу мужественность и самостоятельность. Нередко сквернословие применяется как инструмент унижения и подавления другого человека. Но, безусловно, во всех случаях это, прежде всего, яркая демонстрация ограниченности того, кто прибегает к таким языковым средствам.

Практика показывает, что для всех категорий военнослужащих характерны недостаточное владение нормами русского литературного языка, неумение

использовать речь как инструмент в различных ситуациях общения и в соответствии с поставленными целями, слабое знание особенностей функциональных стилей, в том числе касающихся профессиональной речи. В настоящее время военнослужащие различных категорий демонстрируют скорее речевую некомпетентность, их речь – яркая демонстрация речевой антикультуры. На этом фоне у курсантов формируется стойкое убеждение в том, что «армия без мата невозможна!»

Этот факт тем более печален, если вспомнить о том вкладе, который внесли российские офицеры в развитие отечественной культуры. Традицией российской армии всегда было воспитание людей не только беспредельно преданных Родине и воинскому долгу, но и высокообразованных, думающих, творческих личностей. Их деятельность проявилась во всех областях российской культуры. Достаточно назвать имена М. Ю. Лермонтова, А.А. Фета, Л.Н. Толстого, Д.В. Давыдова, А.И. Куприна; В.В. Верещагина, П. А. Федотова; А.А. Алябьева, Ц.А. Кюи, Н.А. Римского-Корсакова; А.А. Ханжонкова.

Коммуникативная компетентность – важный компонент образовательной среды вуза, в том числе военного: она может выступать и средством, и средой формирования ценностного отношения к профессиональной деятельности.

Эту позицию разделяют и многие курсанты: «Я считаю, что дисциплина «Русский язык и культура речи» является неотъемлемой частью программы обучения в военном вузе. Данная дисциплина помогает быть человеку более грамотным и образованным. Военные вузы готовят будущих офицеров. Так как же молодой офицер может остаться безграмотным? Ведь офицер – это, прежде всего, лицо Вооружённых сил. Он является примером для подражания. Каждый офицер имеет высшее образование, а человек с высшим образованием обязан быть грамотным». (к-т 2 курса ВИФК Жокин Н.)

«Я считаю, что данная дисциплина необходима для нашей сферы деятельности, так как человека рассматривают по одёжке, а провожают по уму. Речь должна быть грамотной, чтобы поддерживать статус офицера русской армии. В истории России можно выделить светское общество, куда входили многие представители военнослужащих, офицеры. Соответственно они были обучены ораторскому мастерству и могли чётко и ясно излагать свои идеи и мысли, были интересны в общении. Таким образом, мы – следующие поколения – не должны опускать эту планку, а стремиться поднять её. Быть грамотными, знать азы русского языка!» (к-т 2 курса ВИФК Балакирев Н.)

Это должны осознавать и командиры всех уровней, и преподаватели дисциплин специальности. Ведь образовательная деятельность предполагает не только взаимодействие, но и взаимовлияние.

Очевидно, что получая высшее военное образование, курсант должен стать не только грамотным специалистом в своей области, не только хорошим организатором и командиром, но и высоконравственной личностью, готовой к государственно-патриотическому служению.

В формировании любой личности (в том числе личности будущего офи-

цера) родной язык играет огромную роль. В подтверждение сказанного приведем слова нашего выдающегося современника Д.С. Лихачева: «... Язык не только лучший показатель общей культуры, но и лучший воспитатель человека. Чёткое выражение своей мысли, богатый язык, точный подбор слов в речи формируют мышление человека, его профессиональные навыки во всех областях человеческой деятельности. Это не сразу кажется ясным, но это так. Если он, не озлясь и не употребив грубого выражения, чётко указал на недочёты товарища, значит, он умеет руководить работой. Точность, правильность и прямота без грубостей в языке – нравственный показатель работы, товарищества, семейной жизни, залог успеха в учении» [3, с. 151].

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловей Д.В., Спирина В.И. Особенности образовательной среды военного вуза // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2. – С. 36-43.

2. Военная педагогика / под ред. Ефремова О.Ю. – СПб.: Питер, 2008. – 640 с.

3. Лихачев Д.С. О языке устном и письменном, старом и новом // Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – 541 с.

EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A MILITARY UNIVERSITY AS A FACTOR OF BACKGROUND DEVELOPMENT OF THE OFFICER'S PERSONALITY

E.N. Tarasova

The article analyzes the concepts of «educational environment», «educational environment of a military university», communicative competence is considered as an important component of the educational environment of a university. The importance of spiritual and moral education of the future officer is emphasized, the role of the mother tongue as a personality-forming factor and the role of the military professional environment in the process of forming the future officer as a citizen and patriot are analyzed.

Keywords: educational environment, military university, communicative competence, speech culture, spiritual and moral development of the individual.

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РУССКОГО МИРА КАК ГЛАВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.А. Тестов

Вологодский государственный университет, Институт математики, естественных и компьютерных наук, кафедра математики, доктор педагогических наук, профессор

Россия, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15

Тел.: 89115036699, e-mail: vladafan@inbox.ru

Обосновано показывается, что приоритеты отечественного образования должны соответствовать базовым ценностям Русского мира. Зерном русской идеи является понятие соборности, в котором взаимодополняются западные и восточные ценности. Приводятся примеры образовательных систем, сохраняющих базовые ценности Русского мира.

Ключевые слова: коллективизм, русская духовность, тринитарная методология, кризис культуры.

Вопрос о приоритетах отечественного образования активно дискутируется в последние десятилетия. В основе стратегии образования во все времена находится устремление к достижению некоторых ценностей. Под ценностями подразумеваются некоторые характеристики национальной самобытности, для которых существует в обществе установка неоспоримого признания, безусловной нужности их воплощения. Но на уровне повседневного сознания люди не слишком отчетливо осознают свое подлинное устремление. Они тяготеют к более привычным и несложным для их понимания некоторым чертам жизни, которые часто называют чертами менталитета или ведущими модусами. Личная система ценностей человека порождается и закрепляется его социокультурным опытом.

Система ценностей является основой любого общества. На рубеже веков в российском обществе и в образовании стали доминировать общечеловеческие ценности, под которыми понимались ценности, признаваемые большинством человечества. Но базовые ценности общества существенно зависят от национально-социокультурных особенностей и от типа цивилизации. Разные ученые выделяют различное число цивилизаций, но большинство сходятся в одном: единой общечеловеческой цивилизации не существует. Имеется, по мнению И.П. Смирнова, как минимум, два основных типа цивилизаций, которые являются по своим признакам зеркальными отражениями одна другой: западная (рыночная, техногенная) и восточная (служебно-домашняя). В западной цивилизации базовой ценностью является личность, ведущими модусами – Богатство, Хозяйство, Мастерство, преобладающей деятельностью является деятельность для себя (эгодеятельность), а инструментальными ценностями – свобода и право. В восточной – базовая ценность – общество (отечество), ведущие модусы – Святость, Знание, Власть, Слава, преобладающая деятельность – служебная (деятельность для другого), а инструментальные ценности – дисциплина и долг [4].

С этой точки зрения многие так называемые общечеловеческие ценности (личность, свобода, право) при ближайшем рассмотрении оказывается базовы-

ми ценностями, преимущественно, западной цивилизации. В российском обществе достаточно широко пропагандировалось под видом общечеловеческой ценности первенство интересов личности над интересами общества. Но практика показала, что установка на индивидуальный успех очень часто довольно быстро переходит в беспредельный эгоизм.

Принцип первенства общественного над личным, которому были верны лучшие российские умы (Ломоносов, Суворов, Толстой, Макаренко) рано списывать в архив. Грамотные, убеждённые педагоги всегда выступали против, подавления индивидуальности личности. Однако, коллектив, по их мнению, тоже необходим как естественная среда обитания ребёнка, как средство его развития. Прошли годы, идеология изменилась, и вот сравнительно недавно коллектив стал пугалом для устрашения людей. Нас стали уверять в том, что коллективизм якобы идея социалистическая, в нынешних же условиях важнее идея индивидуализма. Причем, чаще всего, эта идея маскировалась под маской идеи лидерства, под которой скрывалась идея доминирования одной личности над другими. Но идея индивидуализма всегда была чужда российскому менталитету.

Если говорить о российском традиционном коллективизме, то корни его связаны не с политикой, а с историей. Она для россиян была тяжёлой и трагической, полна таких испытаний, которые в одиночку перенести невозможно. Имеется также немало географических и геополитических причин русского коллективизма, стремления к общинности, соборности. Российское самосознание формировалось в ходе конвергентного перемешивания племён на обширной территории в условиях суровой природы и постоянных войн. Процесс собирания, освоения, объединения не мог бы осуществиться без большого стремления к целостности – в территории, в истории, в духе, в общине.

Понятие соборности является зерном русской идеи, центральным понятием русской философии, в котором взаимодополняются западные ценности (Свобода) и восточные (Единство).

Важной особенностью Русского мира и соответствующей системы ценностей российской цивилизации было отсутствие проповеди богатства. Для жизни русского человека всегда было характерно самоуправление в рамках общины, где над материальными мотивами жизни преобладали духовные, где целью жизни были не потребление, не вещи, а совершенствование, преображение души. Богатство – это менталитет западной цивилизации. На Руси же богатство всегда было, но никогда не пропагандировалось, наоборот, благодетелью считалась нестяжательность.

С точки зрения нравственного воспитания, кое-что из привнесенного с Запада является для России разрушительным. В последние десятилетия вольно или невольно, как отметил Н.Д. Никандров, делались попытки подменить российскую культуру и духовность западной псевдокультурой и антикультурой. В российском обществе стали возрастать такие, ранее не присущие ему умонастроения и характеристики, как антипатриотизм и утрата чувства Родины, равнодушие или активная неприязнь к людям, жестокость к ним, примитивизация

потребностей и интересов с адекватным обратным воздействием на культуру ее потребителями и др. [3]

Деформации, возникшие в российском обществе, повлекли за собой забвение и утрату православных традиций святости, духовного подвижничества, русской самобытности, гуманности. Возник и сформировался человек массовый, потерявший черты русской народности. Более того, появилась угроза нарушения национальной самоидентификации, что фактически означало бы гибель Русского мира как уникального субъекта истории.

В настоящее время оказывается все более ясным, что идеология западного потребительского общества и массовой культуры способствует во все большей степени разрушению русской национальной культуры. Поэтому все более жизненно необходимым становится возвращение отечественного образования к ориентации на традиционные базовые ценности Русского мира.

Спор о том, что первично – национальное, собственное, российское или общечеловеческое – спор давний. Еще в XIX веке К.С. Аксаков писал, что «общечеловеческое само по себе не существует... Народ не менее отдельного человека имеет право быть самим собой и иметь свою деятельность... Отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение, – значит, лишить его участия в общем деле человечества».

То, что закладывается в человеке генетически или с самого раннего детства, является самым надежным фундаментом, который практически неискоренимым и в человеке, и в поколениях. Поэтому традиционные базовые ценности, не смотря на все старания средств массовой информации, все же не утрачиваются в российском обществе. В недрах национального самосознания по-прежнему удерживается уникальный ценностный комплекс, который называют «русской духовностью».

В печати неоднократно обсуждался тип цивилизации, к которому относится Россия. Большинство книг и статей о Русском мире, о судьбе России начинаются с установления её места и роли между Востоком и Западом. Такое разделение мировых цивилизаций на два типа представляется следствием доминирующей в науке бинарной схемы мышления – деления объекта (явления) на две части или дихотомии. Стремление превращать расхождения в противоречия, в жесткие противоположности, стало привычкой. Но бинарная схема представляется не только не полной, но и довольно опасной. Бинарное мышление стремится превратить противоречия во зло, как только преображается из средства анализа в метод действия в окружающей действительности, так как дихотомия определяет правило «либо-либо», кто не с нами, тот против нас.

В постнеклассическом мировоззрении все шире в последнее время используется тринитарная методология, хотя ростки этого вида мышления возникли достаточно давно. Взглянем именно с позиций этой методологии на место и смысл Русского мира. В русской культуре идею триединства особенно полно и ярко выразил известный философ В.С. Соловьёв. Значительная часть его философии пронизана смыслом Божественной Троицы. Русский мир он

считал «третьей силой», которая должна органически связать единство без свободы и свободу без единства. Основоположники евразийского движения (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий) в свою очередь тоже обосновывали особое место и роль России.

Если посмотреть на классические триады тело-душа-дух, истина-красота-добро, надежда-любовь-вера, то, по мнению Р.Г. Баранцева, можно увидеть, что место России лежит там, где находятся душа, красота, любовь. Именно эти три понятия всегда характеризовали российский менталитет. Русскому человеку из французской триады равенство-братство-свобода ближе всего чувство братства, наиболее тесно взаимосвязанное с идеей соборности и мессианства. [1]

Многие ученые приходят к заключению, что философия русской идеи неминуемо смыкается с православием. По мнению академика РАО Н.Д. Никандрова нужно вернутся к триаде графа С.С. Уварова, несколько ее подправив: «Православие – патриотизм – народность». Власть, не скрепленная духовно, без общего идеала, национальной идеи никогда не будет долговечной. Образование призвано обеспечить духовную преемственность поколений через преемственность их ценностей, их идеалов. Существенную роль в возрождении ценностей и идеалов Русского мира, в воспитании духовности может и должна сыграть передача подрастающему поколению духовно-культурного наследия предков.

Таким образом, Русский мир – это не Восток и не Запад, это третий элемент триады. Россию наши реформаторы упорно тащили в западную цивилизацию, полагая именно ее главной линией развития человечества. Но трансформация одного типа цивилизации в совершенно другой тип – продолжительный и достаточно болезненный процесс, при этом более чем вероятен разлад между разными поколениями, что непременно чревато напряжением в эмоциональной атмосфере общества. Кроме того, такая трансформация может привести к потере самобытности народа. В результате дела и подвиги предков могут стать чужими и малопонятными, а человек в отдельности может утратить чувство своей ответственности перед прошлыми и будущими поколениями.

Важнейшей целью отечественного образования должно стать гармоничное развитие и воспитание гражданина России с опорой на базовые национальные ценности. Однако при нынешних подходах о ценностях образования зачастую забывают. Сейчас приоритетом провозглашается качество образования, но чаще всего это качество измеряется различными далеко не главными количественными показателями. При этом о действительно важном, о воспитании духовно-нравственных качеств забывают. Тем самым нынешние подходы к образованию могут лишь усугубить обстановку в обществе.

Однако в современной России, не смотря на все трудности и проблемы, имеются примеры образовательных систем, сохраняющие базовые ценности Русского мира. Такая ценностная ориентация заложена в основе крупномасштабного образовательного проекта «Социокультурные истоки» (авторы И.А.Кузьмин, А.В.Камкин). Этот проект включает в себя и новую методологическую основу – социокультурный системный подход, и новый учебный курс

«Истоки», и новые стратегии, и технологии обучения и воспитания. Программа была разработана в результате философских, педагогических и нравственных поисков по выходу из кризиса образования, когда все более бесспорной становилась потребность в одухотворении образования. Поэтому основной акцент в этом проекте делается на возрождение в российском обществе нравственности и духовности.

Главное требование к отбору содержания образования – соответствие важнейшей функции Школы – воспитание восприятия, переосмысления и прочувствования первоначального контекста ценностей и категорий Русского мира с целью сохранения и приумножения социокультурного опыта нашего народа, что проявляется в способности соединять прошлое, настоящее и будущее в единое целое. Вопросы содержательного наполнения в модели «Социокультурные истоки» решаются путем введения в школьную программу отдельного учебного курса «Истоки», призванного дать представление о главных ценностях отечественной культуры. В школе до сих пор не было специального учебного времени для размышлений о ценности, всей полноте окружающего нас Русского мира, о социокультурной среде, в которой живет и развивается ребенок.

Курс «Истоки» (автор проф. А.В. Камкин) и является одним из вариантов решения очерченной проблемы. В этом курсе в начальной школе внимание акцентировано на развитии социокультурных истоков образования: от знакомства с социокультурным наполнением таких категорий, как *Слово*, *Образ*, *Книга* к знакомству с ближайшей средой, в которой живет и развивается ребенок («*Родной очаг*», «*Родные просторы*»), с основными видами и направлениями человеческой деятельности («*Труд земной*», «*Труд души*»), с истоками ценностей внутреннего мира человека (*Вера, Надежда, Любовь, София*), с истоками русских традиций.

В основной школе внимание акцентировано на развитии социокультурных истоков культуры от истоков различных сфер человеческого творчества и духовного искания («*Семь чудес России*», «*Образ Родины*») к традициям русского духа, истокам мастерства и духовной высоты человека («*В поисках истины*»).

Курс «Истоки» концентрирует в себе духовно-нравственные ценности русского народа, Русского мира, решая тем самым и проблему религиозной образованности, которая является необходимой частью национальной культуры. Решение этой проблемы помогает предостеречь детей от духовных подмен и безликих суррогатов массовой культуры. Курс «Истоки», по словам учителей, ведущих этот предмет, сближает детей и родителей, делает семью крепче, дети глубже понимают нравственные ценности, укрепляет чувство патриотизма, осознание укорененности и привязанности к родной земле, а через это – уважение к другим народам и культурам.

Таким образом, главный акцент в программе «Социокультурные истоки» делается на выявлении того, что обеспечивает устойчивость отечественной культуры, является ее ядром – стабильной целостности базовых ценностей Русского мира. Программа универсальна и с равным успехом используется в образователь-

ном процессе различных регионов России от Калининграда до Камчатки [2; 5].

Другим таким ярким примером является школа известного учителя-новатора М.П. Щетинина в с.Текос Краснодарского края. Главное предназначение его школы – растить Человека, верного сына своего Отечества, любящего мать и отца, с уважением относящегося к прошлому и устремленного в будущее. Каждый человек, («чело-веков», т.е. ум столетий), согласно М.П. Щетинину – источник своего развития, уникальный многомерный мир («Космос»), нуждающийся в соответствующей его природе среде. Человек не может являться существом, ограниченным жизнью одного поколения, тем более – несколькими годами или десятилетиями. Он – дитя вечности, и потому он – сам Род, носитель памяти Рода. А Родочеловек возраста не имеет: память Рода, сосредоточенная в нас, отмеченная в таких понятиях, как совесть, искра Божья, дух, – поистине бесценное сокровище. Поэтому к ребенку, по мнению М.П. Щетинина, следует обращаться как носителю родовой памяти. Через этого человека отдается дань уважения всему его роду.

Школа М.П. Щетинина – настоящая община в самом лучшем смысле этого понятия, в контексте исторического пути России, русской духовной и социально-экономической культуры. Этой школе характерны устремленность к общей цели, общие интересы и энтузиазм, преданность идеалам и любовь к ближнему, взаимоподдержка и взаимопомощь возвышенное понимание чувства Родины, творческий, созидательный труд каждого. В ней царит подчеркнутое уважение к родовой памяти, к предкам, к родителям, полный отход от дурных человеческих пристрастий. И все это только на основе свободного выбора каждого ученика. Соединение традиций в области православной веры, русской народной культуры и инновационная деятельность в образовании – это основное отличие русской родовой школы М.П. Щетинина [5].

Таким образом, приоритеты нашего образования должны соответствовать, прежде всего, базовым ценностям Русского мира, которые должны занять в обществе доминирующее положение. Это поможет решить главную задачу отечественного образования XX1 века – преодоление кризиса духовности и культуры российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранцев Р.Г. Становление тринитарного мышления. – М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. – 124 с.

2. Камкин А.В. Программа «Истоки»: опыт и перспективы // Педагогика. – 2008. – № 9. – С. 93-99.

3. Никандров Н.Д. Воспитание и социализация в современной России: риски и возможности // Педагогика. – 2007. – № 1. – С. 3-14.

4.Смирнов П.И. Слово о России. Беседы о российской цивилизации. – СПб: Химиздат, 2004. – 324 с.

5. Тестов В.А. Истоковедение. Сер. Социокультурные истоки. Том 7. «Социокультурные истоки» в контексте развития новой образовательной парадигмы. – М.: Издательский дом «Истоки», 2005. – 320 с.

THE BASIC VALUES OF THE RUSSIAN WORLD AS THE MAIN THE PRIORITIES OF THE NATIONAL EDUCATION

V.A. Testov

The article shows that the priorities of Russian education should correspond to the basic values of the Russian world. The grain of the Russian idea is the notion of conciliarity, in which Western and Eastern values are complementary. Examples of educational systems preserving the basic values of the Russian world are given.

Keywords: collectivism, Russian spirituality, Trinitarian methodology, cultural crisis.

О МЕТОДИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

А.В. Усанова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, студент

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89873994709, e-mail: anya.usanova.99@mail.ru

Рассматривается проблема организации проектной деятельности учащихся на уроках литературы. По мнению авторов, проектная деятельность позволяет добиться значительных результатов в образовательном процессе: учит самостоятельно размышлять, делать обоснованные выводы, работать в команде. Приводится методика реализации проектной деятельности с помощью Интернет-платформы Trello на примере организации урока по литературе на тему «Женские судьбы в лирике М. И. Цветаевой и А.А. Ахматовой».

Ключевые слова: литература, проектная деятельность, ФГОС, Интернет-платформа, сервис Trello, урок.

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом основного общего образования, утвержденным приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 г. № 1897 (далее – ФГОС), установлены требования к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы основного общего образования [6, с. 5].

Одной из форм обучения, которая отвечает требованиям ФГОС, является проектная деятельность. Проектная деятельность в образовании – это вид творческой, инновационной деятельности, которая предполагает преобразование реальности [1, с. 19]. Главная цель внедрения проектных методов обучения в современной школе – научить учеников на основе полученного фактического материала самостоятельно размышлять, делать обоснованные выводы, работать в команде [3].

Изучением использования проектной деятельности в образовании занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи, а именно Амосова Ю.В., Сергеев. И.С., Ступницкая М.А., Танзыкова Н.М., В. А. Кальней, Т. М. Матвеева, Е. А. Мищенко, С. Е. Шишов и многие другие [4, с. 587]. Главным в их работах становится вывод о том, что для проведения уроков литературы возможно использовать не только традиционные формы, но и приёмы проектной деятельности. В своих работах методисты подчёркивают важность и актуальность указанной формы проведения урока.

В настоящее время существует множество Интернет-платформ, которые возможно использовать для проектной деятельности на уроке литературы. Наиболее подходящим нам кажется Сервис Trello. Покажем это на примере.

В 9 классе в рамках большого раздела «Из русской поэзии XX века» изучается творчество А.А. Ахматовой и М.И. Цветаевой. Вместо традиционного урока мы предлагаем провести урок-проект, который потребует предварительной работы и использования возможностей Сервиса Trello.

Этап подготовки включает в себя следующий алгоритм:

1. За неделю до проведения урока по теме «Женские судьбы в стихах в лирике М. И. Цветаевой и А.А. Ахматовой» учащихся 9 класса делим на равные по количеству человек группы.

2. Выбираем тему проекта «Женские судьбы в стихах в лирике М. И. Цветаевой и А.А. Ахматовой».

3. Выбираем формат группы:

Приватная – просматривать и изменять могут лишь добавленные участники.

Командная – просматривать и изменять могут все участники, добавленные в группу «9 класс».

Публичная – просматривать могут все пользователи Интернета, а изменять лишь участники группы.

4. Выбираем заголовок для первого списка «Список задач».

5. Создаём второй список и даём ему название «В процессе».

6. Создаём третий список, даём ему название «Готово».

7. Наполняем первый список карточками:

• ознакомиться с биографией и творчеством М.И. Цветаевой;

• ознакомиться с биографией и творчеством А.А. Ахматовой;

• сравнить жизнь и творчество поэтесс;

• изучить художественное своеобразие поэтического мира М.И. Цветаевой;

• изучить художественное своеобразие поэтического мира А.А. Ахматовой;

• сравнить художественное своеобразие поэтических миров поэтесс;

• рассмотреть особенности, значение и роль женских образов в лирике поэтесс.

8. Работаем с каждой карточкой, а именно:

• каждую карточку мы можем выделить своим цветом, более того можно включить режим для дальтоников;

• за каждой карточкой закрепляем учащихся, которые будут ответственны за выполнение задания именно на этой карточке;

• устанавливает дату и время, к которому это задание должно быть выполнено.

Кроме того, к каждой карточке можно подготовить более подробную инструкцию, а также включить рекомендованные источники в «Описании» или оставить учащимся, которые отвечают за выполнение заданий этой карточки, «Комментарий с разъяснениями».

9. После того как учащиеся приступили к выполнению своего задания, они перемещают свою карточку во второй список «В процессе».

10. После того как учащиеся справятся с выполнением своего задания, они добавляют свою карточку в третий список «Готово».

На уроке, посвященном творчеству А.А. Ахматовой и М.И. Цветаевой, учащиеся (каждый по своей карточке, то есть по заданному вопросу) представляют предварительно собранный материал по теме, слайды (при наличии технической возможности демонстрации их на уроке). Каждый учащийся дополняет предыдущего выступающего. Так раскрывается тема (как мозаика). Проис-

ходит живое обсуждение полученной информации. Учитель при этом наблюдает, задает вопросы, принимает участие в обсуждении, контролирует. Когда тема полностью раскрыта, учащиеся делают выводы. Учитель слушает, задает вопросы, дополняет. После сделанных выводов учитель оценивает работу всего класса, анализирует при этом подготовку, представление материала, его обсуждение, выводы.

Полагаем, что уроки-проекты вызовут у обучающихся большой интерес, поскольку современные Интернет-платформы располагают огромными информационными ресурсами, в них доступны документальные материалы, изучаемые произведения и критика. При этом поиск информации занимает гораздо меньше времени, чем из источников на бумажном носителе в библиотеках. Собранные информационные материалы возможно дополнить фотографиями, картинами, которые сделают урок более интересным и запоминающимся.

Вышеуказанная форма проведения урока интересна и удобна не только для учащихся, но и для учителя, так как проектная деятельность осуществляется в режиме онлайн, а благодаря этому у него есть возможность регулярно контролировать и корректировать процесс проектной деятельности, что повышает эффективность работы учащихся. В свою очередь у учащихся повысится интерес к изучению данной темы и в целом к предмету, так как им дадут не готовую информацию, а они её самостоятельно соберут, обработают, проанализируют, сделают выводы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадишина Л.М. Об использовании метода проекта на уроках литературы в общеобразовательной школе // Наука и школа. – 2007. – № 4. – С. 19-21.

2. Васильева Т.С. ФГОС нового поколения о требованиях к результатам обучения // Теория и практика образования в современном мире: материалы IV междунар. науч. конф. – СПб, 2014. – С. 74-76.

3. Липаева Т. А. Проектная деятельность в образовании. – Режим доступа: http://www.eduportal44.ru.

4. Нетесова Н.И. Развитие проектного метода в системе образования // Молодой ученый. – 2014. – № 19. – С. 587-590.

5. Битютская Н.П. Система педагогического проектирования: опыт работы, проекты. – Волгоград: Учитель, 2013. – 144 с.

6. Федеральные государственные образовательные стандарты / Министерство образования и науки Российской Федерации. – Режим доступа: http://mon.gov.ru/dok/fgos.

ABOUT METHODICAL ASPECTS OF ORGANIZING DESIGN ACTIVITY OF STUDENTS IN LITERATURE LESSONS

A.V. Usanova

This article discusses the problem of organizing students' project activities in literature lessons. According to the authors, the project activity allows to achieve significant results in the educational process, namely to think independently, draw informed conclusions, and work in a team. The article provides a methodology for implementing project activities using the Trello Internet platform on the example of organizing a literature lesson on the topic «Women's Fates in the Lyrics of M.I. Tsvetaeva and A.A. Akhmatova».

Keywords: literature, design activities, GEF, Internet platform, Trello service, lesson.

ОСМЫСЛЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ СТУДЕНТАМ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ФГОС 3++

Е.А. Фоминых

Российский государственный профессионально-педагогический университет, институт психолого-педагогического образования, кафедра философии, культурологии и искусствоведения, кандидат философских наук, доцент

Россия, 620012, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11

Тел.: 89090126080, e-mail: manager-gu@yandex.ru

Представлена модель преподавания философии обучающимся педагогических вузов в условиях ФГОС 3++. Предлагается использовать распределенные практики для повышения качества усвоения обучающимися философии и развития у них профессиональных навыков педагогов.

Ключевые слова: преподавания философии. педагогическая практика, профессиональные навыки, методика профессиональный стандарт, образовательный стандарт.

Выход образовательных стандартов ФГОС 3++ в 2018 году ввел новые требования к образовательным программам высшего образования. Особого внимания заслуживает значительное увеличение объема практик (не менее 60 з.е. на уровне бакалавриата) для направлений 44.03.01 Педагогическое образование [3, с. 5] и 44.03.04 Профессиональное обучение (по отраслям) [4, с. 5]. Это ставит перед проектировщиками образовательных программ закономерные вопросы: как органично сочетать дисциплины и практики в учебном процессе? Как расширить базу практик до необходимого объема? В этом контексте возникает потребность задуматься не только собственно над организацией практик, но и посмотреть на возникшие вопросы шире, заняться поиском новых стратегий в образовании: возможно, стоит пересмотреть всю систему подготовки педагогов? Впрочем, в данной статье предлагается вариант преобразования обучения педагогов в рамках одной дисциплины – философии.

Одним из специфичных моментов преподавания философии является отсутствие у нее «элементарного уровня», наличие которого характерно для многих других дисциплин. В большинстве случаев материал возможно распределять по уровню сложности и выстраивать по степени ее нарастания, что способствует органичному усвоению дисциплины обучающимися и создает у них ощущение собственной успешности, определенной легкости обретения новых знаний. Иная картина наблюдается при знакомстве с философией: при отсутствии «элементарного уровня» ее изучение начинается сразу со сложных проблем, возможно, даже с наиболее сложных. При историческом подходе – это античная философия, которая базируется на принципиально иной культуре, далеко отстоящей от современности в своих установках, предполагающей реалии и модели мышления, не прописанные впрямую в тексте, а лишь подразумеваемые как само собой разумеющиеся для носителей данной культуры и задающие непреодолимые барьеры тем, кто находится вне ее. При этом используются мертвые языки, словам которых зачастую нет прямых аналогов в современных

языках, термины, пришедшие из латыни и древнегреческого, серьезно трансформировали свой смысл в течение веков, что создает проблему интерпретации текстов. В итоге, античная философия оказывается представленной очень неоднозначно, что делает знакомство с ней проблематичной для неподготовленного читателя. В преподавании философии по систематическому принципу изучение дисциплины начинается с онтологии, которая вместе с гносеологией создает основу для всех иных разделов философского знания. Обучающему предлагается буквально с первых шагов обратиться к рассмотрению оснований мироздания, при этом в достаточно сжатые сроки познакомиться с самыми разными, в том числе взаимоисключающими, способами понимания мира. Стоит отметить еще один аспект проблемы: исторически философией занимались люди достаточно глубоко образованные, обладающие многообразными знаниями о мире, которые и служили тем самым «элементарны уровнем» для погружения в проблемы мироздания. В современной ситуации философия преподается на 1-2 курсах тем, кто еще не обладает ни достаточным объемом предварительных знаний, ни жизненным опытом, необходимыми для осмысления предполагаемой дисциплиной тематикой. Таким образом, первая встреча с философией зачастую провоцирует у обучающихся ощущения чуждости и неприятия, невозможности ее освоения, а также ставит более остро, чем где-либо, проблему адаптации материала к уровню аудитории.

Одним из решений этой проблемы может стать внедрение работы помощников преподавателя из числа обучающихся той же академической группы. Данная работа может быть организована в рамках распределенной учебной практики (без отрыва от изучения теоретических дисциплин).

Конечно, много обучающимся младших курсов не поручить, и ответственность за содержание дисциплины лежит на преподавателе. Тем не менее ряд работ они могут выполнять. Так традиционный доклад может быть представлен как тренировка мини-лекции, когда докладчики четко понимают соотношение объема печатного текста и времени на его произнесение, различают скорость речи для диктовки и общего повествования, выделяют материал под запись, готовят визуальный материал (презентации, карточки и т.д.), четко отвечают на поставленные вопросы.

При организации дискуссии или традиционного обсуждения текстов роль модератора также может передаваться помощнику преподавателя. Он может подготовить вопросы для обсуждения в качестве индивидуального домашнего задания, которое проверяется и исправляется преподавателем предварительно перед занятием. При этом оцениваться будет не только качество вопросов, но и организация работы остальных членов группы во время занятия, умение задавать уточняющие вопросы, направлять обсуждение, снимать конфликтные ситуации, адекватно оценивать работу других.

При изучении философии в условиях сегодняшней вузовской системы требуется за один семестр освоить большой объем сложной терминологии. По этой причине обучающимся необходимо знакомиться с мнемотехниками. В ка-

честве заданий обучающимся предлагается разрабатывать карточки для запоминания слов, которыми могли бы пользоваться не только те, кто их подготовил, но и вся группа. Поскольку разные приемы запоминания слов часто строятся на построении ассоциаций, то подобные карточки преподавателю разрабатывать для студентов гораздо менее эффективно, чем обучающимся друг для друга, т.к. здесь важна близость по возрасту, уровню образования, сферам интересов, которые и обеспечивают возможность использования одних и тех же ассоциаций для лучшего заучивания материала.

Особое внимание следует уделить работе с визуальными материалами. Так, если схемы созданы самими философами или содержатся в учебниках, то их достаточно просто проинтерпретировать. Но гораздо эффективнее, если обучающиеся создают схемы и рисунки сами. В этом случае, как и при работе с презентациями, их внимание должно быть акцентировано на специфику визуального восприятия, особенности подбора шрифтов для презентации и печатного текста, расположении материала на странице, особенностях работы с цветом. Важно не просто сделать схему точно отражающую изучаемый материал, но добиться того, чтобы она легко воспринималась другими обучающимися.

Момент оценивания стоит выделить отдельно. Традиционно на занятиях это является задачей преподавателя. Однако обучающимся необходимо научиться не просто соотносить представленную работу с определенными требованиями к ней, но и быть объективными. При этом каждый пункт предлагаемых критериев для оценивания должен быть разъяснен обучающимся в контексте их будущей профессии. Так, умение произнести доклад в отведенное время – это выработка привычки соблюдения регламента, которая пригодится учителю для проведения уроков, где все задания расписаны по минутам. Рассказ доклада, а не чтение по бумаге – это тренировка изложения нового материала ученикам, а выразительная речь – способ не усыпить аудиторию и донести до нее знания. Грамотно подготовленный визуальный материал – возможность более полно представить материал своим слушателям, позволить им максимально легко его усвоить. В целом на эти требования обучающиеся должны смотреть профессиональным взглядом как будущие педагоги, а значит и оценивать друг друга как коллеги-учителя.

Этой же цели развития умения профессионального оценивания работы коллег служит организация конкурсов, где членами жюри выступают сами обучающиеся. Возможны конкурсы эссе, презентаций, рисунков, карточек для запоминания слов, схем и т.д. по любой теме курса. При этом круг участников расширяется до потока или нескольких потоков, где дисциплина изучается в одном и том же семестре.

Все предложенные выше виды заданий носят интерактивный характер, при этом особенностью обучения на педагогических направлениях является акцент на то, как именно готовится тот или иной материал, как проводятся отдельные элементы занятия, внимание будущих учителей стоит дополнительно обращать на дидактические моменты, поэтому важно не просто давать им мате-

риал для изучения, но указывать на принципы его проработки и адаптации к возможностям аудитории.

Такая работа требует дополнительных усилий со стороны преподавателя, поэтому может быть оформлена как ведение распределенной практики. В этом случае назначаются два-три человека от группы, которые будут задействованы в качестве помощников преподавателя. При этом возникает возможность более качественно прорабатывать подготовленные материалы перед предъявлением их другим обучающимся: исправлять визуальные материалы, прорабатывать вопросы дискуссии, репетировать произнесение доклада и т.д.

Если преподаватель ведет дисциплину на потоке, состоящем из нескольких академических групп, то он имеет возможность объединить своих помощников для совместной проработки материалов, которая предваряет собственно занятия по предмету.

Если смотреть шире, то на базе вуза можно создать центр внутренних практик и привлекать к работе в нем преподавателей как выпускающих, так и общеобразовательных кафедр, в том числе обеспечивающих преподавание философии. Подготовка учебных материалов в рамках изучения разных дисциплин позволит создать у обучающихся умения работы в качестве педагогов.

Преимущества организации распределенных учебных практик на базе вуза видятся в следующем:

1. Обучающиеся могут попробовать себя в роли преподавателей и отработать отдельные умения «малыми порциями» в своей группе, а не выходить сразу с полным занятием на незнакомую аудиторию в сторонней организации.

2. Наличие начального опыта педагогической работы позволит обучающимся более осознанно подойти к дисциплинам общепедагогического и профессионально-педагогического компонентов.

3. Подготовка материалов к занятиям самими обучающимися сделает более глубоким усвоение всех дисциплин, задействованных в учебной практике.

4. Преподаватель, за которым закреплена группа помощников преподавателя получает возможность подготовить дополнительные материалы и обновить свой учебный курс.

5. Нет необходимости выделять отдельный день в расписании для прохождения обучающимися практики, т.к. каждый преподаватель сможет работать со своей группой в индивидуальном режиме. При этом оценка за практику будет выставляться на основе материалов, подготовленных обучающимися к занятиям, оценок одногрупников, отзыва преподавателя-руководителя практики.

Применение предлагаемого подхода позволит использовать разные дисциплины для частичного формирования умений, необходимых для выполнения следующих трудовых функций:

А/01.6. Общепедагогическая функция. Обучение. Трудовые действия: «Планирование и проведение учебных занятий»; «Организация, осуществление контроля и оценки учебных достижений, текущих и итоговых результатов освоения основной образовательной программы обучающимися». Необходимые

умения: «Владеть формами и методами обучения, в том числе выходящими за рамки учебных занятий: проектная деятельность, лабораторные эксперименты, полевая практика и т.п.»; «Объективно оценивать знания обучающихся на основе тестирования и других методов контроля в соответствии с реальными учебными возможностями детей» [1, с. 6-7].

А/01.6. Организация учебной деятельности обучающихся по освоению учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей) программ профессионального обучения, СПО и (или) ДПП. Трудовые действия: «Проведение учебных занятий по учебным предметам, курсам, дисциплинам (модулям) образовательной программы»; «Текущий контроль, оценка динамики подготовленности и мотивации обучающихся в процессе изучения учебного предмета, курса, дисциплины (модуля)». Необходимые умения: «Использовать педагогически обоснованные формы, методы и приемы организации деятельности обучающихся, применять современные технические средства обучения и образовательные технологии...»; «Контролировать и оценивать работу обучающихся на учебных занятиях и самостоятельную работу...»; «Анализировать проведение учебных занятий и организацию самостоятельной работы обучающихся...» [2, с. 9-11].

В целом, представляется обоснованной практикоориентированная подготовка педагогов, которым необходимо отработать большое количество умений необходимых для успешной работы в будущем. При этом частично обучающиеся могут проходить практику на базе вуза без отрыва от учебы и даже с повышением качества и осознанности освоения теоретических дисциплин.

Что касается философии, то данный подход позволяет решать сложную задачу адаптации материала к уровню обучающихся, параллельно делая его более интересным, а требования преподавателя более обоснованными для аудитории.

Таким в современных условиях видится одно из направлений поиска новых стратегий обучения будущих педагогов, которое предполагает совмещение формирования профессионализма с основательным изучением философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. N 544н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (с изменениями и дополнениями) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 6 декабря 2013 г. Регистрационный N 30550). – М., 2013. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. Приказ Минтруда России от 08.09.2015 N 608н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 24.09.2015 N 38993). – М., 2015. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. Приказ № 121 от 22.02.2018 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2018 N 50362). – М., 2018. – Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

4. Приказ № 124 от 22.02.2018 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.03 Профессиональное обучение (по отраслям)» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.03.2018 N 50360). – М., 2018. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFLECTION ON SPECIFIC OF EDUCATING STUDENTS OF PEDAGOGICAL HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENTS ABOUT PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD 3++

E.A. Fominykh

The article presents the model of educating students of pedagogical higher education establishments about philosophy in the context of Federal state educational standard 3++. Using of distributed teaching practice to improve learning philosophy and training professional skills is suggested.

Keywords: methods of teaching philosophy, teaching practice, professional skills, professional standard, educational standard.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИДАКТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

И.В. Харитонова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, факультет математики и информационных технологий, кафедра алгебры и геометрии, кандидат педагогических наук, доцент

Россия, 430000, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

Тел.: 89271726454, e-mail: haritonova-orlova@yandex.ru

Рассматриваются игровые технологии обучения в контексте возможностей и необходимости использования в высшей школе. Выявление особенностей их внедрения в учебно-познавательный процесс в рамках компетентностного подхода в обучении. Дидактический и развивающий потенциал игровых технологий.

Ключевые слова: педагогическая игра, игровые технологии, высшая школа, компетентностный подход в обучении.

Система образования в нашей стране за несколько последних лет претерпела ряд изменений, среди которых отношение к знаниям как приоритетной цели образования, переход к компетентностному подходу, доминирование интегративных целей обучения, изменение характера педагогических отношений. Модернизация российского образования предполагает внесение изменений не только в содержание и цели обучения, но и в саму структуру учебного процесса, охватывающую его организационные формы, методы и средства. В частности, содержание образования обогащается развитием способностей оперировать информацией, методы обучения акцентируют внимание на индивидуализации, все большее образовательное пространство отхватывают информационно-коммуникационные средства обучения.

В современном российском образовании накоплен большой потенциал, состоящий из достижений педагогической науки и опыта педагогических инноваций, авторских школ и результатов психолого-педагогических исследований, которые требуют постоянного обобщения и систематизации. Одним из путей решения данной проблемы является технологический подход в сфере образования. Он открывает новые возможности для различных аспектов образовательной деятельности. Технологический подход к обучению предусматривает точное инструментальное управление учебным процессом и гарантированное достижение поставленных учебный целей.

Педагогическая технология – явление многомерное. Каждый педагог привносит что-то свое, индивидуальное, поэтому можно говорить о том, что у каждого автора существует своя технология. Огромное многообразие и разнообразие педагогических технологий с одной стороны, открывает большие возможности их использования для решения каждой конкретной педагогической задачи, а с другой – выбор наиболее подходящей технологии вызывает определенные трудности. Анализ множества факторов, влияющих на данный выбор, позволяет в качестве одного из основных выделить принцип активизации и ин-

тенсификации деятельности обучающихся. Наряду с трудом и учением, именно игра отвечает данному и многим другим принципам организации процесса обучения. Совокупность различных дидактических игр, содержащих достаточно большую группу методов и приемов организации педагогического процесса можно объединить понятием «игровые педагогические технологии». Как отмечают Т.Н. Копытина и Т.И. Русинова, в отличие от игр вообще, «педагогическая игра» обладает существенным признаком: четко поставленной целью и соответствующим педагогическим результатом, которые могут быть обоснованы, выделены в явном или косвенном виде и характеризуются учебно-познавательной направленностью [1].

В игровых технологиях цели и средства активизации составляют главную идею и являются основой эффективности результатов обучения. Учебная игра предусматривает сочетание игровой деятельности и обучения, в ней аккумулируется коллективный опыт, а главным мотивом является не столько результат, сколько сам процесс. Рассматривая различные аспекты игры, отметим, что ее структура зависит от трактовки, например, в структуру игры как деятельности входят целеполагание, планирование, реализация и анализ результатов, тогда как игра как процесс включает в себя: роли, игровые действия, сюжет (содержание), отношения между игроками. Выступая в качестве метода обучения и формы его организации игра выполняет учебную, коммуникативную, развлекательную, релаксационную и психотехническую функции [3].

Игровые технологии довольно часто используются в практике работы общеобразовательных школ. Можно привести множество примеров для различных видов урочной и внеурочной деятельности учащихся [4]. Возникает вопрос, правомерно ли их применение в вузовском обучении и как оно согласуется с введением компетентностного подхода. Основным в данном контексте, на наш взгляд, является использование дидактических игр в различных формах обучения в образовательном пространстве вуза не ради самой игры, а для достижения комплекса педагогических задач, среди которых, очевидно, усвоение нового материала, закрепление изученного, проверка и оценка полученных знаний. Наибольшей популярностью в вузе пользуется такой тип игр как «деловые игры», причем в процессе обучения они представлены всем известными разновидностями: имитационные, ролевые, деловые; игры, моделирующие тот или иной производственный процесс. Однако, для эффективности игр необходим стимул, который, в свою очередь, оказывает влияние на результативность данного вида организации обучения. Конечно, сама игра может выступать в качестве стимула, но для успешной ее реализации необходимы стимулы оценивания (например, система рейтинга), стимулы эмоционального настроя, ориентация на результат; не следует забывать и о поощрении и одобрении, а также стимулировании к деятельности личным примером. Известное выражение «сделать свою игру» дает еще один стимул для не только участия, но и непосредственной организации игровой деятельности в практике обучения в вузе.

Очевидна роль дидактических игр и в формировании компетенций (об-

щекультурных, общепрофессиональных, профессиональных, специальных), как интегрированного результата овладения содержанием образования, выраженного в готовности обучающегося применять усвоенные знания, умения, способы деятельности для решения задач теоретического и практического характера. Например, Ю. В. Корзнякова [2] делится опытом использования игровых форм обучения студентов – математиков. Обратив внимание на ошибки студентов при употреблении математических терминов, незнание ими основ математического языка, правил склонения числительных было предложено осваивать данный материал, играя и соревнуясь, тем самым побуждая желание узнать и научиться. Тем самым, формировались и следующие компетенции: владение основами речевой профессиональной культуры (ОПК-3); способность логически верно выстраивать устную и письменную речь (ОК-6); владение культурой мышления, способностью к обобщению, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1); осознание социальной значимости своей будущей профессии, обладанием мотивации к осуществлению профессиональной деятельности (ОПК-1); способность организовывать сотрудничество обучающихся, поддерживать активность и инициативность, самостоятельность обучающихся, их творческие способности (ПК-7).

Успех игры как составного элемента целостного учебного курса зависит от ясности ее связей с другими частями учебно-познавательного процесса и определенным учебным предметом. Можно бесконечно перечислять виды дидактических игр, их функции и структуру, условия использования на том или ином этапе учебного процесса, а также важную роль в активизации учебной деятельности. Важно отметить и приобретаемый студентами опыт работы в команде, а также положительный позитивный опыт от совместного решения разнообразных проблемных ситуаций. Однако то, что дидактическая игра не часто применяется в качестве равноправного средства обучения в вузе, является следствием недостаточно системной разработки теории игровой деятельности. Отметим основные, на наш взгляд, проблемные моменты, решение которых может позволить более эффективно использовать дидактические игры в образовательном пространстве высшей школы. Это, во-первых, практически отсутствие методической литературы с разработками игр по различным учебным предметам для высшей школы (в противовес большому ее количеству для учащихся общеобразовательных школ). Преподаватели сегодня, к сожалению, много времени тратят на составление различных методических материалов, и часто его не хватает на полноценную подготовку новых методических разработок для занятий, в том числе и с использованием игровых технологий. Но, даже имея разработанный сценарий игры, мы сталкиваемся с нехваткой того же времени на ее полноценную подготовку. Практика показывает, что недостаточно подготовленная игра приносит больше вреда, чем пользы. Привлечение же самих студентов к разработке и подготовке игр, переход их от пассивных слушателей и исполнителей к роли руководителей процессом, несомненно, открывает большие возможности, но, опять же сопряжен с нехваткой времени, а подчас их не-

желанием обременять себя дополнительными обязанностями (необходимо продумать опять же средства стимулирования). В силу названных причин преподаватель нередко вынужден ограничиваться лишь фрагментами игровых ситуаций. Еще одной из проблем является анализ итогов игры, необходимый для отслеживания как игрового, так и учебно-познавательного результата. Заключительное обсуждение, где студенты совместно с преподавателем анализируют ход и результаты игры, может оказаться чуть ли не самым ключевым моментом, позволяющим не только подвести итоги, но и высказать предложения, замечания, рекомендации по учебно-игровому взаимодействию.

Таким образом, делая вывод о том, что в игровых формах организации обучения реализуется один из главных аспектов – повышение познавательной активности, с сожалением констатируем недостаточное внимание к их применению в реальном образовательном процессе. Очевидно, что использование игровых технологий позволит не только получить новые знания и умения, но и будет способствовать повышению творческого потенциала студентов, совершенствованию навыков самоконтроля и самооценки, формированию мировоззрения, помогая более глубоко понять и усвоить учебный материал и позволяя в дальнейшем достичь успеха в становлении компетентного в профессиональном плане специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копытина Т. Н., Русинова Т. И. Игровые технологии на занятиях в вузе // Личность – слово – социум: в 2 ч. Ч. 1 : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф.– Минск : Паркур плюс, 2006. – С. 103-105.

2. Корзнякова Ю.В. Применение дидактических игр в процессе освоения профессиональных компетенций студентами педагогического вуза // Науковедение. – 2015. – Т. 7. – № 2.

3. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий. В 2 т. Т. 1. – М.: НИИ школьных технологий, 2006. – С. 194-198.

4. Харитонова И.В. Использование вариативных приемов игровых технологий в организации творческой деятельности учащихся на уроках математики // Педагогические технологии математического творчества: сборник статей участников международной научно-практической конференции. – Арзамас: АГПИ,, 2011. – С. 252-258.

USING DIDACTIC POSSIBILITIES OF GAME TECHNOLOGIES OF EDUCATION IN THE EDUCATIONAL SPACE OF THE UNIVERSITY

I.V. Kharitonova

Pedagogical game as a multi-component phenomenon. Game technologies of education in the context of opportunities and need for use in higher school. Identification of the peculiarities of their introduction in the educational process within the framework of competence-based approach to learning. Didactic and developing potential of game technologies.

Keywords: pedagogical game, game technologies, higher school, competence approach in learning.

ИННОВАЦИИ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.В. Черникова

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, психолого-педагогический факультет, кафедра педагогики и современных образовательных технологий, кандидат педагогических наук, доцент

Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, д. 107

Тел.: 00373775167527, e-mail: chevsaratov@mail.ru

Анализируется сущность понятий инновационной педагогики, раскрыта их трактовка, особенности инновации практического и теоретического уровней в современной системе российского педагогического образования.

Ключевые слова: новация, инновация, педагогическая инновация, инновационное профессиональное обучение, инновационные процессы в российской системе педагогического образовании.

Современная российская система педагогического образования предъявляет новые требования к подготовке будущих педагогов. Личность педагога – главный фактор, приводящий процесс обучения и воспитания в движение, поэтому роль педагога в школе огромна. Проблема профессионально-педагогической подготовки была предметом изучения многих ученых. Среди них О.А. Абдуллина, И.М. Богданова, Л.И. Даниленко, О.И. Козлова, и др. [1, 3, 5, 6].

Само понятие «инновация» (innovation) впервые появилось в научных исследованиях зарубежных культурологов в XX веке и означало введение некоторых элементов одной культуры в другую. Термин происходит от латинского слова «innovate», что означает обновление или улучшение. В общем плане его можно понимать как особую культурную ценность – материальную или нематериальную, которая в данном месте в данное время воспринимается людьми как новая.

В педагогике, как и в других сферах научного знания, разрабатывают идею нововведения, единого общепризнанного определения понятия «инновация» нет. С 40-х годов прошлого столетия оно входит в педагогический лексикон, обозначая все новое, что поступает в систему образования.

Анализ специальной литературы показывает более 40 определений понятий «инновация», «педагогическая инновация». Понятие «инновация» часто рассматривается через такие понятия как «новое», «новизна» «новость» «новшество», «нововведение», «новаторство».

Педагогическая инновация – это педагогическое нововведение; целенаправленное прогрессивное изменение, вносящее в образовательную среду стабильные элементы (новшества), улучшающие характеристики отдельных частей, компонентов и самой образовательной системы в целом.

Следует отметить, что в инновационной педагогике существуют два направления. Первое – возврат к классическим основаниям природосообразной педагогики Я.А. Коменского. Второе – гуманизация педагогической системы в

трактовке К. Роджерса. Гуманистическая педагогика 60-90-х годов А. Маслоу, К. Роджерса, выдвинувшая концепцию «центрированной на клиенте» терапии, категорию самоактуализации, пирамиды (иерархии) человеческих потребностей, понятие фасилитации (облегчение и активизация), сформировала ориентированный на учащегося гуманистический подход в обучении, выделила личность в качестве высшей социальной ценности [2].

И.М. Богданова полагает, что инновационная педагогика обусловлена, прежде всего, размышлениями и взглядами на современного человека и его место в окружающей среде. И.М. Богданова определяет восемь положений, которые являются его основанием. Мы считаем, что важнейшими являются:

• признание духовности как необходимости для осознания человеком своей причастности к живой и неживой природе;

• недопустимость насилия человека над средой обитания, принесения природы в жертву людской корысти;

• признание природы триады измерения человека как космопланетарного интегрального творения: биосферно-ноосферного, эволюционно-экологического и состояния здоровья человека [3].

В соответствии с воззрениями А.И. Пригожина, подготовка будущего педагога в свете инновационных подходов включает в себя три этапа.

Первый этап – обнаружение импульса перемен, которое происходит на основе анализа поступающей из внешней среды информации.

Второй этап – осознание потребности в изменениях. Такое осознание – результат большой аналитической работы, связанной с глубокой психологической ломкой стереотипов, прошлого опыта, кризиса сознания. Центральным моментом этого этапа является признание несостоятельности прежнего пути, прежних ценностей и идеалов. В технологическом плане признание есть шаг к примирению с собой, с настоящим, без чего не доступно и творчество будущего.

Третий этап – преодоление сопротивления. Сопротивление – это первая реакция на изменения. Сопротивление изменениям происходит и просто от сознания того, что все они что-то нарушают. Психологической основой сопротивления являются привычки и инерция, страх перед неизвестным. Людям трудно отказаться от старых привычек и учиться действовать по-новому [4].

Инновационные процессы в российской системе педагогического образования в период коренного реформирования отечественного образования приобретает особую актуальность. Современные профессионально-педагогические образовательные учреждения, находящиеся в системе развития, характеризуется инновационными процессами.

Основными факторами, которые обусловливают актуальность и обеспечивают инновационные процессы в российской системе педагогического образования, есть противоречия: между изменением педагогической парадигмы с ориентацией на личностное и компетентностный развитие человека; между потребностью образовательной организации, открытой педагогической системы и недостаточностью ее взаимосвязи и взаимодействия со средой, несбалансированно-

стью вертикальных и горизонтальных функциональных и управленческих связей; между декларируемой необходимостью предоставления профессиональным учебным заведениям самостоятельности, автономности в выборе содержания, форм, способов организации педагогического процесса; между растущими требованиями к личности руководителя профессионального образовательного учреждения, уровня его должностного профессиональной компетентности и недостаточностью внимания к повышению его управленческой культуры.

Все больше руководителей профессиональных учебных заведений подключаются к процессу поиска и внедрения инноваций, базирующихся на понимании образования как основы развития современной цивилизационной среды, обеспечивающие оптимальное функционирование, развитие и совершенствование профессиональных учебных заведений.

Стоит обратить внимание и на понятие «инновационное профессиональное обучение» и его содержание в работе О.Т. Козловой, по мнению которой рассматривает его как тип организации учебно-воспитательного процесса, который ориентируется на создание готовности личности к быстро растущих изменений в обществе, готовности к неопределенному будущему за счет развития способностей к творчеству, к различным формам мышления, а также к способности к сотрудничеству с другими людьми » [6].

Характерными чертами инновационного профессионально-педагогического обучения О.Т.Козлова считает предвидение и соучастие. Термин «предвидение» трактуется как «способность к пониманию новых, необычных ситуаций, прогнозирования будущих событий, оценки последствий принимаемых решений и, более того, даже к созданию возможного и желаемого будущего», термин «соучастие» означает «социальную активность, участие личности в важнейших видах деятельности, ее личное влияние на принятие локальных и глобальных решений, способность быть инициативным. Инновационное обучение предполагает готовность к действию в новых условиях, исследования того, что может случиться, или необходимо» [6].

Л.И. Даниленко рассматривает задачу инновационного профессионально-педагогического обучения в формировании и развитии интеллектуальной, социально-компетентной личности, способной к творчеству[5].

Одним из понятий, используемых в теории инновационной профессионально-педагогической деятельности, является «инновационная образовательная технология», т.е. совокупность форм, методов и средств обучения, воспитания и управления, объединенных целью; отбор операционных действий педагога с учащимися, в результате которых существенно улучшается мотивация учащихся к учебному процессу» [6].

Содержание последнего из предложенных определений позволяет отметить следующее: в трактовке сущности «инновация в образовании» Л.И. Даниленко рассматривает цель образовательной инновации улучшение учебно-воспитательного процесса, а в толковании понятия «инновационная образовательная технология» автором как результат ее внедрения определено улучше-

ние мотивации учащихся к обучению.

Исходя из содержания понятия инновации в системе профессионально-педагогического образования, инновационную образовательную технологию рассматриваем как совокупность взаимосвязанных элементов методов, приемов и форм учебной деятельности, ее организации, характеризуется новизной; результатом ее внедрения является существенное повышение эффективности учебно-воспитательного процесса.

Рассмотрим вопрос проблем распространения инноваций в системе профессионально-педагогического образования. В указанном процессе типичными проблемами являются:

• сложность сочетания инновации как объективного научного знания с личным опытом педагога;

• комплексный, многогранный характер педагогического опыта и инноваций.

В.И. Слободчиков определяет ограничения практической инновационной деятельности, среди которых определяющими являются:

• неизбежное столкновение устоявщихся и новых форм практики;

• прагматичность характера инновационной деятельности: инновационный опыт определенного субъекта должен стать доступным общественным достоянием [6].

Вышеизложенное предполагает оформление инновационного опыта и разработки механизмов его трансляции, а также необходимость организационно-управленческого оформления нововведений и их нормативное закрепление на практике.

Объединяя все вышесказанное, следует отметить следующее:

• в современной системе российского педагогического образования имеют место инновации как практического, так и теоретического характера, они являются показателями развития и адаптации профессионального образования к новым социально-экономическим условиям, стремлением соответствовать потребностям и запросам общества, эффективно реализовать функции профессионального образования;

• каждый инновационный процесс в системе современного профессионально-педагогического образования связан с творчеством, креативностью личности педагога, научного или педагогического коллектива;

• цель инновационной деятельности в системе профессионально-педагогического образования: повышение эффективности и качества обучения и воспитания, а одной из важных задач является формирование и развитие интеллектуальной, творческой, компетентной личности.

Вместе с тем, инновации в российской системе педагогического образования являются показателем его реформирования: на уровне содержания (содержание государственного стандарта профессионального образования, программ учебных дисциплин), а также на уровне методики (проекты, технологии, методики), на уровне управления профессиональными образовательными системами; на уровне средств обучения (использование электронных учебных средств, сети

Интернет); на уровне услуг (современные виды услуг в образования – различные формы дистанционного обучения, новые учебные курсы и т.п.).

Таким образом, теоретический аспект инноваций в российской системе педагогического образования предполагает определенные различия в толковании одних и тех же понятий, что, по нашему мнению, объясняется, прежде всего, относительно незначительным возрастом инновационной педагогики, тем, что эта отрасль педагогической науки находится в процессе становления, а следовательно, ее категориально-понятийный аппарат (то есть методологические основы) еще полностью не сформирован, что свойственно любой другой науке. В ходе создания, освоения и распространения инноваций в российской системе педагогического образования формируется новая, современная образовательная система – глобальная система открытого, гибкого, индивидуализированного, созидающего знания, непрерывного образования человека в течение всей его жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллина О.А. Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. Для педагогических специальностей ВУЗов. – М.: Просвещение, 1990. – 142 с.

2. Маслоу А. Самоактуализация. Психология личности // Сб. научн. статей. – М., 1982. – С. 108-117.

3. Богданова І.М. Модульний підхід до професійно-педагогічної дготовки вчителя. – Одеса.: Маяк, 1998. – 281 с.

4. Радугин А.А., Радугин К.А. Социология. Курс лекций. – М.: Центр, 2000. – 222 с.

5. Даниленко Л.И. Управление процессом осуществления инновационной деятельности // Післядипломна освіта в Україні. – 2003. – № 3. – С. 70-74.

6. Козлова О.І. Основні стратегії педагогічного впливу при традиійному та інноваційному підходах до навчання // Педагогічні інновації: ідеї, реалії, перспективи: Збірник наукових праць / Ред. кол. Л.І.Даниленко та ін. – К.:Логос, 2000. – С. 239-245.

INNOVATION IN THE RUSSIAN SYSTEM OF PEDAGOGICAL EDUCATION

E.V. Chernikova

The article analyzes the essence of the concepts of innovative pedagogy, discloses their interpretation, features of the innovation of practical and theoretical levels in the modern system of Russian pedagogical education.

Keywords: novation, innovation, pedagogical innovation, innovative vocational training, innovative processes in the Russian system of teacher education.

РАЗДЕЛ 5.
ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО МИРА

==========

ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Агошков
ООО «Издательский дом «Панорама», кандидат философских наук, главный редактор
Россия, 127015, г. Москва, Бумажный проезд, д. 14, стр. 2
Тел.: 89161257538, e-mail: meteors@list.ru

Проводится анализ практики социально-трудовых конфликтов в современной России, которые рассматриваются в контексте социальной психологии. Сделан вывод о влиянии национального характера, в частности, «двоемыслия», на характер трудовых отношений.

Ключевые слова: труд, социально-трудовой конфликт, профсоюз, эксплуатация, работник, работодатель, трудовое право, раздельное мышление, «двоемыслие».

Тема труда, непопулярная в среде либерально-буржуазных ученых и аналитиков, становится в наше время важнейшей. Многие исследователи писали о проблемах социально-трудового характера в нашей экономике, а именно об остром дефиците рабочих мест, снижении реальных зарплат, многочисленных задержках их выплаты. Это говорит о том, что тема труда, отношения к труду является актуальной и острой.

О степени недооцененности труда в России много раз высказывались и исследователи трудовых отношений, и отечественные профсоюзы [3]. В 2017-2019 гг. вышло фундаментальное исследование ученых из Санкт-Петербурга, посвященное социально-трудовым конфликтам в современной России, всего 12 выпусков [7]. Весьма показательны отдельные выводы и положения, приведенные авторами исследования. Так, в книге 2 приведены результаты исследования 395 социально-трудовых конфликтов (СТК), имевших место и завершившихся в кризисных 2014-2016 гг. Они говорят, что наибольшее число конфликтов предсказуемо пришлось на обрабатывающие производства (33%), строительство (16%) и транспорт (13%), наименьшее – на электроэнергетику (3%), сельское хозяйство (3%) и культуру (2%). Распределение СТК по формам собственности предприятий выглядит следующим образом: частная собственность – 65%, государственная и муниципальная собственность – 35%. В распределении СТК по размеру предприятий с большим отрывом «лидируют» крупные предприятия (свыше 250 чел., 67%), затем идут средние (от 100 до 250 чел., 21%), малые (от 15 до 100 чел., 11%) и микропредприятия (менее 15 чел., 1%) [7, часть 2, с. 72-

75]. При этом, по индикатору «основная причина СТК» (может быть несколько причин) выделяются три ведущие группы: полная невыплата заработной платы (53,7%), сокращение/увольнение работников (11,6%), низкий уровень оплаты труда (7,8%). Заметно, что первая из них – полная невыплата заработной платы – идёт впереди с огромным отрывом [7, часть 2, с. 77].

Эти данные наводят на мысль, что взаимоотношения между работодателями и работниками в современной России имеют характер «классической» эксплуатации эпохи развивающегося капитализма и соответствующей ей структуры индустриальной экономики. Несмотря на десятилетия заклинаний властей о модернизации и цифровизации, наибольшее количество СТК сконцентрировано в производственной сфере (крупные предприятия добывающей и обрабатывающей отраслей). Это говорит, с одной стороны, о наличии определенных финансовых проблем в этом секторе хозяйства, с другой, о явном желании владельцев крупных приватизированных предприятий решать свои проблемы за счет человека труда. Помимо диспропорций в оплате труда федеральных и региональных бюджетников, руководства и рядовых работников предприятий, а также наличия просроченной задолженности по заработной плате в организациях наблюдаемых видов экономической деятельности, был выявлен ряд причин системного характера, негативно влияющих на результаты деятельности отечественных профсоюзов. Среди них можно назвать:

1. *Недостаточную активность членов профсоюзов,* которая является причиной «слабости профсоюзных организаций, что, по их (исследователей. – *А.А.*) мнению, позволяет работодателям не считаться с мнением профсоюзов, навязывать им свое видение по содержанию коллективного договора. Слабость профсоюзов определяется пассивной позицией рядовых членов профсоюза, нежеланием отдельных профсоюзных руководителей идти на конфликт с работодателями» [7, часть 5, с. 39-40]. Думается, подобные наблюдения относятся к подавляющей части гражданского общества России.

2. *Заниженную социальную самооценку работников,* недостаточное самоопределение как равных партнеров с администрацией: «Только 24% опрошенных ответили, что ощущают себя хозяевами производства и равноценными социальными партнерами. Подавляющее большинство (76%) видят себя в качестве наемных работников, продающих свою рабочую силу. При этом 20% отмечают ущемление своих прав на производстве. В то же время, даже среди респондентов, ощущающих себя хозяевами производства, только 6% отметили, что это чувство присутствует у них постоянно. 78% отметили это как крайне редкое ощущение» [7, часть 5, с. 43-44].

Таким образом, характер взаимоотношений «работник – работодатель» в современной России вполне соответствует «классической капиталистической модели в трудовых отношениях, характерной для периода первоначального накопления капитала» [7, часть 5, с. 44]. Налицо ситуация, которую можно охарактеризовать как «негативный консенсус»: общественная пассивность является залогом политической и экономической «стабильности», а конкретнее, кон-

сервации существующей политико-правовой системы и сохранения статус-кво. Учитывая фактически сословный характер современного российского общества, можно предположить, что данное положение дел является достаточно устойчивым и имеет шансы на существование в обозримом будущем.

Особое место в ряду упомянутых системных причин недостаточной эффективности работы современных отечественных профсоюзов занимает *качество современного законодательства, а также практика его применения*. Оно является источником ряда проблем, неоднократно упомянутых в литературе («параллельное» существование трудовых и гражданско-правовых отношений между работником и работодателем; практика «удвоения нормы права»; негативная сторона состязательности судебного процесса, когда работник заведомо оказывается его слабой стороной; уровень оказания квалифицированной юридической помощи, в частности, при заключении коллективного трудового договора с участием малочисленной профсоюзной организации и пр.). Это говорит о наличии явных пробелов в соответствующих частях законодательства. Налицо явное нежелание как государства, так и субъектов гражданского общества, усилить внимание к досудебному рассмотрению трудовых споров, которое могло бы разгрузить суды и упрочить авторитет государства и государственно-общественного партнерства в этой сфере.

Весьма показательна динамика количества поступлений в суд дел по трудовым спорам во время финансового кризиса 2008-2009 гг. В 2008 г. всего в суды России поступило 5109674 гражданских дела, что на 6% меньше, чем в 2009 г., поступление которых исчислялось 5359412 гражданскими делами. Из них в 2008 г. окончено с вынесением решения 4504390 дел. С удовлетворением иска рассмотрено 4315596 дел (95,8%). С нарушением сроков – 778854 дела (15,5%). В их числе в 2008 г. 499770 дел касались трудовых споров. В 2009 г. в суд поступило 922140 дел по трудовым спорам, что на 45,8% больше, чем за предыдущий период [7, часть 6, с. 53-54]. Начиная с 2010 г. число дел по трудовым конфликтам постепенно снижалось, но, тем не менее, значительно превышало показатель 2008 г. Всего в 2015 г. в суды поступило 711429 трудовых дел, окончено производством – 716799. С нарушением установленных сроков рассмотрено 40016 дел – 5,1%. Эти данные показывают, что суды в целом своевременно и качественно рассматривают трудовые споры, количество которых за последние 5-7 лет уменьшалось. Таким образом, наиболее актуальной проблемой становится не реформирование судов, а, прежде всего, улучшение качества российского трудового законодательства [7, часть 6, с. 54-56]. Основными тенденциями развития трудового права в России авторы считают: конституционализацию правового регулирования трудовых отношений; интернационализацию трудового права; разграничение сфер действия трудового и гражданского законодательства; борьба с различными формами дискриминации прав работников; выработку общей модели защиты прав и интересов работодателя и пр. К наиболее актуальным задачам относятся: внесение ряда изменений и уточнений в текст ТК РФ; наделение органов государственной инспекции труда правом

обращения в суд с исками о восстановлении нарушенных трудовых прав и внесение соответствующих дополнений в текст ТК РФ; совершенствование правозащитной работы в случае банкротства предприятий; усиление сотрудничества профсоюзов и правоохранительных органов; развитие деятельности по защите социально-трудовых прав российских работников в иностранных компаниях, действующих на территории России; защита прав "заемных" работников и пр. [7, часть 6, с. 132-137].

Каковы причины этих негативных явлений в сфере труда? Авторы исследования справедливо отмечают, что становление постиндустриального общества, основанного на знаниях, не только не привело к ликвидации бедности, но и обострило проблему неравенства. В этих условиях представители среднего и низшего классов сталкиваются со все большими трудностями не только в обеспечении достойного уровня жизни своих семей, но даже в поиске работы как таковой. Наступление на социальные завоевания народов развитых стран парадоксальным образом стало следствием технического прогресса и информационной революции. «Обострение проблемы бедности... выглядит естественным следствием становления постиндустриального общества и отражает расслоение общества на интеллектуальную элиту и низший класс, оказывающийся отчужденным от процесса современного наукоемкого производства» [7, часть 7, с. 24]. В отечественных условиях, когда упомянутый низший класс составляет, по разным подсчетам, от 13 до 75% (!) населения, вдвойне странной выглядит социальная апатия народных масс. «Только 6% опрошенных отметили забастовку как приемлемый метод разрешения конфликта» [7, часть 7, с. 88]. Выражая приверженность мирным формам разрешения конфликтов, они далеко не всегда удовлетворены реализацией социального партнерства в своих регионах. «59% респондентов ответили, что их мнение не учитывается при установлении заработной платы» [там же]. Латентный классовый конфликт, отчасти сглаженный политическими и административными методами, свидетельствует о неблагополучии российской экономики, фактически ее системном кризисе. Почему же «народ безмолвствует», а право зачастую бездействует?

Проблема аномии, отрыва правовой нормы от социальной действительности не нова, о ней писали многие ученые-обществоведы, включая классиков отечественной теории права (Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев и др.). Л.И. Петражицкий даже приступил к разработке специальной теории «правовой политики», в рамках которой он различал право «официальное» (позитивное) и «интуитивное» (живое). Первое – санкционировано государством, оно отстаёт в своём изменении от изменений духовной, экономической и социальной жизни, тогда как второе – свободно изменяется в соответствии с социокультурными сдвигами. Поскольку «интуитивное право» более «доброкачественно» в сравнении с «официальным», постольку важнейшей задачей правоведения является соединение позитивных знаний о праве с общественным идеалом, для чего потребуется, как он считал, использовать результаты и наработки нескольких отраслей правоведения – теории права (позитивной науки), фило-

софии права и политики права [6]. К сожалению, эта продуктивная идея не получила должного развития.

Какие фундаментальные основания данного явления мы можем выделить? Для этого необходимо обратиться к инструментарию социальной психологии. На наш взгляд, источником отчуждения права от культуры (и нравственности) может быть явление *раздельного мышления*. Летом 2018 г. на заседании Богомоловского клуба в Институте экономических стратегий РАН нами был предложен (в качестве синонима раздельного мышления) не вполне удачный термин «коллективная шизофрения», как отражающий раздвоение общественного сознания и самосознания. Л.Д. Гудков озвучил более привычный для гуманитарного дискурса термин «двоемыслие» (Дж. Оруэлл). Оба термина выражают один и тот же смысл:

1. Раздельное мышление – это защитный механизм, позволяющий человеку умещать в себе логически несовместимые установки. Если по каким-то причинам человек нуждается в каждой из своих несовместимых установок, то осознание возникающего противоречия начинает занимать мысли попытками это противоречие разрешить. Чтобы этого не происходило, человек может начать «раздельно мыслить» – не осознавая противоречия между ними, придерживаться всех несовместимых установок сразу. Со стороны это выглядит как простое лицемерие, но сам человек в этом случае придерживается своих установок вполне искренне, хотя и использует в каждом конкретном случае только одну из них [5].

2. «Двоемыслие» – способность придерживаться двух противоположных убеждений одновременно [1]. Несколько более подробное определение даёт Е.Я. Бурлина: двоемыслие – это «совмещение и «принудительное единство» диаметрально противоположных мнений; забвение или «выворачивание наизнанку» определённых глав истории, если того требует политическая целесообразность, насаждаемая властями; «чёрное есть белое» [2]. В данном контексте удачный синоним двоемыслия – «тайная вера».

В свое время Ю.А. Левада выдвинул концепцию «человека лукавого», то есть способного всю жизнь придерживаться «двойных стандартов» в морали. Данный психологический тип принимает черты архетипа отечественной культуры, её вневременного, глубинного первообраза: «Он приспосабливается к социальной действительности, ища допуски и лазейки в её нормативной системе, т.е. способы использовать в собственных интересах существующие в ней «правила игры», и в то же время – что не менее важно – постоянно пытаясь в какой-то мере обойти эти правила. Это вынуждает его постоянно оправдывать собственное поведение то ли ссылками на необходимость самосохранения, на пример «других» («надо жить», «все так» и проч.), то ли апелляциями к нормативным системам иного ранга («высшие интересы» и т.п.). Непрестанная смена общественных настроений «эпохи перемен» – смена увлечений и разочарований, взлёт и падение персональных рейтингов и т.п. служат показателями заведомой легковесности каждого выбора, заложенной в нём доли лукавого само-

обмана («авось повезёт на этот раз...»)» [4]. Этот тип поведения характерен для всех слоёв общества, высших и низших. Его источником является постоянное перенапряжение сил, при фактической ясности бесполезности этого перенапряжения. Принципиальная невыполнимость предъявляемых к человеку требований приводит к релятивизму и фактической девальвации ценностных систем – сосуществованию «большой» и «малой» правды, перспективных и сиюминутных интересов и пр. Вековая традиция лжи и лицемерия выразилась в архетипе «лукавого человека», потому что иному типу выжить в этой действительности практически невозможно.

Думается, данная проблема не скоро будет исчерпана. Экономические беспокойства, фактическая деградация народного хозяйства могут повлиять на общественное мнение, но только в случае масштабного наступления на социальные права населения (история с повышением пенсионного возраста и последовавшим в 2018 г. протестным голосованием в беднейших регионах тому подтверждение). Разумеется, власти революционный сценарий не устраивает, поэтому система будет, скорее всего, медленно загнивать. Психология масс будет продолжать приспосабливаться к гниению, то есть ситуация, когда соотечественников многое не устраивает, но они отказываются приложить силы к изменению текущей ситуации (в том числе, политическими средствами), будет существовать ещё длительное время. Это продолжит приводить к крайне медленным темпам изменения институциональной сферы, что, со своей стороны, может увеличить социальную апатию населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтман Ю.И. Двоемыслие как рассогласование ценностных ориентаций: интегративно-психологический подход // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 5 (49). – С. 599-607.

2. Бурлина Е.Я. Хронотип двоемыслия: бункер Сталина на улице Шостаковича // Южно-Российский музыкальный альманах. – 2014. – С. 77.

3. Кузьмина Н.Н. Профсоюзы выступают против недооценки труда в России. – Режим доступа: http://www.fppk.org/collective_actions/actions/70/6682/.

4. Левада Ю. Человек лукавый: двоемыслие по-российски // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. – №1 (45). – С. 19.

5. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. – Москва: Класс, 1998. – 480 с.

6. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб., 1907. – Т. 1. – 308 с.

7. Социально-трудовые конфликты. Вып. 1-12 / Науч. ред. А.С. Запесоцкий. – СПб.: СПбГУП, 2017-2019.

PRACTICE OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS IN CULTURE OF MODERN RUSSIA

A.V. Agoshkov

The analysis of the practice of social and labor conflicts in modern Russia, which are considered in the context of social psychology. The conclusion is drawn about the influence of a national character, in particular, «doublethink», on the nature of labor relations.

Keywords: labor, social and labor conflict, trade union, exploitation, employee, employer, labor law, separate thinking, «doublethink».

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ – ТРЕНД РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ И ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

Е.А. Дубик[1], Л.Н. Басова[2], Н.В. Усов[3]

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева,
институт экономики и управления, кафедра «Цифровая экономика»,
[1]кандидат экономических наук, доцент, [2]старший преподаватель,
[3]кандидат экономических наук, доцент
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 24
Тел.: 89107944138, 89092878927, 89063655228,
e-mail: dubikandrey@mail.ru, lbacova@mail.ru, nick_us87@mail.ru

Исторические и экономические динамичные темпы развития промышленного комплекса Нижегородской области достойны перспективного контекста в туризме. Промышленный туризм в регионе активно развивается волонтерским отрядом «ПромЭкскурсовод» Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева.

Ключевые слова: экономика, промышленность, производство, культура, история, туризм.

Нижегородская область является одной из наиболее исторически индустриальных регионов европейской части Российской Федерации. Промышленная мощь края развивается с XVIII в. и известна крупнейшими предприятиями в экономических отраслях: металлургия, металлообработка, химическая, автомобильная, военно-промышленная, целлюлозно-бумажная и др. Аспекты из истории и экономические показатели некоторых предприятий гигантов области представлены в табл. 1 [1].

Исторические и экономические динамичные темпы развития промышленного комплекса области достойны перспективного контекста в туризме для исследования объектов индустриального наследия жителями и гостями региона, познания создания продукции, выявления склонности у молодежи к будущей профессии.

Индустриальный туризм в России зародился в XVIII веке, когда школьников вывозили на мануфактуры и рудники с экскурсиями. В годы СССР молодёжь водили по заводам и фабрикам в целях профессиональной ориентации на рабочие места. Сегодня индустрия путешествий в стране активно развивается и является самостоятельным направлением культуры и экономики.

Посещение действующих производственных площадок является доступным продуктом на рынке городских туристических услуг наряду с посещением музеев, соборов, храм, выставок, театров, торговых центров и обзорных пешеходных экскурсий по улицам. Экскурсии по различным предприятиям – это познавающий отдых и драйв новых эмоций, создающие тренд развития «экономики впечатлений». Промышленный туризм раскрывает историю предприятия от его возникновения до наших дней и демонстрирует туристам уникальности изготовления изделий. Это настоящий экономический инструмент маркетинга территории, который формируют привлекательный исторический и современный имидж предприятия и региона.

Таблица 1

Крупные исторические промышленные предприятия Нижегородского региона

Промышленное предприятие	Исторические аспекты развития предприятия	Экономические аспекты предприятия
ОАО «Горьковский автомобильный завод» (ГАЗ) – автомобилестроительное предприятие	Основан в 1932 г. и в этом же году с его конвейера сошёл первый 1,5-тонный грузовик НАЗ-АА (с 1933 г. – ГАЗ-АА). Первые автомобили завода изготавливались по чертежам американской фирмы Ford. В годы Великой Отечественной войны (ВОВ) предприятие было целиком переориентировано на выпуск военной техники.	За годы ВОВ было выпущено: 176221 автомобилей, 12000 танков, 9000 самоходных установок, 24000 миномётов, 232000 автомобильных моторов, 30000 снарядов для ракетной установки «Катюша». Сегодня предприятие поставляет на общероссийский рынок более 55% грузовых автомобилей. Экспортирует продукцию в более чем 30 стран мира.
ОАО «Павловский автобусный завод» (ПАЗ) – производитель автобусов малого и среднего классов	С 1952 г. в г. Павлово-на-Оке Нижегородской области производятся автобусы. Первая модель ПАЗ-651 на шасси массового грузовика ГАЗ-51 была далека от идеала, но постепенно производство автобусов прогрессировало, и модели становились более комфортными и удобными	Ежегодный выпуск составляет более 10000 единиц. По официальной статистике предприятие поставляет на общероссийский рынок более 60% автобусов.
ПАО «Красное Сормово» – судостроительное предприятие	С 1849 г. завод имеет яркую, богатую событиями историю. В разное время на заводе производились паровозы, вагоны, паровые машины и дизели, железнодорожные мостовые сооружения, котлы, платформы и трамваи, пассажирские пароходы, буксиры, сухогрузные и нефтеналивные суда, технический флот.	В годы ВОВ выпущено более 13000 танков Т-34. Построено и сдано в эксплуатацию 300 боевых подводных кораблей, в том числе 26 атомных. За последние 3 года доля ПАО «Завод «Красное Сормово» в сегменте судов типа «река-море» дедвейтом до 13000 тонн поддерживается на уровне около 40%.
Нижегородский авиастроительный завод «Сокол» – филиал АО «Российская самолетостроительная корпорация «МиГ» – авиастроительная компания	История завода началась с выпуска авиационной техники, разработанной в опытно-конструкторских бюро Н.Н. Поликарпова (самолеты И-5, И-16) и С.А. Лавочкина (истребители Ла-5, Ла-7). С историей завода связано имя летчика – В.П. Чкалова, который был шеф-пилотом завода.	В годы ВОВ выпущено 19200 самолетов. За время деятельности предприятия разработано более 400 типов и модификаций самолетов и летательных аппаратов. Выручка завода 2018 г. составила 89,5 млрд рублей. Это исторический рекорд за весь постсоветский период для предприятия.
ОАО «Выксунский металлургический завод» (ВМЗ) – производит широкий спектр трубной продукции и цельнокатаные железнодорожные колеса	ВМЗ один из старейших центров российской металлургии, основан в 1757 г.	Крупнейший поставщик труб для магистральных газопроводов и обеспечивает более 50% поставок железнодорожных колес и 68% поставок автомобильных рессор в России.

Позиционирование промышленного потенциала Нижегородской области на безвозмездной основе осуществляет волонтерский отряд «ПромЭкскурсовод» (промышленный экскурсовод) Нижегородского государственного технического университета им. Р.А. Алексеева.

Деятельность отряда направлена на разработку и реализацию для широкой аудитории области (дошкольники, школьники, студенты, жители и гости города) экскурсионной программы «Промышленный Нижний», не имеющей аналогов в регионе, и осуществляется по следующим основным направлениям: тенденции развития промышленных предприятий с посещением производств и музеев предприятий города: ОАО «ГАЗ», ПАО «Завод Красное Сормово», ОАО «Нител», Нижегородский авиастроительный завод «Сокол», ОАО «Нижфарм», АО ПКО «Теплообменник», АО «Промис», ПАО «Завод Красное Сормово», ЗАО «Труд», МП «Нижегородэлектротранс», АО «ННПО имени М. В. Фрунзе», Трамвайное депо №1, МП «Нижегородское метро», ОАО «Нижегородский водоканал» и др.; учебные центры города: Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, ОАО Концерн ПВО «Алмаз-Антей»; промышленные автобусные экскурсии по Нижегородской области: *Н.Новгород-Ворсма-Павлово-Н.Новгород* с посещением музеев «Павловского автомобильного завода», ножевой студии Ворсменского мастера, предприятий ЗАО «Медполимер ЛТД» и ООО «Павловский автобусный завод»; *Н.Новгород-Бор-Н.Новгород* с посещением Борского краеведческого музея городского округа г. Бор, предприятий АО «Борский трубный завод», ПО «Автостекло» и ООО «Посуда»; *Н.Новгород-Семенов-Н.Новгород* с посещением предприятия ЗАО «Хохломская роспись»: производства, ассортиментного кабинета и музейно-туристического центра; Н.Новгород-Кстово-Н.Новгород с посещением производства «СИБУР-Кстово» и музея ОАО «Лукойл»; Н.Новгород-Богородск-Н.Новгород с посещением производства ООО «Караван-СК», ООО «Богородская обувная фабрика» и др.

Все это позволяет позиционировать Нижний как староосвоенный и экономически развитый промышленный регион России путем сохранения и популяризации культурно-исторического наследия страны, вовлекая массовую аудиторию в культурную и промышленную жизнь родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубик Е.А., Усов Н.В. Аспекты промышленного экскурсионного маршрута на юго-запад Нижегородской области // Новая российская экономика: инвестиции, кластеры, инновации и дорожные карты: сборник статей. – Уфа: Омега Сайнс, 2018. – С. 37-39.

THE NIZHNY NOVGOROD REGION INDUSTRIAL TOURISM IS THE TREND OF REGIONAL CULTURE AND ECONOMY DEVELOPMENT

E.A. Dubik, L.N. Basova, N.V. Usov

Historical and economic dynamic rates of the Nizhny Novgorod region industrial complex development are worthy of perspective context in tourism. Industrial tourism is actively developed in the region by the volunteer team «Promekskursovod» of the Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev.

Keywords: economy, industry, production, culture, history, tourism.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

П.Н. Киричёк

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Университет «Дубна», Институт системного анализа и управления, кафедра цифровой экономики и управления, доктор социологических наук, профессор

Россия, 141982, Московская обл., г. Дубна, ул. Университетская, д. 19

Тел.: 84962166064, e-mail: econom@uni-dubna.ru

В основе успешного развития экономики лежит эффект социокультурной детерминации. Для западного общества – это либерализм, для традиционного социума – коммунитаризм. Экономическая политика в сегодняшней России требует корректировки рыночного вектора почвенной культурой.

Ключевые слова: экономика, культура, общество, либерализм, коммунитаризм, традиционализм, справедливость, праксис.

Всё происходящее в России в последние тридцать лет её истории представляется глобальным уроком политического, экономического, культурного значения, но только не позитивного, а негативного свойства. Исторические ошибки в масштабе страны имеются не только в прошлом, но и в настоящем. Речь идёт о разрушительных для Русского мира последствиях преднамеренного отказа целой нации (по почину собственной элиты) от своей почвенной культуры – коммунитаризма (коллективизма) в пользу чужого аналога – либерализма (индивидуализма). Скорая замена традиционного образа жизни на заёмный извне обернулась близким к катастрофе откатом в основных сферах жизнедеятельности общества, которые определяют уровень социального самочувствия большинства населения страны.

Для рядовых гражданин размеры этого цивилизационного отката представляются особенно внушительными, о чём говорит всеведущая статистика: по свидетельству В.И. Толстых, «в результате явно разрушительной «политики реформ» бывшая сверхдержава скатилась в «третий мир» по валовому внутреннему продукту. А именно: занимает 65-е место по индексу человеческого развития, 30-е место – по уровню образования, 130-е место – по здравоохранению, 105-е – по качеству жизни, 75-е – по индексу социального развития, 35-е – по уровню экономического развития и одно из первых мест по высокой смертности. И намеревается, как официально было объявлено, в ближайшие десять-пятнадцать лет «догнать» Португалию» [1, с. 111-112].

Суть исторического урока заключается в социокультурном парадоксе: экономика по искусственным сигналам сверху стремится к модулю общества потребления, а культура (не в отраслевом, а в универсальном её значении) по естественным импульсам снизу оказывает сопротивление этому процессу. Всё дело в том, что от своей почвенной культуры никакой народ отказаться не может, ведь ему одним появлением на свет предопределено сыграть отведённую

во всемирной истории особую роль. Как профильному музыканту – свою партию в большом оркестре. Да, политику страны можно переделать на евроамериканский манер – наплодить конгрессменов, сенаторов, мэров, статс-секретарей, префектов. Экономику тоже можно переиначить – заводы на фирмы, отрасли на концерны, инженеров на менеджеров, колхозников на фермеров, займы на фьючерсы, рубли на доллары. Но с почвенной культурой подобные «революции» не проходят, так как они совершают посягательство на святая святых – менталитет (архетип) нации, обладающий первопричинностью всего, что происходит в её бытии и сознании.

Незавидная судьба многих стран, попавших под пресс Международного валютного фонда, Всемирного банка реконструкции и развития и Всемирной торговой организации, свидетельствует о том, что либеральный фундаментализм с его тотальным экономикоцентризмом неизменно терпит крах в традиционном обществе, но успевает за короткий период «подорвать» его ключевые сферы. В пределах традиционного общества, исторически сложившегося под знаком коммунитаризма, по мнению В.К. Егорова, «нельзя всё сводить к экономике; экономика определяет многое, но не всё; экономика активно участвует в создании облика, сущности государства, но не она одна; труд, конечно, первооснова жизни человека, но это не значит, что экономика есть единственная первооснова жизнедеятельности общества, государства и т.д.» [2, с. 529].

На самом деле сведение «всего» происходящего в обществе к экономике означает явное непонимание полифонического характера современного социального процесса. В постиндустриальном обществе любой социально-экономический прогресс на корневом уровне представляет собой осуществляемый культурный «рывок» вперёд, как происходит сейчас в Китае, и, наоборот, социально-экономический регресс – это совершаемый культурный откат, как происходит в нынешней России. В первом случае социум меняется в лучшую сторону, прежде всего, по уровню жизни: от массовой материальной и духовной бедности населения страны поднимается к среднему его достатку, а во втором случае, соответственно, в худшую сторону – от среднего достатка опускается к массовой бедности.

Оказалось, что универсальные, на первый взгляд, рыночные рецепты развития, приемлемые для экономики стран атлантической цивилизации, явились противопоказанными для российской экономики, потерявшей после их применения прежние стимулы, объёмы и темпы роста производства и реализации продукции. Но в тех странах, где пошли своим путём – стали реформировать собственную экономику, откорректировав рыночные механизмы принципами почвенной культуры (Китай, Вьетнам, Беларусь, Куба, Япония, Индия), – элите и массе удалось ответить на вызовы времени. В итоге, по росстатовским данным, приведённым И.С. Шишкиным, даже «в «провальном» 1990 году валовой внутренний продукт СССР (по долларовому номиналу) почти в два раза превышал ВВП Китая, а РСФСР – был примерно равен ему. Ныне ВВП Китая по тому же показателю более чем в 8 раз превышает ВВП Российской Федерации» [3].

В чистом виде рынок как эликсир для расцвета общества оказывается либеральным мифом, наполненным идеологемами позавчерашней свежести. Без социокультурных оснований он превращается в рабочий механизм в руках вненациональной элиты для крутой ломки привычного образа жизни целого народа, обречённого на дополнительные материальные трудности и душевные страдания. Это только в узком (отраслевом) понимании культуры как одной из трёх основных (наряду с экономикой и политикой) сфер жизнедеятельности социума, где большинство граждан (за исключением культуртрегеров) в свободное от работы время удовлетворяют свои духовные потребности, она не выходит за пределы надстройки общества.

Однако в широком (универсальном) понимании культуры как всеобщего определяющего феномена действительности её «силовые линии», в силу социально-природной их универсальности, пронизывают и базис общества, при этом они прямо или косвенно задают многие параметры не только модусу производственных отношений, но и характеру производительных сил. Эта тенденция является весьма характерной для постсоветской России, в которой, по утверждению А.С. Запесоцкого, «с 1991 года реализуется ультралиберальная парадигма, основанная на идеях Адама Смита. Человек понимается как существо экономическое. Формально провозглашается всесилие частного интереса и рынка. Из всех прав личности на первое место поставлено право на обогащение» [4, с. 510].

Эта парадигма никоим образом не встраивается в круг почвенной культуры Русского суперэтноса, она в принципе отвергается его менталитетом (архетипом), где доминируют иные социально-психологические установки и представления. Например, необходимость обеспечения равных для всех граждан социально-справедливых возможностей выгодной и привлекательной работы – в смысле собственности, обмена, распределения, прогрессивного налога на доход и получения адекватной вложенному труду доли ВВП на душу населения. Увы, этот культурно-экономический принцип российская власть полностью игнорирует, считая целесообразным абсолютный отказ от коммунитарной формулы «государство – собственник и работодатель» (кроме сфер торговли, обслуживания, частного хозяйства), адекватной для успешного развития реального сектора отечественной экономики.

Между тем, внедрённый в нашу экономику чужеродный либеральный праксис, с опорой на «волшебную» руку свободного рынка и «всесильный» фактор частной собственности, на деле обернулся фактической деиндустриализацией страны с исчезновением целых производственных отраслей, которые создавались трудом нескольких поколений граждан. В результате развала экономики появилась стойкая безработица, опустившая миллионы умелых и толковых специалистов народного хозяйства в унизительное для них состояние лишних в обществе людей, отныне не ведающих, куда приложить свои былые знания и навыки. По мысли Т.В. Воеводиной, «деиндустриализация развитых стран приводит к тому, что производству «белые» люди не нужны. Нужны или роботы для массовых операций, или непритязательные труженики из «третьего

мира». А углубление социального и имущественного неравенства, идущее повсюду, порождает слуг. Слуги всегда возникают там, где есть существенный перепад экономического уровня. Когда-то даже бедная барыня одевалась с помощью горничной, обед ей готовила кухарка, вёз её кучер и т.д. Теперь мы возвращаемся к такому положению на иной технической базе. Это, можно сказать, цифровые слуги: они не толкутся в передней, но – обслуживают. И их становится всё больше» [5].

Квинтэссенцией культуры в экономике издавна считалось качество её управления – здесь в пореформенное время с точностью до наоборот поменялась генеральная диспозиция: первичный (производственный) сектор, главный источник национального богатства, отодвинут на второй план, а вторичный (финансово-банковский) сектор передвинут на первый план, иными словами: телега поставлена впереди лошади. Страна подсела на сырьевую (газонефтяную) иглу, что привело к расточительной эксплуатации невосполнимых природных ресурсов: сейчас они включены в неэквивалентный обмен с заграницей на постоянно воспроизводимые предметы – одежду, обувь, продукты питания, лекарства, бытовую технику и др.

Из практики известно, что управленческие ошибки и недосмотры, тем более в экономике, – самые дорогостоящие по последствиям. В данном случае экономическое бескультурье обернулось социальным аналогом – кричащим по доходам расслоением населения на бедных и богатых (с децильным коэффициентом более двадцати раз – при допустимом пределе не более десяти раз). Единственное достижение «бескультурной» экономики, где в классической формуле производства и обмена деньги идут впереди товара, свелось к стремительному – необычному для заграницы – росту числа отечественных миллиардеров, предпочитающих жить с семьями за рубежом и не грузить себя заботами о нуждах своей страны и её народа.

В евразийском характере почвенной культуры Русского суперэтноса ведущее место занимает коммунитаризм, хотя здесь нужно отметить и его специфичность, или определённую его биментальность, которая включает в себя и европейское, и азиатское начала, образующие динамичный симбиоз. Тем не менее, общинность как принцип повседневной жизни и модус общественно-политического жизнеустройства с первоочередным решением возникающих проблем в пользу коллектива (большинства) формировалась в России длительное время под воздействием внутренних и внешних условий труда, быта, досуга, при которых выжить в одиночку человеку было невозможно. Отсюда берёт истоки особый российский био-социо-психогенез, если учесть невиданную в мире по масштабам территорию (от холодных льдов до горячих песков), невиданную в природе разность земель (от дремучих лесов до топких болот), невиданную в климате полярность летне-зимних температур (от плюс 50-ти до минус 50-ти)...

В качестве образа жизни коммунитаризм (общинность) культивирует в массовом сознании коренной принцип социальной справедливости, отражаемый во многих народных пословицах и поговорках, типа «в тесноте да не в

обиде» или «где говорят деньги, там спит справедливость». Монетарная же политика в экономике, которая толкает индивиды и группы на путь личного обогащения за счёт других людей, вступает в глубинный конфликт с этим принципом. Его антипод – социальная несправедливость – всегда была и будет самой неприемлемой для российского менталитета мегачертой общественного жизнеустройства, которая в разные эпохи находила различные формы социально-экономического выражения.

Казалось, в культурной ауре социализма социальная несправедливость начисто лишается своей базовой экономической основы – частнособственнической формы производства, обмена, распределения материальных и духовных благ в масштабах общества. Здесь на смену стихийно действующим законам спроса, предложения, стоимости приходят сознательно применяемые государством механизмы управления и регулирования сфер производства и распределения. Это даёт возможность предоставлять большинству граждан примерно равные условия существования, где самыми ценными и доступными оказываются фактически бесплатные образовательные, медицинские, культурные услуги. В конечно счёте, это позволяет избавить простых людей от риска оказаться за чертой бедности и от угрозы очутиться в люмпенах.

Тем не менее, в условиях застойного равенства со временем наступает кризис развития, вызванный шаблонно воспроизводимой и административно поддерживаемой социальной справедливостью, переходящей в «уравниловку». Последняя задевает интересы тех слоёв населения, которые по реальным доходам могут перейти от среднего достатка к более комфортной жизни, но не в силах перешагнуть установленный сверху предел. Эта (уже!) несправедливость в экономике достигает максимальной остроты при оплате малоквалифицированной ручной работы по более высоким расценкам, нежели высококвалифицированного интеллектуального труда. В итоге число недовольных властью граждан из среднеобеспеченного сословия непрерывно растёт, что приводит, в конце концов, к кардинальному изменению социалистического статус-кво на противоположный политико-экономический уклад, как это случилось со страной в ходе перестройки.

Иная социокультурная ситуация складывается при победившем в стране капитализме (индивидуализме): имманентная для него социальная несправедливость легально утверждается в общественной атмосфере как нечто само собой разумеющееся, а эксплуатируемых граждан с манипулируемым властью и прессой сознанием понуждают привыкать к тому, что несправедливость проявляется в чистом виде, с ужасающими контрастами, когда один человек с трудом находит деньги на лекарство от гриппа, а другой в то же время себе на потеху строит личную подводную лодку и покупает зарубежный футбольный клуб. «Показатель, по которому лидирует РФ, – приводит красноречивые цифры А.И. Фурсов, – доля самых состоятельных 5% населения в личном богатстве страны составляет 82,5%. Остальные 95%, значит, имеют 17,5% – и, как говорится, ни в чём себе не отказывают. Ещё убийственная цифра: 96 российских миллиардеров владеют

30% всех личных активов граждан. Средний мировой показатель – 2%, то есть российские миллиардеры в 15 раз круче, чем среднемировые. Согласно нашему Росстату, 22,7 млн. человек (15,7%) имеют доход ниже прожиточного минимума (который у нас, кстати, занижен), то есть являются нищими» [6].

От растущей в обществе социальной несправедливости исходит реальная опасность революционного взрыва. Эту истину после Октября-17 хорошо уяснили в Западной Европе и Северной Америке правящие и имущие элиты. И они пошли на кардинальные экономические уступки массе, придав капитализму рядом мер, взятых напрокат у социализма, «человеческое лицо». Наша же элита насаждает капитализм с иным лицом – олигархическим, без сантиментов, когда о жизни, здоровье, образовании, культуре народа наверху не думают и даже не желают налог на сверхприбыли платить больше 13 процентов, как это делают во всех цивилизованных странах. Где уж тут рассчитывать на справедливое перераспределение доходов хотя бы в пользу наиболее нуждающихся слоёв населения...

Экономика страны будет и дальше стагнировать и проседать, если правящие и имущие элиты не перестанут воевать с нашей почвенной культурой, пытаясь россиян «переформатировать» в американо-европейцев: «Конфликт с менталитетом – самое страшное, что может произойти в государственном управлении, – считают Н.А. Кричевский и О.В. Пухнавцев. – Менталитет существует независимо от того, совпадает он с потребностями власти или нет. Если ты идёшь против общественной системы ценностей, рано или поздно получишь мощнейшее противодействие» [7]. Пока в России не случилось нового революционного катаклизма, государству необходимо вернуться к основам коммунитаризма в политике, коллективистским началам в экономике и к социальной справедливости в повседневной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстых В.И. Российский выбор: В контексте реальной истории. – М.: РОССПЭН, 2009. – 173 с.

2. Егоров В.К. Философия русской культуры. – М.: Изд-во РАГС, 2006. – 552 с.

3. Шишкин И.С. Преднамеренное убийство. Кому и зачем понадобился крах СССР? // Завтра. – 2019. – № 19 (1326).

4. Запесоцкий А.С. Философия и социология культуры. – СПб.: СПБГУП, 2011. – 816 с.

5. Воеводина Т.В. Экономика [у]слуг. Надо не пиццу развозить, а дело делать // Завтра. – 2019. – № 27 (1334).

6. Фурсов А.И. Воля побеждать // Завтра. – 2018. – № 1(1257).

7. Кричевский Н.А., Пухнавцев О.В. Главное – менталитет... // Литературная газета. – 2018. – № 51 (6672).

SOCIO-CULTURAL DETERMINATION OF THE CONTEMPORARY ECONOMY

P.N. Kirichek

The basis for successful economic development is the effect of sociocultural determination. For Western society it is liberalism, for traditional society -communitarianism. Economic policy in the present-day Russia requires adjustment of the market vector by soil culture.

Keywords: economics, culture, society, liberalism, communitarianism, traditionalism, justice, praxis.

СПОРТ КАК КУЛЬТУРНАЯ ИНДУСТРИЯ: АМЕРИКАНСКАЯ, ЕВРОПЕЙСКАЯ И РОССИЙСКАЯ МОДЕЛИ

С.В. Михайлова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, естественно-географический факультет, кафедра физической культуры, кандидат биологических наук, доцент

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89030565915, e-mail: fatinia_m@mail.ru

Дана характеристика спорту как спортивной индустрии. Рассмотрены три модели развития спорта в мире: американская, европейская и российская. Сравнительный анализ трех моделей показывает глубокие отличия зарождающейся в России модели профессионального спорта от прогрессивной американской и немного меньшей степени – от европейской модели.

Ключевые слова: спорт, спортивная индустрия, модель взаимодействия спорта и государства, спортивный маркетинг.

Длительное время физическая культура и спорт (ФКиС) являлись сферой досуга. В современных условиях ФКиС выполняют как оздоровительные функции, так и роль инициатора развития коммерческой деятельности во многих отраслях экономики [1,2]. ФКиС стали фактором создания инновационных подходов для организации и проведения физкультурно-спортивных мероприятий, реконструкции и строительства спортсооружений.

В современных условиях индустрия спорта представляет собой как профессиональную деятельность спортсменов, тренеров, менеджеров, так и большую сеть предпринимательской деятельности, оказывающей значительное воздействие на экономический статус страны. Спортивная индустрия как бизнес обеспечивает занятость большого числа людей во многих отраслях ФКиС. Сюда можно отнести работу профессиональных клубов, спортивных агентств, СМИ, спонсорство, рекламу и т.д. [3].

На современном этапе развития спортивная индустрия представлена комплексом сложных экономических, политических и общественных интересов. Появилось много субъектов (спортклубы, лиги, федерации, агентства, спортшколы), осуществляющих успешное ведение спортивного бизнеса. Государство, участвуя в развитии спортивной индустрии, нацелено на популяризацию и укрепление авторитета спорта на мировой арене, создание благоприятной среды для массового оздоровления населения и пропаганду ЗОЖ [2].

В разных странах существуют различные модели развития спорта, обусловленные влиянием многочисленных факторов.

США: Подсчитано, что спортом в этой стране постоянно занимаются около 60% населения. США является лидером зимних и летних Олимпиад, создана развитая система школьного и студенческого спорта. При этом растет проблема ожирения, обусловленного неправильным питанием и низкой двига-

тельной активностью.

Канада: Отмечается массовое увлечение хоккеем, объединяющим и вовлекающим в спорт различные категории населения.

Швеция и Норвегия: Характеризуются массовостью и доступностью зимних видов спорта, в которых добиваются больших успехов. Нацелены на воспитание здорового населения.

Германия: Добилась успеха в таком коммерческом виде спорта, как футбол, благодаря разработанной программе отбора и воспитания футболистов.

Китай: Добился успеха на домашних Олимпийских играх в Пекине в 2008 году, который продолжает поддерживать на мировом уровне.

СССР: В стране существовала развитая система ФКиС, что отразилось победой в Великой Отечественной войне. Спорт в СССР был массовым и доступным [4].

Процесс коммерциализации спорта в России проходил с опорой на мировой опыт США и стран Европы и с учетом законов экономической эволюции, в ходе которой сформировались современные управленческие отношения.

В развитии спорта выделяют два основных подхода:

• коммерческо-константный (характерен для США, отличается стремлением к максимуму доходов, учитывая, что спортивная деятельность и ее результаты являются средством достижения прибыли);

• коммерческо-ротационный (характерен для Европы, где спортивное соперничество признается приоритетом для ведения бизнеса).

Для раскрытия темы работы является целесообразным рассмотрение моделей в регулировании ФКиС по степени участия государства: американскую, европейскую и российскую.

Особенностью американской модели, развивающейся в соответствии с законами внутреннего рынка, социальных ценностей, изменений, происходящих в стране, является то, что она оказывает существенное влияние на динамику и будущее европейского и российского спорта.

Успех спортивной индустрии в США обусловлен высоким спросом на зрелища. Когда вид спорта начинает приносить убытки, его существование как профессионального, прекращается. Зрелище является продуктом деятельности всех команд, входящих в лигу. Поэтому клубы, сражаясь на спортплощадке, являются жесткими соперниками, а в спортивном бизнесе – партнерами. Одна из основных задач лиги – уравновешивание сил соперников, т.к. зарождение суперклуба ведет к снижению посещаемости матчей других команд лиги. Были случаи, когда руководство лиги было вынуждено распустить сильную команду, т.к. она стала побеждать с очевидным преимуществом (например, хоккей, 1920 г.).

Основным способом доходов для спортклубов в США (также и в Европе) является продажа билетов на спортивное мероприятие. Стоить отметить, что это несвойственно для российской модели. Еще одним значимым источником прибыли являются средства, заработанные на продаже прав на телетрансляцию. При этом заключение договоров с телевидением и распределение полученных

доходов проводят лиги, а командам дается право заключать контракт лишь с региональными телестанциями. В России данный вид финансирования находится на стадии развития. Американскую модель спортивной индустрии также называют моделью невмешательства государства в спортивную индустрию. Спорт, пронизывая все уровни современной жизни американцев, формирует в обществе этические ценности, моду, стиль и спортивный стиль жизни.

Американская спортиндустрия характеризуется следующими особенностями:

• максимальной децентрализацией;

• отсутствием специального регулирующего органа;

• широкой автономией национальных спортивных организаций.

Спортивные американские организации, функционирующие на некоммерческой основе, являются монополистами при установлении правил и календаря проведения игр, определения количества команд в лиге, заключения контрактов с телекомпаниями и т.п. Для спортивной модели США характерны: небольшая доля участвующих спонсоров; высокая цена на права телетрансляций; наличие налоговых льгот; дифференцировка зарплаты спортсменов; низкая аренда спортивных сооружений; высокий взнос для вступления новичков в команду; распределение доходов от проданных билетов.

Базовыми принципами функционирования спортивной индустрии в США являются массовость и экономическая эффективность. В отличие от многих других стран американцы предпочитают свои национальные виды спорта (американский футбол, бейсбол) и стараются развивать прибыльные направления – баскетбол, хоккей, а также футбол, который показывает высокие телерейтинги и дает хорошие прибыли.

В США школьному и студенческому спорту уделяется большое внимание, т.к. будущие чемпионы американского спорта зарождаются именно в школах и университетах страны. Школьные и студенческие лиги США привлекают много болельщиков и спонсоров.

Успешному развитию спорта в США способствуют:

• привлечение большого количества болельщиков из-за наличия в командах «звезд», вызывающих у зрителей большой интерес к спорту;

• спортивные лиги высокого уровня поддерживают развитие школьных и студенческих лиг, где они подбирают себе новых успешных спортсменов;

• спонсорам выгодны школьные и студенческие лиги из-за большой посещаемости, позволяющей с помощью маркетинга продвигать свои товары;

• возможность одновременного получения образования и занятий любимым видом спорта [4,5].

Л.Фриберн, характеризуя европейскую модель спортивной индустрии, выделяет:

• пирамидальная структура организации системы спорта и спортивных соревнований;

• центральная роль спортивных федераций;

• система открытых спортивных соревнований организована на принципе продвижения спортивных команд и переводах их в более низкие категории;

• существенная автономность спортивного движения, имеющего возможность вести партнерские взаимоотношения с публичной властью;

• наличие в спорте структур, функционирующих на основе волонтерства;

• солидарность между составными элементами спорта в Европе [6].

В странах членах Евросоюза спорт характеризуется как система национальных спортфедераций, взаимодействующих как между собой, так и с международными спортфедерациями. Модель европейского спорта очень схожа с пирамидой с определенной иерархией, в которой между всеми ее уровнями существует взаимозависимость.

В основании пирамиды располагаются спортивные клубы, обеспечивающие подготовку новых спортсменов и возможность населения на местном уровне заниматься спортом. На втором уровне указанной пирамиды находятся региональные спортфедерации, членство в которых имеют спортивные клубы. Деятельность таких спортфедераций ограничивается территорией региона. Региональные спортфедерации являются членами общенациональных спортивных федераций, которые регулируют все основные вопросы, связанные с определенным видом спорта. При этом имеют представительства в европейских и международных спортфедерациях [7].

В европейских странах для местных властей является обязательным осуществление софинансирования спортивных объектов. Конкуренция между спортивными командами на приобретение сильных спортсменов ведет к зарождению нескольких (2-3) суперклубов, которые привлекают местные структуры власти и спонсоров к финансированию спорта (спортклубы в Европе от спонсорской поддержки имеют около 50% доходов).

Среди стран евросоюза можно выделить некоторые региональные особенности. В Австрии, Бельгии, Германии, Дании, Швейцарии и Финляндии принцип автономия спорта при наличии большей свободы спортивных организаций в формировании структуры спортивного движения является одним из главных. Отношения между субъектами регулируются нормами международных спортфедераций и обычаями каждого вида спорта.

В Испании, Италии, Люксембурге, Португалии и Франции спорт имеет культурное и национальное значение, поэтому в политике государства и местных органов управления рассматривается как приоритет [7].

На современном этапе развития мирового спорта появляются новые модели, к которым можно отнести формирующуюся российскую.

Регулирование спортивой индустрии в РФ осуществляется Минспорттуризма и включает следующее: спорт высших достижений, подготовку национальной сборной, массовый спорт, строительство объектов инфраструктуры, софинансирование региональных программ, адресует федеральный бюджет Олимпийскому комитету РФ и федерациям видов спорта. В свою очередь, отвечая за спорт высших достижений и подготовку национальной сборной,

Олимпийский комитет РФ и федерации видов спорта направляют федеральный бюджет и спонсорские средства в профильные структуры региональных и местных органов власти, имеющие в своем распоряжении региональные и местные бюджеты, а также спонсорские инвестиции [2].

Чрезмерная зависимость от государства, от многочисленных параллельных органов управления и финансирования являются основным фактором, препятствующим эффективному развитию российской индустрии спорта.

Высокая централизация управления спортом в РФ мешает появлению стимулов для поиска альтернативных источников финансирования. При этом и общество и спортивные организации заинтересованы в развитии ФКиС, которые, как всем известно, расширяют кругозор человека, развивают интеллектуальные и физические возможности подрастающего поколения, рабочих и служащих, что способствует повышению производительности труда.

Несмотря на многие факты улучшения партнерских отношений между спортом и телевидением, современная ситуация остается достаточно сложной.

В настоящее время в России насчитывается небольшое количество телеканалов, ведущих спортивные трансляции, что приводит к неравномерной популяризации различных видов спорта и впечатлению, будто в российской спортивной индустрии функционируют всего 8-9 видов спорта.

Для повышения имиджа профессионального спорта среди населения страны, популяризации спортивных зрелищ, нужно учитывать результаты выступлений сборных России и отдельных клубов на международной арене. Обязательным является реконструкция и строительство спортивных сооружений с высококачественными спортивными залами и стадионами, оформлением рекламных щитов по европейским стандартам и условиями позволяющими для телетрансляций применять дорогостоящую технику.

Один из существенных потенциалов спорта, заключающийся в эмоциональной близости к болельщикам, может при последовательном и профессиональном применении инструментов спортивного маркетинга эффективно использоваться для повышения прибыли и для более объемной реализации возможностей в плане воздействия на спортивных болельщиков и зрителей. Спонсоры, поддерживающие определенный вид спорта, болельщиками и зрителями воспринимаются в качестве символа успеха любимой команды или спортсмена, что способствует благожелательному к нему отношению.

В американской и европейской моделях спорт и спортивный маркетинг идут сообща уже более 30 лет, а в России спортивный маркетинг как новая практическая дисциплина и прикладное знание только зародилось и начинает развиваться. Распространение спортивного маркетинга в стране напрямую влияет на развитие всего спорта, т.к. спонсорские средства идут на финансирование юношеских спортшкол, подготовку будущих чемпионов, закупку нового спортинвентаря, строительство спортсооружений, проведение соревнований. Все указанные мероприятия ведут к повышению интереса к спорту и способствуют укреплению здоровья трудового потенциала страны. При этом важно от-

метить, что крупнейшие западные компании (Coca-cola, Pepsi, Visa, Nivea, Samsung, Kia, Volkswagen) в своей маркетинговой активности обращают внимание на российский спорт как на одну из наиболее прибыльных инвестиционных сфер. Появились компании, далекие от спорта, но стремящиеся показать свою направленность на ЗОЖ и пропагандируемые спортом общечеловеческие ценности [2,5,8].

Таким образом, успешное развитие индустрии спорта трудно осуществимо без согласованности интересов государства, бизнеса и спорта. Государственно-партнерский принцип реализации данного направления способствует более эффективному использованию возможностей государственной власти, экономики и спортивной сферы, поддерживая образование смешанных финансовых вложений в развитие спортивной индустрии, не ущемляя при этом взаимных интересов. Сравнительный анализ трех моделей показывает глубокие отличия зарождающейся в России модели профессионального спорта от прогрессивной американской и немного меньшей степени – от европейской модели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года // Распоряжение Правительства РФ от 07.08.2009. – №1101-р. – С. 1-16.

2. Солнцев И.В. Роль индустрии спорта в развитии современной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6(24). – С.155-167.

3. Бобровский Е.А. Инвестиции в спорт: экономический и социальный аспект // Иннов. – 2017. – № 3(32). – С. 6-16.

4. Ваторопин А.С., Аристов Л.С. Массовый и «большой» спорт: модели взаимодействия и развития // Дискуссия. – 2015. – № 10 (62). – С. 95-102.

5. Кохановский Е.В. Спорт как культурная индустрия в России // Вестник ОГУ. – 2012. – № 7 (143). – С. 141-147.

6. Freeburn L. European Football's Home-Grown Players Rules and Nationality Discrimination Under the European Community Treaty // Marquette Sports Law Review. – 2009. – Vol. 20. Issue 1. – P. 177-221.

7. Понкин И.В., Соловьев А.А., Гребнев Р.Д. К вопросу о содержании европейской модели спорта // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 259-264.

8. Починкин А.В. Становление и развитие профессионального коммерческого спорта в России. – М.: Советский спорт, 2006. – 184 с.

SPORT AS A CULTURAL INDUSTRY: AMERICAN, EUROPEAN AND RUSSIAN MODELS

S.V. Mikhailova

The article describes the sport as a sports industry. Three models of the development of sports in the world are considered: American, European and Russian. A comparative analysis of the three models shows the profound differences between the emerging model of professional sports in Russia from the progressive American and, to a lesser extent, from the European model.

Keywords: sport, sports industry, model of interaction between sports and the state, sports marketing.

«ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА» В ДИАЛОГЕ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ: РОЛЬ СУБЪЕКТА КОММУНИКАЦИИ

О.Р. Чепьюк

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт экономики и предпринимательства, кафедра финансов и кредита, кандидат экономических наук, доцент

Россия, 603140, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23

Тел.: 89519017182, e-mail: chepyuk@gmail.com

Представлены результаты исследования влияния статуса экономического субъекта на социокультурные процессы. На примере становления развития современной креативной экономики, «экономики эмоций», выявлена и определена связь между нарастанием процессов бессубъектности и кризисными явлениями в социокультурной сфере. Результаты представляют интерес для дальнейших исследований взаимосвязи экономики и культуры, а также – развития методологии изучения статуса экономического субъекта.

Ключевые слова: экономический субъект, кризис, экономика эмоций, креативная экономика.

На современном этапе общественного воспроизводства культурное пространство русского мира, будучи неотъемлемой частью сферы социальных отношений, испытывает воздействие экономизации, монетизации, креативизации, цифровизации и других смежных процессов, сопутствующих распространению глобального мышления и глобальной коммуникации. Становление таких новых отраслей хозяйствования как креативная экономика, непосредственно вызваны коммуникативными процессами монетизации культурной сферы и обратных процессов влияния экономики на культуру: привнесения в эту сферу конкуренции и связанных с ней различных технологий. В этих условиях методологический и научный интерес имеет исследование субъекта диалога: он возникает в статусах потребителя, автора, ценителя, продюсера, инженера, предпринимателя, собственника прав на творческий продукт, всякий раз делая рациональный (и ирррациональный) выбор и становясь центральным действующим лицом в конкурентной «борьбе культур» за его собственное внимание.

С одной стороны, экономистами и социологами зафиксирован количественный и качественный (в терминах диверсификации) рост производства продукции и услуг из сферы креативных индустрий [1, с. 38]. Эти процессы связаны не только с экстенсивным развитием туристической сферы, или сферы «выходного дня», но и сменой структуры потребительской корзины. В то время, как на балансе современных корпораций всё большую часть в стоимости активов занимают результаты нематериальной (интеллектуальной) деятельности (учтённые в форме товарных знаков, деловой репутации, права на результаты научной деятельности), современные потребительские предпочтения склоняются в сторону впечатлений, эмоций, ярких моментальных переживаний от обладания или процесса оказания услуги. Таким образом, можно утверждать, что одновременно с развитием креативных индустрий экономика потребления

трансформируется в «экономику эмоций» [2, с. 70]. С другой стороны, всё более заметным становится влияние экономики на культуру, в результате воздействия которой тиражируются и распространяется не столько «жизнь в тех формах, которые стоят того, чтобы жить», сколько продукты и услуги для жизни. Эти процессы сопровождаются упрощением культурных форм, вычленением тиражируемых составляющих (а значит – расчленением целого). Такие процессы «упаковки» культуры неизбежно приводят к потери её исторического смыслообразующего ядра, к отрыву от контекста и, как следствие, насыщению рынка культурными симулякрами.

Согласно одному из определений «креативная экономика», – это «целостная концепция взаимодействия между культурой, экономикой и технологиями в современном глобализированном мире, в котором преобладают символы, тексты, звуки и изображения» [3, p. 8]. На современном этапе предлагается выделить несколько областей взаимного проникновения культуры и экономики, в которых по-разному проявляют себя «трудности перевода» этих двух взаимно связанных социальных сфер хозяйственной деятельности.

Во-первых, пространство культуры можно рассматривать как источник ресурсов для экономического роста. Этот процесс коммуникации между культурой и экономикой сопровождается экономической рационализацией культурной сферы. Нарастание объёмов выпуска продукции креативных индустрий можно рассматривать как оптимистичный показатель того, что диалог между культурой и экономикой случился и развивается. Можно отметить позитивные (с социальной и экономической точки зрения) процессы: увеличение количества занятых в сфере креативных индустрий (в том числе, в связи с увеличением частного интереса). В индустриях культуры и искусства формируется спрос на новые технологии, происходит рост возможностей для инвестиций на фоне глобального замедления традиционных сфер хозяйствования. Однако, с другой стороны, следует согласиться, что сложившийся информационный обмен между культурой и экономикой обеспечивается принципами коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас), при котором целью коммуникации становится экономическая выгода коммуникантов. Таким образом, мост между культурой и экономикой неизбежно возводится на принципах технологизации. Он связан с проникновением в культуру различных технологий (например, маркетинг территорий, маркетинг в сфере искусства), активной цифровизации, которая обеспечивает лёгкое тиражирование (а значит, экономическую выгоду на масштабах) культурных продуктов. Одновременно следует помнить, что «коммуникация – это, прежде всего, информационное взаимодействие, построенное на определённых технологически обеспеченных основаниях, и принципы этого взаимодействия играют порой даже более значимую роль, чем его результаты» [4, с. 107]. Приобщение к культуре через потребление культурной продукции развивает в обществе потребность ярких (эмоциональных) впечатлений, которые могут не вызывать никаких изменений в самом потребителе (воспитательных, интеллектуальных, образовательных). Таким образом, расширение сфер

продажи культурной продукции не следует считать прямым фактором, влияющим на рост самой культуры. Посещение балета, приобщение к классической музыке становятся только одним из вариантов решения проблемы выходного дня для современного человека.

Во-вторых, культурное наследие, даже переведённое на язык «культурного продукта», формирует пространство разнообразия для самовыражения человека. «Жонглируя» культурными формами и продуктами, субъект диалога имеет возможность стать проводником собственных смыслов, проявляя то, что получило наименование «креативное мышление» и «дизайн-мышление». Глобальное культурное наследство для человечества можно рассматривать как источник вдохновения и стимул для творчества, которое само по себе является одной из высших форм хозяйственной деятельности. Здесь же следует отметить усиление транзитивных свойств культуры: она проникает в смежные социальные сферы, например, спорт как культуру здорового образа жизни, образовательные культурные мероприятия как альтернативу развлечениям на рынке event-индустрий.

В-третьих, взаимное влияние культур, которое наблюдается сегодня на глобальном уровне, приводит к формированию единого метафоричного языка, облегчающего диалог культур. Последнее становится необходимым и важным для обсуждения угроз и рисков, затрагивающих всё человечество. Так, глобальные проблемы роста численности населения земли (в том числе проблемы экологической безопасности), озвученные в докладе Римского клуба 2017 года [5], не получили бы столь широкой известности, если бы не были «переведены» на метафоричный язык киноиндустрии. Фильм «Мстители: война бесконечности» (производство США, 2018 г., реж. Энтони Руссо, Джо Руссо) не только установил мировой кассовый рекорд, но и породил волну обсуждений экологических проблем («щелчок Таноса») в глобальных медиа.

В условиях информационной насыщенности, перегруженности, «быть услышанным» – это ли не цель коммуникации. Стремительное развитие отрасли креативных индустрий доказывает, что диалог культур (в том числе русского и глобального мира) достигается, будучи переведённым на язык рациональной экономической коммуникации. Одновременно появляются многочисленные «трудности перевода», связанные с рационализацией культурной сферы (которая выражается в появлении культурного продукта, а не продукта культуры), а также – иррационализаций экономической сферы общения (становление «экономики эмоций»). В этих условиях едва ли не центральным вопросом становится вопрос о статусе экономического субъекта, о действующем лице в пространстве культуры. Его внимание и осознанность в процессах коммуникации качественным образом влияют на метафоризацию и мифологизацию пространства культуры и экономики и, как следствие, делают этот диалог обоюдным, а не односторонним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелова О.Ю. Подольская Т.О. Чепьюк О.Р. Цифровая креативная индустрия: на пути к экономике «эмоций» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2019. – № 2. – С. 38-43.

2. Чепьюк, О.Р. Кравченко, В.С. Демина, М.Г. От креативной экономики к эстетическому капитализму: к вопросу о роли эмоций в экономической коммуникации // Философия хозяйства. – 2018. – №4. – С. 70-82.

3. Creative Economy Report 2008: The challenge of assessing the creative economy towards informed policy-making. – 2008. – 333 p.

4. Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018.

5. Von Weizsäcker E. U., Wijkman A. Come on!: capitalism, short-termism, population and the destruction of the planet. – Springer, 2017.

«DIFFICULTIES OF TRANSLATION» IN THE DIALOGUE OF ECONOMICS AND CULTURE: THE ROLE OF THE SUBJECT OF COMMUNICATION

O.R. Chepyuk

The publication presents the results of a study of the impact of the status of an economic entity on sociocultural processes. On the example of the formation of the development of a modern creative economy, the «economy of emotions», a relationship between the growth of processes of subjectlessness and crisis phenomena in the sociocultural sphere is revealed and determined. The results are of interest for further studies of the relationship between economics and culture, as well as the development of a methodology for studying the status of an economic entity.

Keywords: economic subject, crisis, economy of emotions, creative economy.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00152.

РАЗДЕЛ 6.
ФИЛОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ НОВОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

==========

ТЕМА ЯЗЫКА НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИКЕ И ПРОБЛЕМА ЕГО ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА

Ю.К. Волков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, факультет экономики и права, кафедра права, философии и социальных дисциплин,
доктор философских наук, профессор
Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
Тел.: 89202979078, e-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

Представлен обзор основных российских журналов, в которых имеются публикации по теме языка науки. Сделан вывод о том, что современное понимание природы языка науки не ограничивается уровнем его речевых дискурсов, но также предполагает исследование сферы экстралингвистических отношений на основе семиотических и культурно-исторических моделей языка.

Ключевые слова: язык науки, журнальная периодика, речевой дискурс, экстралингвистическая сфера языковых отношений, семиотика, семиозис.

Как показывает знакомство с содержанием российских лингвистических журналов, в их тематических разделах достаточно часто можно встретить публикации, посвященные проблематике языка науки [9, 12, 18].

Вместе с тем обращение к такому сложному и комплексному явлению, как язык науки, требует выбора модели, в которой были бы не только учтены собственно языковые характеристики моделируемого феномена, но также определен его общий культурно-лингвистический статус. Именно такая исследовательскамя стратегия позволяет видеть конкретное и частное через общее, а, значит, ответить на вопрос о том, каким должен быть идеальный язык науки [15, с. 3].

Тем не менее, в принятом для изучения языка науки текстологическом варианте указанный феномен обычно предстает в качестве одного из основных стилей современного литературного языка, не выходящего за пределы речеведческих аспектов языковой теории [1, с. 25]. Исходя из указанной исследовательской специфики, современный научный язык рассматривается как языковой феномен, который испытывает сильное влияние канцелярско-бюрократического стиля речи [13, с. 11-12].

Принципиально иные лингвистические характеристики обнаруживаются

в более ранних научных исследованиях, посвященных теме формирования национального языка науки [10, 17, 5], а также в некоторых учебных изданиях, где научный язык рассматривается в своем диахроническом, культурно-историческом аспекте [14, с. 72].

На таком разнонаправленном методологическом фоне интерес к изучению различных аспектов существования языка науки, казалось бы, должны проявлять науковедческие издания. В журналах этой направленности язык науки может быть одновременно представлен как исторически изменяющийся способ научного познания, стиль научного общения, а также результат научной деятельности, непосредственно или опосредованно подчиняющийся законам формирования и развития науки.

Однако, как показывает знакомство с содержанием таких выходящих в России науковедческих журналов, как «Вестник Евразийской науки», «Наука в России», «Наука, инновации, образование», в них наблюдается явный дефицит подобных публикаций. Отмеченное обстоятельство, на наш взгляд, можно объяснить не столько формальными ограничениями тематических разделов науковедческих журналов, сколько отсутствием неформального интереса российского науковедения к данной тематике.

В то же время многочисленные статьи философско-научной и науковедческой направленности можно обнаружить в разделе «Философские науки» электронного журнала «Современные научные исследования и инновации», открытого для широкого круга авторов интересующихся современными научными идеями.

Указанная тематическая направленность выгодно отличает публикации такого рода от конкретно текстуальных и во многом прикладных работ, публикуемых в немногочисленных отечественных журналах по семиотике. Например, в публикациях, представленных в семиотическом журнале РУДН, где в качестве эмпирической основы семантического анализа используются тексты, взятые из СМИ, литературно-художественных произведений и выступлений политиков [6, 20, 4].

Следовательно, в отличие от традиционного и предметно ограниченного анализа речевого дискурса языка науки, современное понимание его природы предполагает выход за границы чисто языковых форм данного феномена в сферу экстралингвистических отношений. Лишь такая расширительная метаязыковая модель языка науки будет представлять собой нормативный семиотический инструмент средства познания и профессионального общения, обладающего субординацией внутрисистемных уровней: исторически конкретный национальный язык науки, интернациональный язык конкретной науки или корпуса однотипных наук, идеальный, универсальный язык науки и т.д. [7, с. 1197].

Таким образом, именно возможности расширительного, разноуровневого подхода, апробированного в семиотике, позволяют расширить тему языка науки до уровня проблематики научного познания, а также добавить сюда круг проблем, связанных с феноменом мышления. В таком публикационном ключе

подобран материал, публикуемый в постоянном тематическом разделе «Язык и сознание» журнала «Эпистемология и философия науки» [8, 19, 2, 16, 11].

Кроме того, семиотический проект моделирования основных разновидностей языка способен продемонстрировать круг наиболее актуальных культурно-исторических и национально-исторических аспектов процесса семиозиса устойчивых языковых систем, к числу которых принадлежит язык науки и само понятие науки [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баженова Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте // Вестник Пермского университета. – 2009. – Вып. 5. – С. 24-32.

2. Барышников П.Н. Когнитивная лингвистика и философия сознания: объяснительный разрыв в онтологии языкового знака // Эпистемология и философия науки. Epistemology & Philosophy of Science. – 2016. – Т. 50. – № 4. – С. 119-134.

3. Буторина Н.В. Семантическая характеристика слова «наука» в диахронии и синхронии (на материале европейских языков) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2012. – Вып. 2. – С. 122-126.

4. Ганиева И.Я. Особенности употребления реальных и вымышленных топонимов в азербайджанских и английских художественных текстах // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 643-653.

5. Герд А.С. Формирование терминологической структуры русского биологического текста. – Л.: Изд- во ЛГУ, 1981. – 112 с.

6. Гриценко А.Н., Морослин П.В. Метафорические номинации агентов спортивного события в русских спортивных медиа // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 4. – С. 135-140.

7. Гусев С.С. Язык науки // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+; РОИ Реабилитация, 2009. – С. 1197-1198.

8. Зуев В.В. Проблема референции как проблема эмпирической классификации в классической науке // Эпистемология и философия науки. Epistemology & Philosophy of Science. – 2014. – Т. 40. – № 2. – С. 96-109.

9. Козлова О.Н., Глинская Н.П. Проблема вариативности научных терминов в переводческом аспекте // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 4. – С. 81-90.

10. Кутина Л.Л. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии). – М.; Ленинград: Наука, 1964. – 219 с.

11. Ладов В.А. Решение логических парадоксов в семантически замкнутом языке // Эпистемология и философия науки. Epistemology & Philosophy of Science. – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 104-119.

12. Леонтьева А.В. Метафора в научном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – Вып. 3. – С. 128-133.

13. Матвеева Н.В. О науке языком науки, или как не надо писать научные статьи (открытое письмо авторам журнала «Растительности России») // Растительность России. – 2017. – № 28. – С. 3-12.

14. Основы научной речи: учеб. пособие для студентов нефилологических вузов / под ред. В.В. Химика, Л.Б. Волковой. – СПб.: Филологич. фак-т СПбГУ; М.: Издат. центр Академия, 2003. – 272 с.

15. Савушкина Е.О. Несколько слов о языке науки // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2007. – Т. 6. – С. 3-4.

16. Смирнов М.А. Проблема онтологических обязательств в семантике событий //

Эпистемология и философия науки. Epistemology & Philosophy of Science. – 2016. – Т. 50. – № 4. – С. 135-150.

17. Тарко Г.Н. К вопросу о формировании русской научной терминологии в XVIII в. (Лексико-словообразовательный анализ ботанических терминов-прилагательных): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 444 с.

18. Тлехатук С.Р. Научный и экономический дискурсы как основа предметной области // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 96-98.

19. Черняк А.З. Семантика собственных имен как философская проблема // Эпистемология и философия науки. Epistemology & Philosophy of Science. – 2016. – Т. 49. – № 3. – С. 70-87.

20. Чигашева М.А. Терминологический аспект политического дискурса СМИ Германии // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 358-366.

THE THEME OF THE LANGUAGE OF SCIENCE IN MODERN RUSSIAN PERIODICALS AND THE PROBLEM OF HIS EXTRALINGUISTIC STATUS

Yu.K. Volkov

The review of the main Russian journals which have publications on the topic of the language of science is presented. It is concluded that the modern understanding of the nature of the language of science is not limited to the level of its speech discourses, but also involves the study of the sphere of extralinguistic relations on the basis of semiotic and cultural-historical models of language.

Keywords: language of science, journal periodicals, speech discourse, extralinguistic sphere of language relations, semiotics, semiosis.

ПРОБЛЕМЫ ВАРИАНТНОСТИ И НОРМЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

К.Ю. Давлетшина

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, кафедра иностранных и русского языков, кандидат педагогических наук, преподаватель

Россия, 625001, г. Тюмень, ул. Льва Толстого, д. 1

Тел.: 89829726728, e-mail: milana_kris_1991@mail.ru

Рассмотрены основные проблемы вариантности и нормы в преподавании русского языка как иностранного. Описана новая система обучения русскому языку, которая будет выстроена на функционально-семантическом аспекте обучения грамматики. В связи с этим предложена система упражнений обучения лексическим нормам современного русского языка.

Ключевые слова: вариантность, норма, функционально-семантический аспект, лексико-грамматические упражнения.

Вопросы о языковых нормах и вариантности имён существительных актуальны и вызывают дискуссии в научных кругах ученых, занимающихся проблемами преподавания русского языка как иностранного. Данные вопросы и по сей день являются недостаточно проработанными и осмысленными.

Варианты склонения имён существительных в единственном и множественном числе охватывают большой массив слов, тем самым представляя собой проблему в изучении языка и, следовательно, нуждаются в систематическом и тщательном анализе. Неразработанность данной проблемы в методическом аспекте и практическая необходимость такой разработки в иностранной аудитории комплексно обуславливают актуальность темы вопроса.

Все это становится причиной возникновения потребности в новой системе обучения русскому языку, которая будет выстроена на функционально-семантическом аспекте обучения грамматики, с учётом системного анализа языковых единиц, многогранного описания отдельных фрагментов данной системы с позиции выбранного направления, с опорой на поставленные цели и задачи по обучению русскому языку иностранных обучающихся.

С помощью функционально-семантического подхода язык анализируется как система, которая представляет собой сложный механизм. Это теоретически доказали И.А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. де Соссюр. На сегодняшний день системный характер языка признан как российскими, так и зарубежными учёными-лингвистами [4].

Обратимся к научной работе А.Ю. Устинова и В.С. Дудкиной, которая показывает, что функционально-семантический подход «связан преимущественно с направлением изучения языка от значения к форме и функции. Такой системно-интегрирующий взгляд на язык формирует иную модель языковой системы. Она опирается на традиционную уровневую структуру языка, но идёт от значения к способам его выражения и далее – к их функции в речи» [5].

Описанию вариантных форм склонения имён существительных и их гра-

мотному использованию в речи способствует эффективный комплекс упражнений, основу которого составляет функционально-семантический аспект используемый для подачи сложного к восприятию материала [2].

Вариантные формы подвергаются тщательному рассмотрению и анализу за счет иерархической структуры обучения, уровни которой имеют тесные взаимосвязи. Разделяя точку зрения Ю.В. Копрова, к таким уровням относим лексический уровень, грамматический и стилистический уровни, которые представляют собой модель, позволяющую обучаемому сделать выбор между вариантными формами склонения имён существительных единственного и множественного числа [2].

Однако практика показывает, что применение общей схемы не во всех случаях позволяет получить реально существующую грамматическую словоформу. Это объясняется разнообразными морфологическими процессами, которые сопровождают словоизменение и формообразование [1].

Нельзя не согласиться с высказыванием В.Г. Костомарова в работе «Требования к грамматическим упражнениям», в котором говорится, что для активизации процесса обучения языку нужно сделать так, чтобы этот процесс был привлекательным для тех, кого интересует функция, а не структура, кто готов изучать структуру ради функции, но никак не хочет изучать структуру ради структуры. С этой точки зрения и следует подходить к оценке так называемых грамматических упражнений. Даже самое маленькое грамматическое упражнение надо строить так, чтобы учащиеся могли немедленно почувствовать пользу от затраченных усилий, причем не в познании языковой теорий [3].

Однако составляя грамматические упражнения, надо стараться, чтобы они имитировали по возможности реальные акты речи, с которыми могут сталкиваться обучающиеся в жизни. Так выявляются определенные ситуации и неизбежные для них речевые образцы, которые развивают грамматические навыки и знания и которые приносят студенту пользу, так как дают ключ к использованию языка в его жизни.

Рассмотрим грамматические упражнения для обучения русскому языку вариантам склонения имён существительных единственного и множественного числа на продвинутом этапе.

Задание 1.

Употребите слова в форме именительного падежа множественного числа.

Век, дом, мастер, погреб, повар, лес, год, город, доктор, кратер, егерь, лекарь, мастер, цвет.

В каких ситуациях Вы могли бы использовать полученные формы слов? Разделитесь на пары и составьте диалоги.

Задание 2.

Дайте комментарий вариантным различиям в значениях слов.

Мехи баяна звонкого не давали мне уснуть. *Меха* транслировались по телевидению с частой повторяемостью.

Как вы думаете, где Вы могли бы услышать данные слова?

Задание 3.
Употребите вариантное окончание, которое, по вашему мнению, наилучшим образом соответствует стилю контекста.

1. Идут белые снег..., как по нитке скользя... Жить и жить бы на свете, Да, наверно, нельзя. Чьи- то души, бесследно Растворяясь вдали, Словно белые снег..., Идут к небо с земли (Е. Евтушенко). 2. Куда не знаю, Ветр... несут меня (В. Боков). 3. Год... унылой чередой от нас невидимо сокрылись (М.Ю. Лермонтов).

Практика представления падежных вариантов склонения имени существительного с учётом задач обучения, которые включают наряду с достижением высокого уровня владения языком также воспитание профессионального отношения к русскому языку как объекту будущей деятельности студента, выработку сознательно-аналитического подхода к материалу, развитие исследовательских и педагогических навыков, имеет свои особенности.

Разработанная система обучения вариантам склонения имен существительных единственного и множественного числа с учетом особенностей их функционирования в русской речи обеспечивает заинтересованность и осмысленность усвоения данного материала, развивает коммуникативную составляющую занятий по русскому языку, повышает уровень и качество владения языком, дает возможность иностранным обучающимся наглядно убедиться в богатстве и выразительности значений, заложенных в каждой вариантной форме имени существительного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волохина Г.А., Попова З.Д. Морфологическая парадигматика русского языка: справочное пособие для студентов-иностранцев. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. – 226 с.

2. Копров В.Ю. Вариантные формы в русском языке: учебное пособие для занятий с иностранными учащимися. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – 120 с.

3. Костомаров В.Г. Требования к грамматическим упражнениям // Материалы V Международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма. – М.: Изд-во Московский университет, 1965. – С. 199-210.

4. Крылова М.Н. Функционально-семантический анализ как основа системного исследования языковых единиц. Функционально-семантическая категория сравнения // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 9.

5. Устинов А.Ю., Дудкина В.С. Принципы изучения средств формирования модальных значений в школьном курсе русского языка // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2013. – № 3 (7). – С. 161-168.

THE PROBLEMS OF VARIATION AND STANDARDS IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN

K.Y. Davletshina

The main problems of variation and standards in the teaching of Russian as a foreign language are regarded in this article. A new system of the Russian language teaching, which will be built on the functional-semantic aspect of teaching grammar is described. Consequently, a system of exercises for teaching the lexical norms of the modern Russian language is proposed.

Keywords: variance, standard, functional-semantic aspect, lexical and grammatical exercises.

ОПЫТ ДИАГНОСТИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО МИРА В ПРОЗЕ А. УГЛИЦКИХ

Н.Н. Закирова

Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко, факультет социальных коммуникаций и филологии, кафедра русского языка и литературы, кандидат филологических наук, доцент

Россия, 427621, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Первомайская, д. 25

Тел.: 89090627840, e-mail: natnik50@rambler.ru

А. Углицких – современный русский писатель, поэт, литературный критик и редактор Интернет-журнала. В прозе А. Углицких ставятся и решаются актуальные социальные, психологические и культурологические проблемы менталитета россиян.

Ключевые слова: русская литература XXI века, поэзия, проза, А. Углицких, русский мир.

А. Углицких – выпускник литинститута, автор целого ряда поэтических сборников, первый из которых «Врачебная тайна». А потом появились «Осенняя облепиха. Вторая книга стихотворений», три сборника стихотворений для дошколят. Цикл литературоведческих статей и литературно-критических обзоров и эссе, собранных в новой книге «От аза до ижицы...» [2] определённо содержит основной нерв, вкусы и пристрастия А. Углицких. Беллетристика автора разных лет сейчас доступна в Интернете. Она включает мемуарную повесть «На окраине Перми жил студент ПГМИ» выпускника 1978 г. Пермского государственного медицинского института студенчестве, экогуманистическую повесть «Соловьиный день» [3, 4].

В журнале «Сибирские огни» ещё в 2010 г. вышла дилогия нашего современника, состоящая из повести «Оковы тяжкие падут...» и рассказа «Ангел за левым плечом». [5, 6]

Строка из «Во глубине сибирских руд...» возглавила повесть не только оттого, что «наше всё» универсально подходит ко всему на свете и что без Пушкина мы ну просто никуда. Литературный контекст А. Углицких вообще почти безбрежен, причём его культурологическая база просвечивает и в между делом отпускаемых малоизвестных подробностях портретов и судеб, и в свободной цитации собратьев по перу разных эпох и достоинств. Подчас диву даёшься, как филологически и гуманитарно компетентны и информированы его персонажи. (Смотрите, к примеру, в гимне компьютеру солидный список авторов в электронной библиотеке ПК Долоты: от Геродота и Карамзина до Аксёнова и Лимонова и признания: «Книги были страстью его всегда!», «Жить можно только в придуманном мире»). Да, к слову сказать, автор не проводит грань между собой и масками рассказчиков и повествователей, лишь подыгрывает скептицизму, вульгарности, слэнговости речи и мыслей своих героев.

Много здесь от «человейника» А. Зиновьева, зощенковской сказовости, полифонизма Ф. Достоевского и М. Булгакова... По мысли С. Эрлиха, «Андрей Углицких в повести «Оковы тяжкие падут... «соединяет «Записки врача» с

«Одним днем Ивана Денисовича». Рамкой повествования является рабочий день реаниматолога в гулаге новорусского потребления на его гламурном пике в канун экономического кризиса 2009 года...» [7].

Рефлектирующие интеллигенты с полными головами тараканов и шкафами скелетов. Лузеры, маргиналы, лиричные бомжи-интеллектуалы, самаритяне... Народишко наш обманутый и правители... И все-то они (то есть мы) – люди добрые... И все-то они (мы) горазды троекратно переплюнуть через левое плечо... А там должен быть кто? За левым-то плечом? А, может, там ангел?...

Вот, например, Долота. Ясно, что это – не случайный комплекс букв (не дадаист же он). Спросить у автора можно, пусть ответит, что это за ребус-шифрограмма, что он имел ввиду, разбавляя «д», «л», «т», колёсами «о» с ударением в середине («долото», «до» и «лото», «долой», «до» и «лот», «долотать», может, вообще вместо Д надо подразумевать З – тогда совсем иное дело получится – или иная этимология в основе фамилии, герой вообще-то из Харькова и надо, наверное, ключ искать в украинском языке)? Это Короленко уже никогда не сможет объяснить, почему назвал своего студента в «Эпизодах из жизни искателя» Дубравой, а Углицких явно имел какой-то умысел, именуя так главного героя.

Он, этот герой-повествователь, Николай Петрович – доктор-философ, то есть врач-мыслитель, или медик-практик, имеющий особую склонность к размышлениям. Ингредиенты этой личности в процентном соотношении раскрыты нам с самого начала: на 50% он «был отлит из червонного золота примерного семьянина», на 15% – «из неуёмного желания докопаться до жизненной правды» и на 35% – «из наивного стремления разобраться в себе». Эти-то все 100% бурным потоком сознания и обрушиваются на читателя повести.

Она начинается с подъездной прозы мусоропроводно-лифтовой направленности и переключается на рассуждения о декабристах и родовитых их жёнах и невестах. Эти «чертовки» Долотой, именуются не иначе, как «дуры», отравившие волконским-трубецким своим «женским фактором» («сюрпризом», сроду веками трактуемом «подвигом») житьё-бытьё в Сибирь-городе.

Подавленному «хреновой жизнью» (впрочем, кавычки здесь излишни), всё Долоте не в радость: и «разводящая на нервы» и умело изобретательно прессующая жена, и что-то важное и зреющее внутри него как нарыв, и горчащая, как жизнь, сигарета (или наоборот), и раздражающие «засветлоподъёмники»-будильники, и коварный Город, ведущий с жителями войну, сечу, битву, и страницы истории от сотворении государства Российского до сталинских времён, где гнобление народишка нашего просто хронолизировалось, как восход и заход солнца.

Философствующие 15% Долоты помогли ему вычислить такие свойства генома россиян, как всеобщий поголовный фатализм.

Другой объект размышлений Долоты – стремление докопаться до истоков вселенской *отзывчивости* гнобимого населения и пресловутого российского феномена «народочморения», попытка вынести диагноз некоего нового, неиз-

вестного науке, варианта синдрома «стокгольмского». Симптоматика, проверенная веками: верхи, способные только на «пшик», и низы молча и аккуратно дуба дающие: «Факелами пылающих старообрядческих скитов и огоньками папирос следователей НКВД освещая великую традицию российского «народочморения».

Исторические ассоциации Долота прокручивает, спускаясь с восьмого на первый этаж. Да так ёмко и образно, словно и в орде побывал, и с Иваном Грозным чаи гонял. А там уж, извините, – караван жизни: улица с рубцовским «роскошным снегом» («И ртом ловлю роскошный снег...» Н.М. Рубцов) и ежедневный крестный путь на службу с пробками, с битвами в подземке и прочими прикольными забавами-«чморилками» игривых городских властей.

Но путь на работу – не просто передвижение в пространстве, это возобновление отложенных мыслей. Теперь о том, «почему плохие дороги – это хорошо для России» (все мы в курсе, что не спроста у нас и сегодня не дороги, а просто направления) и основном государственно-сохранительном механизме – закононепослушании российском, как аварийной опции «защита от дураков». В общем: эпоха дифицита нравствнных ценностей.

И вот на фоне этого холодно-безобразного бытия прорисовывается «огромный корпус больницы, напоминающий сахар-рафинад». И на территории этой Территории свои порядки, законы и приметы: есть свой «устав», неподражаемые звуки, температурный режим, Чудовище, у которого отвоёвывают жизни реаниматологи-копьеносцы с душевным раздраем, но сдержанностью в проявлении эмоций.

Настоящего доктора узнают и без белого халата. А. Углицких-писатель, облачив Долоту в профессиональные одежды, посвящает нас в медицинские, казалось бы очень специфические, узко специальные подробности своей сложнейшей врачебной миссии. И это для всех нас – чертовски познавательная информация о нашем таком совершенном и таком уязвимом механизме-организме. Ведь все мы не обходимся без хворей и болезней, а случается, иногда и умираем. Познание своих болезней – путь к исцелению.

Но едва ли не главная заслуга автора – создание собирательного образа-символа коллеги, «владеющего формой» и умеющего «держать линию», неравнодушного, переживающего, болеющего за больных. Вот ведь, оказывается, какие бывают врачи! Не только дремучие дилетанты, хамоватые хапуги, чинуши, не отрывающие глаз от записей и оборотни в белых халатах, классифицирующие обращающихся к ним толпами с надеждой на помощь и исцеление страждущих страдальцев: на симулянтов или запустивших болезнь смертников. Не случайно, покидая Территорию больницы, Долота прощается с ней долгим взглядом: «Многоэтажная, сверкающая в вьюжной мгле иллюминаторами-окнами, она чем-то напомнила ему огромный океанский лайнер».

Наше время сложно, лукаво и драматично. Повсюду нас ожидают вызовы, риски и опасности. Одна из них привела Долту от рассуждений к действиям. Жить сегодняшним днём, одеваться по погоде – это ещё не всё. Озвучива-

ние, пусть и во внутренних монологах и диалогах, проблем – это уже шаг к их решению. И осознание необходимости для полного счастья – не минимума Шуры Балаганова и не триады формулы Форста («хорошая работа - полная кастрюля – успехи детей»), а утоление жажды справедливости, выплеснувшейся утром 19 августа 1991 года – ещё одна составляющая российских духовных ценностей.

А лучше и надёжнее Валентины, так раздражавшей Долоту, которая сродни «дурам»-жёнам декабристов, так-таки и нет никого и ничего на белом свете! И молитвословие, и Церковь, похожая на космический корабль – неслучайны.

Вот такие получились упражнения в откровениях про время, историю, память по вектору поиска дороги автора к самому себе! Вот какое оно разное, счастье наше российское... И таким оказался русский мир в координатах нашего современника, доктора и писателя-диагноста А. Углицких [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Закирова Н.Н. Андрей Углицких // Наше культурное наследие: учебно-методическое пособие. – Глазов, 2008. – С. 132-134.

2. Углицких А. «От аза до ижицы...». – Режим доступа: https://www.libfox.ru/675738-andrey-uglitskih-ot-aza-do-izhitsy-literaturovedenie-literaturnaya-kritika-esseistika-ocherkistika-publitsistika-1997-2017.html.

3. Углицких А. На окраине Перми жил студент ПГМИ. Повесть. – Режим доступа: libfox.ru›…uglitskih…okraine-permi…student-pgmi.

4. Углицких А. Соловьиный день. Повесть. – Режим доступа: libfox.ru›661088-andrey-uglitskih-solovinyy-den.

5. Углицких А. Ангел за левым плечом. Повесть и рассказ // Сибирские огни. – 2010. – № 12.

6. Углицких А. Оковы тяжкие падут. Повесть. – Режим доступа: libcat.ru›knigi…uglickih-okovy-tyazhkie-padut.

7. Эрлих С. Декабристский миф в современной поэзии и прозе. – Режим доступа: ava.md›…dekabristskiy-mif-v-sovremennoy-poezii/.

8. Закирова Н. Русский мир в координатах А. Углицких: опыт диагностики нашего маргиналитета // Молоко. – 2011. – Выпуск 11.

EXPERIENCE OF DIAGNOSTICS OF MODERN RUSSIAN WORLD IN PROZA A. UGLICKI

N.N. Zakirova

A. Uglicki is a modern Russian writer, poet, literary critic and editor of the Internet magazine. In prose A. Uglicki present and solve topical social, psychological and cultural problems of mentality of Russians.

Keywords: Russian literature of the XXI century, poetry, prose, A. Uglicki, Russian world.

ЯЗЫКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «РУССКИЙ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.В. Катермина

Кубанский государственный университет, факультет романо-германской филологии, кафедра английской филологии, доктор филологических наук, профессор

Россия, 350000, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Тел.: 89034120554, e-mail: katermina_v@mail.ru

Речь идет о языковом представлении понятия «русский» в творчестве А.С. Пушкина. Акцент ставится на ценностной составляющей данного феномена. Рассмотрены понятия «этническая картина мира», «этническое самосознание», «языковая личность», «ценности», при этом подчеркивается, что в языке А.С. Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и нашла решительное преобразование.

Ключевые слова: этническая картина мира, этническое самосознание, языковая личность, А.С. Пушкин, аксиология, культура.

Для современного языкознания общепризнанным является положение о том, что язык есть естественно возникшая на определенной стадии развития человеческого общества и закономерно развивающаяся знаковая система, которая обладает свойствами социальной предназначенности и полифункциональности. Язык является основной общественно значимой формой отражения окружающей человека действительности и самого себя. Развитие языка неразрывно связано с развитием человека, общества, с развитием науки и культуры. Любые изменения в обществе находят свое отражение в языковой системе, так как главное ее назначение – отражать постоянно меняющийся мир.

Каждый язык репрезентирует не только универсальные, но и национально специфичные компоненты культуры. Лексический состав – та область языка, в которой наиболее очевидно и непосредственно фиксируются разнообразные изменения, происходящие в культуре этноса / социума.

Картина мира любого общества обязательно содержит элемент самоидентификации, который особенно ярко проявляется в противопоставлении членов данного общества остальным, не принадлежащим к группе. Представители отдельно взятой группы оценивают действия других людей с точки зрения их соответствия «нормам ожидания – неким сведениям о том, как осуществлять взаимодействие в конкретных условиях, чтобы добиться поставленной цели» [1, с. 30].

Современные исследователи особое внимание уделяют исследованию таких понятий, как этническая картина мира и этническое самосознание, поскольку они являются фундаментом построения языковой картины мира того или иного народа. Каждый народ имеет свое собственное видение окружающей действительности – это фундаментальная концепция этнической картины мира. Этническое самосознание, в свою очередь, есть «чувство принадлежности к определенному этносу, осознание своего отличия и сходства при сравнении с дру-

гими этносами, важный признак этнической общности, являющийся отражением в сознании людей реально существующих этнических связей и внешне проявляющийся в форме самоназвания, или этнонима» [8, с. 188].

Художественная литература – один из немногих источников, для которого характерно полноценное совмещение описания и анализа. Субъективность описания в данном случае не является помехой для исследователя – эта субъективность отражает личностный взгляд писателя на проблемы общества, но данный взгляд принадлежит думающему и неравнодушному описателю.

Этнологический факт в литературном произведении может быть трактован не только как факт реальности, но и как факт сознания и самосознания описываемого персонажа, а также как факт сознания и самосознания автора литературного произведения.

В художественном тексте фиксируются «традиции, обычаи, бытовые привычки и обряды определённого этноса, принятые в обществе нормы общения и повседневного поведения, невербальные коды и символы, мифы, стереотипы и особенности менталитета народности, черты свойственного эпохе и культуре способа художественного познания мира и искусства» [5, с. 98].

В языке Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и нашла решительное преобразование. Государственная, народная заслуга Пушкина несомненна. «Прелестью живой стихов» он даровал живой русской речи права гражданские не только во всемирном образованном обществе, но что еще важнее – он заставил офранцузившиеся и онемечившиеся культурные слои русского общества уважать и любить живую русскую речь, живые русские типы, обычаи и самую нашу природу.

В данной статье нами будут рассмотрена ценностная составляющая вербализации понятия «русский» в произведениях А.С. Пушкина.

Этноним «русский» в толковых словарях русского языка имеет следующие значения:

Русский, русская, русское – 1. прил. к русские. 2. прил. к Россия и к Русь. [10, стлб. 1408].

РУССКИЙ, ая, ое. – 1. см. русские. 2. Относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, её территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у русских, как в России [6, с. 613].

Каждый этноним несет в себе определённый набор стереотипов, отражающий присущие данному этносу черты характера, особенности интеллектуального и культурного развития.

Так, например, в «Арапе Петра Великого» употребление этнонима «русский» связано с обычаями:

После обеда государь, по русскому обыкновению, пошел отдохнуть [7, с. 158].

Русская песнь характеризуется поэтом как «унылая и грустная»:

Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская. Известная примета!
Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз. Печалию согрета
Гармония и наших муз и дев.
Но нравится их жалобный напев [7, с. 304].

Важными понятиями в творчестве А.С. Пушкина выступают понятия «отечество», «государь», «русские женщины». В своих произведениях он воспевает их особым образом:

Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество! Как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него, какая была минута!

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен когда, встречая победителей, кричали они: ура!

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградою? [7, с. 189].

Образ «своего» как способ ориентации среди людей различных национальностей входит в структуру сознания члена каждой национально-исторической общности. Этот образ характеризуется положительной эмоциональной окрашенностью и положительным оценочным знаком [4, с. 59].

Он оставил нас. Полина и я не могли опомниться. – Неужели, – сказала она, – Синекур прав, и пожар Москвы наших рук дело? Если так... О, мне можно гордиться именем россиянки! Вселенная изумится великой жертве! Теперь и падение наше мне не страшно, честь наша спасена; никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу [7, с. 219].

Одной из составных частей материальной культуры является традиционная одежда и обувь:

– И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает.

Настя и тут ей помогла: она сняла мерку с Лизиной ноги, сбегала в поле к Трофиму пастуху и заказала ему пару лаптей по той мерке [7, с. 202].

Бывало, внучке в приданое доставался бабушкин сарафан ([7, с. 165].

Этнонимы, функционирующие в художественном тексте, могут входить в состав прецедентных высказываний, отражающих особенности характера и поведения представителей различных этносов:

Но на чужой манер хлеб русский не родится [7, с. 200] – стих из «Сатиры» А. Шаховского («Мольер! твой дар, ни с чьим на свете несравненный») (1808).

Как справедливо отмечает Ю.С.Степанов, «противопоставление «свои – чужие» пронизывает, в разных видах, всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народ-ного, национального мироощущения. (...). Мы должны говорить здесь не только о действительном, объективно существующем различии людей по линии «свои – чужие», но и о тех мифологизированных, а подчас и просто фантастических формах, которые это различие приобретает в их сознаниях. А эта сфера, «свои – чужие», – как раз такая, где само противопоставление создается не только объективными данными, но и субъективным отражением в сознании» [9, с. 472].

Так, в «Гробовщике» А.С. Пушкин иронично описывает быт, обычаи и речь обрусевших немцев:

«Кто там?» – спросил гробовщик. Дверь отворилась, и человек, в котором с первого взгляду можно было узнать немца ремесленника, вошел в комнату и с веселым видом приблизился к гробовщику. «Извините, любезный сосед, – сказал он тем русским наречием, которое мы без смеха доныне слышать не можем, – извините, что я вам [7, с. 191].

Не стану описывать ни русского кафтана Адриана Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи, отступая в сем случае от обычая, принятого нынешними романистами. Полагаю, однако ж, не излишним заметить, что обе девицы надели желтые шляпки и красные башмаки, что бывало у них только в торжественные случаи [7, с. 191].

Из русских чиновников был один будочник, чухонец Юрко, умевший приобрести, несмотря на свое смиренное звание, особенную благосклонность хозяина.

Вдруг хозяин потребовал внимания и, откупоривая засмоленную бутылку, громко произнес по-русски: «За здоровье моей доброй Луизы!» [7, с. 192].

Использование сочетаний «русское наречие» по отношению к немцу ремесленнику, «русского кафтана Адриана Прохорова» – сочетание типично русской одежды и иностранного имени, этнонима «чухонец» (чухонец – дореволюционное название финнов и эстонцев, населявших окрестности Петербурга), особого именника (Адриан, Луиза, Юрко) – создает особый эффект и описывает отношение поэта к данной ситуации.

Доминирование французского языка описывается поэтом в «Евгении Онегине»:

Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала,
И выражалася с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь

Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной? [7, с. 26].

В языковом сознании образованных носителей русского языка XIX века присутствовал список имен, воспринимаемых как простонародные, в них словно бы образно воплотилась тяжелая и грубая российская действительность. Поэтому нередко образованные (или желающие таковыми казаться) дворяне начинали изменение деревенского быта с переименования своих дворовых [3, с. 52].

Героиня романа «Евгений Онегин» Ларина-мать – из таких чувствительных реформаторов. «*Звала Полиною Прасковью*» – это важная составляющая ее девических попыток создать идеальный мир. Пушкин находит очень точную «номинаторскую» характеристику отказа Лариной от мечтаний юности:

Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину [7, с. 21].

Знаменательно снижение от полной формы имени «Прасковья» к уменьшительно-пренебрежительной «Акулька».

Языковая мода распространялась и на обучение: в провинции было «хорошим тоном» учить своих детей иностранным языкам – для этого им выписывала гувернанток и гувернеров. Тем не менее, учеба обычно превращалась в фарс.

В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава богу, – ворчал он про себя, – кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!» [7, с. 276].

Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня по-французски, по-немецки и всем наукам, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, – и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал [7, с. 282].

Нежелание следовать новым традициям в языке отражается в произведениях А.С. Пушкина недовольством со стороны старшего поколения ко всему иностранному:

Она была воспитана по-старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сенными девушками, шила золотом и не знала грамоты; отец ее, несмотря на отвращение свое от всего заморского, не мог противиться ее желанию учиться пляскам немецким у пленного шведского офицера, живущего в их доме [7, с. 164].

Не он первый, не он последний воротился из Немеччины на святую Русь скоморохом. Чему там научаются наши дети? Шаркать, болтать бог весть на каком наречии, не почитать старших, да волочиться за чужими женами [7, с. 165].

Нелюбовь к засилью иностранного языка и вытеснения русского освещена в следующих строках:

Ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера. Он не мог равнодушно говорить об англомании своего соседа и поминутно находил случай его критиковать. Показывал ли гостю свои владения, в ответ на похвалы его хозяйственным распоряжениям: «Да-с! – говорил он с лукавой усмешкою, – у меня не то, что у соседа Григорья Ивановича. Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты» [7, с. 200].

Гонители французского языка и Кузнецкого моста взяли в обществах решительный верх и гостиные наполнились патриотами: кто высыпал из табакерки французской табак и стал нюхать русской; кто сжег десяток французских брошюрок, кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все закаились говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине, и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни [7, с. 217].

А.С. Пушкин пытается объяснить происходящую в России того времени ситуацию с русским языком:

Здесь позволю себе маленькое отступление. Вот уже, слава богу, лет тридцать как бранят нас бедных за то, что мы по-русски не читаем, и не умеем (будто бы) изъясняться на отечественном языке. (NB: Автору «Юрия Милославского» грех повторять пошлые обвинения. Мы все прочли его и, кажется, одной из нас обязан он и переводом своего романа на французской язык.) Дело в том, что мы и рады бы читать по-русски; но словесность наша, кажется, не старее Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена [7, с. 215].

Мы принуждены всё, известия и понятия, черпать из книг иностранных; таким образом и мыслим мы на языке иностранном (по крайней мере, все те, которые мыслят и следуют за мыслями человеческого рода) ([7, с. 215].

Язык как орудие вербальной коммуникации является важной частью культуры, и все особенности структуры языка и его функционирования могут считаться проявлениями культуры соответствующего языкового сообщества.

Специфика значения этнонима состоит в том, что название этноса может сохранять следы событий, с ним связанных, и иметь пространственно-временные и информационные характеристики. Этноним фиксирует в своем значении разнообразные ассоциации, связанные с этносом, в том числе эмоциональные,

эстетические, оценочные и символические.

Проблема синтеза национальной и европейской стихии привела А.С. Пушкина к разработке «сокровищ живого слова». В национально-бытовом дворянском просторечии, не зараженном «французской болезнью», и в простонародном языке... поэт увидел структурную основу русского национально-литературного языка. Синтез этих трех основных языковых категорий – церковнославянской, европейской и национально-русской – по мысли Пушкина должен был опираться на представление о языке «хорошего общества» (т.е. о языке буржуазно-дворянской интеллигенции) как об идеальной норме литературного выражения [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

2. Виноградов В. В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. – М.; Л.: Academia, 1935. – 457 с.

3. Исаева Л.А., Катермина В.В. Языковая личность А.С. Пушкина: Особенности проявления в номинации персонажей // Поэтика русской литературы (Пушкинская эпоха. Серебряный век). – Краснодар: КубГУ, 1999. – С. 45-53.

4. Катермина В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). – М.: Флинта, 2016. – 222 с.

5. Кулибина Н.В. Художественный текст в лингводидактическом осмыслении: дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2001. – 351 с.

6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1983. – 915 с.

7. Пушкин А.С. Сочинения. В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1982. – 365 с.

8. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. – М.: Издательский центр «Академия»; Высшая школа, 2000. – 304 с.

9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка.: в 4 т. – Т. 3. – М.: Русские словари, 1994. – 714 с.

LANGUAGE PRESENTATION OF THE CONCEPT «RUSSIAN» IN THE WORKS BY A. S. PUSHKIN: AXIOLOGICAL ASPECT

V.V. Katermina

This article deals with the language representation of the concept «Russian» in the works by A.S. Pushkin. Emphasis is placed on the axiological component of this phenomenon. The concepts of «ethnic picture of the world», «ethnic identity», «anguage personality», «values» are considered while emphasizing that in A.S. Pushkin's language the whole prior culture of the Russian artistic word not only reached its highest peak, but also found a decisive transformation.

Keywords: ethnic picture of the world, ethnic identity, language personality, A.S. Pushkin, axiology, culture.

ДИАЛЕКТИЗМЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО НАРОДА

А.Г. Киселёв[1], С.А. Шилина[2]

[1]Российский университет дружбы народов, кафедра социологии,
доктор социологических наук, профессор
Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: 89165052313, e-mail: alexandr.profession@yandex.ru

[2]Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского,
факультет педагогики и психологии, кафедра социологии и социальной работы,
доктор социологических наук, доцент
Россия, 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14
тел. 89206076612, e-mail: supershili2012@yandex.ru

Рассматриваются вопросы идентичности русского народа, которая находит своё проявление в таком языковом явлении, как диалектизмы. Авторы обратились к употреблению данного пласта лексики в классической русской литературе, обозначив функции диалектизмов в сборнике «Записки охотника» Ивана Тургенева.

Ключевые слова: собственно лексические диалектизмы, этнографизмы, идентичность, Иван Тургенев, «Записки охотника».

Вопросы идентичности русского народа очень актуальны в современном социуме (см., например, работы таких учёных, как П.Н. Киричёк [1, 2, 3], А.Н. Ижаев [4]; Е.В. Валеева [5], С.В. Напалков [6], А.К. Мамедов [7, 8, 9], а также публикации авторов данной статьи [10, 11]). Это связано прежде всего с процессами глобализации [12, 13] и модернизации [14], трансформации культуры [15, 16], управления [17, 18] и образования [19, 20, 21] в этих непростых условиях жизнедеятельности каждого народа. Поэтому важным, с нашей точки зрения, является обращение к проблеме проявления идентичности, её сохранения в диалектизмах. Именно этот лингвистический пласт делает носителя языка истинно русским человеком, по нашему мнению. К сожалению, последние десятилетия диалекты все больше уступают место русскому литературному языку и, что ещё опаснее, неологизмам – свидетельству постэволюционных процессов быта и традиций крестьянства, и, в итоге, глобализации. Этому способствуют многие причины. Главная из них – это интенсивное развитие науки, культуры и техники. Повсеместно и прочно вошли в нашу жизнь радио, телевидение, Интернет.

Сегодня, в эпоху всеохватного распространения средств массовой информации и коммуникации [22, 23], оказывающих огромное воздействие на языковое сознание носителей русского языка, в период умирания многих деревень, глубинных социальных изменений [24] в крестьянской среде, с неизбежностью меняется характер и статус диалектного слова. Территориальные диалекты не умирают, но, как отмечает А.С. Герд, трансформируются в особые новые формы разговорной речи, в которой утрачиваются многие архаичные черты диалекта и развиваются новые особенности [25, с. 20].

В использовании писателями диалектизмов существует глубокая традиция. Наиболее ценный диалектный материал содержится в произведениях писателей - выходцев из села, хорошо владеющих его говором. Дворянин И.С. Тургенев не относится к числу таких писателей. Творчество И.С. Тургенева разнообразно по тематике и жанрам, но все же можно сказать, что он певец прежде всего «дворянских гнезд». Однако вошел, можно даже сказать, ворвался, этот замечательный русский писатель в литературу с совершенно иным художественным «материалом». Тургеневские очерки «Записки охотника» поразили современников многими чертами, в том числе и сочным народным языком, насыщенным местными словами жителей орловского Полесья. Для многих представителей читающей публики крепостной мужик оставался во многих его проявлениях, в том числе и речевых, как бы мы сегодня сказали, инопланетянином. И.С. Тургенев представил не только российскому, но и зарубежному обществу все грани народной речи.

Лексические диалектизмы выделяются всеми учеными. В словаре Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [26] рассматриваются в качестве самостоятельных типов диалектизмов собственно лексические, семантические и этнографические. Мы остановимся на двух типах, исключив семантические.

Собственно лексические диалектизмы являются синонимами соответствующих слов литературного языка. В собранном нами материале, представляющем собой выборку из сборника И.С. Тургенева «Записки охотника» [27], рассмотрим следующие примеры.

1) *Шагом идет – как в руках несет. Рысью – что <u>в зыбке</u> качает* (Конец Чертопханова) [27].

Диалектизм *зыбка* представлен с соответствующей пометой в БТСРЯ [28], где его значение передано через ряд синонимов – *«колыбель, люлька»*. В этом же значении он представлен и в словаре В.И. Даля [29, т. 3, с. 287], и в БОС [30, с. 122].

2) *<u>Харчи</u> припасли на долгую дорогу* (Лес и степь) [27].

Диалектизм *харчи* с пометой, указывающей на его происхождение, дан в БТСРЯ, где его значение определяется так: «пища, еда» [28]. В словаре В.И. Даля у него указано аналогичное значение и область распространения – *южн.* В БОС данного слова нет, но имеется производный глагол *харчиться* со значением «получать еду, пищу; столоваться» [30, с. 355].

3) *С бурым треухом на бурых, в косичку заплетенных волосах, облаченный в желтоватый нанковый кафтан, подпоясанный гораздо ниже тальи голубеньким обрывочком, служитель алтаря вышел свое <u>«одоньишко»</u> проведать...* (Конец Чертопханова) [27].

Диалектизм *одоньишко* имеет значение – «сено, оставшееся на месте копны или стога». Именно в этом значении однокоренное слово *одонок* приведено в БОС [30, с. 243].

4) *Из-под мокрой <u>замашно</u>й рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы* (Бирюк) [27].

Замашный – значит сделанный из посконного холста. Слово отмечено с данным значением во всех словарях, которые использованы нами.

5*)Тут же направо буфет с трубками и утиральниками* (Два помещика) [27].

Диалектизм *утиральник* дан с соответствующей пометой в БТСРЯ [28], где слово имеет значение «полотенце, платок для утирания лица, рук». Именно с этим значением оно представлено во всех словарях, которые использованы в данной работе.

Приведенные диалектизмы обозначают бытовые предметы, их качественные отличия, а также называют то, что связано с организацией крестьянской жизни.

Этнографизмы – это слова, называющие вещи, предметы, явления, свойственные быту только одной какой-то группы населения. Этнографизмы обозначают понятия, не известные всему национальному коллективу. По этой причине этнографизмы не имеют абсолютных синонимов в литературном языке. Чаще всего этнографизмы обозначают специфические деревенские предметы, связанные с особенностями бытового уклада.

1)*Бабы в клетчатых паневах швыряли щепками в недогадливых или слишком усердных собак...* (Бурмистр) [27].

Слово *понева* в БТСРЯ [28] отмечено характеристикой «нар.-разг.» и имеет не свойственное лингвистическому словарю пространное описательное толкование энциклопедического типа: «старинная русская поясная одежда замужней женщины: юбка из трех (реже четырех) полотнищ полушерстяной клетчатой или полосатой ткани». Данное толкование выдает этнографический характер диалектизма. В словаре В.И. Даля он приведен в написании *понява, понёва, поня, понька и* соотносится с названием предмета, который является вариантом женской одежды. Она отличается своим покроем в разных губерниях России. *«Южн. Лоскут который обертывается крестьянками вокруг чресла, заместо юпки. Местами (кал. орл. Смл.) понева как плахта, лоскут, не обходит кругом, кроет только зад и бока, а спереди остается рубаха, или надевается занавеска, передник с лифом, и рукавами»* [29, т. 3].

В БОС *понева* толкуется как «*род юбки из домотканой шерстяной ткани, клетчатой или полосатой»* [30].

К разряду этнографизмов мы бы отнесли и следующий диалектизм

2*) – У Сучка есть дощаник, – заметил Владимир* (Льгов) [27].

В сноске, которую сделал автор, пояснено, что *дощаником* называется «*плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок*».

На этнографический характер данного диалектизма указывает, на наш взгляд, несоответствие данного значения тому, что приведено В.И. Далем для слова дощ(сч)аник – «речное перевозное судно различной величины, плоскодонное с мачтой; большая плоскодонная лодка с палубою или полупалубами» [29, т. 1, с. 218].

Вполне понятно, что в художественном тексте слов, требующих обстоя-

тельного объяснения, не может быть много. Видимо, потому и у И.С.Тургенева проявляет себя эта общая тенденция. Других этнографизмов, кроме приведенных единиц, мы не обнаружили.

Обратимся к рассмотрению функций диалектизмов в «Записках охотника». В целом функции эти совпадают с типичными для художественного текста.

Писатель использует диалектную лексику для речевой характеристики персонажа. В этом смысле речь крестьян и представителей дворянского сословия разительно отличается. Если для крестьянина обычным делом является использование привычного и с детства усвоенного словечка, то барин говорит совсем «на другом языке». И чем в большей мере он крепостник, тем более в его речи французских слов и оборотов, тогда как местных нет.

Однако И.С. Тургенев разнообразит и речь героев-крестьян. Те из них, кто, как Касьян с Красивой Мечи, побывал в других местах, говорят не так, как живущие в своем ограниченном мирке замкнуто. С другой стороны, речь крестьян-охотников включает в себя не только диалектизмы, но и слова охотничьего «лексикона».

Диалектизмы также необходимы писателю для того, чтобы точно представить обстановку, в которой протекает действие, и указать отличительные черты предметов крестьянского быта, не унизив мужика в глазах «просвещенного» общества и не переселив крестьянина в нереальный мир. Ведь отличается, допустим, *утирка* от *полотенца* или *сажалка* от *лужи*.

С другой стороны, соединение в небольшом контексте стилистически разнородных единиц создает сатирический или комический эффект. Например, весьма комична сама по себе фигура сельского батюшки, облаченного в потрепанную простонародную одежду. Комический эффект усиливает стилистическая «разноголосица» – служитель алтаря (перифраза) и диалектизм, характеризующий вполне земные потребности бедноватого святого отца, который вышел свое «одоньишко» проверить.

Диалектизмы очень обдуманно акцентируются в авторском повествовании. Обычно они выделяются кавычками, становясь своеобразными лексическими цитатами в авторской речи. Писатель уважительно относится не только к меткому народному слову, но и к своему читателю. Потому объясняет значение местного слова либо в сноске, либо непосредственно в тексте с помощью общеупотребительного, но менее выразительного, по мнению писателя, синонима. Диалектизм обычно территориально «документируется» с помощью вводных слов типа «как говорят у нас в Орле», «говоря по-орловскому», «как говорят у нас», «как говорят орловцы» [27].

Таким образом, можно сказать, что в употреблении диалектизмов автора «Записок охотника» отличает умеренность и требовательная аккуратность.

Итак, проанализировав употребление диалектных слов в художественной литературе 19 века, мы увидели, что благодаря И.С. Тургеневу бережно сохранен тот пласт лексики, благодаря которому выражается идентичность русского народа, его менталитет. Обращение к произведениям классической литературы

может помочь современной молодежи через язык прикоснуться к традициям и обычаям своих предков, к исконному «русскому духу», который присущ только нашему великому народу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киричек П.Н. Вирусы либерального праксиса и мутации российской идентичности // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ. – 2017. – С. 115-120.

2. Киричек П.Н. Российская идентичность в модусе либеральной культурной политики // Культурная жизнь Юга России: Социальная память. Актуализация. Модернизация: материалы III Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 168-173.

3. Киричек П.Н. Коллизии «визуальности-духовности» в межкультурной коммуникации // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 167-177.

4. Ижаев А.Н., Киричек П.Н. Этническое в массовой коммуникации. – Черкесск, 2008. – 99 с.

5. Валеева Е.В. Перспективы национальной образовательной политики // Школьные технологии. – 2017. – № 2. – С. 17-23.

6. Напалков С.В. Формирование ценностного отношения подростков к русской культуре и традициям (опыт практической деятельности) // Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. – Арзамас: Арзамасский филиал НГГУ; Фонд «Русский мир». – 2016. – С. 351-354.

7. Мамедов А.К. Дискретность идентичности в современном мире: опыт европейской рефлексии // Культура диалога культур: постановка и грани проблемы. – М., 2016. – С. 186-196.

8. Мамедов А.К., Якушина О.И. Поиск идентичности в современных реалиях: дикретность, посттрадиционализм и индивидуализм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2015. – Т. 15. – № 4. – С. 20-30.

9. Мамедов А.К., Якушина О.И. Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2015. – № 1. – С. 43-59.

10. Киселев А.Г. Вклад в культуру народов России // Народонаселение. – 2003. – № 4 (22). – С. 154-155.

11. Киселев А.Г., Шилина С.А. Социокультурный аспект сохранения самобытности переселенцев в Россию // Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с Россией государств: сборник Международной научно-практической конференции. – Брянск: ООО «АВЕРС». – С. 45-53.

12. Валеева Е.В., Напалков С.В. Русский универсум и современные глобализационные процессы: итоги Всероссийской научно-практической конференции «Русский универсум в условиях глобализации» // Вопросы культурологи. – 2016. – № 12. – С. 48-54.

13. Вершинина И.А., Кашкабаш Т.В., Коркия Э.Д., Мамедов А.К., Обрывалина О.А., Панич Н.А. Развивающийся мегаполис: современный адаптационные механизмы (на примере города Москвы). – М., 2015. – 208 с.

14. Киселев А.Г., Киричек П.Н. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2019. – № 19 (2). – С. 322-336.

15. Киричек П.Н. Культура и социальные противоречия // Духовная сфера общества. – 2012. – № 9. – С. 17-22.

16. Язык – миф – культура народов Сибири: сборник научных трудов. – Якутск, 1991. – 168 с.

17. Шилина С.А. Политический дискурс как разновидность управленческого дискурса: подходы к определению и интерпретации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2017. – № 7 (1). – С. 116-123.

18. Шилина С.А. Презентация субъекта государственной власти как элемент развития управленческого дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2013. – № 3. – С. 119-127.

19. Валеева Е.В. Гуманитарное образование в контексте современной культуры: проблемы и пути их решения // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2. – № 3 (25). – С. 39-49.

20. Валеева Е.В. Гуманитарное образование сегодня: поиски новой методологии // Образовательные технологии. – 2017. – № 1. – С. 33-41.

21. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трансформирующемся обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2008. – № 4.

22. Мамедов А.К., Коркия Э.К. Социальный контекст нового медиапространства // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – № 3. – С. 9-19.

23. Киселев А.Г., Киричек П.Н. Информация и коммуникация в государственном управлении. – Москва, 2019. – 268 с.

24. Мамедов А.К., Липай Т.П. Социальная стигматизация: монография. – М., 2008. – 167 с.

25. Герд А.С. Диалект – региолект – просторечие // Русский язык и его функционирование. – М., 1998.

26. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976. – 543 с.

27. Тургенев И.С. Записки охотника. – Мн.: Маст.літ., 1988. – 431 с.

28. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб «Норинт», 2000. – 1536 с.

29. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., 2006. – Т. 1. – 699 с. – Т. 3. – 555 с.

30. БОС – Брянский областной словарь / Отв. ред. Н.И. Курганская. – Брянск, 2007. – 381 с.

THE DIALECT AS A MANIFESTATION OF THE IDENTITY OF THE RUSSIAN PEOPLE

A.G. Kiselev, S.A. Shilina

The article deals with the issues of identity of the Russian people, which is manifested in such a linguistic phenomenon as dialectics. The authors turned to the use of this layer of vocabulary in the classical Russian literature, denoting the functions of dialectics in the collection «Notes of the hunter» by Ivan Turgenev.

Keywords: actually lexical dialectics, ethnography, identity, Ivan Turgenev, «Notes of the hunter».

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ И ЕГО ИЗУЧЕНИИ

Л.А. Климкова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, кафедра русского языка и литературы, доктор филологических наук, профессор

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89103921698, e-mail: dialekt_arz@mail.ru

Напомнив о роли языка в жизни общества, отдельного человека, о богатстве русского языка, автор сосредоточивает внимание на уровне владения русским языком современной молодежью, на причинах ее безграмотности и путях выхода из создавшейся тупиковой ситуации.

Ключевые слова: язык, русский язык, грамотность, культура речи, поколение, филология, образовательная политика, обучение, воспитание.

Все, что есть вокруг человека и в самом человеке, – макрокосм и микрокосм, – все выражается в языке, языке слов – вербальном. Однако люди пользуются им, не задумываясь над его важностью, исключительной ролью в жизни человека. Это бесценный дар, ниспосланный нам свыше, вспомним библейское: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Вот с чего, именно с этого признания, надо начинать обучение языку в школе и далее постепенно раскрывать его несметные богатства, красоту (а значит, утверждать это, убеждать в этом).

Конечно, можно общаться и знаками других семиотических систем – жестами (язык глухонемых), свистом и др. Но это общение не может выразить (и создать) духовный мир человека, тем более богатый, не может аккумулировать опыт предков, не имеет универсальности, полифункциональности, территориальной, социальной масштабности. Это общение на уровне животного мира, но не человеческого, не социального.

И здесь вспомним утверждение нашего великого энциклопедиста XVIII века: «По благороднейшем даровании, которым человек прочих животных превосходит, то есть правителе наших действий – разуме, первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей. Польза его толь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания, которые весьма бы тесно ограничены были, если бы каждый человек воображенные себе способом чувств понятия только в собственном своем уме содержал сокровенны. <...> если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому, то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется, но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по лесам и по пустыням» [5, с. 394].

Вот так отражена полифункциональность языка, в современной терминологии – его когнитивная, коммуникативная, социальная функции.

Сошлемся на мнение еще одного классика, уже XX века, – В.Н. Крупина, к которому (мнению) мы уже как-то частично прибегали: «Слово сильнее любой материальной силы. «Рана от слова заживает медленнее, чем рана от сабли» – говорит об этом народная мудрость. / Что есть слово? Слово есть плоть мысли. Больше того, слово может быть источником питания духа. Высокоторжественно сказали об этом древние задолго до печатного станка: слово есть пища ангелов. Вот что такое слово».

«Пища ангелов» – чудо как сказано!

Проникнувшись этой идеей, оценкой, этим сознанием, ребенок, молодой человек, думается, будет бережно относиться к Слову, сознательно строить свою речь, выбирая из богатейшего языка слова, достойные добрых мыслей и дел, – литературные, а не иные, не противоположные по характеру, тем более не обсценные. В результате формируется заинтересованность в изучении языка, его мотивированность ... и любовь к нему.

Все сказанное можно отнести к любому языку, но мы здесь имеем в виду, прежде всего, свой, родной – русский.

Это рассуждения, но для того чтобы воплотить представленные идеи в жизнь, нужны значительные усилия, причем с обеих сторон учебного процесса. Нужен труд.

Русский язык – один из самых богатых в мире. Об этом мы неустанно говорим в разных аудиториях и на страницах разных изданий. Огромный словарный состав (до миллиона, а по некоторым прикидкам – до 3-5-6 миллионов апеллятивов, свыше 200 миллионов онимов), десятки тысяч эквивалентов слов (фразеологизмов); объемная многозначность (есть слова, включающие до 20-ти и более значений и их оттенков); богатейшая синонимия; богатейшая же словообразовательная система (есть словообразовательные гнезда, насчитывающие многие сотни единиц); богатейшее формообразование; обилие уменьшительно-ласкательных и в целом коннотативных аффиксов и образований; совершенно своеобразное явление – вид глагола. Все это, наряду с разветвленной структурой и системой национального языка, функционально-речевых стилей, создает многообразие средств выражения, позволяет передать тончайшие движения мысли и души – в целом особенности национальной культуры, исконные этнические черты – русскость [см.: 2, с. 109]. В слове (слово = язык) заключен код нации.

Как же реализуются эти богатства носителями русского языка, в частности, - современной молодежью? Невероятно, но сложилась парадоксальная ситуация: богатейший русский язык – скудная, бедная, даже убогая речь его молодых пользователей, свидетельствующая о незнании или совершенно недостаточном знании родного языка, его литературного компонента. К этому явлению мы уже обращались, причем неоднократно. Последние две статьи - «Русская речь: тревоги сегодняшнего дня», «Роль образца в сохранении национального кода» [см.: 3, 4, а также: 2; здесь же названы и другие наши и не наши работы]. В них дана характеристика уровня грамотности (в широком смысле), речевой

культуры молодежи в конце XX – начале XXI веков, перечислены негативные явления в этой области, некоторые из них прокомментированы, подробно рассмотрена лексическая составляющая речи, такие явления, как: бедность лексикона личности, неоправданное заимствование, жаргонизация, арготизация, вульгаризация, сквернословие. Незнание литературного языка, нежелание ему учиться, читать классическую литературу приравнивается к депатриотизации.

Добавим к этому: неумение правильно читать – не только в плане соблюдения интонационного рисунка фразы и возможностей логического ударения, но даже элементарного воспроизведения звуко-буквенного комплекса (учащийся улавливает первый слог и дальше воспроизводит по звуковой ассоциации совсем другое слово), неумение правильно писать (даже в плане почерка), неумение строить сложные предложения даже минимальной структуры, не говоря уж об усложненных конструкциях; предпочтение однословных предложений заголовочного типа; неумение вести диалог, участвовать в нем, поскольку участники его не вслушиваются, не вдумываются в вопросы, в реплики речевого партнера, перебивают его, говорят одновременно (впрочем, это свойственно и участвующим в различных теледебатах); крайняя ограниченность фоновых знаний.

Морально убивает тотальное сквернословие! По свидетельствам учащихся, матерятся даже молодые учителя, не стесняясь своих подопечных, уверяя, убеждая их в том, что сейчас это можно, что это уже чуть ли не норма. Какая уж тут «пища ангелов»! Скорее, это оружие дьявола.

В целом впечатление от состояния речевой культуры молодежи (и не только молодежи) крайне удручающее. Причем ситуация с каждым годом ухудшается.

В чем же дело? Где причины такого положения, такого состояния значительной, если не основной, части Русского мира – речи, языка? Где причина бескультурья, и не только речевого, непрофессионализма, бездуховности, деградации, являющихся приметой нашего времени.

Конечно, произошла смена эпох, наступила цифровая эра (кстати, признанная исследователями «нечеловекомерной»), с новыми коммуникационными технологиями, обеспечивающими вседоступность любой информации. В этих условиях выросли новые поколения, с иными предпочтениями, иными ценностными ориентирами, иным мышлением (не аналоговым, не понятийным, а клиповым); с заменой культа героев на культ кумиров (даже недостойных, одиозных); с неспособностью на длительную концентрацию внимания; с желанием иметь много (или всё) и сразу, не прилагая особых усилий, не трудясь; с огромным (можно даже сказать, безудержным) стремлением к самовыражению любыми путями и средствами. На это повлиял, наложился культивируемый в обществе приоритет материального, а не духовного, денег («денежная цивилизация»), связанный со стремлением достичь богатства любой ценой, переступить через многое, даже через человеческую жизнь, что отнюдь не согласуется с добротой и милосердием, приоритет гедонизма, развлечений, праздности (словно уже наступила эра, цивилизация праздности), а отсюда – вседозволен-

ность, не просто раскрепощенность, а распущенность.

Доступность любых сведений, полиобъектность, так называемая «многозадачность», в использовании разных средств коммуникации одновременно или через мгновенное переключение приводит к обрушиванию на пользователя огромного объема информации, который усваивается лишь частично, поверхностно, отсюда разрозненность, дискретность, бессистемность знаний, о их глубине, тем более фундаментальности в этих условиях речи нет и быть не может. Это относится и к изучению языка, его усвоению и реализации в речи.

Некоторые исследователи причину плохого знания родного языка молодежью видят в том, что учащиеся не любят уроки русского языка и сам язык. Мы провели мини-опрос. Своим студентам разных курсов, будущим учителям русского языка и литературы, и отдельным учащимся 6-11 классов, с которыми работаем индивидуально, задали вопрос о том, любят ли / любили ли уроки русского языка в школе и почему. Всего респондентов оказалось человек 50. Были получены три ответа: да, любили; нет, не любили; относились нейтрально. Второй ответ был в значительном меньшинстве. Знаменательно, что те, кому не нравились уроки русского языка, основную причину видят в учителе, типичные ответы их: «У нас была такая учительница, говорила тихо, никто не слушал, дисциплины не было, каждый занимался своим делом»; «Учительница говорила скучно, не интересно было слушать»; «Учительница обзывала нас, говорила, что мы тупые»; «У нас так часто менялись учителя, и было скучно на уроках»; и под. Любовь к урокам русского языка тоже объясняют через отношение к личности учителя.

Учитель русского языка и литературы должен быть настоящим филологом, специалистом в области филологии как интегральной науки, представляющей собой «совокупность гуманитарных наук, изучающих письменные тексты и на основе их языкового, содержательного и стилистического анализа – историю и сущность духовной культуры данного общества» [6, IV, с. 565]. Добавим только к этому: изучающих и устные тексты. Получается, он должен обладать фундаментальными знаниями, по крайней мере – объемными (а не скудными, в пределах школьного учебника), и не только по словесности. Кроме того, он должен владеть разнообразными методами, приемами преподавания, причем по существу, а не только по форме, работающими действительно на формирование знаний, а не на потребу моде, модным педагогическим течениям. И как тут не вспомнить мнение известного, выдающегося нашего лингвиста рубежа веков и первой половины XX века, – Л.В. Щербы: «Вопрос о методах – сложный. Универсальных методов нет. В каждом новом методе есть нечто ценное, чем надо воспользоваться; но едва ли в истории можно найти случаи, когда новые методы целиком могли бы быть с пользой применены в жизни. Между тем наши педагоги часто в погоне за новыми методами забывают о своих обязанностях перед детьми и обществом и не научают своих питомцев тому, что, несомненно, должно остаться при всяких методах» [7, с. 61-62]. (Тем более, заметим, если новой является только упаковка, чужая упаковка метода, а не он

сам). Заметим также, что приведенные слова относятся к 1927 году, однако злободневность их налицо. Они, можно сказать, прямое обличение ЕГЭ: тестирование не может быть единственным методом обучения, тем более если обучение сводится только к натаскиванию на тестирование.

Настоящий учитель-филолог любит слово, чувствует его, владеет словом, способен выразительным, воодушевляющим словом тронуть и зажечь сердца, а своими знаниями разбудить спящий ум своих питомцев.

Незыблемыми основами преподавания словесности были и остаются научность, историзм, системность, объяснительность (в современной терминологии – экспланаторность). В плане реализации парадигмы историзма большой потенциал имеют, в частности, этимологические изыскания на уроках. Действенны здесь этимологические пятиминутки по аналогии с орфографическими пятиминутками. Они хорошо работают на возбуждение любознательности учащихся, заинтересованности в изучении языка и литературы, в конечном счете – любовного отношения к Слову, убеждают в значимости Слова, в том, что в нем отражается вся жизнь человека, в его пространственной и временной перспективе, безграничности.

Преподносимые знания следует встраивать в систему языковых явлений, демонстрировать эту систему, показывать системность языка, то, что язык – очень разумно устроенная, богатейшая, синергетическая система. Только система дает прочные знания.

Надо учить подходить к каждому языковому, речевому явлению осознанно, доказывая, аргументируя его через сущностные признаки, применяя теоретические положения, что создает прочность знаний как основу выработки умений и навыков.

Настоящий учитель, в том числе и прежде всего филолог, словесник, уважительно относится к своим питомцам, с любовью, работая в условиях создания гармонизирующего диалога (в соответствии с педагогическим риторическим идеалом). При этом любовь должна быть требовательной, в русле воплощения русского народного педагогического идеала – именно требовательная любовь. Такой учитель не оскорбит ученика, но и не будет заниматься попустительством.

Что мы имеем на поверку сейчас? Пришло в школу и новое поколение учителей, сетевое, вовлеченное в цифровые технологии, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, рассмотренными выше. Основная же причина негатива здесь заключается в характере государственной политики как в целом, так и образовательной – по своей сути разрушительной, антинародной, превратившей образование в услугу, сознательно направленной на насаждение невежества, на дебилизацию, деградацию населения, его интеллекта, на удушение образования и науки в России. Патриотическая часть нашего общества рассматривает все реформы в сфере науки и образования (кстати, и в других сферах) как часть стратегического плана по изменению общественного сознания, по колонизации России. А колонии не нужны образованные, мыслящие люди.

В это же русло вписывается введение в качестве образовательной нормы изучения второго иностранного языка, причем с такими, например, обоснованиями чиновников от образования: это будет способствовать развитию мозга (как будто достойное изучение родного языка не развивает мозг); это даст возможность в будущем легче устраиваться молодежи на престижную работу в иностранные компании. Вот, оказывается, как! Готовим ресурсы для чужих экономик. Это на фоне незнания родного языка.

По ассоциации приведем (просятся) некоторые цифровые статистические показатели. Так, по данным академика А.Г. Аганбегяна, доля экономики знаний составляет в США – 40%, в Евросоюзе – 30%, в России – 14%. Наука в России недофинансирована в 4,5 раза, а по доле расходов на образование Россия занимает 98-е место в мире (по затратам на здравоохранение – 91-е место в мире). Расходы на культуру из федерального бюджета составляют 0,75%. Зато ежегодная утечка капитала из страны в 2008-2018 годах составляла 80 млрд. долларов. А сколько разворовано, присвоено!

Очевидное обличение реформаторской политики правительства России – огромные интеллектуальные потери: по подсчетам на 2017 год, по официальным данным, 10,6 миллиона граждан РФ покинули страну для работы за рубежом, это 7,4% населения (из 144 млн. человек), 9,7% от общей численности граждан трудоспособного возраста (рабочей силы) и детей; ежегодно Россию покидают 100 тысяч человек. Такова утечка мозгов. Опрос Boston Consulting Group, в котором участвовали 24 тысячи респондентов, показал, что хотят работать за рубежом 50% российских ученых, 52% топ-менеджеров, 54% IT-специалистов. К ним готовы присоединиться 49% работников инженерных специальностей и 46% врачей. Почти две трети потенциальных эмигрантов (65%) – это «цифровые таланты»: специалисты по искусственному интеллекту, скрам-мастера, дизайнеры пользовательского интерфейса и т.д. 57% из них – это молодые люди в возрасте до 30 лет. В среде студентов (до 21 года) доля еще выше и достигает 59% [см.: 1].

Вот такая ситуация. Страна была самой читающей в мире, с лучшей системой образования, направленной на формирование гармоничной личности, на воплощение идеи созидания общества социальной справедливости. Сейчас мы живем в своеобразной «стране наоборот»: чудовищное социальное неравенство, расслоение; несправедливость; безработица; безграмотность во всех смыслах; образовательное пространство, направленное не на живую работу с учащимися, не на воспитание, не на формирование их внутреннего мира, а на производство массы ненужных бумаг в их бесконечных вариантах. См. также признание: «Россия перестала быть логоцентричной страной. Вера в магию художественного слова, принесенная на Русь варягами, выветрилась за тысячу с лишним лет. Поэтому литература не имеет определенного влияния на умы, каким пользовалась в позапрошлом и прошлом веках» (А. Кузьменков, прозаик и литературный критик).

Идет мощное наступление на русский язык: в последние десятилетия в

русскую речь вошло более 30 тысяч иноязычных слов. Это словарный запас языковой личности уровня А.С. Пушкина! Большую часть из них составляют неоправданные заимствования. И дело не только в количестве единиц, но и в скорости их вхождения, в активности использования, в том, что иноязычное слово становится более престижным, чем своё, исконное; в том, что вместе с иноземным словом в русское сознание входит терпимое отношение к отрицательным, несвойственным русскому бытию явлениям. Так и хочется сказать словами В.Г. Распутина: «Исчужили Россию!».

Кому-то может показаться, что здесь сгущены краски: нарисована уж очень безотрадная картина. Но увы... общая картина именно такова. Хотя, конечно, не все учителя относятся к своим обязанностям, к своей работе формально, незаинтересованно, но это учителя старшего поколения. А с их уходом... Конечно, из нарисованной общей картины какая-то часть молодёжи выбивается, таких учащихся собирают по всей России для обучения в школах особого типа, с углублённым изучением предметов, экспериментальных. Но они, как правило, жаждут уехать за рубеж, то есть работать не для Родины и не на Родину, а на чужого дядю. Мы уж не говорим об отпрысках богатеев, чиновников высшего эшелона власти, обучающихся за границей, – для них Россия не родина, она для них даже не Россия, а Рашка.

Для народа же в массе, для «быдла», «шелупони», «бичевника» и т.п. (по выражению представителей сформированного паразитического класса чиновников) достаточно кое-какого образования, примитивного обучения. В этой связи знаменательным, знаковым предстаёт заявление Г. Грефа на телепередаче «Агора» (телеканал «Культура»): «Нам сейчас знания не нужны – нужны навыки». Заявление, рассчитанное на то, что «быдло» не поймёт его суть. Да, правящему классу нужна тупая, чернорабочая сила, чтобы было кому опустошать недра России для Запада. И только.

Где же выход из ситуации, сознательно, искусственно созданной образовательным ведомством с его многочисленной антипатриотически настроенной обслугой, с его злонамеренными действиями? Как же нам противостоять удушающей образовательной атмосфере, русофобской по своей сути?

Конкретные меры мы уже предлагали в своих выступлениях и публикациях. Здесь мы актуализируем ряд общих положений. Некоторые вытекают из выше сказанного.

Прежде всего, надо осознать всем нам и каждому, что политика отлучения от своего родного языка, его богатств и возможностей, от классической литературы (и как результат – бедность лексического запаса, низкий уровень культуры речи, вопиющая безграмотность во всех смыслах, бескультурье) – это своего рода оружие, поведенческое оружие, направленное на перекодирование, на изменение национального кода, коим является национальный язык. (По ассоциации вспомним факты: завоеватели запрещали порабощённым использование их родного языка).

В качестве противодействия этому надо много, упорно трудиться над ус-

воением несметных богатств русского языка, чтобы знать его в совершенстве, а тем самым – национальную культуру, концептосферу, русский этнический феномен. Трудолюбие всегда было характерной чертой русского народа. Русские, советские учителя, педагоги всегда работали самоотверженно и... во многом бескорыстно. Молодежь стремилась к знаниям. Надо настойчиво доносить до молодёжи мысль, убеждение, что без труда ничего не бывает (если это не воровство, не грабёж). Это отражает народная мудрость: *без труда не вытащишь и рыбку из пруда*. Чтение – это тоже труд, работа мысли и души, причём чтение образцовых текстов, настоящей, классической литературы. Надо возродить интерес к чтению, любовь к книге.

Обучение должно обязательно сопрягаться с воспитанием, это должен быть двуединый процесс, как это было в советском обществе, где была определена и выполнялась задача формирования всесторонне развитой, гармоничной личности. На уроках учитель словесности должен демонстрировать преимущество самовыражения личности через использование доброго, красивого, литературного слова по сравнению с вульгаризмами, инвективами, зловонными «матизмами», несущими с собой только дискомфорт, агрессию, несовместимыми с добром и красотой. Через усвоение языка прививается чувство гордости за страну, её культуру, историю. Надо использовать любую возможность на занятиях доносить до учащихся, студентов правду. Вопреки политике дегероизации, очернения прошлого надо говорить своим питомцам о национальных героях войн и труда, о полководцах, об учёных, космонавтах, писателях, о страницах истории. Вопреки программе по литературе (как дополнение к ней), например, некоторые учителя находят место и время ненавязчиво, без прессинга давать сведения о классических произведениях советского периода, на которых воспитывались поколения. И тут не обойтись без таких книг, как «Молодая гвардия» А.А. Фадеева, «Сын полка» В.П. Катаева, «Повесть о настоящем человеке» Б.Н. Полевого, повестей А.П. Гайдара и др. Такой воспитательный формат называется в патриотической литературе – «параллельное обучение», «подпольное образование», «теневое обучение молодёжи».

В целом же выход кардинальный – смена государственной образовательной политики, вредоносной по своей сути, убивающей образование и науку, поэтому – отрешение от поверхностного, бессистемного, дискретного натаскивания на тесты ЕГЭ, возврат к фундаментальному образованию, к обществу созидания, каким оно было до внедрения в нашей стране доминирующей идеи потребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из доклада Всемирного банка о миграции // Советская Россия. 12 октября 2019 г. № 114 [14791]. С.1.

2. Климкова Л.А. Культура современной русской речи в аспекте национальной идеи // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сборник статей по материалам международной научной конференции молодых учёных. – Нижний Новгород: Издательство НГПУ, 2009. – С.109-110.

3. Климкова Л.А. Русская речь: тревоги сегодняшнего дня // Русский язык в славянском мире: история и современность: сборник статей Международной научной онлайн-конференции, посвящённой памяти Н.Д. Русинова – Нижний Новгород: НГПУ, 2018.

4. Климкова Л.А. Роль образца в сохранении национального кода // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сборник статей конференции «Национальные коды в языке и литературе». – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 16-18.

5. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Том седьмой. Труды по филологии. 1739-1758. – М. –Л.: Издательство АН СССР, 1952. – 995 с.

6. Словарь русского языка: в 4-х т./ АН СССР, Институт русского языка; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2 – изд., испр. И доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.

7. Щерба Л.В. Безграмотность и её причины // Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 56-62.

LANGUAGE NOTES AND ITS STUDY

L.A. Klimkova

Recalling the role of language in the life of society, of an individual person, of the richness of the Russian language, the author focuses on the level of knowledge of the Russian language by modern youth, on the reasons for its illiteracy and ways out of this impasse.

Keywords: language, Russian language, literacy, speech culture, generation, philology, educational policy, training, education.

ВОСПИТАНИЕ ЛЮБВИ К ЯЗЫКУ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ВИВИСЕКЦИИ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ ШАГИСТИКЕ...

А.М. Кушнир

Издательский дом «Народное образование», кандидат психологических наук, руководитель

Россия, 109341, г. Москва, ул. Люблинская, д. 157, к. 2

Тел.: 89015465962, e-mail: kushnir-narobr@yandex.ru

Предложен новый подход к изучению русского языка и литературе в современной школе.

Ключевые слова: русский язык, литература, методика, русская культура.

Школьники не любят урок русского...

Дают ли нам титанические усилия школы на филологической ниве патриота русской речи? Многие ли школьники считают зазорным использовать ненормативную лексику, совершать ошибки на письме? Кто сознательно стремится к грамотности из чувства собственного достоинства? А сколько тех, кто ведёт переписку в соцсетях и по телефону без ошибок и соблюдая нормы пунктуации? А урок русского многие любят? А любят ли читать, и как они читают, и что читают? Понимает ли каждый наш шестиклассник текстовую задачу с первого прочтения? И много ли у нас выпускников, кто любит родную литературу, зачитывается Буниным и Достоевским?

Ответы на эти вопросы, увы, не в пользу школы...

Будем честными – признаем: русский язык остаётся малопривлекательным учебным предметом, а урок литературы не делает детей книголюбами, скорее он приучает их к лицемерию. Ведь чтение классики по кратким конспектам, а следом – обсуждение величия толстовского эпоса – форменное лицемерие!

Чтобы избавиться от иллюзий о том, как мы – учителя языка и литературы – несём «великий и могучий» детям, стоит незримо «поучаствовать» в неформальном трёпе наших ребят! Скажем, «подслушать...» во благо, а лучше, в научных целях. Разговоры наших учеников – прекрасный материал для исследования и наилучшая иллюстрация наших педагогических успехов. «Потрогав руками» плоды собственных усилий, Вы, возможно, уточните свои взгляды на эффективность преподавания русского...

Описывая лексикон своего персонажа Ильф и Петров ненормативную лексику не упоминали, а у нынешних «эллочек» обоих полов на фоне общей скудности речи мат передаёт и образ, и эмоцию, и подобие мысли. Персонаж стал классикой отчасти благодаря эксклюзиву, а у нас сегодня – какая-то массовая деградация речи, или, ближе к теме, – «ваще, блин, отстой, в натуре...»

Смущает лёгкость, с какой к нашим детям прилипает атрибутика субкультур и лексика сленгов. Казалось бы, у ребёнка должен быть, своего рода, языковой иммунитет, здесь же – массовая, тотальная восприимчивость, словно пустота всасывает... Или не наполняли мы этот «сосуд» образцовой речью до нужных пределов...? Наполнять-то, наполняли, сколько часов ежедневно, но не

наполнялся... Это, конечно же, метафора, но она помогает задуматься: что-то пошло не так... Что-то входит, а что-то нет..., причём не входит закономерно.

Впрочем, есть и те, кто «наполнен», кто сторонится словесного мусора, но они – скорее исключения, «подтверждающие правило»...

Причин массовой деградации речи – множество. Но одна из них, тщательно замалчиваемая педагогами, – устойчивая, из поколения в поколение, *нелюбовь* к языку, искусно вырабатываемая школой. Уже политики, даже предприниматели подымают вопрос о слабой подготовке школьников по предмету «русский язык», а профессионалы обучения продолжают шлифовать свой метод и ищут причины с ними и с методом не связанные, и к любви отношения не имеющие. Теперь, вот, всё можно списать на ЕГЭ... А до ЕГЭ, что, с любовью к предмету всё было благополучно? Автору случалось участвовать в проверке письменных работ на вступительных экзаменах в некоторые вузы страны в 80-х прошлого века, когда всё выглядело значительно лучше. Комментарии, думаю, излишни: полное несоответствие самомнения учительского сообщества и результатов школьной работы.

Достоин ли русский язык такого преподавания, чтобы дети были влюблены и в него, и в предмет, призванный раскрывать его глубины, нюансы, секреты?

А русская литература? Достойна ли она таких методических решений, которые воспитывают любовь к ней?

«Достойны!» – согласны мы все. В том числе и те из нас, кто немало положил сил на тренировку рефлекса отторжения. Но таких программ, учебников, методик нет! Есть блистательные учителя, своим подвижничеством и увлечённостью зажигающие в детях интерес к себе – и, опосредованно, к предмету! Влюблённость в яркого вдохновенного учителя делает свою работу... А надёжного педагогического решения, технологии, метода, наделяющих всех и каждого интересом и любовью непосредственно к языку, нет. Поэтому так редко выходят из школы ценители родной литературы и носители устойчивого иммунитета к словесной скверне.

Может, мы зря уповаем на «решение» и технологию? Разве можно решить вопросы любви технологически? Вот уж где достанется всем прорабам технологизации... Именно в этой точке заканчивается конструктивный разговор о судьбах школьной литературы глухим противостоянием. С одной стороны – романтичные «лирики», «профессиональные интеллигенты» – учителя литературы, занятые строительством души и убеждённые в его, строительства, неформализуемости, а потому отвергающие любые попытки поставить литературу на методический конвейер. Но они же, не имея сильных педагогических решений, для пробуждения души бесхитростно налегают на инструментарий лингвистического препарирования текста. С другой – малочисленные и часто – плохо подготовленные, – сторонники технологизации образования, чей вклад в методику русского языка близок к ничтожному.

Но все мы – и те, и другие – имеем дело с системной неспособностью школьного курса пробуждать любовь непосредственно к русскому языку и русской литературе. Достаточно взглянуть на многочисленные форумы в интернете, чтобы убедиться в очевидности этой грустной реальности.

Откуда такая немощь у школьного курса родного языка...?

Эта немощь – вовсе не результат научно-технической революции, перестройки и «великой демократической реформы». На эти «особенности национальной методики» русского языка сетовал ещё Власий Дорошевич, сравнивая русского и французского учителей [1].

Вот как у француза: *«...Всякий писал по-своему. Всякий жил в «сочинении» своей жизнью. Каждый писал то, о чём действительно думал. А учитель следил за тем, чтобы мысли были изложены правильным родным языком, и ставил за это изложение «очень хорошо» и серьёзному сочинителю, щеголявшему учёностью, и мальчику, несомненно обладавшему творческой фантазией, и ребёнку, склад ума которого расположен к шутке. ...Пусть дети умеют хорошо излагать то, что думают. В этом и состоит обучение родному языку...*

А вот как у нас: *«А у нас только и думают, как бы написать, сказать «как все», повторить «что-нибудь хорошее», двадцать раз сказанное...*

И как это странно! Главным орудием к этому служило преподавание самого живого, казалось бы, предмета! Родного языка! А между тем нет ничего легче, как сделать из этого именно «предмета» самый живой, интересный, увлекательный предмет, самое могучее орудие развития... Что же дают этим юношам, которые, говоря громко, с такой жадностью стремятся к этому источнику знания? Половину курса они посвящают главнейшим образом на то, чтоб изучить, где надо ставить и где не надо ставить букву, которая совсем не произносится. Вторая половина курса посвящена изучению «древних памятников» и того периода литературы, который никого уж не интересует. Все, что есть живого, привлекательного и интересного в «предмете», исключено. Мёртвые сочинения, вместо того, чтоб развивать, приучать мыслить, приучат к «недуманию». И в результате... Три четверти образованной России не в состоянии мало-мальски литературно писать по-русски. Привычка к шаблону в области мысли. И спросите у кого-нибудь, что такое русский язык.

– Скучный предмет!

А ведь язык народа, это половина «отчизноведения», это «душа народа».

Позвольте этим шаблоном закончить сочинение о преподавании русского языка».

Прочувствовано больше ста лет назад! А кажется, что народ из интернета высказывается начитавшись Дорошевича:

«Урок русского языка. Разбор «Птички божией». Мозгов Николай!

Встает маленький и уже перепуганный Мозгов Николай.

– Мозгов Николай! Что хотел сказать поэт «Птичкой божией»?

Мозгов Николай моргает веками.

– Я ставлю Мозгову Николаю «нотабене». Голиков Алексей! Что хотел сказать поэт «Птичкой божией»?

– В стихотворении «Птичка божия» поэт, видимо, хотел сказать... вообще... что птичка...

А класс хихикает всё сильнее и сильнее:

И учитель объясняет:

– Вкладывая песню о птичке божией в уста кочевых и неоседлых цыган, поэт тем самым хотел изобличить перед нами низкий уровень этих цыган. Ибо только с точки зрения...

– Петр Петрович, будьте добры помедленнее. Я не успеваю записывать! – говорит первый ученик.

– Надо понимать, а не записывать! Ибо, говорю я, только с точки зрения кочующих и беззаботных цыган может служить предметом восхваления такая беззаботность птички. Похвала же птички за её праздность и ничегонеделание была бы немыслима в устах такого просвещённого человека, каким, бесспорно, является поэт. Все поняли?

– Все поняли! – хором отвечает класс.

И все зубрят к следующему уроку это обязательное «толкование птички».

И так со всем, что только читается и обсуждается в классе.

И чем больше школьники читают и обсуждают, тем больше они отучаются думать, разбирать, понимать.

Похоронным звоном над самостоятельной критической мыслью звучит каждое учительское:

– Поэт хотел этим сказать...

Своя мысль заменяется штампованной мыслью обязательного и узаконенного образца.

Никто уж и не пытается думать. Все равно не попадёшь и ошибёшься. Учитель скажет, как это надо понимать на пятёрку!

Нет ничего более притупляющего, как гимназические «сочинения по русскому языку...» [1].

Это вам что-нибудь напоминает?

Вывод? – Феномен обучения русскому слову в школе не поддаётся рациональному пониманию. Скорее он действительно принадлежит классу необъяснимых категорий, как «национальная охота», «...рыбалка» и «...характер»!

Как ещё толковать железобетонную устойчивость методической традиции, которой всё нипочём: революции, мировые войны, перестройки, и прочие «...измы»? Дети – как не любили, так и не любят... Весь этот «национальный проект», пестующий нелюбовь, был застарелым уже для Власа Дорошевича. Но и после него он длится дольше века...

Впрочем, он скорее прусский, чем русский. Но фанатизм, точно, наш!

А между тем...

В методике литературы было немало драматических страниц.

В ней всегда шла борьба – между реальным и эстетическим методами, интуитивизмом и системностью, «реальностью восприятия» и «логикой литературной специфики». Свою лепту в методическое многообразие внесли психоанализ и классовый подход... Но эта борьба всегда шла вне логики и чувств ученического восприятия. Выдающиеся умы, блистательные идеи, драматичные судьбы, но всё та же *нелюбовь* школьников!

М.О. Гершензон – интуитивист, 1899 год: «Разумеется, дети должны читать не всё, что доставляет им удовольствие; но всё, что они читают, должно доставлять им удовольствие... Основной задачей преподавания литературы в школе должно быть... общее *питание* духа, а не *лечение* духа специальными экстрактами, какие способно извлечь из поэзии аналитическое изучение; питание цельным и вкусным молоком, а не казеиновыми препаратами» [2].

По Гершензону, нельзя почувствовать красоту того, к чему тебя принуждают, трудно полюбить то, с чем ты имеешь дело по необходимости, по обязанности. Гершензон обращался к интуитивному чувству красоты текста, чем бросал дерзкий вызов формальному методу, который, по его мнению, «анатомировал» литературу и потому «убивал» эмоциональное восприятие произведения. На волне всеобщей революционности Гершензон потребовал вообще отменить изучение литературы в школе ради её более эмоционального, «интуитивного» познания.

Как видим, и сто лет спустя народ отвергает литературоведческую вивисекцию, а мысль «отменить» литературу по-прежнему приходит в «горячие головы», более того, приводится в исполнение.

Ю.И. Айхенвальд – импрессионист. Хотя и с иных, нежели Гершензон, позиций, он тоже призывает сделать «решительный, тяжёлый, но единственно возможный шаг» и признать литературу «не поддающейся преподаванию»: «историю литературы преподавать не нужно, литературу преподавать нельзя, родной язык преподавать необходимо» [3].

Интернет-реплики наших современников звучат в унисон с мыслями великих методистов начала прошлого века: мы ходим по кругу одних и тех же правильных идей! Но ни блистательные имена, ни совершенство формул не дали вчера и не дают сегодня главного – ученической любви к родному слову. И что удивительно! И Гершензон, и Айхенвальд – оба безусловные авторитеты в методике литературы, но их никто не слышит, мало того, их поминают, перечисляют и цитируют зачастую для обоснования противоположных позиций.

Самая наукоёмкая – формальная методическая школа – обращает учителя и ученика, прежде всего, к архитектуре художественного текста.

Ю. Тынянов понимает художественное произведение как систему в системе литературы, которая, в свою очередь, обусловлена историческими, социальными и культурными системами-контекстами... [4].

И. Плотников: «Здоровое согласование социологического и формального методов, – из которых первый изучает исторический генезис произведения, а второй – само произведение, и является наиболее правильным решением...» [5].

Б. Эйхенбаум: «... Каждый писатель должен изучаться... так, чтобы ученики... видели бы внутреннюю закономерность между всеми его образами и понимали бы, в каком смысле и почему образы эти составляют определённую художественную систему... Школа должна научить *усвоению* художественных образов. Именно этим *процессом усвоения* школа должна воспитывать дух, а не разбором «положительных и отрицательных типов», которым, с одной стороны, искажается самое существо литературы, а с другой – не достигается и воспита-

тельная цель, потому что живой дух не подчиняется моральным схемам, а требует свободы самоопределения» [6].

Требование «свободы самоопределения» в сочетании со стремлением «быть точной наукой» создаёт в формальной методической школе причудливый диапазон устремлений от подсчитывания повторения гласных и согласных до «классового» анализа произведений. В приверженности классовым ценностям помимо закономерной дани «текущему моменту», проявлялись, по сути, стойкие традиции критического реализма, склонного к социологизму и народничеству. Эти традиции настолько традиционны, что и теперь, когда наследие Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Писарева, а заодно и плоды «классовой борьбы по-русски» существенно переосмыслены, школьный курс литературы со своим обычным разбором «положительных и отрицательных героев» по-прежнему числится в арсенале воспитания «нравственной позиции», «гражданского сознания» и даже «духовности».

Формальная школа в методике совершает решительный поворот от интуитивизма и импрессионизма в сторону «формы и идейного содержания», но и она всё так же не производит любви.

Следующий этап эволюции методической мысли ориентирован на связь преподавания литературы с языком и развитием речи (М.А.Рыбникова). Понимание литературы как формы классовой борьбы и вида пропаганды отходит на второй план. Курс литературы направлен теперь на формирование у школьников языковой культуры. Казалось бы, случилось...! Линия *филологическая*, но и она, равно как и предыдущие, не даёт ученической фило-любви к слову-логосу.

Что не так в этом поиске? Целый век блуждаем в трёх соснах: интуитивизм, импрессионизм, социологизм, формализм! Говорим правильные слова... Ещё в давние времена Корней Чуковский и Сергей Михалков сетовали, что в школе живое, весёлое, чудесное искусство литературы иссушается в догматическую пустыню. А ведь в те времена школьная литература имела куда больше резонов для успеха, чем в наши дни. Тогда, в 30-50-е, без телевидения, интернета и церкви, у учителя литературы было мало конкурентов на ниве культуртрегерства. В каждом классе – пять-десять человек, склонных к гуманитарной культуре, к фантазиям и творчеству, и все они – союзники учителя литературы.

Сегодня такой форы нет и не будет: агенты массовой культуры выхватывают друг у друга детские души. И те самые пять-десять человек скорее уйдут с головой в интернет или найдут выход духовным потребностям в стенах храма. Чтобы привлечь внимание современного школьника, нужно проявлять незаурядную изобретательность, начиная с младших классов. Но школьная программа и методики преподавания литературы, основанные на наукообразном литературоведении, успешно добиваются только одного – воспитывают неприятие родной литературы – нелюбовь.

Грустная и опасная реальность!

Безобидна ли нелюбовь к родному языку?

«Народы забывают иногда о своих национальных задачах, но такие наро-

ды гибнут... Они превращаются в удобрения, на которых вырастают и крепнут другие, более сильные народы...» [7], – предостерегал ещё Пётр Аркадьевич Столыпин. Воспитывать в детях великую любовь к русскому языку – это наша «национальная задача». Мы живём русским языком так же, как дышим, не замечая воздуха, пока он в достатке. Обыденность языковой жизни притупляет восприятие языка как ценности и скрывает актуальность любви к языку как «национальной задачи». Стоит, однако, появиться каким-либо ограничениям, как тут же обостряется потребность слышать, понимать, думать, говорить, пользуясь родным языком.

Осознаём ли мы, каким понятиям и общественным явлениям рядоположена эта «любовь – нелюбовь»?

Человечество проснулось однажды «информационным сообществом», и достаточно редкие, локальные в прошлом информационные спецоперации благодаря бурному развитию телекоммуникаций стали глобальной информационной войной. Мировые СМИ, и, прежде всего, интернет, создали принципиально новую информационную реальность, способную творить события мирового значения, а не просто сопровождать их течение. Россия, в силу уникальности территории и ресурсной базы, была и будет мишенью агрессии в той или иной форме. Постоянное информационно-психологическое давление извне принуждает Россию к сопротивлению на информационных фронтах. Глобальные мировые игроки ведут свои игры, преследуют свои цели, расставляют свои фигуры и распыляют повсюду свои информационные вирусы, делающие невидимую, но на удивление эффективную работу, направленную на достижение ими своих целей.

Не наших целей!

Череда цветных революций – блистательно организованные информационные операции! Одностороннее и тенденциозное освещение конфликтов на постсоветском пространстве – хороший пример, насколько ангажированы мировые средства массовой информации, насколько быстро и эффективно они могут быть отмобилизованы.

Отнюдь не нами.

Надо сказать, что свои цели наши стратегические «партнёры» не особенно-то скрывают. «Великой шахматной доски» Бжезинского хватило бы и кухарке, чтобы понять предназначенное. Включить бы эту книгу в школьную программу вместо убогого обществоведения... Не для нагнетания патриотических истерий, а для простого понимания, – в каком мире живём и с кем дело имеем.

Результаты вооружённых конфликтов всё более непредсказуемы в современных условиях. В то же время, эффективность информационных и психологических средств достижения нужных геополитических эффектов постоянно растёт. Не стоит пребывать в иллюзиях по поводу намерений и возможностей наших геополитических оппонентов. У них есть впечатляющие успехи. Например, в значительной степени информационно-психологическими методами, важнейшей составной частью холодной войны, разорвана на части Российская империя. О мере участия в этом разрыве тотальной *нелюбви* к уроку русского

языка даже русских школьников стоит хотя бы задуматься!

Информационно-психологическими методами на Украине в общественном сознании сформирована глобальная установка, объясняющая любые проблемы и беды, как общегосударственные, так и простонародные, кознями России. Эта мелодия звучала на киевском радио ещё в 90-е. Сам слышал... И мой отец-киевлянин тоже слышал. На мой вопрос отмахнулся: «Не обращай внимания, никто это не слушает...» Выходит, ошибался, слушали... А кто финансировал эту антироссийскую истерию? Интересный вопрос! На него, кстати, был дан исчерпывающий ответ... [8].

Стоит обратить особое внимание и на то, какую роль в украинских событиях играет вопрос о языке!

Практика *нелюбви* к родному языку в школе – это наша собственная информационная спецоперация, направленная на размывание и уничтожение идентичности, глубинного языкового патриотизма, того самого, который впитывается ребёнком с «*языком* матери». Эта спецоперация осуществляется нашими собственными руками и направлена против самих себя. Она опасней любой внешней угрозы потому, что разрушает в человеке и в нации «информационный иммунитет» – способность противостоять манипуляциям, от кого бы они не исходили.

Главное средство защиты и разрушения...

По мощности воздействия на сознание с телекоммуникационной средой сопоставима лишь национальная система образования. Она и является главным средством защиты индивидуального и коллективного сознания от информационных и психологических воздействий, в том числе, осуществляемых с помощью телевидения и интернета. И оно же, образование, в случае ошибки или умысла, становится самым мощным средством его разрушения.

Участие образования в обеспечении безопасности страны определяется тем, в какой мере оно снижает или повышает уровень интеллектуального и волевого потенциала народа. Создаёт ли образование «глубинный патриотизм», встроенный в сознание родным языком, или оно воспитывает потенциального эмигранта, который, если сам не уедет в Канаду, то своих детей воспитает в духе «родина там, где лучше...»?

Информационно-психологическое воздействие на сознание человека и народа в целом осуществляется, преимущественно, посредством языка. При этом следует различать информационную агрессию, которая осуществляется с помощью языка, и которая направлена непосредственно на язык. Информационный агрессор, стремясь внедрить в индивидуальное или коллективное сознание нужные идеи, рассчитывая на успех, опирается на нормативный родной язык своей «фокусной группы».

У всех нас, кто родом из СССР, есть опыт «железного занавеса» и пробивавшихся сквозь него «голосов», а также неистребимой тяги к запретным плодам. Все эти «голоса» стремились к рафинированной языковой норме. Здесь была и есть полная ясности оппозиция «свой – чужой».

Атака непосредственно на язык не выглядит столь очевидной, порой и вовсе не воспринимается как агрессия – раннее обучение английскому, использование англицизмов в науке и маркетинге, агрессивное продвижение «жизненной важности знания иностранного языка» – всё это воспринимается обывателем или положительно, или нейтрально.

Атаку на индивидуальное – внутреннее – языковое пространство человека не могут распознать даже специалисты. Мало того, именно специалистов чаще всего используют втёмную в качестве орудия этой агрессии. Ведь это специалисты разрабатывают такие программы, пишут такие учебники и предлагают такие методики, в результате чего школьники не любят уроки русского языка. Этих специалистов кто-то готовит, кто-то скармливает им соответствующие «методологии», «концепции» и «модели» обучения. И те, и эти искренне убеждены, что делают большое и важное дело... А на деле, делают русских нерусскими самым эффективным способом – изнутри!

«Внутренние условия» (С.Л. Рубинштейн определяет личность, как «внутренние условия, через которые преломляются все внешние воздействия») человека, в том числе, его отношение к родному языку, надо специально и осознанно организовывать: воспитывать, тренировать и структурировать таким образом, чтобы эти «внутренние условия» преломляли любые внешние воздействия, в том числе, и агрессивные, нужным образом. «Нужность» в данном случае определяется национальными интересами страны и народа.

Входит ли «любовь к языку» в число наших национальных интересов? Это вопрос к профессиональной элите языкового образования страны! Если входит, то чем объяснить этот искусственно созданный и постоянно обновляемый вектор «нелюбви»?

Защита языка возможна с помощью разных мер и механизмов, но главным инструментом является, всё-таки, система образования и осуществляемая ею настройка «внутренних условий личности». Наша работа с русским языком в школе оборачивается неправильной настройкой «языковой личности», и это наша явная ошибка, которую мы должны, наконец, осознать и исправить.

Снижение интереса к русскому языку в мире – это тревожный симптом, но утрата языком своих позиций в собственной стране – бедствие. На центральных улицах крупных городов от не наших наименований рябит в глазах! Засилье латиницы в информационных технологиях и в интернете – явление ещё более мощное. Всё это оккупация. В данном случае – языковая. Но и она – оккупация – ничтожна как проблема в сравнении с *нелюбовью* детей к русскому языку. Нелюбовь или любовь к русскому языку – это важнейшая часть «внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия». Языковая оккупация в условиях любви к языку, скорее всего, бессильна, а вот когда дети массово не любят урок русского, она смертельно опасна!

Ещё одна спецоперация по переделыванию русских в нерусских, осуществляемая нашими собственными руками, – это продвижение иностранного языка в возрасте, когда ещё не сформированы структуры родного языка. Надо

добавить, что это продвижение осуществляется с помощью самого привлекательного – игрового – способа обучения. Мы креативно даём иностранный, а русский даём так, чтобы лёгким не показался... Насколько продвижение иностранного языка именно таким способом – в младшем школьном возрасте и в условиях *нелюбви* к родному языку – способствует переселению наиболее образованной молодёжи в другие страны – тоже хороший вопрос.

Нелюбовь к языку – неосознаваемая причина нелюбви к стране, на этом языке говорящей. Тут же причина небрежения к литературе – не любя язык мастера, нельзя почувствовать вневременную красоту его слова. Программирование русских на нерусский образ жизни, возводимый в ценность и рекламой, и литературой наших дней, идёт полным ходом. Россию убивают, и убьют, когда станет ясно, что плеер и дансер звучит ближе национальному слуху, чем допотопные лес и дол. И не помогут в эпоху хай-тека факультативы по «народной культуре» с кокошниками, вышиванками и глиняными птюшками.

Народная культура – исторична! Давайте поищем современные формы «народной культуры»! Да она словно сошла на дальней станции и осталась где-то там навсегда... Где массовая когда-то частушка? В телевизоре?! Причём, редко! А были времена...

Где цыганочка или казачок вприсядку? Тоже в телевизоре! И тоже редко.

А где хвалёная певучесть этих русских? На центральных каналах народных песен и их исполнителей нет вообще, а «под народ» – одна «бабкина»! А когда-то в каждом дворе! Трёхголосье профессионально поставленное – в каждом втором!

То же самое ждёт русский язык, если жареный петух, который долбит и долбит нам в темя, так и не достучится...

Когда подавляющая часть детей и молодёжи не находит красоты в родном слове, не участвует в языковой жизни, не ориентирована на высокий стандарт русской речи, языковая оккупация в сочетании с пропагандой иностранного языка – безусловная опасность.

Литература в школе – это как музыка с «нотной грамоты»: научившись вешать крючки на провода нотного стана, «грамотей» шарахается от музыки. И литературоведческий эксгибиционизм – провокация против всей нации, отучаемой от языка и литературы – главных составляющих национальной идентичности как социокультурного кода. На этом коде, а не на шлюхах и брутальных самцах с рекламы, держится нация. То, что происходит в России, – это тотальное уничтожение культурно-исторических приоритетов, начиная с языка и литературы. А шлюхи и самцы чужой масти – симптом вырождения собственных приоритетов. Утрата народом и культурой способности эволюционировать, предъявляя себя миру в современных, но собственных национальных формах – это одичание! Способствует ли школьный курс русского языка и литературы освоению и развитию исконных языковых практик, живших в культуре столетиями? Содержит ли он эти самые практики? Погружает ли он детей в эти самые практики?

Защита культуры и языка в их постоянном движении и развитии, а не в

том, чтобы выдавить иностранные слова. Ограничительные и запретительные – реактивные – меры в условиях объективной глобализации коммуникаций не работают в принципе. Реактивный ответ на вызов всегда запаздывает – это вечная гонка за проблемой и битьё по хвостам, когда нами управляет ситуация, постоянно опережающая на шаг или два.

Вопрос о русском языке, это, конечно, не учебный, а общекультурный вопрос. Родной язык – это то, что повседневно окружает человека с момента его рождения. И потому вопрос о стратегическом движении русского языка – это, отнюдь, не вопрос учебников и образовательных стандартов. Но, создавая стандарты языкового образования, следует иметь ввиду, что родной язык принципиально нельзя «втискивать» в прокрустово ложе учебного предмета. В отличие от всех других феноменов культуры, изучаемых в школе в качестве «предметов», язык является сферой «первичной естественности» человека. Языку нельзя учить как чему-то внешнему; язык – это то, чем любой ребёнок, начиная с раннего детства «живёт и дышит», и потому превращение языка в учебный предмет создаёт огромную дистанцию между ним и ребёнком.

Задача языкового образования в школе не должна состоять из освоения каких-то внешних правил (орфографии, синтаксиса, внешней стилистики)! Школа могла бы организовать интенсивную жизнь ребёнка в языке, наполнить её речевыми практиками и творчеством, и день за днём «проявлять» и упражнять его внутреннюю языковую способность. Вместо этого школа свела многомерный и безбрежный «мир языка» к «заучиванию правил».

Даже «благая» цель – «развивать» ребёнка с помощью «приседаний и отжиманий» на материале грамматики или литературоведения – не оправдывает тот вред, который даёт отчуждение ребёнка от языка. На все эти «приседания» уходит 95 % учебного времени, плюс схожая занятость дома. Нет ничего для души и сердца, нет продуктивной жизни в языке, которая воспитывает, а лучше сказать – рождает, языковую личность. Что на выходе? Языковой – априорный патриотизм, который не вызывал сомнения в своём существовании ещё тридцать лет назад, ныне присущ разве что жителям некоторых стран СНГ, где языковое чувство обострено открытой дискриминацией. Как пел поэт, раньше «и в парижском туалете были надписи на русском языке», а нынче в родных подъездах всё больше латиница... И на именинах теперь чаще услышишь «happy birthday...», чем «многая лета...». Так о каком «развитии» пекутся эти «развиватели»? Впору задуматься! К тому же, будьте уверены, есть множество других, куда более эффективных средств и способов раскрывать и взращивать детские задатки и способности.

«Предметное» отчуждение языка от ребёнка возможно и продуктивно лишь в той мере, в какой у него сформировалась потребность в ответах на вопрос «как язык устроен?» и «как устроен литературный текст?». Мы должны понимать, что родной язык в школьном измерении – это не нива филологов, а норма жизни каждого человека. В этом его специфика (в отличие от математики, а так же любых естественных и гуманитарных наук). Язык принадлежит к

самым интересным и значимым феноменам культуры, но усилиями «учебных программ» его превращают в скучное месиво той или иной лингвистической и литературоведческой информации (повторяем Дорошевича). Система «правил» и «знаний» должна быть принципиально вторична по отношению к приоритетной задаче становления языковой личности.

Доля грамматики в современном школьном курсе русского языка неоправданно велика. В качестве обоснования этой диспропорции служит миф о том, что знание грамматики обеспечивает грамотность письма.

Во-первых, серьёзных исследований, в которых эта мысль была бы убедительно доказана, просто нет.

Во-вторых, множество людей пишут грамотно, но не знают грамматики.

В-третьих, множество людей знают грамматические правила, но пишут безграмотно.

В-четвёртых, многие знают правила грамматики, но трёх слов связать не могут.

В-пятых, некоторых писателей читает весь мир, но писали или пишут они абсолютно безграмотно.

В-шестых, дети восьми лет говорят грамматически почти безупречно, но грамматики, точно, не знают. Если для грамотного говорения знание грамматических правил не нужно, то зачем оно нужно для письма?

В-седьмых, само понятие элементарной грамотности изменилось коренным образом. Тексты «живут» теперь в электронной форме и «пишутся» с помощью клавиатуры. Если основным способом создания текста стал его электронный набор, включая диктовку и использование систем распознавания речи, то проблема всеобщей грамотности может быть решена с помощью компьютерной программы типа «Spell Checker» со встроенными в неё грамматическими тренажёрами и тестовыми процедурами. Не стоит ли один раз потратиться на такую программу, чтобы навсегда решить проблему грамотности электронных текстов, и не тратить ежегодно десятки миллиардов на тотальный грамматический всеобуч, который даёт стойкое отвращение к уроку русского языка и сомнительную грамотность? Я отчего-то уверен, что любовь к языку даст грамотность принципиально более высокого порядка.

Любовь как стратегия обороны

Эффективная защита русского языка и русской идентичности от изощрённой информационной агрессии современного технологического уровня в принципе *невозможна* без постановки и решения задачи воспитания любви к языку. Воспитание любви это и есть активная – в противоположность реактивной – стратегия, – действие на опережение. Ведь всякое посягательство на то, что человек любит, вызывает обострённую обратную реакцию. Эта реакция надёжнее всего оградит русский язык от любых форм агрессии как на уровне индивидуального, так и коллективного сознания. Так было вчера, так будет всегда. Любовь – это самая архаичная форма самозащиты культуры и языка.

Беда в том, что даже специалисты в обучении и воспитании, в частности,

административные и научные работники системы образования, упускают, недооценивают эту *ключевую* составляющую "языковой безопасности" страны и народа – ценностное отношение к языку, способность наслаждаться языком, смаковать умное, меткое и красивое слово. Последний интеллектуальный всплеск образовательного сообщества – стандарты нового поколения – воспроизводят то, что высмеивал ещё Влас Дорошевич [9].

Задача активной защиты языка, а вместе с ним, и индивидуального, и общественного сознания, может быть решена только средствами системы образования и только педагогическими методами. Воспитание любви к русскому языку, это специфическая задача педагогики, школы, учителя. А мы «эстетствующих» учителей литературы – мордой об стол! И вешаем на них ответственность за утрату национальной идентичности, за снижение информационного иммунитета, за нелюбовь к языку! Но они же – те немногие, кто действительно полюбил, проникся, пропитался насквозь русским языком, кто живёт любовью к нему. Они же – блестящие стилисты, способные быть посредниками между современными Митрофанушками и бородатыми дядьками с висящих кое-где портретов. Такими как они, как минимум, вообще-то должны быть все, если Пушкин не случайность русской судьбы. Увлечённость и подвижничество — действительно, бич немногих. Вот такая двойственная позиция... Но как-то же надо изменить способ действия и позицию учителя русского языка, чтобы обеспечить восхождение всех к его привычному состоянию любви, оставляя за ней смысл и значение цели. Как его – учителя – убедить, что ни в прошлой, ни в нынешней «программе» русского языка и литературы нет ни слова, ни раздела, которые порознь или вместе, стоили бы больше обычной, неосознаваемой любви к русскому языку. И если эта любовь в детях для учителя и смысл, и цель, то содержание и методы русского языка и литературы в школе надо резко менять!

Можно допустить, что математику или географию любят немногие. Но русский язык должны любить все! У нас на этом поприще – только административные достижения: русский язык должны «сдавать» все! То есть, его должны вымучивать из себя все! А вот любить не прикажешь. Тут чиновник бессилен.

Но чиновник рано или поздно начнёт выполнять указание. Указание ему даст прозревший политик! А прозрение политика в понимании значимости любви к русскому языку – наше учительское дело! Вот они все – будущие политики – перед нами! В образовании не бывает быстрых изменений. Все «быстрые» модернизации быстро увязали в имитационном болоте бюрократического старания. Подлинные инновации могут совершаться теми, кто впитал эту будущую инновацию ещё за школьной партой как чувство и убеждение.

Закономерно, что люди, искренне любящие своё дело, способные к творческой самореализации в нём, на редкость консервативны во всём, что касается предмета их любви. Учителя русского языка и литературы крайне болезненно воспринимают любые попытки подвергнуть их практику ревизии. Чтобы перестать болеть сомнениями, стоит заглянуть в конспекты лекций студентов ведущих вузов страны. А особо упорных оппонентов мы отошлём к тетрадям курсантов во-

енных училищ. Думаю, что после знакомства с ними ни у кого не хватит духа настаивать на эффективности действующей концепции языкового образования.

Прогноз реакции на эту нашу постановку проблемы, к сожалению, малоутешителен. Большинство педагогов реагируют однозначно: мы здесь ни при чём... Это там, наверху, пусть думают... Это программы такие... И т.д. Одним словом, не наше это – учительское – дело, задумываться о содержании и методах обучения. Мы – люди маленькие!

Альтернатива есть!

Если попытаться в двух словах выразить главный смысл нашего – альтернативного – подхода к проблеме, то она сводится к смене предметно-знаниевой парадигмы школьного языкового образования на парадигму воспитания «любви к языку». Если мы уходим от преподавания литературы, мы уходим и от «методов преподавания литературы». Ведь методы воспитания любви, это нечто, принципиально другое. Воспитание отличается от обучения тем, что имеет дело не со знаниями, а с ценностями и привычками. Ценности присваивают, а привычки нарабатывают только в практике жизни. Итак, наша задача сводится к организации практики языковой жизни школьников, их литературной жизни, в частности.

Какой она может быть, эта языковая, литературная жизнь в школе? Какие языковые практики могли бы быть настолько привлекательными для детей, чтобы «производить» любовь к языку? Вот вопросы, стоящие перед всем педагогическим сообществом. И, прежде всего, перед учителем русского языка. Оставим этот вопрос принципиально открытым! Здесь есть над чем работать целым поколениям специалистов... В то же время, нельзя не сказать об очевидном, лежащем на поверхности, понятном навскидку, с первого взгляда...

Вот взять даже «Многая лета...!» В какой образовательной программе есть этот шедевр? Разве не учитель русского языка должен был приобщить ребёнка к этой малой литературной форме, к этой традиционной здравице? Или это не русский язык? Или это не литература? Или это не частичка нашего социокультурного кода?

Стоит обратить внимание и на детские игровые считалки, ходилки, кричалки... Из этих игровых практик самым органичным образом складывались когда-то глубинные слои языкового чувства. Эта «детская» языковая сокровищница по-прежнему есть у нас, но её нет в образовательных программах. По всей видимости, языковое чувство мало интересно тому образованию, которое нам предлагают Минпрос с РАО.

А анекдот – литература? А бывают приличные анекдоты? Этот жанр благодаря своей жизнеспособности, пожалуй, не нуждается в сопровождении словесника. Но разве мы можем мириться с тем, что он существует исключительно в зоне языковых рисков? Нет ли здесь места для нормативной языковой практики?

А частушка – литература? Бесспорно, как и песня, это и литература, и язык, и речевая практика! Песенная культура – это огромный языковой пласт, выпавший из предметного поля школьного образования. Последствия такого

отношения к песне – катастрофичны! Песенная практика в жизни наших предков – повседневна. Песня сопровождала праздники, игры, отдых, ритуалы, а также – труд. Эта повседневная речевая практика давала привычку петь всегда и всюду, а эта привычка, в свою очередь, создавала мощнейший иммунитет к стрессу, устойчивость к невзгодам и бедам. И песня же – один из основных инструментов формирования и настройки психологического архетипа – собственно того, что и отличает русских от нерусских. Теперь мы – не поющий народ! Отчасти и школа отлучила детей от народных речепесенных практик. Школа же и должна вернуть в жизнь практику повседневного пения. Разве это не достойная задача для учителя русского языка?

Отчего эти, а с ними и многие другие, не менее ценные частички нашего национально-культурного «генома», не практикуются в школе, а потому теряются навсегда? Этого нет в программе?! А у этих программ есть авторы, есть научные школы! Надо бы разобраться, насколько научны эти «школы», какие цели они преследуют или кто их использует «втёмную»?

Но что гораздо хуже, «этого нет в программе...!» – возопит любой школьный русист, будь он допрошен с пристрастием... Вот уж где кощунство: наш учитель – формалист! А ведь такие «малые» литературные формы – самые массовые и самые древние речевые практики. Они были и остаются именно практиками в отличие от «разбора предложения на части...».

Тема эта, наболевшая в течение десятилетий, тысячекратно обсуждалась с коллегами, с учениками, с друзьями. Понимание происходящего выстраивалось годами. Высказанные здесь мысли отражают мою позицию и работу в русском языке, которую лаконично можно определить как замену грамматической и литературоведческой шагистики на воспитание любви к родному языку посредством использования привлекательных для детей традиционных, а также создания новых языковых практик!

По крайней мере, одну такую – привлекательную для детей – практику языковой жизни – *чтение как понимание* вместо «воссоздания звукового образа слова по графической модели» [10] нам удалось массово реализовать в начальной школе. В самых разных школах от Дальнего Востока до Кишинёва учителям начальных классов удавалось «производить» любовь к книге и чтению. Учитель литературы лучше других знает, чем хороши дети, умеющие и любящие читать, и чем они отличаются от прочих. О разноплановой результативности этой практики надо говорить отдельно, но и формальные показатели обученности, устойчиво достигаемые в разных регионах страны на протяжении уже 30 лет, достаточно ёмко иллюстрируют потенциал «методологии любви» в воспитании языковой личности. Эти результаты не имеют аналогов в мировой педагогике:

1) к концу начальной школы учащиеся становятся книголюбами, обожают уроки чтения, много и охотно читают вне школы;

2) начиная с середины первого года обучения дети читают с хорошим пониманием, например, понимают текстовые задачи по математике с первого раза;

3) существенно снижается общеучебная нагрузка, поскольку нет домаш-

них заданий по чтению и используется принципиально другой – щадящий – режим работы глаз;

4) за 4 года начальной школы вместо 4-х учебников (типа, «Родная речь») только на уроках без домашних заданий дети прочитывают от 80 до 100 томов детской классики аналогичного объёма с хорошим пониманием и освоением материала (таким образом, объём осваиваемого учебного контента увеливается в 20-30 раз!);

5) при среднедостижимом темпе чтения вслух до 100-120 слов в минуту к концу начальной школы большинство учащихся с помощью нового метода осваивает «быстрое чтение» молча (про себя) с темпом 300-700 слов в минуту с хорошим уровнем понимания;

6) при том, что в традиционной школе темп чтения вслух 100-120 слов в минуту при сомнительном понимании текста осваивают не более 60 % учащихся, при использовании предлагаемой технологии на этот уровень гарантированно выходят 100% учащихся с приемлемым уровнем понимания.

За тридцать лет существования данной технологии обучения система образования не проявила к ней какого-либо системного интереса. Причины этого – тема отдельного исследования. Но обращает на себя внимание системная заинтересованность ведомства в сохранении позиций издательских монополий, которую можно сформулировать так: «мы не пустим на рынок новые технологии до тех пор, пока не извлечём максимум прибыли из устаревших...» Классика политэкономии применительно к «сращиванию монополий и государства»!

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорошевич В.М. Собрание сочинений. Том I. Семья и школа. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1905. – С. 95.

2. Труды педагогического общества, состоящего при императорском московском университете. Т.1. – М.: товарищество типографии А.И.Мамонтова, 1900. – С. 91-108.

3. Айхенвальд Ю.И. Литература в школе // Похвала праздности. – 1922. – С. 108.

4. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.

5. Плотников И.П. Революционная литература. – М., 1924. – С. 35.

6. Эйхенбаум Б. О принципах изучения литературы в средней школе // Русская школа. – 1915. – № 12. – отд. 1. – С. 110-128.

7. 5 мая 1908; Гос. Дума; речь П.А. Столыпина о Финляндии.

8. Выступление представителя Госдепартамента США в Киеве «о пяти миллиардах...» – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=J6eyqEiRYP8.

9. Дорошевич В.М. Собрание сочинений. Том I. Семья и школа. – М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1905. – С. 95.

10. Эльконин Д.Б. Как учить детей читать. – М.: Знание, 1991. – 79 с.

EDUCATION OF LOVE FOR A LANGUAGE AS AN ALTERNATIVE TO LITERATURE RESEARCH VIVISECTION AND GRAMMAR SHAGISTIK ...

A.M. Kushnir

A new approach to the study of the Russian language and literature in a modern school is proposed.

Keywords: Russian language, literature, methodology, Russian culture.

КОНЦЕПТЫ «ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ», «СВОЙ-ЧУЖОЙ» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ КАРТИНЫ МИРА КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ

Д.М. Мухамадиева

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. А.И. Прошлякова, кафедра иностранных и русского языков, кандидат филологических наук, доцент

Россия, 625001, г. Тюмень, ул. Л. Толстого, д. 1

Тел.: 89068237632, e-mail: diana455104@mail.ru

Рассматриваются концепты «жизнь-смерть», «свой-чужой» применительно к традиционной колыбельной песне. Материалом для исследования послужили колыбельные песни (русские, татарские, украинские, казахские, немецкие), собранные автором и другими исследователями во время полевых экспедиций по Тюменской области.

Ключевые слова: «жизнь-смерть», «свой-чужой», концепт, картина мира, колыбельная песня.

В лингвистике нет четкого определения понятия «концепт». Е.С. Кубрякова отмечает, что понятие «концепт» должно отвечать представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления, и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира [1, с. 90]. Степанов Ю.С. пишет, что слова концепт и понятие по своей внутренней форме одинаковы. Концепт – «сгусток культуры в сознании человека» [2, с. 40]. По его мнению, посредством концептов культура проникает в ментальный мир человека, и, с другой стороны, сам человек входит в культуру. Другими словами, концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека [2, с. 40-41].

В лингвистике встречаются понятия «этноконцепт» и языковой концепт. Этноконцепт является объектом изучения этнолингвистики [3, с. 5]. С.М. Белякова считает, что при несомненной ориентированности термина на национальные культуры, содержание его все же лингвистическое. И предпочтительнее употреблять этот термин, касаясь понятийной сферы. В качестве признаков этноконцепта С.М. Белякова выделяет следующие: 1) значимость для данного этноса; 2) наличие на всех уровнях метатекста; 3) национальная специфичность (она выделяется только при межэтническом сопоставлении) [3, с. 5]. Понятие языкового концепта и концептосферы было выдвинуто Лихачевым Д.С., впоследствии разрабатывалось такими отечественными лингвистами, как Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев.

Посредством концептов и стереотипов сознания формируется когнитивная картина мира, которая находит свое отражение в языковой картине мира. В традиционной колыбельной песне языковая картина мира отражает мировосприятие народа.

Основные концепты, представленные в колыбельной песне – «жизнь-смерть», «свой-чужой». Данные концепты являются, на наш взгляд, надкультурными универсалиями и актуализируются в колыбельных всех народов. Про-

явление концепта жизни выражается в колыбельных песнях через категорию роста, здоровья, взросления, что, в свою очередь, актуализируется через концепт сна. На сон грядущий ребенку желают жизни. Например: *в русской колыбельной песне*:

сестрица родная, расти поскорее,
Расти поскорее да будь поумнее,

В татарской колыбельной:

В вышитой шелком люльке
Сладко заснет он. Так сладко спя,
Быстро вырастет он.
Ефәк читле бишектә
Оеп-йоклап китәр бу.
Шулай оеп йоклагач,
Менә усеп җитәр бу.

В украинской колыбельной песне:

Спи, онучку, спи,
Очка зажмури.
Буду тебе колисати,
Писеньками присипляти.

В казахской колыбельной песне:

Элди-элди, ак бопем,
Ак бесикке жат бопемэ
Баю-баю, мой белый малыш,
В белую колыбельку ложись, малыш.

В немецкой колыбельной:

Кроткий покой, мягкую свежесть дает тебе плывущая в воздухе, привязанная колыбель.

Также в колыбельной песне представлен концепт «свой-чужой». Ю.С. Степанов утверждает, что это противопоставление в разных видах представлено во всех культурах и является одним из главных концептов коллективного, массового, народного, национального мироощущения. Особенно ярко проявляется концепт «свой-чужой» на уровне образов и пространства [2].

Все образы изначально подразделяются на своих и чужих и имеют концентрическую систему. В центре находится сам ребенок, к нему обращаются с предельной нежностью, в татарской колыбельной песне: тэти – маленький, балам – ребенок, куз нурым – луч моих глаз, бэгърем – мое сердце, шатлыгым – радость моя,юанычым – отрада моя.

Балакаем-жаныкаем,
Дитя мое, душа моя,
Сиңа җырлар җырлаем,
Тебе пою я песни,
Күгәрчен кебек гөрлием,
Воркую, как голубка.

Йокла-йокла, гөлием.

Спи, мой цветочек.

Образ матери также занимает важное место в колыбельной лирике. Образ матери встречается практически так же часто, как и образ ребёнка, он тоже эмоционально положительно окрашен. Есть песни, где наблюдаются очень красивые сравнения матери. Отец находится значительно дальше от младенца, он всегда вне его пространства. Отец выполняет роль добытчика или защитника, он либо на работе, либо на войне.

Аккош микэн, был-был микэн,
То ли птица, то ли цветок,
Моны устергэн энкэсе.
Воспитывающая тебя мама.
Бигрэк матур энкэсе.
Очень красива твоя мама. (Татарская колыбельная песня)

На следующем круге находятся образы домашних, своих, добрых животных (кот, коза, баран, заяц).

Песи – матур, нечкэбил,
Кот красивый, изящный,
Бала тирбэтергэ кил.
Приходи ребёнка покачать. (Татарская колыбельная песня)

На последнем круге располагаются дикие, чужие, страшные животные (ястреб, волк, медведь).

Ызба артында буре бар
За домом волк сидит
Елаганны кереп ал.
Забери того, кто плачет. (Татарская колыбельная песня)
Арслан йокыга китмэсэ,
Если Арслан не уснет,
Аюлар алып китэр.
Его медведи заберут. (Татарская колыбельная песня)

Образы колыбельных песен сибирских татар, как и образы других этносов, являются в основном положительно окрашенными, что несет на себе стратегическую функцию. Ребенок постепенно знакомится с окружающим миром, мир должен быть большей частью своим, поэтому частотное употребление образов матери, бабушки, отца. Но и чужие в этом мире также присутствуют.

Пространство, представленное в колыбельных песнях, замкнутое. Защищенное пространство – это колыбель, люлька, за пределами которой опасность. Это собственный маленький дом ребенка. Колыбель у разных народов имеет разное строение. Как, правило, она лишена углов. Одна из символик углов отрицательная, считается, что там накапливается отрицательная энергия. Колыбель – это свое, замкнутое пространство, хорошо охраняемое близкими людьми. Помимо самого места ребенка в колыбельных песнях также обращается внимание ребенка на существование как бы двух миров: теплого дома, внутри

которого находится колыбель с младенцем, и опасного внешнего мира – темного леса, луга, речки, куда до поры до времени ребенку ходить не надо. «Быть вне дома» соотносится в нашей культуре со смыслом, быть где-то в опасном месте [4, с. 461]. Эти два мира разделены границей, которую не должен переступать ребенок. Она обозначается словом «край». Это подтверждается распространенным сюжетом колыбельных песен: предостережение ребенка от края, конца: озеро, лужок, земля, вода, море, улица, лес, река, берег. Не ложися на краю. Не ходи ты на лужок. Не ходи туда на край. Волк утащит во лесок, под ракитовый кусток [5, с. 86-95].

Это также касается колыбельных песен различных этносов. Например:

В русской колыбельной:

Баю-баюшки, баю, не ложися на краю. Не ходи ты на лужок. Волк утащит во лесок, под ракитовый кусток.

В татарской колыбельной: за домом волк сидит, забери того, кто плачет.

В украинской колыбельной: люлю, люлю, мий синочку, справлю тоби колисочку. Не питай, що колись буде, що зготоют тоби люди.

В казахской колыбельной: За юртой в поле гололедица, я убираю аккуратно постель, пусть другие не любят тебя, но для меня ты самый лучший. Үйдің арты көк тайгак, Жук жиямың тактайлап. Жүрт сүймесе сүймесін, Өзім сүйген, бөпешім.

В немецкой колыбельной: Дерево шелестит как во сне: спи, спи, мое дитя. Песочный человечек идет, подкрадываясь, и смотрит через окошко, и где найдет не спящего ребеночка, посыплет в глаза песок.

Лексика, используемая в колыбельных разных этносов, обладает в основном внутренним эмотивным потенциалом. Например, татарским колыбельным песням свойственны следующие ласковые номинации ребенка: йолдызым – звездочка моя; гузелемнен гузеге – красивый мой; йорэгемнен узеге – кусочек сердца моего; чиберем, чиберем – прекрасный мой, и жомырым, жомырым – круглый мой, пушистый мой; сандугачым, былбылым – соловей мой. Эмотивность создается также с помощью повторов близких по значению слов или синонимов. В русских, немецких и украинских колыбельных эмотивность создается также посредством уменьшительно – ласкательных суффиксов. Например, *в русской колыбельной песне*:

Спи, зайчонок, заинька, лягушонок маленький, ах, какая зюзинька, серенькое пузико.

В немецкой колыбельной:

Цветочки, они спят уже давно в лунном свете, они склонили свои головки над стебельками.

В украинской колыбельной:

Котику сиренький, котику биленький, спи,серденько, спи.

Итак, концепты «жизнь-смерть», «свой-чужой» в традиционных колыбельных песнях разных этносов репрезентируются в категориях сна, образа и пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 54-62.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997. – С. 230-236.
3. Белякова С.М. Этноконцепт жизненного круга // Духовные истоки современной письменной культуры: сб. ст. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2000. – С. 5-8.
4. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.
5. Хафизова Л.Р. Баю-баюшки, не ложись на краюшке... О смертных байках // Русская речь. – 2000. – №6. – С. 86-95.

CONCEPTS «LIFE-DEATH», «FRIEND-FOE» AS UNIVERSAL CATEGORIES OF THE PICTURE OF THE WORLD OF THE LULLABY SONG

D.M. Mukhamadiyeva

The article is devoted to the consideration of the concepts of «life-death», «friend-foe» in the traditional lullaby song. The material for the study was the lullabies (Russian, Tatar, Ukrainian, Kazakh, German), collected by the author and other researchers during the field expeditions in the Tyumen region.

Keywords: «life-death», «friend-foe», concept, picture of the world, lullaby song.

НИЖЕГОРОДСКИЕ ГОВОРЫ В АКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО МИРА

О.В. Никифорова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, кафедра русского языка и литературы, кандидат филологических наук, доцент

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89200771161, e-mail: snegaovnik@rambler.ru

На материале нижегородских говоров показаны возможности этнолингвистического подхода при рассмотрении диалектных единиц. Отмечено, что вербальный код семейных и календарных обрядов, являясь особой формой хранения и отражения национально-культурной информации, становится основой для познания специфики национальной ментальности и даёт многогранное представление о народной жизни в ценностном пространстве русского этноса.

Ключевые слова: традиционная народная культура, семейные обряды, народный календарь, нижегородские говоры, обрядовая лексика и фразеология.

Русская нация, имея богатейшую историю, многообразно воплощает свои самобытные традиции как в элитарном, так и деревенском типах культуры. Известно, что первооснову всей русской культуры, отражённой в русском национальном языке, составляет культура народная, полностью аккумулированная говорами. Изучение диалектной культуры значимо для сохранения прошлого, которое представляется опорой для настоящего и будущего русского мира. Справедливо об этом говорил Л.В. Щерба: «В языковом материале, унаследованном от старших поколений, заложены в виде возможностей и линии поведения будущих поколений, наследников этого сокровища» [6, с.136]. К сожалению, вместе со старшим поколением уходит и представление об исконной культуре, основе нашей бытия. Поэтому выявление специфики этнокультурного значения у лексических единиц, связанных с обрядами, представляется актуальным, поскольку именно народный обряд, являясь частью традиционной культуры, соединяет в себе компоненты духовного и материального, отражает народные представления о мироустройстве и обладает национальным своеобразием. Живым свидетельством богатства культуры русского народа являются семейные обряды, календарные праздники, церковные таинства, представляющие собой обрядовый текст, который включает как лингвистическую, так и экстралингвистическую составляющие и состоит из нескольких последовательно чередующихся, несущих в себе символическую наполненность ритуальных действий, а также конкретизирующих их обрядовых персоналий и обрядовых реалий. В этой связи этнолингвисты понимают диалект как культурный феномен и вводят терминкультурный диалект – сложная система, представляющая собой органичное единство языка и разных форм проявления традиционной культуры, которая характеризует определенное сообщество [см., например, 2, с. 33]. Его

границы определяются не только по фонетическим, грамматическим, лексическим признакам, но и по особенностям материальной и духовной культуры, характеризующей определенный микросоциум. На протяжении жизненного пути человека сопровождают обряды, происходившие в соответствующее время и по соответствующему поводу, а именно в важные моменты жизни: рождение, свадьба, вступление в новую сферу деятельности, переход в другую возрастную группу, смерть. Обряды являются мощным средством сплочения народа, они общеобязательны, тесно связаны с исторической традицией. Обряды составляют единый и нерушимый уклад жизни людей, передаются из поколения в поколение, в обрядах отражается богатый многовековой опыт народа, своеобразная этика и эстетика, подлинная народная культура. Обряды позволяют проникнуть в сущность национальной культуры, приобщиться к духовной жизни нашего народа в ее истории. Обряды представляют собой символические действия, которыми его участники отмечают то или иное событие жизни отдельного человека или коллектива. В обрядах неразрывна связь действий и слов, которыми обозначены действия. Однако смысл обрядов не в действиях, а в том, что они обозначают. Познать русский мир помогает описание лексико-фразеологических единиц, которые функционируют в этнолингвистическом пространстве диалекта.

Целью данной работы является рассмотрение специфики функционирования диалектной лексики, обслуживающей сферу традиционной народной духовной культуры, на примере отдельно взятого региона России – Нижегородской области. Методом сплошной выборки из диалектных текстов для исследования отобраны наименования отдельных этапов обрядов, обрядовых персонажей и атрибутов. На основе анализа оригинального лексического материала семейных обрядов, в частности свадебного, родильно-крестильного обрядового комплекса, а также календарных обрядоввыявляется семантическое и этнолингвистическое наполнение нижегородских обрядовых лексем, что позволяет познать традиционную духовную культуру нижегородского жителя. Диалектная обрядовая лексика, входящая в данные семантические области, образует систему, отражающую структуру обряда. Для этой системы характерно наличие лексико-семантических групп «Названия обрядовых персонажей», «Названия обрядов и обрядовых действий», «Хрононимы», «Названия обрядовых реалий». Слова и фразеологизмы как отдельные компоненты системы, отражая менталитет и особенности духовной культуры жителей того или иного региона, конструируют вербальную ткань обряда.Отмечается изоморфизм диалектной обрядовой лексики, что находит своё отражение в наличии одинаковых семантических групп, которые характеризуются большой лексической наполняемостью. Обрядовая лексика и фразеология отражает мировосприятие диалектоносителя, его представления о традиционных ценностях и антинорме.

В нижегородских говорах широко представлены лексемы, отражающие культурно-исторический, социальный, бытовой опыт носителей диалекта. Так, каждый этап родильно-крестильного обряда репрезентирован различными на-

именованиями. Большой лексической наполняемостью отличается лексико-семантическая группа «Названия обрядовых персонажей», включающая наименования человека по отношению к родильно-крестильному обряду: *дитёнок, молоде́нец* – ребенок, младенец; *крёснушка* – крёстная мать; *ча́до, ча́душка* – ласк. ребёнок (чаще в обращении); *безвре́менная* – родившая женщина *(«Мне заведущ гъворит: Паш, ты что делаш, ты сама безвременна и ёво трёхнедельнъвъ згубиш»* д. Мерлино Арзамасского р-на); *брюха́тая* – беременная женщина (*«Я тогда Мишкой брюхата была»* с. Никольское Арзамасского р-на); *зы́бишныедети, ласе́нька, камли́ночка, сладкий капише́льный, пашено́к* – ласковое обращение к ребёнку *(«Ах ты, моя камлиноцкъ! Поесь зъхотелъ»* с. Кириловка Арзамасского р-на).

Кроме женщины-роженицы и новорожденного ребенка, в родах участвовала женщина, помогающая роженице во время родов, принимающая ребенка, то есть повивальная бабка. В нижегородских сёлах были постоянные повивальные бабки, которые принимали роды, оказывали разнообразную помощь по уходу за матерью и ребенком, владели различными магическими приемами, предохраняющими роженицу и ребенка от сглаза, порчи, нечистой силы. Повивальные бабки были уважаемы деревенскими жителями. Об этом свидетельствуют современные записи, сделанные во время диалектологических практик: *«Повитуху – укушеркой её не нъзовёш»* (с. Новый мир Вадский р-на); *«Бабушка – повитуха была луцэвраца, заей все ходили»* (с. Ильинское Починковский р-на).

Для наименования женщины, которая оказывала помощь при родах, принимала ребенка, в нижегородских говорах используется небольшой круг номинаций как широко известных, так и региональных, которые объединены в три подгруппы.

Первая подгруппа представлена однословными и двухсловными единицами, объединенными корневой морфемой *-баб-*: *ба́ба*, *ба́бка*, *ба́бушка*, *ба́ушка*, *ба́бка-повиту́ха*, *ба́бушка-повиту́ха*, *повива́льная ба́бка*. *«Как роды начынаюцца – так бапку зовут»* (п. Ломовка Арзамасского р-на). Понятие *повива́льная ба́бка* знают повсеместно, но само это наименование зафиксировано в с. Ильинское Починковского р-на. Широким является ареал у слова *ба́бка-повиту́ха* (Арзамасский, Ардатовский, Вачский, Навашинский, Большемурашкинский, Гагинский и др. р-ны). Спорадически отмечены лексемы *ба́ба* (Сергачский р-н), *ба́бка* (Перевозский р-н), *ба́бушка* (Гагинский р-н), *ба́ушка* (Шатковский р-н).

Стержневым элементом, объединяющим наименования второй подгруппы, служит корневая морфема *-вит-вив-*: *повиту́ха*, *повиту́шка*, *повиву́ха*, *повиву́шка*. Наиболее активна в нижегородской родильной обрядности лексема *повиту́ха* (Сергачский, Перевозский, Вадский, Дальнеконстантиновский, Шатковский, Бутурлинский, Пильнинский, Кулебакский р-ны), ареалы номинаций *повиву́ха*, *повиву́шка* значительно уже (*«Раньшэ больниц-т не было, дык што без повивухи было никуда»*) (Вознесенский, Лукояновский, Большеболдинский, Сеченовский р-ны), локально бытует лексема *повиту́шка* (Вознесенский, Починковский р-ны).

Кроме известных лексических единиц, в нижегородском родильном обряде зафиксирована лексема, которую можно отнести к узко локальным ввиду употребления ее в обряде с. Столбищи Пильнинского р-на и к региональным – из-за отсутствия данного слова в словарях. Это отглагольное существительное *приёмщица*, образованное с помощью суффикса *-щиц-* со значением «лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом». Такая модель в обрядовом словообразовании не единична, например, в нижегородском свадебном обряде участвуют *зва́льщики* – лица, зовущие на свадьбу; *ряди́льщица* – лицо, одевающее невесту; *сбо́рщик* – лицо, собирающее подарки.

Для обозначения незаконнорожденного ребенка русские народные говоры создают разнообразные лексемы, поскольку «внебрачный ребенок в народной культуре считается существом маргинальным в силу своего происхождения, он является обособленным и противопоставленным обществу...». [5,с. 26]. В нижегородских говорах представлено значительное число номинаций незаконнорождённого ребёнка: *байстрю́к, ба́стрик, безба́тькович, беззако́нник, безотцо́вщина, безро́дный, быстрёнок, вы́блюдок, вы́блядок, вы́родок, добы́ток, дове́сок, загулёнок, за́угол, заугóльник, зу́гол, капу́стник, кантони́ст, крапи́вник, нагу́ленный, нагу́ляш, нагу́лыш, на́житый, найдёныш, нахо́дыш, незако́нный, облю́док, приблу́да, приблу́дный, приблу́дыш, при́гул, пригу́лыш, пригу́лышек, пригу́льник, пригу́льный, прижи́ток, прижито́й, приу́глыш, подзабо́рник, рябинник, сая́к, ублю́док, чу́рка.* Перечисленные лексемы обнаруживают разнообразие мотивационных признаков, положенных в основу именования детей, родившихся вне брака. [3]. Для названия внебрачного ребенка используются дериваты от производящего глагола *гулять*: *нагуля́ш, нагулы́ш, нагу́ленный, пригу́л, пригу́лышек, пригулыш, пригу́льник, пригу́льный, загулёнок. «Пригулыш, значит, пригуляли ёво, не от мужа рождён»* (с. Григорово Большемурашкинского района). Несколько наименований связаны с видовой парой глаголов *найти – находить*, послуживших основой для образования дериватов *найдёныш, нахо́дыш*, в которых отражается представление о внебрачном ребенке как найденном. Слова с семантикой незаконнорожденности мотивируются глаголами *нажить, прижить*: *нажито́й, прижито́й, прижи́ток.* Ряд обозначений, функционирующих в нижегородских говорах, представлен дериватами от глагола блудить:*приблу́да, приблу́дный, приблу́дыш.* Мотивацией для образования номинаций незаконнорожденных детей в нижегородских говорах часто служит локальный признак – указание на место зачатия. Наименования *зау́гол, заугóльник, зу́гол, капу́стник, крапи́вник, приу́глыш, подзабо́рник, рябинник* отражают негативное отношение к зачатию ребенка вне законного места и демонстрируют представление о том, что появление внебрачного ребенка происходит не в обжитом пространстве, а за его пределами (за углом, под забором, в крапиве, в капусте, под рябиной). Лексемы *байстрю́к, ба́стрик,* отмеченные в нижегородских говорах, подтверждают характеристику говоров Нижегородского региона как переходных среднерусских, совмещающих черты двух наречий, поскольку фиксируются, по мнению Е.В. Брысиной, в южнорусских говорах, в частности

донских, смоленских, воронежских, курских [1, с.103]. В наименованиях с префиксами *без-, не-безотцо́вщина, безро́дный* передается идея отсутствия отца или рода в целом, названия *беззако́нник, незако́нный*подчеркивают то, чторебенокродился у невенчанных родителей, в грехе. *«Коли в девках родила – беззаконница, а ребёнок – беззаконник»* (с. Рожок Сосновского р-на).

Рождение ребенка вне брака считалось грубым нарушением нравственности, считалось большим грехом, осуждалось в крестьянском коллективе. Поэтому в нижегородских говорах большая часть именований незаконнорожденного имеет негативный оттенок и помету груб.бран. *вы́родок, ублю́док, облю́док, вы́блядок, вы́блюдок. «Который без отца выблядок-ть»* (с. Пергалей Бутурлинского р-на). *«У неё выблюдок родился. Ежели баба одна родит, без мужика-то, ребёнка выблюдком зовут»* (с. Пожарки Сергачского р-на). Негативная оценочная мотивация выявляется в локальных обозначениях незаконнорождённого ребёнка *быстрёнок, дове́сок*. Название *быстрёнок* отражает непозволительную быстроту и спешность действий, нарушающих церковные нормы и традиции. *«Быстрёнок звали, да ещё нехорошим словом чаще всего»* (д. Дерябино Борского р-на). Отрицательное отношение к внебрачным детям закреплено и в слове *дове́сок*, которое мотивировано глаголом *довесить*. Появление такого ребёнка оценивалось и самой женщиной, и окружающими как нежелательное, поэтому в лексеме заключено представление о том, что ей навязали ребёнка.

Диалектный материал демонстрирует семантическую многоликость тематической группы «Лексика и фразеология свадебного обряда». Например, в подгруппе лексики первого дня свадьбы в нижегородских говорах выделяются наименования участников свадебного обряда (*суда́рка, боя́рка, черемо́нка, поддёвка, снаряди́ха, ве́жливец, сестропрода́виица, князь новобра́жный, большо́йбоя́рин*); наименования свадебных действий (*ба́нтить, сочиня́ть сва́рьбу, сиде́ть на поса́де, наряжа́ть неве́сту в цветы́*); наименования свадебных обрядов (*по́куп, запира́ть у́лицу, тёплый стол, сыры́ мо́лить, целова́ться через поле́нницу*); наименования свадебных атрибутов (*сорокоу́шник, покра́сн, моска́ль, вен, галун, ширкуны́, подно́жное*) и др.

Обязательными, составляющими ядро свадебной лексики являются традиционные свадебные наименования, зафиксированные в многочисленных записях обрядов различных регионов: *сватовство, сваха, девичник, рукобитье, суженая, суженый, венчание, дружка* и др. Однако единицы, входящие в тематическую группу «Лексика и фразеология свадебного обряда», представлены не только общенародной лексикой, но и диалектной. Выделяются разные типы диалектизмов: собственно лексические (*зару́шная, горны́е, горды́е, цицо́вина, ве́но, ку́рник, жере́лье, черемо́нка, отга́рнышец*); семантические (*бесе́да, у́лица, смо́тры, вечери́нка, хло́поты, сиде́нье, бага́ж, но́рма, репе́й, занаве́ски*); фонематические (*сва́рьба, сва́льба, сва́дбя, коробе́льник, свето́к*); словообразовательные (*сиде́ньки, незаму́жка, холостя́га, заговорёнка, погля́дки, зазыва́ла, безда́нница, поду́шечницы, парне́вик*).

Свадебный обряд, наряду с его собственной лексикой, мотивированной

ступенями свадебного ритуала, пользуется и межобрядовыми наименованиями того же региона. Такие лексемы употребляются на равных правах в разных обрядах жизненного цикла. К числу подобных слов относятся лексемы *вытня́нка*, *во́пленица*, *причита́тельница*, обозначающие как девушек, которые поют на девичнике и в день свадьбы, так и лиц, причитающих на похоронах.

Основные элементы свадебного обряда Нижегородской области соответствуют инварианту славянской свадебной обрядности, однако можно отметить региональные особенности нижегородской свадьбы. Так, например, в Сосновском районе родственники жениха празднуют свадьбу в доме жениха, родственники невесты – в доме невесты. Жених с невестой (молодые) на второй день свадьбы появляются в доме невесты и забирают все, что им попадается на глаза, на обзаведение хозяйством. На второй день свадьбы (после первой брачной ночи) мать невесты, встречая жениха (зятя), подносит ему не рюмку водки, а стопку блинов. Вместо битья рюмки жених вырезает середину из стопы блинов и съедает ее, а нож бросает вверх так, чтобы он воткнулся в матицу.

Вся нижегородская свадьба, будучи последовательной цепью обрядовых действий, обыгрывающих предметы-символы, представляет собой развернутый текст о чести невесты и ее родителей, что, безусловно, является частью системы ценностей и традиций той или иной лингвокультурной общности [4].Образной идеей в обрядах перехода (свадебный обряд – переход из дома невесты в дом жениха, из статуса девушки в статус жены, погребально-поминальный обряд – переход из мира живых в мир мертвых) является движение. Действия первого дня – поезд в дом жениха, венчание, гуляние гостей, – все нацелено в будущее, пролагающее «дорогу» второму дню. Второй день включает акты, направленные на почитание, чествование достойной невесты. Антинорма же подчеркнуто осуждается в диалектном тексте: «*Если невеста нечесна, вот на рюмке, на стопе, навязывали если чесна – красны тряпочки навязывали, а если нечесна – белы тряпочки. Вот который мужчина мясо-то брал, нечесну невесту, привязывали белы тряпочки. Вот какой позор – нечесна*» (р.п. Ковернино Ковернинского р-на). Честь невесты, представленная в нижегородской свадьбе акциональным (*бить горшки*), предметным (*блины, яичница*), языковым кодами, а также использованием цветовых маркеров, относится к наиболее значимым фрагментам диалектной языковой картины мира, поскольку актуализирует систему ценностей и ориентиров крестьянского энокультурного коллектива русского мира, в котором семейные отношения маркировались человеческим сознанием как духовно-социальное и морально-нравственное явление.

Материалы картотеки Диалектного словаря Нижегородской области, записи, сделанные студентами во время диалектологических практик, архив диалектных текстов, который находится на кафедре русского языка и литературы историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ, показывают, что довольно широко в нижегородских говорах представлена лексика народного календаря. Система членения, счета и регламентации годового времени, организующая обрядовый цикл (календарные обряды), хозяйственную и

бытовую практику, бытование фольклора, осмысливалась нижегородским крестьянином. Народные названия церковных праздников, а также языческих дат составляют самую большую группу народно-календарной лексики: *АграфёнаКупа́льница, Акули́на-дику́шница, Алексе́й челове́к Бо́жий, Благове́щенье, Блозове́щенье, Вави́лий, Введеньё, Ве́рбноевоскресе́нье, Влади́мирка, Воздви́женье креста́, Вознесеньё, Встре́те́нье, Гу́рий, день матери Еле́ны, Доро́ня, Ду́хов день, Евдоки́я, Его́рБедоно́сец, Его́рий, Ива́нПлети́тя, Иван Ро́сник, Ива́н, Ива́нТра́вник, Ива́нЦветни́к, Ива́новде́нь, Ильи́нде́нь, Каза́нская, Каза́нская бо́жья ма́терь, копыли́, кочача́тник, Креще́нье, Кузьма́-Демья́н, куми́к, Купа́льский день, Ма́сленица, Мико́ла, Нико́ла, Мико́лази́мний, Миха́йлов день, Па́сха (Па́ска), Петро́вки, Покро́в, Рождество́, Пречи́стая, Сато́ний, Свято́йМитрофа́н, семи́к, Се́рьгов де́нь, Смоле́нская бо́жья ма́терь, Спа́сов де́нь, Тро́ица, Тро́ицин де́нь, Успеньё, фло́ры́, Христо́в день, цветни́к, Я́нка-купа́лец, Яри́ло и др.*

Кроме собственно названий народных праздников, зафиксированы общие названия праздников. К ним относятся наименования основных праздников православного календаря: *о́бчий пра́здник, разгу́льный пра́здник.* Престольные праздники в нижегородских говорах именуются: *вели́кий пра́здник, большо́й пра́здник, годово́й пра́здник, гро́зный пра́здник, кругово́й пра́здник, пирово́й пра́здник, престо́л.* Для ежегодных религиозных праздников, празднование которых приходится на одно и то же число, существуют названия: *пра́здник в чи́слах, пра́здник в числе́.* Ежегодный религиозный праздник, празднование которого приходится на разные числа, называют *пра́здник не в чи́слах.*

Небольшую группу составляют названия лиц-участников календарных обрядов: *коля́ды, коза́, ло́шадь, беля́к, наря́женки, ря́женки.*

Названия блюд, изготовление которых приурочивается только к определенным дням народного календаря или является обязательным в праздники, образуют следующую группу: *бара́шек, виту́шки, восьмёрка, вьюнки́, грачи́, густо́е молоко́, жа́воро́нки, кале́дки (калёдки), коку́рки, коледа́-молёда́, колоба́шки, коньки́, коро́вки, кресты, мали́нки, оре́шки, па́ска, перепе́чка, печи́нушка, приженéц, пря́женцы, пти́чки, сви́нки, со́бинка, сы́р, таусе́ньки, хресты́ и др.*

Для названия временных промежутков, связанных с празднованием той или календарной даты (интервалов между календарными датами, недель, отдельных дней, частей суток), существуют наименования: *ка́мешки, отданьёпаски, прополовыньё, ра́дожена, ра́дошная, ра́дуница, роди́тели, страшна́я неделя (страшна неделя́) и др.*

В нижегородских говорах записано много названий, связанных с вхождением в пост или выходом из него, самих постов, отдельных дней поста: *больша́я ма́сленка, го́венье, за́говенье, зи́мний мясое́д, ката́льный мясое́д, ма́ленькая ма́сленка, молоко́ гори́т, моло́сная неде́ля, моло́чный де́нь, мя́согори́т, мясое́д, мясое́денье, мясоку́сная неде́ля, мясоку́сный день, петро́вка, по́ст перело́мится, разговле́нье, за́говонье, ра́зговенье, ро́зговенье, руса́лкино за́говенье, сочéльник, спа́совки, сухоеде́нье и др.*

Календарные ритуалы, обрядовые действия, игры в нижегородских говорах именуются: *в кута́нки ходить, весну́ провожа́ть, жга́ть, каляга́, каляга́нить, копа́т ьмолоды́х, крича́ть жа́воронков, куку́шку хорони́ть, кула́чница, наряжёнка, огни́ же́чь, окликáть молоды́х, оче́рчиваться, пако́тать яйца, рождество́ просла́вить, росчерти́ть, семича́ть, семичи́ться, сла́вить, сходи́ться на кресты́, таусе́нить, христо́соваться, я́йца ката́ть и др.*

К группе собственно народно-календарных названий примыкают слова, имеющие отношение к различным видам сельскохозяйственной деятельности нижегородского крестьянина, которые определенным образом формируют и регламентируют народный календарь: *вы́гон, госпо́жинки, гудьби́ны, косови́ца, лупа́ны, междужни́вье, междупа́рье, отрабо́тка, пожина́льник, пожина́льница, пожи́нки, посевна́я, поужи́нки, сдви́женье, спожи́нки и др.*

Отдельные обрядово значимые предметы, места проведения праздника или обрядовых действий называются: *дро́жки, кошо́вка, купа́льница, маслёнка, огни́во, ре́ли, тёплинка, те́плина, шест и др.*

С народным календарем связано большое количество примет: *Если на паску сонцэ мигат – год хорошый будит (с. ГлуховоДивеевского р-на); В день Сърока мучъникъф многъ птиц – у удачъ, большы сосульки – будит хорошый лен, большы сугробы – к хорошъму урожаю (с. Пафнутово Семеновского р-на); Если во время жатвы внесёшь домой серп, то будит дошш (д. Пожога Вачского р-на); Чем больше блинов съешь на масленицу, тем год ладней будит (с. Фокино Воротынский р-н) и т.п.*

Таким образом, изучение нижегородских говоров, наделённых совокупностью жизненных смыслов, необходимо продолжать, важно зафиксировать самобытную красоту русского языка, воплощенную в русских говорах. Обрядовая лексика показывает иное, особое видение мира нашими предками, приоткрывает завесу времени над этнической культурой. Само существование обрядовой лексики есть яркое свидетельство воплощения в языковой форме тысячелетнего творчества народа, его мировоззрения и культуры. В ней предстает и физическая картина мира, окружающего человека, и социальный статус человека в этом мире, и сам человек с его эмоциями, чувствами, внутренним миром. Обрядовая лексика нижегородских говоров содержит национально-культурную специфику. В зависимости от уровня выражения национально-культурного компонента значения языковые единицы в обрядовом тексте репрезентируют этнокультурную маркированность, приобретая этнокультурное значение и передавая представления народа о неписаных нравственных законах жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брысина Е.В. Номинации незаконнорожденных внебрачных детей в русских народных говорах: мотивационный аспект // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования), 2015. – СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 93-109.

2. КамаловаА.А., Савелова Л.А. Лингвокультурологическое описание северной русской деревни: Учебное пособие – Архангельск: Поморский университет, 2007.– 337 с.

3. Никифорова О.В. Языковое воплощение представлений о детях вне брака в ниже-

городских говорах // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений Международной конференции. – Вып. XVI. – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 228-234.

4. Никифорова О.В. Честь невесты как ценностно-смысловой концепт лингвокультуры Нижегородского края // Вопросы культурологи. – 2018. – №11. – С. 79-85.

5. Угрюмова М.М. Константы народной культуры в языковом воплощении представлений о ребёнке (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 359. – С. 25-27.

6. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность – М.: Наука, 1974. – 175 с.

NIZHNY NOVGOROD DIALECTS IN THE ACTUAL SPACE OF THE RUSSIAN WORLD

O.V. Nikiforova

The article shows the possibilities of ethnolinguistic approach when considering dialect units on the basis of Nizhny Novgorod dialects. It is noted that the verbal code of family and calendar ceremonies, being a special form of storage and reflection of national and cultural information, becomes the basis for the knowledge of the specifics of the national mentality and gives a multifaceted view of the people's life in the value space of the Russian ethnos.

Keywords: traditional folk culture, family rituals, folk calendar, Nizhny Novgorod dialects, ritual vocabulary and phraseology.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ НЕОПРЕДЕЛЁННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ С ПОСТФИКСОМ -ТО В РАЗНЫХ КОНТЕКСТАХ

И.С. Семёнова

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени Маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, кафедра иностранных и русского языков, преподаватель кафедры иностранных и русского языков

Россия, 625001, Тюменская обл., г. Тюмень, ул. Льва Толстого, д. 1

Тел.: 89123855003, e-mail: ilnara89@mail.ru

Рассмотрено семантическое наполнение неопределённых местоимений с постфиксом -то, представлена классификация по семантическим группам, выявленным при употреблении данных местоимений в контексте.

Ключевые слова: местоимение, неопределённые местоимения, семантика местоимений, семантические группы местоимений, газетные СМИ.

Местоимение – одна из сложных, многоаспектных и противоречивых тем в курсе русского языка. Это обусловлено спецификой семантики данной группы слов, а именно – широким абстрактным значением указания на предмет, признак, количество, хотя существующая классификация ориентируется на номинативный признак.

Целью данной статьи является выявление семантики неопределенных местоимений на *-то* (*какой-то, кто-то* и под.) в разных контекстах. Обращение именно к неопределённым местоимениям обусловлено неоднородностью проявления их семантики в контексте.

В научной литературе, посвящённой неопределённым местоимениям в русском языке, утвердилось мнение, что местоимения на *кое-, не-* выражают неопределённость для слушателя (при известности объекта говорящему), местоимения с постфикссом *-то* – неопределённость для говорящего, а местоимения *на -нибудь, -либо* «употребляются тогда, когда речь идёт о совершенно неопределённом лице, т.е. о лице или предмете, который является неопределённым как для говорящего, так и для других» [4, с. 170]. Однако, рассматривая неопределённое местоимение не в пределах предложения, а в более широком текстовом фрагменте, можно отметить появление дополнительных семантических оттенков, присоединяющихся к основному их лексическому значению.

Так, существуют различные классификации неопределённых местоимений, направленные именно на выявление у них лексического значения [3, 5, 1, 2].

В своём исследовании за основу мы берём семантическую классификацию Е.В. Падучевой и считаем, что неопределённые местоимения делятся на 3 группы: *местоимения неизвестности*, *местоимения слабоопределённые* и *нереферентные экзистенциальные местоимения* [3, с. 113]. Однако семантическое наполнение группы местоимений неизвестности несколько другое, чем в монографии Е.В. Падучевой. На наш взгляд, это обусловлено различием материала исследования. Е.В. Падучева рассматривает художественные тексты и разговорную речь, мы привлекаем к анализу газетные СМИ. Таким образом,

можно предположить, что неопределённые местоимения имеют специфическую семантику в зависимости от сферы употребления.

Мы выделили следующие семантические группы *местоимений неизвестности* (на *-то*).

1) «Не важно, кто из числа одинаковых субъектов». К данной группе относятся местоимения *кто-то* и *что-то*, выделяющие субъект, предмет, явление из группы им подобных и в то же время отождествляющие данный предмет, субъект, явление с этой группой. Например: «После школы уехала учиться в экономический колледж в областном центре. В Челябинске её прямо на улице заметил **кто-то** *из местной модельной школы*. В 18 лет она победила на областном конкурсе красоты» (КП, 2014); «Если **кто-то** *из единороссов* поддержит кандидатов от малых партий, расстреливать за это никто не будет» (Известия, 2014). В контексте мы видим, что кто-то из «однородной массы», неизвестный говорящему, совершает действие, и не важно, кто именно это делает. Возможность использования общей номинации делает употребительными конструкции «кто-то из...», «что-то из...» в газетных СМИ (*кто-то из россиян*, *кто-то из единороссов*, *кто-то из основных вратарей НХЛ*, *кто-то из министров или вице-премьеров*).

2) «Неточность номинации» (термин Е.В. Падучевой). Данную группу мы выделяем вслед за Е.В. Падучевой. С такой семантикой нам встретилось только местоимение *какой-то.* Например: «Гуляя по монастырскому саду, она обратила внимание, что слева в церкви идет служба, а справа расположен **какой-то** *странный дом*» (Известия, 2014).

Часто в таких высказываниях местоимение вообще не выражает неопределённости, а служит средством формирования фразы. Приведём примеры: «Мы им телевизоры сейчас ставим в кубриках, следим за их здоровьем, создаем им все условия для комфортного проживания в колонии. Если раньше у них был **какой-то** *страх* перед зоной, то теперь тюрьма для них стала вторым домом (КП, 2014)»; «Она может сделать **какой-то** *глупый, неверный ход* и надломиться. Но пока мы и по спортивным мероприятиям, и по бескровной победе в Крыму видим, что **какой-то** фарт идет» (КП, 2014); «У меня, например, было ощущение, что кабинет **какой-то** *очень скромный*» (КП, 2014). Употребление местоимения *какой-то* в такого рода контекстах, на наш взгляд, избыточно, так как и без него смысл кардинально не меняется. Ср.: *у них был страх перед зоной*; *сделать глупый, неверный ход и надломиться*; *было ощущение, что кабинет очень скромный*.

3) «Неизвестность перед будущим». Данная группа представлена такими местоимениями, как *какой-то, кто-то, что-то*. В контексте они выражают растерянность, неуверенность и в тоже время слабую надежду на лучшее. Например: «После разговора Порошенко и Путина в Нормандии возникла робкая надежда, что может быть новый глава власти в Киеве и в самом деле начнет мирный процесс, что у него может и впрямь существует **какой-то** *мирный план*» (Известия, 2014). Местоимения данной группы используются в контек-

стах, показывающих экономическое, политическое, социальное состояние страны. Все обеспокоены ситуацией, связанной с кризисом. И чаще всего именно в таких контекстах используются неопределённые местоимения.

4) «Стремление скрыть конкретную информацию». В группе превалируют местоимения *кто-то, что-то, какой-то,* которые участвуют в формировании высказывания, где скрыта конкретная информация, так как читателю понятно, о чем или ком идёт речь. Например: А. Кокошин, депутат Госдумы: «Я сейчас не буду называть **какую-то** конкретную страну, которую следовало бы позвать в ОДКБ, чтоб, как говорится, не спугнуть (ОДКБ – организация Договора и коллективной безопасности, включает 7 стран СНГ)» (АиФ. 2009). Говорящий не называет страну, но слушающий вполне может догадаться, о какой стране идёт речь.

В высказываниях данной подгруппы содержится намёк на скрытые сведения, о которых говорить по определённым причинам нельзя. Использование местоимений с такими целями играет роль защиты: при отсутствии прямых номинаций и оценок автор текста не несёт ответственности за клевету, пропаганду экстремизма, оскорбления и пр.

5) «Неопределённый отрезок времени». Неопределённое местоимение *какой-то* часто употребляется при существительных *время, момент*. Например: «Еще **какое-то** *время* бежал за ними [собаками], чтобы отогнать на безопасное расстояние от раненой девочки» (АиФ. 2008); «Павел Дуров не случайно перестал быть главой «ВКонтакте». **В какой-то** *момент* он превратился из революционера в консерватора» (Известия, 2014).

Словосочетание «*какое-то время*» имеет значение промежутка, занимающего по длительности небольшой отрезок времени, после которого происходят определённые изменения в описываемых событиях. Словосочетание же *«какой-то момент»* имеет значение мгновенности, быстроты действия, то есть изменение в описываемой ситуации происходит молниеносно.

Представляется возможным провести параллель между наречиями времени, наречиями меры и степени и неопределёнными местоимениями в составе словосочетаний со словами *момент*, *время*, *срок*, *период*, *мера*, *степень*. Приведём примеры: «В **какой-то мере** бесконечное наращивание золотовалютных резервов несет в себе определенные риски» (РБК Дейли, 2014); «Здесь нагнетание антироссийского негатива превратилось в истерику. Причем последнее в **какой-то степени** стало заметно даже у традиционно информационно-союзных нам стран» (КП, 2014); **«В какой-то мере** преодолевать хаос в организации тыла помогали разве что Особые совещания, появившиеся в июне 1915 года» (КП, 2014). Данные словосочетания (*в какой-то мере, в какой-то степени*) составляют примерно половину собранных текстовых иллюстраций с местоимением *какой-то*, что свидетельствует о формировании устойчивых выражений с неопределёнными местоимениями, имеющих семантическое значение, приближенное к наречиям времени, меры и степени.

6) «Пренебрежение, указание на незначительность предмета». Данная

группа представлена местоимениями *что-то*, *кто-то*, *какой-то*. Это значение неопределённое местоимение приобретает в контексте, в котором говорится об объектах, не заслуживающих внимания, уважения, даётся отрицательная характеристика предмета. Например: «Музей появился из уважения к наполненному болью прошлому нашей великой страны. Музей создал не **какой-то** *Вадим Задорожный*, а весь Советский Союз, Россия, история» (КП, 2014); «Патрик Руа («Колорадо»), наставник Варламова и творец того самого скачка с 29-го на 3-е место **за какой-то год,** абсолютно заслуженно выиграл с очень большим преимуществом у двукратного уже олимпийского чемпиона Майка Бэбкока из «Детройта»» (Известия, 2014).

Часто указание на незначительность объекта, признака «компенсируется» за счёт использования частицы *хоть:* «Но самое интересное, что «Класс коррекции» получил и приз от жюри прокатчиков, призванного выискивать и награждать кино, у которого есть **хоть какой-то** *коммерческий потенциал*» (Известия, 2014); «Порошенко периодически требует провести расследование, но пусть он требует этого от самого себя. Если он президент Украины, то, наверное, он может обеспечить **хоть какой-то** *результат*» (Известия, 2014).

7) «Усиление выражения чувств, эмоций». Данная группа представлена местоимениями *какой-то* и *что-то*. Часто человек не может подобрать слова для определения, объяснения того или иного события, чувства. Его речь прерывиста (на письме чаще всего обозначается многоточиями внутри предложения), непоследовательна, что не в последнюю очередь создаётся местоимениями. В газетах такие ситуации отмечаются, прежде всего, в интервью. Приведём примеры: «... поставить точки в крошечных треугольниках. Журнал «Мурзилка» **какой-то**... Тест прошли все соискатели. Ну то есть откровенных идиотов не выявлено – и ладно» (КП, 2014); «Самая яркая история – как пил в Турции бесплатный ром... Компьютерщиками оказались и трое последующих – просто **какой-то** клуб любителей информатики! Но где же вожделенные банкиры и держатели крупных акций?!» (КП, 2014); «И это не любовь ведь совсем. Страсть скорее, вдохновение, **какой-то** рок-концерт, который, кажется, может длиться вечно. А он прошел-то за два часа» (Известия, 2014).

8) «Сходство, сравнение предметов». В данной подгруппе встречаются местоимения *какой-то* и *что-то*, которые употребляются в контекстах со скрытым или явным сравнением, при определении новых понятий. Например: «Потом группы солдат с обеих сторон вышли на нейтральную полосу и обменялись подарками. – На русском фронте происходило **что-то** *подобное*? – Русские и немцы впервые устроили перемирие в апреле 1915 года, перед Пасхой. Бойцы обменивались папиросами, едой и спиртным» (КП, 2014); «Расклад такой. Согласно закону нотариус – **что-то** *вроде* индивидуального предпринимателя» (КП, 2014); «Есть такое понятие – харассмент. **Что-то** *типа*, докапывание, беспокойство, которое доставляют человеку. Можно и загреметь, если это на регулярной основе» (КП, 2014).

Если местоимения *какой-то*, *что-то* используются в сравнительных кон-

текстах, то местоимение *кто-то*, напротив, встречается в текстовых фрагментах, где явно прослеживается противопоставление предметов, явлений, событий. Ср.: «Зато почти у всех есть свой алгоритм утреннего включения компьютера и выхода в сетевой свет. **Кто-то** сначала смотрит ФБ, потом рабочую почту, потом уже других адресатов, **кто-то** делает всё точно наоборот» (КП, 2014); «**Для кого-то** жара – благодать, а **кто-то** её на дух не переносит» (КП, 2014); «**Кто-то** кидался на заклятых врагов, а **кто-то** пытался передать изможденным пленникам воду и сухари» (КП, 2014).

Итак, местоимения неизвестности мы разделили на 8 групп (ср.: 4 группы Е.В. Падучевой), называя их семантическими группами. Однако следует акцентировать внимание и на том, что семантически они разделяются в зависимости от ситуации употребления. В чистом виде неизвестность проявляется только в семантической группе «Неизвестность перед будущим». В остальных семантических группах можно наблюдать более конкретные лексические значения, что зависит от контекста и ситуации речи. Отметим, что одно и то же местоимение может относиться к нескольким группам, поэтому нашу классификацию можно расценивать как условную, требующую дальнейших размышлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова О.П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. – М., 1989. – С. 146-158.

2. Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределённых местоимений // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект. – М, 1989. – С. 158-232.

3. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. – М., 2004. – 288 с.

4. Пулькина И.М. Учебник русского языка / И.М. Пулькина, Е.Б. Захава-Некрасова. – М., 1968. – 600 с.

5. Селивёрстова О.Н. Местоимения в языке и речи. – М., 1988. – 151 с.

SEMANTIC CONTENT OF INDEFINITE PRONOUNS WITH POSTFIX –TO IN DIFFERENT CONTEXTS

I.S. Semenova

In this article considered the semantic manifestation of the indefinite pronouns with a postfix -то, presented classification to the semantic groups, which was revealed at the using of these pronouns in the context.

Keywords: pronoun, indefinite pronouns, pronoun semantics, semantic groups of pronouns, newspaper media.

КОНЦЕПТ «ВЛАСТЬ» В ЦИКЛЕ «ПЕСНЬ ЛЬДА И ПЛАМЕНИ» ДЖ. МАРТИНА

Е.А. Томилина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, студент

Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Тел.: 89159312740, e-mail: renesmi0103@yandex.ru

Концепт «власти в романе Дж. Мартина рассматривается с точки зрения литературоведения, истории литературы и лингвокультурологии. Концепт представлен в нескольких категориях: власть как монарх, власть как трон, власть как топос.

Ключевые слова: концепт, когнитивное литературоведение, лингвокультурология, медиатекст.

Рассмотрение популярного сегодня цикла «Песнь льда и пламени» невозможно без сериала «Игра престолов». Как заметила Мария Штейнман, перед нами медиатекст [1]. Такой текст вполне понятен современному зрителю. История Семи Королевств напоминает средневековую хронику с рыцарями, завоеваниями, интригами, междоусобицами. Некоторые сюжетные ходы и герои романа частично или полостью заимствованы или представляют собой или прототип исторической личности, или синтез нескольких таких личностей.

Однако сегодня мы не можем говорить о том, что государь Средневековья, описанный Макиавелли, подходит героям Дж. Мартина. Описанные в «Песне» персонажи не делятся на «хороших» и «плохих». Идеал правителя Средневековья не подходит и не принимается героями саги. Автор требует от читателя смелости проводить анализ поступков и психологии. Перед нами текст, в котором говорится об исторических личностях, как бы «вписанных» в современную нам среду. В связи с этим, интересным представляется рассмотрение концептов «государь», «власть» в цикле «Песнь льда и пламени». Здесь рассматриваются представления, закодированные за языковой единицей «власть».

Концепт принадлежит сознанию и представляет собой результат эмоционального и рационального осмысления понятия [2, с.127]. Он сохраняет в себе культурные связи, накопленные за все время существования термина. Смысл концепта выражается через языковой знак. Концепт текста – это «свёрнутая смысловая структура текста [2, с.127]».

Концепт здесь – мотив, заставляющий текст «рождаться» и несущий в себе глубинный смысл, идею. Во внутренней речи текст как раз «сжимается» в представление, отражающее основной смысл, концепт. Интересно, что концепт начинает появляться до создания самого текста. Нельзя сказать, что после концепт исчезает. Он продолжает существовать в скрытом виде, внутри текста [2, с.129].

Концепт – совокупность имён, которые существуют в языке в рамках понятия. Так, мы получаем представление о власти в разных областях ее употребления. Власть закреплена и связана с правителем. Властью может быть король,

народ, духовенство... У каждого из названных претендентов своё ее понимание.

Форма правления в романе – монархическая: власть и государство принадлежат единоличному правителю, передается по наследству. В романе – король. Правитель феодального общества в идеале – воплощение образа Божьего. Он как бы стоит над всеми, он избран Богом. Король в романе существенно не отличается от подчинённых: он такой же человек, никаким образом не отмеченный свыше. Даже о тех персонажах, по отношению к которым мы видим проявление сверхъестественного, невозможно говорить как об «отмеченных». На троне может оказаться каждый. Нельзя говорить, что в мировой истории были только идеальные монархи, но все-таки у тех правителей был «божественный ориентир».

В романе Мартина нет как таковой «узаконенной» религии. Самой распространенной называется Вера в Семерых. Однако, Таргариены «подмяли» Веру под себя, лишив Септу какого-либо права на власть, моральные ориентиры стёрлись. Кроме того, существует множество культов: Владыки Света, Детей леса, Безликих, Белых ходоков, Штормового бога, Великого Жеребца... Люди не верят, потому что не понимают, в кого верить, на кого надеяться, за кого бороться, сражаться.

Если образ средневекового короля – образ спасителя государства, то в игре престолов нет Спасителя свыше, на которого бы король мог опереться. Личный выбор и ответственность определяют ход истории. Надеяться на помощь свыше невозможно. В мире игры престолов нет категорий добра и зла, но есть универсальная категория – власть [3].

Железный трон – показатель власти над Семью королевствами. Известно, что претендентов множество. И захватить Железный трон хотят многие, но почти все претенденты быстро погибают. Тогда как понять, кто достоин занять престол?

Последним Таргариеном на троне был Эйрис II Таргариен, которого называли Безумным. Он прославился благодаря Тайвину Ланистеру, своему деснице, а потерял власть из-за того, что смешивал личное и политическое, потому сошёл с ума. Убивший его Джейме Ланистер мог занять престол, но вместо этого его назвали Цареубийцей. А кем тогда был Роберт Баратеон, организовавший восстание против Таргариенов и ставший будущим королём? Роберт – прекрасный воин, но ужасный политик. После его смерти стало ещё сложнее определить истинного наследника. Станис Баратеон готов пожертвовать всем ради достижения власти, даже дочерью. Но он не пользовался уважением среди народа, погиб в битве, не реализовав собственных планов, как и Ричард III Йоркский, с которого, вероятно, списывался персонаж. Нед Старк – правитель, руководствующийся совестью и справедливостью. Мы знаем, что у Мартина нет других моральных категорий, кроме власти, поэтому Старк обречён или «играть в игру престолов, или умереть». И он закономерно умирает. Дальше правители меняются, как в калейдоскопе. Трон не принимает Джоффри: он ранит себя, поднимаясь. Он не достоин править из-за своей кровожадности, над-

менности и, к тому же, он незаконно рожденный, бастард. Он понимает власть как вседозволенность и безнаказанность. Томен – слабый, легко внушаемый мальчик. Через него к власти подбирается Воробейшество, возрождая принцип «корона и вера должны идти рука об руку». Религия здесь помогает контролировать людей, управлять массами, создавая мнимую надежду на исцеление для слабых. На самом деле, так главный Септон подбирается к трону.

Серсея Ланнистер – первая женщина на Железном Троне, она заняла его после смерти детей и убийства главного Септона. Ее образ - новый взгляд на власть. Образ Серсеи сложен хотя бы тем, что его невозможно рассматривать без связи с Джейме. Близнецы Серсея и Джейме так похожи с самого детства, что, переодеваясь в детстве в одежду друг друга, никто не мог отличить их. В подростковом возрасте она не понимала, почему её учат подчиняться, вышивать, манерничать, когда Джейме - управляться с мечом. Она требовала равенства с мужчинами, она хотела меч. Ей не дали. Поэтому она научилась обращаться с тем оружием, которое у нее есть – соблазнение. Благодаря чему обретала власть над мужчинами. После суда Септона, потери всех детей Серсея больше не соблазняет. Она становится жестоким правителем Семи Королевств. Теперь она говорит, что «власть – это сила».

Место Железного Трона относительно вакантно и постоянно. Дейенерис Таргариен – потенциальный кандидат на престол. Её завоевание начинается с земель за Узким морем. Там она теряет мужа и ребёнка, нарекая своими детьми – драконов, благодаря которым завоёвывает власть. Её понятие власти – освобождение от оков. Она не только мать драконов, она мать освобождённых ею народов. Её власть – это и месть. Она хочет завоевать Железный Трон, чтобы отомстить за свою семью, «вернуть то, что было у неё украдено». Она идёт с Востока, неся с собой новую идею всеобщего равенства. Дейенерис хочет избавиться от тирании. Смыть с себя поступки отца – Безумного короля, она старается не повторять его ошибок. У королевы Востока есть мудрые советники, которые тоже хотят изменить мир к лучшему. Вот только власть меняет их всех. Мы видим, как Дейенерис из запуганной маленькой девочки становится жёсткой правительницей. Предрасположенность к безумию может дать о себе знать в самый неожиданный момент.

Кроме того, в романе есть «герои в тени», которые не взойдут на престол, но имеют огромное влияние над теми, кто там восседает.

Вайрис – «паук», который ведёт собственную игру. Стремится ко всеобщий миру и порядку, управляя из-за кулис. Однако его средства часто крайне жестоки. Он помогает обездоленным, считая интересы простых людей – истинным ориентиром. Петир Бейлиш не признает королей, безжалостен. Его интересует только собственная выгода и благополучие. Жизни людей волнуют в самую последнюю очередь. Готов идти по головам и плести точно выверенные заговоры. Оба героя поднялись с самых низов общества, ненавидят и восхищаются друг другом. Власть в их понимании – не цель, для них важен сам подъём на верх.

Есть ещё одно понимание власти – Стена. На первый взгляд, в «Песне льда и пламени» северная Стена – пристанище бандитов и преступников. Ночной дозор давно превратился в собрание отбросов общества. На содержание Ночного дозора выделяются мизерные средства, в то время, как Стена охраняет великие дома Вестероса от неизбежно надвигающейся опасности – смерти, приближения Короля Ночи. Интересно, что люди Ночного дозора полностью отрекаются от всех земных благ, своего имени и рода, умирают для мира живых. Они – живые мертвецы [4, с.190], охраняющие мир живых королей от мёртвого короля. Джон Сноу (как позже узнаем – Эйгон Таргариен), не принятый в Винтерфелле, находит себя именно на стене. Вероятно, он – надежда всех живых. В его жилах – кровь волков-Старков, драконов-Таргариенов и варгов из-за Стены. Он – прямой наследник Железного Трона, но править он отказывается. Он правит людьми на Стене, потом людьми за Стеной после объединения одичалых с Ночным дозором. Возможно, Джон-Эйгон – обещанный в пророчестве принц. Для Джона власть – ответственность.

«Смерть» братьев Дозора – уравнивает каждого. Не важно, кем ты был на землях Вестероса, на Стене все равны. Возможно, знать избегает Стены, потому что боится равенства. Кто-то сможет спастись от мяча, от дракона, от Джона Сноу, от бедности, но никто не спасётся от смерти. Все статусы, ордена, имущества равняются нулю перед её лицом.

Итак, Джордж Мартин рисует перед нами картину не средневековой Европы, а нашу современность. Герои наделены понятными нам чувствами – страх за своё положение, страх оказаться на затворках жизни, в Ночном дозоре, перестав существовать для всех «состоявшихся». Безволие, снова страх за завтрашний день, неспособность прощения, отсутствие терпения и постоянный обман. Надеяться на высшее просветление, появление надежды на помощь – бесполезно. Герои понимают, что в предложенной помощи – скрытый яд. Не только персонажи принимают несправедливость, но и мы тоже. Мир не делится на «хороших» и «плохих». Каждый из героев показывает, что быть только «хорошим» невозможно. Классический пример – Санса Старк, которую воспитывали как хорошую девочку, хорошую хозяйку, хорошую жену и мать. Жизнь обошлась с ней так же, как и с остальными героями. Чтобы отвоевать родной Север, Санса стала жесткой. Мы понимаем, что просто плыть по течению нельзя, иначе не выживешь. Каждый из героев в своё время понимает, что должен взять ответственность за собственную жизнь сам, должен обрести власть над собственной жизнью, сам нести ответственность за принятые решения. Власть в романе Мартина рассматривается с разных углов – сила и могущество, возможность заявить о себе, желание безнаказанно совершать преступления, средство мщения или достижения цели. Невозможность обрести власть над самым ценным – жизнью, вот что должно действительно тревожить. Но каждый сам выбирает сторону.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мария Штейнман. Онлайн лекция для портала ПостНаука. – Режим доступа: https://postnauka.ru/video/98531.
2. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
3. Родькин П. Бесконечный нарратив. Герменевтика сериала. – М.: Совпадение, 2019. – 256 с.
4. Добров О. Рецензии. «Игра престолов» (рус.) // Если. – 1999. – № 9. – 265 с.
5. Джордж Мартин (в переводе Николая Теченко). Правдивая песня льда и огня. Фрагменты интервью Science Fiction Weekly (рус.) // Книжное обозрение: Газета. – 2000. – № 51 (1801). – 16 с.

CONCEPT «POWER» IN THE CYCLE OF «SONG OF ICE AND FLAME» J. MARTINA

E.A. Tomilina

The concept of power in J. Martin 's novel is viewed in terms of literature, history of literature, and linguoculturology. The concept is presented in several categories: power as a monarch, power as a throne, power as a topos.

Keywords: concept, power, sovereign, monarchy.

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНСКАЯ ПРОЗА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРОПОВ И ЦВЕТА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.А. Туранина

Белгородский государственный институт искусств и культуры, факультет социально-культурной и информационно-библиотечной деятельности, кафедра библиотечно-информационной деятельности, доктор филологических наук, профессор

Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королёва, д. 7

Тел: 89511599770, e-mail: bgiik@bgiik.ru

Представлен результат исследования современной женской прозы (около 100 авторов-женщин) на предмет особенностей тропеической составляющей и колоративных предпочтений. В работе выявлена частность тропов в художественных текстах, а также особенности использования колоративов писателями-женщинами.

Ключевые слова: женская проза, тропы, сравнения, метафоры, колоративы.

Выделение «женской прозы» в контексте современной литературы обусловлено несколькими факторами: автор – женщина, центральная героиня – женщина, проблематика так или иначе связана с женской судьбой. Немаловажную роль играет и взгляд на окружающую действительность с женской точки зрения, с учетом особенностей женской психологии. «Женская проза» официально была признана литературным явлением в конце XX века и сегодня выделяется как устойчивый феномен отечественной литературы. Как независимое, своеобразное и специфическое течение женская проза возникает только в середине 1990-х гг.

Языку отдельных писателей посвящены изыскания М.А. Бондаренко (язык В.С. Токаревой), Т.В. Пьянковой (стиль Л. Улицкой и Л. Петрушевской). Концептуальным особенностям – исследования Н.А. Тураниной (концепты «воздух» и «земля»), Н.Д. Жидковой (концепт «семья») и другие [2; 3; 4] .

В настоящее время внимание литературоведов и лингвистов по-прежнему сосредоточено на изучении художественных текстов, и поэтому анализ образных средств в прозе современных авторов-женщин представляется весьма актуальным. Троп (от греч. «tropos» – поворот, оборот речи) – подразумевает перенос наименования традиционно называющее один предмет для обозначения другого предмета.

Исследование феномена сравнения, его грамматических форм в составе простого и сложного предложений, функционально-стилистических особенностей в различных видах текстов нашли свое отражения в работах Н. Д. Арутюновой, В.В. Виноградова, Р.А. Будагова, В.П. Вомперского, А.И. Ефимова, Л.А. Киселевой, А.Н. и М.Н. Кожиной, Е.Н. Некрасовой, А.Ф. Прияткина, Д.Э. Розенталя, Н.А. Тураниной, М.И. Черемисиной.

Сравнение является самым распространенным средством художественной изобразительности в современной женской прозе: О. Славникова (69,3%), В. Токарева (68%), Т. Толстая (59%), И. Муравьева (54%), Н. Горланова (54%), Д.

Рубина (53%), Л. Петрушевская (52%), М. Арбатова (52%), Г. Щербакова (52%), Г. Улицкая (52%), Е. Чижова (51%), А. Матвеева (49%), и многие другие авторы около (40%). Женщины-писатели логично выстраивают линии распространения образного компонента и реализуют систему наглядности изображаемых реалий бытия. Многообразие, уникальность и высокий потенциал функционирования компонентов сравнительной операции рождают сублимацию их смыслосодержащих компонентов, что в результате создает то единое поле для рождения новых, возможно, окказиональных ассоциаций. Структура сравнения представлена предметом и образом сравнения.

В качестве образа сравнения выступают различные тематические группы:

1. Имена собственные, называющие, исторических лиц, политических деятелей, ученых, национальных героев: Жанна д' Арк, А. Матросов, Михаил Кутузов, Наполеон Бонапарт, царица Савская, Эйнштейн и другие.

Первый-один. Как Жанна д' Арк или Михаил Кутузов [Токарева].

2. Имена сказочных персонажей: Буратино, Иван-дурак, Иван-царевич, Колобок, гном, принцесса, Пьеро, Шахерезада, Царевна-лягушка и т.д.

(Телефонный автомат)... выдал Антонову бодрый, как у Буратино, Светин голосок [Славникова].

3. Имена литературных, античных и киногероев: Анна Каренина, Наташа Ростова, Нина Заречная, Робинзон Крузо, Раскольников, Венера, Гюльчатай, Орфей, Эвридика, радистка Кэт, Гобсек и другие.

Я, как чеховская Нина Зеречная, бредила о славе [Токарева] и многие другие.

Одной из важных проблем исследования метафоры является вопрос о минимальном семантическом контексте, в котором совершается процесс метафоризации. В исследованиях лингвистов понятие контекста охватывает объем от словосочетания «метафорической группы слов» до «сверхконтекста».

Существуют различные подходы в изучении метафорики (когнитивный, прагматический, семиотический, образно-эмотивный и др.), характеристика которых представлена в работах О. Алешиной, Н. Арутюновой, М. Блэка, К. Бюлера, А. Вежбицкой, В. Гака, О. Глазуновой, В. Григорьева, С. Гусева, Ю. Караулова, Х. Кларка, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, А. Лосева, В. Москвина, М. Никитина, В. Петрова, Ж. Пиаже, А. Ричардса, Л. Рынькова, Дж. Серля, Ю. Солодуба, Г. Скляревской, В. Телии, Н. Тураниной.

Метафорическое употребление лексем способно моделировать признаки, не имеющие аналогов среди средств прямой номинации, но для выполнения коммуникативной функции – передачи информации подобное употребление недееспособно, поскольку метафора произвольна и не способна указывать на предмет речи, для предиката метафора семантически диффузна, «ее цель – вызвать представление, а не сообщать информацию» [1]. Структура метафоры включает метафоризируемый и метафоризирующий компоненты.

Метафоризируемый компонент образа представлен более чем 30 тематическими группами слов в женской прозе, среди которых наиболее частотными

и яркими по своей семантике являются следующие:

• стихия «вода» (номинация водного пространства, водных потоков, состояний воды): поток принцев [Юрьева];

• стихия «земля» (рельеф, металлы, почва и т.д.) на шахматном поле любви [Токарева];

• стихия «огонь» (процессы и продукты, связанные с огнем и т. д.): огонь мщения [Муравьева] [6].

Необходимо отметить, что общий мониторинг образных средств в современной женской прозе показал, что эпитет, олицетворение и другие виды тропов составляют лишь чуть более 10% в общей системе тропов.

Гипербола – это один из тропов, основной функционал который состоит в усилении эмоционального эффекта. Например: (она) впилась зубами собаки бультерьер [Токарева].

Метонимия – художественный троп, построенный на смежности явлений, предметов или понятий. Самой распространенной функцией метонимии является изобразительная, то есть обозначение содержимого через содержащее. Например: девушка... выпила вино яркими губами [Котова].

Синекдоха – троп, основывающийся на смежности количественного характера при отношениях между целыми или вообще чем-то большим и его частью, отдельными элементами. Например: чахлое солнышко [Улицкая].

Особый интерес представляет цветовой эпитет, который может репрезентировать семантику цвета через колоритивные номинации, обозначающие предметы определенного цвета: серебряно-голубая луна [Улицкая], серебристо-зеленая мурава [Рубина] или образные оттенки цвета: желудевые глаза [Токарева].

Олицетворение – художественный прием, придающий неодушевленному понятия, предмету или явлению свойства и черты одушевленного. Например: электричка съедала полтора полезных часа [Рубина] [7].

Частность использования цветообозначающей лексики в художественном дискурсе женщин-писателей, выглядит следующим образом: номинации группы синего цвета и его оттенков в произведениях Д. Рубиной – 246 единиц (13%), Л. Улицкой – 238 единиц (12%), И. Муравьевой – 230 единиц (11%), В. Токаревой – 221 единиц (10%), О. Славниковой – 160 единиц (8%), О. Кучкиной – 130 единиц (6%), М. Метлицкой – 128 единиц (5%), у остальных авторов номинация синего цвета составляет менее 5%.

Колоративная лексика используется авторами и в составе тропов, анализируемые тексты позволяют выделить функциональные назначения данных цветообозначений. Так, в художественном дискурсе исследуемых писателей цветолексемы «белый», «белесый» довольно часто являются эпитетами: серебристо-белая фата летала в воздухе [Улицкая]; снежно-белый огонь бури [Муравьева]; кристально-белые цветы черемухи [Славникова]; дымчато-белые хризантемы улыбались мне [Шарапова]; засмотрелись в грустно-белую воду [Букша]; ожерельно-белая грусть [Шарапова]; березово-белый сарафан сестры [Середина]. Активны образные номинации, передающие белый цвет «амиасто-

вый», «лилейный», «кипенно-белый», «молочный» в роли эпитета: амиастово-прозрачное небо [Рубина]; кипенно-белая пена весенних садов [Толстая]; молочно-белый огонек свечи [Поволоцкая]; лицо мраморно-белое, будто живое [Володина].

Колоратив «зеленый» в языке современной женской прозы в переносном значении может быть эпитетом: в ее шелковисто-зеленых глазах отражалось море [Поволоцкая].

В художественной дискурсе также используются репрезентанты красного цвета в составе метафоры в прямом и переносном значении: кровавое месиво зари [Муравьева].

Таким образом, образно-колоративная картина мира писателей-женщин отличается особым колоритом и функциональной направленностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия ОЛЯ АН СССР. – 1990. – Т. 7.37. – № 4. – С. 5-6.

2. Бондаренко М.А. Особенности современной «женской прозы» на примере анализа творчества В.С. Токаревой // Русская словесность. – 2015. – № 2. – С. 34-43.

3. Жидкова Н.Д. Репрезентация семейной проблематики в современной женской прозе // Современная семья: состояние, проблемы, перспективы: материалы научно-практической конференции, 2006. – С. 111–115.

4. Пьянкова Т.В. Лексическое представление ассциативно-семантического поля «Семья» в современной женской прозе (на материале произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской): дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2012.

5. Туранина Н.А. Концепты «воздух» и «земля» в современной женской прозе // Гуманитарные и исследования. – 2011. – № 4. – С. 264-267.

6. Туранина Н.А. Метафорическая составляющая в современной женской прозе // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 1. – С. 60-63.

7. Туранина Н.А. Образная репрезентация мира в современной женской прозе // European Social Science Journal. – 2014. – № 6-3 (45). – С. 214-221.

MODERN WOMEN'S PROSE THROUGH THE PRISM OF TROPES AND COLOR: LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT

N.A. Turanina

The article presents the result of a study of modern women's prose (about 100 women authors) on the features of the tropical component and color preferences. The work identified particular tropes in fiction, and especially the use of coloration by women-writers.

Keywords: women's prose, tropes, comparisons, metaphors, colorative.

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА ПЕРЕКРЕСТКЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ГЕРОЯХ ТОЛСТОГО, ДОСТОЕВСКОГО, КАМЮ

Н.М. Фортунатов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, институт филологии и журналистики, кафедра русской литературы, доктор филологических наук, профессор

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23

Тел.: 89519144695, e-mail: nmfort@mail.ru

Рассматривается проблема нравственного выбора в творчестве Альбера Камю, Достоевского и Толстого. Подвергнут анализу «Миф о Сизифе», где идея абсурда, в отличие от русских классиков трактуется как важнейший формообразующий принцип, а Достоевский с романом «Бесы» истолковывается как предтеча экзистенциализма. Исследование сосредоточено на образе Пьера Безухова, в котором идея нравственного выбора особенно полно разработана автором «Войны и мира» и дает возможность выдвинуть новые направления в исследовании образной системы трех писателей. В качестве выводов предлагаются положения, существенно дополняющие традиционную поэтику и общую теорию литературы. 1. Значение контраста как средства динамического развития образа. 2. Специфика построения структуры для семантического выражения художественных идей.

Ключевые слова: структура, образ, выбор, абсурд, классика , эмоция. семантика.

Экзистенциалистом Ф.М. Достоевского представил читателям, литературному и научному миру Альбер Камю. С его точки зрения, экзистенциональный выбор является неизбежной частью «программной» («пороговой») ситуации, когда субъекту нужно выбирать между созерцанием и действием. Проблема выбора ставится в центр его философствования о мире и одновременно истолковывается как краеугольный камень собственного литературного и художественного творчества. [1, с.128]

Целостная система этих представлений нашла наиболее полное отражение в знаменитом эссе «Миф о Сизифе», где в центр анализов выдвинут Достоевский с его «Бесами». Изложив идеи Хайдеггера, Ясперса, Кьеркегора, из русских философов – Шестова скорее метафорически, с позиций собственной философской концепции, чем в логически четких определениях, Альбер Камю дает свое мнение об экзистенциальном образе мысли. Единственной данностью для него является абсурд; он постоянно, с некоторой монотонностью повторений, возвращается к нему, выделяя его во всем: в анархии и хаосе жизни, в иррациональности человеческого существования, даже в собственной философии и литературном творчестве. Все можно отринуть в окружающем мире, кроме абсурда: «Человек, осознающий абсурд, навсегда к нему привязан» [2, с.489].

Л. Н. Толстой оказался за пределами экзистенциального восприятия мира. По-своему это справедливо, если принять во внимание, что реализм – философия на основе бытия, а экзистенциализм – бытие на основе философии. Иными словами, Толстой поднимается до уровня категоризации фактов вымышленной реальности, где и формулируются в самих создаваемых им образах постулаты его учения. Он стремится к тому, чтобы действующие лица оживали под его

рукой всей невыразимой сложностью всего живого, как говорит художник Михайлов в «Анне Карениной», его alter ego в вопросах искусства и тайнах творческого процесса. Достоевский же, с которым он постоянно сопоставляется, идет от идей, воплощаемых им в конкретных сюжетных ситуациях и героях. Этим объясняется тот факт, что особую группу его произведений составляют многофигурные композиции, в которых человек воплощает ту или иную сторону авторской идеи, что вполне укладывается в стилистику экзистенциальной прозы. И остается только удивляться творческому чуду Достоевского, когда эти люди «из пламени и льда» [2, с.536], к тому же рисуемые им в невероятно обостренных психологических ситуациях, оказываются так близки читателям.

Однако обоих великих мастеров, Толстого и Достоевского, волнует общая проблема человека, русского человека, который в силу своего менталитета, складывавшегося веками в истории, в самом просторе его земли, постоянно оказывался перед ВЫБОРОМ. Знаменитая картина В.М.Васнецова «Витязь на распутье»: русский богатырь в полном вооружении на боевом коне в глубоком раздумье стоит в поле перед камнем с высеченными на нем направлениями пути и судьбой, которая ждет впереди, – эта опоэтизированная мифология старых преданий, высказанная великим живописцем в образе-олицетворении, без какого бы то ни было произвола и натяжек может быть воспринята как символ русского писателя и, более того, как свойство русской литературной классики. Она неизменно, самым фатальным образом всегда будет найдена у порога значительной нравственной идеи, которую во что бы то ни стало требуется найти, воплотить и в итоге тяжелейших творческих усилий отправить под типографский станок, чтобы выйти, наконец, к широкому кругу читателей, ради которых все и было затеяно. Как это произойдет, автор не может предугадать, знает только, что все решит работа, и, если придет удача, то его ждет успех, при неудаче – поражение, обвал болезненных, безжалостных, часто несправедливых отзывов критики или, что еще хуже, холодное равнодушие читателей.

Другая черта, роднящая разных мастеров, в их числе и русских писателей, заключается в том, что подобные идеи находят свое выражение у них чаще всего в романном жанре или в повестях, где их можно развернуть в пространном нарративе. Еще одно сходство : носителями таких идей, как правило, являются центральные герои (в романах Достоевского – Раскольников, Свидригайлов; Ставрогин, Верховенский, Кириллов; князь Мышкин, Рогожин; Иван, Дмитрий, Алеша Карамазовы). Толстой в этом отношении ближе к Камю; у него представителем идеи выбора чаще всего оказывается один герой, настойчиво ищущий смысла жизни и своего места в ней: в «Казаках», по размаху повествования и принципам построения сюжета переходящих в роман, Оленин, в «Анне Карениной» Левин, в «Воскресении» Нехлюдов. Исключением становится его первый гениальный роман. В нем появляются не просто рядом, а нередко в непосредственном общении друг с другом одновременно два центральных героя: князь Андрей Болконский и Пьер Безухом. Это в полном смысле слова герои-искатели; события на каждом шагу уводят их в космические пространства фи-

лософии жизни, истории, людских будней, божественной воли.

Причем, это характеры не только сопоставляемые, а резко противопоставленные друг другу, своего рода антиподы. Один – представитель высшего света и древнейшей русской фамилии. Его поступки предопределены давней традицией, скрытой в генеалогии князей Болконских и в мысли о том, что основой всего монархического уклада лежит честь. Эта мысль была близка самому Толстому; в процессе работы над романом он заимствовал ее из собственного дневника молодых лет, передав вымышленному своему герою. [3, с.415]. Другой герой – человек без роду и племени, внебрачный сын екатерининского вельможи, после смерти отца по его завещанию наследовавший его громадного состояния и графский титул.

Единственное, что роднит их в перипетиях нравственного выбора, это их неудачная женитьба. В разработке образа князя Болконского она остается за пределами романа, ясно только, что семейная катастрофа была результатом его искреннего увлечения, о чем можно смутно догадываться по случайным репликам его отца и по тому, как складываются отношения мужа и жены. Во всем прочем этот персонаж отмечен крайней концентрацией энергии, сжатой в трех кульминациях, отмеченных необходимостью выбора: крушение мечты о своем Тулоне, испытание любовью и Бородинским сражением, когда спустя два месяца после ранения он умирает на руках любящей его Наташи Ростовой.

В отличие от него, за Пьером тянется целый шлейф самых драматических происшествий, приводящих его то и дело в состояние, близкое к сумасшествию, или на грань смерти, и только случай всякий раз спасает его. По необходимости в краткой по объему статье целесообразным представляется заняться именно им, этим феноменальным героем, исключительным в том отношении, что именно он дает большой материал для исследования поставленной проблемы, и, кроме того, приводит в результате анализов к совершенно неожиданным результатам.

Первые два порога нравственного выбора (том первый романа), по какому пути отправиться: военной карьеры или стать дипломатом, – не стоит ему никаких усилий, даже раздумий. Князь Курагин, пустив в ход свои связи, делает его камер-юнкером, что соответствует высокому званию статского советника. Второй выбор, женитьба на Элен Курагиной, хотя и дается ему с большим трудом и сомнениями и повлечет за собой для него множество испытаний, тоже не требует от него никакого действия. Он в этот момент всего лишь марионетка в руках князя Василия и попадает в западню, ловко расставленную для него, несмотря на то, что осведомлен о сплетнях по поводу сомнительных отношений Элен с ее братом, уверен в том, что она глупа и что он не любит ее.

Кульминация второго тома (часть первая) – дуэль с Долоховым, когда Пьер, судя по всему, должен был погибнуть и непременно погиб бы, если бы не его поспешный выстрел (он никогда не держал в руках не только дуэльного пистолета, но вообще никакого оружия) в пространство, наобум, ранивший вопреки всему его соперника. Во второй части Пьер появляется в состоянии тя-

желейшей депрессии; какой-то важный винт «свинтился» в душе, жизнь лишена всякого смысла, восстановить себя можно только смертью, но и умереть страшно. Именно в этот момент происходит спасительная встреча с руководителем масонских лож, и вновь возникает надежда. Время вскоре все расставляет по своим местам: несмотря на новый строй мысли, он постепенно входит в знакомый круг забот, теряет нить нравственного поиска и отброшен в тиски знакомой, ужасающей его рутины.

Прерывают неумолимое скольжение вниз события 1812 года. Со времени выезда из Можайска, когда он мучительно задумывается над тем, как *они*, эти встреченные им офицеры, солдаты, ополченцы спокойно и радостно идут под веселую плясовую песню на верную гибель, попав сам на Бородинское сражение, как оказалось, в самое его пекло, на гибельный редут Раевского, видя вокруг себя растерзанных ядрами и пулями, гибнущих в страданиях людей, испытав ужас смерти, опалившей его своим дыханием: взорвавшийся недалеко от него ящик с боеприпасом, он не может уже вернуться в прежнее свое состояние и решает остаться в Москве, чтобы совершить покушение на виновника, как полагает, всего пережитого ужаса, императора французов.

С этого момента возникают новые события, грозящие ему гибелью. Сначала схватка с жандармами, когда его громадная сила едва не стоила ему верной гибели, потому что он вступил в борьбу с вооруженными людьми; затем новая кульминация: встреча с маршалом Даву, известным своей жестокостью; расстрел «поджигателей», среди которых он оказался, и все-таки остался жив. Наконец, его общение уже в плену с простым солдатом из крестьян Платоном Каратаевым, который вновь возвращает его к жизни. Эти эпизоды дают дополнительные оттенки смысла понятию «толстовство» («толстовщина») в отличие от столь же распространенного определения «достоевщина», несущего в себе отрицательный смысл, узаконенный Горьким. Сцены с Платоном Каратаевым объясняют причины возникновения и громадного воздействие теории Толстого о непротивлении злу насилием; она содержит в себе систему не только религиозно нравственных идей, открытых им в Святом Писании, в проповедях отцов церкви, наконец, в идеологических учениях, которые были знакомы ему в подробностях как философу-аналитику, но и опирается на мощный пласт народного, точнее сказать, простонародного, сознания, олицетворенного в Платоне Каратаеве. Граф Безухов вновь остановлен у края гибели, возвращается к вере в жизнь, под влиянием крестьянина-солдата прежде разрушенный мир на каких-то незыблемых новых основах воздвигается в его душе. Но, чтобы это произошло, ему приходится совершить еще один выбор: отказаться от предложения перейти в барак для пленных офицеров, решив остаться с мужиком - Платоном Каратаевым. Для него он оказывается носителем высшей мудрости: что сказал бы этот человек , как он повел бы себя в тех или иных обстоятельствах? – это важно не только для него, но и для всех близких ему людей, об этом постоянно говорит даже Наташа, став графиней Безуховой.

Заключительный раздел романа, где в последний раз появляется наш ге-

рой, назван эпилогом, хотя не вполне отвечает традиционным функциям финала: сюжет не завершен, действие не приведено к исходу, Марья Болконская брошена на перепутье, к ней автор вернется, уже начав эпилог. Но Пьер Безухов выдержан до конца. Ясно, что перед событиями послесловия он сделал еще один решительный шаг, вступил в тайное общество декабристов и спустя некоторое время станет участником драматического 1825 года. Роман «Декабристы», опубликованный значительно позднее, вернет его уже седым стариком к «Войне и миру», которая писалась с 1856 года как повесть о декабристе, возвращавшемся из Сибири в Россию. Судьба до сих пор хранила его в романе-эпопее, но, выйдя за его пределы, он обречен, оставшись во всем верным себе: в финале «Войны и мира» Пьер Безухов передает эстафету своего нравственного поиска другим. Его дело будет кому продолжить: ведь с таким напряженным вниманием его слушает Николенька Болконский, подросший сын князя Болконского.

Проделанный анализ дает возможность сделать выводы, в некоторых случаях парадоксальные по своей неожиданности. Казалось бы, самый спокойный, уравновешенный персонаж «Войны и мира» в действительности является самым драматически напряженным характером; ему приходится пройти несколько испытаний, чтобы избежать смерти и выйти из катастроф, способных сломать жизнь человека.

Другой вывод состоит в следующем. Становится очевидным, что художественная структура романа строится так, что сама по себе, в своих построениях и связях объясняет экспрессию авторского стиля. Развитие идет в чередовании сменяющихся подъемов и спадов повествовательного напряжения. Пульсирующий, прерывистый, эмоциональный ритм повествования захватывает читателя своим потоком. Поэтика и общая теория литературы, как правило, минуют этот скрытый план выражения авторских идей.

Наконец, при таком подходе снимается вечный вопрос о противопоставлении, даже противоположении дарований Толстого и Достоевского, наиболее полно высказанный еще Мережковским в его мнимо-философском заключении о Толстом – гении пластики и Достоевском – гении духовно-душевных движений персонажей и автора. То, что герои Достоевского то и дело оказываются на грани аффекта, нередко переступая через грань, было замечено давно. Осталось не замеченным, что, образно говоря, вулкан бурных эмоций, вполне в духе эстетики Толстого, где основой искусства является передача выстраданного автором чувства, клокочет в глубине его текста, вырываясь протуберанцами в кульминационных эпизодах. Это один из самых эмоциональных мастеров русской литературы. С ним рядом среди прозаиков могут стать только Пушкин в «Повестях Белкина», Достоевский и Чехов. «Посторонний» А.Камю лишает сам себя проблемы выбора, перед которой оказываются герои русской классики. Экзистенциализм и структурализм, рожденные семантикой генетических связей с художественным опытом России, оказываются более рационалистичны...

ЛИТЕРАТУРА

1.Демидова С.А. Человек перед лицом абсурда: проблема экзистенциального выбора в философии Альбера Камю // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3.

2. Камю Альбер. Счастливая смерть. Посторонний. Чума. Падение. Калигула. Миф о Сизифе. Нобелевская речь. – М.: Фабр, 1993. – 574 с.

3. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в двадцати двух томах. Т.5. – М.: Художественная литература, 1980. – 426 с.

RUSSIAN MAN AT THE CROSSROADS: GENERAL AND SPECIAL IN HEROES OF TOLSTO, DOSTOEVSKY, KAMYU

N.M. Fortunatov

The article considers the problem of moral choice in the works of Albert Camus, Dostoevsky and Tolstoy. Subjected to the analysis is the Myth of Sisyphus, where the idea of the absurd, unlike the Russian classics, is interpreted as the most important formative principle, and Dostoevsky with the novel Demons is interpreted as the forerunner of existentialism. The study focuses on the image of Pierre Bezukhov, in which the idea of moral choice is especially fully developed by the author of «War and Peace» and makes it possible to put forward new directions in the study of the figurative system of three writers. As conclusions, propositions are proposed that substantially complement traditional poetics and the general theory of literature. 1. The value of contrast as a means of dynamic development of the image. 2. The specifics of constructing a structure for the semantic expression of artistic ideas.

Keywords: structure, image, choice, absurdity, classic, emotion, semantics.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОЛОГИЯ В АСПЕКТЕ РЕЦЕПЦИИ И АНАЛИТИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В.А. Фортунатова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, институт экономики и предпринимательства, кафедра культуры и психологии предпринимательства, доктор филологических наук, профессор

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23

Тел.: 89519024506, e-mail: fortunatova2@mail.ru

Социальная филология порождена актуальным состоянием отечественной культуры, взаимосвязана с методом социологического анализа в отношениях притяжения и отталкивания. Она отражает раздробленность общественных представлений о значении Слова в современной России, многоаспектный характер восприятия классического наследия, новые условия художественного процесса. Изучение этих аспектов существенно обогащает актуальную методологию анализа литературного текста и его влияния на человека.

Ключевые слова: аналитика, ангажированность, идеологичность, интенциональность, импринтинг, концептуализац, оксюморон, пафосность, рецепция, субъективизм.

Оксюмороника в наши дни становится самостоятельным понятием, в котором отражаются как порождающие его противоречия, так и закономерности их разрешения. Вот почему оксюморон сегодня – это не столько стилистический эффект, но, прежде всего, – семантическое новообразование, означающее перемещение «назад в будущее». Социальная филология относится к числу таких экзотических разновидностей, которые можно отнести к перспективным ресурсам аналитики.

В сочетании социального и филологического, по устоявшимся представлениям, существует конфликт базиса и надстройки. Противоречие между этими состояниями отечественного бытия во многом спровоцировано устойчивым засилием социологизма в филологической науке, рецидивы которого все еще дают себя знать и в наши дни. Взаимоотношения социальной филологии и социологического метода в лингвистике и в литературоведении изучены слабо в силу неопределенности самого феномена социальной филологии. Между тем вульгарный социологизм, рассматривающий литературу как «отражение борьбы классов» уже развенчан, но демонстрирует свою стабильность в актуальном пространстве, хотя бы и в видоизмененной форме. Только классовая идеология художественного текста заменилась более аспектными концепциями – экономического психоанализа, либерального историцизма, гендерного эксгибиционизма и т.д.

Так что ленинский тезис в «Партийной организации и партийной литературе» (1905) о том, что художник слова зависим от общества, не потерял своей злободневности и получил множественное воплощение в условиях политического и идеологического многообразия. Однако в условиях отечественного прошлого социологизм придавал официальному литературоведению статус

академизма, с которым были связаны как многие потери в сфере аналитики, так и определенные успехи в деле воздействия филологического знания на общественное сознание.

Сегодня такое влияние ослабело, и это воспринимается как определенный кризис в развитии социальной культуры. И здесь же таится импульс такой метаморфозы. Социологизм как вид идеологической борьбы в сфере искусства слова за умы и сердца читателей обладал мощью и экспрессией диктата, монопольным правом предписаний, отбора цитат, системой доказательств и прочими атрибутами научно-психологического догматизма, известными в гуманитарной истории. Рубеж XX-XXI веков, столкнувший множество разнородных идей в некое целое, переместил исторический опыт в будущее, минуя настоящее, для которого главным было создание не стилистического, а семантического эффекта новизны, достижимости, освобождения и прочих новых состояний. Логос вытеснил пафос и этос, что означало принципиальное изменение реакции на окружающее и ее воплощение в художественных текстах.

Возникает отчужденность писателя по отношению к изображению, переходящая в игру с темой и читателем. Вместе с нею появляется подчеркнуто антипафосный стиль с переакцентировкой личного и общественного. Все эти исходные явления в пространстве филологии создали зону новой многозначительности, определили примат мещанского, пессимистического, социально-мизнатропного, обнажено-шокирующего над нравственно-воспитательным, – вектор развития литературы новых идей обозначил перспективу филологического саморазрушения.

Не стоит, впрочем, полагать, что социальная филология исключительно зависима от общественных изменений последних десятилетий. Ее появление в принципе тесно связано с любыми тектоническими сдвигами коры общественного бытия. Это особенно стало заметно в эпоху «оттепели» и явственно проявилось в первой повести А.Солженицина с авторским названием «Щ-854. Один день одного зэка»(1963), которого затем определили как «Иван Денисович». На смену производственным и прочим романным жанрам пришло изображение состояние человека определенной социальной категории. Такое можно было наблюдать в гоголевском образе Акакия Акакиевича Башмачкина с его возгласом «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?». В таком смысле советская литература в этот период подтвердила гуманистическую формулу русской литературы «Все мы вышли из гоголевской шинели». Роман Ю.Бондарева «Тишина»(1964), повесть В.Распутина «Прощание с Матёрой»(1976) и множество других знаковых произведений при всем несходстве авторских позиций и явленных читателю героев несут на себе не просто «печать гражданственности», как тогда отмечали в литературоведении общественно-значимые по тематизму тексты. Они означали феноменальные ростки социальной филологии, которая не оформилась с необходимой отчетливостью так, как это могло случиться при активной общественной позиции и сомасштабными ей талантами.

В 90-е годы, когда общественные сдвиги затронули буквально все устои и

сферы частной и общественной жизни личности, появляется феномен В. Пелевина и, в частности, отражение эпохи в его романе «Generation П» (1999), где был создан собирательный образ поколения семидесятых. Сменился художественный modus operandi автора, но сохранилось очевидное сходство перечисленных выше произведений – обостренное восприятие социально-психологических проблем в определенных общественных сферах и последующее воздействие на общество после перевоплощения этих проблем в образное начало. Так, обозначилось живое, можно назвать «биомагнитное» качество социальной филологии: рожденная обществом она затем этим обществом управляет. Утрата общественных контуров приводит к размыванию ее типологических параметров.

Социальная филология на дальнейшей стадии своего развития оказалась порождением так называемой «гипореальности», которую характеризуют ослабление системы различий, нечеткость критериев истины, смешение фактов с мифами и другие особенности российской «недобытийности», отмечаемые научной гуманитаристикой [1,с. 342-343]. Художественная литература предвосхитила выводы исследователей. Роман В.Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996) передает это свойство гипореальности, осознаваемой очень многими авторами, не способными, однако, оформить такое состояние в понятийно-образный строй художественной формы. Отсюда столь шумный успех этого произведения, которое сам автор определил как «первый роман, действие которого происходит в абсолютной пустоте» [2].

Ничто не является «хорошим плохим». Социальная филология в ее актуальном состоянии прошла три важнейших этапа своего формирования и трансформации – «оттепель», «перестройку», «рынок». Каждый из них создавал свою модель изменчивости, сохраняя между тем то общее, что уже отмечалось выше. За это время очевидным стала «смерть субъекта», провозглашенная М.Фуко, Р.Бартом. Она повлияла на разрушение художественного характера в принципе, сформировала «безгеройность», которую было невозможно компенсировать вариативным сюжетостроением в филологической продукции. К этому добавилась «смерть социального», в которой Ж. Бодрийяр убеждал читателей своего трактата «Символический обмен и смерть» (1976). Все эти новые качества литературы отечественная аналитика провозгласила «происками постмодернизма», Однако механизм смены парадигм в социальной филологии оставался невыявленным. Следует согласиться с мнением А.М.Фахрутдиновой, что модель изменчивости в принципе «внесла меньший вклад в объяснение новаций, чем нормативные» образцы [3, с. 105].

Суть изменений состояла в переходе филологии из сферы искусства в статус культурной индустрии, более отвечающей рыночным условиям ее существования, раздроблению читательской аудитории. Мотивы чтения. вторжение СМИ и интернета в процесс формирования личности изменили традиционные функции чтения и затормозили динамику читательской активности. Вместе с тем это сказалось и на художественно-коммуникативных намерениях самих авторов, и на их творческих возможностях. Литературный вкус стал коммерче-

ским понятием, фамилии писателей, уловивших предпочтения определенного сегмента читательской аудитории, превратились в бренды. «Фабрика литературы» изменила авторскую интенциональность (intention –лат. намерение), в которой не познание мира, не возрождение вечных истин, но предметная интерпретация ощущений, вещей, смыслов, совпадающих/несовпадающих с мнением своего читательского круга , является главной творческой задачей художников, рассчитывающих на успех и общественное признание. При это часто возникает синдром авторского «выгорания, не повторяющий по своей природе творческий кризис в классической истории литературы.

Романы С.Минаева «Духless. Повесть о ненастоящем человеке» (2006), «The Тёлки. Повесть о ненастоящей любви» (2008) и «Videoты» (2010) раскрываются самоопределением писателя: «Я поневоле стал голосом поколения» [4]. Подобная *вынужденность*, заступившая на место прежней писательской зависимости застойных времен в общественной истории России, которые именовались «развитой социализм», весьма характерна в устах одного из самых успешных авторов актуального литературного пространства. Речь не идет о творческих амбициях повлиять или изменить поколение новых читателей, но лишь о необходимости стать его «голосом». И тут уже нормативная традиция остается далеко за пределами творческого процесса.

Так социальная филология вобрала в себя множество факторов: генетику, воспитание, окружение, характер, новые формы и законы бытия, соответствие/несоответствие канонам своей эпохи, баланс реальных и метафизических мотивировок. Все это определяет функциональность нового социологизма, трансформирующего процесс творчества и его восприятия. Литературные провокации против филологических институций, сопровождающие битву интеллектов в борьбе за читателей, заметно влияют на «дух эпохи». Библиотека как традиционный «храм книги» ищет и обретает новый формат деятельности чтения «с комфортом».

Общественный резонанс, например, вызвал к жизни показ мод, концерт и фуршет (2018) в Российской государственной библиотеке. Целью такой акции было стремление организаторов «выдернуть обывателя из равномерного, сериального течения его жизни» [5, с.7]. Филология, как известно, играет несомненно исключительную роль в формировании личности, поскольку человек в процессе чтения возвращается к простым, но важным , корневым ценностям. Однако подобные «возвращения» нуждаются в фильтрах-маршрутизаторах, разработкой которых должно заниматься общество, регулирующее величину пространства между остро-сиюминутным и подлинно знаковым. Такая динамическая маршрутизация не всегда согласуется с образовательным стандартом, который является стабильным фактором сохранения гуманитарных ценностей в условиях изменения общественных тем и проблем. Вот почему филологический стандарт в образовании и общественном мнении требует регулярного «перетряхивания» с учетом изменений в социальной топологии.

«Существует два способа популяризации, – отмечает обозреватель газеты

«Культура»,– первый, когда человека призывают дотянуться до высоких идеалов, стать выше себя вчерашнего, самосовершенствоваться через приобщение к великому, второй – когда идеалы низводят до уровня шапито и кабака, потакая низменному» [6, с.7]. Здесь выражен основной конфликт социальной филологии в современном культурном пространстве: ее образовательная миссия с прошлыми классическими истоками и ее переход в культурную индустрию, когда чтение становится формой консьюмеризма, а читатель – потребитель взыскует «приправ»: острых эмоций, набора истин, упакованных в словесные клише, которыми можно воспользоваться в необходимой ситуации, заменив ими собственные мысли. Глубинные процессы воздействия Слова на человека перешли на уровень внешних проявлений начитанности, степень интеллекта и прочих атрибутов «образованности», которые достаточно легко определить с помощью методики филологического профайлинга.

Одновременно с этим знающее бытие отдельных субъектов, превративших чтение в познающую субстанцию, но никак не в форму жизненного наслаждения, не может противостоять усталости Слова, его истощенности и обессиленности. Чаще всего такой синдром словесной анемии относят к пагубному влиянию техники на познавательную деятельность современника, к всепроникающей силе прагматизма, к воздействию логического функционализма, то есть к спрямлению человека, теряющего свои прежние возможности восприятия и отражения действительности.

Между тем, социальная филология свидетельствует об определенной стабильности homo sapiens в его культурно-исторической эволюции, создавшей определенный запас прочности, в частности, за счет чтения и развития института Книги, этого диалектического продукта мирового движения. Книжный импринтинг, воспринимаемый как механизм запечатления литературных образов на бессознательном уровне, означает обретение опыта, качество и значение которого обусловлено высшими достижениями классики. Она, как известно, строится на Образе, соединяющем мысль и чувство, а уменьшение эмоциональных контактов, о чем с беспокойством за судьбы культуры пишет академик В.С.Степин [7, с.25], во многом спровоцировано безобразностью, внушением вместо воздействия, суггестией общих состояний вместо индивидуального сопереживания.

Возвращение в классику порождает творческий «эффект Пигмалиона», то есть убежденность в том, что «все так и было, как написано в книге». Таким образом испытанная технология приводит к тому, что испытанный временем художественный текст становится «молекулой ДНК», определяющей нашу наследственность. Изменить общество по высшим законам красоты и нравственности, сформулированным в русском литературном наследии, – самая важная задача перед современным образованием и культурой, решение которой способно указать путь ищущим.

ЛИТЕРАТУРА

1.Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 616 с.

2. Немцы экранизируют роман Пелевина «Чапаев и пустота» // Вести Ru. 28.03.2011.

3. Фахрутдинова А.З. Наследие постпозитивизм: проблемное поле и потенциал развития // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сб. научных статей / Под общ. ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. – 345 с.

4.Тульчинский Д. Сергей Минаев: Герой нашего времени // Интервью: люди и события. – Режим доступа: interviewmg.ru.

5. Будорагин М. Тишины не должно быть в библиотеке // Культура. – № 31. – 14-20 сентября 2018.

6. Биров Э. Бордель вместо чтения // Культура. – №31. – 14-20 сентября 2018.

7. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. – 542 с.

SOCIAL PHILOLOGY IN THE ASPECT OF RECIPE AND ANALYTICS OF RUSSIAN LITERATURE

V.A. Fortunatova

Social philology is generated by the current state of domestic culture, is interconnected with the method of sociological analysis in relations of attraction and repulsion. It reflects the fragmentation of public perceptions of the meaning of the Word in modern Russia, the multidimensional nature of the perception of classical heritage, new conditions of the artistic process. The study of these aspects greatly enrich the current methodology of analysis of the literary text and its impact on man.

Keywords: analytics, engagement, ideology, intentionality, imprinting, conceptualization, oxymoron, pathos, prescription, subjectivity.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СОКРОВИЩНИЦА ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО МИРА

И.Е. Хантурова

Российская открытая академия транспорта (РУТ МИИТ) г. Москва,
кафедра «Иностранные языки», старший преподаватель
Россия, 125315, г. Москва, ул. Часовая, д. 22/2
Тел.: 89778871448, e-mail: hanturova@bk.ru

Анализируется проблематика русского языка как инструмента духовного развития личности на современном этапе развития общества в контексте с его коммуникативной составляющей.

Ключевые слова: русский язык, речевые коммуникации, духовные ценности, мировой язык.

В современной науке русский язык рассматривается как средство общения, инструмент для выработки, хранения и переработки информации. Среди носителей русского языка четко обозначились функциональные приоритеты, среди которых первое место занимает коммуникативная составляющая. Таким образом, мы имеем две основные цели: коммуникативную и информационную. Они четко прослеживаются на протяжении всего курса изучения дисциплины, практически на всех уровнях лингвистики. Язык в этом случае служит лишь проводником человека в социум. Следовательно, носитель языка, манипулируя словами, употребляя в своей речи синонимичную русской иноязычную лексику, использует ее в качестве способа передачи информации. Напрашивается вывод о том, что среднестатистический россиянин не считает свой язык чем-то стратегически важным, и, соответственно, цель сохранения последнего как национального достояния становится неактуальной. Другими словами, на этапе коммуникации не имеет большого значения, какую лексику использует говорящий русскую, иноязычную, арготизмы, инвективы или жаргон интересен сам процесс общения, от которого и зависит исход речевой ситуации. В современном мире определять роль русского языка единственно как элемента коммуникации было бы, по меньшей мере, ошибочно. Цивилизация вступила в новые фазы развития: экономическую и политическую, обогатив прогрессивное человечество набором терминологически связанных между собой понятий («информационное общество», «информационная война», «глобализм», «языковые манипуляции», «манипуляции на уровне сознания», «нейролингвистика»). В виртуальном пространстве СЛОВО уже не выступает исключительно как форма межличностных контактов на языковом пространстве, как связующее звено для собеседников разного уровня. Это оружие, направленное на защиту национальных интересов. В подобном контексте и стоит рассматривать современный русский литературный язык как стратегически значимую часть в цепочке противоборствующих культур. Не случайно, в последнее время русский язык, как и его хранитель – русский народ, подвергаются все большим нападкам со стороны представителей массовой культуры. Напрашивается вопрос о том, почему язык

народа, принесшего миру истинные духовные ценности и модель нравственности в поведении, стал так цинично изгоняться из языковой среды, получая совершенно неравноценную замену? Например, ставшее популярным интернациональное слово «Okay». Мало кто знает, что русский язык – один из древнейших языков и имеет многовековую историю развития. С точки зрения научной классификации, он относится к индоевропейской языковой семье, славянской ветви. В свою очередь, общеславянская группа языков распределена по этническому принципу: язык восточных славян, язык западных славян и язык южных славян. Восточнославянская языковая структура включает: малорусский (современный украинский), белорусский, великорусский языки. До 15 века восточнославянский язык – это язык Киевской Руси (или древнерусский язык). На этом этапе он обогатился письменностью, распространение которой связано с введением христианства в 988 году князем Владимиром Святославовичем. Официальная версия появления письменности в землях восточных славян имеет отношение к событиям в Восточной Европе, которые предшествовали появлению христианства. В 863 году по приглашению князя Ростислава в Великоморавскую державу из Византии приезжают христианские монахи Кирилл и Мефодий. Целью славянских просветителей стала не только пропаганда православия, но и работа над созданием письменности. Так сложился письменный литературный язык славян в средние века – старославянский, появившийся в результате перевода с греческого языка богослужебных книг на южномакедонский диалект, также древнеболгарский. Продолжением старославянского языка как литературного стал церковнославянский. Можно наблюдать интересную картину: языковое пространство древнерусских племен после Крещения Руси обогатилось еще одним наречием. Эта приятная ситуация коренным образом изменила языковую среду, в которой четко наметилась тенденция двуязычия: с одной стороны, – устная форма (древнерусский язык – коренной этнический), с другой, – письменная форма (старославянский язык, заимствованный в результате христианизации). Двуязычие четко разграничило сферы применения языков. Древнерусский обслуживал бытовую сферу, в то время, как старославянский – церковную. Позднее появилось новообразование – светский старославянский литературный язык, выделившийся из церковнославянского. Сложившаяся система двуязычия существовала до 19 века, пока А.С.Пушкин не соединил две существующие параллельно формы, став основоположником современного русского литературного языка. Таким образом, русский язык – это синтез двух взаимодействующих культур, объединенных на основе единого языкового пространства. Древнерусская языковая культура тесно переплетается со славянскими обычаями, в основе которых лежит поклонение Богу Солнца, слово «славяне» произошло от слова «солнце». Старославянский язык от слова «свет». Анализируя понятия, приходим к выводу, что язык света, язык общения с Богом света, солнца – язык православного христианского религиозного культа. Каждое старославянское слово содержит молитвенный призыв к Силам Разума и Добра. «Благородство», «Святость», «Спасибо», «Благодарю», «Добро».

Формы родительного падежа содержат значение обращения. Например, лексемы «теплоты» и «доброты» можно прочитать: «Тепло - ты, Господь; добро - ты, Господь». Старославянская кириллица не только произвела революцию в русской словесности, но прежде всего в сознании людей. Поверженная Византия, цитадель православного христианства, сохранила духовное наследие Христа в новом преемнике – Московском государстве. С судьбоносного для всех русских людей момента начинается новый этап в истории российского общества: защитника христианских православных традиций. Эту тему хорошо развивает в своих произведениях классик русской литературы Ф.М. Достоевский, называя служение византийскому христианству, высочайшей духовной миссией нашего народа. Идея православия прочно укоренилась не только в сознании русского человека, но и оказала большое влияние на менталитет, который складывался под воздействием христианской морали: не убий, не укради; а впоследствии и полностью заменила языческое мировоззрение. Норма религиозного этикета нашла свое выражение во всех общественных укладах. Суть евангельского учения сводится к пониманию Образа Христа как символа, данного людям для спасения от духовного невежества. Долг каждого христианина стремится быть похожим на своего Учителя. Религиозная трактовка идеи «Образа» нашла свое воплощение в языкознании и получила дальнейшее развитие. Этимология слова «образование» звучит: «Обучение в воспитании Образа Христа», образец – правило, образцовый – правильный и т.д. Православие не только повлияло на общественно-политическую жизнь россиян, но и сформировало духовный потенциал, который нашел свое отражение, в первую очередь в языке, обогатив древнерусскую речь старославянизмами. Основное предназначение русского языка – нести слово Божие людям, вдыхая живительный свет любви, мира и сострадания. Серьезный удар по русскому литературному языку, в части его духовной, старославянской составляющей, был нанесен социалистической революцией в 1917 году. Ликвидация безграмотности, провозглашенная лидерами новой власти, изменила структурный состав языка до неузнаваемости. Разрушение языковой нормы продолжается и на современном этапе. Консервативная нормативная система современного русского литературного языка с трудом справляется со словарной интервенцией иноязычных заимствований, особенно англицизмов. Языковая глобализация активизируется, создавая угрозу нормативной базе национального языка. Мировой язык, агрессивно доминируя в пространстве Интернета, создает реальную опасность для существования не столько самого русского языка, сколько его духовной культурно-этнической ступени. Внедряясь в языковое поле, глобальный язык не исходит из потребности приобщения к новой языковой среде, а вытесняет устоявшиеся морально-этические нравственные категории из языка и сознания народа, делая оригинальную языковую площадку, ареной массового культурно-нравственного разложения. Сохранение самобытной языковой культуры как направляющего вектора русского народа – это единственная возможность остаться на высоком духовном уровне развития!

ЛИТЕРАТУРА

1. Соломатина М.С., Стернин И.А. Русский язык и культура речи: учеб. пособие. – Воронеж: Изд-во Истоки. Гос. ун-та, 2005. – 61 с.

RUSSIAN LANGUAGE AS A TREASURY OF SPIRITUAL VALUES OF RUSSIAN CIVILIZATION

I.E. Khanturova

The article analyzes the problematics of the Russian language as a tool for the spiritual development of a person at the present stage of development of society in the context of its communicative component.

Keywords: Russian language, speech communications, spiritual values, world language.

«ИНЖЕНЕРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ»: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДТЕКСТЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ В. КАВЕРИНА)

О.В. Шиндина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, философский факультет, кафедра философии культуры и культурологи, кандидат филологических наук, доцент

Россия, 410028, г. Саратов, ул. Вольская, д. 10а, корп. 12

Тел.: 89649993329, e-mail: oshindina@yandex.ru

Рассмотрены историко-культурные, политические, литературоведческие контексты, важные для понимания некоторых ключевых образов прозы В. Каверина, которые связаны с его осмыслением роли художника и литературного труда.

Ключевые слова: В. Каверин, проект создания нового человека, утопия, русские формалисты, мастер, художник, инженер, ремесло.

Осмысление природы творчества – одна из ведущих метатем литературы XX века, актуализирующая внимание творца также и на «технологическом» аспекте творчества. Манифестация значимости формальной стороны литературного труда характерна как для поэтик целого ряда отечественных авторов и художественных направлений первой трети прошлого века, так и для теоретического осмысления инструментальной стороны творчества, в первую очередь, для русских формалистов, чьи работы характеризуются принципиальной сосредоточенностью на изучении «искусства как приема» [1]. Рефлексией, направленной на изучение природы литературного труда, отмечено все творчество Вениамина Каверина [2]. Знаменитый тезис об «искусстве как приеме» для Каверина-«западника», единомышленника Л. Лунца, который подчеркивал необходимость для русской прозы создания остросюжетной, фабульной литературы, был интересен возможностью его художественной апробации, обновления романного жанра, использования модернистского дискурса в рамках, казалось бы, сугубо реалистического повествования, обращенного с середины 1920-х годов к теме формирования нового человека. Складывание научных и художественных интересов Каверина, во многом определяемое влиянием личностей Ю. Тынянова, В. Шкловского и связанного с ними круга формалистов, очерчивает контуры специфических свойств каверинской поэтики; так, современники писателя (в первую очередь, В. Шкловский и «серапионы») отмечали качества определенной, бессознательно допускаемой или осознанно акцентируемой «сделанности», «сконструированности» прозы Каверина: «Каверин – тот совсем математик, строит и вычисляет», – пишет Шкловский уже в 1922 году [3, с. 149]. Эти особенности каверинского письма близки опоязовским представлениям о знании специфики писательского труда и осознанной рефлексии на эту тему (В. Шкловский считал, что «каждый порядочный литературовед должен, в случае надобности, уметь написать роман» [4, с. 35]), отраженной как в теоретических работах, так и литературной практике опоязовцев. В этом контексте показа-

тельным выглядит присвоенное Каверину «серапионами» имя Алхимика, от которого он не отказывался на протяжении всей жизни: «я – уткнувшийся в книги, свои и чужие, скучный алхимик, очарованный на всю жизнь русской литературой» [5, с. 225].

В «фаустической» культуре начала XX века важное место отведено антропологии нового человека, эти идеи получают новое актуальное звучание в виде социально-политических проектов создания нового человека после революции 1917 года в ходе социального эксперимента, в литературе и искусстве широко представленных темой демиурга, претендующего на роль бога. Эта тема возникает на пересечении евангельского рождественского мотива, средневекового мотива алхимического сотворения гомункула с включением античного жанр «рассказа о собаках», владеющих речью или превращаемых в человека, и жанра научно-фантастической утопии [6]. Данные жанрово-мотивные формы становятся плодотворным источником художественного оформления и осмысления проблемы формирования нового человека в отечественной литературе 1920-х – 1930-х годов, выбора способов воспитания человека нового типа (часто – с литературных формах утопии), соответствующего социально-политическим притязаниям советского общества. Отметим, что использование художественных приемов, позволяющих осмыслить тему создания нового человека [7], характерно для раннего, «фантастического» периода творчества Каверина, многократно отмечавшего в мемуарно-биографической прозе зависимость своих литературных вкусов от Гофмана и Гоголя. С «фаустическим» мотивом творения искусственного существа в творчестве Каверина тесно сопряжены образы гомункула, голема, статуи, собаки, обезьяны [8, 9]. Роман «Два капитана», будучи многослойным текстом, отражает влияние разнообразных культурных источников, среди которых важное место занимают философские и социальные утопические проекты начала XX века, религиозные идеалы и народные легенды о праведных землях [10]. Тема творчества (и обусловленная ее тема взаимоотношений автора, творца-демиурга и создаваемой ими в художественном тексте действительности, персонажей) становится важной для прозы М. Булгакова, Ю. Олеши, К. Вагинова, С. Кржижановского, определяя сюжетно-композиционные, стилистические, мотивно-образные особенности их произведений.

Тема творчества и мастерства занимает особое место в поэтике В. Каверина, насыщенной метатекстуальным отражением филологических теорий формалистов, которые являлись теоретическим крылом русского авангарда (достаточно вспомнить название сборника рассказов Каверина «Мастера и подмастерья» (1923), генезис которого прозрачно намекает не только на смену и борьбу жанровых систем, но и на историко-литературную проблематику взаимоотношений отцов и детей в литературе, осмысляемую Тыняновым в книге «Архаисты и новаторы» (1929), а Кавериным – в романе 1928 года «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове»). Близостью Каверина формальной школе в значительной степени определяется его внимание к теме литературно-

го мастерства, обусловленное теоретическими взглядами и литературной практикой опоязовцев. Опоязовское и связанное с ним футуристическое понимание научного и художественного творчества основывалось на сциентистской позиции, рационализации творческого процесса, профессионализации литературной деятельности: «В футуристической среде культивировался новый образ поэта-исследователя, естествоиспытателя, техника, мастера» [11, с. 65]. Отметим, что характерное для символистского дискурса слово «творец» в футуристических манифестах и лефовских статьях было вытеснено терминами «мастер» и «исполнитель социального заказа», как, например, в статье В.Маяковского и О.Брика «Наша словесная работа» [12].

Актуализация комплекса мотивов, очерчивающих смысловые контуры тема «мастерства» в творчестве писателей в конце 1920-х годов, совпадала с общелитературной тенденцией: «Как известно, перманентная дискуссия о специфике художественного творчества, психологии художника и «технологии» его труда, шедшая в советской литературе, обрела к концу десятилетия новый ракурс в связи с тезисом о «моцартианской» природе подлинного искусства; пафос выдвинувших его «перевальцев» был направлен против концепции мастерства как унылого «ремесленничества», практически не связанного с индивидуальным мироощущением и приводящего «мастера» к полной беспринципности» [13]. Отметим, что в 1931 году Каверин создает роман «Художник неизвестен», в котором средневековой эстетике и теме мастерства отведено важное место: по сути, филологической рефлексией, направленной на осознание литературного творчества, становятся рассуждения Архимедова, в которых он использует сугубо опоязовский термин «ремесло»; по убеждениию Ю. Тынянова и В. Шкловского, именно ремеслом обязательно должны владеть литераторы и филологи, опираясь в своей профессиональной деятельности на качественное знание художественного и литературоведческого инструментария. Однако для опоязоев было принципиально важным определять свою научную и критическую работу, «ремесло» как «веселое» занятие, это определение входило кружковую семантику Тынянова и его единомышленников, что, безусловно, было хорошо известно Каверину, интертекстуальные стратегии которого позволили наполнить роман отсылками к актуальной современности. В контексте полемических замечаний конца 1920-х годов, высказанных А. Лежневым об увлечении мастерством, которое обрывает «сердечные связи» с «живым человеком», особенно злободневными становятся проводимая главным героем романа идея морали, личной ответственности и честности художника. Позиция героя романа Шпектрова, готового нанять Архимедова «раскрасить наши знамена», совпадает, по сути, с позицией лефовцев, пролеткультовцев, конструктивистов, рассуждавших о социальном заказе, производственном искусстве, «отчетливо функционирующем человеке» как «дисциплинированной машине». Спор Шпектрова и Архимедова (проходящий через все повествование) о месте художника в процессе индустриализации, строительства социализма насыщен интертекстуальными связями с недавними литературными дискуссиями о роли художника как

производителя материальных ценностей, чей труд может быть отчужден от личности (см. название романа, в котором акцентриуется утрата имени художника, его анонимность).

Необходимо подчеркнуть, что последовательный интерес к формальной, «технологической» стороне творческого процесса, характерный для русских формалистов и отечественного авангарда, осуществлялся в то же время, что и появление в литературе, искусстве, социологии труда разного рода утопических проектов создания нового человека. Для литературы первой трети XX века характерно соединение темы масштабных утопических преобразований, осуществляемых в социальной и политической сфере, с осмыслением проекта нового человека в ракурсе в инженерно-технологического, медико-биологического эксперимента по улучшению человеческой природы, позволяющего изменить сами основы человечности. Хотя уже в раннем периоде своего творчества, в первой половине 1920-х годов, в центре внимания Каверина находится демиургическая тема культурно-антропологического проекта создания нового человека и / или существа, оформленная волшебно-магической, алхимической образностью (которая позднее соединяется, в частности, с обезьяньей метафорикой и широко разработанной собачье-волчьей образностью), к концу 1920-х годов она получает художественное воплощение уже не в фантастической, гофмановской эстетике, а все более сложно зашифровывается в реалистическом коде. Так, в первой книге «Двух капитанов» (1927) обретение речи немым мальчиком и созидание его личности Доктором (Павловым) и Учителем (Кораблевым), образы которых восходят к волшебным персонажам-демиургам раннего творчества, описано как становление нового героя советской эпохи. Отметим, что в художественном универсуме романа Каверина «Два капитана» утопия обладает чертами логоцентрической космогонии, поскольку именно преодоление Саней немоты и овладение речью формирует личность главного героя, символизируя, тем самым, могущество овладения исторической истиной, личной и общественной памятью, одновременно показывая политико-идеологическую опасность манипулирования личностью и коллективной памятью [14]. Посредством мотива овладения речью в романе манифестируется идея гуманистического воспитания человека. Подчеркнем, что главный герой романа, несущего в себе жанровую память «романа воспитания» и биографического романа, становится лабораторным материалом для активного воздействия на его развитие и постоянных наблюдений со стороны учителя Кораблева и доктора Ивана Ивановича Павлова, чьи имя и фамилия показательно совпадают с именем и фамилией нейрофизиолога Ивана Петровича Павлова, широко известного своими опытами над собаками и при изучении высшей нервной деятельности уделявшего внимание проблеме возникновения речи. Этим персонажам Каверин отдает функции волшебных помощников и, вместе с тем, демиургов, созидающих личность главного героя. Демиургическая роль доктора подчеркивается многочисленными примерами: «относился ко мне как к своему произведению, – он даже прищуривал один глаз, как будто все-таки не совсем доверял, что я – тот

самый худенький черный мальчик» [15, с. 267] и др. Та же созидательная функция творца прослеживается на примере учителя Кораблева: «Он посмотрел на меня, далее закрыл один глаз, чтобы оценить во всех деталях. Это был хозяйский взгляд – как на своих рук дело. Должно быть, я все-таки понравился» [15, с. 315]. В этом контексте привлекает внимание высказывание Сани о Кораблеве (во второй главе первой книги «Юбилей Кораблева»): «Говорят, что писатели — инженеры человеческих душ. Но вы – тоже инженеры человеческих душ» [16, с. 312], – подчеркивает технологический аспект созидания нового существа, отсылающий к научно-фантастическому жанру; к тому же, высказывание это носило внешне актуальный политический характер, соотносимый в печати с «воспитательной» ролью ОГПУ / НКВД, что при соблюдении Кавериным формальных признаков жанра романа воспитания юношества (соединенного с жанрами исторического детектива, романа с ключом, приключенческого романа-путешествия) актуализировало тему деформации личности во имя целей государства, протест против которой не мог быть высказан прямо после революции и особенно после 1927 года. Показательно, что в тексте романа в восьмитомном издании собрания сочинений В. Каверина (1981) эти слова отсутствуют.

Источники этого прочно вошедшего в историю литературы сталинского изречения («инженеры человеческих душ») были проанализированы О. Роненом [17]. Образ инженера как носителя особого и нового знания, его статус современного жреца, технологическими средствами, граничащими с магической властью над природным и человеческим миром и его преображающими, в отечественной литературе и кинематографе 1920 – 1930-х годов обладает амбивалентными свойствами: помимо олицетворения научного знания, особенно технического, образ инженера (особенно если это «спец» старого образца или иностранец) получает в политическом и социокультурном словаре того времени устойчивую связь с метафизической областью злодейства: после Шахтинского процесса (1928) «обязательным мотивом становится и продажность технической интеллигенции, а значит, ее политическая ненадежность» [18]. О. Ронен, указывая на источники появления сталинской формулировки, в первую очередь приводит цитату из рассказа Ю. Олеши (1928), опубликованного 7 ноября 1919 года на страницах «Известий»: «Если я не могу быть инженером стихий, то я могу быть инженером человеческого материала» [19, с. 394]. Ронен приводит свидетельство К. Зелинского, который законспектировал слова Сталина на встрече писателей с вождем у Максима Горького в октябре 1932 года: «Вы тоже производите товар. Очень нужный нам товар. Интересный товар. Души людей. <...> Это важное производство – души людей» [17, с. 394]. Подобное высказывание не столько подчеркивает значение культа труда, унаследованного от просветительской нравственной философии, сколько обозначает место писательского труда в марксистской политической и экономической теории. Отметим, что сам Горький (который покровительствовал «серапионовым братьям», во многом обязанным своим успешным вхождением в литературу именно ему) в своем докладе на Первом съезде писателей перед сталинским определени-

ем «инженеры душ» поставил свое – «мастера культуры». Выражение прозвучало в статье Максима Горького «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры» (газета «Известия» от 25 июля 1929 г.), в которой синонимом «художника» является «мастер», – задача, вписанная в контекст индустриализации страны. В новом политическом, общественно-идеологическом контексте настойчивое возвращение Горького к дискуссиям конца 1920-х годов, посвященным противопоставлению ремесленника и художника, приобретает статус идеологического высказывания.

Автобиографическая и мемуарная проза Каверина, его эпистолярное наследие свидетельствует о бесспорно значимой роли личности Горького для становления Каверина-писателя и ее влиянии на литературную группу «Серапионовы братья». Актуализация темы мастерства в публичных выступлениях Горького и творчестве Каверина демонстрирует однонаправленность размышлений этих авторов о значении профессионализма для литературного труда в контексте формирования и усиления авторитарного дискурса сталинской эпохи, активно конструирующей отнтологию зла и наделяющей чертами негативной сакрализации и инфернальности не только сферу знания, восходящего к дореволюционной культуре, к классикам, но и саму идею преемственности мастерства, накопленного литературой и культурой прежней России. Тема мастерства (с заложенной в слове «мастер» семантической парадигмой, накопленной европейской и собственно русской историей, – ремесленник, мастеровой, профессионал, умелец, художник, наставник, учитель, творец, лидер, владыка, господин) позволяет Горькому настаивать на важной для него идее преемственности советской литературы с русскими классиками; для Каверина же она становится художественным способом решения философско-антропологической проблемы гуманизма, манифестацией его понимания проекта нового человека, ищущего истины и сохраняющего человечность. В романе «Художник неизвестен» (1931) обсуждение злободневных темы «отставания морали от техники» и личного достоинства и честности художника (в лице Архимедова провозглашается средневековая этика труда с ее ценностным значением мастерства) перенесены волей автора в исторически далекий и потому относительно безопасный средневековый период. В романе «Два капитана» гуманистический пафос Каверина выражен поисками такого «алхимического рецепта» нового человека, которые сохраняют квинтэссенцию его человечности и обеспечены личностным воздействием (персонажи Кораблев и Павлов), олицетворяющим гуманистическую традицию воспитания культурой; традицию, которая коренным образом отличается от идеологического манипулирования массой, от селекционно-репрессивных, медико-биологических, инженерно-технологических методов воздействия на личность и толпу, от унификации личности как «дисциплинированной машины» – от тех агрессивных способов «улучшения», преобразования, трансформации человеческой природы, которые разрушительно воздействуют на сущность человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкловский В.Б. Искусство как прием // Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914 – 1933). – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.

2. Шиндина О.В. Отражение эпистолярного жанра в структуре художественного текста (на примере творчества Вениамина Каверина) // XX век в зеркалах эпистолярия, дневников, мемуаров (Фединские чтения. Выпуск 6): Материалы Всероссийской научной конференции. – Саратов: ИЦ «Наука», 2015. – С. 72-77.

3. Шкловский В.Б. Письмо о России и в Россию // Гамбургский счет.: Статьи – воспоминания – эссе (1914 – 1933). – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.

4. Гинзбург Л. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство, 2002. – 768 с.

5. Каверин В.А. Литератор: Дневники и письма. – М.: Советский писатель, 1988. – 304 с.

6. Жолковский А.К. Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. – М.: Советский писатель, 1992. – 432 с.

7. Шиндина О.В. Утопические мотивы в советской литературе 1920-х годов (проза В.Каверина) // Город: рискогенное пространство: сборник научных статей. – Саратов: Саратовский источник, 2012. – С. 113-119.

8. Шиндина О.В. От оживающей статуи к неживому гомункулу: алхимический компонент в творчестве Каверина // В.Я.Брюсов и русский модернизм: сборник статей. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – С. 240-250.

9. Шиндина О.В. Утопический проект нового человека: культурно-антропологический и пространственный аспекты (на примере прозы В. Каверина) / Человек. Культура. Образование. – 2018. – № 1 (27). – С. 95-111.

10. Шиндина О.В. Отражение идей «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова в структуре художественного текста (на примере прозы В. Каверина) // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2015. – Выпуск 4. – Т. 15. – С. 60-64.

11. Иванюшина И.Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 310 с.

12. Брик О.М., Маяковский В.В. Наша словесная работа. Леф., 1923. – №1. – С. 40-41.

13. Яблоков Е. Homo Creator – Homo Faber – Homo Spectator (Тема «мастерства» у А.Платонова и М.Булгакова) // Russian Literature. – 1999. – Vol. XLVI. – № 2. – P. 185-206.

14. Шиндина О.В. Советская литература 1920-х годов в поисках нового человека (на примере мотива обретения речи в романе В.Каверина «Два капитана») // Общество и политика в исторической перспективе: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. – Саратов, 2010. – С. 174-183.

15. Каверин В. Два капитана // Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1980-1983. Т. 3. – 638 с.

16. Каверин В. Два капитана. М.: Правда, 1973. – 624 с.

17. Ронен О. «Инженеры человеческих душ»: к истории изречения // Лотмановский сборник. Т. 2 / Сост. Е.В. Пермяков. – М.: Изд-во РГГУ, изд-во «ИЦ-Гарант», 1997. – 864 с.

18. Орлова Г. Рождение вредителя: отрицательная политическая сакрализация в Стране Советов (1920-е). – Режим доступа: https://urokiistorii.ru/article/1146.

19. Олеша Ю. Человеческий материал. – Режим доступа: http://e-libra.su/read/120599-chelovecheskiy-material.html.

«ENGINEERS OF PEOPLES' SOULS»: CULTUROGICAL SUBTEXTS AND IDEOLOGICAL CONTEXT (THE EXAMPLE OF THE PROSE OF V. KAVERIN)

O.V. Shindina

The article shows historic, cultural, political, literatural contexts, important for the understanding of some special images of V. Kaverin's prose, which are connected with his thinking about the role of artist and literary work.

Keywords: V. Kaverin, the project of forming a new man, utopia, Russian formalists, master, artist, engineer, handicraft.

Научное издание
Русский мир: динамика научного познания
Сборник статей участников
Международной научно-практической конференции
23-25 октября 2019 г.

Ответственный редактор *С.В. Напалков*
Научный редактор *Е.В. Валеева*
Технический редактор *С.П. Никонов*
Художественный редактор *С.В. Напалков*
Верстка и вывод оригинал-макета *С.В. Напалков*
Дизайн обложки *Д.С. Парадеев*

Подписано в печать 21.10.2019
Формат 60x84/16. Усл. печ. листов 28,6. Тираж 300 экз. Заказ № 775

Издательство Арзамасского филиала ННГУ
607220, Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К.Маркса, д. 36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37

ISBN 978-5-6042376-2-5
9 785604 237625

Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26-28 октября 2016 г.) / науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2016. – 461 с.
ISBN 978-5-9908763-2-3
https://elibrary.ru/item.asp?id=28081051

Глобализация и русский мир: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (26-28 октября 2016 г.) / науч. ред. Е.В. Валеева, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2016. – 237 с.
ISBN 978-5-9908763-3-0
https://elibrary.ru/item.asp?id=28972671

Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25-27 октября 2017 г.) / науч. ред. Е.В. Валеева, С.В. Напалков, отв. ред. С.В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2017. – 394 с.
ISBN 978-5-6040145-1-6
https://elibrary.ru/item.asp?id=32262917